

Иван Алексеевич Бунин

Том 2. Произведения 1887-1909

(Собрание сочинений в шести томах #2)

Имя Ивана Бунина (1870–1953) — одного из проникновенных, трагических классиков русской литературы, почетного академика изящной словесности, лауреата Нобелевской премии (1933) — известно во всем мире.

Во второй том Собрания сочинений вошли рассказы И. А. Бунина 1887–1909 годов («Перевал», «Танька», «Святые Горы». «Антоновские яблоки», «Сны» и др.).

<http://ruslit.traumlibrary.net>

Содержание

Произведения 1887-1909	0007
Перевал *	0007
Танька *	0013
Кастрюк *	0031
На чужой стороне *	0050
На хуторе *	0060
Вести с родины *	0070
На край света *	0086
Святые Горы *	0097
Учитель *	0109
В поле *	0177
На даче *	0206
Велга *	0279
Без роду-племени *	0296
Антоновские яблоки *	0323
Поздней ночью *	0352
Эпитафия *	0356
Над городом *	0365
Мелитон *	0374
Сосны *	0385
Новая дорога *	0405
Туман *	0421
Тишина *	0431
Костер *	0440
В августе *	0444

Осенью *	0450
Новый год *	0460
Заря всю ночь *	0472
«Надежда» *	0483
Сны *	0489
Золотое дно *	0501
Далекое *	0514
Цифры *	0525
У истока дней *	0542
Белая лошадь *	0564
Маленький роман *	0598
Птицы небесные *	0615
Подторжье *	0627
Произведения, не включавшиеся в собрания сочинений	0635
<Песня жаворонка> *	0635
День за день *	0640
Первая любовь (из воспоминаний детства) *	0650
«Шаман» и Мотька *	0671
Федосевна *	0693
Мелкопоместные *	0703
Помещик Воргольский *	0768
По Днепру *	0801
В деревне *	0809
Кукушка *	0822
«Казацким ходом» *	0855
Мелкие рассказы *	0878

В Альпах *	0890
Десятого сентября *	0895
Ночлег *	0899
С высоты *	0905
Из ранних редакций	0910
Святые горы	0910
Белая лошадь	0915
Маленький роман	0937
Птицы небесные	0942
Проза Бунина 1887–1909 годов	0946
Комментарии	0975
Выходные данные	1073

Иван Алексеевич Бунин
Собрание сочинений в шести
томах
Том 2. Произведения 1887-
1909

Произведения 1887-1909

Перевал*

Ночь давно, а я все еще бреду по горам к перевалу, бреду под ветром, среди холодного тумана, и безнадежно, но покорно идет за мной в поводу мокрая, усталая лошадь, звякая пустыми стремянами.

В сумерки, отдыхая у подножия сосновых лесов, за которыми начинается этот голый, пустынный подъем, я смотрел в необъятную глубину подо мною с тем особым чувством гордости и силы, с которым всегда смотришь с большой высоты. Еще можно было различить огоньки в темнеющей долине далеко внизу, на побережье тесного залива, который, уходя к востоку, все расширялся и, поднимаясь туманно-голубой стеной, обнимал полнеба. Но в горах уже наступала ночь. Темнело быстро, я шел, приближался к лесам — и горы выросли все мрачней и величавее, а в пролеты между их отрогами с бурной стремительностью валился косыми, длинными обла-

ками густой туман, гонимый бурей сверху. Он срывался с плоскогорья, которое окутывал гигантской рыхлой грядой, и своим падением как бы увеличивал хмурую глубину пропастей между горами. Он уже задымил лес, надвигаясь на меня вместе с глухим, глубоким и нелюдимым гулом сосен. Повеяло зимней свежестью, понесло снегом и ветром... Наступила ночь, и я долго шел под темными, гудящими в тумане сводами горного бора, склонив голову от ветра.

«Скоро перевал, — говорил я себе. — Скоро я буду в затишье, за горами, в светлом, людном доме...»

Но проходит полчаса, час... Каждую минуту мне кажется, что перевал в двух шагах от меня, а голый и каменистый подъем не кончается. Уже давно остались внизу сосновые леса, давно прошли низкорослые, искривленные кустарники, и я начинаю уставать и дрогнуть. Мне вспоминается несколько могил среди сосен недалеко от перевала, где похоронены какие-то дровосеки, сброшенные с гор зимней бурей. Я чувствую, на какой дикой и безлюдной высоте я нахожусь, чувствую, что

вокруг меня только туман, обрывы, и думаю: как пройду я мимо одиноких камней-памятников, когда они, как человеческие фигуры, зачернеют среди тумана? хватит ли у меня сил спуститься с гор, когда я уже и теперь теряю представление о времени и месте?

Впереди что-то смутно чернеет среди бегущего тумана... какие-то темные холмы, похожие на спящих медведей. Я пробираюсь по ним, с одного камня на другой, лошадь, срываясь и лязгая подковами по мокрым голышам, с трудом влезает за мною, — и вдруг я замечаю, что дорога снова начинает медленно подниматься в гору! Тогда я останавливаюсь, и меня охватывает отчаяние. Я весь дрожу от напряжения и усталости, одежда моя вся промокла от снега, а ветер так и пронизывает ее насквозь. Не крикнуть ли? Но теперь даже чабаны забились в свои гомеровские хижины вместе с козами и овцами — кто услышит меня? И я с ужасом озираюсь:

— Боже мой! Неужели я заблудился?

Поздно. Бор глухо и сонно гудит в отдалении. Ночь становится все таинственнее, и я чувствую это, хотя не знаю ни времени, ни

места. Теперь погас последний огонек в глубоких долинах, и седой туман воцаряется над ними, зная, что пришел его час, долгий час, когда кажется, что все вымерло на земле и уже никогда не настанет утро, а будут только возрастать туманы, окутывая величавые в своей полночной страже горы, будут глухо гудеть леса по горам и все гуще лететь снег на пустынном перевале.

Закрываясь от ветра, я поворачиваюсь к лошади. Единственное живое существо, оставшееся со мною! Но лошадь не смотрит на меня. Мокрая, озябшая, сторбившись под высоким седлом, которое неуклюже торчит на ее спине, она стоит, покорно опустив голову с прижатыми ушами. И я злобно дергаю повод, и снова подставляю лицо мокрому снегу и ветру, и снова упорно иду навстречу им. Когда я пытаюсь разглядеть то, что окружает меня, я вижу только седую бегущую мглу, которая слепит снегом. Когда я вслушиваюсь, я различаю только свист ветра в уши и однообразное позвякивание за спиной: это стучат стремяна, сталкиваясь друг с другом...

Но странно — мое отчаяние начинается

укреплять меня! Я начинаю шагать смелее, и злобный укор кому-то за все, что я выношу, радует меня. Он уже переходит в ту мрачную и стойкую покорность всему, что надо вынести, при которой сладостна безнадежность...

Вот наконец и перевал. Но мне уже все равно. Я иду по ровной и плоской степи, ветер несет туман длинными космами и валит меня с ног, но я не обращаю на него внимания. Уже по одному свисту ветра и по туману чувствуется, как глубоко овладела поздняя ночь горами, — уже давным-давно спят в долинах, в своих маленьких хижинах маленькие люди; но я не тороплюсь, я иду, стиснув зубы, и бормочу, обращаясь к лошади:

— Иди, иди. Будем брести, пока не свалимся. Сколько уже было в моей жизни этих трудных и одиноких перевалов! Как ночь, надвигались на меня горести, страдания, болезни, измены любимых и горькие обиды дружбы — и наступил час разлуки со всем, с чем сроднился. И, скрепивши сердце, опять брал я в руки свой страннический посох. А подъемы к новому счастью были высоки и трудны, ночь, туман и буря встречали меня на высоте, жут-

кое одиночество охватывало на перевалах...
Но — идем, идем!

Спотыкаясь, я бреду как во сне. До утра далеко. Целую ночь придется спускаться к долинам и только на заре удастся, может быть, уснуть где-нибудь мертвым сном, — сжаться и чувствовать только одно — сладость тепла после холода.

День опять обрадует меня людьми и солнцем и опять надолго обманет меня... Где-то упаду я и уже навсегда останусь среди ночи и вьюги на голых и от века пустынных горах?

1892–1898

Танька*

Таньке стало холодно, и она проснулась.

Высвободив руку из попонки, в которую она неловко закуталась ночью, Танька вытянулась, глубоко вздохнула и опять сжалась. Но все-таки было холодно. Она подкатилась под самую «голову» печи и прижала к ней Ваську. Тот открыл глаза и взглянул так светло, как смотрят со сна только здоровые дети. Потом повернулся на бок и затих. Танька тоже стала задремывать. Но в избе стукнула дверь: мать, шурша, протаскивала из сенец охапку соломы

— Холодно, тетка? — спросил странник, лежа на конике.

— Нет, — ответила Марья, — туман. А собаки валяются, — беспременно к метели.

Она искала спичек и гремела ухватами. Странник спустил ноги с коника, зевал и обувался. В окна брезжил синеватый холодный свет утра, под лавкой шипел и крякал проснувшийся хромой селезень. Теленок поднялся на слабые растопыренные ножки, судорожно вытянул хвост и так глупо и отрыви-

сто мякнул, что странник засмеялся и сказал:

— Сиротка! Корову-то прогусарили?

— Продали.

— И лошади нету?

— Продали.

Танька раскрыла глаза.

Продажа лошади особенно врезалась ей в память «Когда еще картохи копали», в сухой, ветреный день, мать на поле полудновала, плакала и говорила, что ей «кусочек в горло не идет», и Танька все смотрела на ее горло, не понимая, о чем толк.

Потом в большой крепкой телеге с высоким передком приезжали «анчихристы» Оба они были похожи друг на дружку — черны, засалены, подпоясаны по кострецам. За ними пришел еще один, еще чернее, с палкой в руке, что-то громко кричал я, немного погодя, вывел со двора лошадь и побежал с нею по выгону, за ним бежал отец, и Танька думала, что он погнался отнимать лошадь, догнал и опять увел ее во двор. Мать стояла на пороге избы и голосила. Глядя на нее, заревел во все горло и Васька. Потом «черный» опять вывел со двора лошадь, привязал ее к телеге и ры-

сюю поехал под гору... И отец уже не погнался...

«Анчихристы», лошадаики-мещане, были, и правда, свирепы на вид, особенно последний — Талдыкин. Он пришел позднее, а до него два первые только цену сбивали. Они наперебой пытали лошадаь, драли ей морду, били палками.

— Ну, — кричал один, — смотри сюда, получай с богом денъги!

— Не мои они, побереги, полцены брать не приходится, — уклончиво отвечал Корней.

— Да какаья же это полцена, ежели, к примеру, кобыленке боле годов, чем нам с тобой? Молись богу!

— Что зря толковать, — рассеянно возражал Корней.

Тут-то и пришел Талдыкин, здоровый, толстый мещанин с физиономией мопса: блестящие, злые черные глаза, форма носа, скулы, — все напоминало в нем эту собадаью породу.

— Что за шум, а драки нету? — сказал он, входя и улыбаясь, если только можно назвать улыбкой раздувание ноздрей.

Он подошел к лошадаи, остановился и дол-

го равнодушно молчал, глядя на нее. Потом повернулся, небрежно сказал товарищам: «Поскореича, ехать время, я на выгоне дождю», — и пошел к воротам.

Корней нерешительно окликнул:

— Что же не глянул лошадь-то!

Талдыкин остановился.

— Долгого взгляда не стоит, — сказал он.

— Да ты поди, побалакаем...

Талдыкин подошел и сделал ленивые глаза.

— Ну?

Он внезапно ударил лошадь под брюхо, дернул ее за хвост, пощупал под лопатками, понюхал руку и отошел.

— Плоха? — стараясь шутить, спросил Корней.

Талдыкин хмыкнул:

— Долголетня?

— Лошадь не старая.

— Тэк. Значит, первая голова на плечах?

Корней смутился.

Талдыкин быстро всунул кулак в угол губ лошади, взглянул как бы мельком ей в зубы и, обтирая руку о полу, насмешливо и скоро-

говоркой спросил:

— Так не стара? Твой дед не ездил венчаться на ней?.. Ну, да нам сойдет, получай одиннадцать желтеньких.

И, не дожидаясь ответа Корнея, достал деньги и взял лошадь за оброть.

— Молись богу да полбутылочки ставь.

— Что ты, что ты? — обиделся Корней — Ты без креста, дядя!

— Что? — воскликнул Талдыкин грозно, — обабурился? Денег не желаешь? Бери, пока дурак попадается, бери, говорят тебе!

— Да какие же это деньги?

— Такие, каких у тебя нету.

— Нет, уж лучше не надо.

— Ну, через некоторое число за семь отдашь, с удовольствием отдашь, — верь совети.

Корней отошел, взял топор и с деловым видом стал тесать подушку под телегу.

Потом пробовали лошадь на выгоне... И как ни хитрил Корней, как ни сдерживался, не отвоевал-таки!

Когда же пришел октябрь и в посиневшем от холода воздухе замелькали, повалили бе-

лые хлопья, заноса выгон, лазины и завалинку избы, Таньке каждый день пришлось удивляться на мать.

Бывало, с началом зимы для всех ребяташек начинались истинные мучения, проистекавшие, с одной стороны, от желания удрать из избы, пробежать по пояс в снегу через луги, катаясь на ногах по первому синему льду пруда, бить по нем палками и слушать, как он гулькает, а с другой стороны — от грозных окриков матери.

— Ты куда? Чичер, холод — а она, накося! С мальчишками на пруд! Сейчас лезь на печь, а то смотри у меня, демоненок!

Бывало, с грустью приходилось довольствоваться тем, что на печь протягивалась чашка с дымящимися рассыпчатыми картошками и ломоть пахнущего клетью, круто посоленного хлеба. Теперь же мать совсем не давала по утрам ни хлеба, ни картошек, на просьбы об этом отвечала:

— Иди, я тебя одену, ступай на пруд, деточка!

Прошлую зиму Танька и даже Васька ложились спать поздно и могли спокойно на-

слаждаться сиденьем на «группке» печки хоть до полуночи. В избе стоял распаренный, густой воздух; на столе горела лампочка без стекла, и копоть темным, дрожащим фитилем достигала до самого потолка. Около стола сидел отец и шил полушубки; мать чинила рубахи или вязала варежки; наклоненное лицо ее было в это время кротко и ласково тихим голосом пела она «старинные» песни, которые слыхала еще в девичестве, и Таньке часто хотелось от них плакать. В темной избе, завейной снежными вьюгами, вспоминалась Марье ее молодость, вспоминались жаркие сенокосы и вечерние зори, когда шла она в девичьей толпе полевой дорогой с звонкими песнями, а за ржами опускалось солнце и золотую пылью сыпался сквозь колосья его догорающий отблеск. Песней говорила она дочери, что и у нее будут такие же зори, будет все, что проходит так скоро и надолго, надолго сменяется деревенским горем и заботою.

Когда же мать собирала ужинать, Танька в одной длинной рубашонке съерзывала с печи и, часто перебирая босыми ножками, бежала на коник, к столу. Тут она, как зверок, сяди-

лась на корточки и быстро ловила в густой похлебке сальце и закусывала огурцами и картошками. Толстый Васька ел медленно и таращил глаза, стараясь всунуть в рот большую ложку... После ужина она с тугим животом так же быстро перебежала на печь, дра-лась из-за места с Васькой и, когда в темные оконца смотрела одна морозная ночная муть, засыпала сладким сном под молитвенный шепот матери: «Угодники божий, святителю Микола милосливый, столп-охранение лю-дей, матушка пресвятая Пятница — молите бога за нас! Хрест в головах, хрест у ногах, хрест от лукавого»...

Теперь мать рано укладывала спать, гово-рила, что ужинать нечего, и грозила «глаза выколоть», «слепым в сумку отдать», если она, Танька, спать не будет. Танька часто ре-вела и просила «хоть капустаки», а спокойный, насмешливый Васька лежал, драл ноги вверх и ругал мать:

— Вот домовой-то, — говорил он серьез-но, — все спи да спи! Дай бати дождать!

Батя ушел еще с Казанской, был дома толь-ко раз, говорил, что везде «беда», — полушуб-

ков не шьют, больше помирают, — и он только чинит кое-где у богатых мужиков. Правда, в тот раз ели селедки, и даже «вот такой-то кусок» соленого судака батя принес в тряпочке. «На кстинах, говорит, был третьего дня, так вам, ребята, спрятал...» Но когда батя ушел, совсем почти есть перестали...

Странник обулся, умылся, помолился богу; широкая его спина в засаленном кафтане, похожем на подрясник, сгибалась только в пояснице, крестился он широко. Потом расчесал бородку-клинушек и выпил из бутылочки, которую достал из своего походного ранца. Вместо закуски закурил сигарку. Умытое лицо его было широко, желто и плотно, нос вздернут, глаза глядели остро и удивленно.

— Что ж, тетка, — сказал он, — даром солому-то жжешь, варева не ставишь?

— Что варить-то? — спросила Марья отрывисто.

— Как что? Ай нечего?

— Вот домовой-то... — пробормотал Васька. Марья заглянула на печку:

— Ай проснулся?

Васька сопел спокойно и ровно.

Танька прижукнулась.

— Спят, — сказала Марья, села и опустила голову.

Странник исподлобья долго глядел на нее и сказал:

— Горевать, тетка, нечего.

Марья молчала.

— Нечего, — повторил странник. — Бог даст день, бог даст пищу. У меня, брат, ни крова, ни дома, пробираюсь бережками и лужками, рубежами и межами да по задворкам — и ничего себе... Эх, не ночевывала ты на снежку под ракитовым кустом — вот что!

— Не ночевывал и ты, — вдруг резко ответила Марья, и глаза ее заблестели, — с ребятишками с голодными, не слыхал, как голосят они во сне с голоду! Вот, что я им суну сейчас, как встанут? Все дворы еще до рассвету обегала — Христом богом просила, одну краюшечку добыла... и то, спасибо. Козел дал... у самого, говорит, оборочки на лапти не осталось... А ведь ребят-то жалко — в отделку сморились...

Голос Марьи зазвенел.

— Я вон, — продолжала она, все более вол-

нуясь, — гоню их каждый день на пруд... «Дай капуста, дай картошечек...» А что я дам? Ну, и гоню: «Иди, мол, поиграй, деточка, побегай по ледочку...»

Марья всхлипнула, но сейчас же дернула по глазам рукавом, поддала ногой котенка («У, погибели на тебя нету!..») и стала усиленно сгребать на полу солому.

Танька замерла. Сердце у нее стучало. Ей хотелось заплакать на всю избу, побежать к матери, прижаться к ней... Но вдруг она придумала другое. Тихонько поползла она в угол печки, торопливо, оглядываясь, обулась, закутала голову платком, съерзнула с печки и шмыгнула в дверь.

«Я сама уйду на пруд, не буду просить картох, вот она и не будет голосить, — думала она, спешно перелезая через сугроб и скатываясь в луг, — Аж к вечеру приду...»

По дороге из города ровно скользили, плавно раскатываясь вправо и влево, легкие «козырьки», меринок шел в них ленивой рысцою. Около саней легонько бежал молодой мужик в новом полушубке и одеревеневших

от снегу нагольных сапогах, господский работник. Дорога была раскатистая, и ему поминутно приходилось, завидев опасное место, соскакивать с передка, бежать некоторое время и затем успеть задержать собой на раскате сани и снова вскочить бочком на облучок.

В санях сидел седой старик, с зависшими бровями, барин Павел Антоныч. Уже часа четыре смотрел он в теплый, мутный воздух зимнего дня и на придорожные вешки в инее.

Давно ездил он по этой дороге... После Крымской кампании, проиграв в карты почти все состояние, Павел Антоныч навсегда поселился в деревне и стал самым усердным хозяином. Но и в деревне ему не посчастливилось... Умерла жена... Потом пришлось отпустить крепостных... Потом проводить в Сибирь сына-студента... И Павел Антоныч стал совсем затворником. Он втянулся в одиночество, в свое скупое хозяйство, и говорили, что во всей округе нет человека более жадного и угрюмого. А сегодня он был особенно угрюм.

Морозило, и за снежными полями, на западе, тускло просвечивая сквозь тучи, желтела заря.

— Погоняй, потрогивай, Егор, — сказал Павел Антоныч отрывисто.

Егор задергал вожжами.

Он потерял кнут и искоса оглядывался.

Чувствуя себя неловко, он сказал:

— Что-й-то бог даст нам на весну в саду: прививочки, кажись, все целы, ни одного, почитай, морозом не тронуло.

— Тронуло, да не морозом, — отрывисто сказал Павел Антоныч и шевельнул бровями.

— А как же?

— Объедены.

— Зайцы-то? Правда, провалиться им, объели кое-где.

— Не зайцы объели.

Егор робко оглянулся.

— А кто ж?

— Я объел.

Егор поглядел на барина в недоумении.

— Я объел, — повторил Павел Антоныч, — Кабы я тебе, дураку, приказал их как следует закутать и замазать, так были бы целы... Значит, я объел.

Егор растянул губы в неловкую улыбку.

— Чего оскаляешься-то? Погоняй!

Егор, роясь в передке, в соломе, пробормотал:

— Кнут-то, кажись, соскочил, а кнутовище...

— А кнутовище? — строго и быстро спросил Павел Антоныч.

— Переломился...

И Егор, весь красный, достал надвое переломленное кнутовище. Павел Антоныч взял две палочки, посмотрел и сунул их Егору.

— На тебе два, дай мне один. А кнут — он, брат, ременный — вернись, найди.

— Да он, может... около городу.

— Тем лучше. В городе купишь... Ступай. Придешь пешком. Один доеду.

Егор хорошо знал Павла Антоныча. Он слез с передка и пошел назад по дороге.

А Танька благодаря этому ночевала в господском доме. Да, в кабинете Павла Антоныча был придвинут к лежанке стол, и на нем тихо звенел самовар. На лежанке сидела Танька, около нее Павел Антоныч. Оба пили чай с молоком.

Танька запотела, глазки у нее блестели яс-

ными звездочками, шелковистые беленькие ее волосики были причесаны на косой ряд, и она походила на мальчика. Сидя прямо, она пила чай отрывистыми глотками и сильно дула в блюдечко. Павел Антоныч ел крендели, и Танька тайком наблюдала, как у него двигаются низкие серые брови, шевелятся пожелтевшие от табаку усы и смешно, до самого виска ходят челюсти.

Будь с Павлом Антонычем работник, этого бы не случилось. Но Павел Антоныч ехал по деревне один. На горе катались мальчишки. Танька стояла в сторонке и, засунув в рот посиневшую руку, грела ее. Павел Антоныч остановился.

— Ты чья? — спросил он.

— Корнеева, — ответила Танька, повернулась и бросилась бежать.

— Постой, постой, — закричал Павел Антоныч, — я отца видел, гостинчика привез от него.

Танька остановилась.

Ласковой улыбкой и обещанием «прокатить» Павел Антоныч заманил ее в сани и повез. Дорогой Танька совсем было ушла. Она

сидела у Павла Антоныча на коленях. Левой рукой он захватил ее вместе с шубой. Танька сидела не двигаясь. Но у ворот усадьбы вдруг ерзнула из шубы, даже заголилась вся, и ноги ее повисли за санями. Павел Антоныч успел подхватить ее под мышки и опять начал уговаривать. Все теплей становилось в его старческом сердце, когда он кутал в мех оборванного, голодного и иззябшего ребенка. Бог знает что он думал, но брови его шевелились все живее.

В доме он водил Таньку по всем комнатам, заставлял для нее играть часы... Слушая их, Танька хохотала, а потом настораживалась и глядела удивленно: откуда эти тихие перезвоны и рулады идут? Потом Павел Антоныч накормил ее черносливом — Танька сперва не брала, — «он чернищий, нукошь умрешь», — дал ей несколько кусков сахара. Танька спрята- тала и думала:

«Ваське не дам, а как мать заголосит, ей дам».

Павел Антоныч причесал ее, подпоясал голубеньким пояском. Танька тихо улыбалась, втащила поясок под самые мышки и находи-

ла это очень красивым. На расспросы она отвечала иногда очень поспешно, иногда молчала и мотала головой.

В кабинете было тепло. В дальних темных комнатах четко стучал маятник... Танька прислушивалась, но уже не могла одолеть себя. В голове у нее роились сотни смутных мыслей, но они уже облекались сонным туманом.

Вдруг на стене слабо дрогнула струна на гитаре и пошел тихий звук. Танька засмеялась.

— Опять? — сказала она, поднимая брови, соединяя часы и гитару в одно.

Улыбка осветила суровое лицо Павла Антоныча, и давно уже не озарялось оно такою добротою, такою старчески-детскою радостью.

— Погоди, — шепнул он, снимая со стены гитару. Сперва он сыграл «Качугу», потом «Марш на бегство Наполеона» и перешел на «Зореньку»:

*Заря ль моя, зоренька.
Заря ль моя ясная!*

Он глядел на задремывающую Таньку, и ему стало казаться, что это она, уже молодой деревенской красавицей, поет вместе с ним песни:

*По заре-зарю
Играть хочется!*

Деревенской красавицей! А что ждет ее? Что выйдет из ребенка, повстречавшегося лицом к лицу с голодной смертью?

Павел Антоныч нахмурил брови, крепко захватив струны...

Вот теперь его племянницы во Флоренции... Танька и Флоренция!..

Он встал, тихонько поцеловал Таньку в голову, пахнущую курной избой.

И пошел по комнате, шевеля бровями.

Он вспомнил соседние деревушки, вспомнил их обитателей. Сколько их, таких деревушек, — и везде они томятся от голода!

Павел Антоныч все быстрее ходил по кабинету, мягко ступая валенками, и часто останавливался перед портретом сына...

А Таньке снился сад, по которому она вечером ехала к дому. Сани тихо бежали в чащах,

опушенных, как белым мехом, инеем. Сквозь них роились, трепетали и потухали огоньки, голубые, зеленые — звезды... Кругом стояли как будто белые хоромы, иней сыпался на лицо и щекотал щеки, как холодный пушок... Снился ей Васька, часовые рулады, слышалось, как мать не то плачет, не то поет в темной дымной избе старинные песни...

1892

Кастрюк*

I

Внезапно выскочив из-за крайней избы, с полевой дороги, во всю прыть маленьких лошадок летели по деревенской улице барчуки из Залесного. Подпрыгивая и хватаясь за холки, они гнались вперегонки, и ветер пузырями надувал на их спинах ситцевые рубашки. Теленок шархнулся от них в сенцы, куры и впереди них петух, приседая к земле, неслись куда глаза глядят. Но отчаяннее всех улепетывала по деревенской улице маленькая белоголовая девочка в одной рубашонке. Обезумев от страха, она вскочила на огороды, несколько раз с размаху упала по дороге и

вдруг увидела в воротах риги дедушку. С звонким криком бросилась она в его колени.

— Что ты, что ты, дурочка? — закричал и дед, ловя ее за рубашку.

— Барчуки... на жеребцах! — захлебываясь от слез, едва могла выговорить внучка.

Дед усадил ее на колени, начал уговаривать.

Внучка скоро затихла и, изредка всхлипывая, обиженным, вздрагивающим голосом начала рассказывать, как было дело.

Поглаживая ее по голове, дед задумчиво улыбался. В риге было прохладно и уютно. В мягкую темноту ее из глубины ясного весеннего неба влетали ласточки исчиликаньем садились на переметы, на сани, сложенные в угол риги. Все было ясно и мирно кругом — и на деревне и в далеких зазеленевших полях. Утреннее солнце мягко пригрело землю, и повесенному дрожал вдали тонкий пар над ней. Там, в полях, подымалась пашня, блестящие черные грачи перелетали около сох. Здесь, на деревне, в холодке от изб, только девочки тоненькими голосками напевали песни, сидя на траве за коклюшками. Кроме ребятишек и

стариков, все были в поле — даже все Орелки, Буянки и Шарики.

Дед сегодня первый раз за всю жизнь остался дома на стариковском положении. Старуха померла мясоедом. Сам он пролежал всю раннюю весну и не видал, как деревня уехала на первые полевые работы. К концу Фоминой он стал выходить, но еще и теперь не поправился как следует. И вот всеми обстоятельствами деревенской жизни вынужден он проводить самое дорогое для работы утро дома.

— Ну, Кастрюк (деда все так звали на деревне, потому что выпивши, он любил петь про Кастрюка старинные веселые прибаутки), ну, Кастрюк, — говорил ему на заре сын, выравнивая гужи на сохе, между тем как его баба зашпиливала веретье на возу с картошками, — не тужи тут, поглядывай обапол дому да за Дашкой-то... Кабы ее телушка не забрухала...

Дед, без шапки, засунув руки в рукава полушубка, стоял около него.

— Кому Кастрюк — тебе дяденька, — говорил он с рассеянной улыбкой.

Сын, не слушая, затягивал зубами веревку и продолжал деловым тоном:

— Твое дело, брат, теперь старикивское. Да и горевать то, почесть, не по чем: оно только с виду сладко хрип-то гнуть.

— Да уж чего лучше, — отвечал дед машинально.

Когда сын уехал, он сходил за чем то в пуньку, потом передвинул в тень водовозку — все искал себе дела. То он бережливо, согнув старую спину, сметал муку в закрое, то там и сям тюкал топором. В риге он сел и пристально чистил трубку медной капаушкой. Иногда ворчал:

— Долго ли пролежал, — глядь, уж везде беспорядок. А умри — и все прахом пойдет.

Иногда старался подбодрить себя. «Небось!» — говорил он кому-то с задором и значительно; иногда подергивал плечами и с ожесточением выговаривал: «Эх, мать твою не замать, отца твоего не трогать! Был конь, да уездился...» Но чаще опускал голову.

*Закипели в колодезях воды,
Заболело во молодца сердце, —*

напевал он, и ему вспоминалось прежнее, мысли тянулись к тому времени, когда он сам был хозяином, работником, молодым и выносливым. Глядя внучку по голове, он с любовью перебирал в памяти, что в такой-то год в эту пору он сеял, и с кем выходил в поле, и какая была у него тогда кобыла...

Внучка шепотом предложила пойти наломать веничков, про которые мать уже давно толковала. Дед легкомысленно забыл про пустую избу и, взяв за руку внучку, повел ее за деревню. Идя по мягкой, давно неезженной полевой дороге, они незаметно отошли от деревни с версту и принялись ломать полынь.

Вдруг Дашка встрепенулась.

— Дедушка, глянь-ка! — заговорила она и быстро и нараспев, — глянь-ка! Ах, ма-а-тушки!

Дед глянул и увидал бегущий вдали поезд. Он торопливо подхватил внучку на руки и вынес ее на бугорок, а она тянулась у него с рук и радостно твердила:

— Дедушка! Рысью, рысью!

Поезд разрастался и под уклон работал все быстрее, весь блестя на солнце. Долго и на-

пряженно глядела Дашка на бегущие вагоны.

— Должно, к завтраму приедет, — сказала она в раздумье. Блестя трубой, цилиндрами, мелькающим поршнем, колесами, поезд тяжелым взмахом урагана пронесся мимо, завернул и мелькнув задним вагоном, стал сокращаться и пропадать вдали.

Жаворонки пели в теплом воздухе... Весело и важно кагакали грачи... Цвели цветы в траве около линии... Спутанный меринок, пофыркивая, щипал подорожник, и дед чувствовал, как даже мерину хорошо и привольно на весеннем корму в это ясное утро.

— Здорово, сударушка, — закричал он, заведя идущего по рельсам сторожа-солдата. — Здравия желаем, ваше благородие! — прибавил он, чтобы подделаться к солдату и поболтать немного.

— Здравствуй, — сказал солдат сухо, не вынимая изо рта трубки.

— Иди, сударушка, покурим, — продолжал дед, — погудорь с Кастрюком. Я, брат, ноне тоже замест часового приставлен.

— Я путь должен обревизовать к прибытию второго номера, — ответил сторож и, на-

клонившись, тюкнул молотком по рельсе и пошел дальше.

Дед застенчиво улыбнулся и крикнул солдату вдогонку.

— А то погодил бы!

Солдат не обернулся.

По дороге назад дед поболтал с пастухами и полюбовался на стадо.

— Дюже хороши ноне корма будут! — сказал он.

— Хороши, — ответил подпасок и вдруг, с криком — назад смертные! — бросился за свиньями.

Стадо привольно разбрелось по паре Жеманно, на разные лады, тонкими голосками перекликались ягнята. Один, упав на колени, засовал мордочкой под пах матери и так торопливо, дрожа хвостиком и подталкивая ее, стал сосать, что дед засмеялся от удовольствия.

II

Поспешно подходя к своей избе, он увидал, что по выгону, прямо к ней, едет молодой барин из Залесного, и бросился отгонять под гору соседскую кобылу: вороной барский жере-

бец весь заиграл и заплясал, выгибая шею.

Сдерживая его и сгибая своей тяжестью дрожки, барин въехал в тень избы и остановился. Дед почтительно стал у порога.

— Здравствуй, Кастрюк, — сказал барин ласково и, отирая красное лицо с рыжей бородой, достал папиросы.

— Жарко! — прибавил он и протянул папироску и деду.

— Непривычны, Миколай Петрович, — захихикал тот. — Трубочку вот, а то шкалик-другой красенького — это мы, старики, любим!

— А я было к вам по дельцу, — начал Николай Петрович отдуваясь. — Ездил повещать на Мажаровку... надевай шапку-то, Семен!.. да вот, кстати, и к вам. Девоч своих не пошлете ли ко мне?

— Аль еще не сажали? — спросил дед участливо.

— Запоздали нынче... не я один.

— Запоздали, Миколай Петрович, запоздали...

— Я... — продолжал барин и вдруг так зычно гаркнул: «балуи», что дед со всех ног бро-

сился держать жеребца.

— Немножко-то посадил, — опять начал барин, — а пора и совсем управиться. Девченок-то своих и турили бы ко мне.

— Разя один совладаешь, Миколай Петрович?

— Да ты скажи своим-то...

— Солдатка-то дома, что ль? — спросил дед деловым тоном у подошедшей старухи и замялся.

— Кабы солдатка была, она бы сбила, — сказал он, как бы оправдываясь. — А я, сударушка, дома ноне сижу... Мне и отойтить нельзя... Кабы прежнее мое дело, покоситься там али под паринку, — я бы единым духом.

— Жалко, — сказал барин задумчиво. — Видно, вечерком заверну, — и взялся за вожжи.

Чтобы как-нибудь задержать его, дед вдруг сказал:

— Ты, сударушка, нанял бы меня в работники...

— Что ж, нанимайся, — сказал барин, рассеянно улыбаясь.

— А когда заступать?

Барин пристально поглядел на него и качнул головою.

— Заступать когда! Эка ты — шустрый какой!

— Я-то, сударушка! Да я их всех, молоденьких, за пояс заткну! Я еще жениться хочу! Да на свадьбе еще плясать буду!

— Да уж ты! — перебил барин, усмехаясь, ударил вожжой жеребца и покатил по выгону.

Дед постоял, подумал...

Все говорило ему, что он теперь отживший человек. Так только, для дому нужен, пока еще ноги ходят... «Ишь покатил!» — подумал он с сердцем, глядя вслед убегающим дрожкам, и пошел вынимать из печки похлебку.

Пообедав, внучка с ребятишками ушла в лужок за баранчиками. Все они так жалобно просились пустить их, что дед не мог устоять. Только сказал:

— Не найдете, ребята, разве снытку только... В избе он от нечего делать снова принялся за еду. Он натер себе картошек, налил в них немного молока (боялся, что и за это снова будет ругаться) и долго ел месиво.

В пустой избе стоял горячий, спертый воздух. Солнце сквозь маленькие, склеенные из кусочков, мутные стекла било жаркими лучами на покоробленную доску стола, которую, вместе с крошками хлеба и большой ложкой, черным роем облепили мухи.

Вдруг дед с радостью вспомнил, что есть еще дело — достать из-под крыши пачку листовой махорки, раскрошить ее и набить трубку. Влезая в сенцах по каменной стене под застреху, он едва не сорвался — голова у него закружилась, в спине заломило... Он опять с горечью подумал о своей старости и, уже лениво дотащившись до порога избы, на который еще падала тень, медленно занялся делом.

В полдень деревня вся точно вымерла. Тишина весеннего знойного дня очаровала ее...

Старухи-соседки долго «искались» под старой лозиной на выгоне, потом легли, накрыли головы занавесками и заснули. Самые маленькие ребятишки хлопотливо лепили из глины ульи, собравшись в размытом спуске около пруда. Изредка мычал теленок, привязанный за кол около спящих баб. Изредка до-

носился крик петуха и нагонял на деревенную тихую дрему. А в полях по-прежнему заливались жаворонки, зеленели всходы и по горизонтам, как расплавленное стекло, дрожал и струился пар.

Дед лег около пуньки, стараясь заснуть. Для этого он старался представить себе, как шумит лес, как ходит волнами рожь на буграх по ветру и шуршит, переливается, и слегка покачивался сам. Но сон не приходил.

Лежа с закрытыми глазами, дед все думал о своей старости.

Теперь небось Андрей крепко спит под телегою Деду же, может быть, до самой смерти не придется больше заснуть в поле. В рабочую пору он будет проводить долгие знойные дни наедине с внучкою... А ведь было время — лучше его не косил никто во всей округе. Бывало, когда всей деревней косили у барина, он всех вел за собою. Да никто не мог и выпить больше его, когда, вернувшись гурьбой с поля на господский двор, мужики усаживались около амбара за ведром водки и начиналась «веселая беседа».

Никогда, однако, не пропивал он ума и ра-

зума. Все у него было всегда в порядке: и изба каждую осень крылась новой соломой, и кобыла была всегда в теле («печка! — говорили мужики, — хоть спать ложись на спине!»), и свадьбу сына он справил всем на удивление. Вся деревня собралась смотреть, когда на первый, после княжего пира, престольный праздник Андрей приехал к тестю. Рядом со своей разряженной бабой сел он в новые «kozyрки», покрытые цветной попоной, выставил за грядку одну ногу в валенке и покатил по выгону... Дед надеялся тогда, что под старость будет у него первая во всей деревне семья, что никому не позволит он ссориться, заводить дележи...

— Пирог ситный в обмочку, думал, буду есть, — пробормотал он.

Ан все вышло не по-гаданному.

Младший сын отделился, а старший хотя и остался с ним, да немного вышло проку... Главное же — старуха всех подрезала.

Умерла в самое плохое, голодное время. Да ослабели и его ноженьки, и придется ему теперь до смерти сидеть с ребятишками, вроде караульщика.

«Ишь ровесник-то мой, — подумал он с озлоблением, — Салтан-то — и то убег со двора!»

И чего он, дед, маялся на свете и на что надеялся — бог его знает!

«Ни почету не дождался, — думал дед, вспоминая сына, посадившего его караульщиком, — ни богатства — ничего! И помрешь вот-вот, и ни один кобель по тебе не взвоят!»

III

Долог этот день показался ему!

Дашка воротилась из лужка и присоединилась к ребятам, игравшим в спуске.

«Ай уж и мне пойтить к ним свистульки лепить?» — думал дед с горькой улыбкой и, наконец, не выдержал.

— Посмотри, сударушка, за избой, — сказал он старухе-соседке, которая около пуньки медленно скатывала холсты.

— Ай соскучился? — спросила та жалобно.

— Соскучился, сударушка! И как только это вы, бабы, дома сидите!

— А ты надолго небось!

— Нет, я сейчас, в одну минутую...

До заката было еще далеко. Но Андрей должен был, по расчетам деда, управиться раньше вечера. Он поглядывал на солнце и решал, что осминник надо досадить именно к этой поре.

На выгоне он встретил возвращавшегося с поля Глебочку. Глебочка, высокий, худощавый мужик с веснушками на бледном лице и с опухшими красными веками, в старом полушубке, из лохматых дыр которого виднелась белая рубаха, покачивался, сидя боком на спине лошади: перевернутая соха тащилась сзади, дребезжа палицей о подвои.

— Ай, сударушка, рассохи-то пропил? — пошутил дед.

— Пропил, — с бледной улыбкой ответил Глебочка.

— А мои скоро?

— Должно, едут.

— Где ж девки-то твои?

— Девти идут, — ответил Глебочка картаво.

На валу, под молодыми лозинками, дед сел и, щурясь от низкого солнца, глядел в даль, по дороге.

Тишина кроткого весеннего вечера стояла в поле. На востоке чуть вырисовывалась гряда неподвижных нежно-розовых облаков. К закату собирались длинные перистые ткани тучек... Когда же солнце слегка задернулось одной из них, в поле, над широкой равниной, влажно зеленеющей всходами и пестреющей паром, тонко, нежно засинел воздух. Безмятежнее и еще слаще, чем днем, заливались жаворонки. С паров пахло свежестью, зацветающими травами, медовой пылью желтого донника... Дед закрывал глаза, прислушивался, убаюкиваясь.

«Эх, кабы теперь дождичка, — думал он, — то-то бы ржи-то поднялись! Да нет, опять солнышко чисто садится!»

Вспоминая, что и завтра предстоит ему стариковский день, он морщился, придумывал, как бы избавиться от него. Он досадливо качал головою, скреб спину, облаченную в длинную стариковскую рубаху... и, наконец, пришел к счастливой мысли.

— Ну, прикончил? — говорил он через полчаса заискивающим тоном, шагая рядом с сыном и держась за оглоблю сохи.

— Кончить-то кончил, — отвечал Андрей ласково, — а ты-то как? Небось соскучился?

— И-и, не приведи бог! — воскликнул дед ото всего сердца. — Сослужил, брат, службу... не хуже какого-нибудь солдата старого на капусте!

И смеясь, не желая придавать своим словам просящего выражения, попросился в ночное.

— С ребятами... а? — сказал он, заглядывая сыну в глаза.

— Что ж, веди! — ответил Андрей. — Только не забудь на полях кобылу напоить.

Дед закашлялся, чтобы скрыть свою радость.

IV

На закате, после ужина, положил он на спину кобылы зипун и полушубок, взвалился на нее животом и рысцой тронул за ребятами.

— Эй, погоди старика, — кричал он им.

Ребята не слушали. Старостин сынишка обскакал его, растарачив босые ножки на спине кругленького и екающего селезенкой мерина. Легкая пыль стлалась по дороге. То-

пот небольшого табуна сливался с веселыми криками и смехом.

— Дед, — кричали некоторые тоненькими голосками, — давай на обгонки!

Дед легонько поталкивал лаптями под брюхо кобылы. В лощинке, за версту от деревни, он завернул на пруд. Отставив увязшую в тину ногу и нервно вздрагивая всей кожей от тонко поющих комаров, кобыла долго-долго однообразно сосала воду, и видно было, как вода волнисто шла по ее горлу. Перед концом питья она оторвалась на время от воды, подняла голову и медленно, тупо огляделась кругом. Дед ласково посвистал ей. Теплая вода капала с губ кобылы, а она не то задумалась, не то залюбовалась на тихую поверхность пруда. Глубоко-глубоко отражались в пруде и берег, и вечернее небо, и белые полосы облаков. Плавно качались части этой отраженной картины и сливались в одну от тихо раскатывающегося все шире и шире круга по воде... Потом кобыла сделала еще несколько глотков, глубоко вздохнула и, с чмоканьем вытащив из тины одну за другою ноги, вскарабкалась на берег.

Позвякивая полуоторванной подковой, бодрой иноходью пошла она по темнеющей дороге. От долгого дня у деда осталось такое впечатление, словно он пролежал его в болезни и теперь выздоровел. Он весело покрикивал на кобылу, вдыхал полной грудью свежий вечерний воздух.

«Не забыть бы подкову оторвать», — думал он.

В поле ребята курили донник, спорили, кому в какой черед дежурить.

— Будя, ребята, спорить-то, — сказал дед. — Карауль пока ты, Васька, — ведь, правда, твой черед-то. А вы, ребята, ложитесь. Только, смотри, не ложись головой на межу — домовой отдавит!

А когда лошади спокойно вникли в корм и прекратилась возня улегшихся рядышком ребят, смех над коростелью, которая оттого так скрипит, что дерет нога об ногу, дед постлал себе у межи полушубок, зипун и с чистым сердцем, с благоговением стал на колени и долго молился на темное, звездное, прекрасное небо, на мерцающий Млечный Путь — святую дорогу ко граду Иерусалиму.

Наконец, и он лег.

Темнота разливалась над безбрежной равниной. В свежести весенней степной ночи тонули поля. За ними, за ночным мраком, слабо, как одинокая мачта, на слабом фоне заката маячил силуэт далекой-далекой мельницы...

1892

На чужой стороне*

На вокзале не было обычной суматохи: наступила святая ночь. Когда прошел курьерский девятичасовой поезд, все поспешили докончить только самые неотложные дела, чтобы поскорее разойтись по квартирам, вымыться, надеть все чистое и в семье, с облегченным сердцем, дожидаться праздника, отдохнуть хоть ненадолго от беспорядочной жизни.

Полутемная зала третьего класса, всегда переполненная людьми, гулом настойчивого говора, тяжелым теплым воздухом, теперь была пуста и прибрана. В отворенные окна и двери веяло свежестью южной ночи. В углу восковые свечи слабо озаряли аналой и золо-

тые иконы, и среди них грустно глядел темный лик спасителя. Лампада красного стекла тихо покачивалась перед ним, по золотому окладу двигались полосы сумрака и света...

Проезжим мужикам из голодающей губернии некуда было пойти подготовиться к празднику. Они сидели в темноте, на конце длинной платформы.

Они чувствовали себя где-то страшно далеко от родных мест, среди чужих людей, под чужим небом. Первый раз в жизни им пришлось двинуться на «низы», на дальние заработки. Они всего боялись и даже перед носильщиками неловко и торопливо сдергивали свои растрепанные шапки. Уже второй день томились они скукой, ожидая, пока к ним выйдет тщедушная и горделивая фигурка помощника начальника станции (они уже успели прозвать его «кочетком») и строго объявит, когда и какой товарный поезд потянет их на Харцызскую. Со скуки они весь день проспали.

Надвигались тучи. Изредка обдавал теплый благовонный ветер, запах распускающихся тополей. Не смолкая ни на минуту,

несся с ближнего болота злорадный хохот лягушек и, как всякий непрерывный звук, не нарушал тишины. Направо едва-едва светил закат; тускло поблескивая, убегали туда рельсы. Налево уже стояла синяя темнота. Огонек диска висел в воздухе одинокой зеленова-то-бледной звездочкой. Оттуда, с неизвестных степных мест, шла ночь...

— Ох, должно, не скоро еще! — шепотом сказал один, полулежавший около вокзальных ведер, и протяжно зевнул.

— Служба-то? — отозвался другой. — Должно, не скоро. Теперь не более семи. — А то и всех восемь наберется, — добавил третий. Всем было тяжело. Только один не хотел сознаться в этом.

— Ай соскучился? А-а-а... — зевнул он, передразнивая первого говорившего. — Гляди, ребята, заревет еще, пожалуй!

— Будя, Кирюх, буравить-то, — серьезно ответил первый и деловым тоном обратился к соседу: — Парменыч, поди глянь на часы, ты письменный.

Парменыч отозвался добрым слабым голо-сом:

— Не уразумею, малый, по тутошним, все сбиваюсь: целых три стрелки.

— Да ай не все равно? — опять заметил Кирилл насмешливо. — Хушь смотри, хушь не смотри — одна честь...

Долго молчали. Тучи надвинулись, густая темнота теплой ночи мягко обнимала все. Старик открыл трубку, помял пальцем красневший в ней огонь и на время так жарко раскурил ее, что смутно осветил свои седые солдатские усы и ворот зипуна. На мгновение выступили из мрака и белая рубаха лежащего на животе Кирилла, и заскорузлые, изорванные полушубки двух других пожилых мужиков. Потом он закрыл трубку, попыхтел и покосился влево, на своего племянника. Тот дремал. Длинные худые ноги его, завернутые в белые суконные портянки, лежали без движения; по очертаниям худощавого тела было видно, что это совсем еще мальчик, истомленный и до времени вытянувшийся на работе.

— Федор, спишь? — тихо окликнул его старик.

— Н-нет, — ответил тот сильным голосом.

Старик ласково наклонился к нему и, улыбаясь, шепотом спросил:

— Ай соскучился?

Ответ последовал не сразу:

— Чего ж мне скучать?

— Да ну! Ты скажи, не бойся.

— Я и так не боюсь.

— То-то, мол, не таись...

Федька молчал. Старик поглядел на его худенькие плечи... потом тихонько отвернулся.

Уже и на закате стемнело. Контуры вокзальных крыш едва рисовались на фоне ночного неба. Там, где оно сливалось с темнотою земли, перекрещивались и мигали зеленые, синие и красные огоньки. Осторожно лязгая колесами, прокатился мимо платформы паровоз, осветил ее красным отблеском растопленной печки, около которой, как в темном уголке ада, копошились какие-то черные люди, и все опять потонуло в темноте. Мужики долго прислушивались, как он где-то в стороне сипел горячим паром.

Потом издалека гнусаво запел рожок. Из темноты и из-за разноцветных огней выделился треугольник огненных глаз. Он разго-

рался и приближался медленно-медленно, а за ним тянулся длинный, бесконечно длинный товарный поезд; подвигаясь все слабее, он остановился и затих. Через минуту что-то завизжало, заскрипело, вагоны дрогнули, подались назад — и замерли. Раздались чьи-то громкие голоса и тоже смолкли. Кто-то невидимый нес фонарь, и светлый круг, колеблясь, двигался по земле, под стеной вагонов.

— Тридцать четыре, — сказал один из мужиков.

— Кого? Вагонов-то? Боле будя.

— А может, и боле...

Федька облокотился на руку и долго глядел на темную массу паровоза, смутно освещенную посередине, слушал, как что-то клокотало и замирало в нем, как потом он отделился от поезда и, облегченно и тяжелодохнув несколько раз, ушел в темноту, отрывистыми свистками требуя пути... Ничто, ничто не напоминало тут праздника!

— Я думал, они хушь в праздник-то не ходят, — сказал Фалька.

— Ну да, не ходят! Им нельзя не ходить...

И слышались несмелые предположения,

что, может быть, с этим-то поездом их и отправят. Тяжело в такую ночь сидеть в темноте товарных вагонов, да уж все одно, лучше бы отправили! Старик заговорил о Харцызской. Но впереди была полная неизвестность: и где эта Харцызская, и когда они приедут туда, и какая будет работа, да и будет ли еще? Вот если бы земляков встретить, которые направили бы на хорошее место! А то, пожалуй, опять придется сидеть где-нибудь в томительном ожидании, запивать сухой хлеб теплой водой из вокзальной кадки. И тоска, тревога снова овладела всеми. Даже Кирилл заворочался, беспокойно зачесался, сел и опустил голову...

— И чего тут остались? — слышался один неуверенный голос. — Хушь бы в город пошли — авось всего версты четыре...

— А ну как сейчас велят садиться? — угрюмо ответил Кирилл. — Его пропустишь, а там и сиди опять десять ден. — Надо пойтить спросить...

— Спросить? У кого?

— Да у начальника...

— И правда, пожалуй...

— Да его теперь небось нету...

— Ну, кто-нибудь за него...

— Служба-то и тут такая же будет, — проговорил Кирилл по-прежнему угрюмо.

— Не такая же, короткая, сказывали, будет... И разговеться тоже нечем...

— А как совсем пойдешь Христа ради? И все с тоской поглядели на вокзальные постройки, где светились окна, где в каждой семье шли приготовления к празднику.

— Дни-то, дни-то какие! — со вздохом, слабым задушевым голосом сказал старик. — А мы, как татаре какие, и в церкви ни разу не были!

— Ты бы теперь уж на клиросе читал, дедушка...

Но старик не слышал этих мягко и грустно сказанных слов. Он сидел и бормотал в раздумье:

«Предходят сему лица ангельские со всяким началом и властью... лице закрывающе и вопиюще песнь аллилуйя...»

И, помолчав, прибавил увереннее, глядя в одну точку перед собою:

«Воскресни, боже, суди земли, яко ты на-

Следиши во всех языцах...»

Все упорно молчали.

Все думали об одном, всех соединяла одна грусть, одни воспоминания. Вот наступает вечер, наступает сдержанная суматоха последних приготовлений к церкви. На дворах запрягают лошадей, ходят мужики в новых сапогах и еще распоясанных рубахах, с мокрыми расчесанными волосами; полунаряженные девки и бабы то и дело перебегают от изб к пульткам, в избах завязывают в платки куличи и пасхи... Потом деревня остается пустою и тихою... Над темной чертой горизонта, на фоне заката, видны силуэты идущих и едущих на село... На селе, около церкви, поскрипывают в темноте подъезжающие телеги; церковь освещается... В церкви уже идет чтение, уже теснота и легкая толкотня, пахнет восковыми свечами, новыми полушубками и свежими ситцами... А на паперти и на могилах, с другой стороны церкви, темнеют кучки народа, слышатся голоса...

Вдруг где-то далеко ударили в колокол. Мужики зашевелились, разом поднялись и, крепясь, с обнаженными головами, до земли по-

клонились на восток.

— Федор! Вставай! — взволнованно забормотал старик.

Мальчик вскочил и закрестился быстро и нервно. Засуетились и прочие, торопливо накидывая на плечи котомки.

В окнах вокзала уже трепетали огни восковых свечей. Золотые иконы сливались с золотым их блеском. Зала третьего класса наполнялась служащими, рабочими. Мужики стали на платформе, у дверей, не смея войти в них.

Поспешно прошел молодой священник с причтем и стал качаться в светлые ризы, шуршащие глазетом; он что-то сварил и зорко вглядывался в полусумрак наполнявшейся народом залы. Зажигаемые свечи осторожно потрескивали, ветерок колебал их огни. А издалека, под темным ночным небом, лился густой звон.

«Воскресение твое, Христе спасе, ангели поют на небеси...» — торопясь, начал священник звонким тенором.

И как только он сказал это, вся толпа заволновалась, задвигалась, крестясь и кланясь, и сразу стало светлее в зале, на всех ли-

цах засиял теплый отблеск восковых свечек.

Одни мужики стояли в темноте. Они опустились на колени и торопливо крестились, то надолго припадая лбами к порогу, то жадно и скорбно смотря в глубину освещенной залы, на огни и иконы, подняв свои худые лица с пепельнычи губами, свои голодные глаза...

— Воскресни, боже, суди земли!

1893

На хуторе*

Долго-долго погорала заря бледным румянцем. Неуловимый свет и неуловимый сумрак мешались над равнинами хлебов. Темнело и в деревне, — одни оконца изб на выгоне еще отсвечивали медным блеском. Вечер был молчалив и спокоен. Загнали скотину, пришли с работ, поужинали на камнях перед избами и затихли... Не играли песен, не кричали ребятишки...

Все задумалось вечерней думой, задумался и Капитон Иваныч, сидя у поднятого окна.

Усадьба его стояла на горе; мелкорослый сад, состоявший из акаций и сирени, заглох-

ший в лопухах и чернобыльнике, шел вниз, к ложине. Из окна, через кусты, было далеко видно.

Поле молчало, лежало в бледной темноте. Воздух был сухой и теплый. Звезды в небе трепетали скромно и таинственно. И одни только кузнечики неутомимо стрекотали под окнами в чернобыльнике, да в степи отчетливо выкрикивал «опать-пальвать» перепел.

Капитон Иваныч был один — как всегда. Ему словно на роду было написано всю жизнь прожить одиноко. Мать и отец его, очень бедные, мелкопоместные дворяне, проживавшие у князей Ногайских, умерли, когда ему было меньше году от рождения. Детство и отрочество он провел в доме сумасшедшей тетки, старой девы, и в школе кантонистов. В юности он писал песни, подражая Дельвигу и Кольцову, называл ее в своих стансах Валентиной — на деле ее звали Анютой и была она дочь чиновника, служившего в комиссариате, — но взаимности не имел.

Имя у него было «как у дворецкого», наружность не обращающая на себя внимания; смуглый, худощавый и высокий, он похож

был, по отзывам приятелей, на семинариста даже тогда, когда, по протекции князя (недавно говорили, что князь — отец Капитона Иваныча), добился офицерского чина. Тут ему досталось именице от тетки, и он вышел в отставку. Он еще воображал себя порою то героем из какого-нибудь романа Марлинского, то даже Печориным, стригся по новейшей моде — «а-ля-полька»... Но ничего не вышло из этого. «Валентина» поехала гостить к подруге и вышла замуж. А он «до гробовой доски» запер стихи в шифоньерке.

Он стал ходатайствовать; думал служить в только что открывшемся земстве, но и в земстве ему не повезло: предводитель, закусывая однажды в буфете дворянского собрания, сказал, что Капитон Иваныч «добряк, но фантазер... старый фантазер... отживающий свое время тип...». Капитон Иваныч перезнакомился с соседями мелкопоместными и увлекся охотой, приобретя себе незаменимого друга в легавой Джальме. И дни пошли за днями и стали слагаться в годы... Он стал настоящим мелкопоместным, носил «тужурку» и длинные черные усы; забыл даже думать о своей

наружности и, вероятно, не знал, что его смуглое, немного рябое лицо очень привлекательно своей спокойной добротой...

Нынче он грустил. Утром зашла богомолка Агафья, бывшая дворовая Капитона Иваныча, и, между прочим, сказала:

— А помните, сударь, Анну Григорьевну?

— Помню, — сказал Капитон Иваныч.

— Умерла-с. Великим постом схоронили.

Целый день потом Капитон Иваныч неопределенно улыбался. А вечером... Вечер настал такой тихий и грустный!

Капитон Иваныч не стал ужинать, не лег спать рано, как ложился обыкновенно. Он свернул толстую папиросу из черного крепкого табаку и все сидел у окна, поджав под себя одну ногу.

Ему хотелось куда-то пойти. Как человек, привыкший все спокойно обдумывать, он спрашивал себя: «куда?». Разве перепелов ловить? Но заря уже прошла, да и идти не с кем. Семен нынче в ночном... Да и что перепела!

Он вздыхал и чесывал свой давно не бритый подбородок.

Как, в сущности, коротка и бедна челове-

ческая жизнь. Давно ли был он мальчиком, юношей? Школа кантонистов — хорошо, что теперь их нет более! — холод, голод, поездки к тетке... Вот был человек! Он отлично помнил ее, старую худую деву с растрепанными, сухими черными волосами, с безумными глазами, — говорили, от несчастной любви сошла с ума, — помнил, как она, по старой институтской привычке, твердила наизусть французские басни, закатывая глаза и делая блаженную, важную физиономию; помнил и «Полонез Огинского»... Страстно и необычно звучал он, потому что с безумной страстью играла его старая дева... Ах, этот полонез! И она играла его...

Звезды в небе светят так скромно и загадочно; сухо трещат кузнечики, и убаюкивает и волнует этот шепот-треск... В зале стоят старинные фортепианы. Там открыты окна... Если бы туда вошла теперь она, легкая, как привидение, и заиграла, тронула старые звонко-отзывчивые клавиши! А потом они вышли бы из дома и пошли рядом полевой дорожкой, между ржами, прямо туда, где далеко-далеко брезжит свет запада...

Капитон Иваныч поймал себя и усмехнулся.

— Расфан-та-зировался... — протянул он вслух.

Трещали кузнечики в тихом вечернем воздухе, и из сада пахло лопухами, бледной, высокой «зарей» и крапивой. И этот запах напоминал — вечера, когда он приезжал домой, из города, и сладко было ему думать о ней, обманывать себя надеждами на счастье.

Ни одного огонька не светилося на деревне, когда он поднимался в гору. Все спало под открытым звездным небом. Темны и теплы были апрельские ночи; мягко благоухали сады черемухой, лягушки заводили в прудах дремотную, чуть звенящую музыку, которая так идет к ранней весне... И долго не спалось ему тогда на соломе, в садовом шалаше! По часам следил он за каждым огоньком, что мерцал и пропадал в мутно-молочном тумане дальних лощин; если оттуда с забытого пруда долетал иногда крик цапли — таинственным казался этот крик и таинственно стояла темнота в аллеях... А когда перед зарею, охваченной сочной свежестью сада, он открывал гла-

за — сквозь полуоткрытую крышу шалаша на него глядели целомудренные предутренние звезды...

Капитон Иваныч встал и пошел по дому. Шаги его отдавались по комнатам, полы кое-где гнулись и скрипели.

«Восемьдесят лет домику! — думал Капитон Иваныч. — Вот осенью надо звать плотников, а то холод зимою будет ужасный!»

Шагая по зале, он чувствовал себя как-то неловко. Высокий, худой, немного сторбленный, в длинных старых сапогах и расстегнутой тужурке, из-под которой виднелась ситцевая косоворотка, он бродил по залу и, поднимая брови, покачивая головою, напевал «Полонез». Он чувствовал что он сам следит за своею походкою и фигурою представляет себя как другого человека, шагающего в полусвете старинной залы, человека, который бродит один-одинешенек, которому грустно и которого ему до боли жаль Он взял картуз и вышел из дому.

На дворе было светлее. Свет зари, погасающей за деревней, еще слабо разливался по двору.

— Михайла! — тихонько позвал Капитон Иваныч старого пастуха. Никто не откликнулся. Михайла ушел «ко двору, рубаху сменить».

Стараясь придумать себе дело, он направился по двору к варку: накопил ли Митька травы коровам? Но, думая совсем о другом, Капитон Иваныч только постоял у варка.

— Митька! — позвал он.

Опять никто не отозвался. Только за воротами тяжело-тяжело вздохнула корова и завозились и затрепыхали крыльями на насесте куры.

«Да и на что они мне нужны?» — подумал Капитон Иваныч и не спеша пошел за каретный сарай, туда, где начинались на косогоре ржи. Шурша, пробрался он по глухой крапиве на бугор, закурил и сел.

Широкая равнина лежала внизу в бледной темноте. С косогора была далеко видна молчаливо утонувшая в сумраке окрестность.

«Сижу, как сыч на бугре, — подумал Капитон Иваныч. — Вот, скажет народ, делать нечего старику!»

«А ведь правда — старик я, — продолжал

он размышлять. — Умирать скоро... Вот и Анна Григорьевна померла... Где же это все девалось, все прежнее?»

Он долго смотрел в далекое поле, долго прислушивался к вечерней тишине...

— Как же это так? — сказал он вслух. — Будет все по-прежнему, будет садиться солнце, будут мужики с перевернутыми сохами ехать с поля... будут зори в рабочую пору, а я ничего этого не увижу, да не только не увижу меня совсем не будет! И хоть тысяча лет пройдет — я никогда не появлюсь на свете, никогда не приду и не сяду на этом бугре! Где же я буду?

Сгорбившись, закрывши глаза и потягивая левою рукой черный, седеющий ус, он сидел, покачивался...

Сколько лет представлялось, что вот там-то, впереди, будет что-то значительное, главное... Был когда-то мальчиком, был молод... Потом... в жаркий день на выборы на дрожках ехал по большой дороге! И Капитон Иванович сам усмехнулся на такой скачок своих мыслей...

Но и это уже давно было. И вот приходишь

до такой поры, в которой, говорят, все кончается; семьдесят, восемьдесят лет... а дальше уже и считать не принято! Что же наконец, долга или коротка жизнь?

«Долга! — подумал Капитон Иваныч. — Да, все-таки долга!»

В темном небе вспыхнула и прокатилась звезда. Он поднял кверху старческие грустные глаза и долго смотрел в небо. И от этой глубины, мягкой темноты звездной бесконечности ему стало легче. «Ну, так что же! Тихо прожил, тихо и умру, как в свое время высохнет и свалится лист вот с этого кустика...» Очертания полей едва-едва обозначались теперь в ночном сумраке. Сумрак стал гуще, и звезды, казалось, сияли выше. Отчетливее слышался редкий крик перепелов. Свежее пахло травой... Он легко, свободно вздохнул полной грудью. Как живо чувствовал он свое кровное родство с этой безмолвной природой!

Вести с родины*

«А право, — с улыбкой подумал Волков, сидя вечером в собрании сельскохозяйственного общества, — нигде так не развиваются способности к живописи, как на заседаниях! Ишь, как старательно выводят!»

Головы сидящих за зеленым освещенным столом были наклонены; все рисовали — вензеля, монограммы, необыкновенные профили. Чай, бесшумно разносимый сторожами, изредка прерывал эти занятия. Спор вице-президента с одним из членов общества на время оживил всех; но доклад, который монотонно начал читать секретарь, снова заставил всех взяться за карандаши. Рассеянно глядя на белую руку президента, в которой дымилась папироса, Волков почувствовал, что его трогают за рукав: перед ним стоял его товарищ по агрономическому институту и сожитель по меблированным комнатам, поляк Свида, высокий, худой и угловатый в своем старом мундире.

— Здравствуйте, — сказал он шепотом, — о чем речь?

— Доклад Толвинского: «Из практики сохранения кормовой свекловицы».

Свида сел и, протирая снятые очки, утомленными глазами посмотрел на Волкова.

— Там вам телеграмму принесли, — сказал он и поднял очки, разглядывая их на свет.

— Из института? — быстро спросил Волков.

— Не могу знать.

— Из института, верно, — сказал Волков.

И, поднявшись торопливо, на цыпочках пошел из зала. В швейцарской, где уже не надо было держать себя напряженно, он вздохнул свободнее, быстро надел шинель и вышел на улицу.

Дул сырой мартовский ветер. Темное небо над освещенной улицей казалось черным, тяжелым пологом. Около колеблющихся в фонарях газовых рожков видно было, как из этой непроглядной темноты одна за другой неслись белые снежинки. Волков поднял воротник и быстро пошел по мокрым и блестящим асфальтовым панелям, засовывая руки в карманы.

«И чего только не рисуют, — думал он. — И

как старательно!»

Темнота, сырой ветер, треск проносящихся экипажей не мешали его спокойному и бодрому настроению. Телеграмма, верно, из института... Да она теперь и не нужна. Он уже знал, что через полмесяца будет помощником директора опытного поля; перевезет туда все свои книги, гербарии, коллекции, образцы почв... Все это надо будет уставить, разложить (он уже ясно представлял себе свою комнату и себя самого за столом, в блузе), а затем начать работать серьезно — и практически, и по части диссертации...

— «Восста-аньте из гробов!» — пропел он с веселым пафосом, заворачивая за угол, и столкнулся с невысоким господином, у которого из-под шапки блеснули очки.

— Иван Трофимыч?

Иван Трофимыч живо вскинул кверху бородку и, улыбаясь, стиснул руку Волкова своей холодной и мокрой маленькой рукою.

— Вы откуда?

— Из сельскохозяйственного, — ответил Волков.

— Что же так рано?

— «По домашним обстоятельствам». А вы?

— Из конторы. Работаем, батенька...

— У вас, значит, и вечерние занятия?

— Да, то есть нет, только весной — к отчету подгоняем... Да скверно, знаете... Даже не скверно, собственно говоря, а прямо-таки — подло... Бессмыслица...

Иван Трофимыч запустил руки в карманы и съежился в своем пальтишке с небольшим, потешным воротником из старого меха.

— Почему? — спросил Волков. Иван Трофимыч встрепенулся.

— То есть как почему? Да на кой черт кому нужна эта работа? Какой смысл, позвольте спросить, в этих пудо-верстах, осе-верстах, пробегах и во всяких этих столах переборов и всяческих ахинеях?

— Ну, положим, смысл-то есть...

— Белиберда! — воскликнул Иван Трофимыч с сердцем.

Волков снисходительно улыбнулся.

— Ну, идите куда-нибудь еще, — сказал он спокойно

— То есть куда это?

— Да у вас ведь имеется диплом?

— Самый форменный.

— Ну, и что же?

— Ну, и что же? — повторил Иван Трофимыч, поднимая брови и сверкая очками. — Вы думаете, я не ушел бы? Да ради бога — куда угодно! Вы подумайте только, — начал он с напряжением, отчетливо, беря Волкова за борт пальто, но Волков перебил его:

— Отчего же не идете?

— Вам сколько лет? — вдруг спросил Иван Трофимыч.

— Двадцать четыре года и пять месяцев. А что?

— Ну, вот видите! А мне сорок... И, главное, никуда, то есть так-таки никуда меня не пустят. Я ведь якутский человек. Понимаете? Вот теперь люди мрут от голода, есть живое, святое дело... Понимаете? Святое! А разве нас с вами пустят туда?

— Я занимаюсь наукой и работаю, могу сказать, серьезно, — сказал Волков.

— И пудо-верстами вы бы занялись так же серьезно?

— Пожалуй, и пудо-верстами... Я, право, не понимаю, господа...

— Прекрасно, — почти закричал Иван Трофимыч, — я отлично знаю, что вы, господа, многого действительно не понимаете! Только вот что, батенька, — утешаю себя недоверием, понимаете, утешаю себя тем, что многие из вас только играют в эту трезвость! Разумеется, уже сама по себе эта игра...

— Именно играть-то мы и не хотим, — перебил Волков. — Вы говорите: идите, помогайте. А мы будем помогать наукой, а не «хорошими» словами.

Иван Трофимыч махнул рукой.

— Мы, знаете, так раскричались с вами, — сказал он с улыбкой и крепко пожал руку Волкова, — будьте здоровы!

И, повернувшись, съезжился и скрылся за углом.

Волков постоял, подумал... И, мгновенно забыв об Иване Трофимыче, зашагал еще быстрее.

Он торопливо пробежал лестницу своих меблированных комнат, отпер номер и при спичке разорвал телеграмму.

«Посылаются пятницу девятнадцатого», —

стояло в ней.

На столе, кроме телеграммы, лежали два письма. Адрес на одном из них написан был рукой зятя. Волков зажег свечи, сел на диван и с улыбкой принялся за письмо.

«Любезный брат Дмитрий, — читал он, — мы, разумеется, все живы и здоровы, про тебя, конечно, ничего не знаем: как уехал, прислал два слова; пиши, брат, пожалуйста, поскорее, приедешь ли ты хоть к святой неделе. Отвечай поскорее, а то вот-вот полая вода и на станцию не будет ни проходу, ни проезду...»

Волков перевернул страницу и стал просматривать конец письма:

«Невозможно проехать в город, все метели, а голодают у нас здорово. Впрочем, я тебе не писал со святок, и ты не знаешь, что в Двориках умерло несколько человек. Умерла, брат, наша Федора, кривой солдат воргольский и Мишка Шмыренюк. У Мишки прежде умер ребенок, а на первой неделе и сам он — от голодного тифа...»

Волков вдруг опустил письмо... переставил подсвечник и снова с ужасом и напряжением перечитал эти две строки:

«...Умерла Федора, кривой солдат воргольский и Машка Шмыренко...»

— Не может быть! — сказал он громко, поднимаясь. — Не может быть! Мишка — друг детства... головастики вместе ловили... от голода!

Волков опять сел, криво улыбнулся, снова вскочил и торопливо пошел к дверям. Но от двери он круто повернулся и зашагал по комнате, быстро пощелкивая пальцами и лоя разлетевшиеся мысли...

Он читал в газетах, что там-то и там-то люди пухнут от голода, уходят целыми деревнями побираться, покупал сборники и всякие книжки в пользу голодающих или, как на них печаталось, «в пользу пострадавших от неурожая». Но те, пухнувшие от голода, казанские мужики не отделялись от газетных строк; а это не казанские мужики, это истомился и свалился с ног и скончался на холодной печке Мишка Шмыренко, с которым он когда-то, как с родным братом, спал на своей детской кровати, звонко перекликался, купаясь в пруде, ловил головастика. И вот он умер, и на распутицу для него ездили в село

за тесом на гроб. Максим, колесник, сколотил этот гроб, и в него положили детски-худое тело Мишки. У него и прежде были узкие плечи, худощавое лицо... Но еще худее стал он, когда его, в белой новой рубахе, клали в гроб. И наутро этот гроб поставили на розвальни и повезли по весенним полям в село...

Наклонившись под кровать, Волков вытащил оттуда большой деревянный ящик. В ящичке лежало несколько ветхих детских учебников, и на исподней стороне их переплетов Волков увидел рисунки Мишки: кривой дом с зигзагообразным дымом из трубы, удивительно изогнувшийся конь с хвостом, похожим на этот дым, и разъехавшиеся в разные стороны каракули: «Михаил Колесов»...

Еще до сих пор от этих книг пахло курной избой. Вместе с Мишкой бегал он в Дворики учиться по ним у солдата Савелия. Там, при тусклом свете копящей лампочки, за столом сидела толпа ребятишек. Поминутно чмокала отворявшаяся дверь и словно врывались в волнах пара новые ученики. Шумно усаживались они за стол и, положив на него локти и болтая под лавкой ногами, наперебой начи-

нали долбить уроки.

— «Богородица-диво-радуйся... Богородица-диво-радуй-ся...» — тоненьким голоском заливался Мишка.

— «А ну-ка, Бишка, почитай, что в книжке...» — сосредоточенно бубнил старостин сын Никитка, толстый малый, который всегда сидел без полушубка, но в шарфе.

Сам Догадун, староста, коренастый мужик с румяным лицом и сивыми кудрями, расчесанными на прямой ряд, стоял против стола, опершись на сажень, с которой не расставался.

— Никит, — перебивал он иногда важно, — ты что учишь?

Никитка решительно откашливался, краснел и отвечал сильным шепотом.

— Выучил?

— Нет еще.

— Ну, так стой, погоди, ребята, — продолжал Догадун, — разгадай задачу... А вы все, ребята, тоже не дреми!

И он начинал:

— Шли пять стариц и несли они, ребята, по пяти костылей. На каждом костылю — по пя-

ти суков, на каждом суку — по пяти кошельей, у каждом кошеле — по пяти пирогов, у каждом пирогу... к примеру сказать, по пяти воробьев. Сколько это воробьев выходит?.. Ну-ка, барчук?

И с каким удовольствием барчук забивался тогда с Мишкой в угол и каким торопливым шепотом начинал считать, воробьев, пока явившаяся за ним кухарка не увозила их обоих на розвальнях домой!

Мать Мишки жила тогда у Волковых. Теперешний помощник директора опытного поля ревел тогда по целым вечерам, если к нему не пускали Мишку. У Мишки болели с лета губы от лопухов и козельчиков, и боялись, что это пристанет к барчуку. Но Мишка успевал-таки иногда удрать в хоромы. Вечером он внезапно влетал в детскую.

— Насилушка убёг, — говорил он, запыхавшись, и его глазки сверкали радостью.

От него пахло снегом, зимней свежестью; он летел по сугробам босой, в изорванной на животе рубашонке и коротеньких портчонках. Нянька с неудовольствием поглядывала на него, грязного от сажи, оборванного и

вздохмаченного. Но Митя испускал при его появлении звонкий крик, настаивал, чтобы Мишка непременно остался с ним в детской на ночь. Весь вечер они строили на постели «кутки», были «нарочно разбойники», разглядывали и вырезывали картинки...

«Как же так случилось, — думал Волков, — как могло это случиться — эта голодная смерть?»

Его повезли в летний день в тарантасе в город в гимназию. Мишка только за гумном успел увидеть его. Он с утра сидел в коноплянике, желая проститься с ним. В дом, где была суета, его не пускала мать... И когда Митя довольно холодно попрощался с ним, он повернулся, заплакал и тихо пошел по меже к деревне, поддерживая одной рукой штанишки и ступая босыми ножками по горячей пыли... Митя же глядел вперед, все мысли его заняты были только новым кепи...

В гимназии он стоял на актах и ждал книжки с золоченым переплетом, а Мишка в это время стоял с плетушкой колоса около риги... Надвигались зимние сумерки... все было серо, тихо в деревушке, приютившейся около

лощинки, среди снежных полей, слившихся с темным небом... слышались голоса баб, скликавших выпущенных овец — «вычь, вычь, вычь!..» Покачивая бадьей, его мать шла в лощинку за снеговой водою...

Митя в бессознательном веселье напивался на первых студенческих вечеринках, а Мишка был в это время уже хозяин, мужик, обремененный горем и семьей. В те зимние ночи, когда Митя, среди говора, дыма и хлопанья пивных пробок, до хрипоты спорил или пел: «Из страны, страны далекой...», Мишка шел с обозом в город... В поле бушевала вьюга... В темноте брели по пояс в снегу мужики, не присаживаясь до самого рассвета: на санях были навалены бочки с винокуренного завода. Иногда весь обоз останавливался... Сквозь вьюгу и ветер слышалась перекличка, ругань... Мишке приходилось лазить по сугробам, отыскивая дорогу, или одеревеневшими пальцами и зубами затягивать оборвавшуюся завертку...

Когда Митя приезжал гимназистом на каникулы, он еще был близок с Мишкой. Он просил его говорить ему «ты», они ходили с

ним ловить перепелов, вели задушевные беседы, лежа по ночам на межах, среди ржей. Но потом...

Волков закрыл лицо руками. Он вспомнил свою последнюю встречу с Мишкой — месяца три тому назад, на Рождестве.

Волков был в деревне. На хутор съехалось много гостей. На другой день Нового года задумали ехать в город, в театр, и ночью поехали на тройках на станцию.

Ночь была страшно морозная и ветреная; сухой, мерзлый снег визжал и скрипел под санями; за необозримым мертвым полем всходил красный огромный месяц, и в его низком свете видно было, как задирала и дымилась поземка. Волков, отвернувшись от колющего ветра, слушал визг саней и курил папиросу; ветер разносил красные искры и доносил до него отрывки разговоров, смех, звон бубенчиков на другой тройке... Кто-то крикнул: «Пошел», лошади рванулись, ветер стал кидать снегом в лицо и размахивать и отбрасывать обмерзший воротник. Волков приподнялся, чтобы поправить шубу... Чья-то пешая, занесенная снегом фигура мелькнула перед ним.

На станции пришлось ждать долго, и когда Волков пошел пред приходом поезда в залу третьего класса за билетом, то увидел эту фигуру около дверей.

— Мишка! Ты? — воскликнул Волков.

И вдруг случилось то, от чего теперь у него облилось сердце кровью: Мишка, прежде веселый, бойкий, торопливо сдернул шапчонку и ответил испуганно и покорно:

— Я-с, Дмитрий Петрович...

— Ты зачем здесь? — спросил Волков, подавая ему руку.

Он был в растрепанных лаптях, и углы воротника его рваного зипуна торчали пониженьки, закрывая исхудалое, больное лицо.

— Попроситься в город, — отвечал Мишка простуженным голосом.

— Как попроситься?

— На машину...

— Да как попроситься?

Мишка слабо улыбнулся.

— Даром не проедешь, — сказал он тихо.

Волков купил ему билет, всунул его в руку ему. Мишка, стоя без шапки, долго и безучастно глядел на билет.

В поезде Волков вспомнил про Мишку снова и пошел искать его. В промерзлом, трещащем на ходу вагоне он увидел его около красной, раскаленной печки.

— Ты зачем в город-то?

— Беда! — заговорил Мишка монотонно. — Может, в городе что найду... Совсем обезживотел...

— Не может быть! — воскликнул опять Волков. — Не может этого быть!.. Коллекции, гербарии... «Кормовая свекловица»... Какая галиматья!

И, стискивая пальцы, стал хохотать и качаться, как от зубной боли.

1893

На край света*

I

То, что так долго всех волновало и тревожило, наконец разрешилось: Великий Перевоз сразу опустел наполовину.

Много белых и голубых хат осиротело в этот летний вечер. Много народу навек покинуло родимое село — его зеленые переулки между садами, пыльный базарный выгон, где так весело в солнечное воскресное утро, когда крутом стоит говор, гудит бранью и спорами корчма, выкрикивают торговки, поют нищие, пиликает скрипка, меланхолично жужжит лира, а важные волы, прикрывая от солнца глаза, сонно жуют сено под эти нестройные звуки; покинуло разноцветные огороды и густые верболозы с матово-бледной длинной листвой над криницею, при спуске к затону реки, где в тихие вечера в воде что-то стонет глухо и однотонно, словно дует в пустую бочку; навсегда покинуло родину для далеких уссурийских земель и ушло «на край света»...

Когда на село, расположенное в долине, легла широкая и прохладная тень от горы, за-

крывающей запад, а в долине, к горизонту, все зарумянилось отблеском заката, зарделись рощи, вспыхнули алым гляncем изгибы реки, и за рекой как золото засверкали равнины песков, народ, пестреющий яркими, праздничными нарядами, собрался на зеленую леваду, к белой старинной церковке, где молились еще казаки и чумаки перед своими далекими походами.

Там, под открытым небом, между нагруженных телег, начался молебен, и в толпе воцарилась мертвая тишина. Голос священника звучал внятно и отдельно, и каждое слово молитвы проникало до глубины каждого сердца...

Много слез упало на этом месте и в былые дни. Стояли здесь когда-то снаряженные в далекий путь «лыцари». Они тоже прощались, как перед кончиной, и с детьми и с женами, и не в одном сердце заранее звучала тогда величаво-грустная «дума» о том, «як на Чорному Морі, на білому камені сидить ясен сокіл-білозірець, жалібненько квилить-поквиляє...». Многих из них ожидали «кайдани турецькіі, каторга бусурманська», и «сиві туман-

ни» в дороге, и одинокая смерть под степным курганом, и стаи орлов сизокрылых, что будут «на чорній кудрі наступати, з лоба очі козацьки видирати...». Но тогда надо всем витала гордая казацкая воля. А теперь стоит серая толпа, которую навсегда выгоняет на край света не прихоть казацкая, а нищета, эти желтые пески, что сверкают за рекою. И как на великой панихиде, заказанной по самом себе, тихо стоял народ на молебне с поникшими, обнаженными головами. Только ласточки звонко щебетали над ними, проносясь и утопая в вечернем воздухе, в голубом глубоком небе...

А потом поднялись вопли. И среди гортанного говора, плача и криков двинулся обоз по дороге в гору. В последний раз показался Великий Перевоз в родной долине — и скрылся... И сам обоз скрылся наконец за хлебами, в полях, в блеске низкого вечернего солнца...

II

Провожавшие возвращались домой. Народ толпами валил под гору, к хатам. Были и такие, что только вздохнули и пошли домой торопливо и беспечно. Но таких было мало.

Молча, покорно согнувшись, шли старики и старухи; хмурились суровые хозяйственные мужики; плакали дети, которых тащили за маленькие ручки отцы и матери; громко кричали молодые бабы и дивчата.

Вот две спускаются под гору, по каменистой дороге. Одна, крепкая, невысокая, хмурит брови и рассеянно смотрит своими черными серьезными глазами куда-то вдаль, по долине. Другая, высокая, худенькая, плачет... Обе наряжены по-праздничному, но как горько плачет одна, прижимая к глазам рукава сорочки! Спотыкаются сафьяновые сапоги, на которые так красиво падает из-под плахты белоснежный подол... Звонко, с неудержимой радостью пела она до глубокой ночи, бегая на берегу с ведрами, когда отец Юхыма твердо сказал, что не пойдет на новые места! А потом...

— Прокинулись сю ніч, — говорил Юхым растерянно, — прокинулись вони, Зинька, та й кажуть: «Ідемо на переселения!» — «Як же так, тату, вы ж казали...» — «Ні, кажуть, я сон бачив...»

А вот на горе, около мельниц, стоит в тол-

пе стариков старый Василь Шкуть. Он высок, широкоплеч и сутул. От всей фигуры его еще веет степной мощью, но какое у него скорбное лицо! Ему вот-вот собираться в могилу, а он уже никогда больше не услышит родного слова и помрет в чужой хате, и некому будет ему глаза закрыть. Перед смертью оторвали его от семьи, от детей и внучат. Он бы дошел, он еще крепок, но где же взять эти семьдесят рублей, которых не хватило для разрешения идти на новые земли?

Старики, растерянно переговариваясь, каждый со своей думой, стоят на горе. Они все глядят в ту сторону, куда отбыли земляки.

Уже давно не стало видно и последней телеги. Опустела степь. Весело и кротко распевают, сыплют трели жаворонки. Мирно и спокойно догорает ясный день. Привольно зеленеют кругом хлеба и травы, далеко-далеко темнеют курганы; а за курганами необъятным полукругом простерся горизонт, между землей и небом охватывает степь полоса голубоватой воздушной бездны, как полоса далекого моря.

«Що воно таке, сей Уссурійський край?» —

думают старики, прикрывая глаза от солнца, и напрягают воображение представить себе эту сказочную страну на конце света и то громадное пространство, что залегает между ней и Великим Перевозом, мысленно увидеть, как тянется длинный обоз, нагруженный добром, бабами и детьми, медленно скрипят колеса, бегут собаки и шагают за обозом по мягкой пыльной дороге, пригретой догорающим солнцем, «дядьки» в широких шароварах.

Небось и они все глядят в эту загадочную голубоватую даль:

«Що воно таке, сей Уссурійський край?»

А старый Шкуть, опершись на палку, нагнувшись на лоб шапку, представляет себе воз сына и с покорной улыбкой бормочет:

— Я йому, бачите, і пилу і фуганок дав... і як хату стріють, він тепер знає... Не пропаде!

— Богато людей загинуло! — говорят, не слушая его, другие. — Богато, богато!

III

Темнеет — и странная тишина царит в селе.

Теплые южные сумерки неясной дымкой смягчают вечернюю синеву глубокой доли-

ны, затушевывают эту огромную картину широкой низменности с темными кущами прибрежных роц, с тускло блестящими изгибами речки, с одинокими тополями, что чернеют над долиной. Старинный Великий Перевоз сеет своими скученными хатами в котловине у подошвы каменистой горы. Смутно, как полосы спелых ржей, желтеют за рекой пески. За песками, уже совсем неясно, темнеют леса. И даль становится дымчато-лиловой и сливается с сумеречными небесами.

Все как всегда бывало в этой мирной долине в летние сумерки... Но нет, не все! Много стоит хат темных, забитых и немых...

Уже почти все разбрелись по домам. Пустеет дорога. Медленно бредет по ней несколько человек, провожавших переселенцев до ближнего перекрестка.

Они чувствуют ту внезапную пустоту в сердце и непонятную тишину вокруг себя, которая всегда охватывает человека после тревоги проводов, при возвращении в опустевший дом. Спускаясь под гору, они глядят на село другими глазами, чем прежде, — точно после долгой отлучки...

Вот расстилается пахучий дымок над чьей-то хатой... покойно и буднично...

Вот красной звездочкой, среди темных садов, среди скученных дворов, загорелся огонек...

Глядя на огоньки и в долину, медленно расходятся старики, и на горе, близ дороги, остаются одни темные ветряки с неподвижно распростертыми крыльями.

Молча идет под гору, улыбаясь своей странной улыбкой старческого горя. Василь Шкуть. Медленно отложил он калитку, медленно прошел через дворик и скрылся в хате.

Хата родная. Но Шкуть в ней больше не хозяин. Ее купили чужие люди и позволили ему только «дожить» в ней. Это надо сделать поскорее...

В теплом и душном мраке выжидательно трюкает сверчок из-за печки... словно прислушивается... Сонные мухи гудят по потолку... Старик, согнувшись, сидит в темноте и безмолвии.

Что-то он думает? Может быть, про то, как где-то там, по смутно белеющей дороге, тихо поскрипывает обоз? Э, да что про то и думать!

Звонкий девический голос замирает за рекою:

*Ой зійди, зійди,
Ясен місяцю!*

Глубокое молчание. Южное ночное небо в крупных жемчужных звездах. Темный силуэт неподвижного тополя рисуется на фоне ночного неба. Под ним чернеет крыша, белеют стены хаты. Звезды сияют сквозь листья и ветви...

IV

А они еще далеко.

Они ночуют в степи, под родным небом, но им уже кажется, что они за тысячу верст ото всего привычного, родного.

Как цыганский табор, расположились они у дороги. Распрягли лошадей, сварили ужин; то вели беспокойные разговоры, то угрюмо молчали и сторонились друг друга...

Наконец все стихло.

В звездном свете темнели беспорядочно скученные возы, виднелись фигуры лежащих людей и наклоненных к траве лошадей. Сторожевые, с кнутами в руках, сонно ежились

возле телег, зевахи и с тоской глядели в темную степь...

Но с какой радостью встрепенулись они, когда услышали скрип проезжей телеги! Земляк! Они окружили его, улыбались и жали ему руку, словно не видалось много-много лет.

Разбуженные разговором, подымались с земли и другие и, застенчиво скрывая свою радость, тоже толпились у телеги проезжего, закуривали трубки и были готовы говорить хоть до самого света...

Потом опять все затихло.

Взволнованные встречей, засыпали они, закрывая головы свитками, и все думали об одном — о далекой неизвестной стране на краю света, о дорогах и больших реках в пути, о родном покинутом селе...

Холоднело. Все спало крепким сном — и люди, и дороги, и межи, и росистые хлеба.

С отдаленного хутора чуть слышно донесся крик петуха. Серп месяца, мутно-красный и поникший на сторону, показался на краю неба. Он почти не светил. Только небо около него приняло зеленоватый опенок, почернела

степь от горизонта, да на горизонте выступило что-то темное. Эти были курганы. И только звезды и курганы слушали мертвую тишину на степи и дыхание людей, позабывших во сне свое горе и далекие дороги.

Но что им, этим вековым молчаливым курганам, до горя или радости каких-то существ, которые проживут мгновение и уступят место другим таким же — снова волноваться и радоваться и так же бесследно исчезнуть с лица земли? Много кочевавших в степи обозов и станов, много людей, много горя и радости видели чти курганы.

Одни звезды, может быть, знают, как свято человеческое горе!

1894

Святые Горы*

I

Путь к Донцу, к древнему монастырю на Святых Горах, пролегает на юго-восток, на Азовские степи.

Ранним утром великой субботы я был уже под Славянском. Но до Святых Гор оставалось еще верст двадцать, и нужно было идти поспешно. Этот день мне хотелось провести в обители.

Предо мной серело пустынное поле. Один сторожевой курган стоял вдалеке и, казалось, зорко глядел на равнины. С утра в степи было по-весеннему холодно и ветрено; ветер просушивал колеи грязной дороги и шуршал прошлогодним бурьяном. Но за мной, на западе, картинно рисовалась на горизонте гряда меловых гор. Темнея пятнами лесов, как старинное, тусклое серебро чернью, она тонула в утреннем тумане. Ветер дул мне навстречу, охлаждал лицо, рукава, степь увлекала, завладевала душой, наполняла ее чувством радости, свежести.

За курганом блеснула круглая ложбина,

налитая весенней водой. Я свернул к ней на отдых. Есть что-то чистое и веселое в этих полевых апрельских болотцах; над ними вьются звонкоголосые чибисы, серенькие трясогузки щеголевато и легко перебегают по их бережкам и оставляют на иле свои тонкие, звездообразные следы, а в мелкой, прозрачной воде их отражается ясная лазурь и белые облака весеннего неба. Курган был дикий, еще ни разу не тронутый плутом. Он расплылся на два холма и, словно поблекшей скатертью из мутно-зеленого бархата, был покрыт прошлогодней травой. Седой ковыль тихо покачивался на его склонах — жалкие остатки ковыля. «Время его, подумал я, — навсегда проходит; в вековом забвении он только смутно вспоминает теперь далекое былое, прежние стоны и прежних людей, души которых были роднее и ближе; ему, лучше нас умели понимать его шепот, полный от века задумчивости пустыни, так много говорящей без слов о ничтожестве земного существования».

Отдыхая, я долго лежал на кургане. С полей уже тянуло теплом. Облака светлели, тая-

ли. Жаворонки, невидимые в воздухе, напоенном парами и светом, заливались над степью безотчетно-радостными трелями. Ветер стал ласковый, мягкий. Солнце согревало меня, и я закрывал глаза, чувствуя себя бесконечно счастливым. В южных степях каждый курган кажется молчаливым памятником какой-нибудь поэтической были. А побывать на Донце, на Малом Танаисе, воспетом «Словом», — это была моя давнишняя мечта. Донец видел Игоря, — может быть, видел Игоря и Святогорский монастырь. Сколько раз разрушался он до основания и пустели его разбитые стены! Сколько претерпел он, стоя на татарских путях, в диких степных равнинах, когда иноки его были еще воинами, когда они переживали долгие осады от полчищ диких орд и воровских людей!

Скрип телеги, на которой сидел старик, свесив с грядки ноги в допотопных сапогах, и сопение волов, которые, покачиваясь и вытягивая шеи, придавленные тяжелым ярмом, медленно тащились по дороге, разогнали мои думы. Я зашагал еще поспешнее.

Полоса леса серовато чернела вдали. Я не

сводил с нее глаз, думая, что за лесом-то и откроется долина Донца и Горы. Лес оказался очень старым, заглохшим. Меня поразила его безжизненная тишина, его корявые, иссохшие дебри. Замедляя шаги, я с трудом пробирался по хворосту и бурелому, который гнил в грязи глубоких рытвин дороги. Ни одной птицы не слышно было в чащах. Иногда дорогу затопляло целое болото весенней воды. Сухие деревья сквозили кругом; их кривые сучья бросали слабые, бледные тени.

Скоро, однако, в пролете лесной дороги снова проглянула просторная, вольная даль. Сухой степной ветер все усиливался, разгоняя в ярком весеннем небе белые облака, делая даль бесконечной. Монастыря же все не было.

Хохол, к которому я подходил с расспросами о дороге, рослый мужик с маленькой головой, одетый в короткую, словно из осиновой коры сшитую, свитку, не спеша шел за плугом. Плуг тащили четыре вола, а волов вела девочка.

— Тату! — сказала она мужику, обращая его внимание на меня.

Он остановился.

— Эта дорога на Святые Горы? — спросил я.

— А куды вам треба?

— В монастырь.

— Якій монастырь?

— Да вы разве никогда не были на Святых
Горах?

— В якономіі?

— Да не в экономии, а в самом монастыре,
в церкви.

— У церкві? Та у нас своя церква на селі.

— А в монастыре?

— Та був, ще хлопцем. Тоді чума на скот
була, так казали, що там пробував такий мо-
нах, що знав замовляти. От і ходили усі, у кого
скотина боліла; звісно, молебствіе служили і
в село привозили того інока. Ну, походив він
по дворах, покропив водою, а про те нічого не
помоглось.

— Так это дорога туда?

— Эге ж...

И хохол, даже не взглянув на меня, снова
спокойно пошел за плугом.

Я уже чувствовал усталость. Ноги ныли в
пыльных, горячих сапогах. И я принялся счи-
тать шаги, и занятие это так увлекло меня,

что я очнулся только тогда, когда дорога круто завернула влево и вдруг ослепила резкой белизной мела. Вдалеке, налево, на самом горизонте, над чащей леса, сверкал золотой купол церкви. Но я едва взглянул туда. Передо мной, в огромной, глубокой долине, открылся Донец.

Долго простоял я неподвижно, глядя на мутную синеву этих привольных лугов. Все они были затоплены водой, — Донец был в разливе. Стальные полосы реки сверкали в чащах коричневых камышей и залитых половодьем прибрежных лесов, а к югу разливались еще шире, совсем уже смутные у подножья далеких меловых гор. И горы эти белели так смутно-смутно... Потом я обгонял идущий на богомолье народ — женщин, подростков, дряхлых калек с выцветшими от времени и степных ветров глазами, и все думал о старине, о той чудной власти, которая дана прошлому... Откуда она и что она значит?

Между тем монастырь все еще не показывался. Небо потускнело, ветер начал пылить по дороге, и в степи стало скучно. Донец скрылся за холмами. Я попросил проезжего

хлопца подвезти меня, и он посадил меня в свою тележку на двух колесах. Мы разговорились, и я не заметил, как мы въехали в лес и стали спускаться под гору.

Все круче, отвеснее становилась горная дорога, каменная, узкая, живописная. Мы спускались все ниже и ниже, а столетние красноватые стволы мачтовых сосен, гордо выделяясь среди разнообразной лесной заросли, мощно вцепившись корнями в каменные берега дороги, плавно подымались все выше и выше, возносились зелеными кронами к голубому небу. Небо над нами казалось еще глубже и невиннее, и чистая, как это небо, радость наполняла душу. А внизу, сквозь зеленую чащу леса, между соснами, вдруг проглянула глубокая и, как показалось, тесная долина, золотистые кресты, купола и белые стены домов у подошвы лесистой горы — все скученное, картинно сокращенное отдалением, — и светлая полоса узкого Донца, и густая синева воздуха над сплошными луговыми лесами за ним...

II

Донец под Святыми Горами быстр и узок.

Правый берег его возвышается почти отвесной стеной и тоже щетинится лесной чащей. Под ним-то и стоит белокаменная обитель с величавым, грубо раскрашенным собором посреди двора. Выше, на полуторе, белея в зелени леса, висят два меловых конуса, два серых утеса, за которыми ютится старинная церковка. А еще выше, уже на самом перевале, рисуется в небе другая.

С юга надвигалась туча, но весенний вечер был еще ясен и тепел. Солнце медленно уходило за горы; широкая тень стлалась по Донцу от них. По каменному двору обители, мимо собора, я пошел к крытым галереям, что ведут в гору. В этот час пусто было в их бесконечных переходах. И чем выше подымался я, тем все более веяло на меня суровой монастырской жизнью — от этих картинок, изображающих скиты и кельи отшельников с гробами вместо ночных лож, от этих печатных поучений, развешанных на стенах, даже от каждой стертой и ветхой ступеньки. В полусумраке этих переходов чудились тени отошедших от мира сего иноков, строгих и молчаливых схимников...

Меня тянуло туда, к меловым серым конусам, к месту той пещеры, где в трудах и молитве, простой и возвышенный духом, проводил свои дни первый человек этих гор, та великая душа, которая полюбила горный гребет над Малым Танаисом. Дико и глухо было тогда в первобытных лесах, куда пришел святой человек. Лес бесконечно синел под ним. Лес глушил берега, и только река, одинокая и свободная, плескала и плескала своими холодными волнами под его навесом. И какая тишина царила кругом! Резкий крик птицы, треск сучьев под ногами дикой козы, хриплый хохот кукушки и сумеречное уханье филина — все гулко отдавалось в лесах. Ночью величавый мрак простирался над ними. По шороху и плеску воды угадывал инок, что вплавь переходят Донец люди. Молчаливо, как рать дьяволов, перебирались они через реку, шуршали по кустам и исчезали во мраке. Жутко тогда было в горной норе одинокому человеку, но до рассвета мерцала его свечка и до рассвета звучали его молитвы. А утром, изнуренный ночными ужасами и бдением, но с светлым лицом, выходил он на бо-

жий день, на дневную работу, и опять коротко и тихо было в его сердце...

Глубоко внизу подо мною все тонуло в теплых сумерках, мелькали огни. Там уже началась сдержанно радостная тревога приготовлений к светлой заутрене. А здесь, за меловыми утесами, было тихо и еще брезжил свет зари. Птицы, живущие в трещинах скал и под карнизами церковки, реяли вокруг, визжа, как старый флюгер, и всплывали снизу и неслышно падали вниз, в сумрак, на своих мягких крыльях. Туча с юга заволокла все небо, вея теплотой дождя, весенней душистой грозы, и уже содрогалась от вспышек молний. Сосны горного обрыва сливались в темную опушку и чернели, как горб спящего зверя...

Я успел сходить и на вершину горы, в верхнюю церковку, нарушил шагами ее гробовую тишину. Монах, как привидение, стоял за ящичком со свечами. Два-три огонька чуть потрескивали... Поставил и я свою свечу за того, кто, слабый и преклонный летами, падал ниц в этом маленьком храме в те давние грозные ночи, когда костры осады пылали под стенами обители...

Утро было праздничное, жаркое; радостно, наперебой трезвонили над Донцом, над зелеными горами колокола, уносились туда, где в ясном воздухе стремилась к небу белая церковка на горном перевале. Говор гулом стоял над рекой, а на баркасе прибывало по ней в монастырь все больше и больше народу, все гуще пестрели праздничные малороссийские наряды. Я нанял лодку, и молоденькая хохлушка легко и быстро погнала ее против течения по прозрачной воде: Донца, в тени береговой зелени. И девичье личико, и солнце, и тени, и быстрая речка — все было так прелестно в это милое утро...

Я побывал в скиту — там было тихо, и бледная зелень березок слабо шепталась, как на кладбище, — и стал взбираться в гору.

Взбираться было трудно. Нога глубоко тонула во мху, буреломе и мягкой прелой листве, гадюки то и дело быстро и упруго выскальзывали из-под ног. Зной, полный тяжелого смолистого аромата, неподвижно стоял под навесами сосен. Зато какая даль открылась подо мною, как хороша была с этой высоты

долина, темный бархат ее лесов, как сверкали разливы Донца в солнечном блеске, какую горячею жизнью юга дышало все крутом! То-то, должно быть, дико-радостно билось сердце какого-нибудь воина полков Игоревых, когда, выскочив на хрипящем коне на эту высь, повисал он над обрывом, среди могучей чащи сосен, убегающих вниз!

А в сумерках я уже опять шагал в степи. Ветер ласково веял мне в лицо с молчаливых курганов. И, отдыхая на них, один-одинешенек среди ровных бесконечных полей, я опять думал о старине, о людях, почивающих в степных могилах под смутный шелест седого ковыля...

1895

Учитель *

I

Накануне сочельника учитель земской школы в Можаровке, Николай Нилыч Турбин, занимался очень неохотно. Класс был наполовину пуст. Турбин с усилием дотягивал занятия до половины второго. За последнее время во многих неприятностях и в утомительной работе он подкреплял себя напряженным ожиданием праздника и надеждой съездить домой. Но ехать оказалось не на что. Турбин давно уже понял, что никуда не поедет, но сказать себе это определенно все оттягивал. Теперь больше всего хотелось остаться одному. «Обсудим, обсудим!» — думал он беспокойно, прикрывая глаза, и ребята думали, что он или сердит, или нездоров. И правда, к концу занятий у него начало ломить в левой стороне головы.

Когда же школа опустела, Турбин со злобой прихлопнул дверь в передней и быстро пошел в свою комнату.

— Пусть будет так! — сказал он и, хмурясь, скинул с себя пиджак. Повесив его под про-

стыню на стену, он накинул на себя длинный тулуп, крытый казинетом, и лег на кровать. «Ночной зефир струит эфир...» — напевал он мысленно. В голове стояло одно и то же: «Пусть будет так! — черт его побери, не ехать, так не ехать... эка важность!» Тащиться к дьячку обедать не хотелось. Левая сторона головы продолжала болеть. Он обмял плечом подушку поудобнее и старался не шевелиться.

Сквозь дремоту он слышал, как приходил сторож Павел, обивал от снега лапти, крякал с мороза, сморкался и гремел ведрами; видел сквозь полузакрытые веки, что в комнате разливается отсвет заката, и чувствовал, что от холода стыннут ноги и кончик носа...

II

Турбину шел двадцать четвертый год. Был он белокур, очень высок ростом, худ и от застенчивости очень неловок. Был он сын сельского дьякона, учился в семинарии, но курса не кончил: по бедности пришлось вернуться домой; дома он все выписывал программы, думая приготовить то в юнкерскую, то в межевую школу. Кончил, однако, экзаменом на

сельского учителя и рад был этому. Жить дома было тяжело. Матери он не помнил, а дьякон отличался болезненно-угрюмым характером; лицо у него было как на старинных иконах у схимников — темное, деревянное, фигура сухая, сутулая; говорил он глухим басом и все кашлял, заправляя за ухо длинные косицы седых волос. Даже тон его был всегда один — такой, словно он старался вразумить, растолковать, образумить.

Однако, проживши год одиноко, Турбин стал вспоминать об отце с тоской и нежностью, дни и ночи мечтал о поездке домой. Он все обманывал себя надеждами на будущее: вот, мол, дай только это время пережить, а там... все пойдет прекрасно. Лето он пробыл на кондиции — из-за одного содержания — у богатого лесорубщика и думал отправиться домой в августе, хотя недельки на две. Но нужно было справиться к зиме тулуп. Осенью он надеялся на святки. Со всеми подробностями представлял он себе, как приедет домой... долго будет сидеть с отцом в первый вечер за самоваром, в знакомой чистой и теплой хате, душевно будет говорить с ним до поздней

ночи. А потом поедет в большое торговое село к двоюродной сестре; у сестры будут каждый вечер гости, барышни и молодые люди с фабрики. «Надо будет захватить с собою гитару», — думал Турбин.

Чтобы скопить денег, он от священника перешел обедать и ужинать к дьячку. Но в ноябре отец написал ему, что он должен ехать в губернский город лечиться, и просил денег. Чтобы предупредить отказ, письмо было строго и властно. Внизу же была приписка: «А последнее мое слово: имей бога и сознание, пожалей мою старость». И учитель отослал все свое сбережение. Осталась надежда зарабатывать корреспонденциями. Он стал почти ежедневно посылать в губернский город статьи под заглавием: «Родные отголоски» и за подписью «Ариель». Но из них взяли только пару заметок — о дождях и о несчастном случае на винокуренном заводе.

III

Школа стояла одиночкой, на горе. Слева были церковь и кладбище, походившее на запущенный сад, справа — косогор. Дорога шла из полей мимо училища влево под гору.

Под горой, ниже кладбища, жили духовные; против них, через дорогу, стояли лавка и кабак Грибакина. На той стороне, за речкой, была усадьба Линтварева с белыми хоромами и скучно синеющими рядами елей перед ними. Винокуренный завод вечно дымился в стороне от нее, над речкой. Подле него находились неуклюжие заводские строения — очистные, подвальные — и домики на манер железнодорожных — для служащих.

С завода приходили к Грибакину гости — старый барский повар, всеми уважаемый за его поездку в Иерусалим, о которой он постоянно со смирением и важностью рассказывал, и за его близкое знакомство с интимной жизнью господ, конторщики, подвальные, дистиллятор, медник. Это был народ, лавочнику нужный; по вечерам они забавлялись у него стуколкой. Турбин избегал попадать на такие вечера: его усаживали за карты, а он не любил проигрывать. Да и Грибакин обходился с ним учтиво, но холодно. Весной он заметил, что у его жены, нахально-красивой молодой женщины, стали завязываться с учителем какие-то особенные разговоры, заметил и не по-

дал виду, выжидая, что дальше будет: такой он был благообразный и вежливый старичок в опрятной серой поддевочке. И правда, учитель нравился лавочнице. Но он старался отделяться от нее шуточками. Она сперва покрикивала на него — «это еще что за новости?» — а потом начала звать гулять на кладбище и все чаще напевать сдержанно-страстно, прикрывая, как бы в изнеможении, глаза:

*Вот скоро, скоро я уеду,
Забудь мой рост, мои черты!*

Тогда Турбин стал пропадать по вечерам в поле. «Пойдут сплетни, — думал он, — различные неприятности... немислимо!» И лавочница стала говорить ему при встречах дерзости.

«Ага, — думал Грибакин, — перековала язычок!» В гостях на заводской стороне учитель бывал у дистиллятора Таубкина. Таубкин, молодой еврей, рыжий и золотушный, в золотых очках для близоруких, был человек очень радушный, и у него собиралась большая компания. Но между нею и учителем отношения тоже как-то не завязывались. Учи-

тель дичился, а заводские все были друг с другом запанибрата, — все жили дружно, одними интересами, часто бывали друг у друга, пили портвейн и закусывали сардинами, танцевали под аристон, а после играли в «шестьдесят шесть». Старшие рабочие на заводе из очистной, здоровые мужики в фартуках, отличались во всем грубой решительностью и собственными достоинствами. Учитель некоторых из них побаивался даже, — например, посыльного на почту: говорил ему «вы», давал на водку, но посыльный все-таки поражал его своим презрительным спокойствием.

IV

Осень началась солнечными днями.

По воскресеньям Турбин с утра уходил в поле, туда, где видны были на горизонте станция и один за другим уходящие вдаль телеграфные столбы. Его тянуло туда, потому что в ту сторону поезд должен был унести его на родину. С утра было светло и тихо. Низкое солнце блестело ослепительно. Белый, холодный туман затоплял реку. Белый дым таял в солнечных лучах над крышами изб и уходил в бирюзовое небо. В барском парке, прохва-

ченном ночью сыростью, на низах стояли холодные синие тени и пахло прелым листом и яблоками; на полянах, в солнечном блеске, сверкали паутины и неподвижно рдели светло-золотые клены. Резкий крик дроздов иногда нарушал тишину. Листья, пригретые солнцем, слабо колеблясь, падали на темные, серые дорожки. Сад пустел и дичал; далеко виден был в нем полураскрытый, покинутый шалаш садовника.

Не спеша, учитель всходил на гору. Село лежало в широкой котловине. Ровно тянулся ввысь дым завода; в ясном небе кружили и сверкали белые голуби. На деревне всюду резко желтела новая солома, слышался говор, с громом неслись через мост порожние телеги... А в открытом поле — под солнцем, к югу — все блестело; к северу горизонт был тмен и тяжел и резко отделялся грифельным цветом от желтой скатерти жнивья. Издалека можно было различить фигуры женщин, работающих на картофельных полосах, медленно едущего по полю мужика. Золотистыми кострами пылали в лощинах лесочки. Кирпично краснели крыши помещичьих хуто-

ров. Учитель напряженно смотрел на них. Им овладело беспокойство одиночества, тянуло в эту неизвестную ему среду, в новую обстановку, где жизнь, как ему казалось, проходит свободно, легко, весело. И за думами о помещицкой жизни он совсем не видел простора, красоты, которая была вокруг.

На месте срубленного леса белела щепка, среди обрубленных сучьев и поблекших листьев возвышались три длинные, тонкие березки с уцелевшими макушками. Их очертания так хорошо гармонировали с открытыми полями. А Турбин, при виде этих березок, всегда вспоминал, что здесь он встретил жену Линтварева. С Линтваревыми он познакомился и встречался несколько раз на станции. Они держали себя с ним просто и даже ласково. Про Линтварева было слышно, что он окончил курс в университете, увлечен земскими делами, профессиональным образованием. Все это, с придачей богатства и знатности, внушило Турбину большое уважение к Линтваревым. При встрече с ним жена Линтварева так ласково улыбнулась ему и показалась так изящна и аристократична, что

учитель покраснел от радости и тут же решил непременно побывать у них в гостях, завязать прочное знакомство. Он долго глядел вслед ее английскому шарабану. Он не видел, куда идет, мечтая о том, как он будет сидеть у Линтварева на балконе, вести интересный, живой разговор, пить прекрасный чай и курить дорогую сигару...

V

В конце сентября, в октябре дожди лили с утра до ночи. Линтваревы уехали. Сад их почернел, стал как будто ниже и меньше. Деревня приняла темный, жалкий вид. Холодный ветер затягивал окрестности туманной сеткой дождя. В училище запахло кислой печной сыростью, стало холодно, темно и неуютно.

Турбин вставал еще при огне, в ту неприязненную пору, когда, после мрачной дождливой ночи, над грязными полями, над колеями дорог, полными водою, недовольно начинал дымиться бледный рассвет. Будил стук дверей. Ребята натаскивали на лаптях в переднюю грязи, возились, топали и кричали. В двери несло ледяной сыростью. С дрожью

подходил учитель к умывальнику. Потом спешно пил горячий жидкий чай вприкуску и тушил лампочку. После ее желтого света в комнате синел холодный утренний сумрак. В этом сумраке учитель входил в класс и, завернувшись в тулуп, натягивая его на холодеющие колени, садился за свой стол. Начиналась упорная работа. Сперва он горячился, напрягал все усилия говорить понятнее и сдержаннее, потом только смотрел, как сечет окна косою дождь и тянутся обозы к заводу; мужики шлепали по грязи, накрывшись рогожами; от потных, потемневших лошадей валил пар. И все представлял учитель самого себя едущим на вокзал в телеге: телега медленно качается, хлюпает по дороге, и заливается-стонет ветер, гнет в поле одинокую голую березку...

Оживлялся он при говоре и толкотне уходящих учеников.

— Здорово льет? — спрашивал он Павла, засовывая ноги в старые большие калоши.

— Кажись, перестает, — каждый день отвечал на это Павел.

— По морю, яко по суху, — каждый день го-

ворил лавочник, стоя под навесом кабака, и снисходительно смеялся.

Турбин, всегда в этот момент перебиравшийся на другую, менее грязную сторону дороги, махал с ответным смехом рукой и вдруг делал со всех своих длинных ног гигантский, отчаянный шаг. Шлепнув калошей в лужу и видя, что над этим прыжком покатывается со смеху сидящая за шитьем под окном лавочница, он, с кривой улыбкой, неловко пробирался под плетнем дальше.

— Писем, Иван Филимонович, нету? — кричал он издалека лавочнику. — Вы, говорят, на станции были?

— Пишут-с!

— То-то несуразный-то! — говорила лавочница, как бы с сожалением, качая головою и откусывая нитку.

Дьячок Скрябин был самый убогий человек в селе. Унылый, поблекший нос, жидкая коса, слезящиеся глаза, — все в нем напоминало старуху. Тяжело было глядеть, как он весной, в полую воду, или осенью, под дождем, брел к выгону в огромных растрепанных валенках, внутри которых была солома.

На клиросе он читал и подпевал разбитым голосом так, словно он был выпивши или бредил. В избе у него, как у большинства духовных, было довольно чисто и уютно, но толкось семь человек детей. Никто не обращал на них внимания. И сам Скрябин, и жена его только и думали с утра до ночи, что об еде. Скрябин ел походя: то лазил в печку за картофелем, то пек яйца, то наливал череп полчаса после обеда чашку похлебки, то жевал хлеб. Раза три или четыре в день он возился с самоваром, собирал щепки, раздувал его то губами, то старым голенищем. У жены Скрябина было приветливое, открытое и покорное лицо. Когда в октябре она умерла перед концом беременности, Турбин долго не мог без содрогания видеть ее хибарки.

Чаще всего после обеда он бывал в гостях у священника о. Федора Рокотова. Священник выходил заспанный, с светлыми слезящимися глазами и красными полосами на виске от рубцов подушки. Он улыбался и говорил с благодушным снисхождением к своей слабости:

— А я прилег на минуту, да и задремал, как

сурок...

Вечером затеивалась игра в преферанс на орехи. Иногда Турбин играл с поповной на двух гитарах «В глубокой теснине Дарьяла», «Раздумье Вольтера» или на мотив малороссийского казачка «Прибежали в избу дети»... Томной меланхолией звучали струны гитар. Священник острил насчет худобы и роста Турбина, и Турбин всегда при этом смеялся, прикрывая, по своей манере, рот рукою.

VI

Деревня тонула в сырых сумерках, зажигались на заводе огни и тянуло дымом самоваров, а он скользил по липкой грязи, мучился медленным восхождением на гору. Темь, холод, запах угарной печки и одиночество встречали его в безмолвном училище. Но первое время это не смущало его. Первый год в школе прошел как-то удивительно быстро. Турбин мечтал. Молодым скрытным семинаром он мечтал о многом — думал стать миссионером, городским священником. Представлял он себя в губернском городе, о. Николаем в шелковой лиловой рясе, на которую падают выхоленные кудри, даже почему-то в

золотых очках, как протоиерей в Вознесенском соборе. Мечтал о жизни с достатком, думал вести хорошее знакомство, быть человеком просвещенным, следящим за наукой, за политикой. Эти мечты погибли. Едучи в школу, он весь был переполнен рвением поскорее начать работать, сразу сделать свою школу образцовой, пописывать статейки по народному образованию, приняться за составление учебников. День за днем тускнели эти мечты. В Можаровке близость завода наводила его на мысль попасть на службу по акцизу, да так, чтобы годиков через пять получать тысячи три, а то и четыре, — бывали примеры.

Но прежде всего необходимо заняться самообразованием, — решал он, — это прежде всего; завести знакомство, почувствовать себя человеком. Вот только дай пройдет эта осень! Съезжу домой, а вернусь — буду ходить к Линтвареву, буду, бог даст, с живыми, настоящими людьми общаться...

И, волнуясь, он расхаживал по своей комнате. Потом брал выпрошенную еще в семинарии у товарища книжку журнала и принимался за статью: «Взгляд на русское судо-

устройство и судопроизводство». Но статья была невеселая. Осилив несколько страниц, Турбин опускал книгу, закрывал глаза и опять отдавался думам... Иногда, поздней ночью, растроганный нежностью к отцу, Турбин писал к нему длинные письма; но наутро они казались ему витиеватыми и невыразительными, и он не посылал их...

Когда обнаружилось, что ехать не на что, вечера изменились. Он стал проводить их в беспокойной тоске и бесплодных придумываниях, как устроить эту поездку. Иногда он решался даже на последнее средство — занять денег. Но тотчас же отказывался от него. «Немыслимо! Долги — погибель!» Проклиная в душе и себя, и темноту, и училище, он шагал к дьячку ужинать. Возвратясь, тотчас же завертывался в тулуп и ложился в постель. Вся тоска осенних дней охватывала его тогда. Черная ночь глядела в окна. На деревне во мраке зиял огнями завод; огненными искрами роились его высокие трубы; тогда тяжелым взмахом налетал ветер, чаще и гуще стрекал косой дождь в стекла окон и еще жалобнее завывало в печке... А на рассвете отда-

ленными-отдаленными, протяжными стонами доносилась перекличка петухов; медленно-медленно пробуждалась после долгой ночи жизнь. Дождь стихал; холоднело; ветер гнал в холодном небе белесые космы туч. Над деревней, над голыми полями занимался новый скучный день...

А потом пошли метели, засыпая снегом избы, слепя окна. Поболевшая деревня еще более опустела и затихла — даже собаки забивались в сенцы.

С утра до ночи неслась над ней вьюга и стояли мутные сумерки. В белой пыли тонули и завод и церковь. Ветер по ночам жалобно перезванивал на колокольне...

VII

Носов около шести Павел с громом уронил на пол вьюшку. Чтобы наглядить свою неловкость, он закричал и чмокнул губами:

— Ну и студено же на дворе! Вызвездило — страсть!

— А ты плешивых посчитай! — раздался из темноты спокойный голос учителя.

— Аи проснулись!

— Подремал, — отвечал учитель, зевая.

На душе у него было пусто. Он спустил длинные ноги с кровати и соображал, идти или нет к дьячку. Есть хотелось, — надо было идти.

На селе было темно и тихо. Морозило; на черном небе сверкали крупные звезды. Лай собачонки с того боку деревни звонко отдавался в чистом воздухе... Свежесть зимней ночи ободрила Турбина.

— Отцу Алексею — почтение! — сказал он шутливо-громко и с ударением на «о», нагибаясь и входя в избушку дьячка. — С преддверием!

Дьячок чинил хомут, сидя на лавке около коптившей лампочки. Он медленно поднял голову и, приложив большой палец к ноздре, сильно дунул носом в сторону. И опять посмотрел на Турбина сквозь висевшие на кончике носа очки.

— Не на званом ли обеде были? — спросил он, слабо улыбаясь и утирая нос полою.

— На званом, отец Алексей, на званом.

Старшая дочка дьячка, косенькая, миловидная и тихая девочка лет шести, шлепая босыми ножками по полу, собрала на стол. Тур-

бин молча принялся хлебать щи.

— Попробую и я с вами... — сказал дьячок, откладывая хомут в сторону, подошел к лейке над лоханью, плеснул водой на руки и взялся за ложку.

Косенькая девочка молча стояла у печки. Дьячок посмотрел на нее, опустил голову и сказал:

— Еже во плоти рождество господа нашего Иисуса Христа... Да... воспоминание избавления церкви и державы... А там и отдание праздника, и Новый год... Что-то я забыл, когда восход солнца? Заход знаю, а вот восход? Вы не помните?

Турбин захохотал, откинувшись к стене и закрыв рот рукою.

— А на что он нам, отец Алексей?

Девочка подошла к столу и серьезно стала убирать ложки. Турбин смолк и поскорее выбрался на улицу.

— Эхе-хе-хе-хе! — говорил он, шагая в гору и качая головой.

На полугоре он остановился и глубоко вздохнул свежим воздухом.

«Какой же, собственно, смысл в тоске? —

подумал он. — Живут и хуже моего!»

К удивлению его, в училище светился огонь. Не отец ли приехал? Или кто-нибудь из забытых товарищей? Но тогда у крыльца были бы лошади... «Наверно, Слепушкин или Кондрат Семеныч».

VIII

Кондрат Семеныч был сын обедневшего помещика, учился в гимназии, но дотянул только до пятого класса. Этому, впрочем, помогло и то, что на охоте с борзыми он сломал себе ногу. От отца Кондрату Семенычу осталось только тридцать десятин земли, небольшой флигелек на выезде Можаровки, шитье с дворянского мундира, портрет Николая I, два бронзовые шандала и дорожный ларчик красного дерева, из затейливых ящичков которого пахло старинными кислыми духами. Кондрат Семеныч сдал исполу мужикам землю, нанял кучера, записного охотника и пьяницу Ваську, и уже не разлучался с ним.

Кондрат Семеныч был широкоплеч, небольшого роста, особенно тогда, когда оседал на левый бок, на хромую ногу; черные волосы его кудрявились, а загорелое, кирпично-

го цвета лицо оживлялось маленькими веселыми глазками; нижняя челюсть выдавалась у него, но это придавало ему добродушное выражение; концы черных усиков на короткой верхней губе лихо завивались кверху.

Душа у Кондрата Семеныча была добрая, открытая. Пил он и в кабаках, и в гостях, и на охоте, лгал, хватался отчаянно и не скрывал этого: «А я тебе, брат, чертовски брехал вчера», — сплетничал без всякой предвзятой цели — просто под влиянием расположения к другу, а друзьями у него на селе были почти все. Колтыхая по деревенской улице, он так же дружески встречался и с помещиком, как и ставил ногу на втулку колеса к мужику, насыпая из его кисета сигарку махоркой. Носил, как все мелкопоместные, длинные сапоги, шаровары, картуз и поддевку, которая издавала какой-то особенный запах — запах пороха и лошади; как и они, любил хвастнуть своей рыженькой троечкой.

Турбин был у него раза два. Он надеялся через Кондрата Семеныча познакомиться со многими помещиками. Но тот только силился напоить его. К тому же и обстановка у него

была не такая, какую думал встретить Турбин: крыльцо перед домом было разрушено; в прихожей пол был как в свиной закуте — так он был унавожен жившими здесь и зиму и лето турманами, которые при входе людей поднимались тучей, с шумом и свистом крыльев, и совсем затемняли свет, проникавший сквозь радужные от времени стекла. В углу золы был насыпан ворох овса; тут же на соломе повизгивали, ползали и тыкались слепыми мордами гончие щенята; большая красивая сука, спавшая возле них, подняла голову с лап и наполнила всю залу музыкальным лаем. Голые стены кабинета были темны от табаку и мух; над турецким диваном висели ногойки, кинжалы и желтые шкурки лисиц. Под окном, на письменном столе, кучей была насыпана махорка, стояла коробка колесной мази, лежала шляя; из-под стола зеленела четверть водки. Турбин чувствовал себя неприятно. Не нравилось ему и то, что Кондрат Семеныч говорил ему «ты» и называл его циркулем.

Слепушкин служил на заводе подкурщиком; лицо у него было толстое, обрюзглое и

темное, как у заправского алкоголика, голос тяжелый, фигура медведя. Пил Слепушкин водку, смешанную с пивом: такой состав назывался «ершом», по трудности проглотить его сразу. В гостях у Турбина он засиживался до трех часов ночи и часто просил писать к лавочнику записки, чтобы тот прислал «дюжину».

— Не понимаю, — говорил он сонно, облокотясь на стол и глядя на учителя свинцовыми глазами, — не понимаю этих нежностей: ведь мне он не верит... а я, надеюсь, в состоянии заплатить вам этот несчастный целый.

— Само собой, — говорил Турбин, расхаживая по комнате, — я не сомневаюсь, но право же...

— Само собой, само собой! — дразнил Слепушкин.

— Пусть будет так... — начинал Турбин, — но главная вещь...

Тогда Слепушкин подымался.

— А уж этого «пусть будет так» я совсем не выношу! — говорил он с искренним презрением. — Вероятно, мы теперь не скоро уви-

димся.

IX

С неудовольствием вспоминая все это, Турбин подошел к училищу и заглянул в окно.

Кондрат Семеныч лежал на кровати, Таубкин, выгнув сутулую спину и запустив руки в карманы модных узких брюк, сверкал очками. Слепушкин сосредоточенно играл на гитаре, опустив голову и покачиваясь. Ему вторил на гармонике один из подвальных, Митька Лызлов, белобрысый и безусый. Он играл и с блаженной усмешкой тянул фальцетом:

*А всем барышням-модисткам
По поклончику по низком!*

Но кто-то был еще, какой-то благообразный господин с лысиной во всю голову, с длинными черными баками. Осторожно Турбин пробрался к противоположному окну, и даже руки у него похолодели: это был Прохор Матвейч, линтваревский лакей.

«Значит, Линтварев приехал, — думал Турбин. — Но какова это будет штука, если я пойду к нему, буду сидеть в зале — и вдруг входит Прохор Матвеевич?»

Стук двери и голоса слышались на крыльце. Турбин прижался за угол. По снегу закрипели шаги, Лызлов звонко заиграл на гармонике. Турбин осторожно пробрался в школу. Дверь на крыльцо осталась открытой; в комнате пахло табаком и свежестью морозного воздуха. Турбин поморщился. Но вдруг взгляд его упал на стол: конверт из плотной бумаги! Турбин смешался, покраснел, неловко рванул его...

«Многоуважаемый Николай Нилыч, — стояло в письме, — простите за поздний ответ. В тот приезд, как получил ваше письмо, я не успел ответить, а теперь хотелось бы поговорить с вами лично по поводу вашей просьбы, почему надеюсь, что вы не откажете мне в удовольствии видеть вас у себя на второй день праздника вечером. Преданный вам Линтварев».

Это был ответ на просьбу Турбина помочь школе учебниками. Но теперь Турбину было не до учебников; он ходит по комнате и бормотал с сияющим лицом:

— Преданный! Гм... Вот, ей-богу, чудак!
И внутри у него все дрожало от радости.

Х

К утру сочельника комната его сильно на­студилась. Вода в умывальнике замерзла. Стекла окон были сверху донизу запущены инеем и зарисованы серебряными пальмовы­ми листьями, узорчатыми папоротниками. Турбин спал крепко, и проснулся с ощущени­ем какой-то хорошей цели.

Он вскочил и отдернул примерзшую фор­точку. Резкий скрип саней стоял над всем вы­гоном: из-под горы тянулся длинный обоз, весь завейанный ночной поземкой; морды ло­шадей были в кудрявом инее. Все тонуло в яр­ких, но удивительно нежных и чистых крас­ках северного утра. Выгоны, лозины, избы — все казалось снеговыми изваяниями. И на всем уже сиял огнистый блеск восходящего солнца. Турбин заглянул из форточки влево и увидел его за церковью во всем ослепитель­ном великолепии, в морозном кольце с двумя другими, отраженными солнцами.

— Поразительно! — воскликнул он и, то­ропливо захлопнув форточку, юркнул под одеяло.

— Уши! — сказал он громко и засмеялся,

вспомнив, что мужики называют эти отражения солнца «ушами».

Передняя, куда он вышел умываться, вся была озарена солнцем. Он долго и особенно тщательно мылся, потом заглянул в классную: и там было теперь весело от солнца и тишины предпраздничного утра. «Не шуми ты, рожь...» — затянул он во все горло... Голос гулко отдался в пустой комнате, и это напомнило ему его одиночество. Он замолк и прошел в переднюю пить чай на окне, при солнце. Сообразивши, что идти к обедне уже поздно, он даже обрадовался. Его тянуло обдумать, получше обдумать что-то. Но, подавляя внутреннюю торопливость, он убрал чашки и самовар, надел новое пальто и медленно вышел.

Щурясь от ослепительного сверканья на парче снега, от блестящих отшлифованных, как слонобая кость, ухабов дороги, глубоко дыша холодным воздухом, он шел и все любовался деревней, синими резкими тенями около строений и горизонтом зеленоватого неба над далеким лесочком в снежном поле: туда, к горизонту, небо было особенно нежно и яс-

но. Иней приятно садился на веки, пар шел от дыхания, солнце пригревало щеку... Хорошо бы теперь откинуться в задок барских саней, полузакрыть глаза и только покачиваться, слушая, как заливается колокольчик над тройкой, запряженной впротяжку!

«Ну, так как же? Иду, значит? Или нет — не стоит?» — думал Турбин, шагая.

В душе он еще вчера решил, что пойдет. «Да, так лучше, — говорил он себе, — пойду на третий день, утром, по делу, ненадолго. Немыслимо сразу и гости прийти... это он дли приличия... Погонорю и уйду. Атом, на Новый год, примерно, уж и вечерком можно».

Незаметно он уходил все дальше и дальше и. говори одно, повторял в то же время другое: «Ну, так как же?..» Представив себе все неприятности этого посещения, он тотчас же начал разубеждать себя в этом, говорил, что «глупо рисовать все в дурном смысле», что он не хуже других... В конце концов, эта путаница мысли испортила ему настроение, утомила, стала мучить. Он поспешно пошел обедать.

Вернувшись и увидя свою бедную комнат-

ку вымытой и прибранной к празднику, он почувствовал себя совсем одиноким и стал думать спокойнее и серьезнее.

XI

Наступил праздник.

Турбин чувствовал себя как-то особенно, как привык чувствовать себя с детства в большие праздники, чинно стоял в церкви, чинно разговлялся у бабушки. Дома, не зная, за что приняться, он бесцельно походил по классу, заглянул в окно... В безлюдье села чувствовалось: все дождалось чего-то, оделись получше и не знают, что делать. С утра было серо и ветрено. После полудня воздух прояснился, облачное небо посинело, бледно-желтым пятном обозначилось солнце, снег стал ярче и желтее, поземка струйками закурилась на гребнях сугробов, подхватываясь и развеиваясь белой пылью, криво понеслись по ветру галки. Проезжий мужик повязал уши платком, стал на колени и погнал лошадь. Розвальни бежали, разрывая переносы сухого снега на обмерзлой дороге, постукивая и раскатываясь...

Скука с новой силой охватила Турбина.

Но вечером, когда он пошел на заводскую сторону, он неожиданно столкнулся с Линтваревым и совершенно потерялся от смущения.

— С праздником! — сказал он не то галантно, не то в шутку, неестественно изгибаясь.

Линтварев был среднего роста, с простым приятным лицом, с русою бородкой и ласковыми глазами. На нем был полушубок и валенки, на голове — барашковая шапка.

— Ах, Николай Нилыч! — сказал он, встрепенувшись и как будто даже заискивающе. — Здравствуйте, здравствуйте!.. Благодарю вас... Ну, что, как вы, — не соскучились?

— Пока еще нет, — ответил Турбин, краснея и силясь вложить в каждое слово не то что-то особенное, не то ироническое.

— Да, да...

Постояли, помялись.

— Ну, так увидимся? Да завтра?

Турбин опять не то галантно, не то комически раскланялся.

Домой он шел очень быстро. Как быть, где взять крахмальную рубашку? В вышитой по-настоящему невозможно!

Вечером он долго, с великим трудом зашивал задник сапога нитками и замазывал их чернилами.

Все утро он ходил по комнатам в одном белье, умывался, несколько раз принимался чистить сапоги, пачкал и опять мыл руки и все думал о рубашке.

— Ничего не придумаешь! — говорил он, останавливаясь среди комнаты. — Послать к Слепушкину? Немыслимо! Начнут судить, рядить... дойдет до Линтварева... Гадость!

Но нечто подобное случилось.

Около полудня к крыльцу школы подлетела тройка Кондрата Семеныча. С мороза его лицо было особенно свежо и темно-красно. Подбородок был выбрит, усы чернели ярко и лихо. На нем была сюртучная пара; в передней он сбросил енотовую шубу. Коренастый, приземистый, — об дороге не расшибешь, что называется, — бойко прихрамывая, он быстро вошел к Турбину, крепко поцеловался с ним, причем на Турбина пахнуло морозной свежестью и запахом закуски, и тотчас принял живейшее участие в заботах о его наряде.

— Валяй, брат, валяй смелей!

Турбин, хотя и относился к Кондрату Семенычу, как к человеку пустому, однако знал, что Кондрат Семеныч «бывал в обществе» и может подать совет.

— Как валять-то? — говорил он, сдерживая улыбку. — Тут такая неприятная история! Рубашки крахмальной нет! Кондрат Семеныч качнул головой.

— Это, брат, скверно. В вышитой явиться в первый раз в дом — нахальство!

— Ну, так как же? — говорил Турбин растерянно.

— Ни черта, — сказал Кондрат Семеныч. — Не робей!

И, отворив форточку, он своим хриплым охотничьим голосом гаркнул:

— Васька! Домой валяй! Духом доставь рубашку крахмальную... в сундуке, подлетней поддевкой...

Пока Василий ездил за рубашкой, Кондрат Семеныч рассказал, где он успел уже побывать, и с улыбкой сатира, от которой заблестели его маленькие карие глаза, вытащил из рукава шубы бутылку водки.

— Хвати для храбрости! Хочешь? — гово-

рил он, обивая сургуч с горлышка.

— Ну уж нет!

— Что, думаешь, пахнуть будет? Ни капельки. Только чаем зажуй. А впрочем, черт с тобой. Нет ли чашечки?

Выпив и закусив кренделем, Кондрат Семеныч заговорил серьезно:

— Ты, брат, себя поразвязней держи, посвободнее. А то ведь будешь сидеть, как кнут проглотил.

— А как брюки — ничего? — спрашивал Турбин. Кондрат Семеныч оглядел их с полной добросовестностью и подумал.

— Сойдет! — сказал он решительно. — За милую душу сойдет. Только вот смяты немного. Снимай, давай разгладим.

— Нет, нет, пустяки, — пробормотал Турбин, густо краснея.

— Ну, как знаешь.

Кондрат Семеныч лег на постель и вполголоса зашел:

*Вода — для рыбы, раков,
А мы, герои, водку пьем!*

В это время Васька внес рубашку. Но едва

Турбин надел ее, Кондрат Семеныч так и покатился со смеху.

— Нет... Не срамись! — хрипел он, задирая ее на голову Турбина. — Не годится!

Правда, рубашка не годилась. Накрахмалена она была отвратительно — вся была грязно-синяя, ворот ее был непомерно широк.

— Декольте! — повторил Кондрат Семеныч сквозь смех.

Турбин снова покраснел и даже запотел от злобы.

— Я вам не шут гороховый! — крикнул он бешено.

— Да за что ж серчаешь-то? — заговорил Кондрат Семеныч растерянно. — Сам тонок, как шест, хоть грачей доставать, а на меня серчает... Ну, хочешь, достану?

— Не понимаю — где? — глядя в сторону, пробормотал Турбин.

— Да уж это мое дело. Ну, хочешь?

И, не дожидаясь ответа, хлопнул дверью, накинул на себя шубу и выскочил на крыльцо. Рыженькая троечка подхватила мод гору. Турбин бросился к дверям:

— Кондрат Семеныч! Кондрат Семсныч!

Но Кондрат Семеныч только рукой махнул.
— Это бог знает что такое! — сказал Турбин, чуть не плача. — Это значит, всему заводу будет известно!..

Однако, когда Кондрат Семеныч через десять минут явился обратно и привез с собой Таубкина и его крахмальную рубашку, когда Таубкин самым задушевым тоном стал просить «не беспокоиться» и когда рубашка оказалась как раз впору, Турбин, весь красный от волнения, начал улыбаться.

— Что вы беспокоитесь? — говорил Таубкин фальцетом. — Что такое? Разве я не понимаю? Конечно, это останется между нами. Хотите мои часы?

Турбин отказывался. Кондрат Семеныч преувеличенно расхваливал его костюм.

Наконец Турбин был готов. Он повеселел, хотя и чувствовал себя напряженным и точно связанным. Он садился то на один, то на другой стул,

— Вы к нему по делу? — вдруг спросил Таубкин, как будто вскользь.

— Да, то есть так... по делу отчасти.

— Так вам, пожалуй, пора.

Турбин уже давно думал про это. «Пожалуй, что и правда пора, — соображал он, — что же, к шапочному разбору-то прийти? Только хозяев в неловкое положение поставишь...»

— А который час?

— Четверть восьмого.

— Вали, брат, вали, — сказал Кондрат Семеныч.

— Пожалуй, — согласился Турбин, медленно подымаясь.

Напевая, Кондрат Семеныч накинул на себя шубу, осмотрел пальто Турбина.

— Молодец! — сказал он, смеясь глазами. — Хочешь, подвезу?

Турбин заторопился отказаться.

— Ну, черт с тобой! Едем.

Он сунулся лицом к лицу Турбина для поцелуя, ввалился в сани рядом с Таубкиным и крикнул:

— Обрати посерьезнее внимание на Линтвариху. Хороша, анафема!

XIII

Уже подходя к аллее перед линтваревским домом, Турбин вдруг оробел, оглянулся и по-

спешно зашагал опять под гору. «Рано, рано, немислимо так рано!...»

Волнуясь, он дошел до моста и опять оглянулся. Вот будет скверно, если видели, что он приходил! Но никого не было кругом. Только на деревне горланили на «улице» девки. Из дома через аллею загадочно светились окна. Что там, в доме? Начался вечер или нет? И кто там, и что делают? А обстановка? «Небось люстры, паркет, бархат, фамильные портреты... Вот отсчитаю сто... нет, двести, и тогда пойду».

Вдруг на мосту послышался скрип шагов. Турбин быстро повернулся и, не оглядываясь, почти побежал по аллее. Не думая, он быстро растворил дверь, шагнул через три ступеньки в сенях и стал шарить по притолке звонка. В дверях щелкнул замок, и нарядная горничная появилась на пороге.

— Павел Андреевич дома?

— Пожалуйста-с.

Горничная помогла ему снять пальто. Как в тумане, увидел он большую светлую залу, открытый блестящий рояль, тонкие стулья, тропические растения... Поразили его только

ширмочки около них из матового стекла; все остальное показалось ему чересчур просто. Цапаясь копяи по паркету, из столовой выбежала щеголевато-тонкая черная собачка, а за нею быстро вышел Линтварев.

— Имею честь поздравить! — сказал Турбин и в смущении вынул носовой платок.

Предупредительно-ласково Линтварев пожал ему руку.

— Милости просим, милости просим!

И, пропуская Турбина вперед, повел его в столовую.

— А, Николай Нилыч! — сказала Надежда Константиновна так, словно давно ждала его.

Турбин расшаркался, оглянулся.

— Николай Нилыч Турбин... Господин Турбин... — поспешно говорил хозяин.

Молодой, свежий, красивый флотский офицер встал быстро и поклонился с преувеличенной вежливостью. Невысокий, худощаво-широкоплечий, с обветренным, инородческого типа лицом доктор пожал ему руку просто и без улыбки. Пожилой, солидный господин, не вставая, сдержанно-вежливо наклонил голову.

— Присаживайтесь-ка! — сказала хозяйка опять так, словно хотела сказать: «Ну, наконец-то, вот теперь все пойдет прекрасно».

Турбин сел, вытер платком лоб, все еще глядя словно через воду. То, что один из гостей не подал ему руки, заставило его ощутить почти физическую боль в сердце.

— Николай Нилыч, вам сколько кусков сахара? — обратилась к нему хозяйка с улыбкой.

Турбин встрепенулся.

— Я бы попросил без сахара, — сказал он.

И он взял стакан, замирая от страха повалить его на скатерть или прикоснуться руками к рукам Надежды Константиновны. Так как общий разговор на минуту прервался, то она продолжала:

— Ну что, как ваша школа?

— Ничего, прекрасно, — ответил Турбин, и его голос ему показался чужим и слишком громким.

— А в Можаровке вы на все святки остались? — заботливо прибавил хозяин.

— Да, уж нынешний год, думаю... решил так, что не ездить лучше.

— Да?

Линтварев наклонил голову, словно приятно изумился. Затем торопливо, с виноватой улыбкой — по необходимости, мол — обернулся к соседу.

Стараясь держаться свободнее, Турбин стал осматриваться.

XIV

Тот, что не подал руки Турбину, Беклемишев, был богатый помещик и видный человек в земстве. Он был плотен, родовит, с матовым цветом моложавого лица, сед. Держался с удивительным хладнокровием. И Турбин старался не глядеть на него.

Земский доктор держался строго, но просто, и его черемисское лицо и взгляды сквозь очки между быстрыми глотками чая не пугали. Родственницы хозяйки, княжны Трипольские, часто вставляли свои замечания в рассказ Беклемишева о его поездке к министру Ермолову ленивым тоном, гримасничая, когда улыбались. Их Турбин уже видел несколько раз осенью, когда они амазонками проезжали по селу кататься. И у священника и у лавочника велись тогда бесконечные разгово-

ры о них. От старого повара все знали, что княжны очень богаты, живут то в Петербурге, то в своем имении, то гостят у Линтварева, а больше всего — за границей.

— Что ж им? Катайся в снос удовольствие, да и только! — говорил лавочник с умилением.

Когда о Турбине забыли, он успокоился и только чувствовал себя как-то странно-хорошо в этой новой обстановке, среди легко развивающегося разговора, сидя около хозяйки, похожей на английскую леди: таких изящных черт лица, такой чистоты и нежности кожи он еще никогда не видывал. А когда он вставал, так было легко и приятно отодвигать тонкий красивый стул, ходить по паркету в этой просторной столовой, ярко озаренной большой лампой над столом, видеть блеск серебряного самовара и посуды из тончайшего стекла. Было, правда, одно очень неприятное обстоятельство: во время рассказа Беклемишева Турбин, не зная, что делать, наклонился и поймал собачку; но та, как стальная, выскочила из рук и при этом так пронзительно взвизгнула, что хозяйка схватилась за висок

и все вострепнулись, обратили на него глаза, и Турбин готов был провалиться сквозь землю от смущения. Но сама же хозяйка и сумела замять эту историю: так непринужденно, словно ничего и не было, обратилась к нему: «Николай Нилыч, вы позволите еще чаю?» — что он ободрился и смог очень ловко ответить: «Нет, мерсі... достаточно уже».

Он выпил два стакана, наслаждаясь ароматом рома, который с тихой лаской подлипал ему в чай хозяин, и от рому оживился, почувствовал смелость и верную упругость в нотах. Он даже не смутился, когда приехало еще несколько человек гостей: красивая, полная вдова-помещица, завитая, с горящими от мороза ушками, старик-помещик, который немножко рисовался простотой, но которого все любили за эту простоту и тотчас окружили с веселыми улыбками, еврей-инженер, сухой, черненький, подвижной, вроде той собачки, которую поймал Турбин, и наконец член суда, такой чистый, как все судейские, свободный и веселый остряк, делавший умные, насмешливые глаза.

Говорили о театре. Трипольские с востор-

гом рассказывали об игре Заньковецкой в Петербурге, бранили Мазини хвалили Фигнера... рассказывали про своих знакомых, про поэта Надсона. Как будто желая описать, какой он милый и больной человек, княжны рассказывали, что он у них был в гостях, а потом они его навестили в Ницце. Член суда декламировал пародии Буренина на надсоновские стихи. Потом разговор разбился — в одном месте слышались имена земцев, в другом все еще Мазини и Фигнера. Учитель, изгибаясь и покачиваясь, подходил то к одной, то к другой группе и все время был в напряженном состоянии от желания хоть что-нибудь сказать. Но весь разговор шел о неизвестном, и он молчал или смеялся сдержанно и неискренно, когда смеялись другие.

— А вы все о своем профессиональном образовании? — сказал он наконец, подходя к Линтвареву и Беклемишеву.

Беклемишев тихо поднял на него глаза.

— Нет, почему же... — сказал Линтварев, улыбаясь.

Турбин, тоже улыбаясь, продолжал:

— Вы хотите, как я слышал, так серьезно

им заняться?

От неловкости Турбин подчеркивал слова, и их можно было принять за насмешку. Особенно нехорошо ему было от пристального и спокойного взгляда Беклемишева. Но все-таки он присел к столу, предварительно посмотрев на стул и раздвинув полы сюртука, расставил острыми углами свои тонкие ноги и, поставив локоть на колено, стал пощипывать кончики своих жидких белесых усов.

— Меня, по правде сказать, очень интересует этот вопрос, — сказал он, помолчав, как-то внезапно. — Я, конечно, говорю искренне...

— С какой же именно стороны вас интересует? — спросил Беклемишев.

— То есть как с какой стороны? Вообще... в применении его к жизни.

Беклемишев, поставив руки на стол и соединяя ладони, смотрел, ровно ли приходятся пальцы один к другому. Линтварев старательно набивал машинкой папиросы.

— Я читал, — продолжал Турбин уже с усилием, — недавно в одной газетке про книжицу какого-то Весселя о профессиональном образовании... Меня, собственно, удивило, что

к его мыслям, очевидно, многие относятся враждебно: например, директор ремесленного училища цесаревича Николая... Мне кажется, что тут есть несправедливость... Он говорит, например, что школа, собственно, несовместима с мастерской...

— То есть это, — мягко перебил Линтварев, — Песталоцци мнение, а Вессель, хотя и...

— Ну да, и Песталоцци, — перебил в свою очередь Турбин, и в нем уже загорелось желание спора. — Только, по моему мнению, это и понятно... Когда мне, позвольте спросить, обучать своего какого-либо мальчика мастерить разные безделушки, когда он сам, в своем быту, так сказать...

— Зачем же непременно безделушки?

Турбин развел руками.

— Мне, собственно, это все представляется как бы игрушками... Мне трудно это объяснить, но все эти затеи... Говорят, подспорье хозяйству... но ведь смешно подпирать то, что разваливается окончательно... да и не соответствует все это духу нашего народа, истого земледельца... А учить его, например, делать плетушки...

— Ну да, ученого учить — только портить, — насмешливо сказал Беклемишев.

Турбин хотел продолжать, сказать, что он думает, более ясно и связно. Но Беклемишев, как бы забыв о его присутствии, тихо и спокойно промолвил Линтвареву:

— Да, так я думаю, что это еще гадательно: князь слишком глуп для этого, а Гарницкий — юн.

Линтварев виновато посмотрел на Турбина. Турбин смолк. Теперь ему хотелось одного — поскорее уйти из столовой. Но встать сразу было неловко.

— А я все хотел попросить у вас какой-либо книжицы из вашей библиотеки, — сказал он наконец, подымаясь.

— С величайшим удовольствием, — поспешил ответить Линтварев.

Турбин встал и медленно прошелся по столовой. Он долго стоял перед камином, рассматривал большой портрет Толстого, писанный масляными красками. Но ему уже было не по себе. Музыка в зале ударила ему по сердцу как-то болезненно. И, под предлогом, что он идет слушать, он вышел в залу.

XV

Играл член суда.

— Что это? — спросил сидевший около него старик-помещик, обращаясь к хозяйке.

— Соната Грига. Вы не знаете?

— Десять лет не играл, — сказал помещик со вздохом, — а хорошо!

— Чудо! — подтвердила хозяйка.

Музыка Грига решительно не нравилась Турбину. Звуки лились вычурно, быстро и не трогали его сердца. Он чувствовал, что она так же чужда ему, как все общество, окружавшее его. В начале вечера он все ждал, что будет что-то хорошее. Теперь это чувство ослабело. Он думал, что надо идти домой, что никому он не нужен. Никто далее не поинтересовался им, не поговорил, чтобы узнать, что он за человек. Даже хозяин только предупредительно, беспокойно вежлив с ним...

Музыка смолкла. «Посижу еще, послушаю немного и уйду», — решил Турбин. Но поднялся разговор о Григе. Старик-помещик добродушно-насмешливо покачивал головой. «Хорошо, а не забирючивает», — говорил он. Член суда горячился, доказывая, что «Григ ве-

ликолепен».

И, покачивая головой, тихо начал «Белые ночи» Чайковского:

Какая ночь! На всем какая нега!

Турбин не знал ни этих слов, ни Чайковского; но при первых же чистых звуках мелодии у него дрогнуло сердце: что-то нежно-призывающее было в них; а когда эти зовущие звуки определились в томительно-грустные, Турбину захотелось плакать.

Но рояль стих. Турбин встал: ему хотелось еще музыки, но он не знал, что назвать. Он подумал о «Молитве девы»... но это было как-то неловко сказать.

— Будьте добры, сыграйте еще что-нибудь, — обратился он к члену суда.

— Что же? — спросил тот, перебирая ноты.

— Что-нибудь Бетховена.

Член суда посмотрел на него внимательно.

— Сонату? — спросил он.

Турбин в смущении качнул станом.

— Да, сонату...

— Какую же?

— Все равно... — пробормотал Турбин, чув-

ствуя, что над ним смеются.

Но тут позвали к столу. Турбин настроил себя чинно и шел медленнее всех.

Хозяин особенно хвалил и предлагал се-ледку. Член суда, с видом знатока, попробовал ее и нашел «гениальной».

— Николай Нилыч! Водки? — сказал хозяин.

— Можно! — ответил Турбин.

— Хинной или простой?

— Хинной так хинной.

— Так будьте добры — распоряжайтесь сами.

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь, пожалуйста!

Около стола теснились, оживленно переговаривались. С тарелкой в руках Турбин долго стоял в конце всех. Он не обедал и с особенным удовольствием выпил рюмку водки, погонялся вилкой за ускользящим грибком и ограничился на первое время пирогом. После первой же рюмки он почувствовал легкий хмель, очень захотел есть и долго, поглядывая искоса и стараясь не торопиться, ел одних омаров. Член суда уже дружески предлагал

ему выпить с ним, и Турбин выпил еще рюмку простой водки. И водка и дружеский тон члена суда совсем размягчили его.

Первые минуты опьянения он чувствовал себя так же, как в самом начале вечера: как сквозь воду видел блеск огней и посуды, лица гостей, слышал говор и смех, чувствовал, что теряет способность управлять своими словами и движениями, хотя сознавал еще все ясно. Раскрасневшееся, потное лицо затягивало паутиной; в голове слегка шумело. Но все-таки он старался оглядываться смело и весело своими томными глазами. Ему было жарко. Когда же Линтварев (Турбину казалось, что и Линтварев запьянел) взял его под руку и повел к столу ужинать, он почувствовал себя очень большим и неловким.

— Не выпьем ли еще по одной? — сказал член суда.

— Блаженный Теодорит велит повторить, — отвечал Турбин со смехом.

— *Repetito est mater studiorum.*[1] Не так ли? — промолвил с другого конца флотский офицер, явно подделываясь под семинарскую речь.

Турбин понял это и вызывающе поглядел на офицера. «Ну, и черт с тобой!» — подумал он и, усмехаясь, крикнул:

— Optime![2]

Член суда поспешил налить. Хозяйка как будто вскользь, но значительно поглядела на него. И это Турбин заметил, но никак не мог обидеться: так просто и тепло стало у него на душе.

— Да и последняя! — сказал он, выпивая и махая рукой, — Я и так мокрый, как мышь.

Удерживаясь от смеха, младшая княжна зажала рот платком.

Ужин, как показалось, прошел чрезвычайно быстро. Турбин запомнил только, что ел горячий ростбиф, что сои огнем охватили ему рот, что пил он мадеру, лафит и плохо соображал, о чем разговор.

Когда подали шампанское (был день рождения хозяйки), Турбин быстро встал и оглушительно крикнул «ура!». Но за оживлением на это не обратили особенного внимания. Все столпились в кучу, поздравляя хозяйку и самого Линтварева. Линтварев, с бокалом в одной руке, прижимал другую к сердцу и ста-

рался казаться и тронутым и шутливым.

— Ура! — крикнул еще раз Турбин, но уже потише и улыбнулся слабой, жалкой улыбкой.

— Не стоит! — шепнул доктор, сжимая ему локоть.

— Ну, не надо...

И, улыбаясь, Турбин медленно пошел в залу. Теперь он уже освоился с тем, что не может управлять собою.

XVI

В зале Прохор Матвееч разносил чай, снова предложенный хозяином. «Люблю, грешный человек! — говорил он. — Господа, кто желает китайского зелья?» Все приняли это предложение с шумными одобрениями, как на земских собраниях: «Просим, просим!..»

— Сергей Львович, сыграть просим! — крикнул хозяин.

— Благодарю, господа, я чувствую себя слишком утомленным, — отнекивался Сергей Львович, продолжая пародировать гласных. Но тут поднялся такой шум и крик, что откалываться стало невозможно.

— Просим! — крикнул Турбин уже после

всех.

— Давненько я не брал в руки шишек, — говорил Сергей Львович, кряхтя и усаживаясь за рояль.

— Сергей Львович! Вебера! — крикнул член суда.

Сергей Львович поднял брови и подумал.

— Нет, — сказал он с улыбкой, — попробуем блеснуть техникой. Ну-ка...

— Тарантелла... — шепнул флотский офицер. — Николая Рубинштейна.

Член суда утвердительно кивнул головой.

Из медленных, в которых сказывалась хитрая, сдержанная удаль, звуки быстро превратились в шумные, быстрые и затрепетали в каком-то диком восторге. Возгласы одобрения поминутно заглушали их. Казалось, что, если бы танец не кончился, можно было бы задохнуться от напряжения... Турбин хохотал нервным смехом.

— Вот это так так, — бормотал он в восторге.

— А теперь, — крикнул Линтварев, — гротесфатер!

Под церемонные звуки старинной музыки

дамы во главе с хозяином и членом суда начали комически двигаться, раскланиваться, но спутались, перемешались и со смехом остановились.

— Ну, лянсье! — взывал хозяин.

— Не выйдет!

— Выйдет!

Турбин тоже порывался танцевать и быстро оглядывался кругом.

— Сергей Львович! — вдруг завопил он. — Пожалуйста!.. Ту, веселую...

— Тарантеллу?

— Да, да!

Сергей Львович мельком взглянул на него и ударил по клавишам. И не успели опомниться гости и хозяин, как произошло нечто дикое: не слушая музыки, без всякого такта, Турбин вдруг зашаркал ногами, потом все быстрее, быстрее пошел мелкой дробью и вдруг стукнул в паркет, подпрыгнул и пустил руки между ногами, словно разрубил что-то со всего размаха.

— Bravo! — крикнул кто-то насмешливо. — Бис!

И под разрастающиеся звуки Турбин охот-

но побежал назад, заплетая и размахивая ногами как веслами, хотел еще раз стукнуть в пол — и вдруг замер: в двух шагах от него стоял отец Линтварева! Шаркая и подаваясь вперед, он поторопился из маленькой гостиной, где играл в карты, на шум в зале. Увидев пляску, он с изумлением поднял свою седую большую голову и, приложив к переносице пенсне, глядел прямо в лицо Турбину остановившимися глазами.

Турбин качнулся в сторону и с жалкой улыбкой махнул рукой. Доктор быстро подошел к нему.

— Пойдемте, батенька, домой, — сказал он ему строго.

— Нет, чего же? — ответил Турбин. — Я еще не хочу.

Лицо его было бледно, холодный пот крупными каплями покрывал лоб.

— Нельзя, нельзя, — повторил доктор еще строже и, взяв его под руку, повел в переднюю Турбин, приплясывая, покорно пошел...

XVII

Спал или не спал он, добравшись домой? До головокружения живы и беспокойны бы-

ли сновидения. Казалось, что он все еще в гостях: люди двигались, перетасовывались проходили перед ним как в пантомиме, и он сам во всем участвовал и чувствовал, что все выходит хорошо и ловко, хотя и беспокоит что-то, спутывает все. Турбин старался вспомнить, что же это мешает, и никак не мог, и мучился, осаждаемый сновидениями. Истомленный до последней степени, он наконец открыл глаза. Дневной свет сразу отрезвил его, — стыд, жгучий стыд до слез, до физической боли пронзил его душу. Он стиснул зубы, крепко прижал голову к подушке.

Вдруг он вскочил. Он решился переломить себя, задавить все эти воспоминания. Он поспешно одевался, убирал комнату. В ногах была слабость, но голова не болела. Он старался делать все как можно правильнее и серьезнее. И в то же время беспокойно выискивал оправдания себе...

Отворилась дверь.

— Самовар-то ставить, что ль? — спросил Павел.

— А почему же не ставить? — хрипло крикнул Турбин.

— Да то-то, мол, надо ли?

Турбин отвернулся и еще крепче стиснул зубы. Павел помолчал, потом вдруг лукаво взглянул Турбину в глаза и, с просиявшим лицом, быстрым шепотом спросил:

— Ай слетать к Ивану Филимонычу?

— Это зачем?

— За похмелочкой? А?

— Убирайся ты от меня к шуту со своими бессмысленными глупостями! — закричал Турбин, багровея от злобы.

После чая он лежал на кровати и с глухой яростью придумывал самые оскорбительные фразы, которые, вероятно, посыпались по его адресу, как только он вышел, в доме Линтварсва. А на селе! С какими глазами показаться теперь на село?

Однако он заставил себя одеться и пошел к дьячку обедать. «Знают или нет?» — думал он, боязливо глядя на заводскую сторону.

Около лавки он постарался идти как можно медленнее.

— С праздником, Иван Филимоныч! — сказал он, увидя лавочника, стоявшего около са-ней с ящиком водки.

Лавочник считал бутылки, передавая их в лавку мальчику, и ответил учтиво и поспешно:

— И вас также! Милости просим.

— Постараюсь.

— Николай Нилыч теперь загордел, — вдруг раздался голос лавочницы с крыльца.

Она смотрела на Турбина насмешливо-пристально. Лавочник вдруг обернулся к ней с строгим взглядом, и по одному этому взгляду Турбин понял, что все известно, все... и с замирающим сердцем поспешил скрыться в избе дьячка.

Обед прошел спокойно. Но, когда Турбин уже поднялся из-за стола, дьячок, глядя в сторону, сказал так, словно продолжал давно начатый разговор.

— И совсем не стоило туда ходить. И ба-тюшка то же говорит, и Иван Филимоныч.

Турбина словно ударили по голове.

— Куда это? — через силу спросил он.

— Если, гырт, — продолжал дьячок уныло-невозмутимым тоном, — если, гырт, съесть-спить, так и у меня был бы сыт, не прекнул бы куском... Да и правда: не нам с ва-

ми бывать у таких персон!

— Ну, да я... я, отец Алексей, кажется, сам не маленький...

Дьячок только вздохнул. Дрожащими руками Турбин нашел скобку и хлопнул дверью.

— И прекрасно! И прекрасно! — с злобной радостью похохатывал он, почти бегом взбираясь на гору.

XVIII

— Дома? — раздался в передней голос Слепушкина, как только Турбин вошел к себе и, скинув пальто, упал на постель.

Павел отвечал что-то торопливым шепотом.

— Ну, ну, но надо; не буди... бог с ним.

Дверь хлопнула, все стихло. Турбин лежал без движения...

— Поздравляю! — раздался вдруг крик Кондрата Семеныча, со смехом ввалившегося в комнату. — Ты, говорят, черт знает каких штук там натворил? Какой это ты танец своего изобретения плясал?

— Оставьте, пожалуйста, меня в покое! — тихо ответил Турбин.

— Да нет, как же, брат, ты, говорят, вдребезги насадился?

Ухмыляясь, Кондрат Семеныч присел на кровать и продолжал уже с искренним участием, обращаясь к Турбину, как к заведомому пьянице:

— Гм, пожалуй, правда, свинство! Ты бы хоть на первый-то раз поддержался немного... Надо сходить извиниться. Еще, пожалуй, с места попрут...

А через полчаса на столе стояла бутылка водки. Турбин, уже захмелевший, облокотившись на стол и положив голову на руки, сидел молча.

— Черт знает что! — говорил Кондрат Семеныч, — говорят, тебя за крыльцо выкинули?

— Кто это?

— Что?

— Говорит-то?

— Степушкин. — Турбин злорадно захохотал.

А Кондрат Семеныч с серьезным лицом грустно продолжал:

— Он, брат, Линтварев-то этот, глумился

над тобой. Оплевать, воспользоваться твоей необразованностью! Подло, брат! Мне тебя от души жаль.

Турбин сморщился, захлюпал, хотел что-то сказать, но захлебнулся слезами и только зубами скрипнул.

— Ну, вот, опять готов! — сказал Кондрат Семеныч с сожалением. — Тебе, брат, стоит бросить пить.

— Да не пьян я! — закричал Турбин бешено, с красными, полными слез глазами, и треснул кулаком по столу.

XIX

— Э-эй, держись! — крикнул Васька, когда рыженькая троечка что есть духу разнеслась в темноте под гору и толпа ребят и девок, как стадо овец, шарахнулась в сторону.

Взрыв хохота и криков на время покрыл звон колокольчиков... Мелькнули огни кабака... Турбина охватило отчаянное чувство смелости и веселья.

— Делай! — крикнул он Ваське,
Сани налетели на водовозку, сбили ее в сторону. Около завода какая-то фигура вынырнула из темноты и упала на ноги Турби-

на.

— Митька? Ты? — крикнул Кондрат Семечныч.

— Ребята гнались, — молчи!

И на повороте в село фигура выпрыгнула из саней и опять скрылась в темноте.

В избах светились огни, чернели кучки народа на улице, шум и гам покрывали горластые песни, толкотня, пляска, гармоники. Стоном стояла и разливалась протяжная «страдательная», ее заглушал азартный трепак, топот ног и взвизгивания...

Сперва попали в какую-то избу, битком набитую народом. С непривычки Турбину показалось даже страшно в ней: так было жарко, низко и людно... Шла игра в «короли». Неиграющие, ложась друг другу на плечи и почти доставая головами до потолка, покрытого от черной топки словно черным густым лаком, теснились к столу. За столом сидели ребята в расстегнутых полушубках и чистых рубахах, девки в красных ситцах, сильно пахнувших краскою. У всех были сжаты корабликом карты в руках и напряженно веселы лица. Ребятишки шмыгали по ногам, лезли из сенец в

избу. «Выстудили избу, окаянные!» — кричала на них хозяйка и громко спрашивала Кондрата Семеныча:

— А это чей же будет?

— Свой, тетка! — ответил Турбин с хохотом и, севши на лавку, не удержался, завалился за сидящих и задрал ноги.

А через минуту он был опять в санях. Кондрат Семеныч втащил в них какую-то хохочущую солдатку и, стоя, крикнул Ваське:

— К печнику!

— Попала шлея под хвост! — подхватил Турбин.

XX

От посещения печника более всего осталось в памяти его пение. И сам печник, волосатый, пожилой мужик, и жена его, всегда веселая и разбитная баба, больше всего на свете любили водку и песни. Гости за посещение их избы напаявали их, и беспутные супруги бывали очень довольны такими вечерами. И теперь тотчас же в печке запылал огонь, зашипела и затрещала яичница с ветчиной, загудела труба на самоваре. Запьяневшая, покрасневшая хозяйка поддувала пламя под

таганчиком и с ласковой улыбкой останавливалась, рассматривая Турбина. Затем начался пир. За каждым куском следовала водка; ошалевший Турбин не отставал от других; хотя уже чувствовал, что с великим трудом слышит говор и песни вокруг себя. Песни начал печник. Положив голову на руку, он что ни есть мочи разливался таким неистовым криком, что на шее у него вздувались синие жилы.

— Ешьте, что ль, ветчину-то! — кричала хозяйка.

Турбин машинально, кусок за куском, ел страшно соленую ветчину, и челюсти у него ломило от бесплодных усилий разжевать эти жареные брусочки.

На печника уже не обращал никто внимания. Перебивая его песни, Кондрат Семеныч с Васькой лихо играли на двух гармониках «барыню», а бабы, с прибаутками, с серьезными, неподвижными лицами выхаживали друг перед другом, постукивая каблуками.

*Посылала меня мать
Караулить гусака, —*

вычитывала хозяйка.

*Уж я ее кнутом,
И кнутом, и прутом, —*

бойко покрикивала в ответ солдатка, то прихлопывая в ладоши, то упирая руки в бока.

— Делай! — повторял Васька, потрясая гармоникой над головою и пускаясь в самые отчаянные варьяции «барыни». В чаду беспричинной напряженной веселости сознание учителя иногда прояснялось. «Где это я? Что такое?» — спрашивал он себя, но тотчас начинал хлопать в ладоши и в такт «барыни» стучать сапогами в пол.

А за окном, которое завесили попоной, галдел народ, порываясь в избу. Горький пьяница, рабочий с завода, Бубен, огромный худой мужик, с лошадиным лицом, с растрепанными пьяными губами, несколько раз отворял дверь.

— Не пускай, ну его к черту! — говорил Кондрат Семеныч,

— Ну, что ты? Кого тебе? — спрашивала хозяйка, загораживая порог.

Улыбаясь и качаясь, Бубен придерживался за притолку и говорил:

— Да чего? Да ничего! Зайтить закурить только.

— Никого тут нетути. Иди.

— Буде, буде толковать-то!

— Тури его в шею! — кричал Кондрат Семеныч.

У Турбина нестерпимо ломило в темени от жары и водки. Но он все еще не отставал от других и, когда раздались крики, что с лошадей сняли вожжи и чересседельник, он даже выскочил вместе с Васькой на улицу, готовый на отчаянную драку. На морозе водка еще более разобрала его, и с этого момента воспоминания его совершенно путаются. Запомнил он только то, что долго бродил по сенцам, а когда Кондрат Семеныч выпихнул к нему какую-то бабу, он потащил ее на скотный двор, и она вырывалась и торопливо шептала:

— Что ты, что ты? Ай подеялось?.. Ай очумел?.. Ох, батюшки, пусти, пусти-и... Тут погребница!..

И ошалевший Турбин опять с трудом отыскал дверь в избу и очутился в полном мраке,

и эта темнота, шепот, возня на соломе еще более взбудоражили его кровь. Он долго шарил по соломе трясущимися руками, наткнулся на печника, который сидел на полу и бормотал что-то, повалил кочергу... потом потерял всякое представление о том, где он...

Чувствовал только во сне, что откуда-то по ногам несет холодом. Он тщетно прятал их под солому. Потом началась страшная жажда. Все внутри у него горело, и он чувствовал это сквозь сон и никак не мог проснуться, и все шептал горячечным шепотом:

— Пить... Бога ради пить!..

Казалось, что какая-то толпа растет вокруг него, а он пляшет под «тарантеллу», пляшет без конца и вдруг слышит над самой своей головой рукоплескания и крики, отчаянный крик. Он вскочил: петух еще раз крикнул на всю избу и затрепыхал крыльями.

Холод плыл по ногам. Еле-еле светало. В смутном сумраке было видно несколько человек, спящих на соломе. Шатаясь, Турбин начал шарить по печуркам спичек; в печурках были какие-то сырые теплые перья; на рубке лежала деревянная спичечница, но она была

пуста. Турбин задыхался от жажды.

— Бога ради, напиться! — сказал он громко.

— Ох, чтоб тебе совсем! Вот напужал-то!

Солдатка вскочила и, заспанная, торопливо и неловко стола завязывать юбку и завертывать под платок сбитые волосы.

— Пить нет ли? Душа запеклась!

— Посмотри в угле, в щербатом чугунике.

Турбин с жадностью припал к чугунику. Но квас был тик кисел и холоден, что Турбина с первых глотков подхватила лихорадка, и, не попадая зуб на зуб, он бросился по нарам, через Кондрата Семеныча, на печку; Кондрат Семеныч замычал и заскрипел во сне зубами.

Какой-то тяжелый запах и тепло охватили Турбина, и он заснул как убитый. Но и этот сон продолжался как будто мгновение. Затопили печку по-черному, и дым, пеленой потянувшийся под потолком в дверь, завешенную попоной, стал душить Турбина. Он зарывал голову в солому и сор, но ничто не помогало. Тогда он свесил голову с печки, кое-как приладил ее к кирпичам и так проспал до самых завтраков.

В завтраки Кондрат Семеныч, с опухшим лицом, но уже в спокойном, будничном настроении, сидел за столом против печника, похмелялся и, вертя сигарку, поглядывал на сонное лицо Турбина. Оно было как мертвое: истомленное, страдальческое и кроткое.

— Вот-те и педагог! — сказал он с сожалением. — Пропал малый!

— Сирота небось! — задумчиво произнес печник.

1894

В поле*

I

Темнеет, к ночи поднимается вьюга.

Завтра Рождество, большой веселый праздник, и от этого еще грустнее кажутся непогожие сумерки, бесконечная глухая дорога и поле, утопающее во мгле поземки. Небо все ниже нависает над ним; слабо брезжит синевато-свинцовый свет угасающего дня, и в туманной дали уже начинают появляться те бледные неуловимые огоньки, которые всегда мелькают перед напряженными глазами путника в зимние степные ночи...

Кроме этих зловещих таинственных огоньков, в полуверсте ничего не видно впереди. Хорошо еще, что морозно, и ветер легко сдувает с дороги жесткий снег. Но зато он бьет им в лицо, засыпает с шипеньем придорожные дубовые вешки, отрывает и уносит в дыму поземки их почерневшие, сухие листья, и, глядя на них, чувствуешь себя затерянным в пустыне, среди вечных северных сумерек...

В поле, далеко от больших проезжих путей, далеко от больших городов и железных дорог, стоит хутор. Даже деревушка, которая когда-то была возле самого хутора, гнездится теперь в верстах в пяти от него. Хутор этот господа Баскаковы много лет тому назад наименовали Лучезаровкой, а деревушку — Лучезаровскими Двориками.

Лучезаровка! Шумит, как море, ветер вокруг нее, и на дворе, по высоким белым сугробам, как по могильным холмам, курится поземка. Эти сугробы окружены далеко друг от друга разбросанными постройками, господским домом, «каретным» сараем и «людской» избой. Все постройки на старинный лад — низкие и длинные. Дом обшит тесом; перед-

ний фасад его глядит во двор только тремя маленькими окнами; крыльца — с навесами на столбах; большая соломенная крыша почернела от времени. Была такая же и на людской, но теперь остался только скелет той крыши и узкая, кирпичная труба возвышается над ним, как длинная шея...

И кажется, что усадьба вымерла: никаких признаков человеческого жилья, кроме начатого омета возле сарая, ни одного следа на дворе, ни одного звука людской речи! Все забито снегом, все спит безжизненным сном под напевы степного ветра, среди зимних полей. Волки бродят по ночам около дома, приходят из лугов по саду к самому балкону.

Когда-то... Впрочем, кто не знает, что было «когда-то»! Теперь числится при Лучезаровке уже всего-навсего двадцать восемь десятин распашной и четыре десятины усадебной земли. В город переселилась семья Якова Петровича Баскакова: Глафира Яковлевна замужем за землемером, и почти круглый год живет у нее и Софья Павловна. Но Яков Петрович — старый степняк. Он на своем веку прогулял в городе несколько имений, но не поже-

лал кончать там «последнюю треть жизни», как выражался он о человеческой старости. При нем живет его бывшая крепостная, говорливая и крепкая старуха Дарья; она нянчила всех детей Якова Петровича и навсегда осталась при баскаковском доме. Кроме нее, Яков Петрович держит еще работника, заменяющего кухарку: кухарки не живут в Лучезаровке больше двух-трех недель.

— Тот-то у него будет жить! — говорят они. — Там от одной тоски сердце изнает!

Поэтому-то и заменяет их Судак, мужик из Двориков. Он человек ленивый и неуживчивый, но тут ужился. Возить воду с пруда, топить печи, варить «хлебово», месить резку белому мерину и курить по вечерам с барином махорку — невелик труд.

Землю Яков Петрович всю сдает мужикам, домашнее хозяйство его чрезвычайно несложно. Прежде, когда в усадьбе стояли амбары, скотный двор и рига, усадьба еще походила на человеческое жилье. Но на что нужны амбары, рига и скотные дворы при двадцати восьми десятинах, заложенных, перезаложенных в банке? Благоразумнее было их

продать и хоть некоторое время пожить на них веселее, чем обыкновенно. И Яков Петрович продал сперва ригу, потом амбары, а когда употребил на топку весь верх со скотного двора, продал и каменные стены его. И неуютно стало в Лучезаровке! Жутко было бы среди этого разоренного гнезда даже Якову Петровичу, так как от голода и холода Дарья имела обыкновение на все большие зимние праздники уезжать в село к племяннику, сапожнику, но к зиме Якова Петровича выручал его другой, более верный друг.

— Селям алекюм! — раздавался старческий голос в какой-нибудь хмурый день к «девичьей» лучезаровского дома.

Как оживлялся при этом, знакомом с самой Крымской кампании, татарском приветствии Яков Петрович! У порога почтительно стоял и, улыбаясь, раскланивался маленький седой человек, уже разбитый, хилый, но всегда бодрящийся, как все бывшие дворовые люди. Это прежний денщик Якова Петровича, Ковалев. Сорок лет прошло со времени Крымской кампании, но каждый год он является перед Яковым Петровичем и приветствует его

теми словами, которые напоминают им обоим Крым, охоты на фазанов, ночевки в татарских саклях...

— Алекюм селям! — весело восклицал и Яков Петрович. — Жив?

— Да ведь севастопольский герой-то, — отвечал Ковалев.

Яков Петрович с улыбкой осматривал его тулуп, крытый солдатским сукном, старенькую поддевичку, в которой Ковалев качался седеньким мальчиком, поярковые валенки, которыми он так любил похвастать, потому что они поярковые...

— Как вас бог милует? — спрашивал Ковалев.

Яков Петрович осматривал и себя. И он все такой же: плотная фигура, седая, стриженная голова, седые усы, добродушное, беспечное лицо с маленькими глазами и «польским» бритым подбородком, эспаньолка...

— Байбак еще, — шутил в ответ Яков Петрович. — Ну, раздевайся, раздевайся! Где пропал? Удил, огородничал?

— Удил, Яков Петрович. Там посуды полой водой унесло нынешний год — и не приведи

господи!

— Значит, опять в блиндажах сидел?

— В блиндажах, в блиндажах...

— А табак есть?

— Есть маленько.

— Ну, садись, давай завертывать.

— Как Софья Павловна?

— В городе. Я был у ней недавно, да удрал скоро. Тут скука смертная, а там еще хуже. Да и зятек мой любезный... Ты знаешь, какой человек! Ужаснейший холоп, интересан!

— Из хама не сделаешь пана!

— Не сделаешь, брат... Ну, да черт с ним!

— Как ваша охота?

— Да все пороху, дроби нету. На днях разжился, пошел, пришиб одного косолобого...

— Их нынешний год страсть!

— Про то и толк-то. Завтра чем свет зальемся.

— Обязательно.

— Я тебе, ей-богу, от души рад!

Ковалев усмехался.

— А шашки целы? — спрашивал он, свернув сигарку и подавая Якову Петровичу.

— Целы, целы. Вот давай обедать и сре-

жемся!

II

Темнеет. Наступает предпраздничный вечер. Разыгрывается на дворе метель, все больше заносит снегом окошко, все холоднее и сумрачнее становится в «девичьей». Это старинная комнатка с низким потолком, с бревенчатыми, черными от времени стенами и почти пустая: под окном длинная лавка, около лавки простой деревянный стол, у стены комод, в верхнем ящике которого стоят тарелки. Девичьей по справедливости она называлась уже давным-давно, лет сорок — пятьдесят тому назад, когда тут сидели и плели кружева дворовые девки. Теперь девичья — одна из жилых комнат самого Якова Петровича. Одна половина дома, окнами на двор, состоит из девичьей, лакейской и кабинета среди них; другая, окнами в вишневый сад, — из гостиной и зала. Но зимой лакейская, гостиная и зала не топят, и там так холодно, что насквозь промерзает и ломберный стол, и портрет Николая I. В этот непогожий предпраздничный вечер в девичьей особенно неуютно. Яков Петрович сидит на лавке и курит. Кова-

лев стоит у печки, склонив голову. Оба в шапках, валенках и шубах; баранье пальто Якова Петровича надето прямо на белье и подпоясано полотенцем. Смутно виден в сумраке плавающий синеватый дым махорки. Слышно, как дребезжат от ветра разбитые стекла в окнах гостиной. Мотель бушует кругом дома и чисто прорывает разговор его обитателей: все кажется, что кто-то подъехал.

— Постой! — вдруг останавливает Ковалева Яков Петрович. — Должно быть, это он.

Ковалев смолкает. И ему почудился скрип саней у крыльца, чей-то голос, невнятно донесшийся сквозь шум метели...

— Поди-ка посмотри, — должно быть, приехал.

Но Ковалеву вовсе не хочется выбежать на мороз, хотя и он с большим нетерпением ожидает возвращения Судака из села с покупками. Он прислушивается очень внимательно и решительно возражает:

— Нет, это ветер.

— Да что тебе, трудно посмотреть-то?

— Да что ж смотреть, когда никого нет?

Яков Петрович вздергивает плечами; он

начинает раздражаться...

Так было все хорошо складывалось... Приезжал богатый мужик из Калиновки с просьбой написать прошение к земскому начальнику (Яков Петрович славится в околотке как сочинитель прошений) и привез за это курицу, бутылку водки и рубль денег. Правда, водка была выпита при самом сочинении и чтении прошения, курица в тот же день зарезана и съедена, но рубль остался цел, — Яков Петрович приберег его к празднику... Потом вчера утром внезапно явился Ковалев и принес с собой кренделей, полтора десятка яиц, да еще и шестьдесят копеек. И старики были веселы и долго обсуждали, что купить. В конце концов, развели в чашке сажи из печки, заострили спичку и жирными, крупными буквами написали в село лавочнику: «В харчевню Николай Иванова. Отпусти 1 ф. махорки полуотборной, 1,000 спичек, 5 сельдей маринованных, 2 ф. масла конопляного, 2 осьмушки фруктового чаю, 1 ф. сахару и 1½ ф. жамок мятных».

Но Судака нет с самого утра. А это влечет за собой то, что предпраздничный вечер

пройдет вовсе не так, как думалось, и, главное, придется самим идти за соломой в омет; от вчерашнего дня соломы осталось в сенцах чуть. И Яков Петрович раздражается, и все начинает рисоваться ему в мрачных красках.

Мысли и воспоминания идут в голову самые невеселые... Вот уж около полугода он не видал ни жены, ни дочери... Жить на хуторе становится с каждым днем все хуже и скучнее...

— А, да черт его побери совсем! — говорит Яков Петрович свою любимую успокаивающую фразу.

Но сегодня она не успокаивает...

— Ну, и холода же завернули! — говорит Ковалев.

— Ужаснейший холод! — подхватывает Яков Петрович. — Ведь тут хоть волков морозь! Смотри... Хх! Пар от дыхания видно!

— Да, — продолжает Ковалев монотонно. — А ведь, помните, мы под Новый год когда-то цветочки рвали в одних мундирчиках! Под Балаклавой-то...

И опускает голову.

— А он, видимое дело, не приедет, — гово-

рит Яков Петрович, не слушая. — Мы в дурацкой ажитации, ни больше ни меньше!

— Не ночевать же он останется в харчевне!

— А ты что думаешь? Ему очень нужно!

— Положим, здорово метет...

— Ничего там не метет. Обыкновенно, не лето...

— Да ведь трус государственный! Замерзнуть боится...

— Да как же это замерзнуть? День, дорога табельная...

— Пойдите! — перебивает Ковалев. — Кажется, подъехал...

— Я говорю тебе, выйди, посмотри! Ты, ей-богу, совсем отетеревел нынче! Надо же самовар ставить и соломы надергать.

— Да ведь, конечно, надо. А то что ж там сделаешь ночью?

Ковалев соглашается, что идти за соломой необходимо, но ограничивается приготовлениями к топке: он подставляет к печке стул, взлезает на него, отворяет заслонку и вынимает вьюшки. В трубе начинает завывать на разные голоса ветер.

— Впусти хоть собаку-то! — говорит Яков

Петрович.

— Какую собаку? — спрашивает Ковалев, кряхтя и слезая со стула.

— Да что ты дураком-то прикидываешься? Флембо, конечно, — слышишь, визжит.

Правда, Флембо, старая сука, жалобно повизгивает в сенцах.

— Надо бога иметь! — прибавляет Яков Петрович. — Ведь она замерзнет... А еще охотник! Лодырь ты, брат, как я погляжу! Уж правда байбак.

— Да оно и вы-то, должно быть, из той же породы, — улыбается Ковалев, отворяет дверь в сенцы и впускает в девичью Флембо.

— Затворяй, затворяй, пожалуйста! — кричит Яков Петрович. — Так и понесло по ногам холодом... Куш тут! — грозно обращается он к Флембо, указывая пальцем под лавку.

Ковалев же, прихлопывая дверь, бормочет:

— Там несет — свету божьего не видно!.. А, должно быть, скоро нас потащут в Богословское! Вот-вот отец Василий припожалует за нами. Я уж вижу. Всё мы ссоримся. Это перед смертью.

— Ну, уж это обрекай себя одного, пожа-

луйста, — возражает Яков Петрович задумчиво.

И опять выражает свои мысли вслух:

— Нет, я уж больше не буду сидеть в этом тырле сторожем! Кажется, скоро-скоро затрещит эта проклятая Лучезаровка...

Он развертывает кисет, насыпает сигарку махоркой и продолжает:

— Дошло до того, что завяжи глаза да беги со двора долой! А все моя доверенность дурацкая да друзья-приятели! Я всю жизнь был честен, как булат, я никому ни в чем не отказывал... А теперь что прикажете делать? На мосту с чашкой стоять? Пулю в лоб пустить? «Жизнь игрока» разыграть? Вон у племянничка, Арсентия Михалыча, тысяча десятин, да разве у них есть догадочка помочь старику? А уж сам я по чужим людям не пойду кланяться! Я самолюбив, как порох!

И, окончательно раздраженный, Яков Петрович совсем зло прибавляет:

— Однако телиться нечего, надо за соломой отправляться!

Ковалев еще больше сторбливается и запускает руки в рукава тулупа. Ему так холод-

но, что у него стынет кончик носа, но он всё еще надеется, что как-нибудь «обойдется»... может быть, Судак подъедет... Он отлично понимает, что Яков Петрович ему одному предлагает отправляться за соломой.

— Да ведь телиться! — говорит он. — Ветер-то с ног сшибает...

— Ну, барствовать теперь не приходится!

— Побарствуешь, когда поясницу не разогнешь. Не молоденькие тоже! Слава богу, двум-то нам под сто сорок будет.

— Уж, пожалуйста, не прикидывайся мерзлым бараном!

Яков Петрович тоже отлично понимает, что один Ковалев ничего не поделает в занесенном снегом омете. Но и он надеется, что как-нибудь обойдется без него...

Между тем в девичьей становится уже совсем темно, и Ковалев наконец решается посмотреть, не едет ли Судак. Шаркая разбитыми ногами, идет он к двери...

Яков Петрович пускает через усы дым, и так как ему уже очень хочется чаю, то мысли его принимают несколько иное направление.

— Гм! — бормочет он. — Как вам это пока-

жется? Хорош праздничек! Лопать, как собаке, хочется. Ведь недалого царства нету... Прежде хоть венгерцы ездили!.. Ну, погоди же, Судак!

Двери в сенцах хлопают, вбегают Ковалев.

— Нету! — восклицает он. — Как провалился! Что ж теперь делать? В сенцах соломы чуть!

В снегу, в тяжелом тулупе, маленький и сторбленный, он так жалок и беспомощен.

Яков Петрович вдруг подымается.

— А вот я знаю, что делать! — говорит он, осененный какой-то хорошей мыслью, — наклоняется и достает из-под лавки топор.

— Эта задача очень просто разрешается, — прибавляет он, опрокидывая стул, стоящий около стола, и взмахивает топором. — Таскай пока солому-то! Черт его побери совсем, мне свое здоровье дороже стула!

Ковалев, тоже сразу оживившийся, с любопытством смотрит, как летят щепки из-под топора.

— Ведь там небось еще на потолке много? — подхватывает он.

— Валяй на чердак да самовар вытрясай!

В растворенную дверь несет холодом, пахнет снегом... Ковалев, спотыкаясь, таскает в девичью солому, ручки старых кресел с чердака...

— За милую душу истопим, — твердит он. — Крендели еще есть... Яиц бы напечь!

— Тащи их на кон. А то сидим плакучими ивами!

III

Медленно протекает зимний вечер. Не смолкая бушует мотель за окнами...

Но теперь старики уже не прислушиваются к ее шуму. Поставили в сенцах самовар, затопили в кабинете почку и оба сели около нее на корточки.

Славно охватывает тело теплом! Иногда, когда Ковалев запихивал в печку большую охапку соломы, глаза Флембо, которая тоже пришла погреться к двери кабинета, как два изумрудные камня, сверкали в темноте. А в печке глухо гудело; просвечивая то тут, то там сквозь солому и бросая на потолок кабинета мутно-красные, дрожащие полосы света, медленно разрасталось и приближалось гудящее пламя к устью, прыскали, с треском лопа-

ясь, хлебные зерна... Мало-помалу озарялась вся комната. Пламя совсем овладевало соломой, и когда от нее оставалась только дрожащая груда «жара», словно раскаленных, золотисто-огненных проволок, когда эта груда опадала, блекла, Яков Петрович скидывал с себя пальто, садился задом к печке и поднимал на спине рубаху.

— Аа-аа, — говорил он. — Славно спину-то нажарить! И когда его толстая спина становилась багровой, отскакивал от печки и накидывал тулуп.

— Вот так пробрало! А то ведь беда без бани... Ну да уж нынешний год обязательно поставлю!

Это «обязательно» Ковалев слышит каждый год, но каждый год с восторгом принимает мысль о бане.

— Добро милое! Беда без бани, — соглашается он, нагревая у печки и свою худощавую спину.

Когда дрова и солома прогорели, Ковалев поджаривал в печке крендели, отклоняя от жары пылающее лицо. В темноте, озаренный красноватым жерлом печки, он казался брон-

зовым. Яков Петрович хлопотал около самовара. Вот он налил себе в кружку чаю, поставил ее около себя на лежанке, закурил и, немного помолчав, вдруг спросил:

— А что-то теперь поделывает премилая сова?

Какая сова? Ковалев хорошо знает, какая сова! Лет двадцать пять тому назад он подстрелил сову и где-то на ночлеге сказал эту фразу, но фраза эта почему-то не забылась и, как десятки других, повторяется Яковым Петровичем. Сама по себе она, конечно, не имеет смысла, но от долгого употребления стала смешной и, как другие, подобные ей, влечет за собой много воспоминаний.

Очевидно, Яков Петрович совсем повеселел и приступает к мирным разговорам о былом. И Ковалев слушает с задумчивой улыбкой.

— А помните, Яков Петрович? — начинает он...

Медленно протекает вечер, тепло и светло в маленьком кабинете. Все в нем так просто, незатейливо, по-старинному, желтенькие обои на стенках, украшенных выцветшими

фотографиями, вышитыми шерстью картинами (собака, швейцарский вид), низкий потолок оклеен «Сыном отечества»; перед окном дубовый письменный стол и старое, высокое и глубокое кресло; у стены большая кровать красного дерева с ящиками, над кроватью рог, ружье, пороховница; в углу образничка с темными иконами... И все это родное, давным-давно знакомое!

Старики сыты и согрелись. Яков Петрович сидит в валенках и в одном белье, Ковалев — в валенках и поддевочке. Долго играли в шашки, долго занимались своим любимым делом — осматривали одежду — нельзя ли как-нибудь вывернуть? — искроили на шапку старую «тужурку»; долго стояли у стола, мерили, чертили мелом...

Настроение у Якова Петровича самое благодущное. Только в глубине души шевелится какое-то грустное чувство. Завтра праздник, он один... Спасибо Ковалеву, хоть он не забыл!

— Ну, — говорит Яков Петрович, — возьми эту шапку себе.

— А вы-то как же? — спрашивает Ковалев.

— У меня есть.

— Да ведь одна вязаная?

— Так что ж? Бесподобная шапка!

— Ну, покорнейше благодарим.

У Якова Петровича страсть делать подарки. Да и не хочется ему шить...

— Который-то теперь час? — размышляет он вслух.

— Теперь? — спрашивал Ковалев. — Теперь десять. Верно, как в аптеке. Я уж знаю. Бывало, в Петербурге, по двое серебряных часов нашивал...

— Да и брешешь же ты, брат! — замечает Яков Петрович ласково.

— Да нет, вы позвольте, не фрапируйте сразу-то!

Яков Петрович рассеянно улыбается.

— То-то, должно быть, в городе-то теперь! — говорит он, усаживаясь на лежанку с гитарой. — Оживление, блеск, суета! Везде собрания, маскарады!

И начинаются воспоминания о клубах, о том, сколько когда выиграл и проиграл Яков Петрович, как иногда Ковалев вовремя уговаривал его уехать из клуба. Идет оживленный

разговор о прежнем благосостоянии Якова Петровича. Он говорит:

— Да, я много наделал ошибок в своей жизни. Мне не на кого пенять. А судить меня будет уж, видно, бог, а не Глафира Яковлевна и не зятек миленький. Что ж, я бы рубашку им отдал, да у меня и рубашек-то нету... Вот я ни на кого никогда не имел злобы... Ну, да все прошло, пролетело... Сколько было родных, знакомых, сколько друзей-приятелей — и все это в могиле!

Лицо Якова Петровича задумчиво. Он играет на гитаре и поет старинный печальный романс.

Что ты замолк и силичишь одиноко? —

поет он в раздумье.

*Дума лежит на угрюмом челе...
Иль ты не видишь бокал на столе?*

И повторяет с особенной задушевностью:

Иль ты не видишь бокал на столе?

Медленно вступает Ковалев.

*Долго на свете не знал я при-
юту, —*

разбитым голосом затягивает он, сторбившись в старом кресле и глядя в одну точку перед собою.

*Долго на свете не знал я при-
юту, —*

вторит Яков Петрович под гитару:

*Долго носила земля сироту,
Долго имел я в душе пустоту...*

Ветер бушует и рвет крышу. Шум у крыльца... Эх, если бы хоть кто-нибудь приехал! Даже старый друг, Софья Павловна, забыла...

И, покачивая головой, Яков Петрович продолжает:

*Раз в незабвенную жизни минуту,
Раз я увидел созданье одно,
В коем все сердце мое вмещено...
В коем все сердце мое вмещено...*

Все прошло, пролетело... Грустные думы клонят голову... Но печальной удалью звучит песня:

*Что ж ты замолк и сидишь оди-
ноко?*

*Стукнем бокал о бокал и запьем
Грустную думу веселым вином!*

— Не приехала бы барыня, — говорит Яков Петрович, дергая струны гитары и кладя ее на лежанку. И старается не глядеть на Ковалева.

— Кого! — отзывался Ковалев. — Очень просто.

— Избавь бог плутает... В рог бы потрубить... на всякий случай... Может быть, Судак едет. Ведь замерзнуть-то недолго. По человечеству надо судить...

Через минуту старики стоят на крыльце. Ветер рвет с них одежду. Дико и гулко заливаются старый звонкий рог на разные голоса. Ветер подхватывает звуки и несет в непроглядную степь, в темноту бурной ночи.

— Гоп-гоп! — кричит Яков Петрович.

— Гоп-гоп! — вторит Ковалев.

И долго потом, настроенные на героический лад, не унимаются старики. Только и слышится:

— Понимаешь? Они тысячами с болота на овсяное поле! Шапки сбивают!.. Да все мате-

рые, кряковые! Как ни дам — просто каши наварю!

Или:

— Вот, понимаешь, я и стал за сосной. А ночь месячная — хоть деньги считай! И вдруг прет... Лобище вот этакий... Как я его брызну!

Потом идут случаи замерзания, неожиданного спасения... Потом восхваление Лучезаровки.

— До смерти не расстанусь! — говорит Яков Петрович. — Я все-таки тут сам себе голова. Имение, надо правду сказать, золотое дно. Если бы немножко мне перевернуться! Сейчас все двадцать восемь десятин — картофелем, банк — долой, и опять я кум королю!

IV

Всю долгую ночь бушевала в темных полях вьюга.

Старикам казалось, что они легли спать очень поздно, но что-то не спится им. Ковалев глухо кашляет, с головой закрытый тулупом; Яков Петрович ворочается и отдувается; ему жарко. Да и слишком уж грозно буря потрясает стены, слепит и засыпает снегом окна! Слишком неприятно дребезжат разбитые

стекла в гостиной! Жестко там теперь, в этой холодной, необитаемой гостиной! Она пустая, мрачная, — потолки в ней низки, амбразуры маленьких окон глубоки. Ночь же такая темная! Смутно отсвечивают свинцовым блеском стекла. Если даже прильнешь к ним, то разве едва-едва различишь забитый, занесенный сугробами сад... А дальше мрак и метель, метель...

И старики сквозь сон чувствуют, как одинок и беспомощен их хуторок в этом бушующем море степных снегов.

— Ах ты, господи, господи! — слышится порою бормотанье Ковалева.

Но опять странной дремотой обвеивает его шум метели. Он кашляет все тише и реже, медленно задремывает, словно погружается в какое-то бесконечное пространство... И опять чувствует сквозь сон что-то злое... Он слышит...

Да, шаги! Тяжелые шаги наверху где-то... По потолку кто-то ходит... Ковалев быстро приходит в сознание, но тяжелые шаги ясно слышны и теперь... Скрипит матица...

— Яков Петрович! — говорит он. — Яков

Петрович!

— А? Что? — спрашивает Яков Петрович.

— А ведь по потолку-то кто-то ходит.

— Кто ходит?

— А вы послушайте-ка!

Яков Петрович слушает: ходит!

— Да нет, это всегда так, — ветер, — говорит он наконец, зевая. — Да и трус же ты, брат! Давай-ка лучше спать.

И правда, сколько уже было толков про эти шаги на потолке. Каждую непогожую ночь!

Но все-таки Ковалев, задремывая, шепчет с глубоким чувством:

— Живой в помощи вышняго, в крове бога небеснаго... Не убоишия от страха ноцнаго, от стрелы, летящия в дни... На аспида и василиска наступиши и попрещи льва и змия...

И Якова Петровича что-то беспокоит во сне. Под шум метели мерещится ему то гул векового бора, то звон отдаленного колокола; слышится невнятный лай собак где-то в степи, крик работника Судака... Вот шуршат у крыльца сани, скрипят чьи-то лапти по мерзлону снегу в сенцах... И сердце Якова Петро-

вича сжимается от боли и ожидания: это его сани, а в санях — Софья Павловна, Глаша... подъезжают они медленно, забитые снегом, еле видные в темноте бурной ночи... едут, едут, по почему-то мимо дома, все дальше, дальше... Их увлекает метель, засыпает их снегом, и Яков Петрович торопливо ищет рог, хочет трубить, звать их...

— Черт знает что такое! — бормочет он, очнувшись и отдуваясь.

— Что это вы, Яков Петрович?

— Не спится, брат! А ночь давно, должно быть!

— Да, давненько!

— Зажигай-ка свечку-то да закуривай!

Кабинет озаряется. Щурясь от свечки, пламя которой колеблется перед заспанными глазами, как лучистая, мутно-красная звезда, старики сидят, курят, с наслаждением чешутся и отдыхают от сновидений... Хорошо проснуться в долгую зимнюю ночь в теплой, родной комнате, покурить, поговорить, разогнать жуткие ощущения веселым огоньком!

— А я, — говорит Яков Петрович, сладко зевая, — а я сейчас вижу во сне, как ты дума-

ешь, что?.. Ведь приснится же!.. Будто я в гостях у турецкого султана!

Ковалев сидит на полу, сгорбившись (какой он старенький и маленький без поддепочки и со сна!), в раздумье отвечает:

— Нет, это что — у турецкого султана! Вот я сейчас видел... Верите ли? Один за одним, один за одним... с рожками, в пиджачках... мал мала меньше... Да ведь какого транташа около меня разделявают!

Оба врут. Они видели эти сны, даже не раз видели, но совсем не в эту ночь, и слишком часто рассказывают их они друг другу, так что давно друг другу не верят. И все-таки рассказывают. И, наговорившись, в том же благодушном настроении, тушат свечу, укладываются, одеваются потеплей, надвигают на лоб шапки и засыпают сном праведника...

Медленно наступает день. Темно, угрюмо, буря не унимается. Сугробы под окнами почти прилегают к стеклам и возвышаются до самой крыши. От этого в кабинете стоит какой-то странный, бледный сумрак...

Вдруг с шумом летят кирпичи с крыши. Ветер повалил трубу...

Это плохой знак: скоро, скоро, должно быть, и следа не останется от Лулезаровки!

1895

На даче*

I

Окна в сад были открыты всю ночь. А деревья раскидывались густой листвой возле самых окон, и на заре, когда в саду стало светло, птицы так чисто и звонко щебетали в кустах, что отдавалось в комнатах. Но еще воздух и молодая майская зелень в росе были холодны и матовы, спальни дышали сном, теплом и покоем.

Дом не походил на дачный; это был обыкновенный деревенский дом, небольшой, но удобный и покойный. Петр Алексеевич Примо, архитектор, занимал его уже пятое лето. Сам он больше бывал в разъездах или в городе. На даче жила его жена, Наталья Борисовна, и младший сын, Гриша. Старший, Игнатий, только что кончивший курс в университете, так же, как и отец, появлялся на даче гостем: он уже служил.

В четыре часа в столовую вошла горнич-

ная. Сладко зевая, она переставляла мебель и шаркала половой щеткой. Потом она прошла через гостиную в комнату Гриши и поставила у кровати большие штиблеты на широкой подошве без каблука.

Гриша открыл глаза.

— Гарпина! — сказал он баритоном.

Гарпина остановилась в дверях.

— Чого? — спросила она шепотом.

— Поди сюда.

Гарпина покачала головой и вышла.

— Гаприна! — повторил Гриша.

— Та чого вам?

— Поди сюда... на минутку.

— Не піду, хоч заріжте!

Гриша подумал и крепко потянулся.

— Ну, пошва вон!

— Бариня загадали вчора спитать вас, чи пойдете у город?

— А дальше?

— Казали, щоб не пздили, бо барин сьогольні прыпдуть.

Гриша, не отвечая, обувался.

— Повотенце? — спросил он громко.

— Та на столі — он! Не збудіть бариню...

Заспанный, свежий и здоровый, в сером шелковом картузе, в широком костюме из легкой материи, Гриша вышел в гостиную, перекинул через плечо мохнатое полотенце, захватив стоявший в углу крокетный молоток, и, пройдя переднюю, отворил дверь на улицу, на пыльную дорогу.

Дачи в садах тянулись направо и налево в одну линию. С горы открывался обширный вид на восток, на живописную изменчивость. Теперь все сверкало чистыми, яркими красками раннего утра. Синеватые леса темнели по долине; светлой, местами алой сталью блестела река в камышах и высокой луговой зелени; кое-где с зеркальной воды снимались и таяли полосы серебряного пара. А вдали широко и ясно разливался по небу оранжевый свет зари: солнце приближалось...

Легко и сильно шагая, Гриша спустился с горы и дошел по мокрой, глянцевитой и резко пахнувшей сыростью траве до купальни. Там, в дощатом номере, странно озаренном матовым отсветом воды, он разделся и долго разглядывал свое стройное тело и гордо ставил свою красивую голову, чтобы походить

на статуи римских юношей. Потом, слегка прищуривая серые глаза и посвистывая, вошел в свежую воду, выплыл из купальни и сильно взмахнул руками, увидав, что на горизонте чуть-чуть показавшееся солнце задрожало тонкой огнистой полоской. Белые гуси с металлически-звонкими криками, распустив крылья и шумно бороздя воду, тяжело шарахнулись в тростники. Широкие круги, плавно перекачиваясь, закачались и пошли к реке...

— Григорий Петрович! — крикнул чей-то голос с берега.

Гриша перевернулся и увидел на берегу высокого мужика с русой бородою, с открытым лицом и ясным взглядом больших голубых глаз навывкате. Это был Каменский, «толстовец», как его называли на дачах.

— Вы придете сегодня? — крикнул Каменский, снимая картуз и вытирая лоб рукавом замашной рубахи.

— Здравствуйте!.. Приду, — отозвался Гриша. — А вы куда, если не секрет?

Каменский с улыбкой взглянул исподлобья.

— Ведь вот люди! — сказал он важно и лас-

ково. — Всё у них секреты!

Гриша подплыл к берегу и, стоя и качаясь по горло в воде, пробормотал:

— Ну, если хотите, не секрет... Я просто любопытствовал, почему вы меня спросили?

— А мне нужно побывать у знакомых.

— Да, так вы в город едете!

— Разве в город только ездят? — снова перебил Каменский. — И разве знакомые бывают только в городе?

— Конечно, нет. Только я не понимаю...

— Вот это верно. Я сказал, что буду и в городе и у знакомых — вот тут недалеко — на огородах.

— Так, значит, попоздней прийти?

— Да, попоздней.

— Тогда до свидания! — крикнул Гриша и подумал: «Правду говорит Игнатий — психопаты!» Но, отплывши, он опять обернулся и пристально посмотрел на высокую фигуру в мужицкой одежде, уходившую по тропинке вдоль реки.

На реке еще было прохладно и тихо. За лугами, в синеющей роще, куковала кукушка. У берега зашуршали камыши, и из них медлен-

но выплыла лодка. Седенький старичок в очках и поломанной соломенной шляпе сидел в ней, рассматривая удочку. Он поднял ее и соображал что-то, лодка остановилась и вместе с ним, с его белой рубашкой и шляпой, отразилась в воде. А из купальни слышались крики, плеск и хохот. По гнущимся доскам бежали с берега, стуча сапогами, гимназисты, студенты в белых кителях, чиновники в парусинных рубашках...

Грише не хотелось возвращаться туда, и он стал нырять, раскрывать глаза в темно-зеленой воде, и его тело казалось ему чужим и странным, словно он глядел сквозь стекло. Караси и гольцы с удивленными глазками останавливались против него и вдруг таинственно юркали куда-то в темную и холодную глубину. Вода мягко, упруго сжимала и качала тело, и приятно было чувствовать под ногами жесткий песок и раковины... А наверху уже припекало. Теплая, неподвижная вода блестела кругом, как зеркало. С зеленых прибрежных лозин в серых сережках тихо плыл белый пух и тянуло запахом тины и рыбы.

Ровно час после купанья Гриша посвятил гимнастике. Сперва он подтягивался по канату и висел на трапеции в саду, потом в своей комнате становился в львиные позы, играя двухпудовыми гирями.

Со двора звонко и весело раздавалось кудахтанье кур. В доме еще стояла тишина светлого летнего утра. Гостиная соединялась со столовой аркой, а к столовой примыкала еще небольшая комната, вся наполненная пальмами и олеандрами в кадках и ярко озаренная янтарным солнечным светом. Канарейка возилась там в покачивающейся клетке, и слышно было, как иногда сыпались, четко падали на пол зерна семени. В большом трюмо, перед которым Гриша ворочал тяжестями, вся эта комната отражалась в усиленно-золотистом освещении с неестественно прозрачной зеленью широкой цветочной листвы.

Когда же Гриша вышел на балкон, сел за накрытый стол и, покачиваясь на передних ножках стула, стал, слегка расширяя ноздри, медленно пить молоко, в тишине дома раздался томный голос Натальи Борисовны:

— Гарпина!

«Какая скука! — подумал Гриша. — Каждый день начинается одним и тем же воззванием!»

— Гарпина! — повторила Наталья Борисовна нетерпеливее. — Гри-иша!

Гриша лениво поднялся с места.

— Ну, что тебе? — сказал он, входя в спальню.

Наталья Борисовна, полная женщина лет сорока, сидела на постели и, подняв руки, подкалывала темные густые волосы. Увидав сына, она недовольно повела плечом.

— Ах, какой ты, брат, невежа! — сказала она, смягчая слова улыбкой.

Гриша молча ждал. В комнате с опущенными шторами стоял пахучий полусумрак. На ночном столике возле свечки тикали часики и лежала развернутая книжка «Вестника Европы»,

— Да как же, право! — добавила Наталья Борисовна еще ласковее. — Зову, зову!..

И она попросила достать из столика деньги, посмотреть, где записка — что в пять в библиотеке, собрать журналы и позвать Гарпину.

— Гарпина сейчас: едет в город, — сказала она, — не нужно ли тебе чего?.. Нынче придет отец и, вероятно, с ним Игнатий.

— Будь добра, поскорее! — перебил Гриша. — Ты ведь знаешь, что сейчас я должен идти к Каменскому.

— Ну, ты невозможен, наконец! — воскликнула Наталья Борисовна. — Я же тебе и хотела про это сказать... Ты, например, даже ничего не сообщил мне о нем...

— Ты сама его видела.

— Что же я могла видеть в десять минут, когда человек брал заказ? Кроме как о шкапе, мы двух слов не сказали.

— Но ведь и я хожу к нему только третий день.

— Но все-таки?

— Обыкновенный толстовец.

— Ну, словом, позови его, пожалуйста, к нам сегодня вечером. Ты знаешь, это будет интересно Игнатию. Только позови, голубчик, как-нибудь потоньше, а то ведь откажется!

Гриша кивнул головой и вышел.

«Опять день, опять долгий день!» — ше-

вельнулось в глубине души Натальи Борисовны, когда она, после чая и переговоров с кухаркой, взяла зонтик, книжку журнала и, покачиваясь, слегка щурясь от яркого утреннего света и придерживая левой рукой подол широкого чесучового платья, медленно сошла с балкона и направилась в общий дачный парк по своему саду, где, в солнечном блеске, на яблонях в белых нарядных цветах, гудели пчелы, а в чащах журчали горлинки.

«Как трогательно!» — подумала она с ленивой улыбкой, отворив калитку и увидав невдалеке профессора Камарницкого под руку с женою. И тотчас же ласково крикнула им слабым голосом:

— Откуда бог несет?

Профессор, грубоватый на вид, рыжий и курносый, двигался не спеша, и его толстые очки блестели очень строго; в петличке у него краснел цветок, в руках была корзина. Профессорша, маленькая еврейка, похожая на гитару, приклоняла свою черную головку к его плечу.

— Здрасьте! — сказала она небрежно, сквозь зубы. Как всегда, в ее меланхоличе-

ских глазах и во всем птичьем личике; было что-то надменное и брезгливое: никто не должен был забывать, что профессорша — марксистка, жила в Париже, была знакома с знаменитыми эмигрантами.

— Что это вы так рано? — спросила Наталья Борисовна.

— По грибы, — ответила профессорша, а профессор, сияясь улыбнуться, прибавил:

— Дачей нужно пользоваться.

«Какие скучные!» — подумала Наталья Борисовна, глядя им вслед.

— Ах, какие скучные! — повторила она, выходя в парк. На обширной поляне парка стояли одни темно-зеленые, широковетвистые дубы. Тут обыкновенно собирались дачники. Теперь большинство их, чиновники, шли по дороге, пролегающей между дубами, к железнодорожной станции. Барышни в пестрых легких платьях и мужчины в чесуче, в мягкой обуви, проходили мимо Натальи Борисовны и углублялись по узкой дороге в лес, где от листвы орешника стоял зеленоватый полусвет, сверкали в тени золотые лучи, а воздух был еще легкий и чистый, напоенный

резким запахом грибов и молодой лесной поросли.

И Наталья Борисовна снова почувствовала себя хорошо и покойно на этой дачной поляне, раскланиваясь с знакомыми и садясь на скамейку под свой любимый дуб. Она откинулась на ее спинку, развернула книгу и, еще раз оправив складки платья, принялась за чтение. Иногда она тихо подымала голову, улыбалась и переговаривалась с дачницами, расположившимися под другими дубами, и опять не спеша опускала глаза на статью по переселенческому вопросу.

А поляна оживлялась. Подходили дамы и барышни с работой и книгами, няньки и важные кормилицы в сарафанах и кокошниках. Изредка, но все-таки без надобности щелкая, прокатывались велосипедисты в своих детских костюмах. Худые проносились с форсированной быстротой, согнувшись и работая ногами, как водяные пауки. Коренастые, у которых узкий костюм плотно обтягивал широкие зады, ехали тише, уверенно и весело оглядываясь. Блестящие спицы велосипедов трепетали на солнце частыми золотыми лучами.

А дети взапуски бегали, звонко перекликались и прятались друг от друга за дубами.

— Жарко! — сказала Наталья Борисовна, прищуриваясь, опуская на колени книгу и обращаясь к молоденькой женщине, сидевшей невдалеке с вязаньем в руках.

— Жарко! — согласилась та, сдувая со щеки длинный волос.

Золотистый, чуть заметный туман стоял вдали в знойном воздухе. На местах солнечных золотисто-зеленые мухи словно прилипали к дорожкам и деревьям. Вверху, над вершинами дубов, где ровно синела глубина неба, собирались облака с причудливо округляющимися краями. Веселый и томный голос иволги мягкими переливами звучал в чаще леса.

IV

Гриша шел к Каменскому, сбивая молотком цветы по дороге.

Каменский занимался столярной работой, и Гриша брал у него уроки. Ему давно хотелось узнать какое-нибудь ремесло и потому, что это полезно для здоровья, и потому, что когда-нибудь будет приятно показать, что вот

он образованный человек, умеет работать и простую работу. По дороге он, между прочим, думал, что, выучившись, он сам сделает себе идеальные шары и молотки для крокета, да, пожалуй, и всю мебель для своей комнаты... простую, удобную и оригинальную. Занимало и то, что теперь он может похвалиться, что знает «живого толстовца».

В доме отца Гриша с детства видел самых разнохарактерных людей: тузов разных служб и профессий, имеющих всегда такой вид, словно они только что плотно пообедали, богатых толстых евреев, которые важно, по-гусиному, переваливались на ходу, известных докторов и адвокатов, профессоров и бывших радикалов. И отец называл за глаза тузов мошенниками, евреев — «жидовскими мордами», остальных — болтунами, ничтожеством. Когда Гриша только что начал читать серьезные книги, знакомиться со студентами, ему часто приходилось удивляться: вдруг оказывалось, что какой-нибудь писатель или знаменитый профессор, который представлялся человеком необыкновенным — ни больше ни меньше, как «идиот», «посред-

ственность», вся известность которой основывается на энциклопедических иностранных словарях да на приятельстве с людьми влиятельными. И говорил это не кто-нибудь иной, а сам Петр Алексеич, которому было достаточно рассказать в шутливом тоне, что такая-то знаменитость затыкает уши вагой, любит чернослив и, как огня, боится жены, чтобы авторитет этой знаменитости навсегда померк и глазах Гриши. Такие же новости привозил из столицы и Игнатий, а он, как человек крайне нервный, был еще более резок в мнениях.

— Что ж, и терпентин на что-нибудь полезен, — сказал он однажды словами Пруткова, когда зашел разговор о толстовцах и толстовском учении, — этой «доморощенной философии самоучки с недисциплинированной головой». И Гриша, робея Каменского, усвоил себе манеру насмешливо щуриться, думая о нем.

Жил Каменский на мельнице, в версте от деревни. Мельница стояла на зеленом выгоне, к югу от дачных садов, там, где местность еще более возвышалась над долиной. Хозяин

почему-то забросил ее: маленькое поместье с высоким тополем над соломенной крышей избушки, с бурьяном на огороде, медленно приходило в запустение. Внизу, в широкой долине, темным бархатом синели и, сливаясь, округлялись вершины лесов. Мельница, как объятая, простирала над долиной свои изломанные крылья дикого цвета. Она, казалось, все глядела туда, где горизонт терялся в меланхолической дымке, а хлеба со степи все ближе подступали к ней; двор зарос высокой травой; старые серые жернова, как могильные камни, уходили в землю и скрывались в глухой крапиве; голуби покинули крыши. Одни кузнечики таинственно шептались в знойные летние дни у порога избушки, мирно дремлющей на солнце.

— Вот и келья под елью! — усмехнулся Гриша, взглянув на мельницу в первое утро. Он уже представлял себе, как Каменский начнет поучать его, спасти его душу, и заранее вооружился враждебной холодностью. Однако Каменский только показал ему, как надо распиливать доски; и это даже обидело Гришу: «Не хочет снизойти до меня», — думал он,

искоса поглядывая на работающего учителя и стараясь подавить в себе чувство невольного почтения к нему.

Сегодня он подходил к этой келье в девятом часу. Обыкновенно Каменский в это время работал. Но теперь в сенцах, где стоял верстак, никого не было.

— Алексей Александрович! — окликнул Гришу и, не получив ответа, пошел к мельнице: гам вчера Каменский распиливал большие доски. Но и в мельнице было пусто. Только воробьи стайей снялись с пола, да ласка таинственно, как змейка, шмыгнула по стояку в развалившийся мучной ларь.

«Значит, у огородника загостился», — подумал Гриша, возвращаясь в избу.

В сенцах, обращенных дверями к северу, было прохладно от глиняного пола; в сумраке стоял уксусный залах стружек и столярного клея. Грише нравился этот запах, и он долго сидел на пороге, помахивая на себя картузом и глядя в поле, где дрожало и убегало дрожащими волнами море жаркого майского дня. Дачные сады казались в нем мутными, серыми набросками на стекле. Грачи, как всегда в

жару, кричали где-то в степи тонкими томными голосами. А на дворе мельницы не было ни малейшего дуновения ветерка, на глазах сохла трава... Разгоняя дремоту, Гриша поднялся с порога.

Близ порога валялся топор. На верстаке, среди инструментов, в белой пыли пиленого дерева, лежали две обгорелые печеные картошки и книга в покоробленном переплете. Гриша развернул ее: Евангелие. На заглавном листе его было написано: «Боже мой! Я стыжусь и боюсь поднять лицо мое к тебе, боже мой, ибо беззакония наши стали выше головы и вина наша возросла до небес...»

— Что это такое? — пробормотал Гриша, чувствуя, как что-то новое, возвышенное коснулось его души.

— Странный человек! — прибавил он в раздумье и снова развернул Евангелие. В середине его были письма («Дорогие братья во Христе Алексей Александрович и Павел Федорич...» — начиналось одно из них), бумажки с выписками... На одной было начало стихотворения:

Долго я бога искал в городах и се-

*лениях шумных,
Долго на небо глядел — не увижу
ли бога...*

На другой опять тексты:

«Итак, станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности...»

Ласточка с щебетаньем влетела в сенцы и опять унеслась стрелою на воздух. Гриша вздрогнул и долго следил за ней в небе. Вспомнилось нынешнее утро, купальня, балкон, теплица — и все это вдруг показалось чужим и далеким... Он постоял перед дверью в избу, тихо отворил ее.

В передней узкой комнате загудели мухи; воздух в ней был душный, обстановка мрачная, почти нищенская: почерневшие бревенчатые стены, развалившаяся кирпичная печка, маленькое, тусклое окошечко. Постель была сделано из обрубков полей и досок, прикрытых только попоной; в головах лежал свернутый полушубок, а вместо одеяла — старое драповое пальто. На столе, среди истрепанных книг, валялись странные для этой обстановки предметы — бронзовый позеленевший подсвечник, большой нож из слоновой

кости, головная щетка и фотографический портрет молодой женщины с худощавым грустным лицом. Из деликатности Гриша отвел глаза от стола — и сердце его сжалось при взгляде на эти старые, засиженные мухами, уже давно не бывшие в употреблении вещи и на этот портрет.

Зачем это самоистязание? Он смотрел на бревенчатые стены, на нищенское ложе, стараясь понять душу того странного человека, который одиноко спал на нем. Были, значит, и у него другие дни, был и он когда-то другим человеком... Что же заставило его надеть мужицкие вериги?

— Странный человек! — повторил Гриша, хмурясь на темную фототипию, висевшую над кроватью, — снимок с картины знаменитого художника. Это было жестокое изображение крестной смерти, написанное резко, с болью сердца, почти с озлоблением. Все, что вынесло человеческое тело, пригвожденное по рукам и ногам к грубому тяжелому кресту, было передано в лице почившего Христа, исхудалого, измученного допросами, пытками и страданием медленной кончины. И тяжело

было глядеть на стриженую, уродливую голову привязанного к другому кресту и порывающегося вперед разбойника, на его лицо с безумными глазами и раскрытым ртом, испустившим дикий крик ужаса и изумления перед смертью того, кто назвал себя сыном Божиим... Морщась, Гриша отворил дверь в другую комнату.

Тут было очень светло от солнца, совершенно пусто и пахло закромом. По полу когда-то прошелся широкими полукругами венник, но не закончил своего дела, и мучная пыль белела в углах и на карнизах. У одного окна, на котором грудями лежали литографированные тетрадки, учебник «Эсперанто», изречения Эпиктета, Марка Аврелия и Паскаля, стоял стул. На нем Каменский, должно быть, отдыхал и читал. На простенке были приклеены хлебом печатные рассуждения под разными заглавиями: «О Слове», «О Любви», «О плотской жизни». Среди же них еще стихотворение, крупно написанное на белом листе бумаги:

*Боже! Жизнь возьми — она
Вся тебе посвящена!*

*Дни возьми — пусть каждый час
Слышишь ты хвалебный глас!*

А ниже — из псалмов Давида:

«Ты дал мне познать путь жизни; ты исполнишь меня радостью перед лицом твоим!»

Как все это было странно и ново для Гриши! Он с изумлением смотрел кругом, прислушивался к тишине этого заглохшего поместья и к тому, что пробуждалось в его сердце, долго ходил из угла в угол... Потом вернулся в полутемную комнату, вышел в сени, снова развернул Евангелие...

«Дети! Недолго уже быть мне с вами...» — читал он отмеченные карандашом слова последней вечери Христа с учениками. — «Да не смущается сердце ваше»... «Если мир вас ненавидит, знайте, что меня прежде вас возненавидел»... «Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир»...

Отняв глаза от книги, Гриша долго и напряженно глядел в угол, ничего не видя перед собою. И он, этот странный человек, терпит

скорбь, «ибо беззакония наши стали выше головы!». Запах избы от ветхого переплета книги напомнил Грише тяжелую работу, кусок корявого хлеба, жесткое деревянное ложе, черные бревенчатые стены. А пустая, безмолвная и вся озаренная солнцем комната — светлое одиночество в минуты отдыха и созерцательной, тихой жизни.

«Ты исполнишь меня радостью перед лицом твоим!» — вспомнил Гриша и почувствовал, как у него самого радостно и жутко затрепетало сердце и глаза наполнились слезами непонятого восторга... «После сих слов, — читал он дальше, ощущая в волосах словно дуновение морозного ветра, — после сих слов Иисус возвел очи свои на небо и сказал: Отче! Пришел час, прославь сына твоего, да и сын твой прославит тебя... Я открыл имя твое человекам... Соблуди их во имя твое!..»

V

— А, вы уже пришли! — раздался голос Каменского.

Гриша смущенно захлопнул книгу.

— Извините, — сказал он, подымаясь.

— В чем вы извиняетесь? — спросил Ка-

менский, стоя перед ним с мешком в руке и пристально глядя ему в лицо.

— Да вот залез в ваши книги, — ответил Гриша небрежно.

— Так что ж тут дурного?

— Я говорю, взял вашу книгу... ну, без спросу, что ли...

— Вашу? Что это значит?

— Как это значит?

— Да так. Зачем вы все такие слова употребляете? Они стояли друг против друга, и Гриша чувствовал, что пристальный взгляд улыбающихся глаз Каменского все более подчиняет его себе.

— Что это вы покупали? — спросил он, чтобы переменить разговор.

— А вот луку немного и хлеба.

И Каменский опустил мешок на землю.

— Так, может быть, начнем? — добавил он. — Я вот покажу вам, разведу огонь и присоединюсь к вам.

Гриша встрепенулся.

— Нет, нет, вы сначала разведите.

— Успеется, — отозвался Каменский. — Давайте доску в верстак, попробуйте фуганком.

Гриша с преувеличенным вниманием стал слушать, как надо работать фуганком, и помогать заправлять доску в верстак.

— Ну-ка попробуйте! — сказал Каменский.

Гриша взял фуганок и с такой силой зашаркал им по доске, что в два-три взмаха испортил ее.

— Да вы потише! — ласково засмеялся Каменский.

Он ушел в избу, вынес оттуда чугуничек с водой, поставил его на таган около порога и развел огонь. Синий дымок поплыл по двору. Поглядывая на него, Каменский взял из-за верстака кадушку, сел на порог и стал набивать обручи. Стук молотка звонко отдавался в пустой кадке. Подлаживая под этот стук, Гриша пристально шмыгал фуганком по доске. Стружки кремового цвета, красиво загибаясь, падали на пол.

— Вы живете только с матерью? — спросил вдруг Каменский, опуская молоток.

— Нет, и отец часто приезжает, — поспешно ответил Гриша, поднимая запотевшее и возбужденное лицо. — А в городе всегда вместе.

— Он что же — все города украшает?

— Как города украшает?

— Строит дома богатым людям? Созидает Вавилон?

— Ах, вот что... Если хотите, да.

— Ну, этого-то я не хочу! — серьезно сказал Каменский.

И, положив в воду картофелю и луку, поправив огонь, опять сел на порог за работу.

— Да, — сказал он задумчиво. — А брат ваш что делает?

— Он только что кончил курс... Теперь служит... то есть работает у патрона.

— Так, — сказал Каменский. — У патрона... А вы тоже думаете этим заняться?

Гриша помолчал.

— Не знаю, — сказал он тихо. Каменский тоже помолчал.

— Это хорошо, что не знаете, — сказал он почти строго и стал задумчиво глядеть вдаль. — Люди все еще идут в Египет за помощью. Но и египтяне — люди, а не бог, и кони их — плоть, а не дух.

И, подняв глаза на Гришу, прибавил:

— И вы будете также... также несчастны и

одиноким, если будете не жить, а служить. Вы скоро забудете людей, будете знать только отношения вместо людей, и вам будет очень тяжело...

Гриша вспомнил свою семью и опустил глаза.

— Я испытал это на себе, — опять заговорил Каменский. — Я видел, как растет пропасть между моими поступками и намерениями, как жизнь моя обращается в служение крахмальным рубашкам; видел, как растет пропасть между мной и людьми. И когда я приехал в деревню к своим, где думал начать новую жизнь, я ясно увидел, как велика эта пропасть. Я мог только с крыльца слушать говор и весь этот смутный шум деревни, наблюдать жизнь простых и добрых людей, которых я прежде намеревался учить злым и ненужным делам, думая, что эти дела добрые и нужные дела, — только наблюдать: между нами была пропасть. Я был как человек, стоящий у ручья, которому хотелось пить, но которому сказали, что, прежде чем пить, надо взмутить воду, и он стал пить мутную воду, хотя и знал, что мутить воду было не нужно...

Гриша слушал, стараясь не проронить ни одного слова. «Разве ты теперь-то не одинок?» — хотелось ему сказать. Но, боясь сказать это невпопад, неумело, боясь, что Каменский заговорит с ним как с мальчиком, молчал.

— А про Египет, — спросил он наконец, — это чьи слова?

— Исайи. Вы не читали?

— Никогда. Каменский подумал.

— Завтра воскресенье, — сказал он, — мы не будем работать. Если хотите, приходите, и мы почитаем вместе.

— Во сколько?

— Когда хотите. Хоть часов в десять. Раньше нельзя, так как я пойду в город на почту.

— Непременно приду! — воскликнул Гриша. — У вас тут так хорошо!

Он помолчал и вдруг с трудом выговорил:

— А вы не будете ли добры пожаловать к нам сегодня вечером?.. Мама будет очень рада вас видеть...

— С удовольствием, — ответил Каменский. — Я людей не избегаю.

Он попробовал палочкой картошки в чугу-

не, встал и ушел в избу. Гриша торопливо схватил картуз. Очевидно, Каменский сейчас будет обедать и пригласит его... и выйдет неловкость, неприятность, которая испортит все настроение. Есть Грише не хотелось, но отказаться неловко... да даже если бы и хотелось и он сел, вышло бы все-таки что-то фальшивое.

— Ну, — сказал он как можно спокойнее, когда Каменский вышел из избы с глиняной миской и ложкой в руках, — мне необходимо домой...

И, чувствуя, что краснеет, Гриша поспешно добавил:

— Сегодня, знаете, брат и отец приедут... Так мне необходимо... До вечера, значит?

— До свиданья, до вечера! — ответил Каменский ласково.

За мельницей Гриша вздохнул свободнее. Он был взволнован, ему хотелось подумать о чем-то, но он ничего не думал и только шел все дальше в степь. Позади него живописно синела долина, но ему хотелось уйти в открытое поле. И он шел по парам, уже заросшим высокой травой и цветами, и ему было прият-

но, что они щелкают его по ногам, что поднявшийся ветер обвевает лицо солнечной теплотой, запахом зеленых хлебов.

— Как хорошо! — воскликнул Гриша, останавливаясь и снимая картуз.

Он постоял, подумал, послушал жаворонком и тихо добавил:

Ты исполнишь меня радостью пород лицом твоим! Потом лег на межу навзничь и стал делать то, что делал и детстве: медленно-медленно закрывать глаза так, чтобы солнечные лучи ярко-золотистой паутиною протянулись к ресницам, а потом задрожали и превратились в трепещущие кружки, радужные, как хвост павлина...

«Как жить? — думал Гриша. — Как жить, чтоб всегда было хорошо, легко, свободно, просто? И чтоб и другим было так же? Как жить?»

Он постарался представить себе, что будет в его жизни... в тридцать, сорок, пятьдесят лет... Но все было смутно и непонятно. Представилось только что-то похожее на туманную синеву в долине под мельницей...

— Откуда так стремительно?

Гриша остановился среди поляны и поднял голову. По дороге от станции шла в большой шляпке стройная и худощавая барышня, одна из служащих в управлении железной дороги.

— А вас, Марья Ивановна, почему это интересует? — спросил Гриша с тем неестественным спокойствием, с которым говорят красивые молодые люди с хорошенькими девушками.

Марья Ивановна пожала ему руку. Темно-каштановые волосы локонами падали на ее плечи; простое и наивное личико с голубыми глазами было очень миловидно. Глазами Марья Ивановна кокетничала, бойко и гордо прищуривала их: однако бойкость не удавалась ей, и чаще всего, особенно при новых людях, взгляд Марьи Ивановны пропадал в пространстве, хотя болтала она в это время без умолку.

— Как жарко! — начала она скороговоркой, стараясь не глядеть на Гришу. — А в вагоне просто дышать нечем... И работы сегодня была такая масса! Я уже заявила сегодня свое-

му патрону, что, если будет такая жара, я не буду больше являться на службу.

— А кто же вас заставляет являться? — спросил Гриша.

— Вот мило! Если бы у меня была пара серых в яблоках и коляска на резине, меня, может быть, и не заставляли бы.

Гриша улыбнулся,

— Ведь нот, — сказал он томом Каменского. — Они не могут без серых, вес; серые нужны!

— А что же прикажете делать?

— Пахать, — ответил Гриша полушутя, полусерьезно.

— Пахать! — воскликнула Марья Ивановна. — Это новость!

— Вовсе не новость.

— Сохой пахать?

— Сохой.

Марья Ивановна посмотрела куда-то вдаль и легонько вздохнула:

— Это хорошо в теории, а не на практике.

— А вы не отделяйте теории от практики! — добавил Гриша наставительно, поклонился и быстро пошел к своему саду.

На балконе завтракала Наталья Борисовна.
— Игнатик приехал! — сказала она.

Гриша промолчал и сел за стол. На столе был приготовлен ему прибор и завтрак: масло, яйца, глянецовито-зеленые огурцы. Среди стаканов стоял серебряный кофейник, подогреваемый синими огнями бензиновой лампы. Наталья Борисовна старательно снимала ножом и вилкой мясо с крылышка холодного цыпленка. Гриша посмотрел на ее плотную спину, на расставленные и приподнятые руки и почему-то вспомнил черепаху. Красивое лицо его стало неприятно.

— Что так поздно? — спросила Наталья Борисовна немного заискивающим тоном.

— Где же Игнатий? — сказал Гриша вместо ответа.

— Купаться ушел. А ты это все у Каменского?

Гриша сделал усталое лицо.

— У Каменского, — пробормотал он.

Наталья Борисовна позвонила. Гарпина внесла на тарелке сковородку с шипящим в масле куском бифштекса.

— Дайте вина! — коротко приказал Гриша.

И, когда подали бутылку, залпом выпил стаканчик и принялся за еду очень поспешно.

— Уже? — спросила Наталья Борисовна. — А кофе? Гриша бросил салфетку и встал.

— Мерсі, не хочу.

— Мало же!..

Гриша прошел в свою комнату и лег на кровать. Ему хотелось еще подумать, как в поле, удержать утреннее хорошее настроение. Но от вина и еды приятно напряженнее билось сердце. Гриша с удовольствием вытянул ноги, положил их на отвал кровати, прикрыл глаза... и внезапно заснул крепким сном.

А Наталья Борисовна, балуясь гусиным перышком, откинулась на спинку стула и долго смотрела куда-то в одну точку. О чем она думала? Она бы и сама не сказала. Но, подымаясь из-за стола, она почему-то глубоко вздохнула и пошла по дому лениво.

В спальне она подняла штору, села около окна и машинально взяла книгу. Но читать не хотелось. И она перевела глаза на портрет Петра Алексеевича, стоявший на ее письменном столике. С портрета пристально и на-

смешливо глядели на нее небольшие, чуть-чуть прищуренные глаза еще бодрого и свежего мужчины лет пятидесяти. Его правильная, яйцеобразная голова с продолговатой бородой, в которой седина тронула волосы только около щек, еще до сих пор была гордо откинута назад. Было видно, что этот человек весь свой век прожил в холе и до старости сохранит барскую осанку высокой, в меру полной фигуры.

«Подурнел! — подумала Наталья Борисовна. — Плечи подняты по-стариковски, под глазами мешки...»

На мгновение она вспомнила свою молодость, прежнего Петра Алексеевича, на мгновение ей стало неприятно, что он так опустился теперь... Но, в сущности, он теперь был ей совсем чужой человек; а думать о прошлом — это и утомительно, и не приводит ни к чему хорошему. И Наталья Борисовна принялась бесцельно смотреть в окно.

Ветер опять стих, и опять стало жарко и скучно. Но уже длинные тени легли от садов и дачи дремали мирным послеобеденным сном долгого летнего дня. По улице прокати-

лась со станции линейка с дачниками и скрылась, громыхая развинченными гайками. «Са-ахарно морожино...» — меланхолично доносилось откуда-то издалека.

А в доме было так тихо, что по всем комнатам отдавалось ровное постукиванье часов в столовой.

VII

Вечером на поляне около сада Примо играли в крокет.

Солнце скрылось в густую чащу леса за поляной, и лес темнел на шафрановом фоне заката. Воздух был сухой и теплый, даже душный. Около играющих стояли знакомые и незнакомые барышни и студенты; потом они разбрелись, и зрителями остались маленькие гимназисты. Их очень занимал непрекращающийся спор между Гришей и Игнатием.

— А я тебе говорю, что ты ее убил! — азартно кричал Игнатий, стоя перед Гришей. — Я стоял вот здесь, — продолжал он, все более волнуясь, отбегая и стучая молотком по тому мосту, где стоял, — я стоял вот на этом самом месте и отлично видел, как шар Марьи Ивановны коснулся фока!

На толстого Игнатия в широком, мешковатом костюме из чесучи было смешно смотреть. Он неуклюже бегал среди дужек и помынутно снимал соломенную шляпу, обтирая платком круглую, коротко остриженную голову и красное лицо.

— Шнурки-то подбери, — презрительно говорил Гриша, указывая Игнатию на мотающиеся завязки его мягких скороходов.

— Игнатик! — пробовала вмешаться Наталья Борисовна, делам страдальческое лицо и смеясь внутренним смехом. — *Keep your temper, Sir!*[3]

— Оставь, пожалуйста, мама! — огрызнулся Игнатий. — Это же глупо наконец! Я отлично видел, как шар коснулся фока.

Гриша смотрел на Марию Ивановну и думал, что она сегодня была бы очень хороша, если бы не надела этой красной шелковой кофты, широкие рукава которой она помынутно издергивала и взбивала на плечах.

— Ты слеп, мой милый! — лениво возражал он брату.

— Ты слеп!

— Все равно, я не уступлю.

— И я не уступлю!

— Ты молоток сломаешь.

— Ну и отлично!

— Ничего тут нет отличного.

— Я тебе уже давеча раз уступил, — опять стучая молотком в землю, кричал Игнатий, — ты еще давеча нарушил правила.

— Вечно с правилами!

— Конечно, с правилами! Раз ты их не исполняешь...

В это время к крокету подошел профессор Камарницкий с женой.

— Здравсьте, господа! — сказала Софья Марковна. — Продолжайте, продолжайте, пожалуйста.

Но Грише совестно было продолжать спор. Он отвернулся и сказал:

— Марья Ивановна! Вы должны решить.

Марья Ивановна положило ручку молотка за голову на плечи, взялась за нее руками и, качаясь на носках, ответила детским тоном:

— Я не знаю.

И не то улыбаясь, не то гримасничая, она рассеянно смотрела своими голубыми глазами в небо. Грише страстно захотелось подой-

ти и поцеловать ее в губы. И он машинально ответил:

— В таком случае давай новую партию. Мы считаем себя побежденными.

— Павел! — сказала профессорша. — Будем играть?

Профессор покорно согласился. Все взяли молотки и собрались в одно место. Игнатий обтер лоб платком, бросил на землю шляпу и быстрыми ударами молотка согнал шары к фоку.

— Итак, господа, — крикнул он тоном герольда, — мы играем в следующем порядке: одну партию составляет Павел Антоныч, Софья Марковна и Гриша; вторую — я, мама и Марья Ивановна. Гриша, мы начинаем: согласен?

— Согласен, согласен.

Широко шагая, Игнатий торжественно подошел к фоку, отставил левую ногу.

— Господа, начинаю! — крикнул он и ударил в шар. Шар прошел дужку, стукнулся о проволоку второй и наискось проскочил третью.

— Вот это удар! — восторженно завопил

Игнатий, любуясь, как шар волчком завертелся на одном месте.

А через минуту он уже снова раздраженно кричал на всю поляну:

— Если ты, мама, не умеешь играть — брось! Это глупо наконец! Не умеет даже крокировать!

— Да ведь нога же соскользнула!

И, улыбаясь, Наталья Борисовна снова приподняла край юбки, неумело поставила ботинку на шар, сильно размахнулась, но молоток боком стукнул ее по ноге и выскользнул из рук.

— Не могу сегодня... — выговорила она, трясаясь от смеха, и отошла в сторону.

Зараженная этим смехом, Марья Ивановна принялась хохотать как помешанная.

— Сначала, сначала! — кричала она, бегая за шарами и раскидывая их в разные стороны.

Игнатий в отчаянии поднял плечи, покраснел и сделал ужасное лицо.

— Это черт знает что такое! — воскликнул он басом и, не выдержав, сам расхохотался.

Подъехал еще знакомый — адвокат Викен-

тьев. У него всюду были знакомые, и в городе, с извозчичьей пролетки (пешего его трудно было себе представить) он широко и приветливо размахивал шляпой чуть не каждому встречному. Всюду он держал себя как дома, всюду напевал отрывки оперных арий с мягким удальством итальянского тенора и считал себя общим любимцем.

— Стой, стой! — закричал он извозчику, соскакивая с пролетки, и быстро, покачиваясь, пошел к крокету. Это был человек небольшого роста, кругленький, с маленькими ногами и руками. Называя себя «верным шестидесятником», он небрежно повязывал галстук, не стриг своих серых, мягких волос и часто закидывал их назад. Матовое его лицо было молодо и неприятно.

— Наталья Борисовна! — крикнул он, махая на себя шляпой. — Благоверного вашего лицезрел!

— Где? — спросила Наталья Борисовна, идя к нему навстречу.

— В городе-с. — Викентьев быстро поцеловал у ней руку, оглянулся. — Да-с, на стогнах града... Оказывается, он вернулся еще вчера,

«выпимши малость»... Здравствуйте, барышня!.. Мое почтение, Софья Марковна...

Он пожал всем руки и опять оглянулся:

— Коллеге почтение! Давно изволили пожаловать?

— Только сегодня, — сказала Наталья Борисовна. — Да вы откуда, Александр Иванович?

Викентьев махнул рукой и вздохнул.

— И в городе был и за городом был... у одного почтенного отца семейства... Ну что же? Я вам помешал? Примите меня в заморскую игру?.. Хотя по правде, я голоден, как сорок тысяч братьев Фридрихов...

Но играть было уже поздно. Сумрак мягко синел в парке, и над вершинами дубов показывались серебряные звезды... Хор молодых голосов запел где-то далеко протяжную малороссийскую песню, и Викентьев стал тихонько подтягивать:

*Та иалетіли гуси з далекого
краю...*

— Отчего это, — сказал он, — когда поют хорошую песню, становится кого-то жалко и

совсем не знаешь, горя или радости хочется?..
Пойдемте гулять, господа! В такую ночь надо
жить только природой.

Пошли смотреть на долину, в сторону, про-
тивоположную мельнице Каменского, — ту-
да, где видны были огни города; полежали на
скате, непринужденно, по-дачному, снявши
шляпы. Синяя темнота все сгущалась от во-
стока над долиной. Прошел за рекою поезд, и
долго слышен был его отдаленный шум... По-
том все затихло. Город на горизонте роился
бледными огнями, а из парка доносилась то
та, то другая печальная песня.

— Славно! — сказал Викентьев. — Люблю я
эту самую природу, люблю, грешным делом,
полежать вот так на травке, но... «камергер
редко наслаждается природой»!.. Право, иной
раз хочется стать рыбаком, бродягой или хоть
толстовцем... вроде вашего новоявленного от-
ца Каменского. Кстати, он еще тут обретает-
ся?

Гриша насторожился.

— Да, — ответила Наталья Борисовна. —
Обещался сегодня быть у нас.

— Вот как! — сказала Софья Марковна. —

Это интересно. Павел, пойдём к Наталье Борисовне?

Профессор, запинаясь, отказался:

— Нет, ты, уж будь добра, иди одна; мне он не интересен, да и надо вовремя лечь в постель.

— Да, он не интересен, — подтвердил Викентьев. — Я с ним встречался. Говорит как по писаному, но все это не ново и хорошо только на словах. «Нельзя объять необъятного»... Да и сам Лев Николаевич-то, кажется, уж соскучился забавляться...

Заговорили о том, что влияние Толстого проходит, что Толстой велик как романист и слаб как философ, что он умеет только отрицать и ничего не даёт положительного... Гриша внимательно слушал. Слова Викентьева заставили его задуматься.

«Болван! — думал он про Викентьева. — Но это-то, пожалуй, отчасти и правда... Не ново-то не ново...»

Посидели еще, не зная, что делать. Всем было хорошо, но все чего-то ждали. И когда Наталья Борисовна сказала, что хочется чаю, поднялись очень живо, словно исполнили

обязанность.

У крыльца профессор и Викентьев откланялись. Остальные вошли в дом. В сумраке на балконе кто-то медленно поднялся со стула.

— Здравствуйте! — сказал приятный важный голос.

— Ах, это вы, Алексей Александрович! — воскликнула Наталья Борисовна, дружески пожимая ему руку. Очень, очень рада вас видеть... Что же это Гарпина не зажгла вам лампы?

— Они у Петра Алексеевича.

— Разве он приехал?

— Да, мы уже беседовали с ним. Он пошел в кабинет обливать голову водою.

Наталья Борисовна покраснела. «Ах, боже мой, как нарочно!» — подумала она, но тотчас же весело сказала:

— Ну, господа, вы незнакомы? Знакомьтесь, знакомьтесь, пожалуйста...

VIII

По всем комнатам пахло сигарами. Из кабинета раздавались мужские голоса, слышны были сильные вскрикивания Ильи Подгаевского, странного субъекта, безотлучно пребы-

вавшего при Петре Алексеевиче и участвовавшего во всех его попойках. Петр Алексеевич редко появлялся один и на этот раз привез с собой еще какого-то военного доктора, которого называл Васей, и своего секретаря, Бобрицкого, молодого человека, очень похожего на жирафа своей маленькой головой и большой, длинной фигурой в клетчатой паре.

Среди сидящих и разговаривающих за круглым столом в ярко освещенной гостиной Каменский резко выделялся высокой фигурой и одеждой. Присутствие его одних смущало, других очень интересовало. Марья Ивановна боялась взглянуть на него и, махая в раскрасневшееся лицо платком, быстро-быстро заговаривала то с тем, то с другим так, словно отвечала на экзамене. Грише очень хотелось уйти с ней на качели в сад, но он знал, что будет спор, так как заметил, с какой порывистой приветливостью пожал руку Каменского Игнатий: очевидно, рад новому человеку, с которым можно сцепиться. Однако разговор шел пока незначительный. Поддерживал его только агроном, человек в золотом пенсне, всегда сдержанный, вежливый и элегантный

(агрономией он занимался теоретически, в городе). В тон ему держался и Бобрицкий. Немного отодвинувшись от стола и вытянув ноги, он держал стакан чаю в руках и, когда пил, далеко отставлял мизинец, украшенный перстнем с большим куском бирюзы.

— Вы позволите вам чаю? — с легкой запинкой спросила Наталья Борисовна Каменского.

И все тотчас с любопытством обратились в его сторону: откажется или нет? И что возьмет к чаю?

— Пожалуйста, — очень вежливо ответил Каменский.

То, что он приметлив, тоже немного удивляло всех. Верно, он знал, что Примо устроили сегодня вечер с толстовцем, знал, что за каждым его движением будут следить, будут оглядывать его одежду, и потому надел чистую рубашку, умылся, причесал бороду и густые русые волосы, подстриженные в скобку. Теперь его открытое лицо было красиво.

Подошел еще гость, статистик Бернгардт, бородатый, сумрачный человек. Он недавно вернулся из Сибири, и Грише казалось, что

это суровые сибирские мужики приучили его быть таким скупым на слова. И теперь он молча сел в угол со стаканом чаю и принялся рассматривать волосы в своей большой темной бороде. Каменский тотчас заговорил с ним о Сибирской железной дороге. Бернгардт отвечал отрывисто, а все поглядывали на них, как бы спрашивая: какой интерес представляет Каменскому железная дорога? Ведь «они» отрицают цивилизацию!

Вдруг агроном почтительно промолвил:

— Правда, что Лев Николаевич не совсем здоров?

— Да, да, — поспешил ответить Бобрицкий, — я читал недавно сам.

— Нет, неправда, — ответил Каменский. — Я недавно имел о нем известия.

Бобрицкий поднял брови.

— Но я же сам, своими глазами читал в «Новом времени»! — сказал он.

— Вы не верьте. Газеты для того же и существуют, чтобы выдумывать неправду, — возразил Каменский с снисходительной улыбкой.

Игнатий задвигался на стуле.

— Ну, знаете, это слишком сильно сказано! — проговорил он с неприятной улыбкой.

— А где он теперь? В Ясной Поляне? — перебила Марья Ивановна.

— Что вы?

Каменский спросил очень ласково, но Марья Ивановна смешалась. Она встряхнула локонами и с трудом выговорила:

— Правда, что он только лето живет в деревне?

— Да, вот это правда.

Все переглянулись и помолчали. Каменский налил в блюдце чаю и уже начал говорить с агрономом о рамочных ульях, как вдруг Софья Марковна выговорила громко и насмешливо:

— А правда, что он уже сменил пресловутую блузу на костюм велосипедиста?

— Вот это опять неправда, — уже совсем важным тоном возразил Каменский.

Снова переглянулись, а Игнатий издал какой-то носовой звук.

— Я, собственно, не понимаю... — начал он, собирая хлебные крошки.

Но в это время раздался насмешливо-от-

четливый голос Петра Алексеевича:

— А правда, что мы с Илюшей еще пьяны?
Все живо обернулись.

Улыбаясь, Петр Алексеевич медленно шел с коробкой сигар в одной и с дымящейся папиросой в другой руке, немного приподняв плечи и не поворачивая головы, как уходят богатые люди из ресторанов среди кланяющихся лакеев. После холодной воды он посвежел и ободрился; слегка прищуренные глаза блестели, смуглое припухшее лицо было весело. И как всегда, он был очень представительен; небольшое брюшко, туго обтянутое жилетом, не портило его высокой, плотной фигуры; ноги сравнительно с ней были тонки, но стройны.

Зато маленький, тщедушный человек, который шел за ним в длинном черном сюртуке, производил странное впечатление; старческое лицо его, лицо скопца и алкоголика, было желто и испито; длинные, монашеские волосы жидкими темными космами падали на плечи; маленькие агатовые глаза неестественно блестели.

— Отставной профессор консерватории,

потом монах, пьяница и мой друг, Илья Подгаевский, — отрекомендовал его Петр Алексеевич, здороваясь с гостями и усаживаясь к столу.

— Полно, Петр! — с пафосом воскликнул Подгаевский, кивнул всем головой и задумчиво зашагал из угла в угол, бросая себе в рот мятные лепешечки.

Наступило минутное молчание. Каменский пристально, без стеснения рассматривал то Подгаевского, то хозяина. Последний, очевидно, заметил это, потому что отчетливо повторил, обращаясь уже к одному Каменскому:

— Так как вы нас находите? Пьяны мы или уже можем вести душеспасительные беседы?

— Мы этого еще не знаем, — ответил Каменский серьезно.

Петр Алексеевич сделал вид, что уже не слушает, и обратился к Наталье Борисовне:

— Мамаша, — сказал он, — налейте и мне стаканчик чаю, только, пожалуйста, без коньяку!

— Вот как! — засмеялась Наталья Борисовна.

— Я слышу разговор о Толстом, — продолжал Петр Алексеевич, оглядывая всех и подчеркивая слова, — и вот мне перестало хотеться того, чего прежде хотелось, и стало хотеться того, чего прежде не хотелось. И когда я понял то, что понял, я перестал делать то, чего не надо делать, и стал делать то, чего не делал и что нужно делать.

Все засмеялись.

— Очень, очень удачно скопирован Толстой! — подхватил Бобрицкий.

— Какой догадливый! — пробормотал Петр Алексеевич, раздувая ноздри.

— Нет, почему вы так против велосипедистов? — улыбаясь, но уже нервно прикрывая глаза и волнуясь, заговорил Игнатий.

— Разве я это сказал? — спросил Каменский и поднял брови.

— То есть не сказали, но, в сущности, это понятно... И это странно... Я думаю, что всякий труд, исполняемый с наименьшим напряжением мускулов...

Все прислушались. Каменский же немного наклонил голову, и по лицу его было видно, что он хочет вникнуть в каждое слово. Но Иг-

натий запнулся, щелкнул пальцами и прибавил торопливо:

— Я хочу сказать, что такой труд, во всяком случае, более нужен, чем какой-либо другой...

— Я вас не понимаю, — спокойно возразил Каменский.

— Не понимаете? — переспросил Игнатий.

— Извините, не понимаю.

Игнатий вздернул плечами.

— Что же тут непонятного? Разве я темно выражаюсь?

— Нет, но вы, очевидно, не подумали, что сказали.

Игнатий прикрыл глаза, соображая, подумал он или нет, и наконец выговорил:

— Нет, знаете, я темно выразился, но вполне понятно, что я хотел сказать. Я хотел сказать, что всякий труд...

— Нужно всегда различать, — тихо, по властно перебил Каменский, кладя ладони на стол, — нужно всегда различать, что нужно и что не нужно в жизни; именно, как сказал Петр Алексеевич, надо знать, что нужно делать и чего не нужно делать.

Он мельком взглянул на Петра Алексеевича и продолжал:

— Да, именно так. Поэтому слово «всякий» очень часто не имеет ни значения, ни смысла. Всяким труд! Да вот ведь и обезьяна трудилась и ей стало жарко и скучно наконец.

— То есть я не понимаю, про какую обезьяну вы говорите?

— А вот про ту, что катала чурбан. Помните басню? О труде надо думать серьезно и избирать надо тот труд, который не ограничивается одним наименьшим напряжением мускулов. Труд жизни...

Игнатий заволновался еще больше.

— Вы думаете, кажется, что я не имею понятия о труде?

— О чьем труде?

— Вообще о труде... Я не меньше вашего работал и работаю...

— Я о вас пока не говорил.

— Но ведь это понятно!

— Я о вас не говорил. О вас я еще буду говорить.

Игнатий вспыхнул.

— Но ведь это, конечно, и от меня будет за-

висеть, — резко возразил он. — Личности тут ни при чем.

— Нет, именно при чем. И отчего нам не говорить друг о друге? Мы не должны учить других, когда еще не очистились сами, но мы должны быть братьями и помогать друг другу.

— Однако же вы говорите тоном именно поучения!

Каменский немного смутился, но тотчас же оправился.

— Я не поучаю, — сказал он серьезно, — я говорю только то, что мне кажется истиной, которую я уразумел сердцем. Я не насилую вас — это главное. И вы напрасно сердитесь на меня.

— Я нисколько не сержусь, я сказал только, что знаю, что такое труд, не хуже другого...

— По вашим рукам этого не видно.

— Если вы, — перебила Каменского Софья Марковна, и все оглянулись на нее, — если вы подразумеваете под трудом труд только физический, то я думаю, что ограничивать настолько труд, по меньшей мере, странно. Ум-

ственная жизнь человека нуждается в полном развитии и усовершенствовании.

— Илья? — спросил Петр Алексеевич. — Справедливая это мысль? Правда, мы с тобой труженики и умственно развиваемся? — И с заигравшею в глазах злою улыбкой оглядел всю компанию, долил чай коньяком и выпил, как воду.

— Илюша! Что же ты? — добавил он, обращаясь к Подгаевскому.

Подгаевский, который шагал вокруг стола, оживился.

— Изволь! — сказал он, наливая и себе коньяку. — Но ты обратился ко мне с вопросом. Так я тебе скажу, мой милый, что мысль Софьи Марковны совершенно справедливая. И твоя обычная ирония тут ни при чем. «Оставь ее отжившим и нежившим!»

— Будто бы мы с тобой еще не отжили? — спросил Петр Алексеевич.

— Мы тени, мой милый! Но сущность наша и красота вечны! — сипло вскрикнул Подгаевский.

Петр Алексеевич дослушал его и спокойно выговорил:

— Вот и врешь! И мы с тобой, к сожалению, не тени, и красота не вечна. Например, вот мамаша была очень красива, а теперь только старая карга.

Поднялся общий смех и говор.

— Виноват!.. — говорил Каменский с блестящими глазами.

IX

— Виноват, я не договорил, — повторил он. — Я вас перебыю на минуту, — продолжал он только для того, чтобы вдуматься в то, что хотел сказать, так как намеревался говорить долго. — Я хотел ответить вам, Софья Марковна... Оставим на минуту труд в стороне, нужно сперва говорить о жизни... И вот я думаю так: жизнь человека должна быть направлена прежде всего к раскрытию и познанию...

— К раскрытию чего?

— К раскрытию того, что нужно и важно для человека, к развитию его добрых чувств, чтобы он мог любовно и радостно исполнять свое назначение на земле и волю пославшего его...

— Пославшего его, — повторил Игнатий. — Кто же этот пославший?

— А это называйте, как хотите — Роману, Вишну, Фта... Дух Жизни, одним словом.

— Дух Жизни! Что такое Дух Жизни?

— А вам что — хочется решить его, как уравнение?

— Нисколько, это уравнение, состоящее из всех неизвестных, следовательно, я и пытаться не буду решать такое уравнение... Да это и не уравнение будет.

Петр Алексеевич насмешливо кивнул на Игнатия.

— Игнатий-то! — сказал он. — Как уравнению-то обрадовался!

— Дай мне, пожалуйста, говорить! — воскликнул Игнатий со злобой. — Так я говорю: это для меня только звук, и я не знаю, что он значит...

— Дело не в звуке...

— Так позвольте: что же такое Дух Жизни?

— Дух Жизни?.. «Свет, и нет в нем никакой тьмы» — вот вам одно определение. Добро, любовь — вот вам другое.

— А почему я должен поклоняться добру? — вмешался Подгаевский, внезапно оставившаяся против Каменского.

— В самом деле, — подхватил Игнатий, — почему?

— Да зачем вы ставите эти вопросы? Вы следуйте веленьям своего сердца, в котором заключены и добро и любовь.

— А если у меня не заключено ничего подобного?

— Это неправда. Еще Тертуллиан сказал, что душа христианка.

Игнатий заморгал, развел руками, поднял плечи.

— Да что же это за доказательство! — воскликнул он насмешливо и басом. — Добро, Любовь... А если я не верю Тертуллиану вашему, и моя башка, мои мозги...

Каменский нахмурился и повторил уже назло:

— Да, еще Тертуллиан сказал. А царь Давид вот что: «И рече безумец в сердце своем — несть бога!»

— Не следует, я думаю, забывать того, что Давид совмещал в себе массу достоинств, но еще более недостатков, — перебила Софья Марковна.

— Господа, позвольте! — закричал Игна-

тий. — Мы уклонились, так нельзя...

— Вы же не дали мне договорить, — сказал Каменский. Лицо у него покраснелось, руки нервно гладили скатерть.

— Ну, продолжайте, продолжайте, пожалуйста!

Каменский подумал и опять заговорил размеренно:

— Я говорил: человек должен уяснить себе, для чего он живет...

Виноват, — снова не выдержал Игнатий, — одно слово... Как это уяснить, для чего я живу? Я могу сказать, для чего я сегодня в город ездил...

— Да, вот именно так, — подтвердил Каменский, — именно, надо уяснить себе цель жизни так же, как цель поездки в город. И вот: есть жизнь телесная и плотская и есть жизнь духовная и душевная. Жизнь телесная...

— Ну, это уже начинается метафизика какая-то! — воскликнула Софья Марковна.

— Позвольте, — начал Игнатий.

— Виноват, — заговорил и агроном, хотевший примирить и успокоить всех.

А Петр Алексеевич выговорил громче всех:
— Мы вот с Илюшей живем плотской жизнью!

— Метафизика — родня поэзии! Я стою за метафизику! — почти закричал Подгаевский. — Вы говорите: труд; но прогресс движется не трудом, а творчеством!

— Это, положим, вздор! — добавила Софья Марковна. — Возьмите Липперта...

Каменский почувствовал, что здесь нельзя говорить. Но то, что ему хотелось сказать этим людям, которые кричат только от скуки, волновало его, и он поднялся со стула. Встал и Игнатий.

— Что же вы сотворили? — почти строго спрашивал Каменский. — Что? Я скажу вам, что вы сотворили: рабовладельчество, проституцию...

— А что вы так против проституции? — вмешался Петр Алексеевич уже с явной насмешкой. — Вот Илья иначе думает.

Каменский пристально посмотрел на Петра Алексеевича, но тот сделал мутные глаза и отвернулся.

— При современных условиях это необ-

хо-димо-е учреждение! — уже кричал Подгаевский.

— Позвольте... Что же, современные условия хороши?

— Нет, вы позвольте!

Лицо Подгаевского исказилось, глаза бежали; то, что у него не было двух верхних зубов, еще более делало его некрасивым.

— Нет, дайте же мне договорить! — пробовал как можно спокойнее возражать Каменский. — Вы сказали именно то, что нужно: вы сказали как человек, который на вопрос: почему он едет так плохо и тихо, ответил, что у него сломана ось. Остановись же, — сказали ему, — почини ее.

— Позвольте-с, — заговорил Бернгардт сумрачно, приближаясь к Каменскому, — современные условия зависят не от одного человека. Это не телега, в которой едет благодушный мечтатель и единственный обладатель ее, это наполненный народом дилижанс. И починка зависит не от единичной воли... Конечно, можно и пренебречь сломанным экипажем, встать, махнуть рукой и отправиться пешечком; только это и нечестно, и навряд

хорошо для отправившегося пешечком...

— Да, — горячо подхватил Каменский, — если дилижанс плох, нужно его оставить и не тащиться в нем или не сваливать все на других, на «обстоятельства»... И во всяком случае, починка делается не злобой, а единением и любовью!

— А может быть, непотивлением злу? — перебил Бернгардт и резко захохотал.

Вдруг Петр Алексеевич поднялся.

— Мамаша! — воскликнул он. — Это наконец подло с вашей стороны! Вы меня все равно не приучите к духовной жизни, я не обещал сегодня!

— Господа, перейдемте в столовую, — обратилась Наталья Борисовна к окружающим.

Гриша поднялся и скрылся в своей комнате.

Понемногу стали подыматься и остальные. Разговор оборвался, и по рассеянным взглядам было видно, что продолжение его и нежелательно.

Агроном сел за рояль и, одним пальцем аккомпанируя, вполголоса запел пролог из «Паяцев». Около него стояли Бобрицкий, Софья

Марковна и Подгаевский; Подгаевский покачивал головою и намеревался подтягивать. Петр Алексеевич в ленивой попе сидел на диване; Бернгардт ходил из угла в угол; он не хотел даже серьезно говорить с Каменским, унижать себя. А Игнатий с Каменским незаметно вышли на балкон. Игнатия мало интересовала закуска, и он думал, что, пожалуй, вышло неловко это всеобщее нападение на Каменского. Спорить больше ему не хотелось, хотя он и был немного обижен, так как любил оставаться в горячих разговорах победителем. Он стоял против Каменского и машинально повторял:

— Да-а-с, батенька!

Лицо Каменского было строго и рассеянно. Облокотившись на перила балкона, он старался собрать мысли, так как твердо решил опять завести разговор.

А Марья Ивановна, полуосвещенная светом, падавшим из гостиной на балкон, глядела в сад и говорила тихо и восторженно:

— Как хорошо!

В саду было очень темно и тепло. Ночные неопределенные облака неподвижно дрема-

ли в темноте над садом. Дремотно где-то щелкал соловей, невнятно доносился аромат резеды с цветника у балкона...

Х

Гриша сидел за ужином, мрачно покусывая ногти. Когда собрались в столовую, произошла маленькая неловкость.

— How did you get acquainted with him?[4] — вдруг спросила профессорша Наталью Борисовну, указывая глазами на Каменского.

— Энгельса зашел попросить, — пробормотал Петр Алексеевич.

А Каменский мягко, но серьезно заметил:

— Я знаю английский язык, так что вы говорите лучше на каком-нибудь другом.

И когда Софья Марковна смешалась и покраснела, он добавил снисходительно:

— Да вы не конфузьтесь. Языки надо знать, это ведет людей к сближению. Ведь вся беда людей с древнейших времен и до этого вечера состоит в неуменье и бессознательном нежелании общаться с людьми.

Он вызывал на беседу, и лицо его становилось все сосредоточеннее. Но кругом шел оживленный разговор о знакомых, об опере;

занимал всех и ужин — молодые картошки с зеленью, бифштекс, вина... К ужину вышел и военный доктор, похожий на цыгана. Заспанный, добродушный, он все старался казаться трезвым и поэтому расшаркивался, подымал плечи и хриплым голосом говорил любезности дамам.

Тогда Каменский, обращаясь как будто к одному Игнатию, произнес целую речь. Голос его стал торжественным, глаза строгими и выразительными.

Он опять начал с того, что нужно в жизни. Современный человек, говорил он, отличается тем, что умеет становиться на всевозможные точки зрения и ни одной не признавать безусловно справедливой, ни одной не увлекаться сердечно. Жизнь стала слишком сложна, и сложная общественная организация парализует нашу волю и растягивает нас в разные стороны. Мы одурманили себя ненужными делами, мы загипнотизированы книгами и разучились говорить языком сердца. Мы слишком заняты, по словам Лаодзи и Амиеля, слишком много читаем пустого и бесплодного, когда надо стараться упрощать жизнь, ста-

раться быть искренним, вникающим в свою душу, когда нужно отдаться богу, служить только ему, остальное же все приложится. Мы устали от вероучений, от научных гипотез о мире, устали от распрей за счастье личности, слишком много пролили крови, вырывая это счастье друг у друга, когда жизнь наша должна состоять в подавлении личных желаний и исполнении закона любви. Злоба — смерть, любовь — жизнь, говорил он. Жизнь только в жизни духа, а не в жизни тела. Плод же духа — любовь, радость, мир, милосердие, вера, кротость, воздержание... Это повторяли людям все великие учителя человечества, начиная с Будды...

— Ну, знаете, батенька, Будда был довольно-таки ограниченный субъект! — перебил Игнатий.

Каменский, не слушая, продолжал говорить. Он настаивал на том, что мы сами создаем себе миллионы терзаний только потому, что не хотим прислушаться к тому, что говорит нам сердце голосом любви, всепрощения и благоволения ко всему живущему; настаивал на том, что мы гибнем, развивая в се-

бе зверские похоти, тысячи ненужных потребностей и желаний. «Желаете и не имеете; убиваете и завидуете и не можете достигнуть», — напомнил он слова апостола Иакова.

— Это все очень не ново! — слышались голоса. — Это все давно слышанное. К сожалению, не так просто все развязывается. И любить по закону нельзя. Странный рецепт: возьми да люби!

Гриша терялся — с обеих сторон говорили правду!

Размахивая лапами сюртука, Подгаевский ходил по комнате и кричал над ухом Каменского:

— Я ска-жу вам словами такого же апостола, Павла: «Освободившись от греха, вы стали рабами праведности!»

— Лучше быть рабом праведности, чем похоти, — пробовал возражать Каменский.

Но Подгаевский был уже пьян. Пьян был и Вася, который все наклонялся и что-то бормотал на ухо Петру Алексеевичу, воображая, что говорит шепотом. А Петр Алексеевич сидел с покрасневшимся лицом и мутным взглядом.

Ах, что кому до нас,

Когда праздничек у нас! —

запел он вдруг фальшиво и резко.

Дамы встали и начали прощаться. Поднялся и Каменский.

— Что же вы? — спросил Петр Алексеевич. — Уже уходите? Напрасно! Давайте споем.

Каменский пожал плечами.

— Какой вы веселый! — сказал он, нахмуриваясь.

— Веселый! — повторил Петр Алексеевич и вдруг прибавил с неприятной улыбкой: — Кстати о труде! Шкап-то скоро будет готов?

— В четверг принесу.

— После дождичка?

— А разве в четверг будет дождь?

— Да вот Брюс пишет — будет.

— Я в Брюса, к сожалению, не верю. До свидания!

— Жаль! А закусить разве не хотите? Ведь хочется небось?

Каменский посмотрел на него долгим взглядом, пожал окружающим руки и пошел из дома через балкон. Петр Алексеевич поднялся.

— Николка! — крикнул он на весь дом.

И когда вбежал лакей, прибавил:

— Лошадей нам! Вася, Илюша — в «Добро пожаловать!». Едем!

— Петр Алексеевич, — сказала Наталья Борисовна, — я тебя прошу, не ездите!

— Мамаша! Оставьте! Стыдно при чужих людях...

Ах, что кому до нас, —

запел он снова, обнял доктора и Подгаевского и пошел в кабинет...

Дом опустел. Было слышно, как в столовой убирали посуду. Гриша сидел в своей комнате у открытого окна, стиснув зубы.

— В наше время таких бы не слушали, — со злобой говорил на балконе Бернгардт.

— Вы и теперь не слушаете, — отвечал злобно и Каменский.

— Мы жизнью жертвовали!

— Однако вы живы.

— Не каламбурьте! Вы увлекаете общество от полезной и честной работы в свою келью под елью.

— Это что же вы называете работой?

Неужели эта дача похожа на рабочий дом?

— Я не про эту дачу говорю. Вы не ехидничайте. Любовь!.. А ведь у вас злоба кипит, вы сами просите борьбы... Вы, например, меня ненавидите сейчас.

— Поверьте мне, как брату, — горячо возразил Каменский, — у меня никакой нет злобы против вас. Запомните слова Паскаля: «Есть три рода людей: одни те, которые, найдя бога, служат ему, другие, которые заняты исканием его, и третьи, которые, не найдя его, все-таки не ищут его»...

— Опять тексты!

— Да, тексты! — повторил Каменский снова с сердцем...

— Покойной ночи! — слышался немного погодя голос Игнатия.

— Прощайте! — ответил грустно и важно Каменский.

XI

На заре Гришу разбудили удары грома. Он открыл глаза.

День был серый и дождливый. От надвигающихся туч в комнате темнело; в сумраке мелькал красноватый отблеск молнии, после

чего начинался где-то вверху смутный рокот. Он приближался тяжкими раскатами, так что дрожали стекла, и вдруг разражался треском и резкими ударами над самой крышей дома... И начинал сыпать дождь, сначала осторожно, потом все шире и шире, и затихший сад, густые чащи сочной зелени у раскрытых окон стояли не шелохнувшись, насыщаясь влагою. Тяжелый запах цветущих тополей наполнял сырой воздух.

Гриша хотел уже встать, как в столовой слышались тяжелые шаги Петра Алексеевича. Он что-то невнятно приказывал лакею, который звенел ключами, отворяя шкаф.

— Гриша! — раздался вдруг его голос в гостиной. Гриша не ответил.

Петр Алексеевич подошел к порогу и раздвинул портьеры. Он был в шляпе и крылатке, которая сползла у него с плеч.

— Ты спишь? — спросил он.

— Нет, — ответил Гриша и нахмурился. — А что?

— Да так... Я, знаешь, хотел спросить кое-что...

— Именно?

— Именно... Гм!.. Ну, да все равно... Я хотел тебе сказать вот что: не замечал ли ты, что свинья — одно из самых иронических животных?.. Это, во-первых...

Язык Петра Алексеевича заплетался.

— Во-вторых, я зашел к тебе на минутку... — продолжал он медленно. — Я хотел тебе передать, что встретил сейчас Каменского... В город, брат, уже прет!.. И знаешь, что он мне сказал? Он сказал, что я — новая интеллигенция, так называемая «честная», но со всеми признаками самого обыкновенного буржуа, то есть настоящей свиньи... И что будто это порождение последних дней... Это недурно! А главное, изречение!

И тоном Каменского Петр Алексеевич прибавил:

— «Ибо ради вас имя божие хулится у язычников!..» Как тебе это нравится?

Гриша молчал.

— Молчишь? — опять заговорил Петр Алексеевич. — Молчи, брат! Только знаешь что? Ты о себе подумай... подумай и лучше застрелись, если ничего не выдумаешь... Непременно застрелись, если не станешь не чем

иным, как иронизирующей свиньей!

Дождь лил, ровно и однообразно шумя по траве и деревьям. Мягкими переливами звучал под дождем голос иволги.

Гриша лежал на кровати и зло, загадочно улыбался...

1895

Велга*

Слышишь, как жалобно кричит чайка над шумящим, взволнованным морем?

В туманной дали, на западе, теряются его темные воды; в туманную даль, на север, уходит каменистый берег. Холодно и ветрено. Глухой шум зыби, то ослабевая, то усиливаясь, — точно ропот соснового бора, когда по его вершинам идет и разрастается буря, — глубокими и величавыми вздохами разносится вместе с криками чайки... Видишь, как бесприютно вьется она в тусклом осеннем тумане, качаясь по холодному ветру на упругих крыльях? Это к непогоде.

День с самого утра хмурится. Здесь, на этом неприветливом северном море, на его пустынных островах и побережьях, круглый

год ненастье. Теперь же осень, а север еще печальнее осенью. Море угрюмо вздулось и становится темно-железного цвета. Издали необозримая равнина его кажется выше берега, она уходит в туманный простор на запад, а ветер все быстрее гонит с запада волны и далеко разносит крик чайки.

— Кри-э! — жалобно и пронзительно звучит по ветру.

Утром она беспокойно и криво летала над самым прибоем. Море непрерывно крутящимися валами окаймляло берег. Здесь оно, налетая на него с грохотом и шумом, рыло под собою гравий, там, как кипящий снег, рассыпалось с шипеньем и широко излизывалось на берег, но тотчас же скользило, как стекло, назад, подпирая собою новый крутящийся вал, а вдали расшибалось о камни и высоко взвивалось в воздух. И далеко гудел берег от прибоя... Чайка с криком бросалась между волнами, плавно скользя по воде в их ухабы, выносилась на новой волне до высокого гребня и вплетала вся в брызгах и пейс. Ветер вольно носил ее низко над морем.

Но потом она словно устала. Надвигается

ненастный вечер, и бессильно качается чайка по ветру, все дальше уходит, белея в тумане, от берега в море... Слышишь, как жалобно раздаются ее радостные стенания?

Вот она уже еле-еле виднеется в сумраке. Быстро спускается темная бурная ночь; чаще и чаще мелькают в море седые космы пены. Шум прибоя растет, ледяной ветер вздымает и бешено срывает волны, разнося по воздуху брызги и резкий запах моря.

— Кри-э!.. — доносится откуда-то издалека, снизу.

Слушай, я расскажу тебе, под шум бушующего северного моря, старую северную легенду.

I

Было это давно, в незапамятное время.

У холодного северного моря жила молодая и сильная Велга. На закат были воды, на восток — песчаный берег, близко за селением сходявшийся с небом. Что было там, к востоку, Велга не знала и не хотела знать. Она никогда не ходила к востоку. Не ходил и отец ее, не ходила и мать, не ходила и старшая сестра, Снеггар. Они знали только море.

Возле моря прошло детство Велги. Быстро прошло оно, и весело было ей в детстве! Зимой, когда море только под самым краем неба чернело волнами, а у берегов было покрыто белым снегом, Велга спала в мягком гагачьем пуху и, просыпаясь, видела перед собой живой свет очага среди темной и низкой хижинны. Летом, когда светит солнце, дует теплый ветер и вода легко плещется в море, Велга искала на песках яички зуйков и плавунчиков или бегала к прибою, ложилась ничком на берег, а волны с шумом обдавали ее... Так забавлялась она летом, и всегда с Велгой были Ирвальд и Снеггар.

Толстая Снеггар часто смеялась и пела, да не умела она так звонко кричать и так смело кидаться в шумящее море, как Велга. Но Ирвальд умел, и раз Велга сказала ему:

— Отчего ты не брат мне, Ирвальд? Отчего у меня нет брата, которого я любила бы так, как тебя, Ирвальд? Я бы не скучали без тебя долгую зиму.

Он взглянул на нее, улыбнулся и вдруг кинулся к морю.

— Смотри, смотри: гагара! — закричал он

ей.

И они, как истер, гнались друг за другом, убегали туда, где н прибрежных пещерах звонко раздается голос, где у берега громоздятся высокие скалы, а тяжелая вода с шумом поднимается и скользит между ними, шипит и кипит, опускаясь, и с журчаньем, струями сливается с плоского камня. Там дразнили они волны, близко подбегая к ним...

Зачем так быстро прошло детство Велги?

Все нетерпеливее проводила она долгие зимы в хижине, занесенной снегом. Стало ей четырнадцать лет, а Ирвальду — шестнадцать, и часто уходил он теперь за рыбой в море. Но зато как радовалась Велга, когда Ирвальд возвращался!

— Милый Ирвальд, — говорила она ему, — мне хочется плакать, что так долго тебя не было, и хочется смеяться, что я опять вижу тебя!

Но уж выросла и Снеггар большая. Ирвальд забывать стал о Велге. Он часто сидел возле Снеггар и глядел в ее веселое лицо. А Велга издали следила за ними. Не хотелось ей при сестре разговаривать с Ирвальдом. Но,

когда он уходил по берегу к своему дому, Велга догоняла его и провожала до самого порога.

— Милый Ирвальд, — говорила она ему, — зачем ты так долго сидел возле Снеггар? Зачем горе мешает моей радости?

И стала Велга петь на берегу моря звонкие песни сквозь слезы. А когда с ней встречались подруги, она замолкала, и лицо ее становилось сурово и гордо.

II

Хижина отца Велги стояла вдалеке от рыбацкого селенья, на каменистом побережье, засыпанном жесткими песками, и в часы прилива море добегало до ее порога.

Если же прилив был в бурю, то оно хлестало даже в окна, затянутые кишками гагары. Тогда Снеггар обрывала песню, бросала в испуге работу и уходила от окон, Старая мать Велги бормотала заклятия и с тревогой прислушивалась к завыванию ветра. Но сама Велга не боялась бури. Она вместе с отцом выходила на мокрый порог хижины, скатывала на ветру сети, а потом вбегала в воду, и холодная вода, поднимаясь и опускаясь, обнимала и мыла ее босые ноги, обдавая их шипящею,

серую пеной и опутывая мокрыми бледно-зелеными травами. Велга разрывала их ногами и вдыхала сильной грудью свежий, влажный ветер, поднимала навстречу ему голову, а ветер трепал ее русые волосы. Так стояла она, молодая и стройная, и лицо ее было смело, бирюзовые глаза зорко глядели вдаль. Но только птицы св. Петра носились там крикливыми стаями и по воде взбегали, распутив крылышки, но самые высокие гребни взмывающихся и рассыпающихся водяных бугров.

Девушки стали называть Велгу печальнойю и злою, потому что никогда не смеялась Велга и не пела с сестрой за работой. Но никогда до пятнадцати лет не бывала Велга печальнойю и злою. Сердце ее было отважно, как у молодой птицы, и радовалась Велга на бури и море, на солнце и землю, на свою девичью свободу. Только без Ирвальда грустила она: сильно хотелось ей рассказать ему, как хорошо жить на свете.

Ирвальд давно был в море. Утомилась Велга ходить по побережью и следить за волнами: хотелось ей крикнуть через море, что уто-

милась она ожидать Ирвальда, что нельзя ему любить Снеггар, если Велга не может жить без него.

А когда подул теплый ветер с заката и стало опускаться к морю солнце, Велга пришла к сестре и сказала ей:

— Милая Снеггар, хочешь, я расскажу тебе, как ласков летний ветер, как легко пахнет море водой и как мне грустно без Ирвальда?

— Не хочу, — отвечала Снеггар, праздно и спокойно сидя у порога.

Велга ушла от нее, села на берегу и долго слушала, как плещется теплая вода в сумерках. Слезы, как теплая вода, падали на ее руки.

Увидав Ирвальда, она вскрикнула, а он засмеялся и приказал ей носить из лодки рыбу и сети на берег. Она послушно и долго трудилась с ним, а когда стал подниматься над морем большой бледный месяц, она утомилась, села в пустую лодку и вздохнула ночным ветром.

— Ирвальд, — сказала она, — я ждала тебя — и беспокойно билось и томилось мое сердце. Но когда ты приехал, так легко стало

мне!

А Ирвальд сидел, глядел на месяц. Стыдно стало Велге, что он не ответил ей, и она, опустив глаза, спросила его тихо:

— Ты слышал мои слова, Ирвальд?

— Да, — сказал Ирвальд.

И тогда совсем низко наклонила Велга голову и проговорила:

— Возьми меня в свой дом, Ирвальд! Я буду ходить с тобой в море, буду петь тебе песни и работать с тобой. Так сладко жить на свете с тобой!

— Мы никогда не будем жить с тобой, — твердо ответил ей Ирвальд. — Завтра я опять уйду в море, а когда вернусь, возьму за руку Снеггар. Вместе проведем мы зиму, а летом уплывем, как две гагары.

— А я? — медленно сказала Велга и почувствовала, как тяжело застучало ее сердце. — Я останусь одна? — громко сказала Велга.

— Да, — ответил Ирвальд.

Тогда Велга быстро прыгнула на берег и быстро пошла по берегу. И когда далеко ушла, кинулась на серый камень и закричала месяцу, что ей больно в сердце, и зарыдала, и упа-

ла на камень.

III

Слышишь, как дико завывает ветер во мраке? Неприветливо северное море!

Осень наступила наутро, и зашумели в тусклом тумане отяжелевшие волны. И когда пахнуло на Велгу холодным ветром, вскочила она и бросилась в воду. Но волна поднялась и далеко отшвырнула ее на берег.

— Море не хочет, чтобы я умерла, — сказала себе Велга. — Прежде я должна убить Ирвальда.

И молча возвратилась она домой. Высохли на щеках ее слезы, и спокойно было ее суровое лицо, но темно на сердце.

— Снеггар, — сказала она сестре, — уехал Ирвальд?

— Да, — отвечала Снеггар.

— Когда вернется он? — спросила Велга.

— Когда начнет падать мокрый снег и потемнеет море, — отвечала Снеггар.

Тогда Велга съела рыбы и ушла на порог хижины. Там села она на ветру и просидела весь день, скорбно сдвинув брови. На ночь она вернулась под кровлю, а утром опять вы-

шла за двери, ожидая Ирвальда. И так проводила она дни и ночи, пока не пошел первый, мокрый снег.

«Скоро вернется Ирвальд, — думала Велга, сладостная горечь обиды томительно вливалась в ее сердце. — Я убью его, а потом и сама успокоюсь в могиле».

Но Иркальд не возвращался. Уж надвигались сумерки, и все чаще стала Велга подниматься с порога и, стоя, напряженно глядеть в море. И в сумерках из хижины вышел старый отец Волги. Ветер развевал его длинные седые волосы.

— Велга, дитя мое, — сказал он ласково, — отчего ты покинула родной дом? Вот поднимается зловеющая ночная буря, перед которой неутешно тоскует сердце человека. Помоги мне укрепить подпорками стены, положить камней на кровлю из кожи тюленей, и укроюсь под кровлю от непогоды и ночи.

От нежных слов дрогнуло сердце Велги жалостью к самой себе, к отцу и к Ирвальду. Она поспешно стала помогать в работе. Ветер валил их с ног и застилал весь воздух водяною пылью, словно в море бушевала вьюга. В са-

мые окна хлестали волны косматой пеной, и в испуге поспешила Велга под кровлю.

Там, в темноте ночи, вдруг вспомнила она, как много лет тому назад, когда Ирвальд был еще ребенком, он остался ночевать в их хижине. Он был в эту ночь ее гостем, и она сама постлала ему постель и поцеловала его, по обычаю гостеприимства, перед сном. Она вспомнила милое ей лицо его, и еще больше овладели ее сердцем жалость и любовь к нему. Тогда она, забыв, что хотела убить его, быстро встала с ложа и в тревоге стала слушать. Ей чудились в шуме ветра его крики, и всю ночь трепетала она от страха и, обессиленная, забылась сном лишь под утро.

Море же стало стихать; в воздухе повеяло дыханием зимнего мороза. И когда Велга проснулась и отворила на дневной свет дверь дома, навстречу ей переступила порог Снеггар.

— Велга! — сказала она. — Буря унесла Ирвальда на дикие острова Ледяного моря и разбила его лодку. Он один теперь в море и ждет смерти от холода, голода и толстых клювов морских птиц.

— Кто сказал тебе? — крикнула Велга.

— Я была у вещей Чарны, и она гадала мне на кишках гагары, — отвечала Снеггар и, закрыв лицо руками, стала плакать.

— Снеггар... — нежно хотела проговорить Велга.

Но брови ее сурово сдвинулись, и она сильной рукой распахнула дверь дома.

IV

Она быстро пошла по побережью на север. В холодный темный вечер иступила она и хижину Чарны, теплую от костра, пылающего красным пламенем.

— Научи меня, о вещая! — воскликнула она перед Чарной. — Укажи путь к Ирвальду!

— Поспеш! — сказала Чарна. — Два дня и две ночи надо плыть к Ирвальду. Не поспеешь к рассвету третьего дня — он погибнет. Но скажи мне, Велга, слыхала ли ты о пустынях Ледяного моря, где так же дико и печально, как в первые дни мира?

Как пойманная рыба, затрепетало сердце Велги.

— Пожалей меня, Чарна, — отвечала она. — Горько мне расстаться с жизнью. Но,

если так надо, скажи: что будет со мной?

— Два дня и две ночи проведешь ты в тоске и страхе среди моря, — сказала Чарна. — А когда ступишь на остров, где томится Ирвальд, обратишься ты в чайку, и не узнает он, для кого ты погибла.

Как первый снег, побледнела Велга, но глаза ее сверкнули радостью, и она отвечала Чарне:

— Я иду, Чарна!

— Поспеши, — сказала Чарна.

Против ветра, по мокрому песку прибрежья побежала Велга к шумящему, темному морю. Хотелось ей крикнуть «прости» сестре, отцу и матери, но беспокойно билась у берега лодка на волнах, и быстро прыгнула в нее Велга. На закат, где едва светила кровавая полоса зари, направила она лодку и стояла, качаясь на волнах, и слезы горели на ее глазах, а ветер развеивал в темноте ее белую одежду и дул в лицо с Ледяного моря.

V

На рассвете увидела она себя окруженной бледным морем у песчаного пустынного острова. Никого не было на том острове. Только

вода взбегала на его песок и белела пеной. «Водяные пастушки» на высоких и тонких ногах бегали у прибоя и искали среди раковин пищи. Но и «водяных пастушков» было мало. На зиму улетают они к берегам, где дуют теплые ветры.

А Ледяное море уже начиналось. Целый день плыла Велга и вступила в те безграничные воды, что уходят на край света и сливаются с небом. Все тяжелее стучали волны в дно лодки, потому что уже нет земли под теми волнами. Дикае северные птицы живут в тех морях, вдали от людей, на скалистых островах. Они сильны и одеты плотным пухом; они нею зиму могут плавать среди льдов и глубоко ныряют в ледяную воду. Тысячи их гнездились на островах, и каждый остров, как снегом, белел птицами. Там были гнезда на уединенных утесах и в норах, под утесами. И в сумерках проплывала Велга мимо самого большого острова.

Он весь, сверху донизу, был покрыт, как серою корой, засыхающим пометом птиц, их перьями и пухом. Птицы длинными рядами сидели на всех уступах скал. Внизу гнезди-

лись те, что были поменьше, наверху стояли и дремали самые большие и прожорливые, с белыми животами и черными спинами, с толстыми шеями и маленькими головами, с блестящими глазами в кольцах белого пуха и с огромными уродливыми клювами, с крепкими грубыми лапами и короткими руками без пальцев. Птицы громко разговаривали, а как только наступили сумерки и Велга, обесиленная борьбой с морозным ветром, причалила к берегу на отдых, тысячи их поднялись с шумом над нею, а самые большие загоготали и заревели дико и радостно, стараясь перекричать друг друга... И как снег побледнела Велга, собрала последние силы и опять прыгнула в лодку.

И к вечеру последнего дня показался среди пасмурного тумана высокий и дикий утес на краю света, тот, до которого доходили только могучие викинги и вбили в него железные кольца, чтобы привязывать лодки. Яростный шум и гул бурунов сливался там с тысячеголосыми криками хищных птиц, кружившихся в тумане. А Ирвальд лежал у прибоя, обесиленный предсмертным сном от холода и го-

лода. Он был бледен, как морская пена, и в кудрях его был мокрый песок.

— Ирвальд! — крикнула Велга страстно и звонко.

От голоса ее мгновенно очнулся Ирвальд. Хотела Велга крикнуть ему, что она любит его, как в детстве, но не коснулись ее ноги земли, когда она прыгнула с лодки на берег: в воздухе повисла она крылатою белою чайкой, и крик ее раздался жалобно-радостным криком чайки над Ирвальдом. Он мгновенно очнулся от крика, — голос друга коснулся его сердца, — но, взглянув, он увидел лишь чайку, взлетевшую с криком над лодкой...

Он уплыл на восток. Она долго вилась над водой, провожая Ирвальда. А когда он сокрылся вдаль, закачалась она бесприютною чайкой по ветру. Так тоскует она и доньше, вспоминая утесы в тумане, где когда-то томился Ирвальд. Но в стенаньях ее звучит радость.

1895

Без роду-племени*

I

С вечера я спал крепко, потому что слишком измучился за день, но потом мне стало сниться, что я иду по каким-то станционным дворам и запасным путям, среди паровозов и вагонов, ищу мужа Зины и хочу непременно убедить его, что я вовсе не враг ему, Я любил Зину, но теперь не думаю о себе, желаю только ее счастья. Казалось даже, что я говорил ему это, но он все уходил от меня и я плохо его видел, а моя нежность к Зине возрастала, все крутом темнело, странно вытягиваясь коридором, и вот этот коридор — слабо освещенный, насквозь видный ряд вагонов — уже бежит, дрожа подо мною, и какая-то красивая девушка, перебивая мои слова веселым шепотом, зовет и уводит меня за руку все дальше по узкому коридору поезда. Я едва успеваю за нею, в поезде темнеет, вагоны бегут, увлекая меня за собою, — падают все ниже и ниже, точно сама земля падает под ними, и радость, страсть и отчаяние достигают во мне такого напряжения, что я делаю усилие крик-

нуть — и просыпаюсь.

Так начался этот день. Очнувшись, я долго и тупо глядел на стену, изумленный спокойным видом комнаты. Давно день, ставни открыты, и на часах — половина десятого... Боже, какой тяжелый вздор снился мне! И что это напоминает он неприятное и как будто неестественное? Ах, да! Зина повенчалась вчера с Богаутом...

Вот теперь я уж твердо верю в это. Правда, я ждал этого и все-таки продолжал ходить к Соймоновым. И вдруг однажды вечером — темнота и тишина во всем доме; старик Соймонов один сидит в темном кабинете, усиленно курит, задыхаясь более обыкновенного, и говорит мне, как только я появляюсь на пороге, неестественно равнодушно:

— А Катерина Семеновна с Зиной по лавкам поехали.

И, попыхтев, продолжает иронически:

— Великое переселение народов, что называется... К семейному торжеству готовимся... Нынче, знаете, весьма скоропалительно выходят эти истории!

Он хочет смягчить свои слова иронией, но

я понимаю его и стараюсь только об одном — лучше попадать ему в тон, чтобы поскорее и поприличнее уйти.

И я ушел, пришибленный, точно выгнанный из дому. Чтобы заглушить чувство боли, я усиленно развивал в себе злобу, презрение к этим свадебным приготовлениям. Я бродил по городу и, когда однажды встретил жениха, проехавшего с какими-то картонками в коляске, остановился и расхохотался. Катается на чужих лошадях и доволен! Как домой, является в чужую семью, где портнихи и белошвейки завалили все комнаты материями и выкройками!.. А потом будут сумерки, освещенная церковь, суэта около паперти... Подкатывают кареты, и щеголь-пристав горячится, чтобы сохранить порядок в этой церемонии... И церемония совершается в образцовом порядке!

Но даже попытки злиться не удавались мне. Я ходил на службу, и тоска, боль дурманили мне голову. А тут еще Елена! Она одинока, измучена беганьем по урокам, бросила семью и живет впроголодь; но зато у нее есть цели и надежды, мечты о курсах, о науке, о

работе для общества. У меня нет пока никаких целей, и вольно же ей было мечтать увлечь и меня за собою! Всегда резко-бодрая, она изменилась за последнее время. То грустно-ласкова со мной, то хмурится, точно ей больно. А когда я заявил ей третьего дня о своем отъезде, она вспыхнула, взглянула на меня изумленными глазами, потом неловко и кротко улыбнулась и, едва выговорив: «До свидания», — ушла... Я рассеянно посмотрел ей вслед.

Но вот эти сумерки наступили, и я очнулся. Я минута за минутой пережил в воображении все, что должно происходить в церкви, и жгучая злоба, ревность разрывали мне сердце. Я плакал и кого-то умолял сжалиться надо мною... Если бы вошла она в эту минуту! Я обезумел бы от счастья, целовал бы ее ноги! Иногда я порывался бежать к ней и у нее искать спасения от моей скорби. Но она-то и мучила меня. Выхода не было, и я метался по своей комнате... Потом острая боль стала замирать. Совсем стемнело; затихающий гул соборного колокола медленно и ровно раскачивался над городом. Я знал, что все уже кончи-

лось там, в церкви. Острую боль заменила тупая, скучная, и я крепко заснул.

Вот опять день, но мне теперь легче. То, что снилось, так странно слилось со всем пережитым за последнее время. Надо встать, собраться и куда-нибудь уехать...

II

Я долго мылся холодной водой, потом, не спеша, стал одеваться, что-то обдумывая. За стеной малороссийской скороговоркой ругала кухарку хозяйка. Мимо окна мягко прокатил по немощеной мостовой извозчик; стуча сапогами по деревянному тротуару, прошли два семинариста. Мне бы тоже давно пора идти — на службу, но я уже давно бросил думать о службе.

— Вы ж, панычу, справди уедете сёгодня? — спросила Одарка, входя в комнату с кипящим самоваром в руках.

— Что? — машинально проговорил я и, помню, долго глядел на нее без ответа. «Да, — думал я, — Зина уедет сегодня с мужем в Крым. Значит, мне тоже надо уехать отсюда».

— Непременно уеду, — ответил я твердо. — Непременно.

И, как только Одарка скрылась, заварил чаю и несколько раз прошелся из угла в угол, оглядывая, с чего начать сборы в дорогу. Но вдруг дверь снова распахнулась: почтальон!

Я быстро схватил письмо — и мгновенно разочаровался. «Пожалуйста, не уходи никуда завтра. Мне нужно серьезно поговорить с тобой. Елена». «Какое бабье письмо!» — подумал я со злобой. Не уходи, серьезно поговорить! Что я могу сказать ей? Взволнованный, я кинул письмо на стол и опустился в кресло.

День облачный, ветреный — стоит уже конец сентября, — и ветер проносит по улице пыль и листья. В открытую форточку долетает тревожный шум тополей. Улица, где я так однообразно провел почти два года, безлюдная, тихая и вся в деревьях. Деревья на бульваре и около тротуаров — старые и развесистые. Теперь они шумят сухой листвою; ветер гонит облака пыли и качает их из стороны в сторону... А пять месяцев тому назад, в теплые апрельские дни, они кудрявились нежной, мелкой зеленью, голубое небо сияло между их вершинами, и я бродил под ними по мягкой, влажной земле, чему-то радуясь!

Пять месяцев... И мне хочется твердо и определенно сказать себе, что я очень глупо провел эти пять месяцев.

Убедить себя в этом мне тем легче, что я не только не люблю Зины теперь, но даже со стыдом вспоминаю все, что говорил ей.

В марте образовался у нас «музыкально-драматический кружок», и я сам написал об этом событии корреспонденцию в «Летопись Юга». Корреспонденции увеличивают мое жалованье в земской управе рублей на восемь, на десять в месяц, и я аккуратно сообщая в «Летопись» обо всех выдающихся городских событиях. С кривой улыбкой я пишу газетным жаргоном о положении народной столовой и чайной, о полковых праздниках и дамском благотворительном кружке, о доме трудолюбия, где бедные старики и старухи, измученные и обездоленные жизнью, обречены под конец этой жизни выполнять идиотскую работу — трепать, например, мочало... Пишу о том, что сельскохозяйственное общество «заслушало» и «передало в комиссию» чрезвычайно любопытный доклад под заглавием: «К вопросу об урегулировании свино-

водства», и тут же добавлю, что «нельзя не отметить и другого отрадного факта: в среде местного интеллигентного общества, по инициативе супруги начальника губернии, возникла благая мысль организовать в нашем богоспасаемом городке кружок с целью проведения в жизнь и доставления публике здоровых и разумных развлечений...» С той же улыбкой я отправился и в дворянский клуб, на один из вечеров «кружка», в качестве скрипача, участвующего в концерте.

Утомленный однообразной зимней жизнью — службой, обедами в кухмистерской и скучными вечерами в своей студенческой комнатке, где всегда пахнет дешевым глицериновым мылом и где вся мебель состоит из стола, кровати, двух-трех стульев и плетеной корзины, — я был возбужден клубом. Я был доволен, что меня знакомят с семьями вице-губернатора и председателя суда, с чиновниками особых поручений и с богатым молодым помещиком Вечесловым, который так хорошо играет в любительских спектаклях... Все они такие свежие, бодрые, и все хотят незаметно обласкать тебя... В клубе — светло,

просторно, зеркала, бархатная мебель, пахнет дорогим табаком, и оживленно идет говор. А главное, я не чувствую себя лишним но этот раз: я сыграл, как настоящий скрипач, одну вещь грустную, нежную, похожую на колыбельную песенку, а другую — бойкую, в темно-мазурки, с резкими ударами смычка, — исполнил все, что полагается, и был одобрен... Вот тут-то и состоялось мое знакомство с Соимоновыми.

Все они мне понравились: и сам доктор, пожилой человек, похожий на помещика, с одышкой, и его жена болтливая, молодящаяся дама, и ее падчерица, Зина, высокая девушка с темно-синими глазами и длинными ресницами.

— Зиночка, матушка! Что это ты сидишь такая сонная? — сказал Александр Данилыч, подводя меня к дочери, — Я вот тебе еще жениха привел. Сергей Николаевич Ветвицкий.

— Ну, садитесь и рассказывайте, — проговорила Зина. Она улыбнулась и подняла ресницы, но только на мгновение перевела глаза на меня, а потом снова стала равнодушно глядеть в сторону, сидя прямо и машинально иг-

рая веером.

Я спросил:

— С чего начать прикажете?

— В качестве жениха — с того, кто вы таковой, откуда? «Имя, родина, родные?»

— Зовусь Магометом я, — сказал я с шутливой грустью.

— Полюбив, мы умираем? — добавила Зина. Потом пристально и задумчиво посмотрела на меня.

— Вы не декадент? — спросила она.

— Почему? — ответил я, невольно смущаясь от ее взгляда.

— Да так... про вас ходят слухи, что вы нелюдим, гордец... потом у вас такое лицо...

— Какое? — спросил я живо.

— Больное, — ответила Зина, подумав. — Вы больны?

Я посмотрел на ее глаза и губы, на все ее красивое тело высокой и уже вполне развившейся девушки, услышал запах ее духов...

— Болен, — ответил я шутливо, с болью чувствуя все обаяние ее.

— Чем?

— Жаждой того, чего у меня нет, — сказал

я. — А хочу я многого... Любви, здоровья, крепости духа, денег, деятельности...

К удивлению моему, она, помолчав, быстро и серьезно ответила;

— Я очень понимаю вас. У меня тоже ничего нет. Только не нужно говорить об этом...

Я хотел что-то возразить, но удержался и только с радостью почувствовал, что между нами уже установилась какая-то тонкая связь.

— Ну, а почему же вы думаете, что я гордец и нелюдим? — спросил я.

— Потому что у вас очень надменный и грустный взгляд, — сказала Зина. — Мне кажется, что вы никогда никого не любили и что вы большой эгоист.

Я был задет за живое, но опять сдержал себя и стал говорить полушутливым тоном:

— Может быть... Кого любить? За что?

— Виновата, — вдруг сказала Зина. — Мне нужно подойти к тетушке.

И она с приветливой и радостной улыбкой пошла навстречу старухе, сопровождаемой белокурым и женственным молодым человеком, — старухе с лошадиным лицом и сови-

ными глазами, которые посмотрели на меня очень удивленно. Я, как истый пролетарий, опять почувствовал себя лишним и надулся. А когда Зина вернулась ко мне, начал притворно-лениво и очень некстати глумиться над жандармским полковником, над любительницей-певицей, пожилой, некрасивой и сильно декольтированной девушкой, над виолончелистом...

— Посмотрите, — говорил я, — какой он маленький, плюгавый. Лицо — конфетное, но зато волосы совсем как у Рубинштейна...

— А это кто, не знаете? — продолжал я, все более раздражаясь и все более желая вовлечь ее в разговор. — Вот тот пожилой господин с артистической наружностью и лицом алкоголика? Посмотрите, как у него запухли глаза и как он смотрит всегда — точно сонный, с холодным презрением. Это настоящий клубный посетитель, и про него непременно говорят, что он — умница, золотая голова, только спился, опустил и должен всем...

— Это Алексей Алексеевич Бахтин, мой дядя, — ответила Зина с неловкой улыбкой.

Таков был первый вечер. Однако я часто начал бывать у Соймоновых, и Зина сперва радовалась мне. Мы даже говорили друг другу, что мы — большие друзья, но что-то метало пашей дружбе: общее у нас было одно — жажда жизни, — в остальном мы были чужды друг другу. Это я чувствовал больше всего, когда у Соймоновых собирались гости. Наши разговоры — даже наедине — не удовлетворяли меня. Наступили апрельские дни, мне хотелось куда-нибудь за город, в степь... Но она неизменно отвечала:

— Я вовсе не хочу, чтобы мы сделались басней города. Вот соберемся как-нибудь компанией. Вы ведь все равно знаете, что я только для вас поеду.

И я ограничивался тем, что провожал ее в лавки или в народную чайную, где она, в числе других дам-благотворительниц, дежурила по пятницам. А вечером я один уходил за город, к вокзалу за реку или в городской сад, где еще не началась летняя ресторанный жизнь.

По вечерам в соду никого не было. Чистый весенний воздух холодел, в пустынном, еще черном саду казалось, что стоит ясный ок-

тябрьский вечер. Только звезды по-весеннему, ласково теплились над вершинами деревьев и соловьи в чащах пробовали свои голоса. Резко пахло пробивавшейся из земли травой и самой землею — холодной и влажной... Дома же я до поздней ночи играл у раскрытого окна на скрипке, и скрипка звонко и жалобно пела в лад с моим сердцем.

Потом было одно время, когда Зина резко изменилась ко мне. В середине мая подготовительные управские работы к экстренному собранию не позволяли мне ходить к Соймоновым. И вот как-то в воскресенье я сидел в своей комнате и спешил окончить кое-какие статистические выкладки. С самого утра перепал теплый, золотой дождик, и обмытая им майская зелень, и самый воздух, казалось, модели от него. Гром рокотал то в той, то в другой стороне, но поминутно, между клубами дымчатых и белых облаков, вздымавшихся по небу, сияла яркая лазурь и выглядывало жаркое солнце. Я засмотрелся в окно, на голубые лужи под деревьями, как вдруг мимо окна быстро прошла Зина. С минуту я сидел неподвижно, изумленный ее появлением, по-

том схватил шляпу и кинулся на улицу... Ах, какой это был славный день!

Мне было грустно без вас, — говорила Зина, смущенно улыбаясь, — я сама наконец решилась идти к вам.

И я в упоении целовал ее душистые руки с колючими перстнями и не знал, что сказать ей, от счастья...

А потом я не знал, что сказать, от сомнений. Я по целым ночам обдумывал на тысячи ладов, что может выйти из моего брака с Зиной. «Мы разные люди, — думал я, — она даже малоинтеллигентна. Наконец, у нее ничего нет и куда я возьму ее? В эту комнату?»

И потянулись томительные вечера, которые я неизменно проводил у Соймоновых... Да и любил ли я ее?

Помню, в один холодный и дождливый вечер мне было особенно скучно. Зина что-то шила, я перелистывал журнал, нашел чье-то стихотворение:

*Укор ли нам неся, прощальный ли
привет,
Как дальних волн прибой, осенний
ветер стонет...*

— Не правда ли, хорошо? — спросил я, прочитав эти две строки.

— Да, красиво, — ответила Зина.

— А по-моему, — сказал Александр Данилыч, — все это собачья старость и больше ничего.

Зина звонко расхохоталась...

А тут у Соймоновых почти каждый день начал бывать помощник присяжного поверенного Богаут, молодой человек, здоровый и жизнерадостный, как немец, всегда и со всеми любезный и ласковый. Я же стал проводить вечера в обществе Елены, милой и простой девушки из духовного звания. Мы ели с ней колбасу, пили чай, слушали у окна музыку поенного оркестра, доносившуюся из сада, и говорили о марксистах и народниках... О чем ином мы могли говорить с ней? Что-то очень милое было в ее простом, русском лице, что-то трогательное было в ее открытом взгляде и в том, как она, доставая из кармана юбки роговую гребеночку, причесывала свои стриженные волосы на косой ряд. Но я уже замечал, что она мою товарищескую нежность и нашу выдумку говорить на «ты» начинает

принимать за любовь. Я смеялся и над марксистами, и над народниками, говорил, что я мог бы стать общественным человеком только при исключительных условиях, — например, если бы настали дни настоящего общественного подъема, — или если бы я сам хоть немного был счастлив лично... Она смотрела на меня в такие минуты пристально, жадно и, увлекаясь страстностью моих слов о личном счастье, о тоске существования среди поголовного мещанства, говорила задумчиво и убежденно:

— Ты не понимаешь самого себя...

IV

В надежде, что она придет как раз в мое отсутствие, я отправляюсь в кухмистерскую обедать.

В самом деле, какой скучный день! Прохожих мало, белые каменные лома в пыли. Ветер несет по мостовой эту белесую пыль и шуршит на бульварах тощими и почерневшими акациями... Вот присутственные места на площади, вот главная улица. Тут больше прохожих и проезжих; возле магазинов экипажи... Мне же все кажется, что в городе —

праздник, потому что Зина вчера повенчалась и сегодня делает с мужем визиты... Шибко прокатил на паре серых, бойких и злых лошадей полицеймейстер. Пристяжная круто отвернула от коренника голову, полицеймейстер весело оглядывается, по-офицерски заложив руки в карманы. Это он к Соймоновым, должно быть... И я бессознательно прибавляю шагу; сердце забилося сильнее, и тянет еще раз взглянуть на их дом... Но зачем?

И, преодолев себя, я сворачиваю на тихую Старо-Замковую улицу, где уже второй год обедаю в польской «кондитерской».

Я быстро подошел к дверям — и внезапно струсил. А если тут Елена? Ведь часто случилось, что мы обедали вместе. Может случиться и сегодня...

В нерешимости я прошел мимо окон, заглянул в столовую. В столовой пусто, значит, можно идти смело... Но невеселые мысли и тут преследовали меня. Знаете вы этих забытых трудом и бедностью старушек, которые встречаются иногда на улицах, в кухмистерских и присутственных местах в дни выдачи пенсий? Почему-то все они маленького роста,

ходят в стареньких бурнусах и убогих шляпках, смотрят на все робкими, недоумевающими глазами и возбуждают мучительную жалость своим покорным видом... Как нарочно, и сегодня одна из них тут.

Я старался глядеть только в тарелку, но не мог забыть о своей соседке. «Верно, — думалось мне, — она дает уроки языков или музыки, живет одна в чистой комнатке, где горит лампадка в часы ее недолгого отдыха, когда темнеет субботний вечер и тихо реет над городом звон ко всенощной... Чувствует ли она, как горько на старости лет, без семьи, без близких, отдыхать только в субботний вечер? Знает ли она, как тяжело глядеть на нее, когда плетется она в своем старом бурнусе с урока в кухмистерскую или вечером в лавочку ли осьмушкой чаю?»

Дома я усердно принимаюсь за уборку вещей в дорогу. Но какие же у меня вещи?

Я открыл корзинку, в которой в беспорядке навалено белье, выдвинул из-под кровати чемодан с письмами, бумагами и нотами — и опустил руки.

Тут все мои воспоминания. Этот чемо-

дан — мой старый товарищ. В первый раз он отправился со мной в путешествие еще тогда, когда я только что «вступал в жизнь», ехал на юг в университетский город.

Удивительно живо помню я эти дни в пути! Помню даже, как смотрелся в зеркало на вокзале в Курске и думал, что похож на Шопена; помню, как по вагону ходили полосы света и тени — от яркого мартовского солнца и клубов дыма, плывущих мимо окон. Снежные поля блестели золотой слюдой, сияющая даль манила к югу, к чему-то молодому и веселому... А потом — большой, шумный город, весна, во всем что-то нежное, легкое, южное... Северный уездный городок, где осталась моя семья, разорившаяся помещичья семья, был от меня далеко, и я не понимал тогда, что потерял последнюю связь с родиной. Разве есть у меня теперь родина? Если нет работы для родины, нет и связи с нею. А у меня нет даже и этой связи с родиной — своего угла, своего пристанища... И я быстро постарел, выветрился нравственно и физически, стал бродягой в поисках работы для куска хлеба, а свободное время посвятил меланхолическим

размышлениям о жизни и смерти, жадно мечтал о каком-то неопределенном счастье... Так сложился мой характер и так просто прошла моя молодость.

Собственно говоря, и вспоминать-то нечего. А все-таки при взгляде на этот истрепанный чемодан я опускаю руки, подавленный воспоминаниями. Каждый раз, как мне приходится укладывать в него мой скарб, я говорю себе: вот еще неозвратно прошло столько-то лет; еще часть моей жизни оторвана... И мне больно говорить это себе. Вспоминаются один за другим дни, проведенные в этой комнате, — дни, полные неопределенных, часто сладких надежд и мечтаний. Вспоминаются и далекие дни, те, что уже в тумане. О них говорят связки писем. Вот письма родных, которые где-то там, на севере, все еще ждут меня к праздникам и грустят обо мне с нежною любовью, как о мальчике... Вот письма первой любви, первых товарищей... И при взгляде на каждое из них у меня сжимается сердце.

Резкий звонок заставил меня быстро вскочить с кресла и кинуться к шляпе. Елена! И я заметался по комнате, готовый даже выпрыг-

нуть в окошко. А между тем уже слышен ее голос:

— Дома Ветвицкий?

Я распахнул дверь, пробежал через кухню, а оттуда — по двору к калитке...

V

До позднего вечера я бродил за городом. Кругом было поле, безжизненное, унылое. Наплывали угрюмые тучи, ветер усиливался, и сухой бурьян летел по пашням в неприветную, темную даль. И на душе у меня становилось тоже все темнее и темнее.

В смутном, волнующемся сумраке городского сада я сидел под старыми деревьями на забытой скамейке. Вот где, думалось мне, уныние теперь — на кладбище! Разве в смерти есть что-нибудь ужасное, сильное? Смерть — ничто, пустота. И только одним этим и пугает нас смерть. И на кладбище также: сумерки, ни души кругом; могилы и могилы, заросшие травой; трава теперь высохла, пожелтела и тихо шелестит от ветра...

«А где Елена?» — приходило мне иногда в голову. Я вдруг вспоминаю чью-то легенду о ветре и душах повесившихся людей и в испу-

ге поднимаюсь со скамьи. Зачем я так скверно спрятался от нее? Зачем не поговорил с ней? Но что же я мог сказать ей? Это все равно, что мне отправиться сейчас к Зине...

Я опять сажусь и пристально гляжу в одну точку, стараясь охватить то, что творится в моей душе.

Звезды в мутном небе светят бледно и сумрачно. Ветер поднимает пыль на дорожках почти темного сада, и с деревьев сыплются листья. Точно напряженный шепот, не смолкает надо мною порывисто усиливающийся шум и шелест деревьев. А когда ветер, как дух, как живой, убегает, кружась, в дальние аллеи, старые тополи гудят там так угрюмо, жутко...

Когда я наконец решил вернуться домой, была уже ночь. Подавленный тоской, подгоняемый ветром, я бессильно брел по улицам. Вот и наш домишко ярко светит окнами в черном мраке под деревьями. Кругом шум ветра и листьев, а там тихо, и сухие ветки плюща сонно качаются над окном моей комнаты. В ней, за стеклами, спокойным, ровным снегом горит лампа... Зачем я еду? Кто

гонит меня в ату даль, где полутемный поезд, одинокая ночь и долгий замирающий стон паровоза?

В страхе я остановился.

— Елена! — хотелось крикнуть мне.

И, точно угадав мое желание, она неслышно вышла из темноты под деревьями.

— Можно к тебе? — спросила она деревянным голосом.

Я растерялся, смущенно пробормотал:

— Конечно... Конечно, можно...

В темноте я долго не мог попасть ключом в замочную скважину, наконец отворил дверь и неестественно-шутливо проговорил:

— Прошу!

— Я только на минутку, — ответила она сухо, входя в комнату и не глядя на меня.

Я подвинул ей кресло, сел против нее и взял ее за руку.

— Снимай, — сказал я ласково, указывая глазами на перчатку, — посиди у меня.

Она взглянула на меня, улыбнулась, но вдруг губы ее дрогнули и на глазах показались слезы.

— Елена! — сказал я укоризненно.

Она не ответила. Я повторил свои слова, но уже без нежности и пожал плечами.

— Елена! — снова начал я с раздражением. — Надо же взять себя в руки, — прибавил я, чувствуя, что говорю глупости.

Она упорно молчала. Зубы ее были стиснуты, в голубых глазах, пристально устремленных на огонь, стояли слезы.

Я с шумом отодвинул кресло, быстро застегнул на все пуговицы пиджак и, заложив руки в карманы, заходил по комнате. Но, повернув раза два или три, снова бросился в кресло и, прикрыв глаза, спросил с холодной насмешливостью:

— Что же тебе угодно от меня?

Она быстро и удивленно взглянула на меня, хотела что-то сказать, но вдруг закрыла лицо руками и разразилась громкими рыданиями. И, рыдая, комкая к глазам платок, заговорила отрывистым, резким голосом:

— Ты не смеешь так говорить!.. Как ты... смеешь... когда я... так... относилась к тебе? Ты обманывал меня...

— Зачем ты врешь? — перебил я ее, — Ты отлично знаешь, что я относился к тебе по-

дружески. Но я не хочу вашей мещанской любви... Оставьте меня в покое!

— А я не хочу твоей декадентской дружбы! — крикнула Елена и отняла платок от глаз. — Зачем ты ломался? — заговорила она твердо, сдерживая рыдания и глядя на меня в упор с ненавистью. — Почему ты вообразил, что мной можно было играть?

Я опять резко перебил ее:

— Ты с ума сошла! Когда я играл тобою? Мы оба одиноки, оба искали поддержки друг в друге — и, конечно, не нашли, — и больше между нами ничего не было.

— А, ничего! — снова крикнула Елена злобно и радостно. — Какой же такой любви вам угодно? Почему ты даже мысли не допускаешь равнять меня с собою? Я одна, меня ждет ужасная жизнь где-нибудь в сельском училище, я мелкая общественная единица, но я лучше тебя. А ты? Ты даже вообразить себе не можешь, как я вас ненавижу всех — неврастеников, эгоистов! Все для себя! Все ждете, что ваша ничтожная жизнь обратится в нечто необыкновенное!

— Да! — сказал я со злобой, подымаясь. — Я

люблю жизнь, безнадежно люблю! Мне дана только одна жизнь и та на какие-нибудь пятьдесят лет, из которых пятнадцать ушло на детство и четверть уйдет на сон. И при этом я никогда не знал счастья! Смешно, не правда ли?

Но Елена опять прижала платок к глазам и зарыдала с новой силой.

— И поэтому ты... — заговорила она гадливо. — И потому ты сегодня так низко и спрятался от меня? Ты опять лжешь, чтобы закрыться пышными фразами...

Я с невероятной быстротой схватил пресс-папье и со всего размаху ударил им по столу.

— Уйди! — крикнул я бешено.

И мгновенно похолодел от ужаса за сделанное. Я увидел, как Елена вскочила, сразу оборвав рыдания, и лицо ее перекосилось от детского страха.

— Уйди! — закричал я опять, но уже другим, жалким голосом.

Она распахнула дверь, и ветер, как шалый, со стуком рванул к себе раму, с шелестом и шумом деревьев ворвался в комнату и мгновенно вырвал свет из лампы. Я упал на по-

стель, уткнулся лицом в подушку и заскрежегал зубами, упиваясь своей скорбью и своим отчаяньем. Тополи гудели и бушевали во мраке...

1897

Антоновские яблоки*

I

Вспоминается мне ранняя погожая... Осень. Август был с теплыми дождиками, как будто нарочно выпадавшими для себя, с дождиками в самую пору, в середине месяца, около праздника св. Лаврентия. А «осень и зима хороши живут, коли на Лаврентия вода тиха и дождик». Потом бабьим летом паутины много село на поля. Это тоже добрый знак: «Много тенетника на бабье лето — осень ядреная»... Помню раннее, свежее, тихое утро... Помню большой, весь золотой, подсохший и поредевший сад, помню кленовые аллеи, тонкий аромат опавшей листвы и — запах антоновских яблок, запах меда и осенней свежести. Воздух так чист, точно его совсем нет, по всему саду раздаются голоса и скрип телег. Это тархане, мещане-садовники,

наняли мужиков и насыпают яблоки, чтобы в ночь отправлять их в город, — непременно в ночь, когда так славно лежать на возу, смотреть в звездное небо, чувствовать запах дегтя в свежем воздухе и слушать, как осторожно поскрипывает в темноте длинный обоз по большой дороге. Мужик, насыпающий яблоки, ест их сочным треском одно за одним, но уж таково заведение — никогда мещанин не оборвет его, а еще скажет:

— Вали, ешь досыта, — делать нечего! На сливанье все мед пьют.

И прохладную тишину утра нарушает только сытое квохтанье дроздов на коралловых рябинах в чаще сада, голоса да гулкий стук ссыпаемых в меры и кадушки яблок. В поредевшем саду далеко видна дорога к большому шалашу, усыпанная соломой, и самый шалаш, около которого мещане обзавелись за лето целым хозяйством. Всюду сильно пахнет яблоками, тут — особенно. В шалаше устроены постели, стоит одноствольное ружье, позеленевший самовар, в уголке — посуда. Около шалаша валяются рогожи, ящички, всякие истрепанные пожитки, вырыта земляная печка.

В полдень на ней варится великолепный кулеш с салом, вечером греется самовар, и по саду, между деревьями, расстилается длинной полосой голубоватый дым. В праздничные же дни коло шалаша — целая ярмарка, и за деревьями поминутно мелькают красные уборы. Толпятся бойкие девки-одноворки в сарафанах, сильно пахнувших краской, приходят «барские» в своих красивых и грубых, дикарских костюмах, молодая старостиха, беременная, с широким сонным лицом и важная, как холмогорская корова. На голове ее «рога», — косы положены по бокам макушки и покрыты несколькими платками, так что голова кажется огромной; ноги, в полусапожках с подковками, стоят тупо и крепко; безрукавка — плисовая, занавеска длинная, а понева — черно-лиловая с полосами кирпичного цвета и обложенная на подоле широким золотым «прозументом»...

— Хозяйственная бабочка! — говорит о ней мещанин, покачивая головою. — Переводятся теперь и такие...

А мальчишки в белых замашных рубашках и коротеньких порточках, с белыми рас-

крытыми головами, все подходят. Идут по двое, по трое, мелко перебирая босыми ножками, и косятся на лохматую овчарку, привязанную к яблоне. Покупает, конечно, один, ибо и покупки-то всего на копейку или на яйцо, но покупателей много, торговля идет бойко, и чахоточный мещанин в длинном сюртуке и рыжих сапогах — весел. Вместе с братом, картавым, шустрым полуидиотом, который живет у него «из милости», он торгует с шуточками, прибаутками и даже иногда «тронет» на тульской гармонике. И до вечера в саду толпится народ, слышится около шалаша смех и говор, а иногда и топот пляски...

К ночи в погоду становится очень холодно и росисто. Надышавшись на гумне ржаным ароматом новой соломы и мякины, бодро идешь домой к ужину мимо садового вала. Голоса на деревне или скрип ворот раздаются по студеной заре необыкновенно ясно. Темнеет. И вот еще запах: в саду — костер, и крепко тянет душистым дымом вишневых сучьев. В темноте, в глубине сада — сказочная картина: точно в уголке ада, пылает около шалаша багровое пламя, окруженное мраком, и чьи-то

черные, точно вырезанные из черного дерева силуэты двигаются вокруг костра, меж тем как гигантские тени от них ходят по яблоням. То по всему дереву ляжет черная рука в несколько аршин, то четко нарисуются две ноги — два черных столба. И вдруг все это скользнет с яблони — и тень упадет по всей аллее, от шалаша до самой калитки...

Поздней ночью, когда на деревне погаснут огни, когда в небе уже высоко блещет бриллиантовое созвездие Стожар, еще раз пробежишь в сад.

Шурша по сухой листве, как слепой, доберешься до шалаша. Там на полянке немного светлее, а над головой белеет Млечный Путь.

— Это вы, барчук? — тихо окликает кто-то из темноты.

— Я. А вы не спите еще, Николай?

— Нам нельзя-с спать. А, должно, уж поздно? Вон, кажись, пассажирский поезд идет...

Долго прислушиваемся и различаем дрожь в земле, дрожь переходит в шум, растет, и вот, как будто уже за самым садом, ускоренно выбивают шумный такт колеса: громыхая и стуча, несется поезд... ближе, ближе, все гром-

че и сердитее... И вдруг начинает стихать, гложнуть, точно уходя в землю...

— А где у вас ружье, Николай?

— А вот возле ящика-с.

Вскинешь кверху тяжелую, как лом, одностволку и с маху выстрелишь. Багровое пламя с оглушительным треском блеснет к небу, ослепит на миг и погасит звезды, а бодрое эхо кольцом грянет и раскатится по горизонту, далеко-далеко замирая в чистом и чутком воздухе.

— Ух, здорово! — скажет мещанин. — Потрачайте, потрачайте, барчук, а то просто беда! Опять всю дулю на валу отрясли...

А черное небо чертят огнистыми полосками падающие звезды. Долго глядишь в его темно-синюю глубину, переполненную созвездиями, пока не поплывет земля под ногами. Тогда встрепенешься и, пряча руки в рукава, быстро побежишь по аллее к дому... Как холодно, росисто и как хорошо жить на свете!

II

«Ядреная антоновка — к веселому году». Деревенские дела хороши, если антоновка уродилась: значит и хлеб уродился... Вспомни-

нается мне урожайный год.

На ранней заре, когда еще кричат петухи и по-черному дымятся избы, распахнешь, бывало, окно в прохладный сад, наполненный лиловатым туманом, сквозь который ярко блестит кое-где утреннее солнце, и не утерпишь — велишь поскорее заседлывать лошадь, а сам побежишь умываться на пруд. Мелкая листва почти вся облетела с прибрежных лозин, и сучья сквозят на бирюзовом небе. Вода под лозинами стала прозрачная, ледяная и как будто тяжелая. Она мгновенно прогоняет ночную лень, и, умывшись и позавтракав в людской с работниками горячими картошками и черным хлебом с крупной сырой солью, с наслаждением чувствуешь под собой скользкую кожу седла, проезжая по Выселкам на охоту. Осень — пора престольных праздников, и народ в это время прибран, доволен, вид деревни совсем не тот, что в другую пору. Если же год урожайный и на гумнах возвышается целый золотой город, а на реке звонко и резко гогочут по утрам гуси, так в деревне и совсем не плохо. К тому же наши Выселки спокон веку, еще со времен де-

душки, славились «богатством». Старики и старухи жили в Выселках очень подолгу, — первый признак богатой деревни, — и были все высокие, большие и белые, как лунь. Только и слышишь, бывало: «Да, — вот Агафья восемьдесят три годочка отмахала!» — или разговоры в таком роде:

— И когда это ты умрешь, Панкрат? Небось тебе лет сто будет?

— Как изволите говорить, батюшка?

— Сколько тебе годов, спрашиваю!

— А не знаю-с, батюшка.

— Да Платона Аполлоныча-то помнишь?

— Как же-с, батюшка, — явственно помню.

— Ну, вот видишь. Тебе, значит, никак не меньше ста.

Старик, который стоит перед барином вытянувшись, кротко и виновато улыбается. Что ж, мол, делать, — виноват, зажился. И он, вероятно, еще более зажился бы, если бы не объелся в Петровки луку.

Помню я и старуху его. Все, бывало, сидит на скамеечке, на крыльце, согнувшись, трясая головой, задыхаясь и держась за скамейку руками, — все о чем-то думает. «О добре своем

небось», — говорили бабы, потому что «добра» у нее в сундуках было, правда, много. А она будто и не слышит; подслеповато смотрит куда-то вдаль из-под грустно приподнятых бровей, трясет головой и точно силится вспомнить что-то. Большая была старуха, вся какая-то темная. Панева — чуть не прошлого столетия, чуньки — покойницкие, шея — желтая и высохшая, рубаха с канифасовыми косяками всегда белая-белая, — «совсем хоть в гроб клади». А около крыльца большой камень лежал: сама купила себе на могилку, так же как и саван, — отличный саван, с ангелами, с крестами и с молитвой, напечатанной по краям.

Под стать старикам были и дворы в Выселках: кирпичные, строенные еще дедами. А у богатых мужиков — у Савелия, у Игната, у Дрона — избы были в две-три связи, потому что делиться в Выселках еще не было моды. В таких семьях водили пчел, гордились жеребцом-битюгом сиво-железного цвета и держали усадьбы в порядке. На гумнах темнели густые и тучные конопляники, стояли овины и риги, крытые вприческу; в пуньках и амбар-

чиках были железные двери, за которыми хранились холсты, прялки, новые полушубки, наборная сбруя, меры, окованные медными обручами. На воротах и на санках были выжжены кресты. И помню, мне порою казалось на редкость заманчивым быть мужиком. Когда, бывало, едешь солнечным утром по деревне, все думаешь о том, как хорошо косить, молотить, спать на гумне в ометах, а в праздник встать вместе с солнцем, под густой и музыкальный благовест из села, умыться около бочки и надеть чистую замашную рубаху, такие же портки и несокрушимые сапоги с подковками. Если же, думалось, к этому прибавить здоровую и красивую жену в праздничном уборе, да поездку к обедне, а потом обед у бородатого тестя, обед с горячей бараниной на деревянных тарелках и с ситниками, с сотовым медом и брагой, — так больше и желать невозможно!

Склад средней дворянской жизни еще и на моей памяти, — очень недавно, — имел много общего со складом богатой мужицкой жизни по своей домовитости и сельскому старосветскому благополучию. Такова, например, была

усадыба тетки Анны Герасимовны, жившей от Выселок верстах в двенадцати. Пока, бывало, доедешь до этой усадыбы, уже совсем обедняется. С собаками на сворах ехать приходится шагом, да и спешить не хочется, — так весело в открытом поле в солнечный и прохладный день! Местность ровная, видно далеко. Небо легкое и такое просторное и глубокое. Солнце сверкает сбоку, и дорога, укатанная после дождей телегами, замаслилась и блестит, как рельсы. Вокруг раскидываются широкими косяками свежие, пышно-зеленые озими. Въездется откуда-нибудь ястребок в прозрачном воздухе и замрет на одном месте, трепеща острыми крылышками. А в ясную даль убегают четко видные телеграфные столбы, и проволоки их, как серебряные струны, скользят по склону ясного неба. На них сидят кобчики, — совсем черные значки на нотной бумаге.

Крепостного права я не знал и не видел, но, помню, у тетки Анны Герасимовны чувствовал его. Въедешь во двор и сразу ощутишь, что тут оно еще вполне живо. Усадыба — небольшая, но вся старая, прочная, окру-

женная столетними березами и лозинами. Надворных построек — невысоких, но домовитых — множество, и все они точно слиты из темных дубовых бревен под соломенными крышами. Выделяется величиной или, лучше сказать, длиной только почерневшая людская, из которой выглядывают последние могоккане дворового сословия — какие-то ветхие старики и старухи, дряхлый повар в отставке, похожий на Дон-Кихота. Все они, когда въезжаешь во двор, подтягиваются и низко-низко кланяются. Седой кучер, направляющийся от каретного сарая взять лошадь, еще у сарая снимает шапку и по всему двору идет с обнаженной головой. Он у тетки ездил форейторм, а теперь возит ее к обедне, — зимой в возке, а летом в крепкой, окованной железом тележке, вроде тех, на которых ездят попы. Сад у тетки славился своею запущенностью, соловьями, горлинками и яблоками, а дом — крышей. Стоял он во главе двора, у самого сада, — ветви лип обнимали его, — был невелик и приземист, но казалось, что ему и веку не будет, — так основательно глядел он из-под своей необыкновенно высокой и толстой со-

ломенной крыши, почерневшей и затвердевшей от времени. Мне его передний фасад представлялся всегда живым: точно старое лицо глядит из-под огромной шапки впадинами глаз, — окнами с перламутровыми от дождя и солнца стеклами. А по бокам этих глаз были крыльца, — два старых больших крыльца с колоннами. На фронте их всегда сидели сытые голуби, между тем как тысячи воробьев дождем пересыпались с крыши на крышу... И уютно чувствовал себя гость в этом гнезде под бирюзовым осенним небом!

Войдешь в дом и прежде всего услышишь запах яблок, а потом уже другие: старой мебели красного дерева, сушеного липового цвета, который с июня лежит на окнах... Во всех комнатах — в лакейской, в зале, в гостиной — прохладно и сумрачно: это оттого, что дом окружен садом, а верхние стекла окон цветные: синие и лиловые. Всюду тишина и чистота, хотя, кажется, кресла, столы с инкрустациями и зеркала в узеньких и витых золотых рамах никогда не трогались с места. И вот слышится покашливанье: выходит тетка. Она небольшая, но тоже, как и все кругом,

прочная. На плечах у нее накинута большая персидская шаль. Выйдет она важно, но приветливо, и сейчас же под бесконечные разговоры про старину, про наследства, начинают появляться угощения: сперва «дули», яблоки, — антоновские, «бель-барыня», боровинка, «плодовитка», — а потом удивительный обед: вся насквозь розовая вареная ветчина с горошком, фаршированная курица, индюшка, маринады и красный квас, — крепкий и сладкий-пресладкий... Окна в сад подняты, и оттуда веет бодрой осенней прохладой.

III

За последние годы одно поддерживало угасающий дух помещиков — охота.

Прежде такие усадьбы, как усадьба Анны Герасимовны, были не редкость. Были и разрушающиеся, но все еще жившие на широкую ногу усадьбы с огромным поместьем, с садом в двадцать десятин. Правда, сохранились некоторые из таких усадеб еще и до сего времени, но в них уже нет жизни... Нет троек, нет верховых «киргизов», нет гончих и борзых собак, нет дворни и нет самого владельца всего этого — помещика-охотника, вроде

моего покойного шурина Арсения Семеныча.

С конца сентября наши сады и гумна пу-
стели, погода, по обыкновению, круто меня-
лась. Ветер по целым дням рвал и трепал де-
ревья, дожди поливали их с утра до ночи.
Иногда к вечеру между хмурыми низкими туч-
ами пробивался на западе трепещущий зо-
лотистый свет низкого солнца; воздух делал-
ся чист и ясен, а солнечный свет ослепитель-
но сверкал между листвою, между ветвями,
которые живою сеткою двигались и волнова-
лись от ветра. Холодно и ярко сияло на севере
над тяжелыми свинцовыми тучами жидкое
голубое небо, а из-за этих туч медленно вы-
плывали хребты снеговых гор-облаков. Сто-
ишь у окна и думаешь: «Авось, бог даст, рас-
погодится». Но ветер не унимался. Он волно-
вал сад, рвал непрерывно бегущую из трубы
людской струю дыма и снова нагонял злове-
щие космы пепельных облаков. Они бежали
низко и быстро — и скоро, точно дым, затума-
нивали солнце. Погасал его блеск, закрыва-
лось окошечко в голубое небо, а в саду стано-
вилось пустынно и скучно, и снова начинал
сеять дождь... сперва тихо, осторожно, потом

все гуще и, наконец, превращался в ливень с бурей и темнотою. Наступала долгая, тревожная ночь...

Из такой трепки сад выходил почти совсем обнаженным, засыпанным мокрыми листьями и каким-то притихшим, смирившимся. Но зато как красив он был, когда снова наступала ясная погода, прозрачные и холодные дни начала октября, прощальный праздник осени! Сохранившаяся листва теперь будет висеть на деревьях уже до первых зазимков. Черный сад будет сквозить на холодном бирюзовом небе и покорно ждать зимы, пригреваясь в солнечном блеске. А поля уже резко чернеют пашнями и ярко зеленеют закустившимися озимями... Пора на охоту!

И вот я вижу себя в усадьбе Арсения Семёныча, в большом доме, в зале, полной солнца и дыма от трубок и папирос. Народу много — все люди загорелые, с обветренными лицами, в поддевках и длинных сапогах. Только что очень сытно пообедали, раскраснелись и возбуждены шумными разговорами о предстоящей охоте, но не забывают допивать водку и после обеда. А на дворе трубит рог и завыва-

ют на разные голоса собаки. Черный борзой, любимец Арсения Семеныча, взлезает на стол и начинает пожирать с блюда остатки зайца под соусом. Но вдруг он испускает страшный визг и, опрокидывая тарелки и рюмки, срывается со стола: Арсений Семеныч, вышедший из кабинета с арапником и револьвером, внезапно оглушает залу выстрелом. Зала еще более наполняется дымом, а Арсений Семеныч стоит и смеется.

— Жалко, что промахнулся! — говорит он, играя глазами.

Он высок ростом, худощав, но широкоплеч и строен, а лицом — красавец цыган. Глаза у него блестят дико, он очень ловок, в шелковой малиновой рубаше, бархатных шароварах и длинных сапогах. Напугав и собаку и гостей выстрелом, он шутливо-важно декламирует баритоном:

*Пора, пора седлать проворного
донца
И звонкий рог за плечи переки-
нуть! —*

и громко говорит:

— Ну, однако, нечего терять золотое время!

Я сейчас еще чувствую, как жадно и емко дышала молодая грудь холодом ясного и сырого дня под вечер, когда, бывало, едешь с шумной ватагой Арсения Семеныча, возбужденный музыкальным гамом собак, брошенных в чернолесье, в какой-нибудь Красный Бугор или Гремячий Остров, уже одним своим названием волнующий охотника. Едешь на злом, сильном и приземистом «киргизе», крепко сдерживая его поводьями, и чувствуешь себя слитым с ним почти воедино. Он фыркает, просится на рысь, шумно шуршит копытами по глубоким и легким коврам черной осыпавшейся листвы, и каждый звук гулко раздается в пустом, сыром и свежем лесу. Тявкнула где-то вдалеке собака, ей страстно и жалобно ответила другая, третья — и вдруг весь лес загремел, точно он весь стеклянный, от бурного лая и крика. Крепко грянул среди этого гама выстрел — и все «заварилось» и покатило куда-то вдаль.

— Береги-и! — завопил кто-то отчаянным голосом на весь лес.

«А, береги!» — мелькнет в голове опьяняющая мысль. Гикнешь на лошадь и, как сорвав-

шийся с цепи, помчишься по лесу, уже ничего не разбирая по пути. Только деревья мелькают перед глазами да лепит в лицо грязью из-под копыт лошади. Выскочишь из лесу, увидишь на зеленях пеструю, растянувшуюся по земле стаю собак и еще сильнее наддашь «киргиза» наперерез зверю, — по зеленям, взметам и жнивьям, пока, наконец, не перевалишься в другой остров и не скроется из глаз стая вместе со своим бешеным лаем и стоном. Тогда, весь мокрый и дрожащий от напряжения, осадешь вспененную, хрипящую лошадь и жадно глотаешь ледяную сырость лесной долины. Вдали замирают крики охотников и лай собак, а вокруг тебя — мертвая тишина. Полураскрытый строевой лес стоит неподвижно, и кажется, что ты попал в какие-то заповедные чертоги. Крепко пахнет от оврагов грибной сыростью, перегнившими листьями и мокрой древесной корою. И сырость из оврагов становится все ощутительнее, в лесу холоднее и темнее... Пора на ночевку. Но собрать собак после охоты трудно. Долго и безнадежно-тоскливо звенят рога в лесу, долго слышатся крик, брань и визг со-

бак... Наконец, уже совсем в темноте, вваливается ватага охотников в усадьбу какого-нибудь почти незнакомого холостяка-помещика и наполняет шумом весь двор усадьбы, которая озаряется фонарями, свечами и лампами, вынесенными навстречу гостям из дому...

Случалось, что у такого гостеприимного соседа охота жила по нескольку дней. На ранней утренней заре, по ледяному ветру и первому мокрому зазимку, уезжали в леса и в поле, а к сумеркам опять возвращались, все в грязи, с раскрасневшимися лицами, пропахнув лошадиным потом, шерстью затравленного зверя, — и начиналась попойка. В светлом и людном доме очень тепло после целого дня на холоде в поле. Все ходят из комнаты в комнату в расстегнутых поддевках, беспорядочно пьют и едят, шумно передавая друг другу свои впечатления над убитым матерым волком, который, оскалив зубы, закатив глаза, лежит с откинутым на сторону пушистым хвостом среди залы и окрашивает своей бледной и уже холодной кровью пол. После водки и еды чувствуешь такую сладкую усталость, такую негу молодого сна, что как через воду

слышишь говор. Обветренное лицо горит, а закроешь глаза — вся земля так и поплывет под ногами. А когда ляжешь в постель, в мягкую перину, где-нибудь в угловой старинной комнате с образничкой и лампадой, замелькают перед глазами призраки огнисто-пестрых собак, во всем теле занает ощущение скачки, и не заметишь, как потонешь вместе со всеми эти образами и ощущениями в сладком и здоровом сне, забыв даже, что эта комната была когда-то молельной старика, имя которого окружено мрачными крепостными легендами, и что он умер в этой молельной, вероятно, на этой же кровати.

Когда случалось проспать охоту, отдых был особенно приятен. Проснешься и долго лежишь в постели. Во всем доме — тишина. Слышно, как осторожно ходит по комнатам садовник, растапливая печи, и как дрова трещат и стреляют. Впереди — целый день покоя в безмолвной уже по-зимнему усадьбе. Не спеша оденешься, побродишь по саду, найдешь в мокрой листве случайно забытое холодное и мокрое яблоко, и почему-то оно покажется необыкновенно вкусным, совсем не

таким, как другие. Потом примешься за книги, — дедовские книги в толстых кожаных переплетах, с золотыми звездочками на сафьянных корешках. Славно пахнут эти, похожие на церковные требники книги своей пожелтевшей, толстой шершавой бумагой! Какой-то приятной кисловатой плесенью, старинными духами... Хороши и заметки на их полях, крупно и с круглыми мягкими росчерками сделанные гусиным пером. Развернешь книгу и читаешь: «Мысль, достойная древних и новых философов, цвет разума и чувства сердечного»... И невольно увлечешься и самой книгой. Это — «Дворянин-философ», аллегория, изданная лет сто тому назад иждивением какого-то «кавалера многих орденов» и напечатанная в типографии приказа общественного призрения, — рассказ о том, как «дворянин-философ, имея время и способность рассуждать, к чему разум человека возноситься может, получил некогда желание сочинить план света на просторном месте своего селения»... Потом наткнешься на «сатирические и философские сочинения господина Вольтера» и долго упиваешься милым и

манерным слогом перевода: «Государя мои! Эразм сочинил в шестом-надесять столетии похвалу дурачеству (манерная пауза, — точка с занятою); вы же приказываете мне превознести пред вами разум...» Потом от екатерининской старины перейдешь к романтическим временам, к альманахам, к сантиментально-напыщенным и длинным романам... Кукушка выскакивает из часов и насмешливо-грустно кукует над тобою в пустом доме. И понемногу в сердце начинает закрадываться сладкая и странная тоска...

Вот «Тайны Алексиса», вот «Виктор, или Дитя в лесу»: «Бьет полночь! Священная тишина заступает место дневного шума и веселых песен поселян. Сон простирает мрачные крылья свои над поверхностью нашего полушария; он стрясает с них мрак и мечты... Мечты... Как часто продолжают оне токмо страдания злощастнаго!..» И замелькают перед глазами любимые старинные слова: скалы и дубравы, бледная луна и одиночество, привидения и призраки, «ероты», розы и лилии, «проказы и резвости молодых шалунов», лилейная рука, Людмилы и Алины... А вот журналы с

именами: Жуковского, Батюшкова, лицеиста Пушкина. И с грустью вспомнишь бабушку, ее полонезы на клавикордах, ее томное чтение стихов из «Евгения Онегина». И старинная мечтательная жизнь встанет перед тобой... Хорошие девушки и женщины жили когда-то в дворянских усадьбах! Их портреты глядят на меня со стены, аристократически-красивые головки в старинных прическах кротко и женственно опускают свои длинные ресницы на печальные и нежные глаза...

IV

Запах антоновских яблок исчезает из помещичьих усадеб. Эти дни были так недавно, а меж тем мне кажется, что с тех пор прошло чуть не целое столетие. Перемерли старики в Выселках, умерла Анна Герасимовна, застрелился Арсений Семеныч... Наступает царство мелкопоместных, обедневших до нищеты!.. Но хороша и эта нищенская мелкопоместная жизнь!

Вот я вижу себя снова в деревне, глубокой осенью. Дни стоят синеватые, пасмурные. Утром я сажусь в седло и с одной собакой, с

ружьём и с рогом уезжаю в поле. Ветер звонит и гудит в дуло ружья, ветер крепко дует навстречу, иногда с сухим снегом. Целый день я скитаюсь по пустым равнинам... Голодный и прозябший, возвращаюсь я к сумеркам в усадьбу, и на душе становится так тепло и отрадно, когда замелькают огоньки Выселок и потянет из усадьбы запахом дыма, жилья. Помню, у нас в доме любили в эту пору «сумерничать», не зажигать огня и вести в полутемноте беседы. Войдя в дом, я нахожу зимние рамы уже вставленными, и это еще более настраивает меня на мирный зимний лад. В лакейской работник топит печку, и я, как в детстве, сажусь на корточки около вороха соломы, резко пахнувшей уже зимней свежестью, и гляжу то в пылающую печку, то на окна, за которыми, синея, грустно умирают сумерки. Потом иду в людскую. Там светло илюдно: девки рубят капусту, мелькают сечки, я слушаю их drobный, дружный стук и дружные, печально-веселые деревенские песни... Иногда заедет какой-нибудь мелкопоместный сосед и надолго увезет меня к себе... Хороша и мелкопоместная жизнь!

Мелкопоместный встает рано. Крепко потянувшись, поднимается он с постели и крутит толстую папиросу из дешевого, черного табаку или просто из махорки. Бледный свет раннего ноябрьского утра озаряет простой, с голыми стенами кабинет, желтые и заскорузлые шкурки лисиц над кроватью и коренастую фигуру в шароварах и распоясанной косоротке, а в зеркале отражается заспанное лицо татарского склада. В полутемном, теплом доме мертвая тишина. За дверью в коридоре похрапывает старая кухарка, жившая в господском доме еще девчонкою. Это, однако, не мешает барину хрипло крикнуть на весь дом:

— Лукерья! Самовар!

Потом, надев сапоги, накинув на плечи поддевку и не застегивая ворота рубахи, он выходит на крыльцо. В запертых сенях пахнет псиной; лениво дотягиваясь, с визгом зевая и улыбаясь, окружают его гончие.

— Отрыж! — медленно, снисходительным басом говорит он и через сад идет на гумно. Грудь его широко дышит резким воздухом зари и запахам озябшего за ночь, обнаженного

сада. Свернувшиеся и почерневшие от мороза листья шуршат под сапогами в березовой аллее, вырубленной уже наполовину. Вырисовываясь на низком сумрачном небе, спят нахоленные галки на гребне риги... Славный будет день для охоты! И, остановившись среди аллеи, барин долго смотрит в осеннее поле, на пустынные зеленые озими, по которым бродят телята. Две гончие суки повизгивают около его ног, а Заливай уже за садом: перепрыгивая по колким жнивьям, он как будто зовет и просится в поле. Но что сделаешь теперь с гончими? Зверь теперь в поле, на взметах, на чернотропе, а в лесу он боится, потому что в лесу ветер шуршит листвою... Эх, кабы борзые!

В риге начинается молотьба. Медленно расходясь, гудит барабан молотилки. Лениво натягивая постромки, упираясь ногами по невозможному кругу и качаясь, идут лошади в приводе. Посреди привода, вращаясь на скамеечке, сидит погонщик и однотонно покрикивает на них, всегда хлестая кнутом только одного бурого мерина, который ленивее всех и совсем спит на ходу, благо глаза у него завяза-

НЫ.

— Ну, ну, девки, девки! — строго кричит степенный подавальщик, облачаясь в широкую холщовую рубаху.

Девки торопливо разметают ток, бегают с носилками, метлами.

— С богом! — говорит подавальщик, и первый пук старновки, пущенный на пробу, с жужжаньем и визгом пролетает в барабан и растрепанным веером возносится из-под него кверху. А барабан гудит все настойчивее, работа закипает, и скоро все звуки сливаются в общий приятный шум молотьбы. Барин стоит у ворот риги и смотрит, как в ее темноте мелькают красные и желтые платки, руки, грабли, солома, и все это мерно двигается и суется под гул барабана и однообразный крик и свист погонщика. Хоботье облаками летит к воротам. Барин стоит, весь посеревший от него. Часто он поглядывает в поле... Скоро-скоро забелеют поля, скоро покроет их зазимок...

Зазимок, первый снег! Борзых нет, охотиться в ноябре не с чем; но наступает зима, начинается «работа» с гончими. И вот опять,

как в прежние времена, съезжаются мелкопоместные друг к другу, пьют на последние деньги, по целым дням пропадают в снежных полях. А вечером на каком-нибудь глухом хуторе далеко светятся в темноте зимней ночи окна флигеля. Там, в этом маленьком флигеле, плавают клубы дыма, тускло горят сальные свечи, настраивается гитара...

*На сумерки буен ветер загулял,
Широки мои ворота растворял, —*

начинает кто-нибудь грудным тенором. И прочие нескладно, прикидываясь, что они шутят, подхватывают с грустной, безнадежной удалью:

*Широки мои ворота растворял,
Белым снегом путь-дорогу заметал...*

1900

Поздней ночью*

Был ли это сон или час ночной таинственной жизни, которая так похожа на сновидение? Казалось мне, что осенний грустный месяц уже давным-давно плывет над землей, что наступил час отдыха от всей лжи и суеты дня. Казалось, что уже весь, до последнего нищенского угла заснул Париж. Долго спал я, и наконец медленно отошел от меня сон, как заботливый и неторопливый врач, сделавший свое дело и оставивший больного уже тогда, когда он вздохнул полной грудью и, открыв глаза, улыбнулся застенчивой и радостной улыбкой возвращения к жизни. Очнувшись, открыв глаза, я увидел себя в тихом и светлом царстве ночи.

Я неслышно ходил по ковру в своей комнате на пятом этаже и подошел к одному из окон. Я смотрел то в комнату, большую и полную легкого сумрака, то в верхнее стекло окна на месяц. Месяц тогда обливал меня светом, и, подняв глаза кверху, я долго смотрел в его лицо. Месячный свет, проходя сквозь белесые кружева гардин, смягчал сумрак в глу-

бине комнаты. Отсюда месяца не было видно. Но все четыре окна были озарены ярко, как и то, что было возле них. Месячный свет падал из окон бледно-голубыми, бледно-серебристыми арками, и в каждой из них был дымчатый теневой крест, мягко ломавшийся по озаренным креслам и стульям. И в кресле у крайнего окна сидела та, которую я любил, — вся в белом, похожая на девочку, бледная и прекрасная, усталая ото всего, что мы пережили и что так часто делало нас злыми и беспощадными врагами.

Отчего она тоже не спала в эту ночь?

Избегая глядеть на нее, я сел на окно, рядом с ней... Да, поздно — вся пятиэтажная стена противоположных домов темна. Окна там чернеют, как слепые глаза. Я заглянул вниз, — узкий и глубокий коридор улицы тоже темен и пуст. И так во всем городе. Только бледный сияющий месяц, слегка наклоненный, катится и в то же время остается недвижимым среди дымчатых бегущих облаков, одиноко бодрствуя над городом. Он глядел мне прямо в глаза, светлый, но немного на ущербе и оттого — печальный. Облака дымом

плыли мимо него. Около месяца они были светлы и таяли, дальше сгущались, а за гребнем крыш проходили уже совсем угрюмой и тяжелой грядой...

Давно не видел я месячной ночи! И вот мысли мои опять возвратились к далеким, почти забытым осенним ночам, которые видел я когда-то в детстве, среди холмистой и скудной степи средней России. Там месяц глядел под мою родную кровлю, и там впервые узнал и полюбил я его кроткое и бледное лицо. Я мысленно покинул Париж, и на мгновение померещилась мне вся Россия, точно с возвышенности я взглянул на огромную низменность. Вот золотисто-блестящая пустынная ширь Балтийского моря. Вот — хмурые страны сосен, уходящие в сумрак к востоку, вот — редкие леса, болота и перелески, ниже которых, к югу, начинаются бесконечные поля и равнины. На сотни верст скользят по лесам рельсы железных дорог, тускло поблескивая при месяце. Сонные разноцветные огоньки мерцают вдоль путей и один за другим убегают на мою родину. Передо мной слегка холмистые поля, а среди них — старый, серый

помещичий дом, ветхий и кроткий при месячном свете... Неужели это тот же самый месяц, который глядел когда-то в мою детскую комнату, который видел меня потом юношей и который грустит теперь вместе со мной о моей неудавшейся молодости? Это он успокоил меня в светлом царстве ночи...

— Отчего ты не спишь? — услышал я робкий голос.

И то, что она первая обратилась ко мне после долгого и упорного молчания, больно и сладко кольнуло мне в сердце. Я тихо ответил:

— Не знаю... А ты?

И опять мы долго молчали. Месяц заметно опустился к крышам и уже глубоко заглядывал в нашу комнату.

— Прости! — сказал я, подходя к ней.

Она не ответила и закрыла глаза руками.

Я взял ее руки и отвел их от глаз. По щекам ее катились слезы, а брови были подняты и дрожали, как у ребенка. И я опустился у ее ног на колени, прижался к ней лицом, не сдерживая ни своих, ни ее слез.

— Но разве ты виноват? — шептала она

смущенно. — Разве не я во всем виновата?

И улыбалась сквозь слезы радостной и горькой улыбкой.

А я говорил ей, что мы оба виноваты, потому что оба нарушали заповедь радости, для которой мы должны жить на земле. Мы опять любили друг друга, как могут любить только те, которые вместе страдали, вместе заблуждались, но зато вместе встречали и редкие мгновения правды. И только бледный, грустный месяц видел наше счастье...

1899

Эпитафия*

За крайней избой нашей степной деревушки пропадала во ржи наша прежняя дорога к городу. И у дороги, в хлебах, при начале уходящего к горизонту моря колосьев, стояла белоствольная и развесистая плакучая береза. Глубокие колеи дороги зарастали травой с желтыми и белыми цветами, береза была искривлена степным ветром, а под ее легкой сквозной сенью уже давным-давно возвышался ветхий, серый голубец, — крест с треугольной тесовой кровелькой, под которой

хранилась от непогод суздальская икона божией матери.

Шелковисто-зеленое, белоствольное дерево в золотых хлебах! Когда-то тот, кто первый пришел на это место, поставил на своей десятине крест с кровелькой, призвал попа и освятил «Покров пресвятыя богородицы». И с тех пор старая икона дни и ночи охраняла старую степную дорогу, незримо простирая свое благословение на трудовое крестьянское счастье. В детстве мы чувствовали страх к серому кресту, никогда не решались заглянуть под его кровельку, — одни ласточки смели залетать туда и даже вить там гнезда. Но и благоговение чувствовали мы к нему, потому что слышали, как наши матери шептали в темные осенние ночи:

— Пресвятая богородица, защити нас покровом твоим!

Осень приходила к нам светлая и тихая, так мирно и спокойно, что, казалось, конца не будет ясным дням. Она делала дали нежно-голубыми и глубокими, небо чистым и кротким. Тогда можно было различить самый отдаленный курган в степи, на открытой и

просторной равнине желтого жнивья. Осень убирала и березу в золотой убор. А береза радовалась и не замечала, как недолговечен этот убор, как листок за листком осыпается он, пока наконец не оставалась вся эта раздетая на его золотистом ковре. Очарованная осенью, она была счастлива и покорна и вся сияла, озаренная из-под низу отсветом сухих листьев. А радужные паутинки тихо летали возле нее в блеске солнца, тихо садились на сухое, колкое жнивье... И народ называл их красиво и нежно — «пряжей богородицы».

Зато жутки были дни и ночи, когда осень сбрасывала с себя кроткую личину. Беспощадно трепал тогда ветер обнаженные ветви березы! Избы стояли нахохлившись, как куры в непогоду, туман в сумерки низко бежал по голым равнинам, волчьи глаза светились ночью на задворках. Нечистая сила часто скидывается ими, и было бы страшно в такие ночи, если бы за околицей деревни не было старого голубца. А с начала ноября и до апреля бури неустанно заносили снегами и поля, и деревню, и березу по самый голубец. Бывало, выглянешь из сеней в поле, а жесткая вьюга

свистит под голубцом, дымится по острым сугробам и со стоном проносится по равнине, замечая на бегу следы по ухабистой дороге. Заблудившийся путник с надеждой крестился в такую пору, завидев в дыму метели торчащий из сугробов крест, зная, что здесь бодрствует над дикой снежной пустыней сама царица небесная, что охраняет она свою деревню, свое мертвое до поры, до времени поле.

Поле долго было мертвым, но степные люди были прежде выносливы. И вот наконец крест начинал вырастать из оседающих серых снегов. Обтаивала и горбатая унавоженная дорога, наступали теплые и густые мартовские туманы. От туманов и дождей чернели и дымились в сумрачные дни крыши изб... Потом туманы сразу сменялись солнечными днями. И все снежное поле насыщалось водою, растоплялось и, растопленное, блистало под солнцем, дрожа бесчисленными ручьями. В один-два дня степь принимала новый вид: по-весеннему темнели равнины, окаймленные бледно-синеватой далью. Выпускали шершавый скот из хлевов; обессиленные за зиму лошади и коровы бродили и лежали на

выгоне, а галки садились на их худые спины и дергали клювом шерсть для своих гнезд. Но дружная весна к хорошим кормам, — скот отгуляется по теплым росам! Уже пели жаворонки в ясные полдни, уже мальчишки-пастухи загорали от ветров и солнца, которые просушивали землю. Когда же обмывал ее весенний дождь и пробуждал норный гром, господь благословлял в тихие звездные ночи расти хлебам и травам, и, успокоенная за свои нивы, кротко глядела из голубца старая икона. Тонко пахло в чистом ночном воздухе зелеными, мирно было в степи, тихо в темной деревне, где уже не вздували огня с Благовещенья, и замирали по вечерней паре песни девушек, прощавшихся со своими обрученными подругами.

А потом все менялось не по дням, а по часам. Зеленел выгон, зеленели ветлы перед избами, зеленела береза. Шли дожди, протекали жаркие июньские дни, зацветали цисты, наступали веселые сенокосы... Помню, как мягко и беззаботно шумел летний ветер в шелковистой листве березы, путая эту листву и склоняя до самых колосьев тонкие, гибкие

ветви; помню солнечное утро на Троицу, когда даже бородатые мужики, как истые потомки русичей, улыбались из-под огромных березовых венков; помню грубые, но могучие песни на Духов день, когда мы с закатом уходили в ближний дубовый лесок и там варили кашу, расставляли ее в черепках по холмикам и «молили кукушку» быть милостивой вещуньей; помню «игры солнца» под Петров день, помню величальные песни и шумные свадьбы, помню трогательные молебны перед кроткой заступницей всех скорбящих, — в поле, под открытым небом...

Жизнь не стоит на месте, — старое уходит, и мы провожаем его часто с великой грустью. Да, но не тем ли и хороша жизнь, что она пребывает в неустанном обновлении? Детство миновало. Потянуло нас заглянуть дальше того, что мы видели за околицей деревни, тем сильнее потянуло, что и деревня становилась все скучней, и береза уже не так густо зелене-ла весной, и крест у дороги ветшал, и люди истощили поле, которое охранял он. И так как беда не ходит одна, то само небо, казалось, стало гневаться на людей. Знойные и су-

хие ветры разгоняли тучи, подымая вихри по дороге, солнце нещадно палило хлеба и травы. Подсыхали до срока тощие ржи и овсы. Было больно смотреть на них, потому что нет ничего печальнее и смиреннее тощей ржи. Как беспомощно склоняется она от горячего ветра легкими пустыми колосьями, как сиротливо шелестит! Сухая пашня сквозит между ее стеблями, видны среди них сухие васильки... И дикая серебристая лебеда, предвестница запустения и голода, застывает место тучных хлебов у старой проселочной дороги. Нищие и слепые все чаще стали с жалобными припевами обходить деревню. А деревня безмолвно стояла на припеке — равнодушная, печальная.

Тогда, точно в горести, потемнел от пыльных ветров кроткий лик богоматери. Проходили годы, — она каялась безучастной к судьбе своего поля. И люди мало-помалу стали уходить по дороге к городу, уходить в далекую Сибирь. Они продавали свой скудный скарб, забивали досками окна изб, запрягали лошадей и навсегда уходили из деревни на поиски нового счастья. И деревня опустела.

— Ни души! — сказал ветер, облетев всю деревню и закрутив в бесцельном удальстве пыль на дороге.

Но береза не ответила ему, как отвечала прежде. Она слабо зашевелила ветвями и опять задремала. Она уже знала, что выгон в деревне зарос высокой сорной травой, что глухая крапива поднялась у порогов, что полынь серебрится на полураскрытых крышах. Степь вокруг была мертва, а десяток уцелевших изб можно было издалека принять за кибитки кочевников, покинутые в поле после битвы или чумы. И голубец уже покосился под березой, на верхушке которой торчали сухие белые сучья. Теперь, в сумерки, когда за темными полями слабо алел закат, ночевали на ней только грачи да вороны, которые немало видели перемен на этом свете...

Вот новые люди стали появляться на степи. Все чаще приходят они по дороге из города и располагаются станом у деревни. Ночью они жгут костры, разгоняя темноту, и тени далеко убегают от них по дорогам. С рассветом они выходят в поле и длинными буравами сверлят землю. Вся окрестность чернеет куча-

ми, точно могильными холмами. Люди без сожаления топчут редкую рожь, еще вырастающую кое-где без сева, без сожаления закидывают ее землю, потому что ищут они источников нового счастья, — ищут их уже в недрах земли, где таятся талисманы будущего...

Руда! Может быть, скоро задымят здесь трубы заводов, лягут крепкие железные пути на месте старой дороги и поднимется город на месте дикой деревушки. И то, что освящало здесь старую жизнь — серый, упавший на землю крест будет забыт всеми... Чем-то освятят новые люди свою новую жизнь? Чье благословение призовут они на свой бодрый и шумный труд?

1900

Над городом*

Глядя на колокольню снизу, с церковного двора, мы сами чувствовали, до чего мы еще малы, и было жутко немного, потому что облака в ясном весеннем небе медленно уходили от нас, а высокая белая колокольня, суживаясь кверху и блестя золотым крестом под облаками, медленно, плавно валились на церковный двор — и крест был похож на человечка с распростертыми руками... Потом мы вперегонки кидались к узкой двери в колокольню.

Длинная, почти отвесная лестница тотчас же за дверью терялась в темноте. В темноте, стиснутые холодными кирпичными стенами, храбро лезли мы друг за другом вперед. Свет, как мы знали, должен был открыться внезапно — и правда, скоро впереди мелькал проблеск. Еще несколько шагов, поворот — и мы в низком помещении, бледно озаренном решетчатым окном. Над головой — тяжелый накат из бревен, перекрещивающиеся в пыли и паутине балки, на полу — целые вороха известкового птичьего помета, изогнутая мед-

ная купель среди кирпичей и мусора, суздальские облупившиеся иконы, кадило с оборванными цепями... Черничка-галка, с пухом в клюве, сидит на подоконнике и выжидательно косит одним глазом. Таинственно в этой старой кладовке! Но осматриваться некогда. Голоса и топот ног опередивших нас раздаются уже над нами, — звонко и весело, как всегда весной в колокольне. И, кинув несколько быстрых взглядов на мусор и балки, мы спешили по темным изломам лестниц дальше...

Вот наконец и первый пролет: сразу стало светло, просторно, в арки широко видно небо. Внизу — церковный двор, мощный камнем, красная крыша сторожки в углу ограды и береза у железных ворот... Хорошо глядеть на все это сверху — видеть у себя под ногами верхушку березы! С высоты все кажется красивее, меньше; двор после весенних дождей стал бел, опрятен, между его высохшими плитами пробивается первая травка, а верхушка березы закудрявилась легкими, прозрачными кружевами зелени, необыкновенно нежной и свежей. И как тепло! Выйдет солнце из-за об-

лака — чувствуешь на лице горячую ласку света. Воробьи на березе задорно зачиликают в этом блеске, извозчик, проезжающий мимо, хлестнет лошадь, — и совсем по-летнему затрещат по мостовой колеса...

— Идите сюда! — раздается чей-то крик сверху. И, переглянувшись, мы устремляемся к гнилой и крутой лестнице во второй ярус, более узкий и как будто более зыбкий, чем первый, и снова попадаем в полутемные недра колокольни, разделенные бревенчатыми потолками. Опять грубый и беспорядочный вид балок и лестниц, мешающихся в сумраке; опять холодок и запах кирпичных стен... Всюду запустение старой башни, все велико, покрыто пылью и птичьим пометом... Лестницы, под которыми валялись кирпичи и бревна, были шатки, колени у нас дрожали, сердце учащенно билось; но в узкие окошечки возле лестницы мы видели лазурь, высоту, к которой стремились. На подоконниках, на лестницах и балках сидели сытые голуби, сизые и «жаркие», и так как мы уже чувствовали себя в одном мире с ними, то нам было очень жаль, что они так поспешно, пугая и се-

бя и нас, рассыпались куда попало при нашем приближении, торопливо хлопая свистящими крыльями. Это, впрочем, не мешало им тотчас же опускаться на другие лестницы и снова начинать гулкое, сердито-ласковое воркованье, топчась на одном месте с раздувающимися зобами. А в одном углу сидела на яйцах белая голубка — и с каким любопытством мы смотрели на нее сверху! Тут было совсем почти темно, только в длинное и узкое окошечко голубой лентой сияло небо...

— Васька идет! — радостно говорил кто-нибудь из нас, заглянул в это окошечко и увидав под колокольней звонаря Ваську. И тогда мы еще более ускоряли шаги, чтобы поспеть к звону. Ощущение высоты было уже очень сильно, когда мы выскакивали во второй пролет. Но нужно было сделать еще шагов тридцать, к колоколам, в третий ярус. Мельком мы заглядывали вниз — и не узнавали березы у ограды: так мала и низка стала она! Теперь даже огромный купол церкви был наравне с нами, а под ним разноцветные крыши города, сбегającego к реке, улицы и переулки меж ними, грязные дворы, сады и пустоши... Вон

во дворе чиновника баба развешивает белье по веревке; вон мещанин, в жилетке и ситцевой рубаше, выходит из тесового, похожего на собачий, домика воле сарая; рядом, на почтовом дворе, лениво бродят с хомутами в руках ямщики, запрягая двух одров в тележку; а вон скучные каменные дома купца-богача близ базарной площади, на скате которой, над мелкой рекой, стоит старый, приземистый собор с синим куполом в белых звездах... Улицы пусты, — все эти мещане, купцы, старухи и молодые кружевницы сидят по своим домишкам и, должно быть, не знают, какой простор зеленых полей развертывается вокруг города; а мы вот знаем и побежим еще выше, где уже совсем жутко, особенно когда подумаешь, что приближаешься к самому шпицу колокольни, сияющей над городом своим золотым крестом...

Теперь детство кажется мне далеким сном, но до сих пор мне приятно думать, что хоть иногда поднимались мы над мещанским захолустьем, которое угнетало нас длинными днями и вечерами, хождением в училище, где ггло наше детство, полное мечтами о путе-

шествиях, о героизме, о самоотверженной дружбе, о птицах, растениях и животных, о заветных книгах! Птицы любят высоту, — и мы стремились к ней. Матери говорили, что мы растем, когда видим во сне, что летаем, — и на колокольне мы росли, чувствовали за своими плечами крылья... Когда мы, запыхавшись, одолевали наконец последний ярус колокольни, мы видели вокруг себя только лазурь да волнистую степь. Город, как пестрый план, лежал далеко под нами, маленький и скученный, а в сердцах у нас было то, что должны испытывать на полете ласточки. В ожидании Васьки затевали мы драки, бегали друг за другом, стуча сапогами под медными шлемами колоколов, и громко кричали в них, возбуждая в меди эхо. Пробираясь по лесенке среди веревок, привязанных за колокольные языки, к главному колоколу, украшенному барельефами херувимов и надписью, какой купец отливал его, мы по очереди ударяли в края колокола: ударишь и слушаешь — и кажется, что где-то далеко идет певучий благовест к ранней обедне! И однажды, поднявшись на верхнюю ступеньку, вдруг увидел я

на колоколе барельефный лик строгого и прекрасного Ангела Великого Совета и прочитал сильное и краткое веление: «Благовестуй земле радость велию...»

Как поразила меня даже в то время эта надпись! Благовествовать взбирался на колокольню дурачок Васька; но даже эта жалкая фигура не мешает мне вспоминать предвечернее время весеннего дня, ясное небо в арках колокольни и ту могучую дрожь, которой гудела вершина колокольни вместе со всеми нами, когда, после долгих раскачиваний бил, Васька оглушал нас первым ударом, спугивал голубей со всех карнизов и уже весь отдавался любимому делу, утопая в звонком и непрерывном гудении меди. От этого гудения у нас верезжало в ушах, во всем теле; казалось, что вся колокольня с вершины до основания полна голосов, гула и пения. Не спуская глаз с мотающихся рук Васьки, стояли мы, охваченные восторгом перед гигантской силой звуков, замирая от захватывающей дух гордости, точно сами мы были участниками в возвышенном назначении колокола благовествовать радость. Затерявшиеся в звуках,

мы как будто сами носились по воздуху вместе с их разливающимися волнами и ждали только одного — чтобы поскорее ответил своим низким басом соборный колокол и чтобы Васька, в волнении соревнования, поднялся с лестницы во весь рост и уже изо всех сил ударил звонилом. Боже, какой трезвон начинался тогда над нашим убогим местечком и как мечтал я хоть когда-нибудь побыть на месте Васьки!

Странное желание это и теперь иногда посещает меня. Отдыхая порой в городишке, где протекло мое отрочество, я вспоминаю эту чуть ли не единственную его радость — нашу колокольню. Сидя в летние вечера под окном, я слушаю зачинающийся в разных концах города, перепутывающийся и мерно дрожащий гул колоколов, и этот гул погружает меня в думы о том, как протекают тысячи тысяч наших жизней. Товарищи моих детских дней, те, которым детство сулило так много, — где они? А матери и отцы их, уже сторбленные и пригнутые к земле страданиями и близостью смерти, плетутся с желтыми восковыми свечами в руках пред алтарь бога, который все-

гда казался им жестоким и карающим, требующим вечных покаянных слез и вздохов... И мне вспоминается далекое время, когда Васька так звучно и тяжело ударял в большой колокол. Я мысленно взбираюсь на колокольню и уже в свои руки беру веревку, привязанную к колокольному билу. Трудно раскачивать его, но нужно раскачивать сильнее, чтобы с первого же удара дрогнул воздух. А когда ответят другие колокола, нужно позабыться, затеряться в бурных звуках и хоть на мгновение поверить и напомнить людям, что «бог не есть бог мертвых, но живых»!

1900

Мелитон*

Были светлые майские сумерки, я ехал вер-
хом по нашему Заказу. Лошадь шла узкой
дорогой среди свежей поросли осин и ореш-
ника. Кругом все было молодо, зелено, соло-
выи нежно и отчетливо выщелкивали по сто-
ронам, перекликались друг с другом. Уже дав-
но село солнце, но лес не успел еще стихнуть:
горлинки журчали где-то вблизи, кукушка ку-
ковала в отдаленье... В майские ночи сон слаб
и недолог, до рассвета брезжит, заря зарю
встречает.

Я выехал к поляне, где стояла караулка. В
лощине за поляной лежал большой, полно-
водный пруд. Над прудом, над столетними бе-
резами и дубами, окружавшими его, слабо
означался бледный и прозрачный круг меся-
ца. А возле пруда на пне сидел Мелитон и ки-
дал сухие прутья в жаркий и проворный ко-
стерчик, разведенный в земляной печурке
под котелком, висевшим в ней. Как всегда,
очень чисты были его заплатанные портки и
рубаша, ладно подвязаны онучи. Он сидел, по-
ставив на колени локти, положив лицо в ла-

дони, смотрел на огонь, а сам напевал что-то тихим и тонким, совсем женским голосом.

— Ай карасиков наловил, Мелитон? — спросил я, соскакивая с лошади.

Он поднялся, вытянулся во весь рост, с той особой выправкой, что присуща была когда-то только николаевским служакам, и тотчас принял бесстрастное выражение, как бы стараясь скрыть постоянную печаль своих бледно-бирюзовых глаз. Росту он был высокого, телом худ и костляв. Серые густые брови и такие же усы, на щеках сходящиеся со щетинистыми баками, придавали ему вид суровый, но лысина зги бирюзовые глаза и чистая крестьянская рубаша, свидетельствующая о готовности лечь «под святые» когда угодно, говорили о кроткой, отшельнической жизни.

Когда картошки в чугушке стали сипеть и бурлить, он потыкал в них щепочкой и снял чугушник с огня. Огонь стал потухать, только красная грудка жара светилась в землянке. Возле нее пахло сторовшей дубовой листвой, а когда старик стал чистить картошки, запахло так вкусно, что я попросил и себе парочку. И мы молча стали ужинать возле неподвиж-

ного стемневшего пруда, в тишине и сумраке все еще не гаснувшей весенней зари. Закат за деревьями вправо алел нежно и тонко, и казалось, что там уже рассветает.

— Мелитон, — спросил я с юношеской простодушностью, — правда, тебя сквозь строй прогоняли?

— Правда-с, — ответил он просто и кратко.

— А за что?

— А, конечно, за глупость, за провинности...

Он ушел в избу, а я долго сидел один, глядя на тлеющие угли. Появился он из сумрака неслышно и принес с собой еще один ломоть ржаного хлеба, ножик, сделанный из старой косы, и горсть крупной соли. Ласково и нервно виляя хвостом, прибежал за ним Крутик, маленький, веселый, но отчаянно злой, несмотря на свою веселость. Он тоже сел возле печки, с удовольствием зевнул, облизнулся и стал следить глазами за каждым движением Мелитона, круто солившего хлеб. Соловьи по-прежнему пели страстно и звонко, нежно и удачно.

— Ведь ты совсем одинокий? — спросил я.

— Совсем-с. Была жена, да уж так давно, что и не вспомнишь.

— А дети?

— Были и дети-с, да их тоже бог прибрал в свое время...

И он опять замолчал, со старческой неспешностью пережевывая хлеб. Я вглядывался в движения его морщинистых щек, в его опущенные веки, стараясь проникнуть в тайну его печальной молчаливости. Он кротко и беспомощно взглянул на меня, — я отвернулся. Было мне тогда двадцать лет, все умиляло меня: лес, небо, караулка, пучки каких-то трав и венчиков в ее сенцах под крышей, между сухой листвой решетника... На ногах Мелитона лыковые лапти, думал я, на теле замашная рубаха... Как это чудесно — жить такой чистой, простой, бедной жизнью! И эти венчики — для кого он собирает, вяжет их? Венчики еще более тронули меня, и я сказал, подымаясь:

— Совсем у тебя скит, Мелитон!

Он ласково и грустно улыбнулся.

— В скиту часовенки бывают-с, — сказал он, бросая корку Крутику, и залил водой из

чугунка угли.

Они зашипели и померкли. И тотчас же стало видно, что в лесу уже светлая, лунная ночь, что поляна освещена сияющим месяцем, что чащи леса почернели и отделились от нее. Крутик, как только поужинал коркой, тотчас же принялся за свое ночное дело. Он с звонким лаем хлопотал то там, то здесь за караулкой, и было похоже, будто весь лес полон злыми и неугомонными собачонками. Мелитон зажег в избе лампу, настилая мне на конике сена, — окошечки под ее старой нахлобученной крышей засияли, как два золотых глаза. Потом он вынес лампочку в сенцы. Я вошел туда, и он опять улыбнулся мне.

— А то вот-с на коечку ложитесь, — сказал он, кивая на свою кровать.

В углу возле входа было устроено нечто вроде койки на высоких ножках из березовых поленьев. На ней было тоже настлано сено, прикрытое попоной и возвышавшееся к изголовью.

— Да какой теперь сон, — сказал я, — скоро уж и светать станет.

— Скоро-с, — согласился Мелитон бес-

страстно.

И правда, мы только подремали. В темной избе было тихо, приятно, в окошечки виднелись зеленоватые кусочки лунной ночи. Но что-то не давало мне спать: достаточно было тонкого напева комара, чтобы очнуться. Я слушал Крутика, соловьев, думал о чем-то, чего не вспомнишь, как всегда в бессонную ночь... Не спал и Мелитон. Его донимали блохи.

— Ну, уж погоди, погоди, отучу я тебя спать под койкой! — бормотал он изредка, разумея Крутика.

Потом он кашлял, вздыхал, шептал что-то... Наконец я услышал его шаги под окнами. Я высунулся из окна на прохладу ночного воздуха. Мелитон меня не замечал. Он сидел на пороге, опустив голову, не спеша растирал на ладони листовой табак и опять напевал грустным женским голосом.

— Ах, господи-батюшка! — прошептал он с глубоким вздохом, покачивая головой и высекая огонь. И, закурив трубку, оперся на руку и запел внятней, задушевней.

Слышно было, что рассказывал он в песне

про какие-то зеленые сады, с добрым укором напоминал кому-то те места, где «скончалась-распросталась, ах, да прежняя любовь...». Ночь сияла. Месяц выбрался на самую середину неба, стал над самым прудом. Изредка по воде что-то струисто поблескивало, точно там вился серебристый уж. У противоположного берега воды как будто не было. Там была светлая бездна в другое, подземное небо. Вековые дубы и березы на том берегу казались теперь выше, стройнее, чем днем. Но еще лучше был тот лес, который, вверх корнями, темнел под берегом, уходя в эту бездну вершинами. А вдали, за лесом, небо уж стало стеклянно-зеленое, там, в полях, начали свежо и отчетливо бить перепела... Я закрыл глаза. Когда же очнулся, был уже день. Пруд весь дымился, поляна поседела от крупной росы, лес, похолодевший, свежий, как будто еще недвижимый стоял вокруг поля. А потом в окна потянуло влажным ветром, в пруде заквакали лягушки, и петух, сильно и выпукло захлопав крыльями, заорал в сенцах хриплым басом. Мелитон, согнувшись, шел к избе от пруда с полным, тяжелым ведром, из которого плеска-

лась вода, и оставлял за собой длинный ярко-зеленый след по седой траве...

В последний раз навестил я Мелитона как-то прошлой зимой. Помню, день был хмурый, туманный, густой иней пара стоял на деревьях. Я ездил на станцию за почтой, потом, выехав со станции, уже в сумерки, перевалив с ее двора через сугроб на выезд в поле, решил свернуть к Заказу. Быстро темнело. Лошадь моя от инея вся посерела и закудрявилась, ресницы и усы у меня вскоре стали такими же. В поле сперва ничего нельзя было разглядеть даже в двух шагах — только серая, дикая мгла. Но вот в этой мгле стало светлеть и светлеть. Пробиваясь сквозь нее малиновым шаром, стал подниматься вдали большой месяц, пополам перерезанный длинной лиловатой тучкой. Поднимаясь, он оставил эту тучку ниже себя, а сам становился все ярче, золотистей. Когда же я подъехал к Заказу, въехал в тень, далеко лежавшую от него по полю и испещренную узорами света, все уже блистало в полях и в Заказе как бы в некоем сказочном царстве. А потом дивной красной звездой засветился огонек в караулке и по всему

чуткому, морозному лесу пошел звонкий, разбегающийся по чащам лай Крутика.

У дубка перед караулкой я привязал лошадь. С дубка бенгальским огнем посыпался иней. Я постоял и послушал глубокую тишину леса, потом осторожно подошел к завалинке караулки и заглянул в полузамерзшее окно. И глухая, отшельническая жизнь старика снова поразила меня своей святой суровостью. В глубине слабо освещенной, дочерна закопченной избы он стоял перед дощечкой иконы в углу и, закрыв глаза, кланялся ей то до земли, то в пояс. Видно было, что он только что выкупался, — редкие волосы его были мокры и причесаны, подбородок чисто пробрит, длинная белая рубаха распоясана. Порой он закидывал голову назад и долго, долго стоял так с закатившимися под лоб глазами...

Говорил он в тот вечер опять мало, был особенно тих и ласков. В избе было тепло и сыро, как в бане; я скинул шубу и сидел на лавке. А он тянулся, стоял передо мною, отвечал не спеша и все опускал веки. Наконец, уже собираясь уезжать, я как будто мимоходом спросил:

— Мелитон, отчего ты всегда такой скучный?

Он удивился.

— Я-с? — спросил он растерянно. — Я ничего-с... Известно, старость...

— Или горе у тебя какое? — сказал я, глядя ему в глаза.

— Избави бог! — сказал он поспешно, — Я караюлю-с...

— Да нет, я не про то, — сказал я, смутившись. — Я так спросил...

Он понял, успокоился и нежно улыбнулся, прикрывая глаза.

— А я думал, обида какая-с, — сказал он. — А что я не веселый, так какое же мне теперь веселье? Да и грехов много-с.

— Какие же у тебя грехи, Мелитон!

— Грехи-с у всякого есть, — сказал он серьезно. — На то и живем-с, чтобы за грехи казаться.

— Да ты и то как святой живешь. Ты вон постишься целый век.

Он опять удивился и даже слегка нахмурился.

— Ем-с, как все, — сказал он скороговор-

кой. — Едят и хуже моего, да и то не гnevят бога жалобой.

— Ну, коли так, будь здоров, до свиданья, — сказал я, надевая шубу, поднимаясь и отворяя дверь на морозный воздух лунной ночи.

Морозило крепко, и Большая Медведица бриллиантами висела по небу над снежной поляной. Мелитон без шапки и в одной рубашке стоял на пороге.

— Прощай, Мелитон, — сказал я, садясь в сани. — Иди в избу, простудишься!

— Никак нет, — ответил он. — Счастливой дороги-с...

Лошадь в светлом поле бежала шибко и бодро, полозья пели и визжали, ветер обжигал лицо, сковывал усы, ресницы. Я отвертывался от него, прикрываясь пахучим на морозе енотовым воротником.

1900–1930

Сосны*

I

Вечер, тишина занесенного снегом дома, шумная лесная вьюга наружи...

Утром у нас в Платоновке умер сотский Митрофан, а в сумерках у меня сидел священник, опоздавший причастить Митрофана, пил чай и долго рассказывал о том, как много народу померзло в нонешнем году...

«Чем не сказочный бор?» — думаю я, прислушиваясь к шуму леса за окнами и к высоким жалобным нотам ветра, налетающего вместе с снежными вихрями на крышу. И мне представляется путник, который кружится в наших дебрях и чувствует, что не найти ему теперь выхода вовеки.

— Есть ли жив-человек в этих хижинах? — говорит он, с трудом различая в белой крутящейся мгле Платоновку.

Но морозный ветер захватывает ему дыхание, слепит снегом, и мгновенно пропадает огонек, который, казалось, мелькнул сквозь вьюгу. Да и человечьи ли это хижины? Не в такой ли же черной сторожке жила Баба-Яга?

«Избушка, избушка, стань к лесу задом, а ко мне передом! Приюти странника в ночь!..»

Лежа весь вечер, я представляю себе, как пугливо и зыбко мерцают мои освещенные окошечки, такие одинокие среди бушующего леса, с головы до ног поседевшего от вьюги! Дом стоит у широкой просеки, в затишье, но когда ураган гигантским призраком на снежных крыльях проносится под лесом, сосны, которые высоко царят над всем окружающим, отвечают урагану столь угрюмой и грозной октавой, что в просеке делается страшно. Снег при этом бешено и беспорядочно мчится по лесу, непритворенная дверь в сенцах с необыкновенной силой бьет в стену, а собаки, которые лежат в них, утопая в снегу, как в пуховых постелях, жалобно взвизгивают сквозь сон, дрожа крупной дрожью... И мне опять вспоминается Митрофан, который ждет могилы в такую мрачную ночь.

В комнате тепло и тихо. Стекла холодно играют разноцветными огоньками, точно мелкими драгоценными камнями. Лежанка на топлене жарко, и к шуму и стуку я так привык, что могу не замечать их. Лампа на столе:

горит ровным сонным светом. Ровно, чуть внятно звенит в ней выгорающий керосин, монотонно и неясно, точно под землей, баюкает кто-то ребенка за стеною в кухне, — не то сама Федосья, не то ее Анютка, которая с малолетства во всем подражает своим вечно вздыхающим теткам, матери. И, прислушиваясь к этому знакомому с детства напеву, к этим шумам и стукам, весь отдаешься во власть долгого вечера.

*Ходит сон по сеням,
А дрема по дверям, —*

поет в душе жалобная песня, а вечер реет над головою неслышною тенью, завораживает сонным звоном в лампе, похожим на замирающее нытье комара, и таинственно дрожит и убегает на одном месте темным волнистым кругом, кинутым на потолок лампой.

Но вот в сенцах слышен певучий визг шагов по сухому бархатистому снегу. Хлопают двери в прихожей, и кто-то топает в пол валенками. Слышу, как чья-то рука шарит по двери, ищет скобку, а затем чувствую холод и свежий запах январской метели, сильный,

как запах разрезанного арбуза.

— Спите? — спрашивает Федосья осторожным шепотом.

— Нет... А что? Это ты, Федосья?

— Я-с, — отвечает Федосья, меняя голос на громкий и естественный. — Ай я вас разбудила?

— Нет... Ты что?

Вместо ответа Федосья оборачивается к двери, — хорошо ли притворила? — и, улыбнувшись, становится к печке. Ей просто хотелось проведать меня. Это небольшая, но плотно сбитая баба в полушубке; голова у нее закутана шалью и похожа на совиную, не полушубке и на шали тает снег.

— Там пыль! — говорит она с удовольствием и, ежась, прижимается к печке. — Что, давно вечер-то по часам?

— Половина десятого.

Федосья кивает головою и задумывается. За день она переделала сотни мелких дел. Теперь она в тумане отдыха. Глядя на снег совершенно бессмысленными, удивленными глазами, она с наслаждением затягивается долгим и глубоким зевком и, зевая, бормочет:

— Ах, господи, что ж это зевается, куда это девается! Вот жалко Митрофана-то! Целый день с ума не идет, а тут еще наши: выехали, нет ли? Поедут-замерзнут!

И вдруг быстро прибавляет:

— Постойте — в каком ухе звенит?

— В правом, — отвечаю я. — Нынче они не поедут...

— Вот и не угадали! А я было про мужика своего загадала. Боюсь, обморозится...

И, увлеченная думами о вьюге, Федосья начинает:

— Так-то на сороки было, на сорок мучеников. Вот, расскажу вам, страсть-то была! Вы-то, известное дело, не помните, вам тогда небось пяти годочков не было, а я-то явственно помню. Сколько тогда народу померзло, сколько обморозилось...

Я не слушаю, я наизусть знаю рассказы о всех метелях, которые помнит Федосья. Я машинально ловлю ее слова, и они странно переплетаются с тем, что я слышу внутри себя. «Не в том царстве, не в том государстве, — певуче и глухо говорит во мне голос старика-пастуха, который часто рассказывает мне

сказки, — не в том царстве, не в том государстве, а у самом у том, у каком мы живем, жил, стало быть, молодой вьюноша...»

Лес гудит, точно ветер дует в тысячу золотых арф, заглушённых стенами и вьюгой. «Ходит сон по сеням, а дрема по дверям», и, намаившись за день, поевши «соснового» хлебушка с болотной водицей, спят теперь по Платоновкам наши былинные люди, смысл жизни и смерти которых ты, господи, веши!

Вдруг ветер со всего размаху хлопает сенной дверью в стену и, как огромное стадо птиц, с шумом и свистом проносится по крыше.

— Ох, господи! — говорит Федосья, вздрагивая и хмурясь. — Хоть бы уж спать скорей в страсть такую! Ужинать-то будете? — прибавляет она, делая над собой усилие, чтобы взяться за скобку.

— Рано еще...

— А мой сгад — нечего третьих петухов ждать! Поужинали бы и спали бы, спали себе!

Дверь медленно отворяется и затворяется, и я опять остаюсь один, все думая о Митрофане.

Это был высокий и худой, но хорошо сложенный мужик, легкий на ходу и стройный, с небольшой, откинутой назад головой и с бирюзово-серыми, живыми глазами. Зимой и лето его длинные ноги были аккуратно обернуты серыми онучами и обуты в лапти, зимой и лето он носил коротенький изорванный полушубок. На голове у него всегда была самодельная заячья шапка шерстью внутрь. И как приветливо глядело из-под этой шапки его обветренное лицо с облупившимся носом и редкой бородкой! Это был Следопыт, настоящий лесной крестьянин-охотник, в котором все производило цельное впечатление: и фигура, и шапка, и заплатанные на коленях портки, и запах курной избы, и одностволка. Появляясь на пороге моей комнаты и вытирая полою полушубка мокрое от метели коричневое лицо, оживленное бирюзовыми глазами, он тотчас же наполнял комнату свежестью лесного воздуха.

— Хорошо у нас! — говорил он мне часто. — Главное дело — лесу много. Правда, хлебужка, случается, не хватает али чего прочего, да ведь на бога жаловаться некуда: есть,

лес — в лесу зарабатывать. Мне, может, еще трудней другого, у меня одних детей сколько, а я все-таки иду да иду! Волка ноги кормят. Сколько годов я тут прожил и все не нажил-ся... Я и не помню ничего, что было. Был будто один-два дня летом али, скажем, весной — и больше ничего. Зимних дён больше вспоминается, а все тоже похожи друг на дружку. И ничего не скуплю, а хорошо. Идешь по лесу — лес из леса выходит, синеет, а там прогалина, крест из села виден... Придешь, за-снешь — глядь, уж опять утро и опять пошел на работу... была бы шея — хомут найдется! Говорят — живете вы, мол, в лесу, пням молитесь, а спроси его, как надо жить — не знает. Видно, живи как батрак: исполняй, что приказано — и шабаш.

И Митрофан действительно прожил всю свою жизнь так, как будто был в батраках у жизни. Нужно было пройти всю ее тяжелую лесную дорогу — Митрофан шел беспреко-словно... И разладила его путь только бо-лезнь, когда пришлось пролежать больше ме-сяца в темноте избы, — перед смертью.

— За траву не удержишься! — говорил он

мне, снисходительно улыбаясь, когда я советовал ему съездить в больницу.

И кто знает, — не прав ли был он?

«Умер, погиб, не выдержал, — значит, так надо!» думаю я и поднимаюсь, чтобы пойти на воздух. Надев шубу и шапку, подхожу к лампе. На мгновение шум метели за окном смущает меня, но затем я решительно дую на свет.

В темных пустых комнатах, через которые я прохожу, мутно сереют окна. От налетающих вихрей они то светлеют, то темнеют, — совсем как в корабельной каюте в качку. В прихожей холодно, как в сенцах, и пахнет сырой, промерзлой корой дров, заготовленных на топку. Громадная старинная икона божией матери с мертвым Иисусом на коленях чернеет в углу...

На дворе ветер рвет с меня шапку и с головы до ног осыпает меня морозным снегом. Но, ох, как хорошо поглубже вдохнуть холодным воздухом и почувствовать, как легка и тонка стала шуба, насквозь пронизанная ветром! На мгновение я останавливаюсь и делаю усилие взглянуть... Новый порыв ветра прямо в лицо

перехватывает мне дыхание, и я успеваю разглядеть только два-три вихря, промчавшихся по просеке в поле. Гул леса вырывается из шума вьюги, как гул органа. Я крепко нагибаю голову, погружаюсь почти по пояс в сугроб и долго иду, сам не зная куда...

Ни деревни, ни леса не видно. Но я знаю, что деревня направо и что в конце ее, у плоского болотного озера, теперь занесенного снегом, — изба Митрофана. И я иду, — долго, упорно и мучительно, — и вдруг в двух шагах от меня вспыхивает сквозь дым вьюги огонек. Кто-то бросается ко мне на грудь и чуть не сбивает меня с ног. Наклоняюсь, — собака, которую я подарил Митрофану. Она отскакивает при моем движении с жалобно-радостным визгом назад и бросается к избе, точно хочет показать, что там делается. А у избы, около окошечка, светлым облаком кружится снежная пыль. Огонек освещает ее снизу, из сугроба. Утопая в снегу, я добираюсь до окна и торопливо заглядываю в него. Там, внизу, в слабо освещенной избе, лежит у окна что-то длинное, белое. Племянник Митрофана стоит, наклонившись над столом, и читает псал-

тырь. В глубине избы, на нарах, видны в полумраке фигуры спящих баб и детей...

II

Утро. Выглядываю в кусочек окна, не запущенный морозом, и не узнаю леса. Какое великолепие и спокойствие!

Над глубокими, свежими снегами, завалившими чащи елей, синее, огромное и удивительно нежное небо. Такие яркие, радостные краски бывают у нас только по утрам в афанасьевские морозы. И особенно хороши они сегодня, над свежим снегом и зеленым бором. Солнце еще за лесом, просека в голубой тени. В колеях санного следа, смелым и четким полукругом прорезанного от дороги к дому, тень совершенно синяя. А на вершинах сосен, на их пышных зеленых венцах, уже играет золотистый солнечный свет. И сосны, как хоругви, замерли под глубоким небом.

Приехали братья из города. Они привезли с собой много бодрости морозного утра. Пока в прихожей обметали вениками валенки, обивали от снега тяжелые воротники шуб и вносили покупки в рогожных кульках, пересыпанных сухой снежной пылью, как мукою,

в комнатах нахолодилось и металлически запахло морозным воздухом.

— Градусов сорок будет! — с трудом выговаривает кучер, входя с новым кульком. Лицо у него багровое — по голосу чувствуется, что оно задеревенело от морозу, — усы, борода и углы воротника на тулупе смерзлись в ледяные сосульки...

— Митрофанов брат пришел, — докладывает Федосья, просовывая голову в дверь, — тесу на гроб просит.

Я выхожу к Антону, и он спокойно рассказывает о смерти Митрофана и деловито переводит разговор на тес. Равнодушие это или сила?.. Скрипя сапогами по замерзшему снегу на крыльце, мы выходим из дому и, переговариваясь, идем к сараю. Воздух крепко сжат утренним морозом, голоса паши раздаются как-то странно, пар от дыхания вьется при каждом слове, точно мы курим. Тонкий остистый иней садится на ресницы.

— Ну, и денек господь послал! — говорит Антон, останавливаясь у сарая, где уже пригревает, и, щурясь от солнца, глядит на густую зеленую стену хвои вдоль просеки и глу-

бокое: ясное небо над нею, — Эх, кабы и завтра так же! Ладно бы похоронили!

Потом мы отворяем скрипучие ворота насквозь промерзшего сарая. Антон долго гремит досками и наконец взваливает на плечо длинную сосновую тесину. Сильным движением подкинув и поправив ее на плече, он говорит: «Ну, покорнейше благодарим вас!» — и осторожно выходит из сарая. Следы лаптей похожи на медвежьи, а сам Антон идет приседам, принаравливаясь к колебаниям доски, и тяжелая зыбкая доска, перегнувшись через его плечо, мерно покачивается в лад с его движениями. Когда же он, утонув почти по пояс в сугроб, скрывается за воротами, я слышу замирающий скрип его шагов. Вот так тишина! Две галки звонко и радостно сказали что-то друг другу. Одна из них с разлету опустилась на самую верхнюю веточку к густо-зеленой, стройной ели, закачалась, едва не потеряв равновесия, — и густо посыпалась и стала медленно опускаться радужная снежная пыль. Галка засмеялась от удовольствия, но тотчас же смолкла... Солнце поднимается, и все тише становится в просеке...

После обеда все ходят смотреть Митрофана. Деревня тонет в снегу. Снежные, белые избушки расположились вокруг ровной белой поляны, и на этой ярко сверкающей под солнцем поляне очень уютно и пригревает. Домовито пахнет дымком, печеным хлебом. Мальчишки возят друг друга на ледяшках, собаки сидят на крышах изб... Совсем дикарская деревушка! Вон молодая плечистая баба в замашной рубахе любопытно выглянула из сенец... Вон худой, похожий на старичка-карлика, дурачок Пашка в дедовской шапке идет за водовозкой. В обмерзлой кадучке тяжело плескается дымящаяся, темная и вонючая вода, а полозья визжат, как поросенок... Но вот и изба Митрофана.

Какая она маленькая, низенькая, и как все буднично вокруг нее! Лыжи стоят у дверей в сенцы. В сенцах дремлет и жует жвачку корова, Стена избы, выходящая в сенцы, сильно подалась от них, и поэтому дверь надо отворять с большими усилиями. Она отлипает наконец, и в лицо пахнуло теплым избяным запахом. В полумраке стоят несколько баб у печки и, пристально глядя на покойника, ше-

потом переговариваются. А покойник под коленкором лежит в этой напряженной тишине и слушает, как плаксиво и жалостно читает псалтырь Тимошка.

— Совсем талый! — с умилением говорит одна из баб и, приглашая посмотреть покойника, осторожно приподнимает коленкор.

О, какой важный и серьезный стал Митрофан! Голова маленькая, гордая и спокойно-печальная, закрытые глаза глубоко ввалились, большой нос обрезался; большая грудь, приподнятая последним вздохом, точно закамелла, а ниже ее, в глубокой впадине живота, лежат большие восковые руки. Чистая рубаха красиво оттеняет худобу и желтизну. Баба тихо взяла одну руку, — видно, как тяжела эта ледяная рука, — подняла и опять положила. Митрофан остался совершенно равнодушен и продолжал спокойно слушать, что читает Тимошка. Может, он знает даже и то, как ясен и торжественен сегодняшней день, — его последний день в родной деревне?

День этот кажется очень долог в мертвой тишине Солнце медленно проходит свой небесный путь, и вот красноватый, парчовый

луч уже скользнул в полутемную избу и косо озарил лоб покойника, Когда же я выхожу из избы на улицу, солнце прячется между стволами сосен за частый ельник, теряя свой блеск.

Опять я бреду вдоль просеки. Снега на поляне и крыше изб, которые точно облиты сахаром, алеют. В просеке, в тени, чувствую, как резко морозит к ночи. Еще чище и нежней стали краски зеленоватого неба к северу, еще тоньше рисуется мачтовый сосновый лес на его фоне. А с востока уже встала большая бледная луна. Гаснет закат, она подымается все выше... Собака, с которой я хожу вдоль просеки, забегает иногда в ельник и, выскочивая, вся в снегу, из его таинственно-светлых и темных дебрей, замирает вместе с своей резкой черной тенью на ярко озаренной дороге. Месяц уже высоко... В деревушке — ни звука, робко краснеет огонек из тихой избы Митрофана... И большая, остро содрогающаяся изумрудом звезда на северо-востоке кажется звездой у божьего трона, с высоты которого господь незримо присутствует над снежной лесной страной...

III

А на следующий день понесли гроб Митрофана по лесной дороге к селу.

Воздух по-прежнему был резок и морозен, и миллионы мельчайших игл и крестиков тускло поблескивали на солнце, кружась в воздухе. Бор и воздух слегка затуманивались, — только на горизонте к югу ясно и зелено было ледяное небо. Снег пел и визжал под санями, когда я бежал на лыжах в село. Там я долго мерз на паперти, пока наконец увидел среди белой сельской улицы белые зипуны и белый большой гроб из новою тесу. Отворили дверь в церковь, откуда вместе с запахом воска тоже пахнуло холодом: бедная лесная церковка промерзла вся насквозь, весь иконостас и все иконы побелели от густого метеного инея. И когда она наполнилась сдержанным гонором, стуком шагов и паром от дыхания, когда с трудом опустили тяжелый разлтый гроб на пол, торопливым, простуженным голосом заговорил и запел священник. Жидкие синеватые струйки дыма вились над гробом, из которого страшно выглядывал острый коричневый нос и лоб в

венчике. Кадило в руках священника было почти пусто, дешевый ладан, брошенный в еловые уголья, издавал запах лучины, а сам священник, повязанный по ушам платком, был в больших валенках и в старом мужицком полушубке, поверх которого торчала старая риза. Он, наперебой с дьячком, в полчаса справил службу и только «со святыми упокой» пропел не спеша и стараясь придать своему голосу трогательные оттенки, — печаль обреченности всего земного и радость за брата, отошедшего, после земного подвига, в лоно бесконечной жизни, «иде же праведные упокоеваются». Напутствуемый протяжным пением, гроб с мерзлым покойником вынесли из церкви, пронесли его по улице и за селом, на пригорке, опустили в неглубокую яму, которую и закидали мерзлой глинистой землей и снегом. В снег воткнули елочку и, покряхтывая от мороза, торопливо разошлись и разъехались.

Глубокая тишина царила теперь на лесной полянке, по которой торчало из сугробов несколько низких деревянных крестов. Беззвучно кружились в воздухе бесчисленные

морозные остинки, где-то высоко над головой тянул сдержанный, глухой и глубокий гул: так шумит под вечер в отдалении море, когда оно скрыто за горами. Мачтовые сосны, высоко поднявшие на своих глинисто-красноватых голых стволах зеленые кроны, тесной дружиной окружали с трех сторон пригорок. Под ним широко синела еловыми лесами низменность.

Длинный земляной бугор могилы, пересыпанный снегом, лежал на скате у моих ног. Он казался то совсем обыкновенной кучей земли, то значительным — думающим и чувствующим. И, глядя на него, я долго силился поймать то неуловимое, что знает только один бог, — тайну ненужности и в то же время значительности всего земного. Потом я крепко двинул лыжи под гору. Облако холодной снежной пыли взвилось мне навстречу, и по всему девственно-белому, пушистому косогору правильно и красиво прорезались два параллельных следа. Не удержавшись, я упал под горой в густой и необыкновенно зеленый ельник, набил в рукава снегу. Задевая за ельник, я быстро пошел зигзагами между его ку-

стами. Траурные сороки с резким стрекотанием, игриво качаясь в воздухе, перелетали над ними. Минуты текли за минутами — я все так же равномерно и ловко совал ногами по снегу. И уже ни о чем не хотелось думать. Тонко пахло свежим снегом и хвоей, славно было чувствовать себя близким этому снегу, лесу, зайцам, которые любят объедать молодые побеги елочек... Небо мягко затуманивалось чем-то белым и обещало долгую тихую погоду... Отдаленный, чуть слышный гул сосен сдержанно и немолчно говорил и говорил о какой-то вечной, величавой жизни...

1901

Новая дорога*

I

— **Н**апрасно уезжаете! — говорят мне знакомые, поздним вечером прощаясь со мной на вокзале. — Добрые люди только съезжают в Петербург. Чего вы там не видали? Лесов, сугробов? А потом еще эта новая дорога, на которой дня не проходит без крушений! — Бог милостив! — отвечаю я.

Провожающие пожимают плечами. Наступают те неприятные минуты разлуки, когда сказать уже нечего, улыбки делаются фальшивыми, а время начинает идти страшно медленно.

Наконец раздается второй звонок. Махая шляпами, провожающие уходят и, оборачиваясь, кланяются уже с искренней приветливостью.

— Готово! — кричит кто-то около паровоза, и паровоз тяжело стучается буферами в вагоны. Слышно, как он сдержанно сипит горячим паром, изредка кидая клубы дыма, и платформа пустеет. Остаются только высокий красивый офицер с продолговатым, нагло-се-

рьезным лицом в полубачках, и дама в трауре. Дама кутается в ротонду и тоскливо смотрит на офицера заплаканными черными глазами. Потом с неловкой поспешностью очень сытого человека проходит большой рыжеусый помещик с ружьем в чехле и в оленьей дохе поверх серого охотничьего костюма, а за ним приземистый, но очень широкий в плечах генерал. Потом из конторы быстро выходит начальник станции... Он только что вел с кем-то неприязненный спор и поэтому, резко командовав: «Третий», так далеко швыряет папиросу, что она долго прыгает по платформе, рассыпая по ветру красные искры. И тотчас же на всю платформу звонит гулкий вокзальный колокол, раздаются гремучие свистки оберкондуктора, мощные взревания паровоза — и мы плавно трогаемся.

Офицер идет по платформе, раскланиваясь, ускоряя шаги и все более отставая от вагонов; паровоз отрывистее и резче кидает изпод цилиндров горячим паром... Но вот мелькнул последний фонарь платформы, офицера точно сдернуло — и поезд очутился в темноте. Она сразу развернулась, усеянная

тысячами золотых огней в предместьях а поезд уверенно несется в нее мимо товарных складов и вагонов, грозно предупреждая кого-то дрожащим ревом. Светлые отражения окон все быстрее бегут по рельсам и шпалам, ускользающим в разные стороны, потом по снегу. Скоро в вагоне станет тепло и уютно, и, беспорядочно громоздя вещи по диванам, пассажиры начнут располагаться на ночь. Седой, строгий, но очень вежливый старичок-кондуктор в пенсне на кончике носа не спеша проходит среди этой тесноты и пунктуально переписывает билеты, наклоняясь к фонарику своего помощника.

Воздух в полях, после города, кажется необыкновенным, — и, как всегда, я до поздней ночи стою в сенях вагона, отворив боковую дверь, и напряженно гляжу против ветра в темные снежные поля. Вагон дрожит и дребезжит от быстрого бега, ветер сыплет в лицо снежной пылью, свет фонаря в сенях прыгает, мешаясь с тенями. И, качаясь, я хожу от двери к двери по холодным сеням, уже побелевшим от снега... Прежде в пути всегда хотелось петь, кричать под грохочущий марш поезда.

Теперь не то. Плывут, бегут смутные силуэты холмов и кустарников, с мгновенным глухим ропотом проносятся под колесами чугунные мостики, в далеких, чуть белеющих полях мелькают огоньки глухих деревушек. И, щурясь от ветра, я с грустью гляжу в эту темную даль, где забытая жизнь родины мерцает такими бледными тихими огоньками...

Возвратясь в вагон, вижу в полусумраке фигуры лежащих; тесно от шуб и поднятых спинок диванов, пахнет табаком и апельсинами... Согреваясь после холодного ветра, долго смотрю полузакрытыми глазами, как покачивается меховое пальто, повешенное у двери, и думаю о чем-то неясном, что сливается с дрожащим сумраком вагона и незаметно убаюкивает. Славная вещь — этот сои в пути! Сквозь дремоту чувствуешь иногда, что поезд затихает. Тогда слышатся громкие голоса под окнами, шарканье ног по каменной платформе, а в вагоне — ровное дыхание и храп спящих. Что-то беспокоит глаза... Это тусклый и лучистый, желтоватый блеск замерзшего окна, за которым вокзальный фонарь. Он мутно и неприятно озаряет сумрак

вагона.

— Не знаете, какая станция? — спрашивает кто-то странным испуганным голосом...

Потом звонок бьет где-то далеко-далеко, усыпительно, хлопают двери вагонов, и доносится жалобный гул паровоза, напоминающий о бесконечной дали и ночи. Что-то начинает вздрагивать и поталкивать под бок; металлически-лучистый блеск фонарей проходит по стеклам и гаснет; пружины дивана покачиваются все ровнее и ровнее, и наконец непрерывно возрастающий бег поезда снова погружается в дремоту...

Внезапное прикосновение чьей-то руки извещает перед утром о пересадке. Испуганно вскакиваю, торопливо забираю вещи и через большую, но сонную и тускло освещенную станцию иду на какую-то длинную платформу, занесенную свежим глубоким снегом, к маленькому поезду, составленному из самых разнокалиберных вагонов... Новая дорога! Тишина, маленькие вагоны, душистый дым березовых дров, запах хвои... Славно!

В полудремоте попадаю в вагон-микст, тесный, с квадратными окнами, и тотчас же сно-

ва крепко засыпаю. И к утру уже оказываюсь далеко от Петербурга. И начинается настоящий русский зимний путь, один из тех, о которых совсем забыли в Петербурге...

II

Будит меня чей-то мучительный кашель. Открываю глаза: вижу станового, старого служаку в рыжей енотовой шубе поверх серой полицейской шинели. От натуги глаза у него вытаращены и полны слез, обветренное лицо красно, седые усы взъерошены. Он необыкновенно жарко раскурил огромнейшую папиросу из дешевого крепкого табаку, а в старом вагончике и без того сумрачно, потому что окна полузасыпаны снегом. Поезд трясет и гремит, как телега.

— Вот так кашель! — говорит становой, отдуваясь, так просто и добродушно, точно мы росли вместе. — Только и полегчает, когда немножко покуришь!

«Ну, значит, Петербург далеко!» — думаю я и заглядываю в окна. О, какой белый, чистый снег! Белое безжизненное небо и белое бесконечное поле с кустарниками и перелесками. Проволоки телеграфных столбов лениво плывут

вут за окнами, точно им скучно подыматься, опускаться и вытягиваться вслед за поездом, а столбам надоело бежать за ними. Поезд на подъемах скрипит и качается, а под уклоны бежит, как старик, пустившийся догонять кого-нибудь. Однообразно белеют поля, машет вдали крыльями птица, чернеют кустарники и деревушки — и все это кругами уходит назад. Ветер лениво развеивает дым паровоза, и кустарники, по которым расстилается этот дым, будто курятся и плавают по снежному полю...

Пассажиров, кроме меня и станового, который, впрочем, скоро слезет на разъезде, всего-навсего один: бородатый коренастый старик — железнодорожный артельщик с сумкой через плечо, похожий на уездного лавочника. Он усердно занимается насыпкой папирос и чаепитием, все утро слышно, как он с наслаждением схлебывает с блюдечка горячую жидкость.

— Не угодно ли-с? — говорит он, указывая глазами на жестяной чайник. — А то что ж на вокзалах-то платить по гривеннику за стаканчик!

Около двери, где я помещаюсь, по ногам несет холодом; сажу, закутавши колени, и смотрю то на свежие выемки около линии, то на новенькие тесовые станции и разъезды, то на белое поле с перелесками, и кажется, что стволы деревьев трепещут и сливаются, а весь перелесок идет кругом: ближние деревья, трепещущая, бегут назад, а дальние постепенно заходят вперед... Потом мы с артельщиком пьем чай, потом я отправляюсь бродить по вагонам и площадкам... Необыкновенно приятно смотреть на мелькающий в воздухе снег: настоящей Русью пахнет!

Станции и разъезды часты, но они теряются среди окружающего их пустынного и огромного пейзажа зимних полей. Еще не завладела новая дорога краем и не вызвала к себе его обитателей. Постоит поезд на пустой станции и опять бежит среди перелесков... Едем все же с опозданием: стояли в поле, и никто не знал почему, и все сидели в томительном ожидании, слушая, как уныло шумит ветер за стенами неподвижных вагонов и как жалобно кричит бочкообразный паровоз, имеющий манеру трогать с места так,

что пассажиры падают с диванов. Качаясь на неровном бегу поезда, я хожу из вагона в вагон и везде вижу обычную жизнь русского захолустного поезда. В первом и втором классе пусто, а в третьем — мешки, полушубки, сундуки, на полу сор и подсолнухи, почти все смят, лежа в самых тяжелых и безобразных позах. Неспящие сидят и до одурения накуриваются; жаркий воздух синеет от едкого и сладковатого дыма махорки. Один лотерейщик, молодой нор с бегающими глазами, не дремлет. Он собирает в кучку мужиков и полупьяных рабочих, и они, пробуя свое счастье, изредка, точно на смех, выигрывают то карандаш в две копейки, то какой-нибудь бокал из дутого стекла. Слышится спор и говор, неистово кричит ребенок, поезд стучит и громыхает, а солдат, в новой ситцевой рубахе и в черном галстуке, сидит над спящими на своем сундучке и, поставив ногу на противоположную лавочку, с бессмысленными глазами и вытянутой верхней губой, рычит на тульской гармонике: «Чудный месяц плывет над рекою»...

— Станция Белый Бор, остановки восемь

минут... — кричит кондуктор, рослый мужик в тяжелой длинной шинели, и, проходя по нашему вагону, с такой силой хлопает дверями, точно хочет заколотить их навек.

Это значит, что начинаются леса. После Белого Бора через две станции — уездный город, по имени которого и называются эти леса, смешанное чернолесье и красноелесье. Проходит еще час, полтора — и вдали, из-за леса, показываются главы и кресты монастыря, которым далеко известен этот город. Бор вокруг него вырубает нещадно, новая дорога идет как завоеватель, решивший во что бы то ни стало расчистить лесные чащи, скрывающие жизнь в своей вековой тишине. И долгий свисток, который дает поезд, проходя перед городом по мосту над лесной речкой, как бы извещает обитателей этих мест об этом шествии.

На несколько минут вокруг нас закипает суматоха. За деревянным, кирпичного цвета вокзалом видны тройки, громыхают бубенчики, кричат наперебой извозчики; зимний день сер и тепел, и похоже на масленицу. По платформе гуляют барышни и молодые люди, среди которых дает тон высокий телеграфист,

местный красавец, франт в дымчатом пенсне и кавказской папахе. Двери в вагоне поминутно растворяются, со двора несет холодом, пахнет снегом и хвойным лесом. Статный лакей в одном фраке и без шапки носит жареные пирожки, и странно видеть среди леса его крахмальную рубашку и белый галстук. В наш вагон набирается много барышень, которые кого-то провожают и шепчутся, играя глазами; купец с подушкой ломится к своему месту, давя на пути все встречное, а худой и очень высокий священник, запыхавшись и сдвинув с потного лба на затылок бобровую шапку, вбегает в вагон и убегает, униженно прося носильщика о помощи. Он укладывает бесчисленное количество узлов и кулечков на диваны и под диваны, извиняется пред всеми за беспокойство и притворно-весело бормочет:

— Ну, теперь так! Вот это сюда... А вот это, я думаю и под лавочку можно... Я не потревожу вас? Ну, и чудесно покорнейше благодарю!

В толпе ковыляет хромой разносчик с корзиной лимонов, монашенки с убитыми лицами жалобно просят на обитель... Вагон везут

назад и опять останавливают. Долго слышится, как кондуктора переругиваются и гремят по окнам сигнальной веревкой, протягивая ее от паровоза по поезду... Наконец поезд трогается.

И опять перед окнами мелькают березы и сосны в снегу, поля и деревушки, а над ними — серое небо...

III

Эти березы и сосны становятся все неприветливей; они хмурятся, собираясь толпами все плотнее и плотнее. Идет молодой легкий снежок, но от сплошных чащей в вагонах темнеет, и кажется, что хмурится и погода. Омрачается и радость возвращения к тихому лесному дню... Новая дорога все дальше уходит в новый, еще неизвестный мне край России, и от этого я еще живее чувствую то, что так полно чувствовалось в юности: всю красоту и всю глубокую печаль русского пейзажа, так нераздельно связанного с русской жизнью. Новую дорогу мрачно обступили леса и как бы говорят ей:

— Иди, иди, мы расступаемся перед тобою. Но неужели ты снова только и сделаешь, что

к нищете людей прибавишь нищету природы?

Зимний день в лесах очень короток, и вот уже синеют за окнами сумерки, и мало-помалу заползает в сердце беспричинная, смутная, настоящая русская тоска. Петербург представляется далеким оазисом на окраине огромной снежной пустыни, которая обступила меня со всех сторон на тысячи верст. Вагон опять пустеет. Опять со мною только артельщик и двое спящих, — кавалерист и помощник начальника станции. Кавалерист, молодой человек в крепко натянутых рейтузах, спит как убитый, богатырски растянувшись на спине; помощник лежит вниз лицом, слабо покачиваясь, точно приноравливаясь к толчкам бегущего поезда. И тяжело смотреть на его старое пальто и старые калоши, сносившиеся с дивана.

Все сгущается сумрак в холодном, дребезжащем, неуклюжем вагоне. Мелькают стволы высоких сосен в сугробах, толпами теснятся на пригорках монахини-елочки в своих черных бархатных одеждах... Порою чаща расступается, и далеко развертывается унылая

болотная низменность, угрюмо синее амфитеатр лесов за нею, и полосой дыма висит молочно-свинцовый туман над лесами. А потом снова около самых окон зачатят сосны и ели в снегу, глухими чащами надвинется чернолесье, потемнеет в вагоне... Стекла в окнах дребезжат и перезванивают, плавно ходит на петлях не притворенная в другое отделение дверь, а колеса, перебивая друг друга, словно под землей, ведут свой торопливый и невнятный разговор.

— Болтайте, болтайте! — важно и задумчиво говорят им угрюмые и высокие чащи сосен. — Мы расступаемся, но что-то несете вы в наш тихий край?

Огоньки робко, но весело светят в маленьких новых домиках лесных станций. Новая жизнь чувствуется в каждом из них. Но в двух шагах от этого казенного домика начинается совсем другой мир. Там чернеют затерянные среди лесов редкие поселки темного и унылого лесного народа. На платформах стоят люди из этих деревушек, — несколько нищих в рваных полушубках, лохматых, с простуженными горлами, но таких смирен-

ных и с такими чистыми, почти детскими глазами. Опустив кнуты, они выглядывают пассажира почти безнадежно, потому что на несколько человек из них редко приходится даже один пассажир. И, тупо глядя на поезд, они тоже как бы говорят ему своими взглядами:

— Делайте, как знаете, — нам податься некуда. А что из этого выйдет, мы не знаем.

Гляжу и я на этот молодой, замученный народ... на великую пустыню России медленно сходит долгая и молчаливая ночь...

Ночь эта будет теплая, с мягко падающим, ласковым снежком. На минуту поезд останавливается перед длинным и низким строением на разъезде. Освещенные окошечки его, как живые глаза, выглядывают из векового соснового леса, занесенного снегами. Паровоз, лязгая колесами по рельсам, плавно прокатывает мимо поезда, приводит к нему десяток товарных вагонов и двумя жалобными криками объявляет, что он готов. Крики гремучими переливами далеко бегут по лесной округе, перекликаясь друг с другом...

— Сейчас нехорошее место будет! — со

вздохом говорит стоящий за мной на площадке вагона мещанин. — Тут сейчас подъем версты к три, а потом насыпь. Смотреть жутко! Тут дня не проходит без беды...

Я смотрю, как уходят от нас и скрываются в лесу огоньки станций. «Какой стране принадлежу я, одиноко скитающийся? — думается мне. — Что общего осталось у нас с этой лесной глушью, она бесконечно велика, и мне ли разобратся в ее печалях, мне ли помочь им? Как прекрасна, как девственно богата эта страна! Какие величание и мощные чащи стоят вокруг, тихо задремывая в эту теплую январскую ночь, полную нежного и чистого запаха молодого снега и зеленой хвои! И какая жуткая даль!»

Я гляжу вперед, на этот новый путь, который с каждым часом нее неприветливее встречают угрюмые леса. Стиснутая черными чащами и освещенная впереди паровозом, дорога похожа на бесконечный туннель. Столетние сосны замыкают ее и, кажется, не хотят пускать вперед поезд. Но поезд борется: равномерно отбивая такт тяжелым, отрывистым дыханием, он, как гигантский дракон, впол-

зает по уклону, и голова его изрыгает вдали красное пламя, которое ярко дрожит под колесами паровоза на рельсах и, дрожа, злобно озаряет угрюмую аллею неподвижных и безмолвных сосен. Аллея замыкается мраком, по поезд упорно подвигается вперед. И дым, как хвост кометы, плывет над ним длинною белеюсою грядою, полной огненных искр и окрашенной из-под низу кровавым отражением пламени.

1901

Туман*

Вторые сутки мы были в море. На рассвете первой ночи мы встретили густой туман, который закрыл горизонты, задымил мачты и медленно возрастал вокруг нас, сливаясь с серым морем и серым небом. Была зима, но все последние дни стояла оттепель. На Кавказских горах таяли снега, а море дышало обильными предвесенними испарениями. И вот ранним сумрачным утром машина внезапно затихла, а пассажиры, разбуженные этой неожиданной остановкой, гремучими свистками и топотом ног по палубе, полусон-

ные, озябшие и встревоженные, один за другим стали появляться у рубки. Шел беспорядочный говор, а серые космы тумана, как живые, медленно ползя по пароходу.

Помню, что вначале это сильно беспокоило. Колокол почти непрерывно звонил на баке, из трубы с тяжким хрипом вырывался угрожающий рев; и все тупо смотрели на растущий туман. Он вытягивался, изгибался, плыл дымом и порою так густо окутывал пароход, что мы казались друг другу призраками, двигающимися во мгле. Похоже было на хмурые осенние сумерки, когда неприятно дрогнешь от сырости и чувствуешь, как зеленеет лицо. Потом туман сделался немного светлее, ровней и, значит, безнадежнее. Пароход снова шел, по так робко, что дрожь от работающей машины была почти беззвучна. Не переставая звонить, он направлялся теперь все дальше от берегов, к югу, где непроницаемая густота тумана наливалась уже настоящими сумерками, — тоскливой аспидной мутию, за которой в двух шагах чудился конец света, жуткая пустыня пространства. С рей, с навесов и снастей капала вода. Мокрая уголь-

ная пыль, летевшая из трубы, черным дождем сыпалась возле нее. Хотелось хоть что-нибудь рассмотреть в ненастной дали, но туман окутывал, как сон. притуплял слух и зрение; пароход был похож на воздушный корабль, перед глазами была серая муть, на ресницах — холодная паутина, и матрос, который курил невдалеке от меня, обсасывая мокрые соленые усы, казался мне порою таким, точно я видел его во сне... В шесть часов мы снова стали.

Вспыхнуло сквозь туман живым глазком электричество в фонаре на мачте, черными клубами величаво повалил дым из жерла тяжелой и приземистой трубы и повис в воздухе. Колокол без смысла и однообразно звонил на носу где-то мрачным и тоскливым голосом простонала «сирена»... может быть, и не существующая, а созданная напряженным слухом, которому всегда чудится что-нибудь в таинственной безбрежности тумана... Туман темнел все угрюмее. Вверху он сливался с сумраком неба, внизу бродил вокруг парохода, едва касаясь воды, которая слабо плескалась в пароводные бока. Наступала долгая зимняя

ночь. Тогда, чтобы вознаградить себя за тоскливый день, истомивший всех ожиданиями беды, пассажиры сбились вместе с моряками в кают-компанию. Вокруг парохода была уже непроглядная тьма, а внутри его, в нашем маленьком мирке, было светло, шумно илюдно. Играли в карты, пили чай, вина, лакеи бегали из буфета в буфет, хлопая пробками. Я лежал внизу, в своем помещении, слушал топот ног, раздававшийся над головой. Кто-то заиграл манерно-печальный модный вальс на пианино, и мне захотелось на люди. Я оделся и вышел.

Должно быть, всем было весело в тот вечер. По крайней мере, казалось так, и было приятно, что вечер прошел незаметно. Все забыли про туман и опасности, танцевали, пели, ходили с сияющими глазами. Потом устали и захотели спать... И большая, душная и жаркая кают-компания, в которой уже болезненно-ярко блестели огни, наконец опустела. А когда я заглянул туда через полчаса, то там был Уже полный мрак, как почти и всюду на пароходе. Сверху доносился иногда звон колокола и был очень странен в наступившей ти-

шине. Потом и он стал слышен все реже и реже... И все точно вымерло.

Я прошелся вниз, по коридорам, посидел в рубке, прислоняясь к холодной мраморной стене... Вдруг и в ней погасло электричество, а я сразу точно ослеп. Внутренне напевая то, что пели и играли в этот вечер, я ощупью добрался до трапа, поднялся на несколько ступеней к верхней палубе — и остановился, пораженный красотой и печалью лунной ночи.

О, какая странная была эта ночь! Был уж очень поздний, — может быть, предрассветный час. Пока мы пели, пили, говорили друг другу вздор и смеялись, здесь, в этом чуждом нам мире неба, тумана и моря вошла крошечная одинокая и всегда печальная луна, и воцарилась глубокая полночь... совершенно такая же, как пять — десять тысяч лет тому назад. — Туман тесно стоял вокруг, и было жутко глядеть на него. Среди тумана, озаряя круглую прогалину для парохода, вставало нечто подобное светлomu мистическому видению: желтый месяц поздней ночи, опускаясь на юг, замер на бледной завесе мглы и, как живой, глядел из огромного, широко раскинутого

кольца. И что-то апокалиптическое было в этом круге... что-то неземное, полное молчаливой тайны, стояло в гробовой тишине, — во всей этой ночи, в парходе и в месяце, который удивительно близок был на этот раз к земле и прямо смотрел мне в лицо с грустным и бесстрастным выражением.

Медленно поднялся я на последние ступеньки трапа и прислонился к его перилам. Подо мной был весь парход. По выпуклым деревянным мосткам и палубам тускло блестели кое-где продольные полосы воды, — следы тумана. От перил, канатов и скамеек, как паутина, падали легкие дымчатые тени. В середине пархода, в трубе и машине, чувствовалась колоссальная и надежная тяжесть, в мачтах — высота и зыбкость. Но весь парход все-таки представлялся легко и стройно выросшим кораблем-привидением, оцепеневшим на этой бледно освещенной прогалине среди тумана. Вода низко и плоско лежала перед правым бортом. Таинственно и совершенно беззвучно колеблясь, она уходила в легкую дымку под месяц и поблескивала в ней, словно там появлялись и исчезали зо-

лотые змейки. Блеск этот терялся в двадцати шагах от меня, — дальше он мерцал уже чуть видно, как мертвый глаз. А когда я смотрел кверху, мне опять чудилось, что этот месяц — бледный образ какого-то мистического видения, что эта тишина тайна, часть того, что за пределами познаваемого...

Внезапно зазвонили на баке в колокол. Звуки уныло побежали один за другим, нарушая молчание ночи, и тотчас же послышался где-то впереди смутный шум и ропот. Мгновенно предчувствие опасности заставило меня впитаться глазами в сумрачный туман, и вдруг кровавый сигнальный огонь, похожий на крупный рубин, вырос из тумана и стал быстро приближаться к нам. Под ним мутно-золотыми пятнами расплывались и шли длинной цепью освещенные окна, а в шуме колес, который был похож сперва на приближающийся шум каскада, уже выделялись звуки быстро вертящихся лопастей, и можно было различить, как шипит и сыплется вода. Вахтенный на нашем пароходе с поспешностью очнувшегося от сна человека машинально и нескладно забил в колокол, а затем тяж-

ко захрипела труба, и из нее с трудом пробился пробился широкий и мрачный гул потрясающий весь остов парохода. Из тумана раздался тогда ответный голос, похожий на гулкий крик паровоза, но он быстро затерялся в тумане, а за ним медленно стал таять и шум колес, и красный сигнальный огонь. В этом крике и шуме чувствовалось что-то задорное и суетное, — верно, и капитан встречного парохода был молод и дерзок, — но что значила эта суетная смелость перед лицом такой ночи!

«Где мы?» — пришло мне в голову. Вахтенные, вероятно, уже снова дремлют, пассажиры спят непробудным сном, — туман сбил меня с толку... Я не представляю себе, где мы, потому что в этих местах на Черном море я никогда не бывал... Я не понимаю молчаливых тайн этой ночи, как и вообще ничего не понимаю в жизни. Я совершенно одинок, я не знаю, зачем я существую. И зачем эта странная ночь, и зачем стоит этот сонный корабль в сонном море? А главное — зачем все это не просто, а полно какого-то глубокого и таинственного значения?

Околдованный тишиной ночи, тишиной, подобной которой никогда не бывает на земле, я отдавался в ее полную власть. На мгновение мне почудилось, что в невыразимой дали где-то прокричал петух... Я усмехнулся. «Этого не может быть», — подумал я с какой-то странной радостью; и все, чем я жил когда-то, показалось мне таким маленьким и жалким! Если бы в этот час выплыла на месяц наяда, — я не удивился бы... Не удивился бы, если бы утопленница вышла из воды и, бледная от месяца, села в лодку, спущенную около окон пассажирских кают... Теперь месяц смотрит прямо в эти круглые окошечки и озаряет угасающим светом спящих, а они лежат, как мертвые... Не разбудить ли кого-нибудь? Но нет, — зачем? Мне никто не нужен теперь, и я никому не нужен, и все мы чужды друг другу...

И невыразимое спокойствие великой и безнадежной печали овладело мною. Думал я о том, что всегда влекло меня к себе, — о всех живших на этой земле, о людях древности, которых всех видел этот месяц и которые, верно, казались ему всегда настолько малень-

кими и похожими друг на друга, что он даже не замечал их исчезновения с земли. Но теперь и они были чужды мне: я не испытывал моего постоянного и страстного стремления пережить все их жизни, — слиться со всеми, которые когда-то жили, любили, страдали, радовались и прошли и бесследно скрылись во тьме времен и веков. Одно я знал без всяких колебаний и сомнений, — это то, что есть что-то высшее даже по сравнению с глубочайшею земною древностью... может быть, та тайна, которая молчаливо хранилась в этой ночи... И впервые мне пришло в голову, что, может быть, именно то великое, что обыкновенно называют смертью, заглянуло мне в эту ночь в лицо, и что я впервые встретил ее спокойно и понял так, как должно человеку...

Утром, когда я открыл глаза и почувствовал, что пароход идет полным ходом и что в открытый люк тянет теплый, легкий ветерок с побережий, я вскочил с койки, снова полный бессознательной радости жизни. Я быстро умылся и оделся и, так как по коридорам парохода громко звонили, сзывая к завтраку, распахнул дверь каюты и, весело стуча ярко

вычищенными сапогами по трапу, побежал
наверх. Улыбаясь, я сидел потом на верхней
палубе и чувствовал к кому-то детскую благо-
дарность за все, что должны переживать мы.
И ночь и туман, казалось мне, были только
затем, чтобы я еще более любил и ценил утро.
А утро было ласковое и солнечное, — ясное
бирюзовое небо весны сияло над пароходом,
и вода легко бежала и плескалась вдоль его
бортов.

1901

Тишина*

Мы приехали в Женеву под дождем, ночью,
но к рассвету от дождя осталась только
свежесть в воздухе. Отворив дверь на балкон,
мы почувствовали упоительную прохладу
раннего осеннего утра. В улицах таял молоч-
ный туман с озера, солнце тускло, но уже бод-
ро блистало в тумане, а влажный ветер тихо
покачивал кроваво-красные листья дикого
винограда на столбах балкона. Мы умылись и
оделись быстро и вышли из отеля, освежен-
ные крепким сном, готовые на какие угодно
скитания и с молодым предчувствием чего-то

хорошего, что сулит нам день.

— Славное утро опять послал нам бог! — сказал мне товарищ. — Ты заметил, что первый день после нашего приезда куда-нибудь — непременно погожий? Не курить, есть только молоко, зелень, жить на воздухе и просыпаться вместе с солнцем — как это облагораживает дух! Скоро об этом будут говорить не доктора, а поэты... Не кури, не кури — это дает ощущение, давно не испытанное, ощущение чистоты и юношеской свежести.

Но где озеро? И на минуту мы остановились в недоумении. Вдалеке нее было в легком светлом тумане, а мостовая в конце улицы блестела под солнцем, как золотая. И мы быстро пошли к тому, что казалось мокрой и блестящей мостовой.

Солнце на пустой набережной уже сильно пригревало сквозь туман, и все сияло передо глазами. Но долины, озеро и дальние Савойские горы еще дышали холодом. Выйдя на набережную, мы невольно остановились в том радостном изумлении, которое испытываешь всегда, внезапно увидев простор моря, озера

или долин с высоты. Савойские горы таяли в светлом утреннем пару, и под солнцем едва можно было различить их: приглядишься — и уже только тогда увидишь тонкую золотистую линию хребта, вырезающуюся в небе, а потом почувствуешь и самую массивность горных громад. Вблизи, в огромном пространстве долины, в прохладной и влажной свежести тумана, лежало голубое, прозрачное и глубокое озеро. Оно еще дремало, как дремали и косые паруса лодок, столпившихся у города. Точно серые поднятые крылья возвышались они в воздухе, но были еще беспомощны в тишине утра. Две-три чайки низко и плавно скользнули над водою, и одна из них вдруг блеснула мимо нас и метнулась в улицу. Мы разом обернулись за ней и видели, как она, испуганная непривычным зрелищем, сделала резкий и быстрый поворот назад... Счастливы люди, в города которых залетают чайки в солнечное утро!

И пас потянуло в горы, на озеро, куда-то вдаль... Пока испарялся туман, мы сходили в город, купили в кабачке вина и сыру, полюбовались чистотой и приветливостью улиц, жи-

вописными тополями и платанами в тихих золотых садах. Бирюзовое небо стало уже ярко и чисто над ними.

— Знаешь, — говорил мне товарищ, — мне часто не верится, что я действительно в тех местах, о которых, бывало, только мечтал, глядя на карту, и все хочется напомнить себе об этом. Чувствуешь ты, что вот за этими горами, так близко от нас — Италия? Чувствуешь ты юг в этой удивительной осени? А вон Савойя — родина тех самых мальчиков-савояров с обезьянками, о которых читал в детстве такие трогательные истории!

У мостков пристани дремали на солнце и лодки и лодочки. В голубой прозрачной воде видны были песчаное дно, сваи и кили лодок. Было совсем летнее утро, и только по тому спокойствию, которое царило в прозрачном воздухе, чувствовалось, что это спокойствие последних дней осени. От тумана не осталось и следа, озеро было необыкновенно далеко видно по долине. И, сняв пиджаки, мы засучили рукава и взялись за весла. Пристань отошла, стала отдаляться. Уходил и сиявший под солнцем город, набережная, парки... Впе-

реди вода блестела ослепительно, около лодки становилась все глубже, тяжелей и прозрачней. Весело было погружать в нее весла, чувствовать ее упругость и смотреть, как взлетают из-под весел брызги. А когда я оглядывался, я видел раскрасневшееся лицо моего спутника и глубокую ширь, вольно и спокойно лежавшую среди покатых гор, покрытых желтеющими лесами, виноградниками и вилами в парках. На минуту мы опустили весла — и наступила глубокая тишина. Прикрыв глаза, мы долго слышали только однообразное журчание воды, бегущей вдоль бортов лодки. И даже по звуку можно было угадать, как чиста и прозрачна она

— Едем? — спросил я.

— погоди — слушай!

Я совсем поднял весла, и журчание стало медленно замирать. С весел упала капля, другая... Солнце все жарче пригревало нам лица... И вот издали-издали долетел до нас мерный и звонкий голос колокола, одиноко звонившего где-то в горах. Так далеко был он, что порою мы едва улавливали его.

— Помнишь колокол Кёльнского собора

ра? — вполголоса спросил меня товарищ. — Я проснулся раньше тебя еще утренняя заря чуть брезжила, — стал у раскрытого окна и долго слушал, как он одиноко и звонко кричал над своим старым городом. Помнишь орган в соборе и всю средневековую красоту его? Рейн, старые города, старые картины, Париж... Но это не то, это лучше...

Звон колокола, чистый и нежный, доносился до нас, сладко было слушать его, сидеть с закрытыми глазами и чувствовать ласку солнца на лице и мягкую прохладу от воды. С отдаленным, глухим и сердитым ропотом колес прошел верстах в двух от нас весь белый и сверкающий пароходик. Плавные, стекло-видные перекаты воды долго и широко бежали к нам и наконец ласково заколыхали лодку.

— Вот мы и в горах, — сказал мне товарищ, когда пароход стал, сокращаясь, удаляться. — Жизнь осталась где-то там, за этими горами, а мы вступаем в благословенную страну той тишины, которой нет имени на нашем языке.

Медленно работая веслами, он говорил и слушал, а озеро все шире обнимало нас. Звон

колокола казался то ближе, то дальше.

«Где-то в горах, — думал я, — приютилась маленькая колокольня и одна славит своим звонким голосом мир и тишину воскресного утра, призывая идти к ней по горным тропинкам, над голубым озером...»

Далеко по горам пестрели нежными осенними красками леса и рощи, одиноко проводили ясный осенний день живописные виллы в садах... Чтобы вымыть стакан, я зачерпнул в него воды и бросил ее в воздух. Она взвилась и блеснула в воздухе.

— Помнишь ты «Манфреда»? — сказал товарищ. — Манфред в Бернских Альпах, у водопада. Полдень. Он произносит заклинания, берет в пригоршни воды и бросает ее в воздух. В радуге водопада появляется Дева Гор... Как это прекрасно! Вот сейчас я подумал, что влаге можно поклоняться, как поклонялись огню... До чего это понятно — обожествление природы! Какое это великое счастье — жить, существовать в мире, дышать, видеть небо, воду, солнце! И все же мы несчастны! В чем дело? В кратковременности нашей, в одиночестве, в неправильности нашей жизни? Вот

на этом озере были когда-то Шелли, Байрон... потом Мопассан, одинокий и носивший в своем сердце жажду счастья целого мира. И все мечтатели, все любившие и молодые когда-то, все, которые приходили сюда за счастьем, все уже прошли и скрылись навсегда. Так пойдём и мы с тобой... Хочешь вина?

Я поставил стакан, он налил и прибавил с грустной улыбкой:

— Мне кажется, что когда-нибудь я сольюсь с этой предвечной тишиной, у преддверия которой мы стоим, и что счастье только в ней. Помнишь Ибсена: «Ты слышишь, Майя, тишину?» Слышишь ли ты ее, эту тишину гор?

Мы долго глядели на горы и на чистое нежное небо над ними, в котором была безнадёжная грусть осени. Мы представили самих себя далеко в сердцевине гор, где не бывала еще нога человека... Солнце стоит над глубокими и со всех сторон замкнутыми долинами, орел парит в огромном пространстве между нами и небом... И только нас двое, и мы идем все дальше в глубину гор, как те, что гибнут в поисках эдельвейса... Не спеша рабо-

тая веслами и прислушиваясь к замирающему звону, мы говорили о путешествии в Са-войю, о том, сколько времени мы можем пробыть там-то и там-то, но мысли наши снова невольно возвращались к мечтам о счастье. Красота новой для нас природы, красота искусства и религии всюду волновала нас юношеской жаждой возвысить до нее нашу жизнь, наполнить ее истинными радостями и разделить эти радости с людьми. Женщины, за которыми мы всюду следили в пути, дразнили нас жаждой любви, возвышенной, романтической, утонченно-чувственной, почти обожествляющей тот идеально-женственный образ, который мелькал перед нами... Но не сказочной ли это счастье, которое уходит за темные леса и горы все дальше по мере того, как идешь за ним?

Товарищу, с которым я пережил так много в пути, одному из немногих, которых я люблю, посвящаю ли немногие строки. Посылаю мой привет всем друзьям нашим по скитаниям, мечтам и чувствам.

Костер*

У поворота с большой дороги, у столба, указывающего путь на проселок, горел в темноте костер. Я ехал в тарантасе тройкой, слушал звон поддужного колокольчика, дышал свежестью степной осенней ночи. Костер горел ярко, и, чем ближе я подъезжал к нему, тем все резче отделялось пламя от нависшего над ним мрака. А вскоре стало можно различить и самый столб, озаренный из-под низу, и черные фигуры людей, сидевших на земле. Казалось, что они сидят в каком-то хмуром подземелье и что темные своды этого подземелья дрожат от переплетающихся языков пламени.

Когда его отблеск коснулся голов тройки, люди, сидевшие у костра, повернулись. Позы у них были внимательные, лица красные. Собака вдруг вырезалась на огне и залаяла. Потом поднялся с земли один из сидевших. В низком пространстве, озаренном костром, он был огромен.

— Гирла-а! — гортанно и глухо крикнул он на собаку.

Остановив лошадей, я попросил спичек:
— Добрый вечер! Нельзя ли закурить у вас?

За лаем собаки, человек, который выжидал, встал передо мною, крепкий, широкогрудый старик в бараньей шапке и накинутом на плечи кожухе, не расслышал, злобно топнул ногой.

— Ах, каторжна! — крикнул он на овчарку и, не спуская с меня подозрительного взгляда, громко прибавил гортанным цыганским говором: — Добрый вечер, пану, а що милости его завгодно будэ?

Ноздри у него были вырезаны резко, борода доходила до самых глаз. И в этих черных глазах, в черных жестких волосах, густо вьющихся из-под шапки, в жесткой, кудрявой бороде — во всем чувствовалась дикость и внимательность степного человека.

— Да вот, закурить нечем, — повторил я. — Дайте, пожалуйста, пару спичек.

— А хйба ж есть спички у цыган? — спросил старик. — Може пан от костра запалит?

Он отошел к костру, наклонился и спокойно кинул на ладонь руки раскаленный уголь.

Я поспешил приставить к нему папиросу и кинул два-три быстрых взгляда на маленький табор. Один из сидевших был рыжий оборванный мужик, видно, бродяга-рабочий с низов, другой — молодой цыган. Он сидел, горделиво откинув голову назад, и, охватив руками поднятые колени, искоса смотрел на меня. Синевато-смуглое лицо его было тонко и очень красиво. Белки глаз выделялись на этом лице — и глаза казались изумленными. Одет он был щеголем: топкие сапоги, новый картуз, городской пиджак, шелковая лиловая рубаха.

— Може, пан блукае? — спросил старик, кидая уголь.

— Нет, — сказал я и еще раз глянул за костер, который слепил меня своим ярким мерцанием. И тогда из темноты выделились серые полы большого разлатого шатра, брошенная дуга и оглобли телеги, а возле них — самовар, горшки и большая перина, на которой лежала толстая цыганка в лохмотьях, кормившая грудью полугололого ребенка. Надо всем же этим стояла девочка лет пятнадцати и задумчиво смотрела на меня печально-при-

зывными глазами необыкновенной красоты.

— Може, проводить пана? — повторил старик живо.

— Нет, спасибо, — поспешил я ответить и откинулся в задок тарантаса.

— Пошел!

Лошади тронули, копыта дружно застучали, а колокольчик так и залился жалобным стоном, перебивая лай бросившейся за нами собаки...

Не было больше тепла и запаха горящего бурьяна, в лицо веяло свежестью ночи, и опять, темнея в сумраке, бежали навстречу мне поля. Черная дуга высоко вырезывалась в небе и, качаясь, задевала звезды. Но еще ярче, чем у костра, видел я теперь черные волосы, нежно-страстные глаза, старое серебряное монисто на шее... И в запахе росистых трав, и в одиноком звоне колокольчика, в звездах и в небе было новое чувство — томящее, непонятное, говорящее о какой-то невознаградимой потере...

1902–1932

В августе*

Уехала девушка, которую я любил, которой я ничего не сказал о своей любви, и так как мне шел тогда двадцать второй год, то казалось, что я остался один во всем свете. Был конец августа; в малорусском городе, где я жил, стояло знойное затишье. И когда однажды в субботу я вышел после работы от бондаря, на улицах было так пусто, что, не заходя домой, я побрел куда глаза глядят за город. Шел я по тротуарам мимо закрытых еврейских магазинов и старых торговых рядов; в соборе звонили к вечерне, от домов ложились длинные тени, но было еще так жарко, как бывает в южных городах в конце августа, когда даже в садах, жарившихся на солнце целое лето, все покрыто пылью. Мне было тоскливо, несказанно тоскливо, а вокруг меня все замирало от полноты счастья, — в садах, в степи, на баштанах и даже в самом воздухе и густом солнечном блеске.

На пыльной площади, у водопровода стояла красивая большая хохлушка в расшитой белой сорочке и черной плахте, плотно обтя-

гивавшей ее бедра, в башмаках с подковками на босу ногу. Было в ней что-то общее с Венерой Милосской, если только можно вообразить себе Венеру загорелой, с карими веселыми глазами и с такой ясностью чела, которая бывает, кажется, только у хохлушек и полек. Наполнив ведра, она положила коромысло на плечо и пошла прямо навстречу мне, — стройная, несмотря на тяжесть плескавшейся воды, слегка покачивая станом и постукивая башмаками по деревянному тротуару... И помню, как почтительно я посторонился, давая ей дорогу, и как долго смотрел за нею! А в улицу, которая шла с площади под гору, на Подол, видна была огромная, мягко синеющая долина реки, луга, леса, смуглые золотистые пески за ними и даль, нежная южная даль...

Кажется, никогда не любил я так Малороссию, как в ту пору, никогда не хотел так жить, как в ту осень, а между тем толковал я тогда только о борьбе с жизнью, учился только бондарному ремеслу. И теперь, постояв на площади, я решил отправиться в гости к толстовцам, за город. Спускаясь под гору на По-

дол, я встретил много парных извозчиков, которые шибко везли пассажиров с пятичасового поезда из Крыма. Огромные ломовые лошади медленно тащили в гору гремящие телеги с ящиками и тюками, и запах москательных товаров, ванили и рогожи, извозчики, пыль и люди, которые ехали откуда-то, где должно быть хорошо, — все опять заставило мое сердце сжаться от каких-то мучительно-тоскливых и сладких стремлений. Я свернул в тесный переулочек между садами и долго шел по предместью. «Панычи» этого предместья, мастеровые и мещане, дико и чудесно «гукали» в летние ночи по долине да пели хорами на церковный лад красивые и печальные казацкие песни. Теперь «панычи» молотили. На окраине, там, где голубые и белые мазанки стояли уже на леваде, при начале долины, мелькали на токах цепи. Но в затишье долины было жарко так же, как в городе, и я поспешил взобраться на гору, в открытую, ровную степь.

Тихо, покойно и просторно было там. Вся степь, насколько хватало глаз, была золотая от густого и высокого жнивья. На широком,

бесконечном шляхе лежала глубокая пыль: казалось, что идешь в бархатных башмаках. И все вокруг — и жнивья, и дорога, и воздух — сияло от низкого вечернего солнца. Прошел черный от загара, пожилой хохол в тяжелых сапогах, в бараньей шапке и толстой свитке цвета ржаного хлеба, и палка, которой он попирался, блестела на солнце, как стеклянная. Крылья грачей, перелетавших над жнивьем, тоже блестели и лоснились, и нужно было закрываться полями жаркой шляпы от этого блеска и зноя. Далеко, почти на горизонте, можно было различить телегу и пару волов, которые медленно влекли ее, да шалаш сторожа на бахчах... Ах, славно было среди этой тишины и простора! Но всю душу мою тянуло к югу, за долину, в ту сторону, куда уехала она...

В полуверсте от дороги, над долиной, краснела черепичная кровля маленького хутора — поместье толстовцев, Павла и Виктора Тимченков. И я пошел туда по сухому, колкому жнивью. Вокруг хаты было пусто. Я заглянул в окошечко — там гудели одни мухи, гудели целыми роями: на стеклах, под потол-

ком, в горшках, стоявших на лавках. К хате был пристроен скотник; и там не оказалось никого. Ворота были открыты, и солнце сушило двор, запаленный навозом...

— Вы куда? — внезапно окликнул меня женский голос.

Я обернулся: на обрыве: над долиной, на меже бахчи сидела жена старшего Тимченки, Ольга Семеновна. Не вставая, она подала мне руку, и я сел с ней рядом.

— Скучно? — спросил я, глядя ей прямо в лицо.

Она опустила глаза на свои босые ноги. Маленькая, загорелая, в грязной рубаше и старенькой плахте, она была похожа на девочку, которую послали стеречь баштаны и которая грустно проводила долгий солнечный день. И лицом она была похожа на девочку-подростка из русского села. Однако я никак не мог привыкнуть к ее одежде, к тому, что она босыми ногами ходит по навозу и колкому жнивью, даже стыдился смотреть на эти ноги. Да она и сама все поджимала их и часто искоса поглядывала на свои испорченные ногти. А ноги были маленькие и красивые.

— Муж ушел на леваду молотить, — сказала она, — а Виктор Николаич уехал... Павловского опять арестовали за отказ от солдатчины. Вы помните Павловского?

— Помню, — сказал я машинально.

И мы смолкли и долго смотрели на синеву долины, на леса, пески и меланхолично зовущую даль. Солнце еще грело нас; круглые, тяжелые арбузы лежали среди длинных пожелтевших плетей, перепутанных, как змеи, и тоже грелись.

— Отчего вы не откровенны со мной? — начал я. — Зачем вы насилуете себя? Вы любите меня.

Она съежилась, подобрала ноги и прикрыла глаза; потом сдунула волос, упавший на щеку, и с решительной улыбкой сказала:

— Дайте мне папироску.

Я дал. Она затянулась раза два, закашлялась, далеко бросила папиросу и задумалась.

— Я с самого утра так сижу, — сказала она. — Куры приходят с самой левады расклеивать арбузы... И не знаю, почему нам кажется здесь скучно. Мне очень нравится здесь, очень...

Над долиной, верстах в двух от хутора, куда я пришел на закате, я сел, снял шляпу... Сквозь слезы я смотрел вдоль, и где-то далеко мне грезились южные знойные города, синий стенной вечер и образ какой-то женщины, который слипался с девушкой, которую я любил, но дополнял ее своею таинственностью и той детской печалью, которая была в глазах маленькой женщины на баштанах...

1901

Осенью*

I

В гостинной наступило на минуту молчание, и, воспользовавшись этим, она встала с места и как бы мельком взглянула на меня.

— Ну, мне пора, — сказала она с легким вздохом, и у меня дрогнуло сердце от предчувствия какой-то большой радости и тайны между нами.

Я не отходил от нее весь вечер и весь вечер ловил в ее глазах затаенный блеск, рассеянность и едва заметную, но какую-то новую ласковость. Теперь в тоне, каким она как бы с сожалением сказала, что ей пора уходить,

мне почудился скрытый смысл, — то, что она знала, что я выйду с нею.

— Вы тоже? — полуутвердительно спросила она. — Значит, вы проводите меня, — прибавила она вскользь и, слегка не выдержав роли, улыбнулась, оглядываясь.

Стройная и гибкая, она легким и привычным движением руки захватила юбку черного платья. И в этой улыбке, в молодом изящном лице, в черных глазах и волосах, даже, казалось, в тонкой нитке жемчуга на шее и блеске брильянтов в серьгах — во всем была застенчивость девушки, которая любит впервые. И пока ее просили передать поклоны ее мужу, а потом помогали ей в прихожей одеваться, я считал секунды, боясь, что кто-нибудь выйдет с нами.

Но вот дверь, из которой на мгновение упала в темный двор полоса света, мягко хлопнулась. Подавляя нервную дрожь и чувствуя во всем теле необычайную легкость, я влил ее руку и заботливо стал сводить с крыльца.

— Вы хорошо видите? — спросила она, глядя под ноги. И в голосе ее опять послышалась

поощряющая приветливость.

Я, наступая на лужи и листья, наугад попел ее по двору, мимо обнаженных акаций и уксусных деревьев, которые гулко и упруго, как корабельные снасти, гудели под влажным и сильным ветром южной ноябрьской ночи.

За решетчатыми воротами светился фонарь экипажа. Я взглянул ей в лицо. Не отвечая, она взяла своей маленькой, узкой от перчатки рукой железный прут ворот и без моей помощи откинула половину их в сторону. Поспешно прошла она к экипажу и села в него, так же быстро сел и я рядом с нею...

II

Мы долго не могли сказать ни слова. То, что тайно волновало нас последний месяц, было теперь сказано без слов, и мы молчали только потому, что сказали это слишком ясно и неожиданно. Я прижал ее руку к своим губам и, взволнованный, отвернулся и стал пристально глядеть в сумрачную даль бегущей навстречу нам улицы. Я еще боялся ее, и когда на мой вопрос, — не холодно ли ей, — она только со слабой улыбкой шевельнула гу-

бами, не в силах ответить, я понял, что и она боится меня. Но на пожатие руки она ответила благодарно и крепко.

Южный ветер шумел в деревьях на бульварах, колебал пламя редких газовых фонарей на перекрестках и скрипел вывесками над дверями запертых лавок. Иногда какая-нибудь сторбленная фигура выростала вместе с своей шаткою тенью под большим качающимся фонарем таверны, но исчезал фонарь за нами — и опять на улице было пусто, и только сырой ветер мягко и непрерывно бил по лицам. Из-под колес брызгами сыпалась в разные стороны грязь, и она, казалось, с интересом следила за ними. Я взглядывал иногда на ее опущенные ресницы и склоненный под шляпой профиль, чувствовал всю ее так близко от себя, слышал тонкий запах ее волос, и меня волновал даже гладкий и нежный мех соболя на ее шее...

Потом мы свернули на широкую, пустую и длинную улицу, казавшуюся бесконечной, миновали старые еврейские ряды и базар, и мостовая сразу оборвалась под нами. От толчка на новом повороте она покачнулась, и я

неволью обнял ее. Она взглянула вперед, потом обернулась ко мне. Мы встретились лицом к лицу, в ее глазах не было больше ни страха, ни колебания, — легкая застенчивость сквозила только в напряженной улыбке, — и тогда я, не сознавая, что делаю, на мгновение крепко прильнул к ее губам...

III

В темноте мелькали высокие силуэты телеграфных столбов вдоль дороги, — наконец пропали и они, свернули куда-то в сторону и скрылись. Небо, которое над городом было черно и все-таки отделялось от его слабо освещенных улиц, совершенно слилось здесь с землею, и нас окружил ветреный мрак. Я оглянулся назад. Огни города тоже исчезли, — они были рассыпаны точно где-то в темном море, — а впереди мерцал только один огонек, такой одинокий и отдаленный, точно он был на краю света. То была старая молдавская корчма на большой дороге, и оттуда несло сильным ветром, который путался и торопливо шуршал в иссохших стеблях кукурузы.

— Куда мы едем? — спросила она, сдержи-

вая дрожь в голосе.

Но глаза ее блестели, — наклонившись к ней, я различал их в темноте, — и в них было странное и вместе с тем счастливое выражение.

Ветер торопливо шуршал и бежал, путаясь в кукурузе, лошади быстро неслись ему навстречу. Снова куда-то мы свернули, и ветер сразу изменился, стал влажнее и прохладнее и еще беспокойней заметался вокруг нас.

Я полной грудью вдыхал его. Мне хотелось, чтобы все темное, слепое и непонятное, что было в этой ночи, было еще непонятнее и смелее. Ночь, которая казалась в городе обычной ненастной ночью, была здесь, в поле, совсем иная. В ее темноте и ветре было теперь что-то большое и властное, — и вот наконец слышался сквозь шорох бурьянов какой-то ровный, однообразный, величавый шум.

— Море? — спросила она.

— Море, — сказал я. — Это уже последние дачи.

А в побледневшей темноте, к которой мы пригляделись, вырастали влево от нас огромные и угрюмые силуэты тополей в дачных са-

дах, спускавшихся к морю. Шорох колес и топот копыт по грязи, отдаваясь от садовых оград, на минуту стал явственнее, но скоро их заглушил приближающийся гул деревьев, в которых метался ветер, и шум моря. Промелькнуло несколько наглухо забитых домов, смутно белевших в темноте и казавшихся мертвыми... Потом тополи расступились, и внезапно в пролет между ними пахнуло влажностью, — тем ветром, который прилетает к земле с огромных водяных пространств и кажется их свежим дыханием.

Лошади остановились.

И тотчас же ровный и величавый ропот, в котором чувствовалась огромная тяжесть воды, и беспорядочный гул деревьев в беспокойно дремавших садах стали слышнее, и мы быстро пошли по листьям и лужам, по какой-то высокой аллее, к обрывам.

IV

Море гудело под ними грозно, выделяясь из всех шумов этой тревожной и сонной ночи. Огромное, теряющееся в пространстве, оно лежало глубоко внизу, далеко белея сквозь сумрак бегущими к земле гривами пе-

ны. Страшен был и беспорядочный гул старых тополей за оградой сада, мрачным островом выраставшего на скалистом побережье. Чувствовалось, что в этом безлюдном месте властно царит теперь ночь поздней осени и старый большой сад, забитый на зиму дом и раскрытые беседки по углам ограды были жутки своей заброшенностью. Одно море гудело ровно, победно и, казалось, все величавее в сознании своей силы. Влажный ветер валил с ног на обрыве, и мы долго не в состоянии были насытиться его мягкой, до глубины души проникающей свежестью. Потом, скользя по мокрым глинистым тропинкам и остаткам деревянных лестниц, мы стали спускаться вниз, к сверкающему пеной прибою. Ступив на гравий, мы тотчас же отскочили в сторону от волны, разбившейся о камни. Высились и гудели черные тополи, а под ними, как бы в ответ им, жадным и бешеным прибоем играло море. Высокие, долетающие до нас волны с грохотом пушечных выстрелов рушились на берег, крутились и сверкали целыми водопадами снежной пены, рыли песок и камни и, убегая назад, увлекали спутанные

водоросли, ил и гравий, который гремел и скрежетал в их влажном шуме. И весь воздух был полон тонкой, прохладной пылью, все вокруг дышало вольной свежестью моря. Темнота бледнела, и море уже ясно видно было на далекое пространство.

— И мы одни! — сказала она, закрывая глаза.

V

Мы были одни. Я целовал ее губы, упиваясь их нежностью и влажностью, целовал глаза, которые она подставляли мне, прикрывая их с улыбкой, целовал похолодевшее от морского ветра лицо, а когда она села на камень, стал перед нею на колени, обессиленный радостью.

— А завтра? — говорила она над моей головой.

И я поднимал голову и смотрел ей в лицо. За мною жадно бушевало море, над нами высились и гудели тополи...

— Что завтра? — повторил я ее вопрос и почувствовал, как у меня дрогнул голос от слез непобедимого счастья. — Что завтра?

Она долго не отвечала мне, потом протяну-

ла мне руку, и я стал снимать перчатку, целуя и руку и перчатку и наслаждаясь их тонким, женственным запахом.

— Да! — сказала она медленно, и я близко видел в звездном свете ее бледное и счастливое лицо. — Когда я была девушкой, я без конца мечтала о счастье, но все оказалось так скучно и обыденно, что теперь эта, может быть, единственная счастливая ночь в моей жизни кажется мне непохожей на действительность и преступной. Завтра я с ужасом вспомню эту ночь, но теперь мне все равно... Я люблю тебя, — говорила она нежно, тихо и вдумчиво, как бы говоря только для самой себя.

Редкие, голубоватые звезды мелькали между тучами над нами, и небо понемногу расчищалось, и тополи на обрывах чернели резче, и море все более отделялось от далеких горизонтов. Была ли она лучше других, которых я любил, я не знаю, но в эту ночь она была несравненной. И когда я целовал платье на ее коленях, а она тихо смеялась сквозь слезы и обнимала мою голову, я смотрел на нее с восторгом безумия, и в тонком звездном све-

те ее бледное, счастливое и усталое лицо казалось мне лицом бессмертной.

1901

Новый год*

— **П**ослушай, скачала жена, — мне жутко. Была лунная зимняя полночь, мы ночевали на хуторе в Тамбовской губернии, по пути в Петербург с юга, и спали в детской, единственной теплой комнате во всем доме. Открыв глаза, я увидел легкий сумрак, наполненный голубоватым светом, пол, покрытый попонами, и белую лежанку. Над квадратным окном, в которое виднелся светлый снежный двор, торчала щетина соломенной крыши, серебрившаяся инеем. Было так тихо, как может быть только в поле в зимние ночи.

— Ты спишь, — сказала жена недовольно, — а я задремала давеча в возке и теперь не могу...

Она полулежала на большой старинной кровати у противоположной стены. Когда я подошел к ней, она заговорила веселым шепотом:

— Слушай, ты не сердись, что я разбуди-

ла тебя? Мне, правда, стало жутко немного и как-то очень хорошо. Я почувствовала, что мы с тобой, совсем одни тут, и на меня напал чисто детский страх...

Она подняла голову и прислушалась.

— Слышишь, как тихо? — спросила она чуть слышно. Мысленно я далеко оглянул снежные поля вокруг нас, — всюду было мертвое молчание русской зимней ночи, среди которой таинственно приближался Новый год... Так давно не ночевал я в деревне, и так давно не говорили мы с женой мирно! Я несколько раз поцеловал ее в глаза и волосы с той спокойной любовью, которая бывает только в редкие минуты, и она внезапно ответила мне порывистыми поцелуями влюбленной девушки. Потом долго прижимала мою руку к своей загоревшейся щеке.

— Как хорошо! — проговорила она со вздохом и убежденно. И, помолчав, прибавила: — Да, все-таки ты единственный близкий мне человек! Ты чувствуешь, что я люблю тебя?

Я пожал ее руку.

— Как это случилось? — спросила она, открывая глаза. — Выходила я не любя, живем

мы с тобой дурно, ты говоришь, что из-за меня ты ведешь пошлое и тяжелое существование... И однако все чаще мы чувствуем, что мы нужны друг другу. Откуда это приходит и почему только в некоторые минуты? С Новым годом, Костя! — сказала она, стараясь улыбнуться, и несколько теплых слез упало на мою руку.

Положив голову на подушку, она заплакала, и, верно, слезы были приятны ей, потому что изредка она поднимала лицо, улыбалась сквозь слезы и целовала мою руку, стараясь продлить их нежностью. Я гладил ее волосы, давая понять, что я ценю и понимаю эти слезы. Я вспомнил прошлый Новый год, который мы, по обыкновению, встречали в Петербурге в кружке моих сослуживцев, хотел вспомнить позапрошлый — и не мог, и опять подумал то, что часто приходит мне в голову: годы сливаются в один, беспорядочный и однообразный, полный серых служебных дней, умственные и душевные способности слабеют, и все более неосуществимыми кажутся надежды иметь свой угол, поселиться где-нибудь в деревне или на юге, копать с женой и

детьми в виноградниках, ловить в море летом рыбу... Я вспомнил, как ровно год тому назад жена с притворной любезностью заботилась и хлопотала о каждом, кто, считаясь нашим другом, встречал с нами новогоднюю ночь, как она улыбалась некоторым из молодых гостей и предлагала загадочно-меланхолические тосты и как чужда и неприятна была мне она в тесной петербургской квартирке...

— Ну, полно, Оля! — сказал я.

— Дай мне платок, — тихо ответила она и по-детски, прерывисто вздохнула. — Я уже не плачу больше.

Лунный свет воздушно-серебристой полою падал на лежанку и озарял ее странную, яркой бледностью. Все остальное было в сумраке, и в нем медленно плавал дым моей папиросы. И от попон на полу, от теплой, озаренной лежанки — ото всего веяло глухой деревенской жизнью, уютностью родного дома...

— Ты рада, что мы заехали сюда? — спросил я.

— Ужасно, Костя, рада, ужасно! — ответила

жена с порывистой искренностью. — Я думала об этом, когда ты уснул. По-моему, — сказала она уже с улыбкой, — венчаться надо бы два раза. Серьезно, какое это счастье — стать под венец сознательно, поживши, пострадавши с человеком! И непременно жить дома, в своем углу, где-нибудь подальше ото всех... «Родиться, жить и умереть в родном доме» — как говорит Мопассан!

Она задумалась и опять положила голову на подушку.

— Это сказал Сент-Бёв, — поправил я.

— Все равно, Костя. Я, может быть, и глупая, как ты постоянно говоришь, но все-таки одна люблю тебя... Хочешь, пойдем гулять?

— Гулять? Куда?

— По двору. Я надену валенки, твой полубочек... Разве ты уснешь сейчас?

Через полчаса мы оделись и, улыбаясь, остановились у двери.

— Ты не сердись? — спросила жена, взяв мою руку.

Она ласково заглядывала мне в глаза, и лицо ее было необыкновенно мило в эту минуту, и вся она казалась такой женственной в

серой шали, которой она по-деревенски закутала голову, и в мягких валенках, делавших ее ниже ростом.

Из детской мы вышли в коридор, где было темно и холодно, как в погребе, и в темноте добрались до прихожей. Потом заглянули в залу и гостиную... Скрип двери, ведущей в залу, раздался по всему дому, а из сумрака большой, пустой комнаты, как два огромных глаза, глянули на нас два высоких окна в сад. Третье было прикрыто полуразломанными ставнями.

— Ау! — крикнула жена на пороге.

— Не надо, — сказал я, — лучше посмотри, как там хорошо.

Она притихла, и мы несмело вошли в комнату. Очень редкий и низенький сад, вернее, кустарник, раскиданный но широкой снежной поляне, был виден из окон, и одна половина его была в тени, далеко лежавшей от дома, а другая, освещенная, четко и нежно белела под звездным небом тихой зимней ночи. Кошка, неизвестно как попавшая сюда, вдруг спрыгнула с мягким стуком с подоконника и мелькнула у нас под ногами, блеснув золоти-

сто-оранжевыми глазами. Я вздрогнул, и жена тревожным шепотом спросила меня:

— Ты боялся бы здесь один?

Прижимаясь друг к другу, мы прошли по зале в гостиную, к двойным стеклянным дверям на балкон. Тут еще до сих пор стояла огромная кушетка, на которой я спал, приезжая в деревню студентом. Казалось, что еще вчера были эти летние дни, когда мы всей семьей обедали на балконе... Теперь в гостиной пахло плесенью и зимней сыростью, тяжелые, промерзлые обои кусками висели со стен... Было больно и не хотелось думать о прошлом, особенно перед лицом этой прекрасной зимней ночи. Из гостиной виден был весь сад и белоснежная равнина под звездным небом, — каждый сугроб чистого, девственного снега, каждая елочка среди его близны.

— Там утонешь без лыж, — сказал я в ответ на просьбу жены пройти через сад на гумно. — А бывало, я по целым ночам сидел зимой на гумнах, в овсяных ометах... Теперь зайцы, небось, приходят к самому балкону.

Оторвав большой, неуклюжий кусок обоев,

висевший у двери, я бросил его в угол, и мы вернулись в прихожую и через большие бревенчатые сени вышли на морозный воздух. Там я сел на ступени крыльца, закуривая папиросу, а жена, хрустя валенками по снегу, сбежала на сугробы и подняла лицо к бледному месяцу, уже низко стоявшему над черной длинной избой, в которой спали сторож усадьбы и наш ямщик со станции.

— Месяц, месяц, тебе золотые рога, а мне золотая казна! — заговорила она, кружась, как девочка, по широкому белому двору.

Голос ее звонко раздался в воздухе и был так странен в тишине этой мертвой усадьбы. Кружась, она прошла до ямщицкой кибитки, черневшей в тени перед избой, и было слышно, как она бормотала на ходу:

*Татьяна на широкий двор
В открытом платьице выходит,
На месяц зеркало наводит,
Но в темном зеркале одна
Дрожит печальная луна...*

— Никогда я уж не буду гадать о суженом! — сказала она, возвращаясь к крыльцу, запыхавшись и весело дыша морозной свежее-

стью, и села на ступени возле меня. — Ты не уснул, Костя? Можно с тобой сесть рядом, миленький, золотой мой?

Большая рыжая собака медленно подошла к нам из-за крыльца, с ласковой снисходительностью виляя пушистым хвостом, и она обняла ее за широкую шею в густом меху, а собака глядела через ее голову умными вопросительными глазами и все так же равнодушно-ласково, вероятно, сама того не замечая, махала хвостом. Я тоже гладил этот густой, холодный и глянцеви́тый мех, глядел на бледное человеческое лицо месяца, на длинную черную избу, на сияющий снегом двор, и думал, подбадривая себя:

«В самом деле, неужели уже все потеряно? Кто знает, что принесет мне этот Новый год?»

— А что теперь в Петербурге? — сказала жена, поднимая голову и слегка отпихивая собаку. — О чем ты думаешь, Костя? — спросила она, приближая ко мне помолодевшее на морозе лицо. — Я думаю о том, что вот мужики никогда не встречают Нового года, и во всей России теперь все давным-давно спят...

Но говорить не хотелось. Было уже холод-

но, в одежду пробирался мороз. Вправо от нас видно было в ворота блестящее, как золотая слюда, поле, и голая лозинка с тонкими обледеневшими ветвями, стоявшая далеко в поле, казалась сказочным стеклянным деревом. Днем я видел там остов дохлой коровы, и теперь собака вдруг насторожилась и остро приподняла уши: далеко по блестящей слюде побежало от лозинки что-то маленькое и темное, — может быть, лисица, — и в чуткой тишине долго замирало чуть уловимое, таинственное потрескивание наста.

Прислушиваясь, жена спросила:

— А если бы мы остались здесь?

Я подумал и ответил:

— А ты бы не соскучилась?

И как только я сказал, мы оба почувствовали, что не могли бы выжить здесь и года. Уйти от людей, никогда не видать ничего, кроме этого снежного поля! Положим, можно заняться хозяйством... Но какое хозяйство можно завести в этих жалких остатках усадьбы, на сотне десятин земли? И теперь всюду, такие усадьбы, — на сто верст в окружности нет ни одного дома, где бы чувствовалось что-ни-

будь живое! А в деревнях — голод...

Заснули мы крепко, а утром, прямо с постели, нужно было собираться в дорогу. Когда за стеною заскрипели полозья и около самого окна прошли по высоким сугробам лошади, запряженные гусем, жена, полусонная, грустно улыбнулась, и чувствовалось, что ей жаль покидать теплую деревенскую комнату...

«Вот и Новый год! — думал я, поглядывая из скрипучей, опушенной инеем кибитки в серое поле. — Как-то мы проживем эти новые триста шестьдесят пять дней?»

Но мелкий лепет бубенчиков спутывал мысли, думать о будущем было неприятно. Выглядывая из кибитки, я уже едва различал мутный серо-сизый пейзаж усадьбы, все более уменьшающийся в ровной снежной степи и постепенно сливающийся с туманной далью морозного туманного дня. Покрикивая на заиндевевших лошадей, ямщик стоял и, видимо, был совершенно равнодушен и к Новому году, и к пустому полю, и к своей и к нашей участи. С трудом добравшись под тяжелым армяком и полушубком до кармана, он

вытащил трубку, и скоро в зимнем воздухе запахло серой и душистой махоркой. Запах был родной, приятный, и меня трогали и воспоминание о хуторе, и наше временное примирение с женою, которая дремала, прижавшись в угол возка и закрыв большие, серые от инея ресницы. Но, повинувшись внутреннему желанию поскорее забыться в мелкой суете и привычной обстановке, я деланно-весело покрикивал:

— Погоняй, Степан, потрогивай! Опоздаем!

А далеко впереди уже бежали туманные силуэты телеграфных столбов, и мелкий лепет бубенчиков так шел к моим думам о бессвязной и бессмысленной жизни, которая ждала меня впереди...

1901

Заря всю ночь*

I

На закате шел дождь, полно и однообразно шумя по саду вокруг дома, и в незакрытое окно в зале тянуло сладкой свежестью мокрой майской зелени. Гром грохотал над крышей, гулко возрастая и раздражаясь треском, когда мелькала красноватая молния, от нависших туч темнело. Потом приехали с поля в мокрых чекменях работники и стали распрягать у сарая грязные сохи, потом пригнали стадо, наполнившее всю усадьбу ревом и бляением. Бабы бегали по двору за овцами, подоткнув подолаы и блестя белыми босыми ногами по траве; пастушонок в огромной шапке и растрепанных лаптях гонялся по саду за коровой и с головой пропадал в облитых дождем лопухах, когда корова с шумом кидалась в чащу... Наступила ночь, дождь перестал, но отец, ушедший в поле еще утром, все не возвращался.

Я была одна дома, но я тогда никогда не скучала; я еще не успела насладиться ни своей ролью хозяйки, ни свободой после гимна-

зии. Брат Паша учился в корпусе, Анюта, вышедшая замуж еще при жизни мамы, жила в Курске; мы с отцом провели мою первую деревенскую зиму в уединении. Но я была здорова и красива, нравилась сама себе, нравилась даже за то, что мне легко ходить и бегать, работать что-нибудь по дому или отдавать какое-нибудь приказание. За работой я напевала какие-то собственные мотивы, которые меня трогали. Увидав себя в зеркале, я невольно улыбалась. И, кажется, все было мне к лицу, хотя одевалась я очень просто.

Как только дождь прошел, я накинула на плечи шаль и, подхватив юбки, побежала к парку, где бабы доили коров. Несколько капель упало с неба на мою открытую голову, но легкие неопределенные облака, высоко стоявшие над двором, уже расходились, и на дворе реял странный, бледный полусвет, как всегда бывает у нас в майские ночи. Свежесть мокрых трав доносилась с поля, мешаясь с запахом дыма из топившейся людской. На минуту я заглянула и туда, — работники, молодые мужики в белых запашных рубахах, сидели вокруг стола за чашкой похлебки и при

моем появлении встали, а я подошла к столу и, улыбаясь над тем, что я бежала и запыхалась, сказала:

— А папа где? Он был в поле?

— Они были не надолго и уехали, — ответило мне несколько голосов сразу.

— На чем? — спросила я.

— На дрожках, с барчуком Сиверсом.

— Разве он приехал? — чуть не сказала я, пораженная этим неожиданным приездом, но, вовремя спохватившись, только кивнула головой и поскорее вышла.

Сиверс, кончив Петровскую академию, отбывал тогда воинскую повинность. Меня еще в детстве называли его невестой, и он тогда очень не нравился мне за это. Но потом мне уже нередко думалось о нем, как о женихе; а когда он, уезжая в августе в полк, приходил к нам в солдатской блузе с погонами и, как все вольноопределяющиеся, с удовольствием рассказывал о «словесности» фельдфебеля-малоросса, я начала свыкаться с мыслью, что буду его женой. Веселый, загорелый — резко белела у него только верхняя половина лба, — он был очень мил мне.

«Значит, он взял отпуск», — взволнованно думала я, и мне было и приятно, что он приехал, очевидно, для меня, и жутко. Я торопилась в дом приготовить отцу ужин, но, когда я вошла в лакейскую, отец уже ходил по золу, стуча сапогами. И почему-то я необыкновенно обрадовалась ему. Шляпа у него была сдвинута на затылок, борода растрепана, длинные сапоги и чесучовый пиджак закиданы грязью, но он показался мне в эту минуту олицетворением мужской красоты и силы.

— Что ж ты в темноте? — спросила я.

— Да я, Тата, — ответил он, называя меня, как в детстве, — сейчас лягу и ужинать не буду. Устал ужасно, и притом, знаешь, который час? Ведь теперь всю ночь заря, заря зарю встречает, как говорят мужики. Разве молока, — прибавил он рассеянно.

Я потянулась к лампе, но он замахал головой и, разглядывая стакан на свет, нет ли мухи, стал пить молоко. Соловьи уже пели в саду, и в те три окна, что были на северо-запад, виднелось далекое светло-зеленое небо над лиловыми весенними тучками нежных и красивых очертаний. Все было неопределен-

но и на земле, и в небе, все смягчено легким сумраком ночи, и все можно было разглядеть в полусвете непогасшей зари. Я спокойно отвечала отцу на вопросы по хозяйству, но, когда он внезапно сказал, что завтра к нам придет Сиверс, я почувствовала, что краснею.

— Зачем? — пробормотала я.

— Свататься за тебя, — ответил отец с принужденной улыбкой. — Что ж, малый красивый, умный, будет хороший хозяин... Мы уж пропили тебя.

— Не говори так, папочка, — сказала я, и на глазах у меня навернулись слезы.

Отец долго глядел на меня, потом, поцеловав в лоб, пошел к дверям кабинета.

— Утро вечера мудренее, — прибавил он с усмешкой.

II

Сонные мухи, потревоженные нашим разговором, тихо гудели на потолке, мало-помалу задремывая, часы зашипели и звонко и печально прокуковали одиннадцать...

«Утро вечера мудренее», — пришли мне в голову успокоительные слова отца, и опять мне стало легко и как-то счастливо-грустно.

Отец уже спал, в кабинете было давно тихо, и все в усадьбе тоже спало. И что-то блаженное было в тишине ночи после дождя и старательном выщелкивании соловьев, что-то неуловимо прекрасное реяло в далеком полусвете зари. Стараясь не шуметь, я стала осторожно убирать со стола, переходя на цыпочках из комнаты в комнату, поставила в холодную печку в прихожей молоко, мед и масло, прикрыла чайный сервиз салфеткой и прошла в свою спальню. Это не разлучало меня с соловьями и зарей. Ставни в моей комнате были закрыты, но комната моя была рядом с гостиной, и в отворенную дверь, через гостиную, я видела полусвет в зале, а соловьи были слышны во всем доме. Распустив волосы, я долго сидела на постели, все собираясь что-то решить, потом закрыла глаза, облокотилась на подушку, и внезапно заснула. Кто-то явственно сказал надо мной: «Сиверс!» — я, вздрогнув, очнулась, и вдруг мысль о замужестве сладким ужасом, холодом пробежала по всему моему челу...

Я лежала долго, без мыслей, точно в забытьи. Потом мне стало представляться, что я

одна во всей усадьбе, уже замужня, и что вот в такую же ночь муж вернется когда-нибудь из города, войдет в дом и неслышно снимет в прихожей пальто, а я предупрежу его — и тоже неслышно появлюсь на пороге спальни... Как радостно поднимет он меня на руки! И мне уже стало казаться, что я люблю. Сиверса я знала мало; мужчина, с которым я мысленно проводила эту самую нежную ночь моей первой любви, был не похож на него, и все-таки мне казалось, что я думаю о Сиверсе. Я почти год не видала его, а ночь делала его образ еще более красивым и желанным. Было тихо, темно; я лежала и все более теряла чувство действительности. «Что ж, красивый, умный...» И, улыбаясь, я глядела в темноту закрытых глаз, где плавали какие-то светлые пятна и лица...

А меж тем чувствовалось, что наступил самый глубокий час ночи. «Если бы Маша была дома, — подумала я про свою горничную, — я пошла бы сейчас к ней, и мы проговорили бы до рассвета... Но нет, — опять подумала я, — одной лучше... Я возьму ее к себе, когда выйду замуж...»

Что-то робко треснуло в зале. Я насторожилась, открыла глаза. В зале стало темнее, все вокруг меня и во мне самой уже изменилось и жило иной жизнью, особой ночной жизнью, которая непонятна утром. Соловьи умолкли, — медленно щелкал только один, живший в эту весну у балкона, маятник в зале тикал осторожно и размеренно-точно, а тишина в доме стала как бы напряженной. И, прислушиваясь к каждому шороху, я приподнялась на постели и почувствовала себя в полной власти этого таинственного часа, созданного для поцелуев, для воровских объятий, и самые невероятные предположения и ожидания стали казаться мне вполне естественными. Я вдруг вспомнила шутливое обещание Сиверса прийти как-нибудь ночью в наш сад на свидание со мной... А что, если он не шутил? Что, если он медленно и неслышно подойдет к балкону?

Облокотившись о подушку, я пристально смотрела в зыбкий сумрак и переживала в воображении все, что я сказала бы ему едва слышным шепотом, отворяя дверь балкона, сладостно теряя волю и позволяя увести себя

по сырому песку аллеи в глубину мокрого сада...

III

Я обулась, накинула шаль на плечи и, осторожно выйдя в гостиную, с бьющимся сердцем остановилась у двери на балкон. Потом, убедившись, что в доме не слышно ни звука, кроме мерного тиканья часов и соловьиного эхо, бесшумно повернула ключ в замке. И тотчас же соловьиное щелканье, отдававшееся по саду, стало слышнее, напряженная тишина исчезла, и грудь свободно вздохнула душистой сыростью ночи.

По длинной аллее молодых березок, по мокрому песку дорожки я шла в полусвете зари, затемненной тучками на севере, в конец сада, где была сиреневая беседка среди тополей и осин. Было так тихо, что слышно было редкое падение капель с нависших ветвей. Все дремало, наслаждаясь своей дремотой, только соловей томился своей сладкой песней. В каждой тени мне чудилась человеческая фигура, сердце у меня поминутно замирало, и, когда я наконец вошла в темноту беседки и на меня пахнуло ее теплотой, я была

почти уверена, что кто-то тотчас же неслышно и крепко обнимет меня.

Никого, однако, не было, и я стояла, дрожа от волнения и вслушиваясь в мелкий, сонный лепет осин. Потом села на сырую скамью... Я еще чего-то ждала, порою быстро взглядывала в сумрак рассвета... И еще долго близкое и неуловимое веяние счастья чувствовалось вокруг меня, — то страшное и большое, что в тот или иной момент встретит всех нас на пороге жизни. Оно вдруг коснулось меня — и, может быть, сделало именно то, что нужно было сделать: коснуться и уйти. Помню, что все те нежные слова, которые были в моей душе, вызвали наконец на мои глаза слезы. Прислонясь к стволу сырого тополя, я ловила, как чье-то утешение, слабо возникающий и замирающий лепет листьев и была счастлива своими беззвучными слезами...

Я проследила весь сокровенный переход ночи в рассвет. Я видела, как сумрак стал бледнеть, как заалело белесое облачко на севере, сквозившее сквозь вишенник в отдалении. Свежело, я куталась в шаль, а в светлеющем просторе неба, который на глаз делался

все больше и глубже, дрожала чистой яркой каплей Венера. Я кого-то любила, и любовь моя была во всем: в холоде и в аромате утра, в свежести зеленого сада, в этой утренней звезде... Но вот послышался резкий визг водовозки — мимо сада, на речку... Потом на дворе кто-то крикнул сильным, утренним голосом... Я выскользнула из беседки, быстро дошла до балкона, легко и бесшумно отворила дверь и пробежала на цыпочках в теплую темноту своей спальни...

Сиверс утром стрелял в нашем саду галок, а мне казалось, что в дом вошел пастух и хлопает большим кнутом. Но это не мешало мне крепко спать. Когда же я очнулась, в зале раздавались голоса и гремели тарелками. Потом Сиверс подошел к моим дверям и крикнул мне:

— Наталья Алексеевна! Стыдно! Заспались!

А мне и правда было стыдно, стыдно выйти к нему, стыдно, что я откажу ему, — теперь я знала это уже твердо, — и, торопясь одеться и поглядывая в зеркало на свое побледневшее лицо, я что-то шутливо и приветливо крикну-

ла в ответ, но так слабо, что он, верно, не слышал.

1902–1926

«Надежда»*

Есть несравненная прелесть в этих осенних днях, серых и прохладных, когда, возвращаясь из города на дачу, встречаешь только одних ломовых, нагруженных мебелью прочих запоздавших дачников. Уже прошли сентябрьские ливни, переулки между садами стали грязны, сады желтеют и редуют, до весны остаются наедине с морем. Вдоль дороги, среди садовых оград и решеток, только и видишь теперь, что закрытые фруктовые лавки, будки, где продавали летом воды... По всему пути, от дорогих вилл и до выбеленных известкой домишек на отдаленном каменистом побережье, видишь раскрытые балконы, увитые длинными сухими ветвями дикого винограда, закрытые ставни, наглухо забитые двери, завернутые в рогожу нежные южные растения. И чем дальше от города, тем все тише, безлюдней. Паровик ходит уже редко, и требовательные свистки его на остановках дале-

ко отдаются в чистый воздух. Шагаешь вдоль пути между садами и слушаешь... Вот паровик где-то остановился и два раза жалобно и гулко крикнул, но где, близко или далеко, не скажешь. Свисток похож на эхо, эхо на свисток, а замерло то и другое, растаял удаляющийся шум за садами — и опять ничем не нарушаемая тишина. Не спеша шагаешь по шпалам, сердце бьется ровно, идти и дышать осенней прохладой легко и сладко... Остаться бы тут до весны, слушать по ночам шум бушующего в темноте моря, бродить по целым дням на обрывах! Образ одинокой женщины на террасе зимней виллы рисуется воображению, каждая аллея тополей, с синевой моря в пролете, зовет в свои ворота...

Мы шли и заглядывали в такие аллеи, любуясь старыми мраморными статуями среди цветников и деревьев, желтыми листьями, которые покрывали садовые дорожки и ступени балконов. День был серый и спокойный, прохладный, в свежем воздухе сыро и крепко пахло морем. Море выглядывало то там, то здесь из-за кустов и деревьев, оно наполняло своим присутствием всю окрестность, его сво-

бода и дыхание чувствовались все время и всюду. Помнишь мраморную нимфу в чьем-то большом запущенном парке, что так задумчиво сидела на глыбе камня среди фонтана? Летом, когда парк был тенист и зноен, когда солнечные пятна осыпали нимфу, из камня со всех сторон бежало множество холодных и чистых ключей, и, склонив голову, нимфа слушала их непрерывное журчанье. Теперь оно смолкло, в садах было свежо, тихо, и сквозь низкорослые акации, сквозь ветви обнаженных тополей и кустарники цвета земли свободно чувствовался пустынный простор морского побережья...

Мы шли, а воздушно-голубое море все шире открывалось то там, то здесь за деревьями и красными черепичными крышами дач на обрывах. И как раз в то время, когда мы дошли до того места, где сады вдруг расступаются, где всегда внезапно останавливаешься, пораженный простором далее, почти на черте горизонта увидели мы паруса «Надежды».

Уже вечерело, и среди спокойных серых облаков, длинными грядами закрывавших небо, появились оранжевые оттенки, — при-

знак того, что холодеет. К горизонту было светлее, а прохлада после дождей и без того очистила воздух и необыкновенно расширила дали. В море был штиль, и оно развертывалось безграничной равниной нежно-зеленой, отчасти сиреневой стали, которая смелым и вольным полукругом касалась вдали неба. Внизу, по извилистой линии заливов, зеленая вода была так прозрачна, что даже с обрыва видны были темно-лиловые спины камней под нею; дальше ее поверхность кое-где морщилась, как поверхность шелковой ткани, под набегавшим легким ветром, доносившим до нас свежий морской запах, а еще дальше спокойный простор моря убегал к горизонту длинными и тонко начертанными полосами течений и оттенков, У горизонта они терялись, — казалось, что за горизонтом снова начинаются спокойные водные поля; но, должно быть, там, где была «Надежда», был ровный попутный бриз. И, ярусами подняв свои паруса, сузившись в отдалении, «Надежда», как сказочная плавучая колокольня, четко серела на той зыбкой грани, где море касалось неба. Она была одна и необыкновенно под-

черкивала эту ровную ширь, во всей полноте воскресшая своими парусами поэзию старого моря. И даже с побережья, несмотря на огромное для глаза расстояние, видно было, какое это славное, сильное судно, изящное и гордое, точно королевский бриг. Летом оно вернулось из Австралии, и мы встретили его, как друга, смотрели на него, как на живое. Сколько стран и морей видело оно, сколько океанских волн омывало его острую, высокую грудь! Гавань была переполнена судами, но все это были тяжелые и неуклюжие пароходы, дымившие черными приземистыми трубами, нагруженные черепицей, железом, хлебом, бочками, по целым дням грохотавшие лебедками. Они знали только свои грузы, а на «Надежде» странствовали, учились молодые моряки, и как выделялась в этом плавучем городе судов легкая и вольная «Надежда», входившая в гавань под шестью рядами своих парусов! Теперь она снова покидала нас... И все, о чем мы так юношески мечтали, в те дни, глядя в море, вечно что-то обещающее за своими зыбкими горизонтами, все, чем оно волновало нас и в этот осенний день в тиши-

не опустевших дачных садов, — все с необыкновенной силой охватило нас при виде далекой «Надежды»...

Коснувшись горизонта, она вырезалась и как бы застыла на нем. Куда она держала путь? К югу, к Босфору, Средиземному морю... Завтра перед ней откроются более нежные дали, тонко засияют новые берега... Стройная, одинокая на последней грани моря, она удалялась незаметно, но неуклонно. И уже новые горизонты развертывались перед теми, которые были на ней...

Ночью, когда набегающий ветер беспокойно и осторожно, точно ища чего-то, шелестел сухими ветвями дикого винограда на нашем балконе и доносил полусонный шум волн, я все еще провожал «Надежду» на ее пути в темном море...

1902–1932

Сны*

В поле было холодно, туманно и ветрено, усмерилось рано. Еле светили подкрученные фитили ламп и резко воняло керосином в пустом вокзале нашей захолустной станции, на буфетной стойке в третьем классе спал под тулупом станционный сторож. Я прошел в комнату для господ — там медленно постукивали в полусумраке стенные часы, на столе желтела прошлогодняя вода в графине... Я лег на вытертый плюшевый диван и тотчас уснул, утомленный тяжелой дорогой под дождем и снегом. Спал я, как мне казалось, долго, но, открыв глаза, с тоской увидел, что на часах всего половина седьмого.

«И прошел тот день к вечеру темных осенних ночей», — вспомнилась мне печальная строка из какой-то старой русской книги.

По-прежнему было холодно и тихо, по-прежнему чернела за окнами тьма...

Когда часы нерешительно, точно раздумывая, пробили восемь, где-то завизжала и гулко хлопнула дверь, а на платформе жалобно заныл звонок. Выйдя в третий класс, я увидел

мещанина в картузе и чуйке, который, поставив локти на колени и положив в ладони голову, неподвижно сидел на скамье.

— Это поезд вышел? — спросил я.

Мещанин встрепнулся и взглянул на меня испуганно. Потом что-то пробормотал и, нахмурившись, быстро пошел к дверям на платформу.

— У него жена в родах помирает, — сказал проснувшийся сторож, сидя на буфетной стойке и вертя сигарку из газетной бумаги. — У всякого, значит, свое горе, — прибавил он рассеянно и вдруг сладко зевнул, оживленно, с непонятым злорадством заговорил: — Вот тебе и женился на богатой! Второй день мучается, царские врата в церкви отворили — ничего не помогает. Теперь в город за доктором скачет, а к чему, спрашивается?

— Думаешь, не успеет?

— Никак! — ответил сторож. — Вернется он завтра вблизи вечера, а она к тому времени помрет. Беспременно помрет, — прибавил он убежденно. — Три раза, говорит, на оракул кидал, — кто, мол, раньше помрет, я али жена, и три раза выходило одно и то же. Перва...

как это? «Нечего тебе простираться вдаль свои намерения», а потом и того хуже: «Молись богу, не пей вина и пива и готовься в монастырь». А вчерась, говорит, во сне видел: будто обрили его догола и все зубы вынули...

Он, верно, говорил бы еще долго, но тут тяжело зашумел подходящий товарный поезд. Снова завизжала и заныла входная дверь, показался кондуктор в тяжелой мокрой шинели с оторванным на спине хлястиком, за ним смазчик с тусклым фонарем в руке... Я вышел на платформу.

Там я долго ходил в темноте ветреной, сырой ночи. Наконец, сотрясая зазвеневшие рельсы, загорелся в тумане своими огромными красными глазами пассажирский паровоз. Я поднялся в полутемный, теплый и вонючий вагон, переполненный спящим народом, и уже на ходу поезда нашел свободную скамейку в углу около двери в другое отделение. В зыбком сумраке вокруг меня беспорядочно темнели лежащие на лавках и на поднятых спинках лавок, под полом гудели колеса, и, закрывая глаза, я все терял представление, в какую сторону идет поезд. Но прошел истоп-

ник с кочергой, похожий на негра, и не затворил возле меня двери. Послышался говор, потянуло махоркой... Мещанин, ехавший в город за доктором, сидел и курил с угрюмым, сосредоточенным выражением лица, на краю четвертой от двери лавки у чьих-то ног, а за растворенной дверью возле меня, в дымном сумраке под фонарем, тесной кучкой курили мужики и слушали кого-то, сидевшего против них.

— Да-а, братцы мои, — слышался сквозь гул бегущего вагона чей-то голос. — Да-а. И попадись в это самое разнесчастное село старик-священник из Епифани. Перевели его, значит, из города в самый что ни на есть бедный приход, А за что перевели — пил дюже... значит, и перевели вроде как бы в наказание. А старичок-то пить-то пил, да оказался такой, что лучше и не надо. «Сколько, мол, отец Петр, за кстины аль за похороны берете?» — «Не я, свет, беру, а нуждишка! Сколько силы твоей есть...» И вот так-то всегда. Перевели его, значит, весной, пробыл он честь-честью лето, а осенью и захворай. Года, что ли, такие, или простудился он, — лето-то, сами знаете,

какое было, — только, видимое дело, слабеть стал. И вот, братцы мои, почувявши такую историю, вышел он на Покров после обедни к народу — и простился со всеми: «Должно, говорит, скоро я преставлюсь к господу богу, миряне, — простите, ежели согрешил что...» И, сказавши таким манером, поклонился народу и ушел в алтарь. А пришедши домой, сел было обедать, есть не наел, только ложкой помутил, встал и говорит сторожу, что при ём вместо служки был: «Что-то, говорит, мне холодно, свет, и так-то скушно, — просто мочи нет. Все дочка-покойница вспоминается, все будто ждет она меня к себе... Убирай, мол, со стола — не идет мне еда на ум». — «Напрасно вы такие речи говорите, папаша, — это сторож-то ему, — напрасно, мол, так случилось. Какие такие наши годы?» — «Нет, говорит, помру! Только дюже, говорит, везде горя много, и ужли никакой тому перемены не буде?» А на дворе не хуже теперешнего льет, невзгода, и уж вечер заходит. Поглядел этак старичок в окошечко, махнул ручкой и ушел к себе в горницу. А в горнице оправил лампадку да и прилег на часок. То ли он спал, то ли так, в за-

быть лежал, только ночь на дворе, а он все лежит да лежит...

— Вот она, дело-то какая! — сказал кто-то с глубоким вздохом. — На Покров, говоришь, вышло-то все это?

— Да ведь сказали, на Покров! — сумрачно перебил сиплым голосом большой рыжий мужик с злыми глазами в рваном полушубке, сидевший на краю лавки против рассказчика.

— На Покров, на Покров, — подтвердил рассказчик. — Вечером. Ушел, говорю, к себе в горницу и лег... Да-а... Ушел и лежит и так будто угрелся на лежаночке, супротив лампадки, что никак не может подняться, помолиться да лечь как следует. Лежу, говорит, гляжу на лампадку и вдруг вижу: отворяется тихенько-тихенько этак дверь и входит ко мне дочь-покойница. «Что такое, думаю, что за притча такая, господи?» А она проходит прямо ко мне и кладет мне руку на руку. Сама вся в черном, а лицо белая, белая да красивая! А этак вполголоса: «Встань, говорит, батюшка, иди поскорее в церковь». Я р-раз с постели, а ей уж нету! Посидел, я, посидел, и, что

больше сажу, все чудней и страшней мне становится. Вскочил, наконец того, на ноги, захватил ключи от церкви, накинул шубенку, выбрался в сенцы... Темь, жуть, сенцы так и гудут от бури, — нет, думаю, надо иттить! Спешу на гору, дохожу до церкви, — глядь, а там огонек теплится, ровно бы покойник на ночь поставлен. Оробел я опять, иначе перекрестился — и на паперть. Насилу ключом в замок попал. Отворяю дверь — нет тебе никакого покойника, а только горит свечечка над царскими вратами. Кто ж это, думаю, ее зажег, что такое буде? Стою ни жив ни мертв, вдруг — р-раз! — отдернулась занавесь на царских вратах, растворяются этак широко и тихо двери, и выходит из темени, из самого, значит, алтаря, огромный красный кочет. Вышел, остановился, затрепыхал крыльями и как закричит на всю церкву: ку-ка-ре-ку! Пропел до трех раз и пропал. И только, значит, пропал, выходит из алтаря другой, белый, как кипень, и запел еще громче прежнего. И опять до трех раз... У меня, рассказывал священник поутру, руки, ноги отнялись, а я все стою и жду, что будет дальше, а дальше выхо-

дит и третий: черный, как головешка, только гребешок светится, и запел он, братцы мои, таково жутко и строго, что опустил я на колени и говорю так внятно и отдельно на всю церкву: «Да воскреснет бог и расточатся враги его!» И только это сказал я, — нет тебе никаких кочетов, а стоит передо мною седенький-седенький монашек и говорит мне тихим голосом: «Не пужайся, служитель божий, а объяви всему народу, что, мол, означает твоя видение. А означает она ба-альшие дела!»

— Вот за это-то за самое и называют вашего брата храпоидолами, чертями, — громко сказал мещанин, открывая глаза и угрожающе нахмуриваясь. — Ночь, скука, а он ишь какие суеверия сидит разводит! Ты к чему все это гнешь-то, а?

— Да ведь я ничего плохого, — несмело пробормотал рассказчик.

— Позволь — ты откуда взял-то все это?

— Как откуда? Сам священник, говорят, рассказывал.

— Священник энтот помер, — перебил мещанин.

— Это верно, верно... помер... вскорости и помер...

— Ну, значит, и брешут на него, что в голову влезет. Ведь это сновидение. Дубина!

— Да я-то про что ж? Известно, сновидение.

— Ну и молчи, — опять перебил мещанин. — Да и курить-то давно пора бросить, надымили — овин чистый!

— В первый класс иди, коли не ндравится, — сипло и зло сказал рыжий мужик.

— Побреши еще!

— Брежут собаки да твои свояки!

— Буде, буде, ребята! — закричали мужики, заволновавшись.

Бранившиеся смолкли, и в вагоне на время наступила тишина. Потом мещанин вздохнул.

— Ну и стерва, прости ты меня, господи! — задумчиво и серьезно сказал он таким тоном, точно был в вагоне один.

И опять наступила тишина с глухим говором колес, храпом и дыханием спящих.

— А за что ругаться-то? — спросил рассказчик, когда бранившиеся угрюмо успокои-

лись. — Кто первый начал-то? Ведь ты! Мы балакали промеж себе...

— Чо-орт! — ответил мещанин поспешно, и голос его страдальчески дрогнул. — Ведь ночь, скука, а у меня, может, жена и дите помирают. Пойми!

— Горя-то и у других не мене твоего, — ответил рыжий мужик.

— Не мене! — передразнил мещанин. — Я, может быть, тысячи не пожалел бы теперь на доктора, а он за сто верст, а дорога — ни проходу, ни проезду! Вчерась измаялся, ткнулся в чем был на постель и вижу — будто обрили меня догола и все зубы вынули! Пойми — сладко?

— Ага! — сказал рыжий мужик. — Покаялся! А то — сновиде-ение!

— До Туровки кто имеет билеты? — прокричал кондуктор, проходя по вагону.

И, осветив фонарем чьи-то ноги, крепко хлопнул возле меня дверью в соседнее отделение.

Поднявшись с места, я снова отворил ее и стал на пороге. Мещанин сидел, спал, согнувшись, а рыжий мужик говорил со сдвинуты-

ми бровями тому, который рассказывал:

— Ну, ну, докапывай дальше.

Несколько полушубков стеснилось вокруг рассказчика, несколько серьезных глаз блесло в дымном сумраке глухо гудящего и бегущего вагона. Рассказчик вздохнул и уже хотел было начать говорить, но тут рыжий поднял на меня глаза и сипло сказал:

— А тебе, господин, что надо?

— Послушать хотел, — ответил я.

— Не господское это дело мужицкие побаски слушать.

— Да-а, братцы мои, — снова заговорил рассказчик прежним тоном, как только я отошел, — и стоит, значит, перед ним седенький, седенький монашек и говорит ему тихим голосом: «Не пужайся, мол, служитель божий, а слушай и объяви народу, что, мол, означает твоя видение. А означает она ба-альшие дела»...

Но, начав громко, рассказчик мало-помалу стал понижать голос. Тщетно я вслушивался — все тонуло в ропоте колес и в тяжком храпе спящих. Заслышав сквозь этот ропот и храп далекий заунывный свисток паровоза,

возвещавший о станции, с лапки возле меня поспешно вскочил юнкер в очках, оглянулся вокруг себя странными глазами и, опять быстро опустившись на скамью и облокотившись на свой сундучок, тотчас же опять заснул. Какая-то пожилая женщина в темном ситцевом платье поднялась, болезненно морщась, и поплелась в сени. Лежащие, мешки, сундуки и полушубки составляли грубую и печальную картину, которая раскачивалась передо мною. Мужик, рассказывавший про петухов, сидел, подавшись вперед к рыжему, и что-то негромко, но горячо говорил, но, когда я настораживался, чтобы расслышать, что он говорил, из дымного сумрака против меня ничего не было слышно, только блестели серьезные и злые глаза.

1903

Золотое дно*

I

Тишина — и запустение. Не оскудение, а запустение...

Не спеша бегут лошади среди зеленых холмистых полей; ласково веет навстречу ветер, и убаюкивающе звенят трели жаворонков, сливаясь с однообразным топотом копыт. Вот с одного из косогоров еще раз показалась далеко на горизонте низким синеющим силуэтом станция. Но, обернувшись через минуту, я уже не вижу ее. Теперь вокруг тарантаса — только пары, хлеба и лошадки с дубовым кустарником...

— Ну, что новенького, Корней? — спрашиваю я кучера, молодого загорелого мужика с умными, слегка прищуренными глазами.

— Новенького? — сдержанно отвечает Корней, не оборачиваясь. — Нового у вас ничего нету.

— Значит, живете по-старому?

— Это правильно. Плохо живем...

Не много нового узнаю я и в имении сестры, где я всегда делаю остановку на пути к

Родникам. Кажется, что еще год тому назад усадьба не была так ветха. Полы и потолки в зале еще немного покосились и потемнели, ветви запущенного палисадника лезут в окна, тесовые крыши служб серебрятся и дают кое-где трещины... А по двору, держа в поводу худого стригуна, запряженного в водовозку, еле бредет полуслепой и глухой Антипушка, и разохшиеся колеса водовозки порою так неистово взвизгивают, что больно слушать.

— Так плохи, говоришь, дела? — спрашиваю я сестру, которая задумчиво смотрит куда-то вдаль, на косогоры за лугами и речкой.

— Совсем, совсем плохи! — поспешно, как будто даже с удовольствием подтверждает сестра. — Будь капитал, еще, может быть, можно было бы поправиться. Ведь земля-то сущее золотое дно. Но банк, банк!

— Зато тишина-то какая! — говорю я.

— Уж этого хоть отбавляй! — с угрюмой иронией соглашается племянник-студент. — Действительно тишина и прескверная, черт ее дери, тишина! Вроде: высыхающего пруда. — Издали — хоть картину пиши. А подойди — затхлостью понесет, ибо воды-то в нем

на вершок, а тины — на две сажени, и караси все подошли... Дно-то, действительно, золотое, только до него сам черт не докопается!

II

Дорога въезжает сперва по перелескам. Потом пропадает в большом кологривовском заказе. В прежнее время она далеко обходила его; теперь ездит прямо, по двору усадьбы, раскинувшейся по бокам лесного оврага своим одичавшим садом и кирпичными службами. Как только в лес врывается громыхание бубенчиков, из усадьбы отвечает ему угрюмый лай овчарок, ведущих свой род от тех свирепых псов, что сторожили когда-то не менее свирепую и угрюмую жизнь старика Кологривова. Пока тарантас, сопровождаемый лаем, с грохотом катится по мостикам через овраги, смотрю на груды кирпичей, оставшихся от сгоревшего дома и потонувших в бурьяне, и думаю о том, что сделал бы старик Кологривов, если бы увидел нахалов, скачущих по двору его усадьбы! В детстве я слышал про него поистине ужасы. Одна из любовниц пыталась опоить его какими-то колдовскими травами, — он заточил ее своим судом в мо-

настырь. Когда объявили волю, он «тронулся», как говорили, «в отделку» и с тех пор почти никогда не показывался из дому. Медленно разоряясь, он по ночам, дрожа от страха, что его убьют, сидел в шапочке с мощей угодника и громко читал заговоры, псалмы и покаянные молитвы собственного сочинения. Осенью однажды его нашли в моленной мертвым...

— Не знаешь, не продали еще? — спрашиваю я у Корнея.

— Продали, — отвечает он. — И продали то, говорят, за трывку! Живет тут приказчик от наследников, а ему что ж? Не свое добро. Без хозяина, известно, и товар — сирота. А земля тут — прямо золотое дно!

— Хороша?

— Аршин чернозему. А лес-то!

Правда, славный лес. Горько и свежо пахнет березами, весело отдается под развесистыми ветвями громыхание бубенчиков, птицы сладко звенят в зеленых чащах... На полянах, густо заросших высокой травой и цветами, просторно стоят столетние березы по две, по три на одном корню. Предвечерний золо-

тистый свет наполняет их тенистые вершины. Внизу, между белыми стволами, он блещит яркими длинными лучами, а по опушке бежит навстречу тарантасу стальными просветами. Просветы эти трепещут, сливаются, становятся все шире... И вот опять мы в поле, опять веет сладким ароматом зацветающей ржи, и пристяжные на бегу хватают пучки сочных стеблей...

— А вон и Батурино — насмешливо говорит Корней. И я уже понимаю его.

— Что, и тут плохо?

— Да уж молодые-то уехали. А старуха дом продает. Добилась до последнего.

— А как бы заглянуть туда?

— Да скажите, что, мол, дом себе для Родников присматриваю...

III

В Батурине — это большая деревня, но уж известно, что такое «барская» деревня! — в Батурине тихо. Скучно лоснится на солнце мелкий длинный пруд желтой глинистой водой; баба возле навозной плотины лениво бьет вальком по мокрому серому холсту... С плотины дорога поднимается в гору мимо ба-

туринского сада. Сад еще до сих пор густ и живописен, и, как на идиллическом пейзаже, стоит за ним серый большой дом под бурой, ржавой крышей. Но усадьба, усадьба! Целая поэма запустения! От варка остались только стены, от людской избы — раскрытый остов без окон, и всюду, к самым порогам, подступили лопухи и глухая крапива. А на «черном» крыльце стоит и в страхе глядит на меня слезящимися глазами какая-то старуха. Поняв из моих неловких объяснений, что я хочу посмотреть дом, она спешит предупредить барыню.

— Я доложу-с, доложу-с, — бормочет она, скрываясь в темных сенях.

Вольно, должно быть, Батуриной выходить после таких докладов! И правда, — когда через несколько минут отворяется дверь, я вижу растерянное, старческое лицо, виноватую улыбку голубых кротких глаз... Делаем вид, что мы очень рады друг другу, что этот осмотр дома — вещь самая обыденная, и Батурина любезным жестом приглашает войти, а другой дрожащей рукой старается застегнуть ворот своей темной кофточки из дешевенько-

го нового ситцу.

Бормоча что-то притворное, я вхожу в переднюю... О, да это совсем ночлежка! Темно, душно, стены закопчены дымом махорки, которую курит бывший староста Батуриных, Дрон, не покинувший усадьбу и доньине... Направо — дверь в его каморку, прямо — комната старух, скудно освещенная окном с двойными рамами, с радужными от старости стеклами...

— Мы ведь в пристройке-с теперь живем, — виновато поясняет Батурина. — Ведь знаете, какие года-то пошли, да и теплее тут зимою...

— Но, может быть, я беспокою вас?

Старуха трясет головой и смотрит недоумевающе и вопросительно.

— Не беспокою ли я вас? — говорю я громче.

Расслышав, Батурина поспешно улыбается.

— Нет-с, нет-с, — отвечает она с ласковой снисходительностью. — Пожалуйте-с.

И отворяет дверь в коридор...

Еще мрачнее в этих пустых комнатах! Пер-

вая, в которую я заглядываю из коридора, была когда-то кабинетом, а теперь превращена в кладовую: там ларь с солью, кадушка с пшеном, какие-то бутылки, позеленевшие подсвечники...

В следующей, бывшей спальне, возвышается пустая и огромная, как саркофаг, кровать... И старуха отстает от меня и скрывается в кладовой, якобы чем-то озабоченная. А я медленно прохожу в большой гулкой зал, где в углах свалены книги, пыльные акварельные портреты, ножки столов...

Галка вдруг срывается с криво висящего над ломберным столиком зеркала и на лету ныряет в разбитое окно... Вздогнув от неожиданности, я отступаю к стеклянной двери на разошедшийся балкон, с трудом отворяю ее и прикрываю глаза от низкого яркого солнца. Какой вечер! Как вес цветет и зеленеет, обновляясь каждую весну, как сладостно журчат в густом вишеннике, перепутанном с сиренью и шиповником, кроткие горлинки, верные друзья погибающих помещичьих гнезд!

Вечер в поле встречает нас целым архипелагом пышных золотисто-лиловых облаков на западе, необыкновенной нежностью и ясностью далей.

— Дядя, дай серничка! — кричит один из мальчишек, стерегущих на парах лошадей, и, вскочив с межи, бегом догоняет тарантас.

Но Корней суров и задумчив. Он с наслаждением вытягивает мальчишку кнутом и сдержанно покрикивает на лошадей.

«О чем он думает?» — думаю я, глядя на его выгоревший на солнце картуз.

И Корней слегка повертывается на облучке и, следя задумчивым взглядом за мелькающими подковами пристяжной, начинает говорить...

— Всем не мед, — говорит он. — Не одним господам... Хрестьянский банк, мол, помогает! Да нет, в долг-то не проживешь. Купят мужики сто — двести десятин, — конечно, компанией, не сообразясь с силой, и запутляются, и норовят слопать друг друга. А пойдут свары — дело и совсем изгадится, и хоть на перемет с обрывком лезь!

— Однако, — говорю я, — крупных-то гос-

под осталось три-четыре на уезд — значит, расходится земля по народу.

— По городским купчишкам да лавошникам, — поправляет Корней. — По ним, а не по народу... И опять же земля без настоящего хозяина остается: им ведь только бы купить, благо дешево, а жить-то они ведь тут не станут! Ну, вот их-то, чертей, и зажать бы в тесном месте!

— Следовало бы?

Но Корней отводит глаза в сторону.

— Попоить пора, — говорит он деловым тоном.

— На Воргле попоим.

— Ну, на Воргле, так на Воргле... Эй, не рано!

Свежеет, и блеск вечера меркнет. Меланхолично засинели поля, далеко-далеко на горизонте уходит за черту земли огромным мутно-малиновым шаром солнце. И что-то старорусское есть в этой печальной картине, в этой синеющей доли с мутно-малиновым щитом. Вот он еще более потускнел, вот от него остался только сегмент, потом — дрожащая огневая полоска... Быстро падает синеватый

сумрак летней ночи, точно кто незримо сеет его; в лужках уже — холодно, как в погребе, и резко пахнет росистой зеленью — только изредка повевает откуда-то теплом. В сумраке мелькают придорожные лозинки, и на них, нахохлившись, спят вороны... А на востоке медленно показывается большая голова бледного месяца.

Как печальны кажутся в это время темные деревушки, мертвую тишину которых будит звук рессор и бубенчиков! Как глуха и пустынна кажется старая большая дорога, давно забытая и неезженная! Слава богу, хоть месяц всходит! Все веселее...

V

Воргол — нежилой хутор покойной тетки, степная деревушка на месте снесенной дедовской усадьбы и большого села, три четверти которого ушло в Сибирь, на новые места. Дорога долго идет под изволок; когда уже становится совсем светло от месяца, тарантас шибко подкатывает по густой росистой траве к одинокому флигелю на скате котловины среди косогоров. Звон бубенчиков замирает, и нас охватывает гробовое молчание.

— Уж и глухо же тут! — говорит Корней, слезая с козел, и голос его странно звучит возле пустых стен. — Посидите тут на крылечке, а я лошадей попою и овсеца им кину.

И медленно отводит громыхающих бубенчиками лошадей под гору к колодцу. А я поднимаюсь на деревянное крыльцо флигеля и сажусь на ступеньку...

Но жутко здесь, в этой котловине, со всех сторон замкнутой холмами, спускающимися к пересохшему руслу Воргла, и бледно освещенной неверным месячным светом! Пустой широкий двор переходит в мужицкий выгон, а за выгоном чернеет семь приземистых избышек, глубоко затаивших в себя свою ночную жизнь...

— Корней, — говорю я, как только Корней показывается с лошадьми из-под горы, — надо ехать! Поедем шажком, а уж покормим дома.

Корней останавливается.

— Ай соскучились?

— Соскучился. Ну его к черту... Едем.

— Это еще милость, — говорит Корней насмешливо. — Вы бы осенью али зимой заеха-

ли!

— И как вы только живете тут!

Корней завертывает сигарку, глядя в землю, и долго молчит. Потом сдержанно отвечает:

— Живем пока...

— То есть как «пока»? А потом-то что ж?

— Потом — что бог даст. Все что-нибудь да будет...

— Что же?

— Да что-нибудь будет... Не век же тут сидеть, чертям оборки вить! Разойдется народ по другим местам, либо еще как...

— А как?

При свете месяца ясно видно лицо Корнея, но, опуская голову, он сдвигает брови и отводит глаза в сторону.

— Как иначе-то?

— Там видно будет, — отвечает Корней уже совсем хмуро. — Поедемте, барин, не рано!

И молча лезет на козлы.

1903

Далекое*

Иле девять лет. На нем гимназический картуз, шелковая коричневая косоворотка, козловые сапожки с сафьяновым ободком на голенищах. Он сидит сзади отца на беговых дрожках, дрожки шибко катятся большой дорогой, а вокруг — поле, летнее жаркое утро...

Старую донскую кобылу подали к крыльцу чуть не на рассвете. Но, боже, сколько раз заглядывал Иля в кабинет отца, в тщетной надежде, что разговор со старостой кончен! Уже и росистая трава в тени от амбаров успела высохнуть, и запахло в саду оцепеневшей на солнечном припеке черемухой... Даже кобыла и та стала задремывать от скуки: осела на левую заднюю ногу, прижала одно ухо, прикрыла глаза...

Но всему бывает конец, кончилась и попытка ожидания. Держится Иля за кожаную подушку сиденья, задрав ноги на заднюю ось и почти касаясь лбом ружейных стволов на спине отца, поглядывает, как трепещут сверкающие на солнце спицы, как бежит по пыли возле них белая, с подпалинами, Джальма,

близко видит загорелую шею и широкий затылок под белым картузом... Солнце стоит высоко и сильно припекает, кожа на дрожках стала горячая, — приятно пахнет нагретой кожей и колесной мазью. Душная, густая пыль облаком встает из-под колес, парусиновый пиджак на плечах отца темнеет. Но вот и проселок полевой рубеж, длинным, узким коридором теряющийся меж стенами высокой серо-зеленой ржи. Отец сдерживает лошадь и закуривает, пуская через плечо клуб душистого дыма...

Ах, эти проселки! Весело ехать по глубоким колеям, заросшим муравой, повиликой, какими-то белыми и желтыми цветами на длинных стеблях. Ничего невидно ни впереди, ни по сторонам — только бесконечный, суживающийся вдаль пролет меж стенами колосистой гущи да небо, а высоко на небе — жаркое солнце. Синие васильки, лиловый куколь и желтая сурепка цветут во ржи. Дрожки задевают колосья, растущие кое-где по дороге, и они однообразно клонятся под колесами и выходят из-под них черными, испачканными колесной мазью. Мелкие кузнечики су-

хим дождем непрерывно сыплются из подорожника... Неожиданно потянуло откуда-то легким ветерком, солнечной теплотой... Отец подбирает вожжи... И опять заиграли спицы, закружились перед глазами пестрые венки навертевшихся на втулки цветов, запрыгали дрожки по выбоинам... Тут надо держаться покрепче, но, ухватившись за сиденье обеими руками, все-таки пристально следишь за тем, как навстречу, лоснясь, бегут серо-зеленые волны, как тень от облачка то там, то здесь на мгновение затушевывает их, как носится, хлопая ушами, за перепелами и жаворонками Джальма: иногда совершенно пропадает во ржи, — только по волнистой линии, струящейся за нею, видно, где она, — а иногда высоко выпрыгивает из колосьев, удивленно озираясь по сторонам...

Порою встречалась телега, в ней — баба с белоголовым мальчиком на коленях, которая неумело держит веревочные вожжи, неумело сворачивает, заезжая в рожь, а бокастая лошаденка с жадностью хватает губами колосья... Встретился однажды мужик: он без шапки сидел на грядке телеги, возле длинного уз-

кого гробика из золотистого теса, и веселое лучистое солнце жарко пекло его лохматую голову... Встречался урядник верхом на худой, длинношеей кляче или бородатый, могучий о. Алексей в широкополой шляпе, высоко восседавший на своей тележке, за которой бежал жеребенок мышиноного цвета, на длинных, тонких ножках... А не то вдали показывался тарантас, а в тарантасе — загорелый помещик в крылатке, в дворянском картузе, с изумленно выкаченными белками. Увидав соседа, он изумлялся еще более, радостно таратил глаза и разводил руками, меж тем как кучер в плиссовой безрукавке и круглой шапочке с павлиньими перьями останавливал тройку. Останавливал лошадь и отец, слезал с дрожек навстречу вылезавшему из тарантаса толстяку — и начинались бесконечные разговоры. Помещик говорит страшно громко, размахивает руками и все кого-то бранит... Потом над чем-то долго, с мучительным наслаждением хохочет, сотрясаясь всем телом... Отец тоже кричит и тоже хохочет.

— Ну, до свиданья, до свиданья! — наконец говорит он, нахохотавшись.

— До свиданья, батюшка, очень рад был встретиться!

— Мой поклон вашему семейству!

— И вашим также передайте мой сердечный привет!

— Восемнадцатого будете?

— Обязательно, обязательно!

Помещик становится на подножку тарантаса, накренивая его, с трудом усаживается... Но не проходит и минуты, как сзади опять раздаётся крик:

— Сосед! На минуточку!

И опять стоянка, опять разговоры...

Утомленная, но счастливая своими хлопотами Джальма сидит у колес и жарко дышит, изредка, с коротким стуком, ловя зубами мух. В небе блестят и кудрявятся белые облака, всюду столько света и радости, как бывает лишь в июне, и все неподвижнее становится воздух к полудню. Два желтых мотылька, как два лепестка розы, беззвучно и однообразно играют над склонившимися в оцепенении колосьями, над цветами и травами, нагретыми зноем. Сладко пахнет васильками. И, щурясь от солнца, Иля в забытьи следит за облаком,

похожим на пуделя, которое, медленно тая, плывет по светозарной сини неба, прислушивается, как сипят в траве кузнечики, а над головою на тысячу ладов сонно звенит жалобными дискантами воздушная музыка насекомых, неумолчно воспевающих дали, млеющие в мареве зноя, радость и свет солнца, беспричинную, божественную радость жизни...

Наговорившись, отец гонит лошадь шибко, и дрожки прыгают и несутся под изволок, к какому-то широкому логу среди степных косягов.

За этим логом следует подъем на покатуую гору, залитую зелеными овсами, а с горы открывается видна новый, еще более широкий и разлтый лог. Тут были заливные болотистые лужки, и мелкая степная речка, извивавшаяся под ним, делала много широких затонов, густо заросших зелеными щетками куги. Оттого, что горизонт был со всех сторон замкнут этими похожими на ржаные хлеба косягами, глухо было тут на редкость, но какая милая, своеобразная жизнь, жизнь куличков, бекасов и диких чирков, чувствовалась в тишине и глуши этих мелких затонов!

— Держись! — кричит отец сквозь дребезжание бегущих под гору дрожек.

И вдруг дребезжание сразу обрывается.

Под горою ветерок спадает. Солнце печет, колеса шуршат в густой, насыщенной водой траве. Пресно пахнет теплым илом, разогретой кугою; белая, как снег, рыбалка неожиданно вырывается из кочкарников и сверкает в воздухе острыми крыльями... А вот и болото — серебристо-зеркальные затоны с островками тонколистой осоки...

Не спуская с них глаз, отец передает Иле вожжи, осторожно слезает с дрожек и, скинув ружье, торопливо, но бесшумно направляется к ним.

— Джальма! — строго, отрывисто и негромко говорит он каким-то особым, условным тоном Джальме, которая перепрыгивает с кочки на кочку с высунутым языком. Длинные сапоги его тонут в мягких кочкарниках, серебристые пузыри болотного газа остаются в его следах, отпечатывающихся в бархатистой и влажной траве... От солнца и блеска воды светло так, что больно смотреть...

— Джальма!

И Джальма, быстро оглянувшись, вдруг — бултых в воду и, наслаждаясь прохладой, медленно плывет к затону, к камышам. Из воды видна только ее вытянутая прилизанная голова с опущенными ушами и длинный хвост, который плывет за ней, как чужой, как палка. Потом и голова и хвост заворачивают в камыши, отец входит по колена в воду и тоже скрывается в камышах. Проходит десять, двадцать минут напряженного молчания... Где-то далеко раздается тяжкий, глухой выстрел... Весь встrepенувшись, пристально глядит Иля вперед, но за камышами ничего не видно.

В камышах что-то осторожно попискивает и булькает; по широкой луже недалеко от дрожек, извиваясь, проплывает уж; перламутрово-голубые стрекозы с треском распускают длинные стеклянные крылышки, вылетая из горячей грани, а высоко в небе медленно вырастает и вытягивается большое белоснежное облако... Вот оно приняло образ сказочного исполина, а из затона, в котором, углубляя его, ярко светит отражение этого исполина, что-то глухо, угрюмо и жалобно ухнуло... Ухнуло и выжидательно замолчало...

— Бычки! — вспоминает Иля загадочное слово, оброненное отцом, и весь замирает от сладкого ужаса.

Воображение мгновенно создает образ какого-то фантастического существа, одного из тех страшных подводных жителей, что глубоко скрываются в болотах и только изредка высовывают свои лобастые рогатые головы с выпученными глазами на свет божий. Что, если выглянет такой бычок именно теперь, в этот безмолвный час знойного полдня? И, косясь на затон, Иля не замечает, что картуз его съехал на затылок, что комары облепили ему потную шею и руки и что ослепительно-жаркое солнце бьет прямо в лицо... Вдруг раздаётся кашель. Иля вздрагивает и мгновенно возвращается к действительности. Отец идет, по пояс мокрый, хлюпает тяжелыми сапогами, налитыми болотной водой.

— Тут... бычки, — говорит Иля нерешительно.

— Ну и что же?

— Они очень большие?

— Кто? Бычки-то? Да ведь это жучки! Водяные жучки!

— Как жучки? — бормочет Иля, пораженный и разочарованный.

Отец раскраснелся, расстегнул ворот рубашки, лицо у него доброе и оживленное. Подойдя к дрожкам, он бросает Иле убитого чирка, и, мгновенно забыв о бычках, Иля с жадностью ловит его на лету. Чирок еще теплый! Головка с закатившимися глазами, подернутыми белесою пленкой, бессильно падает на радужный зобик, брюшко в запекшейся крови... Но как оно славно пахнет тинной и пороховой! И Джальма вылезает из осоки тоже веселая и удовлетворенная. Глаза безумные, с длинного красного языка льет слюна, белая атласная шерсть вся прилизана, уши висят, ноги в иле, — точно в черных чулках...

Мокрые блестящие шины колес снова шуршат по бархатной сочной траве, изредка врезываясь в воду и разбрасывая во все стороны светлые длинные брызги. Лужи, в которых золотыми полосами то там, то здесь резко вспыхивает жаркий солнечный блеск, мелькают перед глазами... Из куги то и дело с жалобными стонами вырываются кулички... Потом мягкий кочкарник сразу обрывает-

ся, — дрожки снова трещат по дороге, убегающей в гору...

Ах, когда Иля вырастет, он будет самым счастливым человеком в мире! Он поселится на хуторе, будет жить только охотой, будет каждый день чистить кирпичом и промывать свое ружье, будет варить себе кулеш, спать возле порога дома на войлоке, а просыпаться еще в ту пору, когда едва-едва брезжит зелено-серебристый рассвет...

Но и теперь чудесно. Дышит Иля чистым полевым ветром, слушает хохлатых жаворонков, распевающих над полями, в облаках, в бесконечном просторе... Степь вокруг, куда ни кинь взор, зеленая, ровная, вольная. И ни души в степи, ни кустика, ни деревца, — только далеко впереди машет, как утопающий руками, чья-то мельница.

1903–1926

Цифры*

I

Мой дорогой, когда ты вырастешь, вспомнишь ли ты, как однажды зимним вечером ты вышел из детской в столовую, остановился на пороге, — это было после одной из наших ссор с тобой, — и, опустив глаза, сделал такое грустное личико?

Должен сказать тебе: ты большой шалун. Когда что-нибудь увлечет тебя, ты не знаешь удержу. Ты часто с раннего утра до поздней ночи не даешь покоя всему дому своим криком и беготней. Зато я и не знаю ничего трогательнее тебя, когда ты, насладившись своим буйством, притихнешь, побродишь по комнатам и, наконец, подойдешь и сиротливо прижмешься к моему плечу! Если же дело происходит после ссоры и если я в эту минуту скажу тебе хоть одно ласковое слово, то нельзя выразить, что ты тогда делаешь с моим сердцем! Как порывисто кидаешься ты целовать меня, как крепко обвиваешь руками мою шею, в избытке той беззаветной преданности, той страстной нежности, на которую

способно только детство!

Но это была слишком крупная ссора.

Помнишь ли, что в этот вечер ты даже не решился близко подойти ко мне?

— Покойной ночи, дядечка, — тихо сказал ты мне и, поклонившись, шаркнул ножкой.

Конечно, ты хотел, после всех своих преступлений, показаться особенно деликатным, особенно приличным и кротким мальчиком. Нянька, передавая тебе единственный известный ей признак благовоспитанности, когда-то учила тебя: «Шаркни ножкой!» И вот ты, чтобы задобрить меня, вспомнил, что у тебя есть в запасе хорошие манеры. И я понял это — и поспешил ответить так, как будто между нами ничего не произошло, но все-таки очень сдержанно:

— Покойной ночи.

Но мог ли ты удовлетвориться таким миром? Да и лукавить ты не горазд еще. Перестрадав свое горе, твое сердце с новой страстью вернулось к той заветной мечте, которая так пленяла тебя весь этот день. И вечером, как только эта мечта опять овладела тобой, ты забыл и свою обиду, и свое самолю-

бие, и свое твердое решение всю жизнь ненавидеть меня. Ты помолчал, собрал силы и вдруг, торопясь и волнуясь, сказал мне:

— Дядечка, прости меня... Я больше не буду... И, пожалуйста, все-таки покажи мне цифры! Пожалуйста!

Можно ли было после этого медлить ответом? А я все-таки помедлил. Я, видишь ли, очень, очень умный дядя...

Ты в этот день проснулся с новой мыслью, с новой мечтой, которая захватила всю твою душу.

Только что открылись для тебя еще не изведенные радости: иметь свои собственные книжки с картинками, пенал, цветные карандаши — непременно цветные! — и выучиться читать, рисовать и писать цифры. И все это сразу, в один день, как можно скорее. Открыв утром глаза, ты тотчас же позвал меня в детскую и засыпал горячими просьбами: как можно скорее выписать тебе детский журнал, купить книг, карандашей, бумаги и немедленно приняться за цифры.

— Но сегодня царский день, все заперто, —

соврал я, чтобы оттянуть дело до завтра или хоть до вечера: уж очень не хотелось мне идти в город.

Но ты замотал головою.

— Нет, нет, не царский! — закричал ты слишком тонким голоском, поднимая брови. — Вовсе не царский — я знаю.

— Да уверяю тебя, царский! — сказал я.

— А я знаю, что не царский! Ну, пожа-алуйста!

— Если ты будешь приставать, — сказал я строго и твердо то, что говорят в таких случаях все дяди, — если ты будешь приставать, так и совсем не куплю ничего.

Ты задумался.

— Ну, что ж делать! — сказал ты со вздохом. — Ну, царский, так царский. Ну, а цифры? Ведь можно же, — сказал ты, опять поднимая брови, но уже басом, рассудительно, ведь можно же в царский день показывать цифры?

— Нет, нельзя, — поспешно сказала бабушка. — Придет полицейский и арестует... И не приставай к дяде.

— Ну, это-то уж лишнее, — ответил я ба-

бушке, — А просто мне не хочется сейчас. Вот завтра или вечером покажу.

— Нет, ты сейчас покажи!

— Сейчас не хочу. Сказал — завтра.

— Ну, во-от, — протянул ты. — Теперь говоришь — завтра, а потом скажешь — еще завтра. Нет, покажи сейчас!

Сердце тихо говорило мне, что я совершаю в эту минуту великий грех — лишаю тебя счастья, радости... Но тут пришло в голову мудрое правило: вредно, не полагается баловать детей.

И я твердо отрезал:

— Завтра. Раз сказано — завтра, значит, так и надо сделать,

— Ну, хорошо же, дядька! — пригрозил ты дерзко и весело. — Помни ты это себе!

И стал поспешно одеваться.

И как только оделся, как только пробормотал вслед за бабушкой: «Отче наш, иже еси на небеси...» — и проглотил чашку молока, — вихрем понесся в зал. А через минуту оттуда уже слышались грохот опрокидываемых стульев и удалые крики...

И весь день нельзя было унять тебя. И обе-

дал ты наспех, рассеянно, болтая ногами, и все смотрел на меня блестящими странными глазами.

— Покажешь? — спрашивал ты иногда. — Непременно покажешь?

— Завтра непременно покажу, — отвечал я.

— Ах, как хорошо! — вскрикивал ты. — Дай бог поскорее, поскорее завтра!

Но радость, смешанная с нетерпением, волновала тебя все больше и больше. И вот, когда мы — бабушка, мама и я — сидели перед вечером за чаем, ты нашел еще один исход своему волнению.

III

Ты придумал отличную игру: подпрыгивать, бить изо всей силы ногами в пол и при этом так звонко вскрикивать, что у нас чуть не лопались барабанные перепонки.

— Перестань, Женя, — сказала мама. В ответ на это ты — трах ногами в пол!

— Перестань же, деточка, когда мама просит, сказала бабушка.

Но бабушки-то ты уж и совсем не боишься. Трах ногами в пол!

— Да перестань, — сказал я, досадливо морщась и пытаясь продолжать разговор.

— Сам перестань! — звонко крикнул ты мне в ответ, с дерзким блеском в глазах и, подпрыгнув, еще сильнее ударил в пол и еще пронзительнее крикнул в такт.

Я пожал плечом и сделал вид, что больше не замечаю тебя.

Но вот тут-то и начинается история.

Я, говорю, сделал вид, что не замечаю тебя. Но сказать ли правду? Я не только не забыл о тебе после твоего дерзкого крика, но весь похолодел от внезапной ненависти к тебе. И уже должен был употребить усилия, чтобы делать вид, что не замечаю тебя, и продолжать разыгрывать роль спокойного и рассудительного.

Но и этим дело не кончилось.

Ты крикнул снова. Крикнул, совершенно позабыв о нас и весь отдавшись тому, что происходило в твоей переполненной жизнью душе, — крикнул таким звонким криком беспричинной, божественной радости, что сам господь бог улыбнулся бы при этом крике. Я же в бешенстве вскочил со стула.

— Перестань! — рывкнул я вдруг, неожиданно для самого себя, во все горло.

Какой черт окатил меня в эту минуту целым ушатом злобы? У меня помутилось сознание. И надо было видеть, как дрогнуло, как исказилось на мгновение твое лицо молнией ужаса!

— А! — звонко и растерянно крикнул ты еще раз.

И уже без всякой радости, а только для того, чтобы показать, что ты не испугался, криво и жалко ударил в пол каблуками.

А я — я кинулся к тебе, дернул тебя за руку, да так, что ты волчком перевернулся передо мною, крепко и с наслаждением шлепнул тебя и, вытолкнув из комнаты, захлопнул дверь.

Вот тебе и цифры!

IV

От боли, от острого и внезапного оскорбления, так грубо ударившего тебя в сердце в один из самых радостных моментов твоего детства, ты, вылетевши за дверь, закатился таким страшным, таким пронзительным альтом, на какой не способен ни один певец в

мире. И надолго, надолго замер... Затем набрал в легкие воздуха еще больше и поднял альт уже до невероятной высоты...

Затем паузы между верхней и нижней нотами стали сокращаться, — вопли потекли без умолку. К воплям прибавились рыдания, к рыданиям — крики о помощи. Сознание твое стало проясняться, и ты начал играть, с мучительным наслаждением играть роль умирающего.

— О-ой, больно! Ой, мамочка, умираю!

— Небось не умрешь, — холодно сказал я. — Покричишь, покричишь, да и смолкнешь.

Но ты не смолкал.

Разговор, конечно, оборвался. Мне было уже стыдно, и я зажег папиросу, не поднимая глаз на бабушку. А у бабушки вдруг задрожали губы, брови, и, отвернувшись к окну, она стала быстро, быстро колотить чайной ложкой по столу.

— Ужасно испорченный ребенок! — сказала, нахмуриваясь и стараясь быть беспристрастной, мама и снова взялась за свое вязанье. — Ужасно избалован!

— Ой, бабушка! Ой, милая моя бабушка! — вопил ты диким голосом, взывая теперь к последнему прибежищу — к бабушке.

И бабушка едва сидела на месте.

Ее сердце рвалось в детскую, но, в угоду мне и маме, она крепилась, смотрела из-под дрожащих бровей на темневшую улицу и быстро стучала ложечкой по столу.

Понял тогда и ты, что мы решили не сдаваться, что никто не утолит твоей боли и обиды поцелуями, мольбами о прощении. Да и слез уже не хватало. Ты до изнеможения упился своими рыданиями, своим детским горем, с которым не сравнится, может быть, ни одно человеческое горе, по прекратить вопли сразу было невозможно, хотя бы из-за одного самолюбия.

Ясно было слышно: кричать тебе уже не хочется, голос охрип и срывается, слез нет. Но ты все кричал и кричал!

Было невмоготу и мне. Хотелось встать с места, распахнуть дверь в детскую и сразу, каким-нибудь одним горячим слоном, пресечь твои страдания. Но разве это согласуется с правилами разумного воспитания и с досто-

инством справедливого, хотя и строго дяди? Наконец ты затих...

V

— И мы тотчас помирились? — спрашиваешь ты.

Нет, я таки выдержал характер. Я по крайней мере через полчаса после того, как ты затих, заглянул в детскую. И то так? Подошел к дверям, сделал серьезное лицо и растворил их с таким видом, точно у меня было какое-то дело. А ты в это время уже возвращался мало-помалу к обыденной жизни.

Ты сидел на полу, изредка подергивался от глубоких прерывистых вздохов, обычных у детей после долгого плача, и с потемневшим от размазанных слез личиком забавлялся своими незатейливыми игрушками — пустыми коробочками от спичек, — расставляя их по полу, между раздвинутых ног, в каком-то, только тебе одному известном порядке.

Как сжалось мое сердце при виде этих коробочек!

Но, делая вид, что отношения наши прерваны, что я оскорблен тобою, я едва взглянул на тебя. Я внимательно и строго осмотрел

подоконники, столы... Где это мой портсигар?.. И уже хотел выйти, как вдруг ты поднял голову и, глядя на меня злыми, полными презрения глазами, хрипло сказал:

— Теперь я никогда больше не буду любить тебя.

Потом подумал, хотел сказать еще что-то очень обидное, но запнулся, не нашелся и сказал первое, что пришло в голову:

— И никогда ничего не куплю тебе.

— Пожалуйста! — небрежно ответил я, пожимая плечом. — Пожалуйста! Я от такого дурного мальчика и не взял бы ничего.

— Даже и японскую копеечку, какую тогда подарил, назад возьму! — крикнул ты тонким, дрогнувшим голосом, делая последнюю попытку уязвить меня.

— А вот это уж и совсем нехорошо! — ответил я. — Дарить и потом отнимать! Впрочем, это твое дело.

Потом заходили к тебе мама и бабушка. И так же, как я, делали сначала вид, что вошли случайно... по делу... Затем качали головами и, стараясь не придавать своим словам значения, заводили речь о том, как это нехорошо,

когда дети растут непослушными, дерзкими и добиваются того, что их никто не любит. А кончили тем, что советовали тебе пойти ко мне и попросить у меня прощения.

— А то дядя рассердится и уедет в Москву, — говорили бабушка грустным тоном, — И никогда больше не приедет к нам.

— И пускай не приедет! — отвечал ты едва слышно, все ниже опуская голову.

— Ну, я умру, — говорила бабушка еще печальнее, совсем не думая о том, к какому жестокому средству прибегает она, чтобы заставить тебя переломить свою гордость.

— И умирай, — отвечал ты сумрачным шепотом.

— Хорош! — сказал я, снова чувствуя приступ раздражения. — Хорош! — повторил я, дымя папиросой и поглядывая в окно на темную пустую улицу.

И, переждав, пока пожилая худая горничная, всегда молчаливая и печальная от сознания, что она — вдова машиниста, зажгла в столовой лампу, прибавил:

— Вот так мальчик!

— Да не обращай на него внимания, — ска-

зала мама, заглядывая под матовый колпак лампы, не коптит ли. — Охота тебе разговаривать с такой злючкой!

И мы сделали вид, что совсем забыли о тебе.

VI

В детской огня еще не зажигали, и стекла ее окон казались теперь синими-синими. Зимний вечер стоял за ними, и в детской было сумрачно и грустно. Ты сидел на полу и передвигал коробочки. И эти коробочки мучили меня. Я встал и решил побродить по городу.

Но тут послышался шепот бабушки.

— Бесстыдник, бесстыдник! — зашептала она укоризненно. — Дядя тебя любит, возит тебе игрушки, гостинцы...

Я громко прервал:

— Бабушка, этого говорить не следует. Это лишнее. Тут дело не в гостинцах.

Но бабушка знала, что делает.

— Как же не в гостинцах? — ответила она. — Не дорог гостинец, а дорога память.

И, помолчав, ударила по самой чувствительной струне твоего сердца:

— А кто же купит ему теперь пенал, бума-

ги, книжку с картинками? Да что пенал! Пенал — туда-сюда. А цифры? Ведь уж этого не купишь ни за какие деньги. Впрочем, прибавила она, — делай, как знаешь. Сиди тут один в темноте.

И вышла из детской.

Кончено — самолюбие твое было сломлено! Ты был побежден.

Чем неосуществимее мечта, тем пленительнее, чем пленительнее, тем неосуществимее. Я уже знаю это.

С самых ранних дней моих я у нее во власти. Но я знаю и то, что, чем дороже мне моя мечта, тем менее надежд на достижение ее. И я уже давно в борьбе с нею. Я лукавлю: делаю вид, что я равнодушен. Но что мог сделать ты?

Счастье, счастье!

Ты открыл утром глаза, переполненный жаждою счастья. И с детской доверчивостью, с открытым сердцем кинулся к жизни: скорее, скорее!

Но жизнь ответила:

— Потерпи.

— Ну пожалуйста! — воскликнул ты

страстно.

— Замолчи, иначе ничего не получишь!

— Ну погоди же! — крикнул ты злобно. И на время смолк.

Но сердце твое буйствовало. Ты бесновался, с грохотом валял стулья, бил ногами в пол, звонко вскрикивал от переполнявшей твое сердце радостной жажды... Тогда жизнь со всего размаха ударила тебя в сердце тупым ножом обиды. И ты закатился бешеным криком боли, призывом на помощь.

Но и тут не дрогнул ни один мускул на лице жизни... Смирись, смирись!

И ты смирился.

VII

Помнишь ли, как робко вышел ты из детской и что ты сказал мне?

— Дядечка! — сказал ты мне, обессиленный борьбой за счастье и все еще алкая его. — Дядечка, прости меня. И дай мне хоть каплю того счастья, жажда которого так сладко мучит меня.

Ни жизнь обидчива.

Она сделала притворно печальное лицо.

— Цифры! Я понимаю, что это счастье... Но

ты не любишь дядю, огорчаешь его...

— Да нет, неправда, — люблю, очень люблю! — горячо воскликнул ты.

И жизнь наконец смиростивилась.

— Ну уж бог с тобою! Неси сюда к столу стул, давай карандаши, бумагу...

И какой радостью засияли твои глаза!

Как хлопотал ты! Как боялся рассердить меня, каким покорным, деликатным, осторожным в каждом своем движении старался ты быть! И как жадно ловил ты каждое мое слово!

Глубоко дыша от волнения, поминутно слюнявя огрызок карандаша, с каким старанием налегал ты на стол грудью и крутил головой, выводя таинственные, полные какого-то божественного значения черточки!

Теперь уже и я наслаждался твоею радостью, с нежностью обоняя запах твоих волос: детские волосы хорошо пахнут, — совсем как маленькие птички.

— Один... Два... Пять... — говорил ты, с трудом водя по бумаге.

— Да нет, не так. Один, два, три, четыре.

— Сейчас, сейчас, — говорил ты поспеш-

но. — Я сначала: один, два...

И смущенно глядел на меня.

— Ну, три...

— Да, да, три! — подхватил ты радостно. — Я знаю. И выводил три, как большую прописную букву Е.

1906

У истока дней*

I

В тумане моего прошлого есть один далекий день, который я вспоминаю особенно часто.

Я вижу большую комнату в бревенчатом доме на хуторе средней России.

Одно окно этой комнаты — на юг, на солнце, два других — на запад, в вишневый сад.

В простенке стоит старинный туалет красного дерева, а на полу возле него сидит ребенок трех или четырех лет.

Он один в комнате и чувствует себя необыкновенно счастливым.

На дворе сухо, — погожий конец степного августа, и солнечный свет косо падает из окна, выходящего на юг, почти до того места,

где сидит на полу ребенок.

А он открыл дверцу в тумбе туалета, обоняет кисленький запах старинных духов и тщательно укладывает на полированную полочку синие гербовые бумаги.

Нужды нет, что эти бумаги покрыты строками крупных непонятных завитушек и что не приказано ни рвать, ни пачкать их: радостно уже одно и то, что обладаешь ими, что их много и что можно раскладывать их в тумбе, которая отныне будет твоею.

Так было и сказано:

— Вот эта тумбочка с нынешнего дня — твоя.

А для того, чтобы было что укладывать, подарили большую кипу синих бумаг с красивыми двуглавыми птицами. Накопится много и других вещей, вроде коробочек и граненых пузырьков, стоящих на туалете. И все это будет спрятано сюда же.

Но на свете, как известно, все кончается: бумаги уже несколько раз укладывались на полочке и так и этак, порядок, в котором они должны быть, строго обдуман, — остается затворить тумбу, поглядеть на нее с приятным

чувством собственности — и заняться чем-нибудь другим.

Чем же?

Ребенок стоит возле туалета и осматривается.

Увы, в простой деревенской комнате с голыми бревенчатыми стенами совсем почти пусто: только стулья, да большая кровать, да августовское солнце, косо озаряющее некрашенный пол.

Приятно подойти к окну, почувствовать тепло солнечного света и, прижавшись лицом к стеклу, расплющить нос... Очень заманчива и паутина — легкая восьмигранная сетка в верхнем углу окна... Но, во-первых, до нее не дотянешься, если даже приставить к окну стул, а во-вторых, из щели в углу может выбежать на высоких тонких ножках большой серый паук.

И ребенок, подняв глаза, чувствует сладкий страх при мысли о таинственном хозяине этой паутины, имя которого он произносит с запинкой, по-крестьянски — пуак — и который так сердито выскакивает из своей щели, когда в его сеть попадает муха.

Сладко следить тогда за ее гибелью!

Жалобно и долго, долго ноет она в тишине пустой комнаты, точно зовет на помощь... Но помощи нет, и время течет среди ее однотонного плача в полной неизвестности, что будет дальше... И вдруг он, этот темно-серый страшный паук, выскакивает из щели и быстро бежит по паутине... схватывает муху в лапы, замирает с нею на месте и наконец уже, слабую, затихающую, тянет ее в свое жилище...

Что это за жилище? Что делает в нем его хозяин, чем занят он?

Нечаянно взгляд ребенка падает в эту минуту на зеркало.

II

Я хорошо помню, как поразило оно меня.

С него начинаются смутные, не связанные друг с другом воспоминания моего младенчества. Точно в сновидениях живу я в них. И вот оно, первое сновидение у истока дней моих.

Ранее нет ничего: пустота, несуществование.

Ни мое сердце, ни мой разум никогда не могли и до сих пор не могут примириться с этой пустотой. Но, покоряясь неизбежности, я

принимаю за начало моего бытия этот августовский день, эти синие гербовые бумаги с орлами, тихую невыразимую радость, которую они дали мне, — и зеркало.

Между колонками туалета, в тяжелой прихотливой раме, висело что-то светлое, блестящее, красивое — и непонятное. Я видал его и ранее. Видал и отражения в нем. Но изумило оно меня только теперь, когда мои восприятия вдруг озарились первым ярким проблеском сознания, когда я разделился на воспринимающего и сознающего. И все окружавшее меня внезапно изменилось, ожило — приобрело свой собственный лик, полный непонятного.

Я заглянул в то светлое, блестящее, что слегка наклонно висело между колонок туалета, увидел там другую комнату, совершенно такую же, как та, в которой я был, но только более заманчивую, более красивую, увидел самого себя — и в первый раз в жизни был изумлен и очарован.

Я восторженно оглянулся... Да, несомненно, в зеркале было все, что было и здесь, вокруг меня — и стены, и стулья, и пол, и сол-

нечный свет, и ребенок, стоявший среди комнаты... Нас было двое, удивленно смотревших друг на друга! И вот один из нас вдруг закрыл глаза — и все исчезло: остались только светлые пятна, закружившиеся в темноте... Потом снова открыл их — и снова увидел все то, что уже видел... Не странно ли только, что комната в зеркале падает, валится на меня?

Робко приблизился я к зеркалу и, дотянувшись рукой до нижней части рамы, толкнул ее.

Зеркало блеснуло, стукнулось о стену, а покатый пол, отраженный в нем, стал еще более покатым. Теперь вся комната падала на меня, падал и мальчик, стоявший против меня, и кровать, и стулья... Очарованный, восхищенный, долго глядел я на то чудесное и новое, что так внезапно открылось мне — и потянул раму к себе. Зеркало блеснуло, завалилось назад — и все исчезло... И как раз в эту минуту кто-то хлопнул дверью, и я вздрогнул и громко крикнул от страха.

Что было дальше?

Много раз пытался я вспомнить еще хоть

что-нибудь; но это никогда не удавалось.

Вспоминая, я быстро переходил к выдумке, к творчеству, ибо и воспоминания-то мои об этом дне не более реальны, чем творчество.

Твердо помню только одно: зеркало поразило меня именно в этот день. Я должен был разгадать его во что бы то ни стало.

Но как?

О, много было лукавств и ухищрений!

Они, эти ухищрения, кончались всегда неудачей. И пережив неудачу, я, конечно, забывал о зеркале. Но вот я опять оставался наедине с ним — и опять испытывал его власть над собою.

Я любил угловую комнату, когда она была пуста. Я входил, затворял за собой двери — и тотчас же вступал в какую-то особую, чародейственную жизнь.

Так тихо, так тихо, что слышна каждая нота в тонком и печальном плаче замирающей в паутине мухи!

И я затаивал дыхание, и казалось, что и комната ждет чего-то вместе со мною.

Мальчик, стоящий предо мною в отраженной комнате, был теперь выше ростом, реши-

тельнее, смелее, чем тот, что стоял в ней в светлый августовский день несколько лет тому назад. Но отраженная комната была все так же притягательна, заманчива... стократ заманчивее той, в которой был я! И сладко было снова и снова тешить себя несбыточной мечтой побывать, пожить в этой отраженной комнате!

Только существует ли она и тогда, когда не смотришь на нее?

Чтобы узнать все это, нужно прежде всего обмануть кого-то.

И вот я делал равнодушное лицо, отходил от зеркала, заглядывал с притворной беспечностью в окна — и вдруг быстро оборачивался к туалету...

Нет, все по-прежнему!

Но тогда не сесть ли в кресло против зеркала? Закрывать глаза и притворяться спящим... А затем сразу открыть их...

Увы, снова хитрость моя рассыпается прахом!

Оставалось еще одно: приоткрыть ресницы — так мало, так мало, чтобы никто и не подумал, что они приоткрыты...

Но как это трудно!

Ресницы дрожат, глазам больно, и выходит все одно и то же: или совсем ничего не видно, или хоть слабо, но видно все!

И много раз, делая отчаянные усилия, сдвигал я с места тяжелые колонки, среди которых висело зеркало, и заглядывал между ними и стеною. Но и там, именно там, где должна была заключаться разгадка тайны, не оказывалось ничего, кроме бревен с одной стороны и шершавых дощечек, которыми было забито зеркало, с другой!

— Значит, кроется что-нибудь за ними, за этими дощечками?

Говорят, что за этими дощечками только стекло, намазанное ртутью. Да, но что такое ртуть? Ртуть тоже нечто чудесное. Положил кто-то этой ртути в пекущиеся хлебы — и вдруг хлебы запрыгали по печке! А главное: почему поспешили закутать это что-то, намазанное ртутью и называемое зеркалом, в черный коленкор, как только умерла Надя?

В эту страшную ночь, когда в доме свершилось что-то невыразимое, наполнившее весь дом сперва таинственной суматохой, испу-

ганными голосами, а потом страстными криками матери, — зеркало завесили черным коленкором.

Я, спавший в угловой комнате на широкой постели, и диком ужасе вскочил на колени, когда тишину ночи прорезали эти крики. А затем в комнату быстро вошла заплаканная нянька и накинула на зеркало кусок черной материи.

И, как внезапный ветер по затрепетавшим листьям дерева, по всему моему телу прошла одна мысль, одно сознание: в доме смерть! То ужасное, чье имя — тайна!

IV

Ночи предшествовали тяжелые, печальные дни.

Стоял февраль, наполнявший комнаты скудным полусветом.

А девочка была больна уже давно, и казалось, что конца не будет этим дням, этому скудному полусвету и тишине, воцарившейся с тех пор, как в детской, пропитанной сладковатым запахом лекарств, затворили двери и завесили окна темными шторами.

В глуши, на хуторе, брошенные, забы-

тые, жили мы тогда: мать, Надя, нянька Дарья, большая властная старуха, я и мой воспитатель, — если только можно было назвать так этого странного человека, похожего на Данте, — человека без роду, племени, уже много лет скитавшегося по мелким помещикам, обучавшего их детей и нигде не уживавшегося.

Я медленно, с трудом читал, а он, этот Данте, в стареньком узеньком кургузом сюртучке и коротких панталонах, из-под которых торчали грубые рыжие сапоги, ходил по комнате из угла в угол и думал, думал, бормоча свои думы себе под нос и порою с злорадным наслаждением похохатывая.

А смерть уже незримо реяла среди нас, и печальную тишину дома нарушали только шаги моего воспитателя и мое однотонное чтение. И читал я как раз о ней: читал песнь о старом нормандском бароне, умиравшем в отдаленном покое замка в бурную и темную ночь рождества Христова. И когда она появилась наконец — столь грозная, что даже собаки на дворе завыли, услыхав вопли в доме, — тотчас же было брошено черное покрывало

и на то, что каким-то образом было причастно ее тайне!

V

Я уснул, чувствуя томительную тоску. За окнами чернела ночь, комната была слабо озарена стоявшей на полу возле кровати свечой.

Обычно со мной спала мать. Но с тех пор, как заболела девочка, на ночь стала приходить ко мне нянька. А в эту ночь даже и няньки не было. Она только изредка входила, вынимала что-то из ящиков туалета, шепотом говорила мне: «Спи, спи, я сейчас приду», — и снова уходила. И я пытался уснуть.

Но тоска, предчувствие чего-то, что вот-вот должно совершиться, будили меня, едва только я начинал забываться. Задремлю — и вдруг вскочу с бьющимся сердцем и страстным желанием закричать о помощи.

Но даже крикнуть я не смел — так тихо было в доме и так странно блестело зеркало, наклонно висевшее между колонок туалета и отражавшее покатым пол и дрожащий длинный огонь свечи, стоявшей возле кровати. И вот...

Поднялась какая-то возня, слышались испуганные, торопливые голоса, стук дверей, а вслед за ними сдавленный, ужасный крик... Пораженный им до глубины сердца, я вскочил, сел на колени и замер, уже готовый ответить на этот крик криком еще более ужасным, как растворилась дверь, и по комнате, сотрясая пол своею тяжестью, пробежали нянька с черным куском коленкора в руках...

Потом меня, дрожащего от ужаса и изумления, зачем-то одели, и воспитатель мой повел меня в ту, слабо освещенную синей лампадкой комнату, где на ломберном столе, покрытом простынею, лежала кукла в розовом платьице...

Помню, как мы остановились на пороге этой комнаты и, перекрестившись, поклонились в угол, лампадке и этой кукле...

Помню даже, что набожное смирение, с которым медленно перекрестился и поклонился мой воспитатель, показалось мне неестественным...

Мне показалось, что он пьян: это с ним случалось нередко... И от этого мне сделалось еще страшнее.

А он, с истовостью пьяного человека, желающего показать, что он нисколько не пьян, а, напротив, сознательно, серьезно и спокойно делает все то, что полагается в таких случаях, подвел меня к столу, приподнял за плечи — и я увидел бледное, безжизненное личико и тусклый блеск мертвых, слизистых глаз под неплотно смежившимися черными ресницами, четко выделявшимися среди бледности... В этом было что-то безобразное!

Безобразно-ужасен был и сон, которым я забылся после того.

Я до сих пор чувствую всю нескладную, горячечную суматоху всех этих людей, наполнивших дом и начавших торопливо переносить и передвигать из комнаты в комнату столы, стулья, кровати и зеркала, как только я закрыл глаза.

Девочка мгновенно ожила, хотя и осталась все такой же загадочной и безмолвной, какой она была на столе, и поспешила вмешаться в суматоху, бегая из комнаты в комнату под ногами мужиков, торопливо носивших на руках стулья и зеркала, покрытые черным коленкором.

Как это она могла ожить и остаться в то же время мертвой?

Как это она могла бегать и не упасть, когда лицо ее было столь же слепо и безжизненно, как тусклая полоска ее глаз, блестящая в прорезе неплотно прикрытых ресниц?

Наконец настало утро.

VI

Ах, как хорошо сделал господь бог, создавши свет! Сколько раз в жизни говорил я эти слова, открывая глаза после тяжелых ночных сновидений! Как этот свет успокаивает, как укрощает и душу нашу, и все окружающее нас!

Белый, спокойный и простой день был в мире, когда я проснулся.

Но, проснувшись, я тотчас взглянул на зеркало... О, каким печальным показалось оно мне!

Да и не одно оно. Все в доме было печально: и заплаканная, похудевшая, с блестящими глазами, мать, и серьезный воспитатель, и притихшая, уже далеко не столь властная, как прежде, старуха-нянька, и разговоры вполголоса, и эта кукольная девочка с воско-

вым личиком, лиловатым виском, неживыми локонами и полуприкрытыми ресницами, из-под которых еще тусклее, чем вчера, блестела полоска стеклянных глаз...

А потом, в солнечный морозный день с метелью, приехали на трех розвальнях попы, нанесли в дом холоду, запаха снега и ладана и стали с грустными причитаниями и пением ходить вокруг лежащей на столе куклы, кланяться ей и дымить на нее из кадила...

И с какой изысканной деликатностью, с какой кокетливой печалью заливался в этот день высокий горловой тенор всегда смелого и даже наглого о. Федора!

Как он легко, точно в кадрили, то приближался к столу, то пятился назад и своей ловкой рукой — далее не рукой, а только одной кистью — высоко взвивал пылающее кадило и потоплял в синих клубах церковного благоухания неподвижно лежащую куклу!

И как чувствовал я в этот день всю сладость страстных рыданий матери, когда заливающийся тенор грустно утешал ее неизреченной красотой небесных обителей. И какой болью сжалось мое сердце в тот момент,

когда гробик, наскоро сбитый из пахучего соснового теса, навсегда закрыли крышкой и понесли, среди пения, в розвальни, возле которых, в солнечной морозной метели, ветер, развевал волосы на обнаженных головах мужиков!

VII

Надолго застыл после того в тишине и грусти наш бревенчатый флигель.

Весеннее солнце по целым дням наполняло радостным блеском детскую, — теперь нашу классную, — но померкли все мои радости!

Что это случилось с милой веселой девочкой, которая так звонко выкрикивала когда-то свое имя, а теперь лежит в селе на погосте, в могиле?

Откуда пришла она? Зачем росла, прыгала, радовалась вплоть до того рокового вечера, в который точно какой-то злой дух дохнул на нее своим пламенным дыханием?

С разгоревшимся личиком, с сияющими глазками, она была особенно оживлена в тот вечер — и вдруг поникла на плечо матери.

— Мама, бай!

И тотчас же ее унесли в детскую, и это был последний час, в который я видел ее: живой из детской она не вернулась.

Вот идут дни за днями, а ее все нет — и никогда не будет...

Даже и люльку ее снесли в чердак...

Вот вынимают зимние рамы, и наша классная наполняется душистой свежестью и теплом яркого солнца... А ее нет — и никогда не будет!

Говорят, что она на погосте, в Знаменском. Но вся ли? То живое, прекрасное, что было в ней, не там, а где-то далеко... в раю, в небе.

В тихие апрельские сумерки, когда я сидел с нянькой у раскрытого окна, выходящего в темный и свежий сад, я подолгу смотрел на меркнувший нежно-алый закат, по которому громоздились синие тучки, похожие на саркофаги. И когда над ними в зеленоватом небе вспыхивало серебристое зерно первой звезды, нянька говорила мне:

— Вон душенька нашей барышни.

Но и в этих словах... Нет, это было слишком просто! Это было так же просто, так же ничего не объясняло, как и то, что зеркало

есть стекло, намазанное ртутью.

VIII

И велико было мое недоумение, когда я убедился в этом!

Не раз отодвигал я зеркало от стены и не раз убеждался, что ничего-то нет за ним, кроме бревен, паутины и шершавых дощечек!

Однако нужно было заглянуть и под эти дощечки!

И однажды, когда в доме все спали, я отодвинул, замирая от страха быть пойманным, зеркало от стены — и кухонным ножом приподнял одну из дощечек...

Да, меня не обманывали!

Под дощечкой ничего не было, кроме стекла, намазанного красно-коричневой краской.

Но, может быть, есть что-нибудь между этой краской и стеклом?

Нет, и там ничего нет: я слегка поцарапал концом ножа в уголке зеркала — и увидел... стекло!

Но не стала ли таинственная ртуть еще более таинственной после того?

Несомненно. Ибо разве не чудесно было и то, что сделал я? Я соскоблил ножом каплю

красной краски и увидел, что чудесное стекло стало стеклом самым обыкновенным: прильнувши к тому месту, где я скоблил, можно было сквозь стекло видеть комнату...

Где я был до той поры, в которой блеснул первый луч моего сознания, пробужденного светлым стеклом, висевшим в тяжелой раме между колонок туалета? Где я был до той поры, в которой туманилось мое тихое младенчество?

— Нигде, — отвечаю я себе.

Но, в таком случае, я, значит, не существовал до этой поры?

— Нет, не существовал.

Но тут вмешивается сердце:

— Нет. Я не верю этому, как не верю и никогда не поверю в смерть, в уничтожение. Лучше скажи: не знаю. И незнание твое — тоже тайна.

Моя память так бессильна, что я почти ничего не помню не только о своем младенчестве, но даже о детстве, отрочестве. А ведь существовал же я! И не только существовал, — думал, чувствовал, и так полно, так жадно, как никогда потом. Где же все это?

Это тоже тайна. И всюду она, эта всепроникающая власть тайны, власть, чаще всего злая, враждебная нам.

Чем только ни мучила она меня в пору моего младенчества!

Три свечи в комнате — к чьей-нибудь смерти.

Вой собаки ночью — к смерти.

Ворон, пролетевший со свистом крыльев низко над домом, — к смерти.

Разбитое нечаянно зеркало — к смерти.

Черный коленкор, накинутый на него, — символ смерти.

А что творится ночью на чердаках, в поле, на кладбище! Что отражается по ночам перед бедою в зеркалах!

— Вошла я это, матушка-барыня, ночи за две перед тем, как барышне умереть, глянула на туалет, а в зеркале стоит кто-то белый-белый, как мел, да длинный-предлинный!

— Да небось платье твое отразилось.

— И, бог знает что! Разве я не помню, в чем была? То-то и дело, что в юбке в одной бумажной да в темной кофточке!

И я порою думал: уж не права ли ты, моя

старая наставница?

На зеркале и до сих пор видна царапина, сделанная моей рукой много лет тому назад, — в ту минуту, когда я пытался хоть глазком заглянуть в неведомое и непонятное, сопутствующее мне от истока дней моих до грядущей могилы.

Я видел себя в этом зеркале ребенком — и вот уже не представляю себе этого ребенка: он исчез навсегда и без возврата.

Я видел себя в зеркале отроком, но теперь не помню и его.

Видел юношей — и только по портретам знаю, кого отражало когда-то зеркало.

Но разве мое — это ясное, живое и слегка надменное лицо? Это лицо моего младшего, давно умершего брата. Я и гляжу на него, как старший: с ласковой улыбкой снисхождения к его молодости. А в зеркале отражается печальное и, увы, уже спокойное лицо!

Настанет день — и навсегда исчезнет из мира и оно.

И от попыток моих разгадать жизнь останется один след: царапина на стекле, намазанном ртутью.

Белая лошадь*

Пошевеливая вожжами, землемер рассеянно слушал ладный топот копыт по гладкой августовской дороге.

Еще светло было, и дорога, убежавшая на восток, казалась фиолетовой.

Землемер смотрел в даль, где поля замыкались линией чугунки, курил и приятно пьянел от несвязных певучих мыслей.

Уже по-осеннему пусто и сиротливо было в полях. Сиротливо дремали на кочках кроткие хохлатые жаворонки. Вяло и терпко пахло картофельной ботвой, горько тянуло откуда-то дымком... И землемер с певучей грустью смотрел на сероватые поля, над которыми уже реял чуть серебристый и, как всегда в засуху, рассеянный лунный свет.

«Любопытно, однако, знать, — подумал он, — что это со мною сегодня? Чего это я так разболтался и болезненно развеселился у Стоцкого? Положим, не был дома уже две недели, устал как собака, дел переделал кучу... Может быть, от водки? Но много ли было

выпито? Сущий вздор, две-три рюмки... Что же в таком случае?»

Лошади стали: шлагбаум на переезде через линию был опущен, — нужно было слезать и стучать в будку.

Спокойный, бесцветный свет запада еще отражался в окне будки, и будка показалась землемеру необитаемой, почти страшной с этим тусклым блеском стекол и тишиной вокруг.

«Переезжать ли?» — подумал он.

Можно было переехать тут и держать путь на Егорьево, на Каменку... Можно и возле следующей будки: тогда дорога пойдет по опушке Дубровки, а потом по глухим лугам на Ястребиный Колодец...

И землемер остановился в нерешительности. Но послышался ровный, медленный скрип телеги. И, взглянув направо, землемер увидел в легком лунном сиянии большую белую лошадь, — старую, седловатую, в гречке, с отвислыми губами. Череп ее был огромен; пук соломы, засунутый под узду, дико торчал возле правого полуприкрытого глаза.

— Куды прешь! — крикнул землемер, зама-

хиваясь кнутовищем.

Но лошадь и ухом не повела. Звонко хрипя от запала, она прошла возле самого его плеча, а за нею показалась скрипучая телега, пахнувшая дегтем и рогожей. Лохматый рыжий мужик, в распоясанной красной рубахе, лежал в телеге вниз лицом.

— Эй, дядя! — шутливо крикнул землемер дрогнувшим голосом. — Ай помер?

Но мужик не поднял головы, не отозвался на крик.

И землемер, уже не раздумывая, ударил правой вожжой. Тележка чуть не перевернулась от крутого поворота и шибко покатила возле линии, за которой неясно серебрилось над полями лунное сияние.

По-прежнему на душе было и хорошо, и грустно, и тревожно... Все благополучно, все слава богу, но чего-то недостает... людей, может быть, жилья, приятеля... Хотелось петь, рассказывать свою жизнь... Спросить кого-нибудь: что же наконец будет на том свете что-нибудь или нет? Райские яблочки и черти в неугасимом пламени, конечно, вздор... Но ведь вздор и полное исчезновение. Зачем ро-

дился? Зачем рос, любил, страдал, восхищался? Зачем так жадно думал о боге, о смерти, о жизни?

— Зачем, позвольте вас спросить? — сказал землемер вслух.

Существовать на том свете и в теперешнем виде он, конечно, не будет. Ибо, если он будет существовать, значит, и эти лошади будут существовать... и мириады мириад всех прочих лошадей, зверей, птиц, жучков, несметных мошек... Но и бесследно исчезнуть он не может. Он этому никогда не верил. Истомлен заботами, работой, частыми припадками удушья, а жить, сохранить себя хочет жадно. И поминутно трепещет за свою жизнь, во всем чует тайну, враждебность... Лунный свет в пустынных полях, тишина, темный камень вдали, коренник, который вдруг насторожит уши, — все страшно. Днем, когда вспоминаешь, просто, незначительно, а ночью — страшно...

«Это как васильки, — подумал землемер. — Днем синие, а погляди вечером, при лампе, — лиловые».

— Пи-пи-пи! — тонко и хищно зазвучало

вдруг где-то вверху, в рассеянном лунном свете.

Землемер оглянулся, увидел поле, телеграфные столбы, тусклый блеск, бегущий навстречу ему по рельсам, — и на душе стало еще тревожнее. Этот писк, писк кобчика или совки, затерявшийся в лунном свете, напомнил ему, что безмолвный, мертвый вечер кончился, что в полях начинается таинственная ночная жизнь. Кроткие хохлатые жаворонки, проводящие свои последние дни в осиротевшей степи, теперь спят. Но зато проснулись и всю ночь будут с жалким писком голода гоняться друг за другом все эти мелкие и крупные хищники, дремавшие днем на телеграфных проводах, таившиеся во рвах и на лесных опушках. Позевывая, выползла из своей норы в каменистом овраге лисица, вышла на лунный свет и осторожно потянула по скату, поводя пушистым хвостом... Зеленым фосфором вспыхнули волчьи глаза в дубовом кустарнике... И, представив себе страшную красоту этих глаз, землемер почувствовал приступ жуткого восторга.

Да, как жалко тьякает лисица, если она ху-

да, тоща, выгнана из своей норы более сильным зверем, каким-нибудь когтистым барсуком! Как плаксиво и зло скулит соколок голодный! И как томно потягивается и оскалывается лисица сытая, с густой лоснящейся шкурой! Каким звонким и дерзким смехом заливается этот тонкоголосый соколок, выбивши добычу у другого, слабого! И при мысли обо всем этом землемер содрогнулся от сладострастной жути.

Опять лошади стали перед будкой на переезде через рельсы, и опять загородила дорогу перекладина шлагбаума.

Но на дворе уже ночь, бледная, сухая, лунная, и будка не похожа на первую. Эта, живая, приветливая, манит к себе внутрь, где горит лампа и топится печь: видна яркая пасть печи, пляшущая большими языками красно-оранжевого пламени.

— Эй, хорошие люди! — слабо крикнул землемер, обрадованный жильем.

И тотчас же ожесточенно, захлебываясь, залилась возле лошадей лохматая шавка, и босая девочка скромненько и деловито подошла к шлагбауму. Загремела цепь, и огром-

ный журавль, медленно и плавно вырастая, потянулся головой к небу.

— Ты будочникова, девочка? — спросил землемер ласково.

— Будочникова, — ответила девочка и, наклонив головку и мелко перебирая босыми ножками, пошла поднимать вторую перекладину шлагбаума, за которой лунный свет и пустынное жнивье сливались во что-то легкое, светлое и серебристое, как далекое море.

— А что это у вас печь топится?

— Мать воду греет.

— Ай хлебы ставит?

— Нет, у нас малый помер.

Землемер широко раскрыл глаза.

— Как помер? — сказал он тревожно. — Когда?

— Сейчас только.

— А велик малый-то был?

— Семей месяц пошел.

Землемер облегченно вздохнул.

— Ну, ничего! — сказал он. — Мать еще родит.

— Да нам его не жалко, — просто ответила девочка. — У нас их пятеро. Да еще одного

недавно зарезало.

— Машиной?

— Машиной. Мать валяла пироги, а он выполз из будки и заснул... Нас судили за него, из могилы его откапывали, думали, что мы его нарочно положили.

Землемер засмеялся:

— Ах ты, злодейка этакая! Ну, прощай, спасибо за хлопоты!

— Час добрый, — сдержанно ответила девочка.

И лошади с грохотом понесли тележку по деревянной настилке к тому светлomu и легкому, что было впереди, взяли немного вправо, и опять колеса, сорвавшись с настилки, с мягким шорохом покатались по сухой ровной дороге.

И опять мысли надолго затерялись в однообразно-ладном стуке копыт, который бесстрастно слушало только бледное и все выше поднимавшееся лицо луны...

«Просто все это у меня к перемене погоды», — подумал землемер, подбадривая себя и продолжая думать о причинах своего беспокойства.

Но теперь, когда осталось позади последнее жилье, бодрые слова уже и совсем не помогли. Глаза жадно всматривались в даль... Что это на том дальнем косогоре, за лощиной, в светлой дымке? Что-то длинное, темное, зубчатое... Стена, остатки жилья? Нет, просто забытая в поле копна... За ней косогор и опять лужок, выходящий на голую долину, серебристо-туманную под луной... Но что это там темнеет, двигается? Волк?

Землемер вставил два пальца в рот, резко свистнул и натянул вожжи. Постромки пристяжной обвисли, коренник насторожил уши и пошел тише... Едко и приятно запахло лошадиным потом... Что-то темное, двигавшееся на косогоре, блестящем от озими, подняло голову. Стало страшно...

Но прошло несколько минут — и по чему-то тупому, что было в приближающейся фигуре, землемер узнал, что это теленок... Верно, пегий, с белыми ресницами, глупый...

Есть что-то глухое, дикое в этих осенних беспризорных скитаниях телят. По целым неделям бродят они в полях, дичают, приобщаются к таинственной жизни зверей и хищ-

НЫХ ПТИЦ.

«А свиньи! — подумал землемер. — Черные упрямые борова, с туго завернутыми винтами хвостиков! Те совсем отбиваются осенью от дому, бог знает куда уходят по лугам и косогорам... Роят под кустами по пригоркам, что-то выкапывают, чавкают и прут дальше, повиливая крепкой тушей...»

Мелькала серебристая полынь вдоль дороги, проходили темные равнины пашен, полосы радужно-зеленых озимей, тускло поблескивали подковы пристяжной, женственно отвернувшей голову от коренника... Гордо нес голову сильный коренник, шедший дробной рысью... Землемеру хотелось курить, надоело сидеть... Волнуясь все более при мысли о том сильном, беспощадном, таинственном, что окружало его со всех сторон и точно вызывало на состязание, он все беспокойнее ждал чего-то, а внутренний голос все настойчивее говорил, что ожидания не напрасны. И, как бы подтверждая это, коренник вдруг фыркнул. Землемер вздрогнул и увидал, что он идет с чутко и строго поднятыми ушами, с какою-то преувеличенной бодростью, почти с нагло-

СТЬЮ.

Озноб пошел по всему телу землемера. Чтобы поскорее увидеть, то что должно увидеть, он откинулся влево и пристально взглянул вперед. Впереди то же, что и было: пустое поле и лунное сияние. Но поле это идет слегка под изволок, дальше опять повышается — и замыкается темной, высокой и такой дивной в лунном свете стеной Дубровки.

Вот она приближается, темнеет, и уже хорошо видна огромная тень, падающая от ее стены на поле... Доносится легкая лесная свежесть вместе с сухим и душистым теплом дуба... А вот роца и совсем близко — и тень стала резче, лунный свет ярче, роца под луною чернее, выше, величавее... Еще минута — и тележка уже в тени, катится по гладкой дороге вдоль опушки... И далеко видны светлые поляны среди живописных старых дубов в сказочно прекрасной глубине роци.

«Ах, хорошо!» — с жутким восхищением хотел сказать землемер — и вдруг замер с широко открытыми глазами.

Из глубины роци легко и быстро, прямо на него, неслась большая белая лошадь.

«Неужели та самая, что с звонким хрипом прошла давеча возле будки?»

Сладострастный трепет ужаса еще раз колючим холодом прошел от корней волос по всему телу, — и землемер крепко напряг зрение, чтобы получше разглядеть шибко летевшую к нему лошадь.

Но уже ясно было, что не та.

Медленно тащила скрипучую телегу белая кобыла, встретившаяся возле будки. Годы, тяжкая работа, неволя сделали ее страшной, костлявой, тупой, тяжелой. Эта же шла бодро, чисто, едва касаясь земли. И так гордо и грациозно несла свою голову, что сразу было видно, что она молода, сильна, ни одного дня не знала упряжи...

Но в этом-то и был ужас. И ошеломленный землемер с размаху рванул вожжи.

Коренник высоко задрал морду и заплясал, пристяжная со всего разбега осела на задние ноги. Но тут белая лошадь, как перышко, перенеслась через канаву возле опушки и вся выскочила на ее высокий вал. И, увидав ее, коренник дико всхрапнул, пристяжная так шарахнулась к оглобле, что она треснула, — и

тележка вихрем, вприпрыжку понеслась по пашне. Землемер, не помня себя, вскочил на ноги, в два взмаха замотал на руки вожжи и, откинувшись назад, изо всей силы рванул к себе левую вожжу. И коренник, мотая головою от удил, раздиравших ему челюсти, понес обратно на дорогу.

Белая лошадь, выскочившая на вал, казалась литой из серебра. Как только колеса тележки стукнулись об дорогу, она тотчас же спрыгнула с вала, дала тележке мелькнуть мимо себя, — землемер близко видел ее прекрасные блестящие человечьи глаза, — и весело понеслась за ней.

— Грабят! — крикнул землемер альтиком и бросил вожжи.

Точно сорвало последние дубки роци — и опять в глаза грянуло широкое пустое поле и неясный лунный свет над ним. Землемер обернулся и увидел, что и лошадь уже в поле — несется за тележкой по серой дороге. Только побледнела немного, как побледнел в поле и самый лунный свет.

— С нами крестная сила! — пробормотал землемер, с трудом переводя свистящее дыха-

ние, опять натягивая вожжи, и опять оглянулся.

Увы, и белая лошадь пошла тише!

«Ну, притворюсь, что мне все равно», — решил землемер отчаянно и погнал пару под изволок, в бесконечный Ястребиный Луг.

Мелкая безымянная речка поблескивала и бежала по лугу, — настолько мелкая и прозрачная, что можно было считать под водой белые камни днища. Как чешуя рыбы, поблескивала она под луною, и на диво печален и прекрасен был под луной каменистый и пустынный луг. Но любоваться было не время. Нужно было зорко править, чтобы не вылететь на выбоинах спуска, нужно было ловко повернуть на полной рыси вправо, а потом перескочить вброд. Но лошади и сами понимали дело — цепко пронеслась пристяжная по узкой тропке косогора, как раз вовремя вильнул коренник и уверенно кинулся в речку... Колеса с шумом закружились в серебре и алмазах, глухо застучали по размытым белым камням...

«Глянуть ай нет? — подумал землемер. — Нет, не надо!»

И тотчас же оглянулся — и чуть не вскрикнул: белая лошадь опять была в двух шагах от него, над речкой, на самом краю оставшегося сзади берега.

«Пропал я!» — с радостным отчаянием подумал землемер и, закрыв глаза, опять ударил по кореннику вожжами. И через минуту грохот колес по речным камням сразу оборвался — и, блестя мокрыми шинами, ровно покатались они по мелкому щебню прибрежья в смутную, слегка сизую даль бесконечного луга. Не выдержав, землемер опять взглянул назад — и, к великому удивлению своему, белой лошади уже не увидал. Глянул влево, глянул вправо, на прозрачную воду, бегущую по белым камням, потом опять назад... Только широкий луг, весь, как светлым дымом, напоенный лунным сиянием! Но зато сзади, на дрогах тележки, скрестив длинные, тонкие ноги в разбитых лаптях и повернув к землемеру беззубое лицо, наполовину освещенное луною, сидит и смотрит круглыми глазами нищенка. И землемер, увидав ее, ляскнул зубами и сипло засмеялся бессмысленным смехом.

— Хороша! — сказал он. — Красива! Ты смерть, что ли?

Нищенка молчала.

— Молчишь? — сказал землемер. — Значит, правда?

Нищенка молчала и смотрела ему в лицо неподвижными глазами.

— Нашла с кем шутки шутить! — сказал землемер горько. — Или мало тебе, что ты и так всю жизнь издевалась надо мной?

И вдруг почувствовал такую острую боль горя и обиды, что, не помня себя, взмахнул кнутовищем. Сладкие слезы злобы сдавили ему горло, но, как только он взмахнул кнутовищем, старуха точно растаяла в воздухе: только опять зазвенел где-то в небе тонкий, радостно-хищный смех какой-то ночной птицы:

— Пи-пи-пи-пи!

И, замирая, затерялся вдали.

Землемер пришел в себя и медленно перекрестился.

* * *

...В Долгое землемер приехал перед рассветом. Страшное и прекрасное привидение бе-

лой лошади исчезло возле подъема на хохлацкие Выселки. И тотчас же после этого он бессильно опустил вожжи. Рубашка на нем была мокрая, сердце билось. Крестьясь, он снял картуз, вытер рукавом потный лоб и, почувствовав озноб, накинул на плечи чуйку.

— Что за чушь! — сказал он изумленно и посмотрел в луг.

Но в лугу было пусто.

Он посмотрел с горы в поля за лугом, к юго-востоку — и что-то грозное глянуло ему в глаза. А, это поднимается зимнее небо! Уже встают яркие полуночные созвездия: треугольник из алмазов Тельца с рубином Альдебарана посередине, страшное Всевидящее Око...

Он закурил с жадностью, с упоением. Потом почувствовал такую жажду сна, какая бывает только в детстве, после долгого летнего дня.

— Спать, спать! — сказал он, закрывая глаза и опуская голову.

Лошади шли шагом, темные, едко пахнущие потными хомутами и разгоряченным телом. Землемер смотрел на сбитую набок

шлею коренника, хотел поправить кнутовищем — и не мог.

— Спать, спать! — сумрачно говорил он, закрывая глаза. — Я, кажется, с ума схожу...

И тотчас же начинало казаться, что тележка бежит под гору, и от этого замирало сердце, путались мысли...

Вот, чувствуется, случилось что-то. Он слабо открывает глаза и видит, что тележка стоит — и коренник с шумом делает то, для чего остановился...

Луна поднялась высоко-высоко, светлая, бледная ночь стала еще бледнее, и далеко вокруг расстилается равнина, покрытая бледной пылью... Степь, поздно, тишина, свежесть...

И опять коренник трогает с места, и опять все путается. Кажется, что по земле, по пыли светлой мглой бежит туман, а в тумане — белая лошадь... Землемер открывает глаза — и видит, что коренник опять стоит: большой дымчатый вол лежит посреди глинистой улицы, половина которой покрыта косой зубчатой тенью, а кругом — хаты, хохлацкие Выселки. Место ровное, голое, улица широкая, а

направо и налево бледно-голубые мазанки с квадратными глиняными трубами, такие молчаливые и грустные в этот поздний час долгой лунной ночи. Ни души и ни звука. Только осторожно и прерывисто тюкают сверчки в бледно-голубых стенах с темными окошечками, слюдой поблескивающими против луны...

— Ах, дурак, дурак! — с ласковой укоризной говорит землемер кореннику и легонько ударяет его вожжей, объезжая важно дремлющего дымчатого вола с огромными рогами.

А в третий раз он открывает глаза уже в Долгом, упершись оглоблями в ворота своего поместья. Похоже на Выселки — только улица еще шире и длиннее, а хаты тонут в палисадниках. Набежал туман на луну, стало совсем прохладно, за воротами хрипло и бодро кричит басом его любимый красно-золотой петух. Землемер слезает с тележки, расправляет ноги с родственным чувством к своему поместью, с легкой тревогой — благополучно ли в доме? и чуть слышно стучит кнутовищем в кухню, в крайнее окно длинного кирпичного дома под железной крышей, почти

невидного за высокими мальвами.

И череп минуту щелкает задвижка, и на крыльце, ежась и зевая, появляется солдатка Василиса, босая, в короткой юбке, вся теплая и томная со сна.

— Здоровы? — спрашивает землемер, отводя глаза от ее голых полных плеч.

— Слава богу, живы, здоровы, — улыбаясь и почесывая под мышками, говорит Василиса.

— Ну, возьми лошадей, вели Кузьке распрячь...

Дома все было благополучно, жизнь текла обычно, и, как всегда по воскресным дням, утром из зала запахло ладаном. Землемер, спавший не раздеваясь, плеснул на лицо водою из умывальника и вышел в зал. В зале было солнечно. На столе, в простенке между окнами, выходящими в палисадник, кипел золотой самовар. Кусочек ладана, брошенный Марьей Яковлевной в его трубу — для праздника, — распространял сладкий церковный запах. Марья Яковлевна, небольшая женщина лет сорока, похожая лицом на Фонвизина,

мыла чашки. Землемер поздоровался с ней, поговорил о делах...

Новостей было мало: только ссора с Иваном Павловичем, который опять приписал в книжке.

— Такой свинья! — воскликнула Марья Яковлевна. — Да покарал господь! Помнишь его бланжевого быка? Картошкой подавился!

— Издох? — спросил землемер.

— И часу не прожил! — сказала Марья Яковлевна, раздувая ноздри.

Потом взглянула в открытое окно и взволновалась еще больше.

— Ну вот! Полюбуйтесь! — сказала она. — Боже, какие мои дети пошлые! Опять босиком!

Дети были в палисаднике. Толстый Котик, одетый, как девочка, важно ходил среди мальв, переваливаясь на кривых ножках. Десятилетний Павлик, худенький, хорошенький, с черными и всегда гневными глазками, закатив до самого паха штанишки, целился из лука в воробьев. Таня и Оля, белобрысые и некрасивые, с замиранием сердца следили за ним.

Землемер посмотрел в окно, слабо крикнул:

— Здравствуйте, наследники! — и, улыбаясь, сказал: — При чем же тут пошлость?

— Ну конечно! — воскликнула Марья Яковлевна. — У тебя всё ни при чем! Ты уже привык потакать им!

И, видя, что землемер слушает рассеянно, с изумлением прибавила:

— Да что это ты как блаженный какой?

— Уморился, — сказал землемер и отвел глаза в сторону.

За обедом не хотелось есть и, как среди мух в жаркий день, было томительно сидеть среди густого терпкого запаха картофельного супа с бараниной, среди баловавшихся детей и крика Марьи Яковлевны. «Тоже зал называется!» — думал землемер, с кислой улыбкой оглядывая знакомую комнату, вдруг показавшуюся нестерпимо тесной, и противные украшения на ее стенах: Тамару в гробу, крещение Руси и выцветшие фотографические снимки, на одном из которых был он сам — в солдатской позе, в сюртуке, в белом галстуке, в старомодных штанах с раструбами, — и Марья

Яковлевна — в фате, с бессмысленно выпученными глазами. Жадно хотелось пива, и, когда принесли из лавочки холодную бутылку темного толстого стекла, землемер выпил ее почти залпом. Потом вышел за калитку палисадника, на скамейку.

Вечер был ясный, улица, мирная и красивая от белых мазанок и разноцветных мальв, вся розовела против заходящего солнца, блестела стеклами. Стрижи сверлили воздух, кружась над площадью, над куполом деревянной церкви. И, как всегда в хороший вечер, с площади, из окон сидельца винной лавки, неслись резкие, ухабистые басы и альты аристана — звуки краковяка.

Землемер слушал, весь наполняясь этими вызывающими и бьющими по нервам звуками, с болезненным наслаждением вспоминая под краковяк, что белая лошадь была сильна, прекрасна, — и напряженно думал: «Почему дети так любят игру в войну, в охоту и в какие-то далекие поездки?» Потом встал и пошел к хате о. Нифонта, жившего через улицу, напротив.

Загорелый подпасок в старом дворянском

картузе гнал по улице кучку темно-лиловых баранов, теснившихся друг на друга, мелко перебиравших ножками и поднимавших золотисто-розовую пыль. По тропинкам возле палисадников, среди засохшей глинистой грязи, шли бабы с подоткнутыми подолами и с коромыслами на плечах и низко кланялись поповой хате, не глядя на нее и виляя кострицами. А поп, тучный, лысый, сидел на лавочке возле палисадника, одной рукой разбирал большую енотовую бороду, а другой гладил ходившего по его плечу тощего котенка мышиного цвета.

— Здравствуйте, здравствуйте, Юрий Милославский! — благодушно сказал он. — Давненько не были. Небось весь земной шар смерили?

Землемер подсел на лавочку и, принужденно улыбаясь, небрежным тоном рассказал о своем видении — о том, какая «глупейшая» история приключилась с ним в дороге.

Но на о. Нифонта белая лошадь не произвела никакого впечатления.

— Бывает! — сказал он. — То ли еще бывает! Вон мои работники недавно жаловались:

как только они в сарай, на боковую, так сейчас же козел за стеной: бя-я! А я и козлов-то сроду не водил... Слышали, как бычок-то подковал Ивана Павлова?

Землемер вспомнил однообразие зимних и летних дней в Долгом, вспомнил сон после обеда, Марью Яковлевну, выходящую после сна к чаю с желтым, смятым лицом, засиженным мухами... И, раздражаясь, сказал:

— А быка жалко, батюшка! Великолепный был бык! Бывало, бежит — земля дрожит... глаза огненной кровью налиты... Не нам чета...

— То есть как не нам чета? — удивленно спросил о. Нифонт, опуская руку, гладившую головастого котенка.

— А так, — резко сказал землемер и почувствовал, что у него похолодели руки. — Сила! Я вот поехал как-то прошлой осенью в город, а в городе зверинец, а в зверинце — лев. Сижу вечером в номере, а стекла так и заливаются! У меня, понимаете, свечка едва коптит, номеришко вонючий: зеркальце на стене от духоты и самоварного пара побелело, а он — как хватит, хватит! Открыл я окно — темь, дождь,

все забились в свои жалкие хибарки, а он так и панует над городом! Ах, отец Нифонт, — страстно прибавил землемер, начиная дрожать от волнения, — все-таки нет ничего на свете хуже бессилия!

— Ну, это дело другое, — сказал о. Нифонт. — А то я не понял сперва, какую мысль вы хотите провести. Понятно, страшная сила! Пишут, будто лев может хвостом быка убить...

Землемер вдруг ляскнул зубами. Раскрасневшееся солнце только что село за площадью, и все сразу потускнело, поблекло. Неприятный ветер, пыля по площади, добежал до попоной хаты, зашумел в мальвах, и землемер вдруг дернулся и стукнул зубами от холода. Торопливо простившись с о. Нифонтом, он торопливо перешел улицу, торопливо вошел в дом и, не зажигая огня, бросился на постель в своем кабинете — узкой комнате возле зала. В голове, певшей краковяк, вертелась назойливо-мучительная мысль о детской любви к войне, а нывшее тело жадно просило одеял, шуб, полушубков. Перепуганная Марья Яковлевна бегала по темным комнатам, одевала

его чем попало, а он видел, что со всех сторон сыплется на него белые лошадиные черепа, заваливают столы, стулья, — и задышался от духоты, жары под этими черепами... А стекла дрожали от далекого львиного рева... Он вспомнил, однако, что это не рев, а гром, и, открыв глаза, услышал шум ветра за окном, увидел какой-то золотой сполох, озаривший комнату...

— Марья Яковлевна! — крикнул он слабо.

— Лампу заправляю, — откликнулась Марья Яковлевна из зала.

И землемер опять потерял сознание.

Приехавший на другой день к вечеру земский врач, человек с изумленными глазами, в очках, с густой огненной бородой и в парусиновом балахоне, сказал, что у больного воспаление легких.

Через несколько дней, в первый раз придя в сознание, он узнал Марью Яковлевну, понял, что он дома, что на столике возле кровати горит свечка. Но бока были так крепко скованы острыми, нестерпимо режущими при каждом вздохе железными обручами, глаз-

ные яблоки так ломило, а дрожащее пламя свечи было окружено таким печальным и большим мутно-радужным шаром, что он поспешил повернуть голову к стене, к ковру, на котором был изображен очень прямо сидящий турок в тюрбане, в огромных шароварах и с мундштуком кальяна в руке.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — сдерживая слезы и стараясь говорить ровным голосом, спросила Марья Яковлевна.

Но больной не ответил.

Все было так чуждо ему, так скучно, что ответить не хватило сил. А свет дрожал, краснел, турок в тюрбане рос, расплывался, принимал сказочные очертания...

Второй раз сознание держалось дольше. В комнате было темно, Марья Яковлевна похрапывала в кресле, за окном синила лунная ночь. И землемер вспомнил, как, много лет тому назад, когда у него было первое воспаление, он вот так же пришел в себя поздней ночью в темной комнате... И всю душу его охватила невыразимая тоска. Как молод он был тогда, как восхитительна была даже болезнь! Он целый год жил тогда дома, выгнанный за

курение из реального училища, готовился в землемерное, пропал в поле с ружьем и собакой... В жаркий апрельский день он напился из ледяного хрустального ключа в голое и веселом весеннем лесу — и слег. Болезнь была тяжелая, по ночам жар доходил до сорока, но что за ночи стояли тогда! Голова пылает, по телу идет острый колючий холод, а лунный свет так дерзко и ярко сквозит в щели ставни, и соловьи наполняют весь сад таким ярким ликованием, что весь мир кажется сновидением... И во всем существе была непоколебимая вера в выздоровление.

Уверенность эта была, впрочем, и теперь. И так оно и случилось. На седьмой день больной уже ел бульон, пил чай и просто, спокойно разговаривал.

Был он желт, слаб, голова и борода у него сильно поседели, — не сдались только одни густые строгие брови, — но это очень шло к нему. Лицо его стало чище, красивее. Марья Яковлевна с радостью рассказывала, как он бредил, какую чепуху он говорил, про какую-то белую лошадь, и землемер улыбался с ласковой снисходительностью к самому себе.

И с такой же улыбкой, с грустным и приятным сознанием своей слабости, вышел он в первый раз после болезни в зал. Казалось, что уже много лет не видал он знакомых комнат.

Глаза у него стали темнее, больше и смотрели на все удивленно, внимательно. На ногах были мягкие туфли, под пиджаком и рубашкой ласково грел тело лифчик из лисьей шкурки. Никуда не нужно спешить, ни о чем не нужно заботиться, — давно не бывало у него таких отрадных дней! Но он уже твердо знал: это его последняя осень.

В кабинете он снял с полки Библию и развернул книгу Иова. Но столе лежали какие-то гвозди, старые планы, рассыпанные патроны папирос... Он прилачился с краю и зачитался.

Потом положил локти на книгу и загляделся на кривую лесовку, росшую на пустыре за окном.

Да, вот был человек непорочный, справедливый, богобоязненный. Был он богат, здоров, счастлив. Но истребил сатана, с изволения господня, все его имущество, истребил всех чад его и поразил его проказою от подошвы по самое темя. И взял человек черепицу, что-

бы скоблить себя ею, и сел на пепел вне селения. И открыл уста свои и страстно проклял день свой. «Погибни, — сказал он, — день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: зачался человек! Дыхание мое ослабело, дни мои прошли; думы мои — достояние сердца моего — разбиты; ночью ноют во мне кости мои: ибо летам моим приходит конец, и отхожу я в путь невозвратный. Скажу богу: за что ты со мною борешься? За что гонишься за мною, как лез, и нападаешь на меня, и чудным являешься во сне? Но не ответит мне бог!» Было в простоте этих слов, в образе безумно-вдохновенного прокаженного, сидящего в пустыне за селением, скребущего черепком гнойные раны свои и проклинаящего жизнь от колыбели до гроба, что-то столь древнее и в то же время столь близкое во все времена каждому человеческому сердцу, что прежде землемер был не в силах читать этих слов. Но теперь он прочел их спокойно и медленно, чувствуя себя почти равным Иову в безнадежности, Потом остановился на словах Сафара:

«Можешь ли ты постигнуть вседержителя?»

Он превыше небес: что можешь сделать? Глубже преисподней: что можешь узнать? Но пустой человек мудрствует, хотя человек рождается подобно дикому осленку...»

«Вот и ответ дикому осленку!» — подумал землемер, глядя в сумерки.

— Помилуй мя, боже, по велицей милости твоей! — вслух сказал он, и брови у него страдальчески сморщились и задрожали.

Он представил себе свое детство, младенчество, — и почувствовал невыразимую жалость к этому бедному маленькому «осленку», неизвестно зачем пришедшему в мир и осмелившемуся мудрствовать. Что ответит ему бог «в шуме бури»? Он только напомним безумцу его ничтожество, напомним, что пути творца неисповедимы, грозны, радостны, и развернет бездну величия своего, скажет только одно: «Я — Сила и Беспощадность». И ужаснет великой красотой проявления этой силы на земле, где от века идет кровавое состязание за каждый глоток воздуха и где беспомощней и несчастней всех — человек.

«Кто сей, омрачающий провидение словами без смысла? Препояшь ныне чресла свои,

как муж: я буду спрашивать, а ты отвечай мне...»

— О, какая красота! — сказал землемер, и горячие слезы потекли из-под его ресниц.

«Знаешь ли ты время, когда рождают дикие козы на скалах? Они изгибаются, рождая детей своих, а дети их приходят в силу, растут в поле и не возвращаются к ним. Знаешь ли ты, кто разрешил узы онагру, которому степь я назначил домом, а солончаки жилищем? Захочет ли единорог служить тебе и переночует ли у яслей твоих? Ты ли дал перья и пух страусу? Он оставляет яйца свои на песке и забывает, что полевой зверь может растоптать их. Он жесток к детям своим, как бы не своим...»

— Все сила, сила! — воскликнул землемер, мысленно видя перед собой белую лошадь, с ее дико-веселым, вызывающим и беспощадным взглядом.

«Храпение ноздрей ее — ужас, — с безумным восторгом вспомнил он стихи о лошади в книге Иова. — Роет ночью землю и восхищается силою. В порыве ярости глотает землю и не может устоять при звуке трубы. При

звуке трубы издает голос: „Гу! Гу!“ — и изда-
лека чует битву, громкие голоса вождей и
крик...»

— А верх путей его! — дерзко и громко,
точно в бреду, сказал землемер. — Верх путей
его — бык Ивана Павлова... бегемот... левиа-
фан...

«Сила в чреслах бегемота и крепость в му-
скулах его. Поворачивает хвостом своим, как
кедром. Жилы же на бедрах его переплетены.
Ноги у него, как медные трубы. Кости у него,
как железные прутья. Это — верх путей божи-
их...»

Но тут из прихожей послышались голоса
вернувшихся из школы детей, потом чьи-то
тяжелые шаги, и в комнату быстро вошла
взволнованная, вся пахнувшая осенней свеже-
стью Марья Яковлевна.

— Полюбуйтесь! — воскликнула она. —
Иван Павлов капусту прислал! Ну, пря-ямо
смотреть не на что! Кочерыжки одни!

Землемер сморгнул слезы, нежно и жалко
улыбнулся и отвернулся к окну...

1907-<1929>

Маленький роман*

I

В этот вечер мы встретились на станции. Она кого-то ждала и была рассеянна.

Поезд пришел и затопил платформу народом. Пахло лесом после дождя, каменным углем. Знакомых было так много, что мы едва успевали раскланиваться. Но того, кого она тревожно искала глазами, не было.

Поезд тронулся, и она остановилась, глядя широко раскрытыми синими глазами на мелькающие вдоль платформы вагоны. В окнах, на площадках — всюду были лица, лица. Но того лица, что было нужно, не было.

Наконец стена вагонов оборвалась, мелькнул задний буфер, поезд стал уменьшаться, сокращаться в пролете между зелеными лесами. На опустевшей платформе тонко блестели длинные полосы дождевой воды, голубой от неба.

Платформа была в тени, — солнце скрылось за ее навесом, сзади нас, но дачи в лесу, напротив, были еще озарены и весело горели стеклами. Где-то страстно и отчаянно, в нос,

заливался граммофон; где-то щелкали шары крокета и раздавались мальчишеские крики... Даже не взглянув на меня, она коротко сказала: «Пройдемтесь немного», — и я пошел.

За станцией в глаза ударило яркое вечернее солнце, но дальше стоял тенистый лес. И мы долго шли его прохладной просекой, но корням и утоптаным, упругим тропинкам, возле грязной дороги, среди зеленых лимов, осин и густого орешника, задевавшего нас бархатистой листвой. Она шла впереди, и я глядел на ее юбку, подолом которой она обвила себе ноги, на клетчатую кофточку, на тяжелый узел ее кос. Она ловко выбирала места посуше, наклоняясь от веток.

— О чем вы думаете? — спросила она раз, не оборачиваясь.

— О ваших ботинках, — сказал я. — О том, что они не на французских каблуках. Не верю женщинам на французских каблуках.

— А мне верите?

— Верю...

Но вот просека кончилась, мы очутились на солнце, на открытом зеленом бугре, и она

остановилась и обернулась.

— Какой вы милый! — сказала она, — Идет себе и молчит... У меня неожиданный прилив нежности к вам.

Я ответил сдержанно:

— Спасибо. Это в горе бывает.

Она широко раскрыла глаза.

— В горе? В каком горе?

— Но ведь я знаю, что вы кого-то напрасно ждали. Знаю и то, что сейчас вы предложите мне догонять вас.

— Угадали. Хотите?

Я подошел к ней и, взяв за руки, слегка притянул к себе. Она отклонилась.

— Нет, — пробормотала она. — Нет... Ради бога...

И, помолчав, ловким движением выдернула руки, подхватила юбки и побежала с бугра в разлужье.

Направо и налево были овраги, заросшие лесом, впереди — широкая лощина, покрытая рядами скошенного сена, почти вся в тени. Сбежав в разлужье, она остановилась на границе этой тени, в блеске низкого солнца. Но, подпустив меня на шаг, прыгнула через ка-

наву и пустилась по лощине. Я прыгнул за нею — и вдруг с неба посыпался легкий, быстрый, сухой шорох, а на взгорье налево пала легкая, чуть дымящаяся радуга.

— Дождь! — звонко крикнула она и еще быстрее побежала по сверкающему под ливнем лугу.

Половина его, еще озаренная солнцем, дрожала и сияла в стеклянной, переливающейся золотом сети, — редкий крупный дождь сыпался торопливо и шумно. Видно было, как длинными иглами неслись с вечернего голубого неба, из высокой дымчатой тучки, капли... Потом они замелькали реже, радуга на взгорье стала меркнуть — и шорох сразу замор.

Добежав до стога, она упала в него и засмеялась. Грудь ее дышала порывисто, в волосах мерцали капельки.

— Попробуйте, как бьется сердце, — сказала она, взяв мою руку.

Я обнял ее, наклонился к ее полуоткрытым губам. Она не сопротивлялась.

Потом тихо отстранила меня и отвернула от меня зардевшееся лицо. Она перекусывала

сухой стебелек и блестящими глазами рассеянно смотрела вдаль.

— Это первый и последний раз, — сказала она. — Хорошо?

— Хорошо, — ответил я.

Она пристально посмотрела на меня.

— А вы хоть немножко любите меня? Мне так хорошо с вами, я так счастлива! И не ревнуете меня ни к кому... То, что я ждала кого-то, право, не имеет ни малейшего отношения к нам... Ну да, он уже и официально мой жених, и скоро я стану графиней Эль-Маммуна... Почему? Не знаю... Просто потому, что я его боюсь...

Она протянула мне руки с намерением подняться. Я поцеловал сперва одну, потом другую.

— А теперь пойдём, — сказала она.

— Куда?

— Ещё немного по лугу...

Я поднял ее — и она мельком, застенчиво улыбнулась. Потом милыми женскими движениями поправила волосы, глубоко вздохнула свежестью луга... В лесу, то там, то здесь, глухо куковала кукушка, оттеняя глубину и

звучность его после дождя, высоко в небе плыли и таяли теплые дымчатые облака с золотисто-алыми краями...

А на обратном пути мы заблудились. Однако она быстро сообразила, что где. И уверенно повела меня.

Тут, уступая моей просьбе, кратко, намеками, волнуясь, она рассказала мне свою историю. Кончив, она долго шла молча.

В лесу стояли северные сумерки. А лес, молчаливый, темный, тянулся на много верст вокруг. И весь этот лесной край был погружен теперь в грустное и спокойное ожидание ночи. Зыбкий полусвет таял, задремывал. Мелкое болотистое озеро, по берегу которого мы пробирались, еще белело меж деревьев. Но и оно было тускло и печально, как в лесу. Надвинулись тучи, сливаясь с темнотою леса. И все цепенел теплый сонный воздух, наполненный пряным ароматом болотных трав и хвои. Светляки золотистыми изумрудами тлели под кустами, задремывающими под таинственный шепот кузнечиков. Чтобы сократить путь, мы повернули от озера в длинный и широкий коридор вековых сосен. И, уже с

трудом различая дорогу, пошли по глубокому песку к поляне, как вдруг что-то зашуршало в сухой перепутанной хвое и оттуда колом вынырнула большая головастая сова. Она метнулась на нас — я даже успел разглядеть ее серые штаники — и взвилась на своих широких круглых крыльях. Она отшатнулась и стала. А сова, беззвучно описав дугу, снова пала вниз и плавно потонула в чаще ветвей, во мраке.

— Не к добру, — сказала она, покачав головой.

Я улыбнулся.

— Уверяю вас, не к добру, — повторила она просто и настойчиво.

— Что же будет?

— Ах, я не знаю! Впрочем, мне все равно. Эти дни с вами и особенно этот вечер я никогда не забуду. Дайте я на прощанье...

Не договорив, она обняла меня, грустно и нежно посмотрела в лицо, подумала и поцеловала один глаз, другой... И мы пошли через поляну на зеленый огонек семафора, мерцавший за деревьями. Совсем стемнело; тихо зашептался с лесом дождь. А когда мы вбежали

на балкон дачи, под парусиновый навес, к чайному столу, освещенному свечами в колпачках, дождь уже лил как из ведра.

Мы отряхивались и притворно рассказывали, как мы заблудились, как искали дорогу. И вдруг смолкли: из темного угла балкона, с качалки, поднялся непомерно высокий, худой и широкоплечий человек лет тридцати, с голым черепом, чудесной черной бородой и блестящими глазами. Старики смутились, она побледнела. Я пожал его большую руку и шутливо сказал:

— Боже, какой вы высокий! Из вас вышел бы отличный средневековый латник.

— Да? — живо спросил он. — Что ж, могло быть. Меня зовут граф Маммуна...

Мне отыскивали старый огромный зонт, надавали советов, где лучше пройти, и я спустился с мокрых ступеней балкона в непроглядную тьму.

Она стояла на пороге, в светлом треугольнике парусинового шатра. Когда я добрался до калитки, она, не повышая голоса, сказала:

— Прощайте.

И это было последнее слово, слышанное

мною от нее.

II

«Дорогой мой, — писала она мне через четыре месяца после этого, — не вините меня, что я исчезла, даже не предупредив вас. Он был в тысячу раз сильнее меня. Я потеряла волю, упустила страшный момент, когда еще можно было все порвать. Теперь у меня нет уже почти никаких надежд на встречу с вами. Да и как бы мы встретились? Мне кажется, я нисколько, нисколько не обманываю себя насчет вашего чувства. Для вас это был неожиданный и маленький роман, только и всего. Но все равно; клянусь вам, — если я кого-нибудь любила за всю свою жизнь, то это вас...

Что такое эта мириады раз воспетая людьми любовь? Может быть, дело-то и не в самой любви. В письмах одного умершего писателя я недавно прочла: „Любовь — это когда хочется того, чего нет и не бывает“. Да, да, никогда не бывает. Но все равно. Я вас любила и люблю...

Вспоминаю все чаще всего в сумерки. В сумерки мы простились, в сумерки и пишу я

вам это первое и, верно, последнее письмо. А пишу бог знает откуда: из Альп, из ледяного, пустого отеля за облаками, в октябрьский вечер. У него начинается чахотка, и я бессовестно издеваюсь над его жизнью. Я не только держу его в Альпах в самую нелепую пору — я еще таскаю его в самые скверные туманные дни по озерам, в горы. Теперь он покорен мне.

Он молчит по целым дням, блестит глазами, но покорен. Молча шел и нынче. Когда мы вошли сюда, прислуга отеля, доживающая здесь последние дни простой крестьянской жизнью в кухне, ахнула от изумления: вот так гости! Но, может быть, и потому, что он был бледен и огромен, как смерть.

А пошла я сюда ради вас. Чтобы думать, вспоминать в тишине, в безнадежности...

Так хорошо, так задумчиво синеют поздней осенью эти долины, уходя друг за другом в горы. Небо равнодушно и низко висит над озерами, и неподвижно лежат темно-свинцовые озера, налитые между туманно-сизыми кряжами. Когда я гляжу в это облачное небо, меня всегда тянет уйти в его туманы, прове-

сти ночь в каком-нибудь пустом горном отеле... Я бы полжизни отдала, чтобы вы были здесь со мной...

Мы уехали из города на пароходе утром, а после полудня уже шли в гору. Как печальна была эта дорога! Низкорослый лес на обрывах и скатах был редок, дремал и скупно ронял мелкие желтые листья. Иногда из-за деревьев глядели тупые, изумленные морды больших красных коров. Иногда слышался птичий свист мальчишек-пастухов, собиравших по кустарникам хворост. В глубочайшей тишине мы шагали все выше и выше, а с гор, с круч, сумрачно синевших сосновыми лесами, серым дымом спускалась зима. Остановившись, чтобы передохнуть, я подолгу смотрела в долины, слабо лиловевшие в деревьях далеко внизу. Тогда слышно было падение каждого листика. Мокрые кустарники плакали — тихо, тихо...

Близ какого-то туннеля, черневшего своим жерлом в тумане, встретили какой-то поселок, пять-шесть сонных хижин на скате. Только не спеша можно было одолевать трудный подъем по грязным, скользким шпалам.

Но очень скоро от поселка осталось одно пятно внизу, а с гор уже повеяло сыростью осеннего снега.

Тут он остановился и предложил вернуться.

Я, назло ему, отказалась.

— Не остроумно, — сказал он и, подумав, опять пошел.

Туман все густел и темнел, а мы шли ему навстречу, миновали черную, закопченную и гулкую дыру туннеля, прошли почти отвесный мост над дымным бездонным ущельем... Если мой невольный спутник отставал, он мгновенно расплывался в тумане. И когда мы перекликались, голоса наши были глухи и странны.

Раз он окликнул меня, — он все сзади шел, — и, когда я остановилась, подошел и протянул мне руку.

— Будь ласкова, — несмело сказал он, — заберись мне в рукав и вытяни фуфайку.

И мне стало жаль его. Он понял это, отпустил глаза и прибавил:

— И потом, поедем куда-нибудь, где тепло, и займемся оба каким-нибудь делом. А так

очень тяжело. Это ад, а не свадебное путешествие.

— Разойтись нам надо, — ответила я.

Он помолчал. И пробормотал, сдвигая брови:

— Трудно это...

— Тогда я возьму на себя этот труд, — сказала я. — Ты не смеешь делать меня жертвой своей нелепой любви.

— Я все смею, — сказал он, в упор глядя на меня. — Мне терять нечего.

Я отвернулась и пошла.

Мокрые рельсы, покрытые тающим снегом, сбегали сверху, сосны и ели шли оттуда по обрывам. В сумерках, в тумане можно было скорее чувствовать, чем различать! их лиловые пятна. И надо всеми этими хмурыми горами стояла такая тяжкая тишина заоблачного царства, которая исключала малейший признак жизни. И вдруг в старой ели, стоявшей возле дороги, послышался шорох. Помните сову? Я именно здесь вспомнила ее и после этого решила непременно написать вам. Это была, конечно, не сова, это был королек, — кажется, самая маленькая из всех су-

ществующих птиц. Серенький, вспорхнул он с мокрого дерева, дымящегося рукава ели, сел было на дорогу — и тихо перелетел к обрывам налево, в туман...

Представляете себе этот вечер? Мглистые стены бора, мокрый, бледный снег вдоль дороги, дымные пропасти, где висит густая аспидная мгла... А королек спокоен. Его не пугает зимняя горная ночь. Он проведет ее где придется — предоставив себя чьей-то высшей защите. А вот у меня нет веры в эту защиту.

Сейчас лягу спать в этом пустом ледяном номере, пахнущем сосною, и, когда потушу огонь, буду думать о том, что я за облаками, в настоящем царстве смерти. Он лежит в соседнем номере и глухо кашляет. Это не человек, а какие-то погребальные дроги. Я ненавижу его всей душой!

Если встретимся и я буду свободна, поцелую ваши руки от радости — делайте тогда со мной, что хотите. Нет — так тому и быть...»

III

Но и это письмо дошло до меня бог знает когда. Из Москвы переслали его в деревню. Там оно провалялось чуть не три месяца, по-

том колесо по югу. И получил я его уже в начале марта, перед отъездом из Крыма.

Тронуло оно меня, взволновало — ужасно.

Но что написать в ответ, что сделать? Я долго думал над этим и придумал только одно, прости меня, боже:

«Поеду-ка и я через горы на лошадях».

На крымских горах тоже висел туман. Но была весна, мне было двадцать восемь лет...

На Ляй-лю, в грязной корчме на перевале, я пил кислое красное вино, пока перепрягали тройку. Все тонуло во мгле, проносившейся по ветру мимо окошечка корчмы... Я вынул письмо, перечитал его — и у меня забилося сердце.

«Ах, милая, чудесная! Но что сделать? Что сделать?»

В корчме не сиделось. Я вышел на воздух...

Туман розовел, таял. В мгlistой вышине светлело, теплело. В небесах, в дыму облаков обозначилось что-то радостное, нежное... Оно росло, ширилось — и внезапно засияло лазурью...

Надо написать, — непременно!

Но что? Куда?

Над горной пустыней, окружавшей меня, сиял легкий лазурный купол. Но еще долго курились зубчатые утесы над стремнинами, пока не блеснуло наконец солнце. И тогда от тумана не осталось и следа. Небо раскрылось над горами во всей своей необъятности, далеко зазеленело в чистом воздухе волнистое плоскогорье. Ветер тянул с севера, но он был ласков, мягок. И, опьяненный этим ветром, я пошел к обрывам, чтобы еще раз взглянуть на море.

Исполинская дымчатая тень в радужном ореоле пала от меня в густой зыбкий пар под обрывом. Бесконечная, изрытая равнина сгустившихся облаков — целая страна белых рыхлых холмов — развернулась перед моими глазами. Вместо бездонных стремнин и скал, вместо прибрежий и заливов, до самого горизонта простиралась подо мною эта равнина, необозримым слоем повисшая над морем. И вся сила моей души, вся печаль и радость — печаль о той, другой, которую я любил тогда, и безотчетная радость весны, молодости — все ушло туда, где, на самом горизонте, за южным краем облачного слоя, длинной яркой

лентой синело море...

Колокольчик однообразным дорожным напевом говорил о долгом пути, о том, что прошлое отжито, что впереди — новая жизнь. Старая дорожная коляска, старая почтовая тройка, ушастый ямщик-татарин на высоких козлах рядом с увязанными чемоданами, дружный топот копыт, под несмолкающий плач колокольчиков, бесконечная лента шоссе... Долго я оборачивался и глядел на сизые зубцы скал, вырезающихся на сини пустого неба... А тройка, мод заливающийся звон и топот, катилась и катилась все ниже и ниже, все глубже и глубже, в лесистые живописные пропасти, все дольше и дальше от перевала, вырастающего и уплывающего в небо.

Здесь, в этих молчаливых горных долинах, стояла прозрачная тишина первых весенних дней, красота бледно-ясной лазури, черных голых деревьев, прошлогодних коричневых листьев, слежавшихся в кустах, первых фиалок, диких тюльпанов.

Здесь еще только начинали зеленеть горные скаты, отдыхая от стужи и снега. Здесь хрустально чист и свеж был воздух, как быва-

ет он чист и свеж только ранней весной...

И казалось мне тогда, что ничего не нужно в жизни, кроме этой весны и дум о счастье.

А в конце марта, будучи уже в деревне, на севере, я неожиданно получил — почтой, через Москву — телеграмму из Женевы:

«Исполняя волю покойной, сообщаю вам, что она скончалась 17 сего марта. Эль-Маммуна».

1909–1926

Птицы небесные*

С горы, по наглаженной, ухабистой дороге, спускался к реке студент Воронов. Возле моста, положив руки на костыль и глядя на реку, стоял какой-то маленький человечек.

Изумрудные льдины лежали вокруг темно-лиловой проруби. Голоса баб, полоскавших белье, звонко раздавались в морозном воздухе. Солнце скрывалось сзади, за горою, снежная долина вся была в тени, но оконца изб и кресты церкви на противоположной вороновской стороне еще горели лучистым золотом.

Глубокие январские снега, огромные снеж-

ные шапки на избах алели. Красновато чернел и сквозил возле церкви сад вороновского поместья, густо и свежо темнели сосны палисадника перед его домом. Дым из труб дома поднимался в чистое зеленое небо ровными фиолетовыми столбами.

Казалось, что стоявший возле моста любитесь.

Мимо него, со скрипом, раскатывались, неслись розвальни: шибко возвращался обоз порожняком. И он благоразумно отошел к сторонке.

— Держись, срежу! — крикнул один из обозчиков, сани которого раскатились особенно лихо.

Стоявший обернулся, что-то крикнул в ответ... И, махнул рукой, закашлялся.

Студент сбежал к мосту, — он все кашлял. По вытянутой шее и склоненной голове, по тому, как он отставил костыль, опершись на него обеими руками, видно было, что кашель затяжной, мучительный. Но, должно быть, притворный: верно, что был дурачок, бродяга по святым местам, и, верно, он заметил барина.

Студент поравнялся с ним, заглянул ему в лицо, под самодельную шапку с наушниками и назатыльником, мехом внутрь. Тогда он смолк, низко поклонился и, отдуваясь, медленно побрел по мосту, с визгом вонзая в морозный снег железный наконечник костыля. Худые ноги в больших лаптях еле волочились...

Нет, не дурачок. Просто нищий и больной. Необычна была только аккуратность, с которой лежали мешки за его спиной. Необычен и зипунишка, старый, но тщательно заплатаанный. И уже совсем необычно было лицо — лицо подростка лет под сорок: бледное и изможденное, простое и печальное. Черные глазки глядели со странным спокойствием. Печальные губы среди реденьких усов и бороды полуоткрывались. Прядь длинных волос, по-женски ложившаяся на маленькое восковое ухо под наушником, была суха и мертва. Тело — щуплое, тощее, с болезненно приподнятыми плечами.

— Застыл, старик? — крикнул студент с деланной бодростью.

Нищий приостановился и тяжело перевел

дыхание, раскрывая рот, поднимая грудь и плечи.

— Нет, — ответил он неожиданно просто и даже как будто весело. — Застыть не застыл...

И опять собрался с духом и прибавил еще бодрее, таким тоном, точно все обстояло вполне благополучно, кроме того, с чем уж ничего не поделаешь:

— Застыть не застыл. А вот здоровье... Он приподнял грудь:

— А вот здоровье все хужеет!

И легонько двинулся вперед.

Студент осмотрел его лапти, онучи: ноги тонки и слабы, онучи тонки и стары, лапти разбиты, велики... И как это он ухитряется ходить по такому морозу?

— Уж очень у тебя, дядя, обужа-одежа плоха! — сказал студент.

— Обужа, верно, плоха, — согласился нищий. — А вот одежда... Нет, одежда ничего. У меня под ней кофта ватная.

— Все-таки студишься небось без валенок-то?

— Студишься... Бока колет... Закашляешься — прямо смерть.

Говорить на ходу было трудно. И студент остановился. Остановился и нищий и поспешил положить дрожавшие руки на костыль.

— Дальний?

— Дальний... Из-под Ливен.

— Давно удушье-то?

— Удушье-то? Давно...

— Селитру не жег? Очень помогает.

— Нет. Перец... пил.

Студент покачал головою.

— Глупо, — сказал он. — Я вот на доктора учусь, доктором, значит, буду... Понимаешь?

— Дело хорошее... Как не понимать...

— Ну, так и послушайся меня: перец не пей, а купи селитры. И стоит-то всего две копейки. Разведи, намочи бумагу, высуши и жги. Подышишь — полегчает.

И опять согласился нищий, не придав, видимо, ни малейшего значения селитре:

— Это можно. Деньги не велики.

— А ночевать-то где ноне будешь?

— Ночевать-то? Ночевать везде можно... В Знаменском ночью...

— Как в Знаменском? — сказал студент. — Но ведь ты туда к свету со своей ходьбой при-

дешь!

— Мне спешить некуда, — ответил нищий и так просто, что студент слегка смешался. Помолчал и спросил:

— Побор в мешках-то?

— Ну, побор! Добришко... Рубахи, портки. Порток у меня много... Трое...

За мостом дорога раздваивалась: одна шла круто в гору, к вороновскому поместью, другая, отлогая, наискось к церкви.

— Слушай, — сказал студент, — пойдем к нам. Я бы тебе деньжонок дал...

Солнце закатывалось. Нищий посмотрел на гору, на черную, густую зелень елок в вороновском палисаднике, на мертвеющие сизые крыши усадьбы, на малахитовые снега выгона... И не спеша ответил:

— Беден только бес, на нем креста нет. А мне они почесть без надобности. А коли хочется, дай.

— Ну вот, и пойдем.

— А пойтить... не пойду. Ночую в Знаменском, ежели... дойду...

И, склонив голову, отдуваясь, полегоньку, нищий упорно побрел по дороге к церкви.

Студент забежал домой, захватил кошелек и догнал его на выезде в поле. Оттуда, с севера, дуло острым ветром, клейко схватывавшим усы и ресницы. Темнела и вся двигалась мутно-фиолетовая снежная равнина, отлого поднимавшаяся к высокому ветряку на горизонте. Свет заката еще брезжил на ее крестом простертых крыльях. А темнеющее поле все курилось и курчавилось, бежало быстрой дымящейся зыбью поземки.

— Ну-ка вот тебе полтинничек, — слегка задохнувшись, сказал студент, когда на скрип его шагов нищий обернулся и остановился. — Да скажи, как понимать тебя, — прибавил он шутливо.

Нищий усмехнулся.

— А мне теперь ничего, полегчало, — ответил он бодро, хотя лицо его посинело и сморщилось, а на глазах от ветра выступили слезы.

Сняв большую варежку, он неловко взял ледяными пальцами монету и задумчиво посмотрел на нее. Студент ждал великой радости, но поблагодарил нищий довольно спокойно:

— Вот за это спасибо... А поминать меня, бог даст, не придется... Дойду.

— Серьезно, как звать-то тебя и что ты за чудак такой? — спросил студент.

— Звать-то? Звали Лукой... А уж чем чуден я — не знаю.

— Да ведь замерзнешь!

— И замерзнешь, не откажешься. Смерть, брат, она как солнце, глазами на нее не глянешь. А найдет — везде. Да и помирать-то не десять раз, а всего один.

— В рай, значит, спешишь попасть? — сказал студент, трогая ухо и поворачиваясь от ветра.

— Зачем в рай? Это еще дело темное — не то есть он, рай-то, не то нет. А мне и тут не плохо.

Ветер все сильнее дул в спину, в голову, леденил затылок, делал легкими ноги. Студент с удивлением взглянул в лицо нищего:

— Это тебе-то не плохо?

Нищий тоже взглянул ему в глаза.

— А что ж мне? — спросил он. — Беден только бес, на нем креста нет. А я живу себе.

— Живешь, как птицы небесные?

— А что ж птицы небесные? Птицы-звери всякие, они, брат, о раях не думают, замерзнуть не боятся.

— А ты что? Философ? Атеист?

— Не понимаю я этих слов.

— Знаю, что не понимаешь. Я хотел спросить: в бога-то ты веришь?

Нищий подумал.

— В бога нет того создания, чтоб не верило, — твердо сказал он.

Студент взглянул на него с еще большим удивлением. Но стоять было так холодно, что он поколебался, поколебался и решительно выговорил:

— Ну с богом!

— Стало быть, прощайте, — отозвался нищий и тряхнул своей круглой шапкой. — Спаси Христос...

И, подумав, надел варежку и повернулся. Маленький, сторбленный, с высоким костылем, он скоро стал еще меньше, по пояс утонул в сумерках и волнистой снежной зыби, густо бежавшей на него от мельницы...

Вечером студент долго ходил из угла в угол по залу. Прислуга спала. На столе горела лам-

па, в углу, перед иконой — лампадка: когда барыни не было дома, нянька всегда зажигала ее, — чтобы бог дал благополучную дорогу. И теперь студент с тревогой посматривал на часы, — был уже девятый, а матери все не было.

— Дикарь! — говорил он иногда вслух, вспоминая нищего.

Ночью он спал мало. С вечера читал Юнга и часов в десять, в валенках и башлыке, вышел взглянуть на восход Близнецов. И на пороге сеней оторопел: показалось, что свету божьего не видно, — так гулко шумел сад от морозной бури, так бешено несла поземка. Но сад четко чернел над ее непрерывно несущимися вихрями, и звезды огнем горели на черном чистом небе. Утопая в снегу, нагибая голову от жгучей, захватывающей дух пыли, студент одолел гудящую аллею и глянул в поле: темь, смутно волнующееся белесое море — и над ним, как два страшных, то исчезающих, то появляющихся алмазно-голубых глаза, две яркие, широко расставленные звезды...

Второй раз студент добрался до садового вала в двенадцатом часу. Стало еще морознее

и страшнее. Все спит мертвым сном, нигде ни огонька, сад ревет властно и дико. Небо еще чище, чернее, звезды еще пламеннее. А над белым морем метели — два других, еще шире раскинутых, кровавых глаза; Арктур и Марс. Остро блещут зерна Волопаса, веером рассыпанные на горизонте за мельницей. Близнецы, сдвинувшись, горят почти над головой...

«Замерзнет, черт!» — с сердцем подумал студент про нищего.

И всю ночь тревожно и однообразно стучали в темный дом, заносимый снегом, плохо прикрытые ставни. До костей промерзнув на ветру, студент заснул крепко, но потом стал сквозь сон томиться этим стуком. Он очнулся, зажег свечу, оделся... Ставни уже не стучали. И, выйдя на крыльцо, он услышал отдаленную сонно-певучую переключку петухов и замер от восхищения. Свежо и остро пахло тем особенным воздухом, что бывает после вьюги с севера. Тихая, звонкая ночь, вся золотистая от полумесяца, низко стоявшего над горой, за долиной, мешалась с тонким светом зари, чуть алевшей на востоке. Треугольником дрожащего расплавленного золота висела там Вене-

ра. Марс и Арктур искрились высоко на западе. И все звезды, мелкие и крупные, так отделялись от бездонного неба, так были ярки и чисты, что золотые и хрустальные нити текли от них чуть не до самых снегов, отражавших их блеск. Горели огни по избам на селе, петухи как бы убаюкивали нежно-усталый, склоняющийся полумесяц. И с звонким скрипом, с визгом въезжала в ворота знакомая тройка вся серо-курчавая от инея, с белыми пушистыми ресницами...

Когда студент подбежал к саням, мать и кучер в один голос крикнули ему, что на знаменской дороге лежит в снегу мертвое тело.

1909

Подторжье*

Конец мая, и в поле еще прохладно, дует ветер, то и дело прячется в облака солнце, идут тени и свет.

Ехали, тряслись на тележке часа четыре. Устали, и все надоело. Но вот наконец открылась в широкой дали картина города, забелела полоса шоссе, бегущего к нему; и веселее шевельнули вожжами, покатили вдоль него рысью, отгоняя прочих едущих на ярмарку. Повеселела и погода, ветер стих, и все приближающийся город, его монастырь, острог, кресты церквей и стекла домов уже видны ясно, блестят против вечернего солнца.

И воздух стал меняться. Он еще прохладный, миндальный, полевой, но уже мешается со множеством прочих запахов. За телегами идут привязанные к ним лошади и коровы. На рогах коров тоже блестит низкое солнце, коровы идут медленно, с женственной неловкостью. Молодые кобылки и жеребчики, когда их объезжаешь рысью, красиво и гневно горячатся, шарахаются. И пахнет конским навозом, и коровами, и дегтем, и сеном, кото-

рым набиты тележные задки, и больше всего — городом и ярмарочным станом, уже раскинувшимся на громадном выгоне перед монастырем. Там, на этом выгоне, белеют балаганы, дымят собранные на скорую руку походные печки, набралось порядочное количество скотины и телег с поднятыми оглоблями, расставленных, однако, еще довольно просторно...

Через несколько минут тележка, с непривычной для деревенского уха грубостью, вдруг загремела по мостовой. Город!

Остановились, как всегда, на Острожной улице, на той, что прямым вводит в город между острогом и монастырем.

На большой двор подворья едва въехали — так тесно. Все заняли цыгане, которые навели целый табун лошадей: и донских, и киргизов, и кровных, породистых, крытых попонами. Посреди двора — огромный фургон с кожаным верхом, весь изукрашенный медными драконами. Рядом разбита полосатая палатка. Под ее поднятыми полами постлана прямо на земле необъятная постель, — навалено

несколько перин, кое-как прикрытых лохмотьями ситцевых одеял, и множество сальных красных подушек. На подушках высоко лежит навзничь, как мертвый, спит мальчик лет пятнадцати, босой, в коротких порточках, необыкновенной красоты. У ног его густо и пахуче дымит самовар и сидит, пристально смотрит молодая цыганка. На шее сургучные нити кораллов, навешены старые серебряные кресты. Смотрит, курит трубку и сплевывает.

Зато в горницах ни души. «Да и ночуете одни, все при лошадях, на дворе», — сказала большая гнутая старуха, мать хозяина. «А это и того лучше, — ответили ей. — Распорядитесь-ка, матушка, насчет самоварчика да позвольте руки немножко помыть».

К чаю купили калачей, колбасы. Потом сидели, курили на крылечке, разговаривали с подходящими барышниками и цыганами о том, как идет подторжье, каковы намечаются цены. Барышники твердят:

— Что господь даст! Что господь даст! Он цены строит... Вечером из-за крыш города — золотой свет большой низкой луны. Свет и тени лежат во дворе, который кажется краси-

вым, а от фургона, от палатки даже несколько сказочным. Как тепло, что значит город! И оттого, что по этой прямой и широкой Острожной улице все едут и едут, скрипя телегами, а по выбитому тротуару идут и переговариваются, ночь весела, празднична.

Утром говорливая толпа идет, валит в другую сторону, — вон из города, по направлению к монастырю. Туда же несутся, ныряя по пыльным ухабам, извозчики.

Ветрено, но солнечно. И все время праздничный кавардак колоколов, не смолкающий ни на минуту, не дающий говорить и слушать.

Какое многолюдство и как все растет оно! Густая толпа теснится возле ворот монастыря, — бородатые, волосатые и загорелые мужики, все чужие, новые для глаза, из дальних, задонских деревень, и великая пестрота нарядных баб и девок, тоже чужих, кажущихся красивее, чем свои. Ворота монастыря, по бокам которых во весь рост написаны два длиннобородых старца в зеленых рясах и черных епитрахлях, с развернутыми хартиями в руках, широко раскрыты, и из них выезжа-

ют купеческие коляски.

Против монастыря — большой желтый острог, и из всех решетчатых окон его смотрят, прильнув к решеткам, широкие бледные лица под серыми бескозырками. У ворот острога тоже толпа, — сердобольные души принесли острожникам праздничного калачика.

В канаве возле шоссе спит молодой босяк с маленькой стриженной головой. Какое-то своеобразное изящество, какое-то щегольство есть во всей его легкой, не деревенской фигуре, в его короткой ситцевой рубаше и рваных дырявых брючках. Проходящие смеются, острят:

— Кто праздничку рад, тот до свету пьян! А на шоссе одиноко стоит распряженная телега, а на телеге, на возу, сидит пожилая девица в драповом дипломате. На крыльях носа пыль. Дует жаркий ветерок, несет шум и гомон ярмарки, и лицо у девицы отупело от сидения, от обиды, что ее посадили и ушли, что все идут и смотрят на нее.

А вот уже и пыльная, истоптанная трава выгона. Тут, на отлете, на самом ходу, при-

строился со своим столиком квасник. Толпа валит и валит мимо, многие на ходу пьют у него. И он потен, красен, с расстегнутым воротом, с картузом на затылок, радостно замучен своим призывным криком и бойкой торговлей. Не прекращая кричать, он то и дело с треском раскупоривает бутылки, озабоченно отсчитывает сдачу медяками, а сам бьет сапогом двух красных петухов, сцепившихся под его столиком.

И с каждым шагом вперед все растет теснота — от народа, от телег, от скотины: поминутно спотыкаешься на связанных овец, лежащих на земле среди пыли и навоза, опасно пробираешься между рогатой скотиной, жмешься возле лошадиных задов.

Вот даже и совсем надо остановиться, — ходу дальше нет: в расступившемся кругу тесной толпы идет бешеный торг. Торгуют всего-навсего мужицкую лошаденку с легким дрожащим хвостом. Но какая горячка, сколько крику! Как яростно носится, держа эту лошаденку за повод и поминутно с диким и вызывающим видом оборачиваясь на зрителей, цыган со смольной бородкой, с черно-золоты-

ми глазами!

Он в расстегнутой жилетке поверх лиловой рубахи, в плисовых шароварах, одна штанина выпала из-за голенища.

— По душам сказал — бери! — кричит он.

На него смотрят: пузатый седой барышник с серебряными брелоками на часах, затягивающийся из серебряного мундштука, и мелкопоместный барин в белом картузе, в черной поддевке и серых штанах навывпуск.

— По душам сказал, душевно говорю! — сипло кричит цыган, круто заворачивая и осаживая сразу на все ноги лошаденку. — По душам сказал — бери! Ну, сто монет — и пойдем жижку пить! Зимой приеду, угощать станешь, хлеб-соль дашь!

— Вот что, — кричит барышник, — по божьему, по-хорошему, по-любовному, с веселым сердцем: шесть красных — и кончайте! Лошадь работница! Не сопата, не горбата, животом не надорвата!

— Я лошадь не корю, — кричит барин. — Я лошадь принимаю!

— Лошадь дурить нельзя! — подхватывают в толпе.

— Дай бог дите такое! — кричит цыган.

— Ну, и молитесь! Его святая воля!

— Ну, была б жива-здорова!

— Господи благослави! Кончайте!

Крестятся, яростно бьют по рукам, но барин кричит:

— Пять красных и магарыч мой!

И цыган бешено плюет:

— Тьфу! Сахаром тебе в уста, огнем из заду, этот магарыч твой! Что с тобой говорить, только кровь гадить!

Спешно подходит с высокой палкой в руке старый цыган, лицо которого точно со старой медной медали.

— Стой! Что за шум, а драки нету? — кричит он. — Стой, я вас помирю!

И торг начинается опять сначала, закипает с новым ожесточением.

Васильевское, 1909

Произведения, не включавшиеся в собрания сочинений

<Песня жаворонка> *

Я помню себя еще маленьким мальчиком, когда я услышал песенку жаворонка. Это было весеннею зарею, когда в небе одна за другою гасли[5] серебряные звезды.

Мы жили на краю большого села, от нашего домика уходили вдаль нивы, а с другой стороны в темных оврагах распевали весною потоки, падая с уступа на уступ и[6] разбегаясь по гольшам. Сочная молодая травка вырастала в мае на этих уступах, и я помню, как часто я сходил в жаркий полдень на эти лужки и разгоряченным лицом ложился на холодную траву...

Но слушайте дальше.

Долго я сидел взаперти зимою в домике, про[7]

И вот наконец пришла весна. Я стал гулять по проталинам в саду. Дни были теплые,

влажные. Вон за оврагом от оттаявшей земли всходит пар. Земля отходила, и далеко по лугам весь день стояли туманы.

А петухи распевали во все горло, оглашая село своими криками, воробьи, как сумасшедшие, трещали по голым кустам калины и смородины.

Весело было мне смотреть, как первая муха забилась у нас между рамами и солнце забрасывало теплый луч в комнаты. Под окнами у нас стояли лужи воды, и когда солнечный день играл на них, они трепетали, дрожали и сверкали, как расплавленное золото, и на потолке нашей комнаты отражалась та же лужа, и так же дрожала и сверкала она.

И вот в это-то время я услышал жаворонка.

Помню, после теплого светлого дня наступила ночь, погасла вечерняя заря, но долго не смолкали грачи в ближней березовой роще, и, когда наконец замолкли они, глухо было слышно, как шумели потоки, словно кто лил из ушата в кадку воду, как шуршал порою обливающийся снег. Я долго не спал, долго лежал с открытыми глазами в своей комнате. В моей детской голове связывались разные

фантастичные мечты, наконец я стал уже забываться, когда часы пробили три раза. Звуки эти заставили меня опять очнуться. Я лежал еще несколько времени, и в голову мне пришла мысль, — не спать до утра, видеть, как поднимается солнце.

«Должно быть, недалеко до зари», — подумал я и взглянул на небо через окно. Но небо было еще темно. И какая-то большая звезда голубым блеском мерцала через стекло. Я подумал, как должно быть хорошо теперь на дворе, и решился одеться и выйти.

Робко я пробрался по темным комнатам и вышел из гостиной с балкона в сад. Сад выходил в поля. Я долго гулял по ним, сначала с непонятным замиранием сердца, а потом смелее. Я слышал шум воды, слышал, как в темных кустах что-то копошилось и пищало. Я останавливался, закидывал голову[8] и долго смотрел в глубину неба, и мне казалось, что мириады звезд словно были развешаны в темно-синем пространстве. И тогда-то, может быть в первый раз, пробудилось во мне смутное чувство трепета и благоговения перед творцом миров, благословляющим свои со-

здания и распускающим над землею свой милостивый, божественный покров...

А между тем далекий край неба уже начал бледнеть. Тихо приближалась весенняя заря, и жизнь начала просыпаться. Где-то далеко на деревне закричал петух, за ним другой, третий... Воробей сквозь утренний чуткий сон чирикнул в кустах. Ветерок шевельнул деревья и стих... прозвенел вдалеке на поле бубенчик на жеребенке, должно в ночном, и замер.

Все опять замолкло... Тихо стало на земле и на небе, затихла природа, затаила дыханье в ожидании дня.

И я услышал, как с опушки сада вспорхнула птичка. Скоро в утреннем чистом воздухе раздались звонкие трели жаворонка и с тех пор остались на всю, кажется, жизнь в душе.

Мне показалось, что смолк глухой ропот потоков и все стало внимать тихо-звонким трелям. И на эту песнь отозвалась моя чуткая детская душа. Я, помню, прислушивался, прислушивался, и непонятная тихая грусть овладела мною.

У меня покатались слезы. Я хорошо чув-

ствую и сейчас эти моменты в то время, когда я сосредоточиваюсь и на минуту забываю бедную жизнь мою, отдаваясь прошлому.

А жаворонок пел, и мне казалось, что он рассказывает что-то ангелам, которые глядели на землю своими кроткими очами; жаворонок видит, думал я, вон тот луч, наполненный утренним туманом, видит, быть может, меня и поет свою тихую песенку. О чем он поет? Его грудь, может, трепещет от наслаждения, что он дрожит в темном весеннем воздухе. Он видит, как спит бедный труженик, он слышит голоса пробуждающейся природы...

Нет! ничего нету милее песни жаворонка. Соловьиная голосистая песня торжественна и звучит любовью страстною и кипучею. Трель жаворонка звонкая, и что хранится в тайниках наших душ, что хранится там самого лучшего, откликается на нее. И теперь, когда я уже вступил в жизнь, когда она уже успела наложить на меня свою грубую ладонь, воспоминание о весенней заре, чистой, как божий ангел, воспоминание о песенке жаворонка возвращает душе моей чистоту и невинность...

А жаворонок долго пел, пел, пока выплыло солнце, когда веселее взглянул мир божий, и опять полые воды еще сильнее разыгрались на лугах[9].

1887

День за день*

Старая история

Тихон Иванович Кондауров сидел после обеда в своей комнате и играл на немецкой гармонии вальс «Тигренок», подпевая себе самым тоненьким голоском, так что даже брови у него поднялись кверху и все лицо приняло страдальческое выражение. Тихон Иванович, конечно, баловался, а баловался оттого, что был, во-первых, в спокойном расположении духа (впрочем, в скучном или беспокойном духе он, по его словам, никогда не бывал), во-вторых, чувствовал себя в физическом отношении даже больше чем спокойно; в этом отношении он тоже никогда почти жаловаться не мог, и, в-третьих, оттого, что день был — 20-е число и в кармане его узких, модных брюк лежало 45 рублей жалованья. Тихон Иванович был человек служащий, пол-

нее сказать, служащий у старшего нотариуса елецкого окружного суда. Дело свое он знал хорошо, так что иногда брал на себя даже роль поверенного по чьим-нибудь делам, принимал на себя хлопоты по закладу в банки и т. п. От всего этого у него набиралось в месяц почти 70 р., а это было очень недурно, если принять во внимание прежнее положение Тихона Ивановича в юношестве, когда он был библиотекарем в маленькой библиотеке захолустного уездного города и звался Тишкой. Теперь же он нанял себе квартиру в три комнаты с кухней, с отоплением и с мебелью, даже с украшениями в виде олеографий; женился на дочери мелкого помещика, причем взял немного приданого, завел себе «рабочий» кабинет, в котором стоял письменный стол, а на столе — две фигуры белых гипсовых китайцев, прекрасная чернильница и лежала стопка бумаги, на которой было напечатано: «Тихон Иванович Кондауров в Ельце»; купил себе ружье, длинные сапоги, которые постоянно лежали в пыли под кроватью, достал даже громадного, кудрявого водолаза и звал его «Бисмарк».

Что касается самого Тихона Ивановича, то он пополнил, стал солидным мужчиной, стал носить на своих больших ногах модные штиблеты и такие же брюки, куцую визитку и, постоянно, накрахмаленные рубашки с стоячими воротничками. Правда, такой костюм не был очень красив на плотной и здоровой фигуре Тихона Ивановича, но Тихон Иванович не замечал этого. Про себя он вообще думал, что он красив; ему нравилось его полное, молодое лицо и смелое (даже, говоря по правде, наглое) выражение его, под гребенку остриженная голова и даже манеры, походка; ходил же он немного подаваясь вперед и постоянно заложив руки в боковые карманы брюк, т. е. вообще небрежно, двигаясь как на лыжах в своих низких штиблетах.

* * *

Итак, он сидел, покачивался, держал папиросу во рту, играл «Тигренка» и подпевал себе то басом, то фальцетом. Он даже не обернулся, когда в кабинет вошла его жена — Надежда Федоровна. Она была совсем не похожа на Тихона Ивановича, — небольшого роста, худая, с бледным, задумчивым лицом. Вошла

она, кутаясь в платок, и прилегла на кушетке, стоявшей в углу. Тихон Иванович взглянул на нее, бросил папиросу и, отвернувшись в сторону, заиграл бойко и размашисто «Шумна Марица окровавлена!..».

— Ты пойдешь сегодня куда-нибудь? — спросила Надежда Федоровна.

Тихон Иванович утвердительно кивнул головой и всем корпусом продолжал играть.

— Куда? — продолжала Надежда Федоровна.

— Знаем куда, — ответил Тихон Иванович.

— В цирк, что ли? — повторила она.

— Нет.

— К Крутикову?

— Нет.

— Куда же?

— Знаем куда.

Надежда Федоровна вскочила и сразу вспыхнула.

— Что это за «знаем куда»? — закричала она со злобою и уже почти со слезами, — что это за разговор со мною? Неужели ты не можешь сказать как следует... Вечно так...

Тихон Иванович перестал играть и бросил

косой взгляд на жену.

— Нельзя ли потише-с? — спросил он насмешливо.

— Нечего мне «поттише-с», — закричала опять Надежда Федоровна, — ты со мною слова путного никогда не скажешь. Я, ей-богу, разговаривать с тобой никогда не стану... Это...

— Дальше? — резко крикнул Тихон Иванович, сразу повертываясь и подпирая руки в бока. Надежда Федоровна хотела тоже что-то крикнуть, но не смогла, махнула рукой, вскочила и с рыданьями выбежала из комнаты.

Тихон Иванович поглядел за нею, встал. Ему стало немножко жаль ее.

— Пойти, что ли, — подумал он, стоя. — Нет, ну ее к... чертям, — возразил он себе сейчас же и растянулся на диване.

Полежав, он закрыл глаза и стал уже погружаться в сон; но вдруг вскочил, сбросил с себя визитку и жилет, расстегнул рубашку и снова упал на подушку... Через несколько минут он храпел.

* * *

В сумерки он встал, крепко потянулся,

сплюнул и стал умываться. Умывшись, он оделся, подрал себе стриженую голову щеткою, надел поддевку на лисьем меху и, напевая «Чудные девы, девы мои!..», вышел.

А Надежда Федоровна все это время лежала в своей спальне и думала невеселые думы. Наплакавшись, она немного успокоилась и погрузилась в какую-то элегическую, тихо соющую сердце грусть. Заслышав, что муж проснулся, она вскочила и, как только он хлопнул дверью на крыльцо, с лихорадочной поспешностью стала одеваться. Она твердо решила проследить, куда отправится Тихон Иванович. Но, когда ей осталось только надеть калоши, сразу остановилась: во-первых, Тихон Иванович прежде всего отправится в ресторан и будет долго играть там на бильярде, выпивать с Крутиковым, напевать и скользить на своих лыжах-штиблетах вокруг бильярда. Потом они выйдут на улицу, крикнут извозчика и, не прерывая веселого, циничного разговора, «закатятся» до полночи куда-то... Все это быстро пришло в голову Надежде Федоровне. Она вдруг почувствовала такое страшное презрение к нему, что, не рас-

стегивая пуговиц, сорвала с себя дипломат, бросила шапочку и подошла к окну. Через некоторое время злоба улеглась, и она стала глядеть на темную, грязную улицу и ночное осеннее небо. Она опять задумалась... На глазах у нее стояли тихие, горячие слезы.

* * *

Она сама не знала, зачем вышла замуж за Кондаурова. Когда они венчались, она не думала определенно о цели этой свадьбы; венчалась потому, что другие венчаются, выходят замуж, — и она должна была идти. Почему она так поступала? — Объяснить это можно только тем, что она почти не получила никакого развития и воспитания, с пятнадцати лет, со времени выхода из гимназии, все время жила дома, у отца, мелкого помещика. Идеалов, стремлений не имела почти никаких, читала мало, больше всего иллюстрированные журналы, — словом, была настоящей уездной барышней даже без городского лоска. Но удивительно, что она теперь, в сущности нисколько не переменясь, теперь, когда все, так сказать, кончено, начала ощущать страшную пустоту, тяжесть бесцельной, однообраз-

ной жизни с Тихоном Ивановичем. Прежде она почему-то вовсе не чувствовала болезненного чувства неудовлетворенности от того, что жила день за днем, однообразно и скучно; теперь же это чувство развилось до громадных размеров.

— Господи! что же будет дальше, — думала она, и болезненная тоска все возрастала; неужели я теперь погребена и на целую, да, на целую жизнь осталась в Ельце?.. Неужто дни будут проходить так же бесцельно? Вот теперь зима, потом весна, лето, и опять все сначала. И весна, и зима, и лето — я наперед знаю, как пройдут. Те же дни, тот же обед, сцены после обеда до тусклых сумерек?! — Она села на кровать и вздернула плечами... Она боялась даже дальше думать об этом.

* * *

Какою поэтичною, хорошею казалась ей теперь ее жизнь у отца! В деревне, на воле во все нет такой тяжелой и однообразной жизни... Вот теперь зима... Разве прежде зима оставляла на нее такое впечатление?.. Нет, она даже страшно любила ее прежде, любила холодные, серые дни, необъятные, пустынные

ные снежные поля, любила долгие вечера... В комнате тихо. Тихо так, что слышишь, как шипит керосин в горячей лампе... Отец сидит на лежанке и наигрывает на гитаре полудремотные, полу грустные мелодии; в сердце поднимается какое-то хорошее, но смутное, неопределенное чувство, кажется, что вспоминается что-то далекое и милое, кажется, что сердце со всем примиряется и только просит этого меланхолического сладкого раздумья...

Так, или приблизительно так, думала Надежда Федоровна, и от этого ей становилось еще тяжелее... Как она ненавидела в эти минуты город, свою квартиру и больше всего Тихона Ивановича!

Являлось даже смутное желание отомстить ему.

Она вспомнила о соседе, учителе уездного училища, молодом, скромном человеке, который, как она успела заметить, был влюблен в нее... «А ведь он милый», — подумала она и закрыла глаза... Мысли о том, как бы он стал любить ее, ласкать, целовать руки, сидеть с нею по вечерам наедине, пошли бесконечную

чередою. Машинально она встала и взяла с окна чернильницу и бумагу с твердым намерением написать ему ласковое письмо с просьбою прийти, посетить ее вечером и т. п.

Но когда она взяла уже перо и села к столу, ей расхотелось писать. Она бросила перо и опять прилегла на кровать.

* * *

Часа в два ночи она услышала, что вернулся Тихон Иванович; раздевшись в передней, он зажег лампу и куда-то прошел с нею по комнатам. Потом вошел в спальную, снял с себя платье и, что-то бормоча и сопя, лег около нее. Она молчала, как убитая...

В комнате было темно и тихо.

Только слышался шум ветра; на дворе стояла вьюга.

«Господи, завтра все это опять повторится!» — подумала она, уже начиная дремать...

<1889>

Первая любовь (из воспоминаний детства)*

*Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно...*

— **М**итя! — Митька!

— Дмитрий Алексеевич!

— Бледнолицая собака!

— Да вставай же ты, наконец!

Я уже проснулся, но старался показать, что страшно разоспался и не понимаю, в чем дело. Натягивая всеми силами на голову одеяло, которое тащили с меня Петя и Лева, я только мычал и брыкал ногами. Но они не унимались и, спрыгнув с подоконника, на котором сидели (влезли они из сада в окно), остановились около кровати.

— Вот какой ты! — пробормотал в нерешительности Петя. — Что с ним делать? Мы пропустим зарю...

— Уйдем, — своим обыкновенным, резким и отрывистым, тоном сказал Лева. — Он не товарищ, а баба, старый колелый лось! Вле-

пим по кулаку, и уйдем!

— Я, брат, так влеплю, что ты... умрешь! — неожиданно крикнул я, приподнимаясь и взмахивая кулаком так, как будто в нем что-нибудь было. В эту минуту мне казалось, что я необыкновенно грозен и дик.

Но Петя и Лева, к удивлению моему, разразились самым добродушнейшим хохотом и протянули мне руки.

Я, немного сконфуженный, пожал их, хмуро и нехотя, и опять упал на подушку.

— Ну, идем же, идем! — сказал Петя. — Мы в самом деле пропустим зарю.

Это было сказано так искренне-серьезно, что я сам испугался мысли пропустить зарю. На что нам была эта зоря, для чего мы друг другу давали слово стеречь ее — я, право, теперь хорошо не объясню. Но тогда я думал, что это необходимо. Нам ужасно нравилось выходить из дому чем свет, когда еще и деревня, и темные поля, и далекий густой лес объаты мертвым сном и только на востоке небо покрывается серебряными, светлыми полосами. Тогда нам казалось, что мы совершенно одни и в свежем полутемном лесу дей-

ствительно все таинственно и первобытно. Мы, как настоящие индейцы, забирались в самую чащу сада и, дожидаясь восхода солнца, садились в кружок и курили «трубку мира», или, иными словами, трубку, утащенную у моего дяди. И хотя я был уже лет двенадцати и отлично понимал, что все это игра, и даже совсем детская игра, но мне она так нравилась, что я не мог не наслаждаться ею.

Поэтому я сейчас же вскочил и стал натягивать чулки.

— Солнце ведь еще не взошло? — спросил я торопливо.

— Ты бы дрыхнул до обеда, — ответил Лева, — да потом бы и спрашивал.

«Пугает! Не так уж и поздно», — подумал я, подходя к умывальнику и ежась от утренней свежести, которая плыла в открытое окно.

Холодная струя воды заставила меня еще больше вздрогнуть и окончательно проснуться. Торопливо умывшись, я был уже готов к походу. Мы должны были отправиться нынче в дальний путь, в самый конец большого луга, который был у нас за садом. Там начинался лес, и широкий луг переходил в узкие овра-

ги, каменистые и изрытые весеннею водою. Сегодня мы намеревались выкурить там последнюю «трубку мира», чтобы распрощаться до лета. Был последний день пасхальных каникул, и дня через два я должен был ехать в Орел, в гимназию.

— Берите же, — скомандовал Лева, — поскорее луки.

Мы сейчас же надели луки и вылезли в окно на росистую траву сада.

Солнце еще только всходило. На траве лежало холодное матовое серебро росы, но по дорожкам земля уже отсырела и почернела. Светлый, зеркальный пруд слабо дымился. Но отражения высоких, стройных осин были еще неподвижны и ясны; соловей особенно звучно щелкал в молодой зелени. Утро только начиналось.

Мы шли вниз, к пруду, по широкой береговой аллее. Лева был предводителем. Он всегда любил быть первым, любил командовать нами, хотя и был моложе меня и Пети года на два. Выглядывал он еще совсем мальчиком; коротко остриженные белые волосы торчали

на макушке; сложение было еще совсем детское. Но, несмотря на это, он постоянно старался казаться большим, вечно сдвигал брови над бегающими и дикими, как у зверька, глазками и хвалился, или, точнее сказать, не хвалился, а искренне воображал, что он необыкновенно силен. Брови он сдвигал главным образом для того, чтобы казаться грозным; при игре в индейцы, когда мы назначали, кому кем или чем быть, Лева выбирал себе всегда роль какого-нибудь особенно кровожадного краснокожего; называл он себя постоянно «Черной пантерой», смеялся и дразнил Петю, когда тот, в какой-нибудь стычке с мальчишками, раненный, садился и горько плакал и т. д. Но в душе Лева был все-таки очень добрый и чуткий мальчик; по уму — очень сообразительный и бойкий. Петя, напротив, был мальчик, которых можно встретить на каждом шагу.

Мы шли мимо пруда. Лева уже несколько раз сбегал к воде и изо всей силы бил палкою лягушек. Он уже вспотел, покраснелся и измазал грязью, по своему обыкновению, руки, сапоги и штаны. Петя больше любовался при-

родою.

— Что же, ты приедешь на лето сюда, к дяде, или уедешь к отцу? — спросил он меня.

— Непременно приеду сюда, — ответил я.

Лева обернулся в эту минуту и вдруг разразился самым веселым смехом.

— Чего ты? — в один голос спросили мы.

Лева продолжал хохотать.

— Я, брат, все знаю, — проговорил он наконец.

— Что ты знаешь? — удивился я.

— Про Сашу-то!

Я почувствовал, что моментально покраснел до самой шеи. Лева попал в самое больное место: я был в это время «страшно», как мне тогда казалось, влюблен в Сашу, его двоюродную сестру. Она обыкновенно проводила каникулы у отца Левы, так что, мечтая приехать на лето, я имел в виду единственно ее.

— Какую Сашу? — не зная, что сказать, спросил я и сам почувствовал, что сказал страшную глупость.

— Зачем ты лжешь, как старая баба? — вдруг строго перебил меня Лева. Глаза у него засветились, как у зверька, брови сдвину-

лись.

— Что я лгу? — спросил я тоже строго.

— Ты лжешь, что ты не знаешь, про какую Сашу я говорю, — отчеканил Лева, — а сам влюблен в нее...

Я моментально схватил лук с плеч и трясушимися руками наложил стрелу.

— Нет, ты лжешь! — закричал я, уже совсем растерявшись. — Я вот тебя сейчас...

Но Лева перебил меня:

— Я давно знал. Я не хотел говорить Пете... А вот теперь скажу... Только она уже вчера вечером уехала... Выкуси... А если хочешь выходить на бой — становись.

Лева тоже разозлился. Глаза бегали, щеки покраснелись.

— Не хочу я с тобою драться, — сказал я, всеми силами стараясь казаться спокойным. — А только ты сам дурак! И я не хочу больше с тобою идти.

С этими словами я повернулся и пошел опять в сад.

— Да на меня-то за что ж? — жалобно закричал Петя.

Но мне показалось, что они оба заодно хо-

тели меня огорчить и сконфузить. «Братцы», — подумал я и потом, не оборачиваясь, крикнул:

— Подите вы к черту!

Итак, обстоятельства сложились весьма плохо: вместо мирной прощальной экспедиции вышла ссора, вместо окончательного свидания с Сашей — весть о ее отъезде, или, иными словами, — о разлуке с нею до самого лета. Я говорю «окончательного» потому, что думал перед отъездом улучшить минутку, чтобы объясниться с нею. Правда, уже раз я с нею объяснился, но тогда это как-то не вышло. Мы встретились у них в сенях; я покраснел, почувствовал, как будто кто-то провел мне по волосам ледяною щеткою, ероша волосы; я даже не сказал «здравствуйте». Несмотря на то, что Саша была старше меня года на два, я постоянно ее конфузился. Она сама протянула мне руку.

— Что это вас давно не видно? — спросила она.

— Нет, я был недавно, — сказал я, — вы меня не видали.

— Вы, должно быть, были в саду?

— Нет, я и в доме был.

Саша засмеялась вдруг так звонко и мило, что я сразу ободрился, хотя и не понял, чему она смеется.

— Вы, должно быть, в шапке-невидимке были?

— Нет, в своем картузе, — сострил я и окончательно смешался.

— Ну как же я вас не видела? — добивалась Саша.

— Да вы всегда не хотите меня видеть.

— Как это не хочу?

Но я уже не слушал ее и, чувствуя, что мне становится все жарче и жарче, продолжал:

— Я не знаю, за что вы меня так не любите? Мне кажется...

— Вам бог знает что кажется, — перебила вдруг Саша, краснея, тихим и ласковым голосом. — Я, напротив... я даже во сне вас почти каждый день вижу...

Но в эту минуту загремели чьи-то дрожки, и Саша, быстро дотронувшись губками до моей щеки и моментально вспыхнув, исчезла за дверью.

Не успел я еще прийти в себя (у меня даже

дух захватило от радости), как уж кто-то застучал по лестнице. Я нахлобучил картуз и, засвистав, что обыкновенно делал, чтобы скрыть неловкость, быстро сошел с лестницы, встретившись с приехавшим приказчиком, и через сад убежал домой.

Припоминая все это с особенной грустью и нежностью, я сидел один-одинешенек в гостиной. День был теплый, солнечный. В пустом доме (дядя с утра уезжал в поле, прислуга была на кухне) было всюду безмолвно и светло. На балконе дверь была отворена, и из сада иногда залетали пчелы и бабочки. Ветерок осторожно колебал молодую зелень березок. В саду кричали петухи, и как-то особенно весело, по-весеннему, раздавался их крик в этот апрельский солнечный день.

В раздумье я иногда вставал и подходил к отворенной двери балкона. Прислонившись к притолоке, я глядел вдоль по березовой аллее, где из свежей рыхлой земли и из-под прошлогодних листьев торчала ярко-зеленая травка; я чувствовал какой-то неясный садовый аромат, слушал музыкальное жужжание пчел, гулкие удары валька на пруде, — и все неж-

нее и поэтичнее становилась моя тоска. Мне казалось, что я еще никогда не был таким молодым и прекрасным и вместе с тем таким одиноким и печальным. Я глядел в далекие поля, которые открывались с правой стороны сада, и невольно повторял с поэтом:

*Что звенит там вдали, и звенит
и поет?
И зачем эта даль неотступно зо-
вет,
И зачем та река широко разли-
лась,
Оттого ль разлилась, что весна
началась?*

«Что звенит там вдали, и звенит и поет?» — спрашивал я себя с особенною грустью. В ответ на это на глазах выступали слезы, и, стараясь скрыть их, я опять шел бродить по освещенному солнцем безлюдному дому.

— Что это ты сидишь, как шалелый? — спросил меня за обедом дядя.

Я едва мог ответить: моя нежность и поэтичность была оскорблена самым грубым образом.

К вечеру мне стало еще грустнее. Я ушел в поле, дошел до леса и лег на опушке. Лежа на своей шинели, я долго мечтал, до тех пор пока над стемневшими полями не засветилась серебряная звездочка — Венера.

Возвращаясь, я решил непременно съездить на другой день в город. Лева и Петя уже теперь там (они уехали перед вечером), и можно выдумать, что я к ним за книгами — за латинской грамматикой, например. А между тем можно увидеть Сашу, хоть еще раз поговорить, просить писать и т. д.

Подумав это, я почти повеселел и заснул спокойно. Но судьбе было угодно, как говорится, распорядиться иначе.

Дядя у меня был совсем старик — лет под шестьдесят. Человек он был очень странный и в высшей степени серьезный, по-солдатски исполнительный, аккуратный и строгий. Причиной этого была, главным образом, его долголетняя военная служба где-то в гарнизоне. Образования он не получил почти никакого и по выходе из военной службы поселился навсегда в деревне одиноким холостяком.

Имение у него было небольшое, но средства прекрасные: он вел спартанскую жизнь и был неутомимый хозяин; в прежнее время он даже косил сам. Я у него любил гостить, разумеется, единственно из-за того, что в той же деревне на каникулах жила Саша.

Рано утром (дядя вставал до зари) я заявил ему о своем намерении.

— Что ж, поезжай, — сказал он.

— Только на какой же? — спросил я.

— Этого я уж не знаю.

Я запнулся. Дядя всегда любил такую манеру разговаривать.

— Я на чалой поеду, — наконец выговорил я.

— На чалой я поеду, — ответил дядя.

— Значит, на «лысой кобыле»?

— Я поеду парой, а ты знаешь, что разъездных лошадей весной у меня только две.

— Ну как же быть-то?

Дядя улыбнулся.

— Ну как же быть-то? — повторил и он. — Значит, надо ехать со мной.

«Ехать с дядей!» — уж одно это огорчило меня. Но делать было нечего. Я поскорее со-

брался, потому что дядя не стал бы ждать ни минуты, и через полчаса мы уже ехали в город, сидя вдвоем на телеге, высоко наваленной соломой.

Не стану подробно описывать наше путешествие, жаркое, знойное утро, облака густой пыли на большой дороге и несносно медленное движение за обозом, который мы нагнали. Обоз был очень длинный, и дядя, любивший всегда медленную езду, не стал объезжать его. Пахнувшие дегтем телеги были тяжело навалены кулями муки и запряжены седловатыми, огромными, но ленивыми меринами. Возчики, сидя на грядках, дремали, и казалось, что им совершенно безразлично, когда они доберутся до города. Только на одной телеге сидел мещанин, похожий на борзую собаку, и всю дорогу ругался со стариком, ехавшим сзади. Но старик, сутуловатый, толстый, с маленькими глазками и громадной рыжею бородой, по-видимому, ругаться умел очень плохо, и брань выходила вялая, так что не разгоняла скуки.

— Посмотрим, долго ли ты продержишься у самого-то, — говорил мещанин, выплевывая

подсолнухи и болтая ногами. — Посмотрим!

— Небось! — отвечал старик злобно и хрипло. — Небось! Уж если тебя, мошенника, держат...

— Меня-то будут держать! — перебивал мещанин.

— Все этаких чертей держат, — возражал старик.

— «Чертей», — передразнивал мещанин гнусливо, — «чертей»! Слезь, дьявол, высморкайся! Загундосил.

— Сам высморкайся! — повторял старик.

— Енот, дьявол! — не унимался мещанин.

Старик страшно обижался, вскакивал и кричал:

— Я не енот, а крещеный человек! Ты сам енот!

Но мещанин опять перебивал его...

Часов в десять утра (до города было верст двенадцать) мы, наконец, добрались и остановились на постоялом дворе.

Дорога, впрочем, не произвела на меня особенно неприятного впечатления. Думая, что часа через два я буду видеть Сашу, граци-

озную, веселенькую Сашу, я мало обращал внимания на все неудобства и на неприятности дороги. Но на постоялом дворе дело пошло хуже. Еще въезжая в ворота, дядя заметил, что под навесом на телеге лежит прекрасно отпоенный теленок, и сейчас же закричал его хозяину, сидевшему тут же:

— Дядя, что это привез продавать — бычка или телушку?

— Да, — флегматично ответил мужик.

Дядя после этого замолчал и, когда мы слезли с телеги, неизвестно куда скрылся. Я уже успел надеть воротнички (прифрантился) — его все нет. Я бросился, наконец, искать. Забежал в комнаты, где несносно заливалась канарейка, посмотрел еще кое-где — нету. Иду к телеге — навстречу мне дядя, а за ним мужик тащит к нам теленка.

— Купил теленка, — сказал мне дядя. — Ты тут посиди около него, а я схожу кое-что купить.

Меня даже в жар бросило.

— Как? Теленка караулить? — чуть не со слезами возопил я. — Что ж это такое?

— Что ж тут такого? — перебил дядя стро-

го. — Конечно, караулить, — утащить могут. А сходить ты еще успеешь, я сейчас приду. Значит, посидеть можно. Если же неприятно — не ехал бы. Да и не поедешь уж отсюда — пешком, брат, попрешь, если не посидишь. Понял?

Что тут было делать? Тогда мне казалось, что дядя так строг, что легко может исполнить подобное обещание. Чуть не со слезами уселся я около проклятого теленка.

Жду... Проходит час — дяди нет. Телег наехало видимо-невидимо. Под навесом пахнет навозом, жара, духота. Просто смерть моя! Теленок лежит как околелый: глаза дурацкие, стеклянные, связанные задние ноги вытянуты, бока вздулись.

«Хоть бы околел, анафема!» — думаю я с тоскою, поколачивая его кулаками в бок. А обида, тоска все разрастаются.

Опять жду. Проходит еще час. В злобе, со слезами на глазах я, наконец, вскакиваю с твердым намерением уйти и бросить теленка. В это время показывается дядя. Сзади него мужик тащит новое колесо, мешок мелу, несколько «подвой» (железные прутья для со-

хи) и еще что-то в кулечке.

Я бросился к дяде:

— Что же это, дядя, ты до сих пор?

— Заговорился с знакомым мещанином, — спокойно ответил дядя, — да вот и опоздал. Нам пора бы теперь в дороге быть. Поскорей запрягать надо.

— Как — запрягать? — едва мог я выговорить. — А я-то?

— У меня дела посерьезней твоих, — отрезал дядя. — Не забивай глупостями мне голову. Я все равно сейчас поеду, а за книгами к Пете мы можем заехать.

Я прикусил губы чуть не до крови и побрел к калитке.

— Хорошо же! — вскрикнул я в порыве злобы и отчаяния. — Хорошо же! Уйду, непременно уйду! — И, прислонившись к калитке, я заплакал. Поплакав, я несколько успокоился! Я поглядел красными глазами по пыльной улице и вдруг почувствовал, что мне уже несколько не хочется видеть Сашу. Теперь все равно свидание с нею не могло быть таким светлым моментом. Мне казалось, что в душе у меня не осталось уже ни капли любви.

Я махнул рукой и, хмурясь, влез на телегу. Но, влезая, я подумал, что все-таки не худо бы хотя на минутку поглядеть на Сашу, хоть попросить бы писать мне... Мы тронулись.

— Я забегу хоть в женскую гимназию, — начал я, — и скажу Саше, чтобы она передала Пете о грамматике. А он теперь еще в классах.

— Так мы поедем туда, — сказал дядя.

— Да нет, мужская гимназия на другом конце города, далеко.

— Ну все равно, — согласился дядя. Видимо, на него нашел «добрый стих».

Доехав до угла, за которым была женская гимназия, я попросил дядю остановиться и с бьющимся сердцем, одергивая блузу и поправляя воротнички, побежал к гимназии.

В швейцарской я погляделся в зеркало и нашел себя хорошеньким: должно быть, от слез и волнения лицо стало нежного цвета, на щеках играл румянец, глаза светились темным блеском.

— Можно видеть, — робко спросил я у швейцара, — ученицу третьего класса, Александру Брянцеву?

— Подождите пять минут, — сказал швейцар.

Я стал ждать. Мне стало снова весело и легко на душе. Про то, что дядя ждал меня на углу, я и забыл думать.

Резкий звонок заставил меня вздрогнуть, и сейчас же вслед за ним наверху и внизу коридоры зашумели и загудели молодежью. Саша сбежала ко мне еще более милая и изящная в своем простеньком платице.

Смущенно и радостно улыбаясь, я подал ей руку. Около нас толпилось человек пятнадцать ее подруг, и потому мы отошли к самым выходным стеклянным дверям.

— Когда же вы едете? — спросила Саша.

— Завтра, — сказал я, то расстегивая, то застегивая пряжку пояса. — Зашел проститься... Вам хоть немного будет меня жалко?...

Саша покраснела и хотела что-то ответить... Но вдруг стеклянные двери отворились и вошел... дядя! Я обмер.

— Что же ты тут, ночевать, что ли, остался? — сказал он сердито, стоя передо мною с кнутом в руке. («Как мужик!» — мелькнуло у меня в голове). — Ждал, ждал тебя! Наконец

решился подъехать сам.

— Как подъехать? — возопил я и глянул через стеклянные двери... О ужас! Перед самым подъездом стояла наша телега с колесом в задке и с теленком посередине! Не помню, как я пробормотал что-то Саше о каких-то книгах, как вышел из гимназии и влез на телегу. От стыда я не знал куда деваться. На подъезд выбежала целая толпа гимназисток.

Саша хохотала, глядя, как я, с трудом оттолкнув теленка, уселся на грядке телеги, свесив ноги.

— Я тебя в другой раз выпорю, если ты будешь так же лгать, — бормотал дядя, усаживаясь на телегу.

И, как на позорной колеснице, потащил меня со двора гимназии. Теленок, перепугавшись, бился и мычал. Гимназистки хохотали. Я сидел как во сне, как в чаду...

Вечером того же дня я ехал на вокзал. В детской измученной душе было как-то пусто. Я уже, конечно, и не думал когда-либо быть у дяди и видеть Сашу... Молча я лежал на телеге. А вечерняя заря была так поэтична и задумчива... Мы ехали прямо на запад. Вдалеке

передо мною медленно меркнул свет заката. В теплом стемневшем воздухе уже чуялась душистая свежесть росистых степных трав и цветов. Изредка доносился откуда-нибудь из «ночного» звук колокольчиков на жеребятках, и опять все смолкало. Все более и более погружались в какие-то тихие думы и придорожные хлеба, и вся молчаливая степь, по мере того как темнела весенняя полевая ночь...

1890

«Шаман» и Мотья*

Очерк

...**Н**е думайте, что это рассказ из сибирской жизни, из жизни какой-нибудь якутской или бурятской слободы. Я передаю про одну нашу соседку в одной из деревенок Орловской губернии, старую деву-помещицу. Может быть, эта соседка покажется читателям небезынтересною.

Начну с наружности.

Видали вы безобразных старых цыганок? Они по большей части худы и остроносы, глядят как-то странно и дико, одеты в какие-то ветхие, нанизанные друг на друга хламиды,

рукава которых обыкновенно разорваны чуть не надвое... Если видали, то очень легко можете себе представить наружность Олимпиады Марковны, или «Шамана», как прозвали ее наши соседи-помещики из «новых». Она и одеждою, и лицом, и странным выражением глаз страшно похожа на подобную цыганку. Только не всякая цыганка обладает ее странными умственными способностями и ее характером.

Какой же характер у Олимпиады Марковны — добрый или злой, подлый или благородный? На этот вопрос ответить определенно не берусь. Характеры лиц, подобных ей, очень трудно поддаются определению. У Олимпиады Марковны все зависит от настроения — семь пятниц на одной неделе. Сейчас она вас уважает, любит, хвалит, рассказывает повсюду, что вы самый умный человек, первый красавец в округе; и все это вполне искренне. Но чуть что-нибудь не по ней, чуть вы немного повздорили с нею — и у ней сразу меняется убеждение о вас: именно «у ней меняется», а не «она меняет». Тогда она опять-таки искренно убеждена, что вы и дурак, и

негодяй, и все, что угодно. Она везде рассказывает про вас самые низкие сплетни, говорит, что вы дурак, безобразный, «лупоносый», «раскосый» и т. д. и т. д. И я убежден, что в такие минуты вы ей кажется действительно и «лупоносым» и «раскосым», хотя на самом деле вы нисколько не «лупоносый». Одним словом, она вовсе не привыкла составлять о чем-нибудь раз навсегда определенное мнение.

Причина странностей подобных лиц, разумеется, понятна: умственные способности играют у них очень малую роль, а если и играют, то опять-таки очень странную. Олимпиада Марковна в особенности страдает отсутствием самой примитивной логики. Но, впрочем, лучше всего — факты. Я приведу для примера хотя две или три сцены из тех, которые происходят в нашем доме по крайней мере раза три в неделю, потому что Олимпиада Марковна, считаясь нам какою-то дальней родственницей, бывает у нас почти ежедневно. Мы так к ней привыкли, что на самом деле считаем ее родною.

Сидим, например, мы все за обедом. С нами сидит и Олимпиада Марковна в своем

необыкновенном костюме. Ест она много, как бурят, с какою-то странною жадностью и торопливостью. Поэтому начало обеда, когда Олимпиада Марковна увлечена каким-нибудь супом или заливным, проходит в молчании. Но это только до известного момента; откинувшись на спинку стула, Олимпиада Марковна наконец вздыхает и улыбается.

— Вот напхалась-то! — говорит она с видимым наслаждением.

Отец нахмуривается.

— Что это у тебя, Олимпиада Марковна, за выражения! — говорит он недовольно.

Олимпиада Марковна совершенно наивно взглядывает на него.

— Какие, батюшка, выражения?

Отец махает рукой и отвертывается. Олимпиада Марковна вдруг ни с того ни с сего обращает свой взор на меня и как-то по-детски восклицает:

— Ах, какой красавец Ванечка-то стал! Я наклоняю голову к тарелке.

— Да, ей-богу, получше тут всех, — продолжает таким тоном Олимпиада Марковна, как будто кто-нибудь возражает, — ей-богу, краса-

вещь, — упорствует она.

И при этом она ласково треплет меня по голове, цепляя рукавами себе в тарелке.

— Отставь от себя, пожалуйста, тарелку, — замечает отец.

— Зачем, батюшка?

— Она ведь тебе мешает.

— Нисколько не мешает, — возражает Олимпиада Марковна и прибавляет в раздумье, улыбаясь: — Поручик Немешаев... у Евгения на свадьбе плясал. Ей-богу, Ванечка! «Ей-же-ей», как девки знаменские говорили... Помнишь, Алешенька?

— Отстань ты от меня с глупостями, — сердито говорит отец, — не помню я ничего.

— Да как же, батюшка, не помнишь? Пролетным летом-то.

— Да отстань ты!

Олимпиада Марковна злобно взглядывает на него.

— Что же это ты, Алешенька, как зверь какой стал, слова нельзя сказать!

— Хорош «Алешенька», — перебивает отец, — шестьдесят три года малому, а она: «Алешенька».

— Да ну что ж, ругай, ругай! — деланно покорным тоном говорит Олимпиада Марковна, — авось не надолго вам досталось! Может, и умру скоро...

— И отлично сделаешь!

— Да я и сама думаю, что отлично... Земля меня забыла, окаянную...

И так далее...

А иногда у нас происходит такой разговор.

Олимпиада Марковна, бродя по комнатам, заходит ко мне и усаживается около стола, на котором я пишу. Сначала она берет или словарь, или старый задачник и читает, не отрываясь, около часа, иногда только раздумывая вполголоса: «...107 аршин черного сукна, 150 зеленого, заплатив за все это проценты с капитала в 17 120 рублей...» Вот купцы-то нынче как стали жить! — восклицает она при этом.

Потом кладет задачник и тащит какую-нибудь бумагу.

— Пожалуйста, Олимпиада Марковна, не путайте, — говорю я, — не берите, пожалуйста.

— Да я, батюшка, не беру ничего, — возра-

жает Олимпиада Марковна, — что ж я, дура
какая-нибудь?

— Да как же не берете?

— Ах, господи, как будто уж нельзя и по-
смотреть!.. Ты теперь, говорят, во всех газетах
пишешь.

— Так вы бы попросили, я сам могу дать.

Олимпиада Марковна вдруг злобно швы-
ряет рукопись и подымается.

— Да мне и не нужны твои паршивые сти-
хи! — говорит она пренебрежительно. — Ты
думаешь, что ты теперь вправду Аполлон-
ский!

Под именем Аполлонского надо разуместь
Полонского; но я не обращаю на это внима-
ния и говорю:

— А не нуждается — зачем же берете?

— Да и не нуждаюсь брать.

— Ну, значит, тем лучше.

— «Тем лучше, тем лучше», — передразни-
вает Олимпиада Марковна, — болван! У нас и
в роду таких болванов не было.

— Во-первых, я вовсе не из вашего рода, —
говорю я, — а во-вторых, нам с вами про это
ничего почти неизвестно, — было или не бы-

ло.

— Так что же, по-твоему, у нас в роду все дураки были?

— Я не говорю этого.

— Да как же это «не говорю», — не унимается Олимпиада Марковна, — что ж ты дурачишь-то меня! Ты воображаешь, что ты умнее всех стал! «Не говорю»! — как будто я не понимаю...

Олимпиада Марковна кидает на меня насмешливый и вызывающий взгляд и начинает быстро ходить по комнате, нервно завязывая и развязывая платки на голове. Руки у ней дрожат от злобы. Глаза стали совсем дикими.

— Небось не дурей тебя были! И поумнее и поученей во сто раз! — продолжает она.

Тогда я решаюсь окончательно взбесить Олимпиаду Марковну и говорю:

— Эх, господи боже мой, уж куда там «поученей»! Читать небось не умели...

— Да вот не умели читать, да получше тебя, дурака, жили: ты и в праздник того не съешь, не сопьешь, что у них по будням люди едали.

— Да в этом-то бог с ними.

— Ну, значит, и получше тебя были!

— Вовсе не значит.

Олимпиада Марковна вдруг останавливается и вскрикивает:

— Ах, батюшки! Да что ты ко мне привязался?! Я вот изругаю тебя, как собаку, да уйду! Разбойник! Связался с кем, с старым человеком! Брехать только выучился!

Затем страшно хлопает дверью и скрывается из комнаты.

Но лучше всего характеризовать и объяснить характер Олимпиады Марковны может ее воспитание.

Она происходит из старинного помещичьего рода. «Я не хуже ведь кого-нибудь, — говорит она часто, — все-таки не какая-нибудь хамка, а столбовая потомственная дворянка». И это верно, хотя Олимпиада Марковна уже чересчур преувеличивает значение своего происхождения и чересчур часто упоминает разных прапрадедов. Состояние у этих прапрадедов было громадное. Впоследствии оно, разумеется, стало все более и более дробить-

ся, так что у отца Олимпиады Марковны было не более двухсот десятин земли и нескольких сотен крепостных. Впрочем, и это, разумеется, было очень недурно, но собственно Олимпиаде-то Марковне вовсе не пришлось получить действительно барского воспитания. Мать ее умерла еще тогда, когда Олимпиаде Марковне исполнилось только шесть дней, а отец вскоре сошел с ума, так что воспитанием ее занялась ее тетка, старая дева-помещица, и увезла ее в свою деревушку Бутырки. Старая дева была особа полусумасшедшая и при этом «христова невеста» — девственница, как ястреб следившая за нравственностью своих девок и нещадно бившая их при малейшем подозрении. Она жила совершенно одна, окруженная только одними дворовыми девками, вечно гремевшими в «девичьей» своими коклюшками. По ночам она нараспев читала псалтырь, выкрикивала молитвы собственно-го сочинения в религиозном азарте, а иногда вдруг начинала рыдать, упав перед иконами. Ей казалось, что в такие минуты в нее вселяется «змий эдемский и иерусалимский»... Потом вскакивала, вся бледная, с распущенны-

ми волосами, кричала на весь дом в паническом ужасе и бросалась будить девок. Девки тоже вскакивали как сумасшедшие, зажигалась сальная, тусклая свеча, и начинались успокаивания «матушки-барышни».

Старый помещичий дом производил тогда жуткое впечатление среди глубокой осенней ночи... Только к утру засыпала «барышня». Днем она ходила почти совершенно в рассудке, иногда тоскливая и тихая, а иногда злобная и крикливая.

Такие впечатления были первыми впечатлениями Олимпиады Марковны.

Лет двенадцати Олимпиада Марковна, наконец, попала в институт. Свезла ее туда ее другая тетка, тоже очень интересная особа: соседи звали ее «солдатом», и она вполне оправдывала это название — во-первых, своей здоровой, не женской фигурой, во-вторых, грубой, энергичной деятельностью в имение и, в-третьих, — зычным голосом. За голос ее звали даже особо — «хайлом».

Так вот эта-то тетка увезла почти насильно Липочку в институт. Как вела себя там последняя, достоверно ничего не известно.

Знаю только, что она воротилась оттуда, не окончивши курса, девицей с французским ломаным языком, с игрою на фортепьянах и с запасом французских басен. Этими баснями, которые она и теперь иногда твердит, закатывая глаза и делая блаженную физиономию, кажется, и ограничивалось все ее институтское образование.

Поселившись опять у сумасшедшей девы, она повела такую бездельную и скучную жизнь, что под влиянием ее и сумасшедшей тетушки заболела через несколько времени «тоскою». С нею начали делаться такие же припадки, как и с «христовой невестой».

Впоследствии крепостные девки, уже будучи свободными, говорили, что она большею частью «уродничала». «Одна в свете приередница была!» — говорили они.

Но как бы там ни было, ее пришлось везти к угоднику. Впрочем, я забыл сказать, что до угодника к ней приводили еще знахаря. Но тот только испортил дело. Его заклинания: «тоска, тоска, иди во темные леса, там твои места!» — произвели еще более тяжелое впечатление на «барышню». Но угодник ей по-

мог. Она возвратилась успокоенная и повеселевшая. К тому же ее выздоровлению способствовало и то, что она поселилась уже не с теткою, а с братьями.

С ними она уже окончательно превратилась из институтки в барышню, которая могла и девку оттрепать за косы, и переругаться с братьями, ни в чем не уступая им и несмотря на то что братья у ней были не особенно нежные юноши. Воспоминания о «французских вокабулах», о Катеньке Гриневой, о Лизаньке Крутиковой, об учителе Карле Густавовиче — стали для нее уже не действительностью, а как будто далеким сновидением.

Когда «христова невеста» умерла, Олимпиаде Марковне, имеющей уже тридцать лет, досталось десятин тридцать пять земли и флигель. Крепостных не досталось, потому что они уже были освобождены к этому времени. Получив наследство, Олимпиада Марковна перенесла флигель в ту деревню, где жили ее братья, и начала хозяйствовать. Замуж она не пошла, потому что «христова невеста» еще с детства угрожала ей вечным проклятьем за брак. К тому же Олимпиада

Марковна и сама не хотела замуж. Она по ночам стала читать псалтырь, была ужасно богомольна и ко всему этому — свободолобива. «Как же, пойду я, — говорила она, — чтоб какой-нибудь родимец колотил меня каждый день».

С тех пор во флигеле потекла очень странная жизнь. Еще не вполне отвыкшая от крепостничества, Олимпиада Марковна стала чуть не каждый день драться с кухаркою, твердо помня, что она «столбовая дворянка». Но такой титул уже потерял тогда половину своего значения. Кухарки спуска не давали и менялись каждый месяц. Наконец, уже не стал никто наниматься. «Да родимец их расшиби!» — решила Олимпиада Марковна и начала стряпать сама. С этих пор она стала ходить уже не на «столбовую дворянку», а хуже чем на хамку. Бездельница, барышня, не привыкшая никогда трудиться, с странным, безалаберным воспитанием, она, естественно, стала все более терять человеческий образ. По целым дням она стала ходить неумытая, непричесанная, вся в саже и в сале. Постоянное общение с работниками превратило

ее окончательно в крикливую бесстыжую бабу. И горе смирному работнику. По особеннoсти своего характера Олимпиада Марковна, как говорится, «седлала» такого работника. Грубых, напротив, она побаивалась и только за дверью ругала их на чем свет стоит. Ко всему этому присоединялась все более и более развивающаяся бедность или даже больше — нищета... Бедность, разумеется, стала развиваться от системы хозяйства. Славное это было хозяйство!.. Началось с того, что Олимпиада Марковна, получив неограниченную власть, сдала 5 десятин земли богатому мужику из своей деревни, и мужик дал ей за это копен 20 гнилой соломы для топки и для резки корове, две четверти ржи и четвертей пять картофелю. Олимпиада Марковна вполне удовлетворилась этим и на следующие годы стала придерживать той же системы хозяйства, т. е. сдавать землю, и, разумеется, на подобных же условиях.

— Зачем же вы за десятину прекрасной земли взяли пять четвертей прелых картошек? — говорили иногда соседи.

— Ах, господи, боже мой! — сердито вос-

клицала Олимпиада Марковна, — спасибо хоть таких-то дал, а то бы с голоду издохла.

Флигель ее пришел скоро в страшный упадок. Олимпиада Марковна продала его (разумеется, за полцены) и поставила себе маленькую избу. В избе ее жизнь стала уже совсем несчастная: грязь, вонь, под лавками кучи мусору...

Земля по-прежнему сдавалась за бесценок, и Олимпиада Марковна по-прежнему голодала. Но вмешиваться в свое «хозяйство» никогда и никому не давала.

— Я сама не дурей кого-нибудь, — говорила она обыкновенно.

Ее вполне удовлетворяла такая жизнь: свобода полнейшая, ходить можно как попало, — хоть в грязи, хоть в лохмотьях, умыться каждый день не требуется, подчиняться некому... Чего же лучше? Олимпиаду Марковну нисколько не стесняло то, что соседи относились к ней как к дурочке, как к самому несчастному существу. Она вряд ли и соображала это. Вернее, что нет. К тому же, как я уже говорил, она обладала незаменимыми качествами: страшной гордостью по отноше-

нию ко всем разговорам про нее («да родимец их убей») и равнодушием ко всем неприятностям в жизни. Она так же, как и прежде, только уж без приглашений, ходила ко всем в гости, торопливо и украдкой наедалась до «колик» в желудке и, подвыпивши, даже плясала. И плясала — надо отдать ей справедливость — так неистово, что один наш остряк прозвал ее «шаманом». С тех пор так и пошло... Действительно, такую пляскою, выражением лица, нанизанными друг на друга лохмотьями тетушка производила дикое впечатление.

Так прошло лет двадцать. Тетушка, вероятно, намеревалась в том же роде и до самой смерти дотянуть, как вдруг в ее жизни произошли резкие изменения. Независимость ее кончилась, и причиною этого был Мотька!.. Да, Мотька, ее работник!

Представьте себе мужика маленького роста, широкоплечего и широкоспинного, с расплывшимся носом на скуластом безбородом лице и с вечно веселыми плутовскими глазами. Это — Мотька. Он пьяница и «лантрыга», как говорится, в душе. Перед достаточны-

ми «господами» он подличает, заливается поддельным смехом на каждое их слово, — вообще ведет себя покорно до крайних пределов. Над бедными он отпускает остроты, хотя от природы человек добродушный и незлобивый. Он когда-то жил у нас в работниках, так что я знаю его недурно. Он был даже в некотором роде моим воспитателем, например первый начал учить меня непечатным словам, заставляя повторять их и умирая со смеху, когда я выговаривал ругань детским картавым акцентом.

Но Олимпиаду Марковну он забрал в руки твердо. Конечно, хозяйство шло так же; Олимпиада Марковна каждый день бегала к нам и жаловалась, что Мотька ругает ее, продает самовольно рожь, поросят, напивается и ровно ничего не делает. Но едва кто-нибудь из нас собирался поехать и прогнать Мотьку, Олимпиада Марковна вскакивала, как обожженная, и кричала:

— Что же это, батюшки, последнего работника хотят прогнать!

Мы, разумеется, в конце концов махнули на нее рукою и уже спокойно выслушивали

про разные проделки Мотьки. Да и он перестал нас бояться.

— Хочу лошадь продать, — говорит он, например, мне без всякого стеснения.

— То есть как же это «хочу»? — спрашиваю я. Мотька только со смеху закатится на это.

С годами Мотька забирал Олимпиаду Марковну в руки все больше и больше. В последнее время он буквально ни одного дня не пропускал, чтобы не выпить. Что же касается до отношений, которые существуют теперь между им и Олимпиадой Марковной, то лучше всего характеризовать их может следующий эпизод.

Однажды Олимпиада Марковна пришла к нам взволнованная более обыкновенного. Едва успев опуститься на стул, она принялась, как говорится, на чем свет стоит ругать Мотьку.

— Что ж это, батюшки мои! — вопила она неистово, развязывая неловко и нетерпеливо платки, — моя смерть пришла с этим праличем!.. Он меня замулындал!..

— Что такое? С каким «праличем»? — сурово спросил отец, выходя из кабинета, — что

ты тут кричишь?

— Да как же, Алешенька, не кричать?! — накинулась на него Олимпиада Марковна, — и ты-то какой-то стал помешанный! Сестру удавить хотят, а он на нее же кидается!..

Отец остановился.

— Как «удавить»? — изумился он. — Тебя удавить хотят? Уж не Мотька ли?

— Да кто же больше, как не этот разбойник! — подхватила Олимпиада Марковна. — Вчера было совсем умерла!

Отец еле удерживался, чтобы не разразиться хохотом.

— Расскажите, пожалуйста, подробнее, — сказал я, входя в комнату, — что с вами такое было?

Олимпиаде Марковне, должно быть, слышалось в моих словах сочувствие, и она сейчас же начала, едва выговаривая слова от нетерпения:

— Да вы, должно быть, не слышали еще ничего? Он совсем с ума спятил... Ей-богу, спятил... Несказанные дела делает!..

— Мотька с ума спятил? — перебил отец.

— Ну да, разумеется, Мотька... Что же это

ты, батюшка, не понимаешь-то ничего?.. Помешался, родимец... Вчера еще с утра засвистал в кабак верхом... «Лошадь, — говорит, — менять буду». — «Как, — говорю, — менять? Надо у барыни спроситься, а потом уж скакать по кабакам». — «Все этикие шлюхи барыни бывают!» Сел да и засвистал. Что ж мне, не драться же с ним!.. Ну, да это еще ничего. Вечером-то что было! Ты представить себе, Алешенька, не можешь!..

— Неужто правда давить хотел? — серьезно спросил отец.

— Да ей-богу же хотел! — завопила опять Олимпиада Марковна. — Я только загнала корову, глядь — идет! И лошади нету... Я так и обмерла... Ввалился, матушки мои, в избу и прямо ко мне. «Что ты, Матвей?» — спрашиваю, а сама дрожу вся... «Давить тебя, анафему, сейчас буду!» — «Как, говорю, давить? Я крещеный человек... Что ж я, собака, что ли?» — «Ну, идол, нечего зубы-то заговаривать, — молись богу!..» А сам встал, мои матушки, сдернул с себя ремень, — а ремень-то толстущий, — да ко мне! «Слышишь, молись богу!»

— Я, батюшка, обомлела вся... (Олимпиада Марковна заговорила жалостно, нараспев.) Тут-то я узнала, как перед смертью тяжело бывает! Стала я читать псалом Давида: «Вспомни, господи, царя Давида и всю кротость его». А он уж ремень накинул! А, каково? Что мне делать?.. «Матвей, — говорю наконец, — что ты делаешь? Что ты делаешь! Ну, ты меня удавишь — я в царство небесное пойду, а ты в каторгу. Побойся ты господа бога... Что я тебе сделала?» Он поглядел-поглядел — шварк ремень на пол. «Ну, черт с тобой, — говорит, — живи, окаянная!.. Поддай мне супу». Налила супу, подношу — как он опять кулак к морде: «ай жмакнуть?» Потом сразу раздобрился: веселый, родимец, стал: «Я пошутил!» А хороши шутки? Хороши? До сих пор не опомнюсь!..

Мы только руками развели...

<1890>

Федосевна*

I

На большой дороге, в полуверсте от которой начинается деревня, в сумерки сидела старуха. Была глубокая осень, стояли последние холодные грязи, и старый прохожий человек, сидящий в такую пору в поле, производил немного странное впечатление.

Вероятно, это почувствовал и Гришка Матюхин, который проезжал домой со станции, куда возили овес от баскаковского барина.

По крайней мере, он приподнялся в телеге, сдвинул на затылок картуз и долго глядел на старуху, а поравнявшись с межою, на которой она смиренно сидела, положив около себя палку и мешок, не вытерпел и крикнул:

— Тетка Федосевна!

Федосевна встрепенулась и боязливо взглянула на Гришку.

— Это ты, что ль? — повторил он, улыбаясь.

— Я, батюшка, я, — поспешила ответить Федосевна.

— Чтой-то ты, аль перепелов ловишь?

— Нет, я так... уморилась... я пойду.

И Федосевна стала собираться. Завязала мешок, бережно подняла вывалившуюся горбушку хлеба, укусила от нее и опять спрятала за пазуху; потом взяла палку и побрела по меже к деревне.

«Озорники ребята! — думала она. — Ишь нашел кого обидеть — старуху старую!.. Перепелов... Ровесница я ему!»

...Темнело, и сбоку несло резким холодом. Оттого, что набегали белесоватые тучи, по полям стущались тени, неровно и бледно-сумрачно. Не то отсталый, запоздавший грач, не то ворон снялся с межи и боком, низко пронесся над пашнями... И вдруг в воздухе понеслись, замелькали первые снежинки. Через пашни, по кочкам стало сыпать и заметать мелкою белою пылью. Все забелело, а лесочки почернели, выделились среди них, отодвинулись дальше и как-то сразу оказались одинокими и покинутыми в чистом поле...

«Зазимок пришел», — подумала Федосевна.

Эта мысль заставила ее почувствовать нечто вроде страха перед этой первой вьюгою и холодом побелевших пашен. А ну как

Осип не примет ее к себе? Куда деваться?

«Озорной народ стал», — повторила она, вспоминая и насмешку Гришки, и мальчишек, которые иногда для смеха натравливали на нее собак, и характер Осипа... На глазах у нее навертывались слезы...

Да и было от чего заплакать. Немало пришлось вытерпеть ей.

Уже давно она была на вдовьем положении. Лет шесть тому назад, как-то весной, Лукьян пошел на вал около господского сада нарезать на плетушку лозиновых прутиков и положил в карман полушубка хлебный нож. Вечер был темный — хоть глаз выколи, сырой, и в логу в мартовском густом тумане шумела полая вода. Еле добрался Лукьян до вала; нарезал прутьев, связал их оборочкою, посидел, покурил и пошел обратно. Но вдруг со двора поднялся лай и вой господских гончих. Кто-то уже близко шлепал по грязи и посвистывал, подраживая собак. Лукьян сбежал с вала, хотел прыгнуть через ров и поскользнулся... Нож прохватил ему полушубок и почти весь врезался в левый бок.

Помер Лукьян, и «мир» взял у Федосевны

надел. Оставил ей только избу и огород. В избе в одном углу жил сапожник, переселившийся из Каменки, и платил за квартиру двадцать копеек в месяц; в другом углу жила сама Федосевна с двумя своими девками — Аксютю и Парашкою. Огород снимал сосед Демочка, холостой женоподобный мужик, который сам ткал «кросна», стирал на пруде белье и пел высоким фальцетом: «Я вечер в лужках гуляла», за что и пользовался в деревне самыми смешными прозвищами.

Только этими доходами да поденщиною и жила Федосевна. Правда, когда Парашка вышла в Каменку замуж, стало хуже — приходилось изредка ходить побираться, но все-таки можно было кое-как жить. Но приходила голодовка и очень рано посетила Федосевну. Худощавая, «востроносая» Аксютка не вынесла даже и двух месяцев еды землянисто-зеленоватого, липкого хлеба, заболела и, может быть, от этого, а может быть, отчего другого, померла на пятой неделе поста... Федосевна так оторопела от горя, что стала неузнаваема в несколько дней.

Кормиться стало нечем. Сапожник ушел в

село, а огород Демочка по такому времени не снял. Парашкиному мужу было бы не грех приютить почти совсем слепую, слабую, слезливую старуху, но он был не такой человек, чтобы кормить лишний рот. Приходилось по-бираться. И Федосевна пошла. Заперла свою хибарку и пошла куда глаза глядят.

Летом было совсем хорошо: идешь, утомишься, — можно лечь и заснуть на первой меже; лапти были еще совсем новые, а на кресте завязано восемь целковых. Больше Федосевна не успела скопить; думала на старости лет хоть похорониться как люди, купить «покрывало», сшить рубаху. Но пришлось все деньги, копеечку за копеечку, на хлеб и на лук истратить.

Осенью же стало плохо: холод, лапти растрепались, деньги вышли, подавать «скорочки» перестали. А тут еще удушье; вот как иногда схватит кашель, кажется — душа выходит.

Долгая жизнь с беспечальным девичеством, с тяжелым замужеством, с семейными радостями и печалью осталась где-то далеко-далеко... Федосевна еле ходила.

Теперь она добиралась до Каменки. В Каменке жила Парашка.

«Не прогонит, — думала Федосевна, — хоть недельку погощу. Небось ребятишки-то большие стали... Деточки неммысленные!..»

И надежда повидать родимых ребятишек, побыть в теплой избе, съесть мягкого хлебца заставляла ее идти поспешнее... А когда Каменка зачернела совсем близко, у Федосевны так застучало сердце, что она едва держала мешок и ежеминутно поскальзывалась по грязи... Вот и пруд, большой, размытый водою ров у спуска, а за ним на горке изба Парашки... Около избы кружилась овца, а за нею бегала баба, выкрикивая скороговоркою:

— Кытя-кытя-кытя-кытя!.. Федька, забеги справа!

— Постой, я подмогу! — с дрогнувшею улыбкой слабо крикнула Федосевна.

...Загасили огонь и давно спали. Тишина теплой темной избы словно дышала тихим дыханием спящих и легким храпом. Не спала только она одна.

Кашель совсем замучил ее — всю грудь и

голову отбил. Дышать было страшно неловко и тяжело, тело горело, ноги — как во льду. По временам Федосевне становилось так страшно — неприятно, что она изнемогала, забывалась и, когда открывала глаза, долго не могла понять, где она. Темная изба казалась ей какою-то низкою могилою, погребом...

Но на душе у старухи было тепло. Парашка — ласкова, Осип — ничего, даже поздоровался и все смеялся одними глазами, когда она за ужином согрелась, повеселела и начала рассказывать, что она видела и слышала... Можно, значит, отдохнуть, погостить... Только ребятишки не шли. Боятся.

«Немысленные!» — думала Федосевна с грустною нежностью про детей и про Парашку, которую она как-то особенно любила теперь, и в темноте утирала слезы, пока кашель не заставлял ее забывать все на свете.

Кашель ее разбудил, наконец, Осипа. Он был мужик суровый и насмешливый, и потому, проснувшись, он первым делом пробормотал:

— Од наось! Здорово выделявает!

Федосевна притихла и изо всех сил стала

сдерживать приступы кашля. Но, когда Осип стал уже задремывать, не выдержала и так раскашлялась со стоном и хрипом, что разбудила и Парашку. Почесываясь под мышками, она заворочалась и пробормотала:

— Что же это, господи, спать-то не дают!

Осип молча раскуривал трубку. Увидав свет от серника, Федосевна еще более напряглась, чтобы не кашлять, боязливо ждала и не хотела услышать чего-нибудь нехорошего.

Но Осип сейчас же начал:

— Ну, бабка! И чего не спит? Сидит, как шишига ночная!

— Ну, чего брешешь? — сказала Парашка недовольным шепотом.

— Жалеешь? — возразил Осип, сплевывая с трубки. Парашка молчала.

— Навязали осел на шею, — продолжал Осип как бы сам с собою. — Харчевито по нынешнему времени... Да еще и бабка-то, говорят, блажная, не приведи господи!..

— Да что ты привязался к ней? — опять сказала Парашка.

— А то что же... Вот как помрет, — она ведь мышей не топчет, — так увидишь!

— Помрет — похороним.

— Похороним... Еще судьбище заведешь.

— Что ж, по-твоему, делать?

Осип помолчал и пососал трубку, пыхтя и сопя носом.

— Мне что ж... — сказал он. — А только бабке этой самой надо — с богом.

— У, глаза твои непутевые! — особенно выразительно и зло прошептала Парашка, так что у нее вышло: «У глазат твои непутевые».

Осип повернулся и замолк.

Все опять затихло, но Федосевна сидела как пришибленная... Уже долго погодя она через силу, как во сне, слезла с печки, подошла к ведру и долго с жадностью пила вонючую прудовую воду... Возвратившись на печку, она тихо-тихо плакала и не удерживала слез...

...На рассвете, когда она только что забылась, ее разбудила Парашка. Она возилась у печки и говорила притворно-весело и ласково:

— Мамушка! Будя спать-то! Вставай, я тебе лепешку спекла на дорожку.

— На дорожку? — почти бессознательно

переспросила Федосевна. — Да я было, дочка...

— Прихлебнешь с кваском, да и пойдешь сытая... Федосевна трясущимися руками завязала мешочек, торопливо слезла с печи и пошла к двери.

— Куда ж ты! Ты хоть лепешку-то! — крикнула ей вслед Парашка. Но Федосевна уже брела по деревне, плакала и отбивалась от собак, сама не зная, куда идет.

* * *

Дня через три или четыре, в холодный вечер, помещик Чибисов наехал с охотою на мертвое тело. У дороги, на картофельной ботве, лежала старуха. Резкий ветер шуршал ботвою, а дождь моросил и моросил на ее лохмотья и пустой мешок...

<1891>

Мелкопоместные*

Из жизни елецких помещиков Очерки

Еще в комнате было тепло и душно, как в бане, еще в замерзшие окна не брезжил свет, когда Софья Ивановна проснулась и сейчас же перелезла через спящего мужа, зажгла свечу, накинула платок и пошла в девичью.

Зачем она проснулась, зачем вскочила тотчас же, как открыла глаза?.. Все это было бы крайне необычно, как несвойственное характеру и привычкам Софьи Ивановны, если бы не было особых причин.

Причины были, с одной точки зрения, очень незначительные, а с другой — очень важные... Короче, наступал праздник Знаменья, который справляется прудковскими помещиками три дня, и Софья Ивановна еще с вечера беспокоилась за судьбу двух громадных горшков с тестом, стоявших в девичьей на лежанке: тесто могло уйти!

И оно ушло бы, если бы Софья Ивановна, следуя своему обыкновению, полежала в по-

стели; когда она вошла в девичью, горшки, завязанные белыми скатертями, сильно увеличались; тесто взошло «пышно» и росло с каждым мигом.

— Катерина, а Катерина! — окликнула Софья Ивановна женщину, спавшую на лавке около лежанки.

— Что-что-что? — быстро забормотала Катерина, вскакивая с закрытыми глазами.

— Будет, пожалуйста, притворяться-то, — возразила на это Софья Ивановна медленно и недовольно.

— Ушли? — испуганно открыла глаза Катерина.

Софья Ивановна сунула свечу на лежанку и начала развязывать один из горшков.

Катерина глянула на них, сообразила, что все — благополучно, и сделала мутные, злые глаза на барыню. Но сидеть было нечего. Пришлось снова изменить физиономию в озабоченную и разваливать тесто...

Свеча нагорела, и ее свет то дрожал длинным языком, то упал до краев подсвечника; по потолку двигались две тени, а на лежанке немилосердно, но с каким-то тактом шлепа-

ли и трепали тесто две безмолвные фигуры. Трудно было с первого раза угадать, какая из них барыня и какая холопка: у обеих то и дело закрывались мутные глаза, обе сопели и обе были в «русском стиле», с тою разницею, что холопка была больше толста в кострецах, а барыня походила на этюд из «Нивы» — «Русская красавица времен царя Алексея Михайловича» и была мягка и рыхла вся...

Прежние сочинители, желая познакомить читателя с героями и обстановкой своих рассказов, прибегали к очень нехитрому приему: написавши одну или две главы, они или укладывали своего героя спать, или заставляли его погрузиться в думы, или просто сажали обедать и обращались к читателям: «Пока мой герой предается этому занятию, познакомимся с ним поподробнее. История его не сложна: еще на третьем году потерявши мать» и т. д.

Увы! на этот раз приходится и мне прибегнуть к такому же приему и, пока Софья Ивановна треплет тесто, «прервать нить рассказа» и уклониться в сторону...

Прежде всего должен сказать, что мы — в усадьбе помещика Капитона Николаевича Шахова, в сельце Прудках, центре того района мелкопоместных, в котором мы пробудем Знаменские праздники. Капитон Николаевич слывет в этом районе богачом и замечательным хозяином. История его богатства следующая: лет пятьдесят до начала нашего повествования на том месте, где теперь находится устроенная в новом вкусе усадьба Капитона Николаевича, стоял под соломенной крышей деревянный дом, почерневший от дождей и времени. Каретный сарай был во многих отношениях похож на дом, амбары веяли пустою, сад, находящийся за домом, был запущен, и на гумне мыши доедали несколько гнилых темных скирдов. Хозяином всего этого был вдовец — Максим Корнеевич Маховский, отставной гусар, толстый, здоровый мужчина с сивыми усами, внушительным носом и удалым коком на голове. Поселившись в деревне, он в первый же день отправил свою дочку Тоню к тетке в ученье, запил, надел халат и стал ежеминутно требовать трубку. Хозяйство его заключалось только в том,

что он, например, менял проезжим цыганам заводского жеребца на тройку кляч или приказывал «отсадить» голову петуху, который вздумал заорать под окном его кабинета... Естественно, что небольшое именье вкоре разрушилось чуть не до основания и все крепостные были давным-давно на воле. Неизвестно, какая судьба постигла бы и двести десятин, принадлежащих усадьбе, если бы про них не узнал Николай Матвеевич Шахов, сын небогатого ливенского помещика, служивший в дворянской опеке регистратором. Николай Матвеевич был большой любитель стихов Веневитинова и истории войны 1812 года, но юноша — дельный. Не знаю, право, как он познакомился с Максимом Корнеевичем; знаю только то, что он вскоре бросил службу, стал супругом Тони, полненькой шестнадцатилетней девицы, знавшей почти наизусть «Евгения Онегина» и игравшей на клавикордах лянсье и «Полонез» Огинского, и поселился в Прудках, полным хозяином маховской усадьбы, потому что старик Маховский надумал на «княжом пиру», после свадьбы своей дочери, пуститься в цыганскую пляску и рух-

нул на месте от удара...

Новая жизнь потекла в маховской усадьбе. Николай Матвеевич бросил стихи, водворил на местожительства гулявших на свободе крепостных и начал тихое, скупое хозяйство. Головы петухам стали «отсаживать» только в том случае, если они грозили бедою, то есть кричали курами, водку покупали только на светлый праздник, и то в одном экземпляре, то есть в количестве полуштофа, трубки, сапоги со шпорами, туфли и халат покойного Маховского продали проезжему венгерцу и т. д. Словом, Шаховы стали жить настолько просто и скупо, что даже при гостях зажигали одну сальную свечку и ограничивали угощение жиденьким чаем с кислым молоком и несколькими штукаами кренделей, которые легко можно было принять за находки каменного периода, если бы легкий запах керосина не доказывал, что они приобретены на большой дороге, в харчевне мещанина Дрыкина.

Только против детей Шаховы ничего не имели, не ведали про новейшие негодяйские средства, предупреждающие деторождение. Антонина Максимовна рожала чуть не каж-

дый год, извлекая из этого еще существенную пользу, то есть тупея и расплываясь с каждым днем. Дети, впрочем, рождались все мертвыми, пока, наконец, деятельность Антонины Максимовны не закончилась одним живым младенцем мужского пола — Капитоном.

Николай Матвеевич сам приготовил сына в первый класс гимназии, свез его в город, и Капитон сдал экзамен. К несчастью, это был последний экзамен в его жизни: когда Николай Матвеевич подъехал к крыльцу своего маховского дома и навстречу ему с громадными усилиями появилась супруга, из-под козел укладистого рыдвана вылез и Капитоша. Николай Матвеевич и Антонина Максимовна остолбенели... Но это решило судьбу Капитоши: Антонина Максимовна уже не «дала ребенка на муку» во второй раз, и «ребенок» остался навеки в Прудках...

«За днями дни мелькали чередою», как бы сказал поэт Льдов, и оставляли свои следы: Николай Матвеевич поседел, стал носить туфли, стал очень небрежно относиться к застегиванию некоторых частей костюма и все

более и более отдаваться тихому изучению номеров «Сына отечества»; Антонина Максимовна уже не выходила из своей спальни, где вечно сидела на кресле, ежеминутно засыпая от ожирения, и только изредка кричала на девку, если та медлила подать ей полоскательную чашку и нюхательного табаку для чистки зубов...

Капитоша превратился в долговязого юношу, который уже начал хозяйствовать и отдавать дань молодости, то есть по вечерам пропадать по улицам, охотиться с товарищами и участвовать в избиении лесных сторожей, которые препятствовали охоте. Но с годами он стал серьезнее и наконец превратился в солидного, полного господина — хозяина маховской усадьбы. Старики Шаховы недаром вели скопидомную жизнь: у Капитона Николаевича оказалось в руках совершенно чистое от долгов имение и деньги. Поездки в город на мировые съезды, «по делу о нанесении побоев отставному унтер-офицеру такому-то сыном дворянина Капитоном Николаевичем Шаховым», оказали на последнего благие результаты: он «понатерся» в обществе и стал

много цивилизованнее своих родителей. Короче сказать, «отдав дань молодости», он женился на дочери соседа-помещика, Софье Коноплянниковой, которая приехала в деревню на каникулы после неудачного экзамена в пятый класс гимназии и попала замуж; затем покрыл дом железом, построил новые амбары, новую ригу, вырубил почти весь сад и засадил его дичками яблонь, увеличил севообороты, свел знакомство с елецкими офицерами, банковскими нотариальными дельцами, выписал «Ниву» и аристон и начал принимать гостей, угощая их уже не кренделями, а портвейном и кильками...

Но не стану вдаваться в подробности новой жизни в маховской усадьбе: читатель увидит ее, если возьмет на себя труд побывать со мною на Знаменском празднике, начало приготовлений к которому мы уже видели в хлопотах Софьи Ивановны и Катерины с тестом.

Не успела еще Софья Ивановна покончить с тестом, как на дворе зазвенел колокольчик, и через минуту в передней хлопнула дверь,

раздалось «фу-ты, господи» и шум сваленной на сундук шубы. Софья Ивановна глянула и, так как девичья соединялась с передней коридором, увидела в последней Ивана Ивановича.

— Кума! — крикнул тот весело и бросился бегом в девичью.

Софья Ивановна сконфузилась своего туалета (она была еще в юбке и платке, накинутом на плечи) и скрылась в спальню. Но Иван Иванович был свой человек: он настиг ее в спальне, расшаркался и схватил ее руку.

— Иван Иванович! В тесте... — крикнула Софья Ивановна.

— Тем лучше — пироги раньше всех, значит, попробую, — с хохотом возразил Иван Иванович и поцеловал-таки руку.

— Что за шум, а драки нету? — крикнул Капитон Николаевич с постели.

Иван Иванович сделал комически испуганную физиономию.

— Батюшки, супруг!

— Сейчас же требую удовлетворения! — воскликнул Капитон Николаевич.

Иван Иванович скорчил еще более коми-

ческую физиономию.

— Да неужто ты не удовлетворен? — спросил он, делая ударение на последнем слове, и раскатился громким, откровенным хохотом.

— И бесстыдник же этот Иван Иванович! — улыбаясь, сказала Софья Ивановна и, схватив юбки и башмаки, ушла в кабинет.

Продолжая смеяться, Иван Иванович пожал руку Капитон у Николаевичу и сел около него на кровати.

— Что это ты, черт тебя знает, — ни свет ни заря как снег на голову? — спросил Капитон Николаевич, ощущая в глубине души некоторое удовольствие от того, что он друг Ивану Ивановичу и может с ним говорить «по-товарищески», то есть ругаться и фамильярничать.

Иван Иванович был совершенно такого же мнения о товариществе и ответил тем же тоном:

— Вздуть тебя, скотину, приехал.

— За что?

— «Старое зашло»... «Не ходи одна, ходи с тетенькой»...

— В самом деле, по какому обстоятельству?

— А то по какому же... все по этому...

— Ну, ты нынче, должно быть, всю дорогу «совершенствовался».

— Как «совершенствовался»?..

— Ах да, ты ведь не знаешь... Крутиков уморил нас со смеху. Ездили мы недавно за «косолобыми»...[10]

— Да разве он у тебя был?..

— Был... с Лызловым...

— Вот скоты — мне и ни слова.

— Да ну, слушай же... Я по дороге забрел в Новоселки — нужно было к мировому, — а они сказали, что проедут в Коровий Верх. Только, понимаешь, выхожу от мирового, глядь — лошадки мои стоят смирехонько около Ивана Михайлова, а они, голубчики, второе «горлышко откусывают». «Вы зачем сюда?» — «Дурак ты, — говорит Крутиков, — неужто ты не знаешь, что Толстой проповедует „совершенствование“? Вот мы и совершенствуемся...»

Оба захохотали, закурили, и беседа снова потекла в том же духе.

— Однако, брат, мне вставать надо, — озабоченно сказал Капитон Николаевич.

— Ну и отлично, — согласился Иван Иванович, — я спать хочу. Только сперва надо... усовершенствоваться. Отперт?

— Отперт.

Иван Иванович пошел в коридор, отворил шкаф, взял графин с водкой и рюмку и появился на пороге спальни.

— Видишь ты это? — подымая графин, спросил он Капитона Николаевича, который надевал валенки.

— Вижу.

— Ну, так больше уж никогда не увидишь!..

И Иван Иванович налил себе рюмку, взял ее края в рот и, без помощи рук, ухарски мотнул головою назад.

— Здорово! — сказал Капитон Николаевич.

Иван Иванович сплюнул, опять налил рюмку и повторил тот же фокус.

— Задохнешься! — крикнул Капитон Николаевич.

— Жив не буду, если не выпью весь графин. И опять та же операция... А через десять минут он уже храпел на кровати, уткнувшись головою в подушку...

Иван Иванович был очень счастливый субъект. Он служил в Ельце у нотариуса, дело свое знал хорошо, так что, кроме тридцати пяти рублей жалованья, имел еще хороший посторонний заработок: брал на себя роли поверенного по судейским делам, принимал хлопоты по закладу в банк имений и так далее, чтобы не сказать более... От всего этого у него набиралось до ста рублей в месяц, а это было очень недурно, если принять во внимание прежнее положение Ивана Ивановича: в ранней юности он был ни более ни менее как мальчик на услугах при какой-то библиотеке в Орле и звался Ванькой. Теперь же он — секретарь нотариуса, имеет квартиру в три комнаты, с отоплением, с мебелью и даже с украшениями в виде олеографий, почти... женат, завел себе рабочий кабинет, в котором стоит письменный дубовый стол, а на столе — две фигуры гипсовых китайцев, прекрасная чернильница, две сотни визитных карточек и портфель с бумагами; купил себе ружье, длинные сапоги, достал даже громадного, кудрявого водолаза и зовет его Бисмарком.

Что касается самого Ивана Ивановича, то он пополнил, стал откормленно-солидным мужчиной, носит на своих больших ногах модные штиблеты и такие же брюки, куцую визитку и — почти всегда — накрахмаленную рубашку с стоячим воротником и толстым широким галстуком. Правда, этот костюм не очень красив на плотной и здоровой фигуре Ивана Ивановича, но Иван Иванович разного мнения со мною в этом случае. Про себя вообще он думает как про красивого веселого мужчину («душа общества», «славный малый»); ему нравится свое полное, молодое, наглое лицо, под гребенку остриженная голова и даже манеры, походка; ходит он немного подаваясь вперед, постоянно заложив руки в карманы, то есть вообще небрежно и свободно двигаясь, как на лыжах, в своих модных штиблетах; везде хохочет, везде напевает «чудные девы, девы мои», друг-приятель со всеми офицерами в Ельце и более зажиточными мелкопоместными, охотится, разъезжает с ними по вечерам, после театра (dahin, dahin[11] (по его выражению), — словом, живет в свое удовольствие...

В том же роде и многие другие приятели и «просветители» Капитона Николаевича из «цивилизованной», городской компании.

Капитон Николаевич в глубине души жаждет завести знакомство с более солидными людьми, с богатыми помещиками, но елецкие богатые помещики — народ, понимающий о себе очень высоко. Поэтому-то и существуют в Елецком уезде два совершенно отдельные друг от друга типа помещиков: помещики мелкопоместные живут еще очень просто, сидят по целым месяцам в своих усадьбах, никогда не «гласят» в земстве, и только некоторые из них, вроде Капитона Николаевича, стремятся зажить по-новому, свести знакомство с городом, и, к несчастью, это знакомство ограничивается господами вроде Ивана Ивановича. Другое дело помещики, имеющие от трехсот до тысячи десятин. Прежде всего — большинство из них народ картавый... Вы думаете, что я говорю глупости? Ничуть. Я передаю только факт, по-моему характерный: не выговаривать буквы «р» считается за особый шик! Иначе как же объяснить то, что я, бывши недавно на земском

заседании, насчитал из двадцати четырех гласных восемнадцать человек картавых?

Затем они очень часто появляются в городе, состоят постоянными клиентами парикмахеров, тогда как мелкопоместные подстригаются дома; сидя у парикмахера Николаева, любят, чтобы мастер им рассказывал городские новости о театре, об актрисах и так далее; злоупотребляют в гостиницах питьем сельтерской воды; если и носят поддевки, то ради шику — с серебряным поясом, при лакированных сапогах; любят изображать из себя дельных образованных земледельцев; выписывают, кроме других газет, сельскохозяйственные, «держат охоту», верховых лошадей — словом, стараются всегда, хоть в мелочах, быть помещиками, любя и соединяя кое-что из прежней помещичьей жизни (увы, немного, то есть «держат охоту», ездить в город на своих тройках и т. п.) с новыми обычаями — ездить на выставки, толковать о «порядочности», о Толстом, о модных политических новостях, о практичности американцев, о школах, о земских больницах, участвовать в любительских спектаклях, картавить,

говорить: «вы дурак» лакеям и т. д. и т. д.

Вот, скажете вы, «нагородил» человек мелочей. Что делать! Может быть, и сказал что-нибудь верное...

Пока Капитон Николаевич пошел по хозяйству, то есть покричать на работников, чтобы те скорее поили лошадей, и отодрать вихры пастушонку, очень похожему, по словам кухарки, на «лупоглазого дьяволенка», за долгое спанье, — Софья Ивановна страшно хлопотала: она уже сбегала и выдала на кухню мяса, поросят и даже жирного индюка (ждали, что приедет один из важных гостей — «картавый», то есть настоящий помещик), велела переставить по-новому мебель в гостиной и, наконец, села в кабинете, перед письменным столом, чтобы написать несколько записок, содержание которых наизусть знает еще с детства каждый прудковский помещик, потому что, чередуясь в справлении праздников, каждый из них писал соседям такие записки.

Поэтому Софья Ивановна недолго сидела в глубоком оцепенении, как это обыкновенно

бывает с нею в затруднительных случаях сочинения писем. Она поискала бумаги, и так как таковой, по обыкновению, не оказалось, то она, тоже по обыкновению, взяла с этажерки первую попавшуюся книжку сельскохозяйственного содержания, выдрала из нее чистые листы, находящиеся непосредственно после переплета, и начала писать:

*«Многоуважаемая Анна Ванна!
Я и все наше семейство прошу вас се-
годня к нам на пирок и обед и пришли-
те пожалуйста тарелки пол дюжены
ножей вилок и сковородочку для хворо-
стиков, чем премного обяжете
уважающею вас С. Шахову».*

Это письмо было адресовано к соседке, которая имела то преимущество пред прудковскими помещиками, что обладала громадным количеством различной посуды и кухонных принадлежностей.

Следующая записка была к потомку мещанина Дрыкина, о котором мы уже упоминали, — именно к содержателю винной лавки на большой дороге:

«Прошу отпустить 1/2 ведра вотки

для людей и 5 селенок».

Подписи не было, ибо ее заменил каучуковый штампель, на котором значилось: «Экономия Капитона Николаевича-Шахова».

Подумав некоторое время, Софья Ивановна написала еще одну записку:

*«Любезный брат Уля приезжай сегодня со всеми вашими, привези гитару и немецкую гармонию, а также стихи Яков Савелича, а если есть коробку сардин, у вас осталось от Илина дня, а то у нас может не хватить, чем премного обяжешь
Любящую тебе С. Шахову».*

Едва успела Софья Ивановна упомянуть имя Якова Савельевича, дальнего родственника Кап и тон а Николаевича, как на дворе показался сам Яков Савельевич. Он шел по двору, неловко отбиваясь от собак палкою.

Это был человек очень странного вида. Он был уже стар, но трудно определить — скольких лет. Невысок ростом, худ, но не болезненно худ, а, что называется, жилист, немного сутуловат; физиономия — далеко не красивая: усики словно щипаные, жесткие, нос — как

у Данте, над маленькими подслеповатыми глазками важно и недовольно сдвинуты редкие брови, такие же жесткие и неопределенные по цвету, как и усы... На голове у Якова Савельевича был измятый летний картуз, на теле — старая ватная поддевка и широкие, легкие шаровары, которые не были запряганы в сапоги, а болтались над огромными старыми штиблетами, обутыми на босую ногу.

Софья Ивановна сама отворила ему дверь и, увидев его, посиневшего от холода, всплеснула руками:

— Яков Савельич! Откуда вы? Даже посинели все!

Яков Савельевич, хотевший было поздороваться с нею, остановился.

— Как это посинел? — спросил он своей обычной скороговоркой.

— Да как же — синий весь!

— Синий! синий! — передразнил он недовольным тоном. — Не понимаю, какое вам до этого дело: посинейте вы хоть с ног до головы, я и не по думаю на вас ахать и охать.

Софья Ивановна, давно знавшая характер Якова Савельевича, с улыбкой покачала голо-

вой:

— Господи! сердит-то как стал!

— Я, мать моя, родился таким, — бормотал Яков Савельевич, стаскивая с себя поддевку.

Софья Ивановна хотела было выразить ту мысль, что человек не может остаться навек таким же, каким родился, но Яков Савельевич перебил ее вопросом:

— Николай Матвеевич у себя?

И, не дожидаясь ответа, пошел к нему в спальню.

— Кто же эта личность? — спросите вы. — Босяк?

— Нет.

— Пьяница?

— Опять же нет... то есть, по крайней мере, не в буквальном смысле этого слова.

— Кто же?

Яков Савельевич Матвеев — кандидат физико-математических наук Московского университета.

Прошлого Якова Савельевича я знаю только по слухам и по его рассказам. Отец его был наш недалний сосед, человек очень богатый,

бывший когда-то предводителем елецкого дворянства. Следовательно, в детстве и молодости Якову Савельевичу не приходилось терпеть никаких лишений. «У нас, милый мой, — рассказывал он мне, — три гувернера было: я, брат, еще с десяти лет, как по-русски, говорил на английском и французском языке». И это — правда... Впрочем, полным материальным благоденствием Якову Савельевичу пришлось пользоваться сравнительно недолго. Блестяще окончив курс Лазаревского института восточных языков, он поступил в университет и, кажется, в первые каникулы страшно поссорился с отцом: отец хотел наказать его головомойкой за какой-то кутеж, но, по характеру Якова Савельевича, из этого вышла страшная катавасия. Отец сгоряча крикнул, чтобы сын убирался на все четыре стороны («чтобы ноги твоей у меня до гробовой доски не было»), и сын в точности исполнил это. Он в тот же день уехал в Москву.

Отец через несколько месяцев написал ему, прося забыть ссору, и даже прислал денег. Яков Савельевич даже не ответил на это письмо.

Окончивши курс, он не захотел кланяться и просить какого-либо большого места и поступил учителем в какой-то пансион. Не знаю, по каким причинам, но только он удержался там надолго — прослужил около двадцати лет. Правда, служил он, как рассказывают, не особенно усердно: с ранней молодости он страшно любил выпить, любил веселую компанию, в которой всегда слыл за человека взбалмошного и придиричвого, но в то же время — за первого остряка и анекдотиста: не трогай только!

Службу он бросил сейчас же, как только его известили, что старик на столе. Он приехал в деревню и узнал, что по завещанию отец оставил все своей дочери от садовницы.

«Ну, да не возьмет же она все одна», — подумал Яков Савельевич, но жестоко ошибся. Сестра даже от дому ему отказала. Яков Савельевич подумал-подумал, скрипнул зубами, плюнул и уехал в город. Там он пил, как говорится, без просыпу, почти месяц и, спустивши последние рубли, вернулся в родные места.

Жизнь его с тех пор изменилась резко.

Сначала Яков Савельевич стал гостить по соседям, надеясь впоследствии куда-нибудь пристроиться. На первых порах его, как нового человека, принимали с удовольствием. Прудковских помещиков главным образом привлекал его неистощимый запас анекдотов и мастерская передача их. Но затем Яков Савельевич устроил несколько скандалов, заметив, что его начали принимать только как шута и анекдотиста, и от него стали запирались.

Яков Савельевич поселился у нас в качестве моего учителя. Тут я отлично вызнал его характер, привычки и странности. Бывало, я по целым часам наблюдал за ним, как он, по своему обыкновению, ходит по комнате из угла в угол и жжет папироску за папироской, или проще — сигарки махорки.

— Яков Савельевич? — спрошу я. — Зачем вы этот черный табак курите?

— Я привык, — ответит он отрывисто, даже сердито и опять зашагает.

Однако всем было понятно, что тут играет роль не привычка: Яков Савельевич вечно боялся, что его держат из сожаления, и сокра-

щал свои потребности до минимума.

Например, бывали такие сцены.

Придет купец с красным товаром. Отец приходит к нам в класс и предлагает Якову Савельевичу купить что-нибудь. До тех пор мирно прохаживавший Яков Савельевич словно взбесится.

— Про какие рубашки вы толкуете? — вскрикивает он сердито. — На что мне рубашки? На бал, что ли, я собираюсь? Из-за чего вы хлопчете?

— Да ведь у вас одна рубашка.

Яков Савельевич вздергивает плечами, плюет и продолжает ходьбу.

Спал Яков Савельевич в кухне, на печке... Словом, не отказывал он себе только в выпивке. Подвыпивши, он сначала становился весел, сыпал анекдотами, а потом придиричив. В конце концов, переругавшись со всеми, он уходил в наш «класс» и чуть не до полночи ходил из угла в угол, энергично жестикулируя и разговаривая сам с собою. Но иногда дело кончалось более серьезно. Так, например, один раз Яков Савельевич особенно крупно переговорил с отцом и в конце концов «выле-

тел» за крыльцо... Я, следивший эту историю из-за кустов палисадника, бросился к матери:

— Где Яков Савельевич?

— В амбаре заперся.

Я побежал в амбар. Дверь в него была отворена, и я еще издалека услышал, что Яков Савельевич в страшном возбуждении. Он бегал из угла в угол, размахивал руками, бормотал и иногда закатывался злорадным смехом. Платье его было в беспорядке, волосы растрепаны... Заметив меня, он подбежал к двери и захлопнул ее.

Я воротился в дом, надеясь, что завтра все войдет в прежнюю колею. Но и на завтра Яков Савельевич не вышел из амбара. Присланный ему обед он воротил, не тронувши. На другой день это повторилось, на третий — тоже.

Я наконец решился пойти в амбар.

Яков Савельевич лежал на полу, подложив себе под голову сюртук.

— Что ж, — спросил я, — когда мы будем учиться?

— Как когда? — вскочил Яков Савельевич. — Да сегодня. Приноси сюда книги.

— А в доме?

— В дом я, мой милый, не пойду.

Я растерялся.

— Совсем?

— Совсем.

Я замолчал. Яков Савельевич сделал сигарку и долго курил, сильно затягиваясь. Потом отвернулся к стене и глухо проговорил:

— Принеси, пожалуйста... корочку хлеба... Чтобы не знали.

Эти слова ударили меня по сердцу: я машинально вышел из амбара, убежал в сад и долго ревел там. Потом, вспомнив, что Яков Савельевич уже три дня ничего не ел, бросился в дом, схватил чуть не полпуда хлеба и притащил в амбар. Яков Савельевич отломил только корочку и велел остальное снести обратно. Я все-таки оставил краюшку. Иначе Якову Савельевичу пришлось бы плохо: целых две недели он не выходил из амбара...

Но, несмотря на такие истории, Яков Савельевич прожил у нас несколько лет. За это время мы привязались друг к другу. С первых дней он сумел расположить меня к себе. По вечерам он мне рассказывал события исто-

рии и, например, так заинтересовал крестовыми походами, что я было с ума сошел, мечтаю сделаться рыцарем... Рисовал мне, читал стихотворения и т. д.

Заговорив про стихотворство, не могу не сказать, что у Якова Савельевича был несомненный поэтический талант. Но все это не развилось, погибло, и за последнее время Яков Савельевич писал только стихи на различные случаи прудковской жизни — драки, сплетни и т. д.

Потом я поступил в гимназию, и мы надолго расстались. Но глубокое, хотя и странное впечатление оставил в моей душе мой первый друг — Яков Савельевич. Еще дома я положительно не понимал его, но жалел самым искренним образом. Как я помню, эти темные, зимние ночи, когда, бывало, я сижу в кухне на печке и с замиранием сердца слушаю рассказы Якова Савельевича, или эти летние тихие вечера и у окна зала — Якова Савельевича, играющего на скрипке что-то невыразимо грустное!.. «О чем он думает?» — спрашивал я себя, и детскому воображению рисовалось какое-то темное, безотрадное го-

ре, которое Яков Савельевич таит от всех в душе.

— Знаешь, — сказал он мне раз, когда мы летним вечером шли по лугу, — хотелось бы мне уйти куда-то... от всех, навек...

— И от меня? — спросил я наивно.

— От всех... хоть я тебя и люблю одного на свете... Ты не думай, что я злой: я, брат, злой и добрый...

Он отвернулся и зашагал еще более неловко...

Часам к десяти ветреного ноябрьского дня, когда уже народ приехал из села от обедни и солнце успело отсырить колчеватые грязные дороги, положение вещей в усадьбе Капитона Николаевича было следующее:

Грязь от парадного крыльца отчищена и самое крыльцо застлано попонками, ибо было известно, что у многих из гостей, и в особенности у дьячковского сына, который придет с причтом служить молебен, на сапогах будет по полпуду грязи... Перед другим, черным, крыльцом, около которого к весне вырастали громадные кучи навоза и всякой га-

дости, откровенно выкидываемой и выливаемой из кухни и из дома, шумела целая стая индюков и уток, которым, по случаю праздника, была дарована свобода... Кухарка, которая, как я уже заметил, окрестила пастушонка «лупоглазым дьяволенком», утверждает, что эта свобода зависела отчасти от праздника и что Капитон Николаевич, приказывая выпустить индюков, преследовал тайную мысль — дать понятие гостям о количестве его домашней птицы, но... разве можно верить кухарке?

На кухню, пропитанную запахом поджаренного лука, ежеминутно прибегала измученная Софья Ивановна, чтобы лично удостовериться, все ли в печи благополучно, и ласково заговаривала с городским кучером Ивана Ивановича, который (то есть кучер), обладая рыжими подстриженными усами, сережкой в ухе, белыми глазами и медно-темной физиономией, хорошо понимал свои достоинства и, либерально поставив ногу кованым каблуком на скамейку, слегка «потрагивал» на гармонье «чижика», а в душе глумился над деревенщиной — барыней и грязной кухар-

кой.

В доме по всем комнатам тоже стоял теплый запах пирогов, но уже все было убрано. В гостиной около круглого стола, как можно симметричнее, расставлены кресла в белых чехлах, в зале с громадного старого фортепиано снято все, не идущее к музыке, как, например, бутылки с наливкой, старые номера «Сына отечества», шапки, то есть именно то, что обыкновенно лежало на нем... Большой стол уже покрыт скатертью и установлен тарелками для закуски...

Сам Капитон Николаевич умылся, расчесал черные бакенбарды, надел новые брюки и мучился перед зеркалом с тем, что так часто угнетает жизнь образованного человека, именно — застегивал грудные запонки... Но когда запонки были побеждены и надет был сюртук, Капитона Николаевича никто бы не узнал: важно и солидно похаживая по комнате, он держал руки, что называется, «самоваром» и, как волк, не мог повернуть шеи от туго накрахмаленной рубашки. Но, в общем, он, конечно, далеко не походил на волка, а скорее — на Скобелева, если только можно вооб-

разить героя в столь простой обстановке и штатском сюртуке.

Дождаться гостей долго не пришлось. Едва Капитон Николаевич успел достать носовой платок и, развернувши, солидно положить в задний карман, как на дворе послышался лай собак. Капитон Николаевич вышел в кабинет, глянул в окно и увидел, что на двор въезжает помещица Марья Львовна Кубекова, старая дева, руина «старого доброго времени», сохранившая из всего прежнего только семьдесят две десятины, полуразрушенный громадный дом, девку Дашку, которая навеки осталась как бы крепостной, да непреоборимую любовь к десерту, в виде винных ягод и чернослива.

Помещица въезжала на двор в старинном рыдване, запряженном пегим мерином, который управлялся маленьким мальчишкой. Сама она... сама она представляла из себя главным образом голову, на которой было неисчислимое количество платков. Подъехав к крыльцу, она долго сидела в затруднении — как слезать с экипажа? Капитон Николаевич поспешил на крыльцо и, благодаря своей мо-

гучей силе, легко справился с этой задачей. Охая и на ходу поздравляя с праздником, помещица вошла в переднюю и медленно начала снимать платок за платком. Когда же платки и салоп были сняты, Марья Львовна оказалась приземистой старухой с кадыком, с совиными глазами и серыми буклями, в старомодном шелковом платье и турецкой шали, которая от времени выцвела и пахла кошками...

— Ну, здравствуй, батюшка, — говорила она, отдуваясь, — уж и не чаяла к тебе доехать... Бог свидетель! Подлец Гришка совсем было меня вывалил на горе... Бог свидетель!

Капитон Николаевич сочувственно покачал головою.

— Убил бы, разбойник, — продолжала Марья Львовна, — бог свидетель, ушиб бы насмерть! Нас так-то раз подхватили лошади... ехали мы с тетушкой Олимпиадой Платоновной... четверня была уж известно какая — львы лошади!.. Да спасибо, у меня был тогда кучеренок Васька... на полгоры соскочил да повис на дышле... Бог свидетель.

— Да-а! — сказал на это Капитон Николаевич и потом прибавил — Как ваше здоровье,

Марья Львовна?

— Жива-с, — скорбно ответила старуха, — только ноги ломит... Вот в валенках приехала... Декокт ничего не помогает, бог свидетель... А Тонечка у себя?

— Мамаша? У себя, пожалуйста, — ответил Капитон Николаевич и повел ее к Антонине Максимовне, которая, причесанная, умытая, в праздничном наряде, спала, сидя на кресле в своей комнате.

Тотчас же после Марьи Львовны стали собираться гости. Приехал брат Софьи Ивановны Уля, или Ульян Иванович, помещик сорока восьми десятин, холостяк, но лелеявший заветную мечту об невесте с приданым. Приехал он на дрожках, но в немецком платье. Немецкое платье... или лучше сперва — сам Уля представлял из себя человека лет двадцати пяти — двадцати восьми, небольшого роста, на коротких, толстых ногах, похожих отчасти не на ноги, а на лапы тюленя, с брюшком и с круглой стриженной головой; лицо его, полное и цветущее, с глазами крупного осетра, по обыкновению, немного улыбалось,

жирные ручки одергивали сюртук, потому что последний сидел ризой, то есть сзади воротник оттопыривался и взлезал на затылок; этому, конечно, способствовал как самый фасон сюртука, так и странный ворот грязно накрахмаленной рубашки, походившей на жабо времени Директории; брюки с вытянутыми коленками сидели с одной точки зрения прекрасно, а с другой — неудобно, именно — в обтяжку, как трико. Виной тому была чрезмерная полнота ног, а ниже колен — дудки сапог, которые, по случаю праздника, изображали из себя штиблеты, то есть были спрятаны под брюки...

Пока Уля раздевался и, весело погоготывая, рассказывал, как он ехал на дрожках с гитарою, в переднюю вошел еще помещик, Нил Лукьянович Бебутов, — отставной улан, проживший громадное имение в известных историях и теперь живший на хлебах у дочери, которая была замужем за богатым купцом-мельником. Это был старик с военной выправкой, сизым носом и уже с седыми волосами, которые он старался, по старой памяти, взбивать коком. У него тряслась голова, но

он держался еще гордо, петухом.

— А я, знаете, пешком пришел, — говорил он отчетливо и как бы немного заикаясь, — у меня катар... моцион полезен.

— Имею честь поздравить, — перебил его, входя в переднюю, батюшка. Он был очень пожилой старичок, но всегда ужасно торопился.

Дьякон, огромный мужчина, с лицом цвета серого известкового камня, с реденькой бородкой и с глазами, выражающими вечное недоумение, только шумно откашлялся, поклонился, но, как человек страшно конфузливый, даже не мог ничего выговорить.

За ними показался остальной причт, состоящий из подростков и, к несчастью, почти весь принадлежавший дьякону, и, наконец, дьячок, в тулупе и в громадной шапке, очень схожий с туркменом.

Капитон Николаевич со всеми очень ласково здоровался, даже либерально потряс руку дьячку и приглашал в кабинет.

— Нет, нет, уж извините — мне некогда... позвольте приступить, — заторопился батюшка и на все возражения Капитона Нико-

лаевича остался непреклонен.

Капитон Николаевич бросился в задние комнаты.

— Софья Ивановна! — заговорил он шепотом, застигнув ее в девичьей за счетом присланной посуды. — Вели будить Ивана Ивановича да зови Марью Львовну, в залу на молебен.

— Да куда ж я такая пойду? — гневно возразила Софья Ивановна, указывая на свой засаленный фартук.

— Ну, да как же быть-то?

— А мне-то что ж — разорваться прикажете?

Голоса супругов переходили уже в звенящий, гневный шепот, но праздничное настроение не дало дойти делу до ссоры. Софья Ивановна бросилась одеваться.

После молебна мужчины отправились в кабинет. Батюшка поспешил домой, но дьякон, несмотря на конфузливость, остался и очень чинно уселся в кабинете около двери.

Дьячок покашливал в передней, а подростки были отправлены на кухню для кормле-

ния. Капитон Николаевич, отдав последние приказания насчет закуски, вошел в кабинет и извинился перед гостями, что Николай Матвеевич нездоров и не может выйти. Затем он сел на диван, достал портсигар и угостил всех папиросами.

— Ну уж и ехал же я! — весело начал Уля.

— Виноват, — перебил Капитон Николаевич, — что же ты своих-то не захватил?

— Сестриц-то родимых? Сейчас приедут, — возразил Уля, — куда ж бы их насажал с собой на дрожки? Я и сам-то с гитарою и с гармоньей сидел, как...

За ненахождением подходящей остроты Уля закатился смехом. Дьякон счел за нужное тоже улыбнуться. Нил Лукьянович молча пускал дым через седые усы. Капитон Николаевич придумывал, какой бы завязать разговор поинтересней. «Эх, — подумал он, — и чего это Иван Иванович дрыхнет? Он бы сразу завел разговор», — и сказал вслух:

— Иван Иванович-то уж здесь.

— Где же он? — встрепенулись все.

— Спит, — представьте себе!

— Да что же это он? Рано приехал, что ли?

— Еще ночью, — сказал Капитон Николаевич.

Все усмехнулись и смолкли. Говорить было решительно не о чем, как это ни странно может показаться читателю. Дело в том, что прудковские помещики, несмотря на то что живут друг от друга, что называется, в двух шагах, никогда почти не бывают у соседей в обыкновенное время. Понятно, что общие интересы, которых и так немного, совсем теряются.

Дьякон огляделся и твердо решился начать разговор.

— Каково это? — сказал он. — Знаменье, можно сказать, на дворе, а между тем еще совсем весна... Бывало, в эту пору...

— В самом деле, — подхватил Капитон Николаевич, — странная погода: у меня уже пшеница начинает вымерзать...

— А позвольте спросить, — продолжал дьякон, — сколько вы изволили в нынешнем году сеять?

— Немного, — небрежно ответил Капитон Николаевич, — десятин восемьдесят.

— Однако! — изумился дьякон.

— Что ж ему! — вмешался Уля, — живет... паном!

Капитон Николаевич скромно стал рассматривать папиросу и сильно затягиваться.

— А вот, в бытность мою на Кавказе, — начал вдруг Нил Лукьянович, — я в декабре еще цветочки рвал.

Дьякон и тут нашелся.

— Да, — сказал он, — в южных странах совсем не то.

— В Севастополе, — подхватил весело Уля, — небось теперь еще пыль в городе.

При воспоминании о Кавказе Нил Лукьянович, по обыкновению, захотел рассказать что-нибудь про графа Муравьева и только обдумывал, как бы получше свести разговор на него, а потом уже перейти к анекдотам из жизни разных главнокомандующих — эти анекдоты он ужасно любил. Он столько знал их и читал, что почти разучился иначе начинать свою речь, как не «в бытность свою» и т. д.

Дьякон тоже горел нетерпением рассказать что-нибудь, но решительно не мог ничего придумать.

— А вот со мной раз, — начал он нерешительно, — был случай такого рода...

— Постой! — закричал Уля. — Ведь я стихи Яков Савелича привез.

— Про что стихи? — в один голос спросили и дьякон и улан.

— А вот слушайте. Слышали, что недавно у Николая Ивановича мужики ветчину украли? Ну, так стихи называются «Ветчинный допрос». Урядник «хорошо» допрашивал, — пояснил он.

Все приготовились слушать, заранее улыбаясь. Уля вынул несколько исписанных листков из кармана и подал знак к молчанию.

— «Ветчинный допрос», — начал он громко.

Все опять улыбнулись.

Власти все давно уж в сборе, —
продолжал Уля, сдерживая улыбку, —

*Суд начнется, значит, вскоре;
Сам урядник правил суд,
Двое старост было тут,
Понятых трех пригласили,*

*А чтоб власти опросили
По порядку и по чину
И чтоб выяснить причину
Злодеяний столь негодных,
Двух синьоров благородных
Пригласили на дознание...
Началось заседание!*

— Скандировано прекрасно! — сказал дья-
кон.

— Ну, слушайте, слушайте:

*Протянул урядник ноги,
Ус рукою закутил
И к стоящим на пороге
С речью грозной приступил:
«Ведь вы знаете, канальство,
Что я высшее начальство!..»*

При этих словах все покатались со смеху. Но вдруг на дворе загамели собаки и послышался звон колокольчиков. Все бросились к окну.

— Алексей Михайлович... Коротаев... — забормотал Капитон Николаевич и опрометью бросился на крыльцо встречать настоящего помещика.

Коротаев был действительно «настоящий» помещик, то есть постольку, поскольку очень многие из елецких немелкопоместных могут считаться людьми с состоянием. У него было около шестисот десятин, небольшой крахмальный завод, но была и кипа извещений от дворянского банка, в которых очень вежливо, но и очень внушительно напоминалось, что срок процентам тогда-то. Такие извещения всегда влекли за собой поездки к «скотине» Обухову, и поездки эти были «крайне неприятны»... Согласитесь, господа, что неприятно же человеку с гербом («турухтан на синем поле»), человеку, «к во-ро-там которого это животное прежде не посмело бы в шапке подъехать», бывшему гусару, образованному господину, играющему в любительских спектаклях, — ехать к Обухову и несколько часов крайне неестественно держаться... да, неестественно — как же иначе? Ведь неловко, черт возьми!

Приедешь к нему, к этому Обухову, — дома нет, на «футорь» поехал. Нечего делать — извольте дожидаться! Наконец приезжает.

— А, Алексею Михайловичу! Почтение

(«ласков, скотина!»).

— Здравствуйте, Вукол Матвеевич. («Матвеевич!» как это вам нравится!) Дело есть («без обиняков стараешься приступить»).

— Дельце-с? Что ж, слава богу! Без делов жить — в опорках быть!

— Мне, видите ли, любезный, товарищ должен («соврешь поневоле») несколько тысяч и до сих пор не возвращает. Я ему пишу, что мне самому крайне... то есть не крайне, но, во всяком случае, нужны деньги... то есть теперь нужны (весной я бы его и не стал беспокоить, — у меня будет до пятнадцати тысяч), а он гырт, что сейчас не может.

— Не может? А-а, как же так можно! Нехорошо, не по-товарищески... («Как будто слушает, верит и сочувствует»).

— Ну да, конечно... Так что вот я по пути... завернул к вам... не знаете ли, где достать?

Обухов делает вид, что задумывается.

— Достать? Достать, миленький, трудно... По нынешним временам...

— Ну, полно, полно, Вукол Матвеевич («поневоле, знаете, приходится допускать фамильярности»).

Обухов вздыхает.

— Ничего не поделаешь, миленький.

— Да вы... может быть, сами дали бы... Мне ведь, собственно, не нужны... но, во всяком случае... (чтобы скрыть неловкость, приходится блуждать глазами по потолку, затыгиваться папироской и качать ногой).

— Я? — изумляется Обухов. — Какие же у меня деньги?

— Да ну, полно, полно. Ведь можно?

— Нет, — отвечает с глубоким вздохом Обухов, — нельзя... нельзя, миленький.

— Нельзя на небо влезть, — говорит ваша умная купеческая пословица.

— На небо-то на небо, а денег-то достать трудно... Ох, как трудно по нынешним временам...

— Будто бы трудно?

— Трудно, миленький!..

В конце концов «скотина» дает, но ведь «это мучение»!..

...Таким образом, de facto Коротаяев был очень мелкопоместный, но по типу вовсе не принадлежал к такому разряду помещиков...

Поэтому и к Капитону Николаевичу он по-

пал случайно. Он помнил, что этот Шахов звал его, усиленно звал на Знаменье, и, проснувшись в этот день, невольно вспомнил его. «Проветриться, что ли? — подумал Кортаев, сидя у себя в кабинете. — Кстати, куплю у него партию картофеля — он, вероятно, в долг даст».

Результатом таких размышлений был крик:

— Иван!

Вошел лакей Иван.

— Позовите кучера Василья.

Явился Василий и стал у двери. Барин покачивался в качалке.

— Сегодня я выезжаю, Василий.

— Слушаю-с.

— Ты со мной поедешь.

— Слушаю-с. Барин улыбнулся.

— Что это у тебя, Василий, за солдатская привычка: «слушаю-с», — сказал он ласково, как многие из помещиков говорят с кучерами.

Василий растянул рот до ушей в подлую улыбку.

— Каких же запрягать прикажете, Алексей

Михалыч?

— Запрягать-то? Я думаю, Василий, — Ма-
линовского в корень... ну... Красавчика на
правую пристяжку...

— На правую его не годится, Алексей Ми-
халыч.

— Не годится?

Барин в раздумье поднял брови.

— Ты говоришь, Красавчика не годится?

Что так?

— Жметя он, Алексей Михалыч, к оглобле.
Как запряг справа — жметя, бог с ним, да и
только.

— Жметя, ты говоришь? Ну, так запря-
жешь направо... ну хоть Киргиза. Ведь Киргиз
не жметя.

— Боже сохрани! Киргиз — лошадка ум-
ная...

— «Боже сохрани»! Ха-ха!.. А знаешь что,
Василий? Не лучше ли нам парюю?

— Тройкой, Алексей Михалыч, форменней.

— «Форменней»! Ну, как знаешь.

— Слушаю-с.

Алексей Михалыч затыкнулся папироской,
тихонько замурлыкал: «Si vous n'avez rien a

те dire»[12],— и, поглядывая на конец уса, сказал:

— Ну, так так-то...

— Колокольчики прикажете?

— Твое дело, Василий...

Василий опять осклабился и тихонько вышел.

Боже мой, какой переполох в доме произвел приезд Алексея Михайловича! Из девичьей ринулась Катерина, сгребла в объятия все убогие шубы и шапки гостей и, рискуя рухнуть в коридоре от удара, переволокла их в девичью и бросила на полу; Софья Ивановна тоже бросилась в спальню, к комоду, выдернула ящик, схватила все лучшие салфетки, прибежала в зал, посхватила все старые и моментально разбросала новые на их места, сшвырнула с фортепьяно кошку, так что та, треснувшись об пол, несколько минут сидела как остолбенелая... Затем опять бросилась в переднюю и велела достать из погреба коньяк и маринованную осетрину... В кабинете тоже все повстали с мест и заговорили разом.

— Это Коротаев? — бормотал Уля. — Он, говорят, богатый!

— Коротаев? — быстро спрашивал улан. — Не Якова Семеновича сын?

— Троечка-то какова! — повторял дьякон.

Василий, которому был отдан приказ «оставить холопскую привычку подносить во весь карьер к крыльцу», въезжал во двор медленно и, сдерживая пристяжных, вычурно покрикивал:

— Ше-елишь! Баловай![13]

Капитон Николаевич сбежал с крыльца и, почему-то поспешно расправляя бакенбарды, несколько раз поклонился и радушно сказал:

— Милости просим! милости просим!

Коротаев сдержанно поклонился, сдержанно сказал: «Поздравляю», — и пошел в дом.

Когда он стал раздеваться, остальные гости вышли из кабинета и остановились около него.

— Простите, пожалуйста, — закартавил Коротаев, — я, знаете, еду в Елец по делу... так что костюм у меня дорожный.

— Помилуйте! — воскликнул Капитон Николаевич.

— Вот глупости какие! — восторженно подхватил Уля, — мы церемоний не любим...

— Сущие-с пустяки... — начал было дьякон, но покраснел и откашлялся.

Один Бебутов стоял гордо и, покачивая головою, смотрел равнодушно.

Коротаев слегка поклонился всем и вошел в кабинет. Все уселись и замерли как будто в ожидании чего-то. Коротаев оглянулся, едва не рассмеялся и поспешил опять заметить, что он едет в Елец и что костюм на нем дорожный.

Но дорожного в его костюме было мало. На нем были лаковые сапоги, синие шаровары и синяя тужурка с сборками на талии. И костюм этот, должен я сознаться, был очень недурен на нем. Конечно, на Уле он сидел бы не так красиво, но Коротаев был далеко не Уля. Это был плотный, хорошо сложенный мужчина — «одно из славных русских лиц».

Лицо немного полное, упитанное; черты лица правильные, бородка а la Буланже и губки сердечком. Прибавьте к этому нежные, белые руки и перстень с крупной бирюзой на правом мизинце — и вы поймете, почему Ко-

ротаев еще до сих пор производит в любительских спектаклях неотразимое впечатление, которому еще способствовало то, что держал он себя относительно барышень довольно равнодушно. Видно было, что это — мужчина, успокоившийся в сознании своей красоты и безусловной порядочности.

При всем своем желании держаться у Капитона Николаевича попроще, он не мог не фатить, конечно, сдержанно, невольно, фатить только потому, что «привычка — вторая натура».

Он заговорил... и заговорил очень недурно. Коснулся деревенской скуки, упомянул, что озимые плохи и что на земском заседании он думает поставить это на вид, свел разговор на охоту и... слегка зевнул. Потом левой рукой, двумя пальчиками, достал портсигар из бокового кармана, постучал об этот портсигар папирсой, закурил, слегка помахал спичкой и деликатно бросил в пепельницу.

В это время передняя сразу наполнилась смехом и шумом. Приехали с матерью две сестрицы Ульяна Ивановича, еще одна девица, которую Яков Савельевич звал «шавоч-

кою», и два соседа-помещика — Савич, худой и серьезный старик, с седыми, короткими волосами, обладатель сорока пяти десятин, и Баскаков, молодой неглупый человек, очень деловитый хозяин, одетый как железнодорожный рабочий.

Барышни явились очень веселою компаниею, но, глянув в кабинет и увидев там какого-то незнакомого господина, не раздеваясь, на цыпочках прошмыгнули на половину Софьи Ивановны. Старуха, их мать, очень любопытно заглянула в кабинет и тоже сочла за лучшее ретироваться к Софье Ивановне.

Едва успел Капитон Николаевич познакомиться Савича и Баскакова с Коротаевым, вошел еще помещик, Телегин, громадный мужчина, в поддевке, длинных сапогах, с кинжалом на поясе.

— А я с охоты, — заговорил он, входя в кабинет и не обращая внимания на Коротаева, — затравить ничего не затравил, но подрался.

— Как подрался? — воскликнул Капитон Николаевич.

— Очень просто... за милую душу... Да как

же, еду я по зеленым, смотрю — староста Лопатинский едет навстречу. «По какому такому праву по зеленым? Барин велели ловить!» Каково? Ловить. Как сгреб я его — до земли не допускал!

— Ха-ха! — закатился Уля. — У тебя, брат, мертвая хватка.

— Да уж, брат, сгребу, так не вырвешься.

— Ну, не всякого! — раздался вдруг голос Ивана Ивановича. — Вот попробуй-ка, сгреби меня!.. Здравствуй, — заключил он, понижая голос, потому что Капитон Николаевич показал ему глазами на Коротаяева.

Иван Иванович непринужденно расшаркался с последним и вдруг брякнул:

— Жомини да Жомини, а об водке ни полслова. Капитон! Вели-ка давать пирог!

— Пожалуйста, господа! — там уже готово, — скромно сказал Капитон Николаевич. — Чем бог послал...

Все встали и шумно двинулись в залу. Коротаяев тоже пошел.

Но — увы! — за закуской произошло... «черт знает что»!..

Когда мужчины вошли в залу, там уже были — Марья Львовна, мать Ули, дряблая старуха, с смирением старой сплетницы на лице и удивительною глупостью в пристальном взгляде, барышни Коноплянниковы с завитыми головами, «шавочка» и около них Софья Ивановна, которая рассказывала им, что у нее, «бог знает с чего, раскинулись вереда на левой ноге» и что лавочник советует собрать по листу всех деревьев, отварить их и выкупаться... (Читатель, конечно, подумал сейчас, что я, говоря про такие гадости, пересаливаю. Но смею его уверить, что прудковские барышни — народ далеко не «тонный».)

Не стану описывать, как неловко вышла сцена знакомства дам с Кортаевым, как шушукались и хохотали барышни, стараясь казаться развязными, как все столпились у стола с тарелками и ждали очереди навалить на них пирога, делая при этом совсем рассеянный вид, словно их и не интересовала закуска; не стану описывать, как морщился Кортаев, когда началось обычное в Прудках угощение, то есть неотвязчивое приставање «выпить», чуть не подтаскивание под руку к

столу и т. д. Начну с того момента, когда в залу вошел уже несколько выпивший Яков Савельевич. Вошел он, очень благодушно пощипывая усики, и неловко поклонился всей компании.

— А вот и наш «ученый муж»! — воскликнул в это время Уля, который любил иногда поострить.

Яков Савельевич глянул на него и ничего не сказал. Он налил себе рюмку водки и потянулся взять кусок селедки. Но по близорукости низко наклонился над столом, повалил бутылку портвейна, хотел ее подхватить и уронил на пол коробку сардин.

— Медвежья ловкость! — крикнул Уля и бросился поднимать.

Иван Иванович покатился со смеху.

— Стара стала — слаба стала! — воскликнул он весело.

Коротаев улыбнулся, и все, увидев это, тоже прыснули со Яков Савельевич вдруг швырнул рюмку на стол и остановился, глядя недоумевающими глазами.

— Ну, — сказал он, — и прежде я вас знал за скотов, но этого все-таки не ожидал.

— Яков Савельевич, — сказал, поднимаясь, Капитон Николаевич, — прошу вас не ругаться. Вы не в кабаке. Извините, пожалуйста, — обратился он к Коротаеву.

— Что? не в кабаке? — завопил Яков Савельевич, бледнея. — Как не в кабаке? Это, я вижу, вы вот перед ним хотите себя показать джентльменами (он кивнул на Коротаева), — так он, вероятно, слышал про вас...

— Pardon, — возразил Коротаев, — я ничего дурного не слышал.

Яков Савельевич развел руками.

— Vous etes un noble et genereux coeur![14] — сказал он насмешливо, — но позвольте не поверить...

— Яков Савельевич! — начал опять Капитон Николаевич.

— Почему же? — перебил Коротаев.

— А вот-с почему, — злорадно возразил Яков Савельевич. — Вам угодно выслушать меня?

Яков Савельевич совсем обозлился и подошел вплотную к Коротаеву.

— Пожалуйста! — сказал тот.

— Позвольте вас спросить, — начал Яков

Савельевич насмешливо-торжественным тоном, — неужели вы не замечаете среди этой честной компании вот этого бульдога (он показал на Ивана Ивановича), неужели в Ельце вы не слышали ни разу от извозчиков, что вот, мол, нынче ночью в известном «институте» Иван Иванович с каким-нибудь шалопаем танцевали кадрили, затеяли драку пивными бутылками, перебили все окна и т. д.? Неужели, my dear sir[15], это не кабацкая личность? Ну те-с?

Яков Савельевич совсем нагнулся к лицу Коротаяева; глаза у него бегали, руки беспорядочно размахивались.

Иван Иванович, Уля и Капитон Николаевич окружили Якова Савельевича.

— Ну-ка, молодой человек! Нельзя ли вас попросить прогуляться? — сказал Иван Иванович, хватая разгорячившегося Якова Савельевича за руку.

— Навынос его! — твердил Уля, захлебываясь от какого-то злобного восторга и в то же время замирая от страха получить в физиономию.

— Яков Савельевич! — вежливо упраши-

вал Капитон Николаевич.

— Господа, позвольте! — громко сказал Коротаев. — Это невозможная сцена!.. Успокойтесь, пожалуйста, — мягко сказал он Якову Савельевичу.

Это успокоение странно подействовало на последнего; он посмотрел на всех и вдруг сказал совершенно спокойно:

— Как вам нравится такая сцена? Но я спокоен-с... Он помолчал и прибавил:

— Только я dokonчу! Я не буду ругаться. Многоуважаемый Капитон Николаевич! Ни-жайше прошу вас об одном: позвольте сказать маленькую речь. Может быть, она вам будет обидна, но... дослушайте... а тогда поступайте, как вам будет приятнее...

— Он немного тронут, — шепнул Коротаев Капитону Николаевичу.

Это всех успокоило. Капитон Николаевич улыбнулся и сказал:

— Извольте-с!

— Интересно послушать, — прибавил Уля.

— Понимаю! — сказал Яков Савельевич, — теперь вы уже приготовились как бы «комедь» смотреть. Хорошо-с... это и понятно...

Хмель его начал одолевать. Глаза его потухли, и он уже говорил как во сне:

— Это и понятно... Вы все неучи.

— Конечно! Еще бы! — подхватил Уля насмешливо.

— Да, неучи. Вот господин Баскаков: он вышел из третьего класса гимназии... и только... Но он еще лучше вас: это — обыкновенный, простой степной землевладелец, загрубевший в бедности... Затем, Ульянов Иванович: этот кончил курс, но, благодаря опять-таки бедности... и глупости феноменальной, навек остался на своем хуторе, отупел, омужичился... Ведь ты дома из полушубка не вылезашь, смалишь махорку и целую зиму ограничиваешь свои экскурсии прогулками до гумна... и только!.. Отупел, повторяю, до того, что даже календаря Гатцука не видал в глаза пять лет... Ну, про этих девчонок — и говорить нечего... Эти и читать едва умеют... Всех вас засосало это болото и роковая цифра вашего землевладения — сорок восемь десятин... И празднества-то ваши заключаются только в обжорстве и пьянстве... Все улыбались и молчали. Яков Савельевич посмотрел на всех сон-

НЫМ ВЗГЛЯДОМ И ВДРУГ, КРУТО ПОВЕРНУВШИСЬ, зашагал вон.

— Каков гусь? — воскликнул Уля.

— Станный старичок, — сказал Коротаев и подумал: «А ведь он правду говорил... Роковая цифра: сорок восемь!..»

Через полчаса он уехал, несмотря на мольбы хозяина и остальных гостей.

День прошел, по обыкновению, за едою. Когда же обед и чай были кончены и зажгли огни, на столе опять появилась закуска. Улан, Баскаков, дьякон и немного охмелевший хозяин «молотили пульку», или, проще сказать, играли в преферанс в гостиной. Три барышни ходили под руку по залу и без умолку хохотали, потому что приехавший новый кавалер, сынок богатого купца-помещика Котлова, ходил перед ними задом и нес самую невозможную чепуху.

Он был выпивши и потому ломался, разводил руками и говорил:

— Не-эт-с, позвольте! Смех тут ни при чем. Такие миленькие барышни и вдруг — ха-ха!.. А все Лидия Ивановна... все она!.. От нее все

козни... Ну, погодите, приезжайте вы к нам...
Я вас...

Он подумал и вдруг брякнул:

— Я вас... в арепьи[16] закатаю!

И, что называется, умер со смеху...

В кабинете раздавался неистовый хохот Ули и Телегина, который был уже совсем пьян и лежал без поддевки; Иван Иванович рассказывал им новые анекдоты самого скабрязного содержания.

Наконец купеческий сынок организовал кадриль. Из кабинета появиля Уля с гитарой и Телегин с «гармоньей». Иван Иванович и организатор были визави.

— «Чижик, чижик, где ты был?..» — начал басом Телегин и бойко заиграл «первую фигуру».

Уля притоптывал ногой, покачивался, щипал струны, гитара звенела в лад с гармоникой... Танцы начались. Иван Иванович скользил на своих лыжах-штиблетах, ухарски вертел даму, купеческий сынок неистово топал...

— Вторую! — заорал наконец Иван Иванович.

— «И шумит, и гудит», — хватили музы-

КАНТЫ.

Et tonat!
Et tonat!
Et fluvium coelum dat![17] —

подпевал из гостиной дьякон...

— На пятую — «барыню»! — орет Иван Иванович. Музыканты сразу перешли на лихую «барыню»:

Ах, дяденька!
Люби тетеньку!
Она ходит-семенит,
Колокольчиком звенит!

И под забористый речитатив зал «заходил ходором» от бешеной «пятой фигуры». Иван Иванович, закинув голову назад, как коренник в тройке, несется на купеческого сынка, тот плывет в сторону, гулко дробит по полу сапогами, взвизгивает фальцетом:

Ах, чайнички,
Самоварнички!
Полюбили молодую
Целовальнички!
Ох-ох-ох-ох!

— Делай! ощипись! — вскрикивает вдруг

Капитон Николаевич, выскакивая из гостиной с гитарой в руках и с закинутой назад головой...

*Ах, бырыня буки-бу!
Будто я тебя трясу?
Тебя черти трясут,
На меня славу кладут!*

Наконец все стихло. Все были в поту, все тяжело отдувались...

— Господа, петь, петь становитесь, — приглашал Уля.

Все столпились в кучу.

Я вечер в лужках гуля-яла!..—

затянул он, делая рот ижицей.

Грусть хотела разогнать!—

подхватил Иван Иванович басом.

Вдруг около поющих появился Яков Савельевич. Он, как страстный любитель пения, не стерпел и явился в залу. Утренняя сцена была забыта; она была уже не первая...

— А, вот и дирижер! — раздались возгласы.

Яков Савельевич сейчас же отодвинул Улю, взял гитару и начал «дирижировать», то

есть размахивать в такт рукою.

Но вдруг он обернулся: Иван Иванович, стоявший сзади, скорчил гримасу и сделал над его головой рожки... Все так и грянули дружным смехом.

Но в тот же момент Яков Савельевич схватил гитару за гриф и взмахнул ею в воздухе... Она мелькнула и с треском рухнула на голову Ивана Ивановича...

...Через минуту Яков Савельевич был взят «навынос», и весь дом очутился около Ивана Ивановича, примачивая ему голову уксусом и холодными компрессами.

<1891>

Помещик Воргольский*

Из очерков «Старое и новое»

I

...Первый, кого я встретил, достигнув родных палестин, т. е. сошедши на одной станции Орловско-Грязской дороги, был мой родственник, Павел Петрович Воргольский.

Он стоял в дверях вокзала и выделялся из многих высоким ростом, красивой физиономией чисто цыганского типа и своей манерой держаться: с надменным видом откинувшись назад и оглядывая всех быстрым взглядом черных, странных глаз, он как будто чувствовал себя выше всех и щеголял своим франтовским «русским» костюмом. Очевидно, заметив в толпе меня, он радостно улыбнулся, но когда я подошел к нему, сделал удивленное лицо.

— Павел Петрович! — воскликнул я, — вот славно! Прямо на братца попадаю!

— Извините, я, кажется, нэ имею чести... — возразил он, модно выговаривая вместо «е» — «э».

— Что такое? Не узнаешь?

— Право... не припомню...

— Неужели я в полгода превратился в другого человека?

Павел Петрович даже брови вздернул и сплеснул руками.

— Да это ты?

— Нет, брат, не я... — невольно вырвалась у меня глупая острота.

— Ну, извини, тебя совершенно не узнаешь!

— А вот тебя так сразу узнаешь. Все такой же.

— Да уверяю тебя, ты серьезно изменился, — настаивал Павел Петрович, несколько не смущаясь, но уже начиная выговаривать буквы как следует. Я поднял свой чемоданчик.

— Пойдем в вокзал, а то извозчики разъедутся.

— Да на что тебе эта сволочь?

— Ехать, разумеется.

Павел Петрович покачал головой.

— Ты меня положительно обижаешь, — тонном любезного упрека возразил он, — ведь я-

то здесь не пешком!.. Я, видишь ли, приехал было за контролером, — он ко мне на винокуренный завод, — да черт с ним! Его что-то не видать... видимо, приедет с вечерним... Мой экипаж к твоим услугам!

— А я к твоим услугам.

Обмениваясь такими любезностями, мы вошли в вокзал. Павел Петрович опередил меня и на весь вокзал крикнул:

— Казак!

Из дверей тотчас выскочил молодой широкоплечий кучер, с плутовской смуглой физиономией, и подбежал к нам.

— Вещи в шарабан!

«Казак» схватил мой чемодан и выжидательно остановился.

— Тесно будет, Павел Петрович...

— Молчать! А то на голове повезешь...

Марш! «Казак» подло хихикнул и скрылся.

— Давай выпьем, — обратился ко мне Павел Петрович и, не дожидаясь моего согласия, повелительно (он все хотел делать повелительно) кивнул бабе, стоявшей за буфетом. Баба через несколько минут притащила нам графинчик водки и два бутерброда с сыром.

Не успел я выпить одной рюмки, как Павел Петрович уже налил мне вторую.

— Нет, не пью больше. Не наливай, пожалуйста.

— Ну, знаем мы вашего брата...

— Право, не стану.

— Пустяки! В конце концов, все равно выпьешь... только мерзлым бараном прикидываешься.

— Никаким бараном я не прикидываюсь, — сказал я решительно, — и пить не стану.

— Станешь!

Я расхохотался.

— Это же глупо, наконец, Павел Петрович!

Павел Петрович глянул исподлобья и вздернул плечами.

— В таком случае не хочешь ли вин? Я мадеры спрошу... или английской горькой? — сказал он с фатоватой любезностью.

— Спасибо! Поедем.

— Ну, черт с тобой! — пробормотал он и подряд выпил две рюмки.

II

Через четверть часа мы уже ехали по доро-

ге к имению Павла Петровича. Павел Петрович правил сам; «казак» сидел у нас в ногах и на коленях держал чемодан.

Я невольно отдался тому славному впечатлению, которое всегда охватывает, когда после города попадаешь в поля, и почти не слушал Павла Петровича, рассказывающего что-то невероятное про свою лошадь.

День — солнечный, но холодный, настоящий осенний — далеко открывал поля и пышные зеленыя; полуголые, легкие леса казались особенно веселыми и красивыми, рдея на солнце последними золотистыми урожаями. Шарабан быстро катил по упругим колеям дороги, которые блестели тусклым блеском, словно рельсы; свежий воздух плыл навстречу и как-то особенно приятно бодрил и оживлял.

Я загляделся и залюбовался...

Вдруг сильный толчок заставил меня при-вскочить и схватиться за край шарабана: Павел Петрович поднялся во весь рост и со всего размаха вытянул арапником по спине мужика, спавшего в телеге, которую мы объезжали. Наша лошадь рванулась, бросилась в сто-

рону, и шарабан вприпрыжку понесся по канavam около дороги.

— Это за что? — крикнул я, хватая Павла Петровича за руку.

— За то-то!

— Как «за то-то»? С ума спятил?

— А он чего растянулся?

— Да тебе-то какое дело?

— Знаешь, какое!

Павел Петрович глянул на меня веселыми, дикими глазами, тряхнул головою и, чувствуя себя вполне «удальцом», бешено дернул вожжи. Лошадь задрала морду и понеслась еще быстрее.

Мужик остался далеко сзади с своими криками и бранью. «Казак» подпрыгивал с чемоданом. Я еле удерживался за край шарабана. А впереди была гора и под горою овраг с самым коварным мостиком. Положение оказалось критическим.

— Гэй! гэ-ей! — все азартнее выкрикивал Павел Петрович, потрясая арапником.

«Ради бога потише!» — чуть не сорвалось у меня с языка... но я вовремя вспомнил, что в таком случае Павел Петрович погнал бы ло-

шадь еще бешенее, и рискнул на противоположную тактику.

— Ух, здорово! — крикнул я с деланной храбростью, — вот это я понимаю, вот это — лошадка!

— А что? Я говорил тебе.

— Прелесть! — повторил я, — замечательно идет!.. Только, кажется, наезжена плохо... не вымуштрована... Ведь, например, не можешь сразу пустить «ходой»?

— Как не могу? Ерунда!

Павел Петрович вскочил и сразу осадил лошадь на полгоре. Лошадь даже захрипела и, покачиваясь и упираясь, пошла дробным шагом.

— Каково? — мигнул Павел Петрович.

— Лихо! — сказал я и чуть не расхохотался.

От сердца у меня, признаться, отлегло. К тому же «опасность миновала», — мы поднялись в гору. Оглянувшись с нее, я увидел вдалеке мужика, над которым показал свою удасть Павел Петрович. Мужик ехал шагом и, сидя на грядке телеги, сосредоточенно глядел на нас.

— Вот он, голубчик! — заметил Павел Пет-

рович и с веселым хохотом погрозил ему арапником.

— Из-за чего это он, — подумалось мне, — постоянно выкидывает такие штуки? Ведь далеко он не такой «разбойник», каким хочет себя показать!

С горы между тем показалась усадьба Павла Петровича. Он ударил по лошади, и минут через десять мы были уже на дворе.

III

— Обедать! — крикнул Павел Петрович на весь дом, входя в переднюю.

Горничная, сидевшая в ней, вскочила, усмехнулась и скрылась в комнатах.

— У меня строго! — заметил Павел Петрович и подмигнул ей вслед.

Обед, действительно, был подан скоро.

Мы сели за него вдвоем, потому что жены Павла Петровича дома не оказалось. Проголодавшись дорогой, я ел за двух и молчал. Павел Петрович только пил и первый начал разговор:

— Ты где обыкновенно обедал в Харькове? Небось все по кухмистерским?

— Нет, дома.

Павел Петрович улыбнулся.

— Дома? Наверяд... Извини, если не поверю.

— Что же тут невероятного?

Павел Петрович махнул рукой:

— Да уж ваша братия известно как живет!

— То есть чья это «братия»?

— Да студенты и всякие такие... Все по кух-мистерским. Конину жрут.

— Во-первых — я не студент, а во-вторых, и студенты не все одинаково живут...

— Что такое? — насмешливо-медленно перебил Павел Петрович и потом сразу сдвинул брови и заговорил строго и убедительно. — Да кому же ты рассказываешь? Я, брат, вдесятеро лучше тебя знаю эту компанию... Расскажи кому-нибудь другому.

Я удивленно поглядел на него, потому что знал, что он даже в университетских городах никогда не бывал.

— Да где же ты ее мог узнать? — спросил я. — Ведь ты...

— Ну, что «я»? Как это «где»? Я, брат, когда жил в Москве...

Я не утерпел и в свою очередь перебил его:

— Да ты в Москве был еще трехлетним! Ты

не видал ее...

Снова удивленный и строгий взгляд со стороны Павла Петровича.

— То есть как это не видал? Если ты не видал, это не значит, что я не видал.

— Конечно, из-за этого-то не значит. Но суть в том...

— Да я Москву как пять пальцев знаю.

— Ну, опиши мне... Ну, хоть Кремль.

— Да я у тебя не на экзамене!

— Конечно, не на экзамене, но все-таки опиши, пожалуйста. Что ты там видел, например?

Павел Петрович вздохнул и покачал головой.

— Как это «что видел»? — спросил он с презрительным сожалением. — Что все видят, то и я видел.

— Ну, что же все видят? Павел Петрович начал злиться.

— «Сто видят»!.. «Сто видят»!

— Нет, ты дразниться-то погоди.

— Да ну, понятно что! Дома, церкви, бульвары, магазины... Ты, братец, ей-богу, ошалел!..

— Стой! Стой! — завопил я. — Как «бульвары, магазины»? Да в Кремле, кроме дворцов, церквей и присутственных мест, ничего нету— ни бульваров, ни магазинов!

Павел Петрович, презрительно скосив губы, пожал плечами и спокойно, тоном, каким говорят с детьми, возразил:

— Да не обыкновенные же магазины, деточка! Ведь можно было догадаться, что я говорю про лавчонки, где продают... Ну, крестик-ки разные, картинки... А ты, голубчик, воображаешь, что там магазины с зеркальными стеклами?

Я опять перебил:

— погоди... а бульвары-то где ты видел?

— Я про бульвары и не думал говорить.

— Как не думал? Ты сказал: «дома, церкви, бульвары»...

Павел Петрович откинулся на спинку дивана и развел руками:

— Это, наконец, черт знает что! Ты в глаза лжешь, — воскликнул он. — Уверяет меня про какие-то бульвары...

— Да как же не уверять? Как тебе не стыдно?..

— Ты, брат, беспамятен стал, как старая...

Окончание фразы было такое, которое передать нет никакой возможности. Я махнул рукой и смолк.

Помолчали...

Павел Петрович катал из хлеба шарики и насмешливо «играл» глазами. Я бесцельно глядел в окно на золотистый свет кроткого осеннего солнца.

Наконец, Павел Петрович выпил рюмку водки, понюхал, вместо закуски, кусок хлеба и, раскуривая папиросу, заговорил опять:

— А что действительно студенты кониной пробавляются, — я докажу тебе. Если ты ничего не читаешь, так я тебе помогу, дам «Отечественные записки», там даже рассказ про это напечатан. Здорово этих «ученых» прохватывают.

— То есть как «прохватывают»?

— Очень просто.

— Да за что прохватывать-то? Ведь нельзя же обидеть умного человека, если даже самым ехидным тоном сказать: «ты конину ел»... Я, право, все-таки не думал, что ты о людях по кошельку судишь.

— А почему же и не судить! Не лезь в волки, когда хвост собачий.

— Хвост-то тут при чем? Павел Петрович махнул рукой.

— Молчи, молчи, брат! Не связывайся! Ты, я вижу, еще многого не дотяпываешь.

— Как это «не дотяпываешь»?

— А то как же... Молодо-зелено... Я, брат, и не таких-то молодцов «остригал».

Павел Петрович поднялся.

— А самое лучшее, — закончил он, — оставить эту материю. — И, весело и хитро играя глазами, выпил еще рюмку и ушел спать.

IV

Я тоже пошел в кабинет и прилег на кушетке. Но заснуть не удалось, а лежать скоро надоело. Я пошел побродить по усадьбе.

Усадьба была небольшая, по имению — у Павла Петровича около 200 десятин, — но красивая. Сад был большой, старый, окружен соломенным валом — последний признак прежних помещичьих усадеб... Больше всего в нем было лип; плодовых корней можно было насчитать штук сто, хотя Павел Петрович и рассказывал, что он получает аренды с сада

тысячу рублей.

Я побродил по дорожкам, посидел в липах и спустился под гору, к заводу. Завод уже шел. Насилу отворив тяжелую заводскую дверь, я очутился в самом помещении. Там меня сразу охватил теплый, влажный воздух, пропитанный спиртными парами. Шел неясный разговор; где-то раздавался смутный крик нескольких голосов, и все это покрывал смешанный шум, лязг и однообразный стук мелькающих колес, от которых дрожал тонкий дощатый пол. Винокур, старик-еврей, с серыми кудрявыми волосами, бегал, разваливаясь, как тяжелый гусь, и кричал на рабочих...

Вся эта суетня, толкотня и стук машин производили славное впечатление. Дело на заводе было, видимо, поставлено недурно; это меня даже удивило: я знал, что Павел Петрович — хозяин плохой и с самой юности слыл «лантрыгой». В гимназии он страшно шалил, ленился и вышел из третьего класса. Дома он повел совсем бездельную жизнь: больше всего он пропадал на охоте, ежеминутно скандалил и пил иногда по несколько дней без просыпу. Когда отец умер, он было принялся хо-

зайничать, выписал даже какой-то сельскохозяйственный журнал, но вскоре бросил свое увлечение. Сельскохозяйственный журнал он даже не читал и говорил, что «все эти кабинетные, ученые хозяева на самом деле ни черта не стоят».

Воротившись в дом, я присел в гостиной. Обстановка в ней была обычная: стены в обоях, небольшой диван и около него несколько кресел в белых чехлах. На круглом столе бронзовая лампа; на одной стене — премия от «Нивы», на другой — от «Нови» — «Между песнею и пляской».

Пока я разглядывал истомленную красавицу, послышался стук подъезжающего экипажа. Я выглянул в окно и увидел, что перед крыльцом остановилась высокая ямщицкая тележка.

— К этому, Сергей Сергеич? — услышал я вопрос старика-извозчика, обращенный к седоку, господину в модном драповом пальто и форменной фуражке.

— Здесь! Здесь! — торопливо ответил тот. — Неси мои вещи в дом.

— Какие-с? — флегматично спросил ста-

рик.

— Идиот! — резко крикнул Сергей Сергеич. — Разумеется, вот эти, под сиденьем.

И он быстро и грациозно взбежал на крыльцо.

Скоро в зале послышался громкий говор: Павел Петрович встал и разговаривал с приехавшим. Немного погодя раздались шаги, и в комнату, смежную с моею, кто-то вошел. Я приподнялся и заглянул в щель неплотно притворенных дверей.

Посреди комнаты, наклонившись над чемоданом, стоял Сергей Сергеич.

Он был небольшого роста и тщедушен. На нем была серая визиточка и черные брюки, из-под которых выглядывали изящные штиблетки. Когда он поднялся, я увидел его лицо. Оно было немолодое, но красивое. Черные глаза сверкали строгим блеском из глубоких впадин. Щеки тщательно выбриты и черная бородка красиво подстрижена. Волосы, тоже черные, короткие, мягко лежали назад. Общее выражение лица — как будто немного удивленное и серьезное, словно господин контролер всегда был чем-нибудь задет и

строго говорил: «Милостивый государь! Ведь я не позво-лю-с!»

Он порылся в жилетном кармане и отомкнул чемодан. Затем стал вынимать разнообразные предметы.

Прежде всего он вынул сюртучную пару и несколько крахмальных рубашек. Пару он повесил на стене, а рубашки, завернув во что-то белое, положил на этажерку. Этажерка была со сломанною ножкою, и Сергей Сергеич, качнув ее, криво усмехнулся.

— Однако, удобства! — пробормотал он недовольно. Потом опять подошел к чемодану и вынул оттуда штиблеты и новые сиреневые брюки. На последние Сергей Сергеич взглянул ласково; бережно развернувши, он взял их в левую руку, отставил от себя, так что они красиво повисли в воздухе, поглядел несколько минут, откинув голову набок, и затем так же бережно свернул их.

Далее следовала мелочь.

Сергей Сергеич поставил на стол два флакона с одеколоном, зубную щеточку, табак в красной коробке; положил револьвер, суворинское издание Пушкина, «Царь-Девицу» Вс.

Соловьева, «Мысли о женщинах, старые и новые» и штук пять желтых книжек «Отечественных записок», вынул из сака хлыстик с бронзовым набалдашником и, свистнув им два раза в воздухе, снова спрятал. Потом, задвинув ногой сак под кровать, разложил на ней подушку и байковое одеяло... Все это он сделал скоро и, запустив пальцы в жилетный карман, слегка потянулся.

Я отодвинулся от двери, закурил и лег на диван. Когда же я снова заглянул в щель, контролер стоял и утирался полотенцем, а садовник, который исполнял у Павла Петровича осенью и зимою роль лакея, мужик в фартуке, с суровым лицом и рыжими подстриженными усами, протирал пол... Окончив это, он взял рукомойник и хотел уйти. Контролер опустил полотенце и намеревался что-то спросить, но, взглянув на грубую физиономию садовника, по-видимому, счел за лучшее промолчать.

— Наверно, дерзкая скотина, — пробормотал он, когда садовник скрылся.

— Самовар готов-с, — сказал тот, через несколько минут отворяя дверь.

— Сейчас, голубчик, сейчас! — торопливо и не выговаривая буквы «л», ответил контролер.

Садовник бесстрастно повернулся и вышел. Это опять не понравилось контролеру.

— Ну, да у меня будешь вежливый! — сказал он вполголоса с хвастливой храбростью и стал перед зеркалом зачесывать волосы.

Сперва он быстро и недовольно дернул гребешком; потом взбил волосы рукой, отступил немного от зеркала, наклонил голову набок и несколько минут искоса глядел на свое отражение. Потом стал зачесывать медленно и осторожно; волосы лоснились и красиво ложились назад... Сергей Сергеич несколько раз провел по ним своей бледной и худой «нервной» рукой с розовыми ногтями и опять стал глядеть в зеркало. Налюбовавшись, он слегка покрыл лицо пудрой, расчесал усики, переменял серую визиточку на сюртук, сделал строгое лицо и, одергивая жилет, прошелся по комнате. В черной паре его фигура казалась еще стройнее и тщедушнее...

Я лег на диван и закрыл глаза.

В сумерки горничная разбудила меня приглашением «чай кушать». Я вышел в залу.

За столом сидели: около стены Павел Петрович, сбоку — гость. Павел Петрович был в шелковой красной рубашке, новых черных шароварах и замечательно вычищенных сапогах. Видимо, он хотел показать себя богатым помещиком: богатые помещики, по его мнению, должны носить именно такой костюм. Кроме этого, было еще заметно, что сегодня он чувствовал себя особенно «удалым» и красивым. Гость слушал его оживленный говор молча, с вежливой улыбкой, и помещивал ложечкой в стакане.

— Позвольте, Сергей Сергеич, познакомиться, — начал, как только я вошел, Павел Петрович галантно.

Я пробормотал, как обыкновенно бормочут при первом знакомстве, свою фамилию.

— Сергей Сергеич Павловский, — ясно и вразумительно ответил мне контролер, выпуская букву «л».

Потом сейчас же сел и сделал вид, что его чрезвычайно интересует рассказ Павла Петровича.

Но Павел Петрович сказал торопливо «раг-доп» и крикнул горничную:

— Принесите рому или коньяку... хоть бутылку, да чаю Ивану Алексеевичу.

— Да там... нету-с, — ответила горничная.

Павел Петрович сделал строгий и удивленный вид.

— То есть как это нету-с? Давно ли я привез из города ящик?

— Когда-с? — наивно спросила горничная.

— Слушайте, что вам приказывают, и не смейте рассуждать, — сердито перебил Павел Петрович, нисколько не смущаясь.

Горничная, должно быть уже привыкшая к подобным штукам, молча скрылась. Когда же она принесла мне чаю, Павел Петрович уже не стал спрашивать про вино.

— И представьте себе, Сергей Сергеич, — говорил он, продолжая прерванный рассказ, — мне эта история вовсе не шутками обошлась: чистого убытку оказалось ни много ни мало... (позвольте, — заморгал он глазами, будто бы припоминая, — 800,1000,1025) да... верно, 1025 рубликов с копейками.

— Однако! — сочувственно сказал Сергей

Сергеич.

— Да вы, может быть, не верите? Я вам покажу конторские книги.

— Сергей Сергеич быстро взглянул исподлобья.

— Помилуйте! — воскликнул он. — Почему же я смею не верить? — И изящно хлебнул из стакана.

— Про что это? — спросил я Павла Петровича.

— А знаешь, про ту историю с волками, — ответил он совершенно спокойно.

— Про какую историю с волками?

— Разве не помнишь, волки пшеницу-то у меня летом испортили, — 25 десятин логовом поделали.

— Когда же это?

— Ах, боже мой! Да ты же ездил со мной осматривать поля.

— Я не жил лето в деревне.

— Ну, так, значит, не ты, — протянул Павел Петрович, — так, так... не ты, действительно. Это мой шурин.

Сергей Сергеич, видимо, понял, что разговор принимает плохой оборот, и поспешил

сейчас же переменить его:

— Вы что же, в университете в Харькове? Ну, что там новенького? Вы ведь недавно оттуда?

— Да, недавно. Нового, кажется, ничего нет.

— Я, видите ли, — пояснил Сергей Сергеевич, — почему так интересуюсь Харьковом, что это, можно сказать, мой родной город; я там прожил около пяти лет. Славный город!

— Городишко, правда, недурной, — заметил Павел Петрович.

Сергей Сергеевич криво улыбнулся.

— Даже не город, а городище целый, — сказал он и обратился ко мне.

— Я думаю, он и теперь с каждым днем прогрессирует; кажется, там несколько месяцев тому реализовалась благая мысль: открылась бесплатная читальня.

— Да, да, — подхватил Павел Петрович, — открылась.

— Она уже несколько лет существует, — заметил я.

— О, нет, — возразил контролер, — насколько я знаю, это учреждение для Харькова

еще очень молодое.

— Кажется, четвертый год уже, — повторил я.

— Четвертый, четвертый, — подтвердил Павел Петрович.

— Удивительно! Как же это я смешал? — вздрогнул Сергей Сергеич плечами. — Ну да, в сущности, это не важно. Я хотел сказать...

— Конечно, ерунда, — весело перебил Павел Петрович.

Сергей Сергеич опять криво улыбнулся, кинул на него взгляд, но сейчас же поспешил придать своему желчному лицу спокойное выражение.

Наступило неловкое молчание. Я встал и пошел за папиросами.

— Куда ты? — спросил Павел Петрович.

— За папиросами. Я сейчас.

— Катерина, папирос! — закричал Павел Петрович, но сейчас же спохватился и прибавил: — Черт возьми, кричать приходится, — выписал себе электрических звонков и до сих пор не получаю.

— Какой же системы? — спросил Сергей Сергеич.

Брови Павла Петровича дрогнули, но он постарался сказать весело:

— Самой простой, но новейшей.

VI

— Вы, кажется, ярый последователь теории Толстого? — все хотите делать сами, — пошутил Сергей Сергеич, когда я вернулся.

— Страстный! — ответил я в том же тоне.

Тогда Сергей Сергеич сделал серьезное лицо и сказал:

— А ргорос, читали вы новую книжку Скабичевского: «Толстой как художник и моралист»?

— То есть барона Диетерло? — спросил я.

— Да, да, Дистерло, — поспешно подтвердил Сергей Сергеич и, показав таким образом, что он перемешал фамилии из-за «глупейшей» рассеянности, авторитетно начал делать критические замечания на «книжечку».

Потом перешел к самому Толстому, сказал несколько интересных фраз насчет его «теорий», прибавляя к ним, как к собственным мнениям: «мне кажется», «я думаю» — и наконец, доставая портсигар, быстро закурил папиросу, изящно помотал спичкой, элегантно

бросил ее, откинулся к спинке стула и заключил:

— Мне, по правде сказать, жаль его: запутался старик!

Павел Петрович, дотоле молчавший, вдруг сказал:

— А по-моему, даже не запутался, а просто спятил с ума! Иначе как же допустить, что богатый человек, бывший столько лет министром, ни с того ни с сего стал плести лапти?

— То есть как это «министром»? — раздраженно небрежным тоном спросил Сергей Сергеич.

— То есть так, — разве не поняли? — отвечал Павел Петрович, и глаза у него загорелись.

— Он не был министром, — продолжал Сергей Сергеич.

— Нет, был, — дерзко и грубо возразил Павел Петрович.

— Pardon, насколько я знаю...

— Мало знаете...

Сергей Сергеич поглядел, вздернул плечами, но, увидав у Павла Петровича совсем бешеные глаза, поспешил кое-как перевести

разговор на другое. Но Павел Петрович еще очень долго щурил левый глаз и с злобной улыбкой поглядывал на Сергея Сергеича. Тот старался не замечать этого. Он пустился опять высыпать свои знания по части модных толков: говорил очень много о женском вопросе, затем перешел к журналам, сказал с неприятной гримасой о их теперешней бессодержательности и, вспомнив о старых журналах, воскликнул с чувством:

— Да! Жаль, жаль «Отечественных записок»!

Разговор наш был прерван приездом жены Павла Петровича, очень похожей на бубновую даму. Когда она, переодевшись, вышла к чаю, Сергей Сергеич совсем оживился. Он встал и, расхаживая и покуривая, заговорил о деревенской скуке, в которую он, впрочем, «не попадет, если Павел Петрович позволит ему проводить свои вечера в его семействе», рассказал, с какими приключениями он будто бы добрался до станции, опять свел разговор на женщин, но уже в более легком, остроумном тоне, и т. д. и т. д.

Павел Петрович более всего хлопотал о за-

куске и выпивке и, подвыпивши, стал петь, принимая мужественные, удалые позы и стараясь своим громадным, необработанным баритоном заставить звенеть стекла. Сергей Сергеич подпевал тоже баритоном, только сдержанным, грациозно облокотившись на спинку стула и играя часовой цепочкой.

Я распрощался и ушел спать.

Часа в три ночи я услышал, что меня будят.

— Слушай! Встань-ка! — бормотал кто-то, дергая меня за плечо.

Я чиркнул спичкой и увидел Павла Петровича.

— Хочешь выпить? — спрашивал он торопливо.

Я только мог расхохотаться. Павел Петрович пробормотал: «Ну, черт с тобой!» — и, закурив папиросу, лег около меня. Помолчав, он, наконец, выговорил угрюмо:

— Однако я эту дохлую личность за хвост да на солнце! Ей-богу! Опомниться даже не успеет.

— Кого? — спросил я.

— Контролеришку...

Я хотел было расспросить, в чем дело, но сон одолел любопытство.

VII

Проснулся я рано и, намереваясь уехать поскорее домой, на свой хутор, сейчас же начал одеваться.

Отворив окно, я невольно прикрыл глаза от яркого света. Солнце стояло еще низко, но блестело ослепительно. В аллеях насквозь сверкали полуобнаженные золотые липы. Утро было светлое, но холодное; на балконе, на перилах и в саду, на песчаных дорожках и опавших черных листьях, еще лежала белая как снег роса; над прудом, под садом, растянулся густой матовый туман...

Вдруг около меня, как гром, грянул выстрел. Я, как обожженный, отскочил от окна и заорал во все горло:

— Да кто же это?

В ответ на это около окна раздался громкий хохот.

Я выглянул из окна и рядом, в другом окне, увидел Павла Петровича. Он сидел на подоконнике и на коленях держал дымящееся ружье.

— Что, брат, здорово струсил? — закричал он и прибавил потише: — Это я пробуждаю господина питейного чиновника.

— Черт знает что ты делаешь, — пробормотал я недовольно. — Ни свет ни заря — палит из окон!

После чая я стал просить Павла Петровича дать мне лошадь.

— Ты ехать хочешь? — спросил он.

— Да, нужно.

— Ну, что же? я тебя не держу.

— Так лошадь-то дашь?

— Лошадь? Лошадей, брат, я не держу.

Я стал упрашивать:

— Полно шутить, Павел Петрович!

— Да, ей-богу же, у меня нету.

— Ну, так я найму, — заявил я наконец.

Павел Петрович пожал плечами.

— Изволь, нанимай! Но как только твой извозчик на Двор, я велю принять его в кнуты.

Я давно знал такую манеру гостеприимства Павла Петровича: он ее заимствовал у прежних помещиков, думая, что помещик должен быть гостеприимным именно в таком

роде. Пришлось самому сходить в конюшню, попросить кучера оседлать лошадь и тайком уехать.

Однако слова Павла Петровича насчет «дохлой личности» меня заинтересовали. Я был убежден, что дело добром не кончится.

VIII

Не больше как через неделю после этого мне пришлось натолкнуться на замечательную сцену.

Я поехал к Павлу Петровичу. Предупрежденный заранее, что он будет охотиться, я нарочно поехал теми полями, на которых думал встретить охоту. Подъезжая к его лесу, я еще издали услышал «однопометников лай музыкальный». Но лай был слишком музыкален, чтобы предположить, что идет горячая гонка. Охотники, по-видимому, где-нибудь на привале пьянствовали, а собаки шалили или гнали по старым следам.

«Наверно, они в лугу», — подумал я, въезжая на опушку леса шагом. День стоял теплый, ласковый. Лес, упоенный ароматом листопада, тихо задремывал...

Я ехал шагом и, как в забытии, слушал да-

лекую музыку лая...

Вдруг за кустами послышался лошадиный топот, ускоренный, отрывистый. Он отдавался все ближе и ближе и все усиливался.

— Ату-ту-ту... его!! — задыхающимся голо-сом гаркнул кто-то на весь лес. И вдруг с бешеною быстротою из-за кустов выскочил на сереньком «киргизе», нещадно поливая его нагайкой, Сергей Сергеич и за ним «казак» и Павел Петрович. Потрясая арапниками, они скакали что есть духу. На повороте, около меня, Павел Петрович сразу пригнулся к седлу, вытянулся и, наскочив на контролера, неловко, но, видимо, изо всей силы треснул его арапником. Контролер вскрикнул и неловко шарахнулся в кусты.

— Держи!.. Васька! держи!.. — едва мог крикнуть Павел Петрович.

Но контролер уже успел счастливо выпутаться из кустов и поскакал вниз.

Только тут я опомнился и бросился к Павлу Петровичу.

— Что это такое? Скажи ради бога!..

Павел Петрович остановился и тяжело перевел дух.

— Что, брат, здорово? — спросил он, сопя и что-то проглатывая. Глаза у него расширились, ноздри дрожали.

— Я ничего не понимаю, — крикнул я. — Ты с ума сошел!

— Да, сошел! — сказал Павел Петрович. — Хочешь, я твоему жеребчику ухо из револьвера отстрелю. Честное слово, отстрелю!

Дико и весело играя глазами, Павел Петрович выхватил револьвер и прицелился. Я схватил его за руки:

— Однако, брат, шуткам есть границы.

— Ну, ну, я шучу, — сказал Павел Петрович.

— Ты лучше скажи, что это было здесь?

— А то что же!.. Он, видите ли, образованный господин... Поддавливает меня на каждом шагу... К жене лезет: «поедьте в соседнюю деревушку молоко пить!» Хорошо я его угостил? Теперь небось шабаш по деревушкам ездить!

— Да зачем он в лес-то попал?

— А мы его на охоту пригласили... Да жаль, Капитон и Митька опоздали... Мы бы его еще и не так угостили!..

«Да, не перевелись еще витязи на святой Руси», — думал я, выезжая из леса на дорогу к своему хутору...

<1892>

По Днепру*

Из письма

Я очень люблю первые дни июня — почти всегда в это время стоит чудная погода. За весь год не бывает таких веселых, таких светлых, знойных дней, никогда не дышит природа такой полнотой счастья и жизнерадостности... И порой я готов умереть от солнечного удара, лишь бы провести этот долгий-долгий июньский день в открытой степи, — идти по горячей пыли степной дороги, пробираться по межам, утонувшим в неподвижных ржах, овсах и пшеницах, где стоит и, как от костра, пышет в лицо сухой жар и душно пахнет степной растительностью — нагретыми цветами и травами, и все эти травы наполнены горячечным шепотом и треском кузнечиков, и над головою звенит и

звенит воздушная музыка — тысячи дискантовых оркестров насекомых, неумолчно поющих эту радостную могучую жизнь июньского степного дня, эти бесконечные синие дали, млеющие в ослепительном блеске солнца.

А на Днепре в такие дни еще веселей... И мне теперь кажется, что я прожил эти сутки моего пути до Киева по Днепру — во сне, так хорошо мне было все время.

Утром от широкого лона реки, от ее неоглядных берегов, от синеющих прибрежных лесов веяло такую здоровую свежесть, такую ароматную влагою — крепким запахом дубовой зелени, еще недавно вышедшей из-под воды, что с каждым вздохом чувствовалось, как прибавляется во всем организме молодости и крепости. Плавно и свободно шел пароход, а навстречу ему как бы двигалась вся эта ширь многоводной реки, проходили зеленые роци островов, там и сям тяжело плыли огромные плоты, а на них суетились люди, раздавались бойкие крики, говор и песни... Былолюдно и весело и на пароходе...

К полудню вся картина как бы замерла в неподвижном знойном воздухе. Воздух, каза-

лось, был так же горяч, как горячий сипящий пар, который, как расплавленное стекло, чуть дрожал над широким жерлом черной паровой трубы. Замер светло-стальной Днепр, оцепенели окрестные пейзажи, далекие деревушки и тополя, бледно-синеватые силуэты гор за низменными широкими берегами... Ослепительно блестели песчаные полосы мелей, и казалось, что это неподвижно желтеют вдали полосы спелых ржей. Пароход, проплывая мимо них, замедлял ход, и тогда замолкло даже сипение пара, и еще более затихало все кругом под палящими лучами солнца. Палуба была пуста. И только заунывно и странно долетал до нее с носа как бы отдаленный, долгий и монотонный возглас матроса, измеряющего глубину реки...

А в каюте по белому глянцеvitому потолку весь день с неуловимой плавностью бежали светлые отражения реки, в открытые окошечки тянуло прохладой, пахло водою и рыбой, а под самыми подоконниками весь день шумели, клубились и рассыпались жемчужными водометами прозрачные массы днепровских волн, так неустанно и ровно бегу-

щие и волнующиеся, что, глядя на них, голова слегка кружилась.

И медленно и спокойно протекал этот безмятежный, светлый летний день...

* * *

...За Черкассами Днепр становится уже не таким мелководно широким и спокойным. Он разливается могущественнее и полнее, горы правого берега подходят к нему ближе, и от этих гор, вершины которых походят на степные курганы и могилы, и от самого Днепра больше веет стариной. Кажется иногда, что это Днепр не теперешней мирной Малороссии, а Днепр времен «Страшной мести», Днепр могучего и вольного прошлого старой Украины. Так, по крайней мере, чувствовалось мне, и — смешно сказать! — стоя на палубе, я уже искал глазами того места, где когда-то среди гор белел приднепровский хутор пана Данилы...

Увы, бог его знает, где это жил пан Данило! Теперь по горам на фоне неба рисуются только звездообразные крылья бесчисленных ветряных мельничек... Грозные были давно отошли в вечность — только от могилообразных

вершин гор на минуту повеяло ими — и мирно все было кругом в этом благословенном краю в мирный летний вечер!

А вечер наступал поистине дивный!

После горячего дневного зноя дышалось свободней, и на палубе собралось много народу. Но разговоры шли сдержанные, все притихли, как будто не хотели смущать светлого настроения и тишины этого ясного вечера. Но все же было лучше быть в одиночестве, и я отошел на переднюю часть палубы... Я ждал...

Был один из тех вечеров, которые так любят ласточки, вечер, когда им так привольно уноситься в ясное небо или скользить над зеркальными водами, быстро задевать их острым крылышком и снова с безотчетно-радостным щебетаньем тонуть в чистом воздухе, — вечер, полный идеальной, гармоничной красоты.

Все самые нежные краски — от пепельно-розовой до пурпурно-золотистой, все самые легкие тоны вечерней зари воспринимала неподвижная, широкая, как озеро, поверхность Днепра; даже странно было чувствовать, что мы плывем по ней, — так картинна

и спокойна была она... А плыли мы уже за Секирной, в тех местах, где правый берег после гор на несколько верст в ширину и длину расстилается в широкую, низменную равнину. То были луга, заливные луга, не наши великорусские, от которых веет всегда пустынно-стью, а украинские живописные луга, по которым то зеленеют рощи, то одиноко идут среди сенокосов кудрявые деревья, красивые и картинно сокращенные, как на рисованных пейзажах. Может быть, летний вечер или мое настроение, настроение человека из других краев, опозитизировали эти места, но только мне казалось, что именно эти места — настоящие украинские, такие, какими я рисовал их себе с детства, со всей поэзией и мечтательной красотой южной природы, милого образа украинской девушки и тоскующих, сладостных песен. И я глядел в вечернюю даль этих заливных лугов, сердцем чуял и рисовал себе там, вдали, этот образ — карие очи, тонкие черты нежно-смуглого личика, девственно-белоснежную сорочку и цветную плахту над стройными, загорелыми ножками, почти слышал девический голос около белой хат-

ки — эти звонкие песни по вечерней заре... Вспоминал и те могилообразные горы, от которых пахнуло на меня старыми былями и думами, и ждал... Ждал увидеть вечное пристанище того, кто так горячо любил все это, — «край веселый, степ широкий»[18], ясные зори и тихие воды своей родины!

И могила великого поэта, тот высокий горный кряж над Днепром, где он покоится вечным сном, уже рисовался впереди как смутно-лиловая точка на золотистом фоне запада. Но до Канева было еще далеко. И всю зорю видели мы темные очертания этих гор за безбрежным зеркалом Днепра...

* * *

Уже поздно вечером подходили мы к ним.

Стемнело, на мачту подняли фонарь, и палуба опустела. Стало холодно, слегка туманно, и, оглядываясь назад, к востоку, я видел совсем морскую картину.

Теперь уже не видно было очертаний берегов, синий Днепр слился с мутной синевой темной южной ночи. Ночной ветер разводил большую зыбь; Днепр волновался, и казалось, что вся эта туманная синева Днепра и ночи

клубится и дышит холодом морской дали; зыбко переливались там, вдали, бледно-зеленые огни уже невидимого парохода, который мы встретили... Наконец, потонули в этом холодном хаосе и они...

А спереди, заслоня еще брезживший свет заката, надвигались на нас высокие горы. Я ждал, что на самом высоком пункте черных гор, на бледном фоне зари, я увижу, как простертые руки, высокое распятие. Но нет, могила Шевченко находится ниже, на полугоре. Великий поэт почивает скромно... И я старался разглядеть в темноте эту могилу и не мог. Только чувствовал ее близость. Горы надвигались все ближе и ближе, черный мрак как бы плыл от них... У меня захолонуло сердце, когда мы наконец прошли под самыми горами, и пахнуло, так близко пахнуло величавым угрюмым молчанием, вечным покоем этого великого места... Холодом и мраком закрылась в эту ночь могила поэта...

Почти всю ночь я без сна лежал в темной каюте. Как в гробу, было темно в ней... Я был взволнован... И этот мрак, и ровное покачивание — казалось мне, что я в могиле и вся зем-

ля тихо качается, — и этот ровный-ровный, однообразный шорох, непрерывный шорох, плеск и шум днепровских волн, бегущих у изголовья, — еще более странно настраивали и волновали меня...

Там, на горах, над угрюмым Днепром, в темноте глубокой ночи могила молчала вечным молчанием!..

Вечный покой тебе, великое сердце!..

<1895>

В деревне*

Когда я был маленьким, мне всегда казалось, что вместе с рождественскими праздниками начинается весна. «Декабрь — вот это зима», — думал я. В декабре погода по большей части суровая, серая. Рассветает медленно, город с утра тонет в сизом, морозном тумане, а деревья одеты густым инеем сиреневого цвета: солнца целый день не видно, и только вечером замечаешь след его, потому что долго и угрюмо рдеет мутно-красная заря в тяжелой мгле на западе... Да, это настоящая зима!

Я с нетерпением ждал святок. Когда в кон-

це декабря я бегал по утрам в гимназию, видел в магазинах сотни блестящих игрушек и украшений, приготовленных для елок, видел на базаре целые обозы с этими зелеными, загубленными для праздника елочками, а в мясных рядах — целые горы мерзлых свиных туш, поросят и битой, ошипанной птицы, я с радостью говорил себе:

— Ну, теперь уж близко праздник! Скоро настоящая зима кончится, и дело пойдет на весну. Я на целые две недели уеду в деревню и буду там встречать начало весны.

И мне казалось, что только в деревне и можно заметить, что начинается весна. Мне казалось, что только там бывают настоящие, светлые, солнечные дни. И правда, ведь в городе мы забываем о солнце, редко видим небо, а больше любуемся на вывески да на стены домов.

И вот наконец наступал давно желанный, радостный день. Вечером вдруг раздавался звонок в сенях нашей квартиры, я стремглав бежал в прихожую и наталкивался там на высокого человека в большой енотовой шубе. Воротник этой шубы и шапка на голове высо-

кого человека были в иное.

— Папочка! — взвизгивал я в восторге.

— Уйди, уйди, я — холодный, — говорил отец весело, и действительно, от него так хорошо пахло морозной свежестью, снегом и зимним воздухом.

Весь этот вечер я не отходил от отца. Никогда я не любил его так, как в эти вечера, никогда не засыпал так сладко!

Я засыпал, упоенный мечтами о завтрашнем путешествии в деревню, и правда — это было веселое путешествие! Поезд быстро бежит среди ровных снежных полей, вагон озарен утренним солнцем. Белый дым волнующимися клубами плывет перед окнами, плавно упадает и стелется по снегу около дороги, а по вагону ходят широкие тени. Свет солнца от этого то будто меркнет, то снова врывается в окна яркими, янтарными полосами... Даже весело то, что в вагоне так много народу, так тесно и шумно!

Но вот и одинокая, знакомая станция среди пустынных полей. Тихо-тихо в полях после грохота поезда! Откинешься в задок саней, прикроешь глаза — и только покачива-

ешься и слышишь, как заливается колокольчик над тройкой, запряженной в протяжку, как визжат и постукивают на ухабах полозья. Коренник сеет иноходью, передние поджарые лошади, пофыркивая, несутся вскачь, комья снега бьют в передок, а около саней, быстро-быстро, как змея, вьется длинный кнут кучера. Обернешься — и кажется, что полоса дороги выскальзывает из-под полозьев, бежит назад, в ровное снежное поле...

А потом — шагом по занесенным вьюгами лугам, под обрывами с нависшими тяжелыми снегами! Огромными раковинами завиваются внутрь гребни снеговых навесов. Ясно и резко отделяются их чистые, холодные изваяния от фона неба: небо снизу кажется темно-темно-синим! Пристяжные играют, на ходу хватают губами и отбрасывают снег...

— Балуй! — грозно кричит кучер, щелкает кнутом, — и опять постукивают сани на ухабах, и звонко заливается колокольчик под мерно качающейся дугою...

А между тем уже догорает короткий день; встали лиловые тучки с запада, солнце ушло в них, и наступает тихий зимний вечер. Над

посиневшими снегами залегает к востоку морозная мгла ночи. Сливаются с нею вдали снежная дорога, и мертвое молчание царит над степью. Только полозья тихо скрипят по снегу, и задумчиво позванивает колокольчик: лошади идут шагом. Овсянки бесшумно перелетают перед ними по дороге... Мужик на розвальнях пристал за нами где-то на перекрестке, и заиндевшая морда его шершавой, низенькой и бокастой лошадки, которая трусит рысцой за нашими санями, равномерно дышит теплым паром в мой затылок.

— Не наезжай! — раздается иногда голос нашего кучера среди мертвого молчания поля.

И мужик тоже что-то покрикивает, соскакивает на раскатах и снова бочком, на бегу, вваливается в свои дровни.

А кругом все темнеет и темнеет, и уже ночью въезжаем в знакомое село. Ночь темная, но звездная; мелкие звезды содрогаются острыми синими огоньками, крупные блещут переливчатым блеском разноцветных камней. На селе еще краснеют кое-где оконца в смутно чернеющих избах... В чистом, мороз-

ном воздухе звонко отдаются скрип ворот или лай собачонки...

И чувство глубокого довольства и покоя наполняет душу, когда наконец медленно въезжаешь на сугроб перед крыльцом освещенного и теплого деревенского домика!

II

— Но где же весна-то? — спросите вы.

А разве не весеннее радостное чувство наполняло душу за весь этот веселый, солнечный день нашего путешествия в деревню? Разве не с весенним чувством открывал я глаза, проснувшись на другое утро в детской?

В больших комнатах нашего старинного дома с утра всегда стоял синий полусумрак. Это оттого, что дом был окружен садом, а стекла окон сверху донизу зарисовал мороз серебряными пальмовыми листьями, перламутровыми, узорчатыми папоротниками. Еще до чаю я успевал обегать все комнаты, осмотреть все эти рисунки, сделанные морозом за ночь, и даже — побывать в сенцах, где стоят лыжи.

— Папа, я пойду покатаюсь немного, — робко говорил я отцу тотчас после чаю.

Отец пристально смотрел на меня и с улыбкой отвечал:

— Ах ты, дикарь этакий! Настоящий вогул! Ведь еще холодно, нос отморозишь.

— Я только на минутку...

— Ну, если так, — беги!

— Я вогул, я вогул, — кричал я, подпрыгивая от радости и поспешно снаряжаясь в путь.

Резкий, морозный воздух так и охватит всего, когда выйдешь из дому. За садом еще холодно краснеет заря. Солнце только что выкатилось огнистым шаром из-за снежного поля; но вся картина села уже сверкает яркими и удивительно нежными, чистыми красками северного утра. Клубы дыма алеют и медленно расходятся над белыми крышами. Сад — в серебряном инее... Туда-то мне и нужно! И, став на лыжи, окруженный гончими, я спешил забраться в самую чащу, где можно с головой утонуть в снегу.

— Я вогул! — кричал я собакам, пробираясь по пушистому снегу к пруду под садом.

Там, на старых ракетах, до полудня держится густой, махровый иней. Весело отря-

хоть его и чувствовать, как он осыпает лицо своим холодным пухом! А еще веселее смотреть, как на пруде работники прорубают проруби и баграми вытаскивают из воды огромные льдины. Словно квадраты светлых горных хрусталей, сияют они на солнце, играя зеленоватыми и синими переливами...

К обеду солнечный день окончательно разыгрывается. С навеса крыльца падают капли. Как слоновая кость, блестят по деревенскому выгону отшлифованные ухабы дороги.

«Весна, весна близко!» — думаешь, прикрывая глаза под лаской солнца.

И весь день не хочется уходить со двора! Все радуется. Забредешь ли на двор, где около яслей дремлют, изредка глубоко вздыхая и раздувая бока, меланхоличные коровы, бродят похудевшие за зиму лошади и жмутся в кучу овцы; пройдешь ли на гумно и слышишь по дороге, как возятся и трещат воробьи в кустах акаций, как они вдруг снимаются всей своей шумной стаей и дождем сыплются на крышу риги, — все радуется... А на гумне, в затишье скирдов и соломенных валов, забитых снегом, особенно уютно. Хорошо

полежать под солнцем в омете, в соломе, которая так резко пахнет мышами и снегом!

И весь праздник проходил у меня в этом очаровании солнечными днями, в светлых грезах о близкой весне. Забудешь, бывало, об уроках, забудешь даже лыжи, и все сидишь в освещенной солнцем зале, все глядишь на далекие снежные поля, которые уже блестят повесенному золотистою слюдою крепкого наста.

III

— Ну, не скучай смотри, — говорил отец, когда наконец меня снова снаряжали в город. — Теперь и не увидишь, как наступит весна. Каких-нибудь два месяца, а там и святая и лето. Приедешь тогда, — жеребчика верхового тебе подарю, будем верхом вместе ездить, за перепелами ходить...

Мне было очень грустно покидать родной дом, но я вполне соглашался с отцом: теперь уж скоро весна!

— А ведь правда, папа, совсем весной пахнет! — говорил и я, когда утром мы сели в сани, переваливались в воротах через высокий сугроб, набитый вчерашней метелью, и

глубоко вздыхали свежим ветром с запахом молодого снега.

— А ты любишь весну? — спрашивал отец с улыбкой.

— Люблю, папа! Очень люблю!

— А деревню любишь?

— Конечно, люблю...

— Это хорошо, — прибавлял отец. — Когда ты вырастешь, ты поймешь, что человек должен жить поближе к природе, любить родные поля, воздух, солнце, небо... Это неправда, будто в деревне скучно. Бедности в деревне много — вот это правда, и, значит, надо делать так, чтобы было поменьше этой бедности, — помогать деревенским людям, трудиться с ними и для них... И хорошо можно жить в деревне!

«Правда, правда! — думаю я. — В городе даже весной не пахнет. А вот тут пахнет. И проруби вон уже почернели, оттаивать стали...»

Мы проезжаем по большому селу над рекою, и я спешу наглядеться на все деревенское.

Кругом чернеют среди сугробов грязные избы; но скоро сугробы растают, и даже эти

бедные избы станут чистенькими и веселыми. Да и теперь весело в них, особенно в тех, кирпичных, где живут зажиточные семьи. И с каким удовольствием входил я в такую избу, когда мы останавливались покормить лошадей!

В кирпичных избах у богатых мужиков всегда сыро, угар зеленоватым паром стоит в теплом воздухе, на полу — мокрая солома, но всегда аппетитно пахнет хлебами, народу много, и все за работой: кто отрывисто гудит тетивой, которая бьет и вздымает пушистую белую «волну»; кто чинит хомут, с внезапной решительностью раздергивая в разные стороны пропущенную в кожу дратву; а бывалый человек, портной, в жилетке, утыканной иголками, и с мотком ниток на шее, забавляет всех рассказами. Сидя на конике, скорчившись, — одна нога под себя, а колено другой поднято почти к самому лицу, — и ухитряясь держать большим пальцем босой ноги край сукна или овчины, он пристально шьет, но говорит не смолкая и при этом задумчиво улыбается веселыми, умными глазами, встряхивая со лба волосы и вдевая на свет нитку в

иголку. И все глядят на него дружелюбно. Он везде свой человек, даже для детей, которых он нянчит по вечерам на руках, дает им брать себя за бороду, а потом вдруг щелкнет зубами, гамкнет, как собака, и схватит ртом детскую ручонку, отчего ребенок, с замиранием сердца ждавший шутки, радостно взвизгивает и заливается смехом...

Я уже не раз видал его и теперь смотрю на него с большим любопытством. Но пора ехать. Мы прощаемся с хозяевами и выходим на крыльцо. Хозяин, который нас провожает, стоит на крыльце в шапке, но в одной рубашке, смотрит на меня и, улыбаясь, говорит:

— Что ж, барчук, теперь, значит, до весны в город?

— До весны, — говорю я, — да ведь весна скоро!

— Скоро, скоро! — соглашается мужик.

Мы опять едем мимо черных сельских изб, по буграм, с которых катаются мальчишки на ледяшках, по лугам, где на высоких лозинах качаются грачиные гнезда, а около горбом выросших краев проруби бабы бойко полощут белье в темной студеной воде и звонко пере-

говариваются...

Но уже и село кончилось. Впереди только поле, белая пелена пушистого снега. Сколько его набило за ночь в лощинах!.. В поле опять стало ветрено; ветер заносит в сторону гривы и хвосты лошадей, дорога тяжкая; но лошади застоялись, они как будто рады ветру и простору полей и быстро несут нас вперед... Небо сплошь закрыто облаками, вдалеке чернеет лесок.

«Оттепели начались», — думаю я.

И мне представляется, как теперь надолго пойдут эти серые дни, когда на межах в пустой степи уныло качается прошлогодняя полынь от ветра. Но все-таки весна близко! Этот же ветер скоро станет теплее, а когда наступит март, шумно и весело пойдет он по березовым лесам в блеске весеннего солнца, пробуждая природу от зимнего сна. А потом загремят по оврагам полые воды, налетят с далекого юга птицы, зазеленеют поля...

Хорошо в полях!

<1897>

Кукушка*

I

Лес был небольшой, но красивый, особенно ежели принять во внимание, что вокруг него была бедная местность: поля да косокры, кое-где поселки у оврагов, дубовые кусты в лощинах, хутора мелких помещиков и одинокая мельница-ветрянка на западном горизонте, на далеком возвышении. Правда, поля были волнистые и сменялись лугами («верхами», по-орловски), но это были совсем голые и глухие луга.

Большой Кастюринский верх разветвлялся к северу на два рукава. Один из них был покрыт по отлогим бокам кустарником и далеко тянулся однообразным логом. Скучно в нем было, особенно осенью! Едешь, бывало, в синеватый, пасмурный денек на охоту среди этого пустынного лога и видишь перед собою только низкое небо да пожелтевший кустарник. Ни птицы, ни зверя, — один ветер шелестит дубовой листвою...

Зато другой был гораздо веселей и живописней. Тут-то и находился лес. Оттого, что

лес давно не подчищали, в нем было много густого подседа — орешников, осинников и молодых березок. Были, кроме того, овраги, где громоздились серые камни, были провалы, заросшие глухой крапивой; мелкий пруд, окруженный верболозами, позабытый пчельник и старая караулка — почерневшая изба с горбатой крышей. Пустые деревянные ульи на пчельнике, прикрытые камнями и похожие на грибы, стали от времени голубовато-серого цвета, а в караулке покосились окна, двери и даже самые стены... Прошлой зимой в ней поселился старик-солдат Кукушка, а в одном из оврагов, за пчельником, вывела двух детенышей волчица.

Наступал вечер теплого и серенького февральского дня, когда работник с Кастюринского хутора привез Кукушку в караулку. Лес утопал в молодом, рыхлом снегу. Перед вечером опять начинало порошить, и деревья, наполнявшие лощины и овраги, были слегка затуманены, а в отдаленье, в конце лугов, сливались в неясные чащи мутно-сизого цвета. Лошадь тяжело брела по сугробам. Кукушка дремал, хотя ему было холодно в истрепан-

ной шапке, обвязанной по ушам тряпкой, и в заплатанной шинели. Старчески серьезное и сонное лицо его посинело. Озябшими руками он держал петуха и кошку, а за розвальнями бежали еще два сожителя Кукушки: барский Цыган, черный с белым жилетом, и Кукушкин Мурзик, небольшой, звонкоголосый кобелек, веселый и беспечный, одетый в очень пушистый рыжеватый мех.

Подъехав к караулке, работник помог Кукушке снести в нее кое-что из провизии и хозяйственных принадлежностей, закурил сигарку, надел рукавицы и, ставши в розвальнях на колени, равнодушно повернул лошадей в обратный путь.

— Смотри, как бы у тебя Цыган-то не ушел! — крикнул он на прощанье.

И Кукушка остался один...

Когда на дворе стало смеркаться, в холодной караулке было уже совсем темно. Мрачно глядела пустая изба — старая, низкая, с маленькими окошечками и огромной печью. Но на Кукушку это не произвело никакого впечатления. Тому, кто ходил под дождем, ветром и снегом побираться, всякая изба пока-

жется уютной и веселой, а Кукушка уже давно проводил — где день, где ночь — под чужими кровлями. Теперь же он был надолго защищен от холода и голода. Жалованья ему назначили семнадцать рублей в год, а «мещину» — и совсем хорошую. Кроме того, ему дали валенки, старую баринову тужурку и полинявший дворянский картуз. Кукушка был очень доволен, очень успокоен своим положением, и теперь ему оставалось только затопить печку и получше устроиться в караулке. Но разве долго было это сделать?..

Дубки тихо гудели в белесой темноте зимней ночи; пахло февральской свежестью, и когда Кукушка вышел в одной рубахе из сенец за угол, навстречу ему понесло холодом и мокрыми снежинками. Но зато с каким удовольствием вбежал он в избу, которая стала просто неузнаваема за какой-нибудь час! Она уже совсем успела нагреться и слабо, но весело была озарена яркой пастью печки. Длинные огненные языки вырывались из нее и лизали устье, а черные стены избы, прежде топившейся по-курному, трепетно блестели, как растопленная смола. Кошка примости-

лась в конце лавки, съежилась и жмурилась, мурлыкая и задремывая. Петух, разбуженный огнем, но совсем еще сонный, машинально бродил по соломе, накиданной на полу, в теплом кругу света возле печки... Приятно пахло дымом сырых березовых дров и соломы.

— Ах, жид те съешь! — крикнул Кукушка со старческой веселостью и передернул плечами.

Пока варились картошки, он нарубил дров на завтра, настелил на печку соломы, потом во всю краюшку отрезал ломоть хлеба и сел ужинать. Ел он пристально, с жадной неторопливостью нищего, но когда картошка попадалась уж очень горячая, он прожевывал ее поспешно, открывая рот и ухитряясь во рту дуть на нее. Приятная мысль о том, как он неожиданно и хорошо устроился, не покидала его... А когда ужин был кончен, он понес собакам в сенцы корки, опять озяб, жестоко ударил ногой Цыгана, бросившегося на Мурзика, и, возвратившись в избу, долго молился в благодарность за нынешний день, с особенно грустным и покорным видом, на большую икону, стоявшую в переднем углу на лавке.

Изображение на почерневшей доске иконы было старинное, и Кукушке было жутко глядеть на него. Он искренне просил бога даровать ему скорую и тихую кончину.

— Брысь, домовая! — сердито крикнул он среди молитвы на кошку, вспрыгнувшую на стол. Потом, кряхтя и охая, взлез на печку и, укрывшись шинелью, тотчас погрузился в дремоту.

И все стало сонно и тихо вокруг.

Чтобы не угореть, он не закрыл трубы и не задвинул печку заслонкой. Дрова и солома между тем прогорели, и свет от угольев медленно умирал в тихой, темнеющей избе. Темнота сумрачно сгущалась, отовсюду подвигаясь к печке.

Скоро в ней остался уже только один раскаленный уголь. Тишина, казалось, замерла в ожидании чего-то... Тогда темнота подошла к самому устью, и уголь, как закрывающийся глаз, долго глядел на нее, озаряя лишь своды... Наконец и этот слабый свет померк. В печке краснела чуть заметная точка, и во всей избе стало темно и холодно. Ветер шуршал соломой по крыше и заносил снегом ок-

на. Окна тускло синели во мраке... И вот кто-то подошел и заглянул в них. Чья-то высокая тень мелькнула мимо окон, возвратилась, прильнула к стеклам и опять скрылась...

— Господи Иисусе Христе! — пробормотал Кукушка с удивлением и страхом. Он заснул крепко, но старое тело, разогревшись на горячей соломе, скоро заныло — и томительно и приятно, — и Кукушка полуоткрыл глаза. Кто-то высокий заглянул в окно, и Кукушка вдруг заметил это. Он хотел приподняться — и не мог, и не понимал, где он; чувствовал только все больше, что где-то в глухом и страшном месте... А тень вдруг опять появилась и медленно скрылась...

«Кто там?» — хотел крикнуть он, собрав последние силы, но вдруг махнул рукой и сразу очнулся... Да ведь это он в караулке лежит! А тень — просто притуга, оборвавшаяся на крыше!

Он закашлялся и закричал с недовольной улыбкой, но нарочно как можно громче вздохнул совсем облегченно и опять закутался шинелью. Приятная усталость обняла его и тихо закрыла веки. Хорошо на теплой печке

старому телу! А тут еще петух огласил избу громким криком, смело и спокойно забил крыльями, и что-то родное, дружеское было в этом крике, нарушившем тишину зимней полночи.

Ветер по-прежнему шарил по крыше, и притуга по-прежнему, заглядывая в окна, качалась по ветру. Собаки, стараясь улечься поуютнее, возились в сенцах. Но Кукушка уже ничего не слышал и не видал; чувствовал только приятную тяжесть и тепло кошки, свернувшейся на его ногах, и засыпал глубоким сном.

А в лесу в это время важно и ровно усиливался гул метели по вершинам, побелевшим от снега, и волчица, сверкая огоньками своих зеленоватых глаз, таинственно пробиралась по лугу мимо караулки. Она утопала в холодных, пушистых сугробах, но шла все глубже в чащу леса, намереваясь надолго поселиться по соседству с Кукушкой — в одном из глухих и потайных оврагов.

II

— Что ж, не заскучал еще? — спрашивал барин, когда Кукушка пришел к нему одна-

жды попросить деньжонок. Кукушка не был глух, но барин говорил громко, тем тоном, которым говорят с глухими и с дурачками.

— Никак нет, ваше благородие! — прощамкал Кукушка. — Мне и веку-то осталось чуть-чуть, когда мне скучать таперь?

Барин нахмурился.

— Тот-то «таперь»! — передразнил он, отвертываясь. — Стар ты, у тебя из-под носу тащат... Семен говорит: опять в вершинке три дубка срезали. Всю осень там совсем почти мальчишка сидел — не трогали, а тут старик — и то черт знает что!

Кукушка смутился, испугался и обиделся. Он стоял на пороге зала и лакейской и производил странное впечатление своим нищенским видом в барском доме. При словах барина он подтянулся и забормотал с раздражением:

— Какие ж такие мои года, ваше благородие? Дубки — правда, что срезаны, только это никак не при мне... Это все приказчик мутит... Мне давно один человек сказывал...

— Так то-то я и говорю, посматривай, — перебил барин уже спокойно, но очень громко.

Тон его поразил Кукушку, и он опять смутился: не наговорил ли чего лишнего? Он улыбнулся неловкой усмешкой и поспешно прибавил:

— Известно, изо всей мочи надо смотреть... А скуки мне никакой нетути, ваше благородие!. В лесу еще теплей зимою...

— Конечно, теплей, — согласился барин. — Денег я тебе сейчас вынесу.

Он ушел в кабинет, и Кукушка облегченно переступил с ноги на ногу. Бог даст, обойдется!

В это время из кабинета нерешительно вышли Митя и Коля. Коля, небольшой, круглоголовый мальчик, заискивающе улыбался. Характер у него был добрый и веселый, но робкий. Митя, напротив, всегда старался быть решительным. Он был с резкими чертами лица, худее и выше Коли. Теперь он усиленно хмурился, но видно было, что смущены оба, потому что оба подходили, застенчиво перегибаясь назад.

Кукушка улыбнулся и наклонился к ним. От этого Коля растерялся, а Митя покраснел и вдруг проговорил, сурово отчеканивая, по

своему обыкновению, каждый слог:

— Вы опять в лес поедете?

— В лес, барчук, в лес, — отвечал Кукушка ласково.

— А на охоту ходить вы умеете?

— Как же мне не уметь, барчук, — сколько годов в солдатах был!

Митя повертел мохры пояса и взглянул на Кукушку уже с нескрываемым любопытством. Помимо разговоров об охоте, его очень занимали грубая, нищенская одежда Кукушки и то, что от Кукушки пахло курной избой и нюхательным табаком.

— А собаки у вас есть? — продолжал он, опять нахмуриваясь. — Только один наш Цыган?

— С одной собакой в лесу нельзя, барчук...

— Отчего нельзя?

— Не управится одна... У меня еще Мурзик есть. Шустрый кобелек!

— Мурзик? — воскликнул Коля, и его маленькие карие глазки засверкали удивлением и радостью. — А какой? Ты приведешь его к нам?

— А кто кого победит? — перебил его Митя

уже совсем оживленно. — Мурзик или Цыган? Вы можете сравнить их?

— Цыган один на один на гуся на бой выходил! — со смехом сказал Коля. — Гусь в сенцах на яйцах сидел, а он пришел, а он как-ак на него бросится!..

Дети заговорили наперебой, торопясь и засыпая Кукушку вопросами. Кукушка тоже увлекся. Он стал рассказывать им о Мурзике, об охоте и вдруг, осененный счастливой мыслью, прибавил:

— А вот что, барчуки, когда такое дело, — как только, бог даст, лето придет, волченок вам принесу!

Дети запрыгали от радости.

— А зайца? — кричали они. — Лучше зайца, ястреба и волченок!

— Зайца, барчуки, не поймаешь, а вот волченок можно.

— А когда? Завтра?

— Да их еще нетути небось...

— Отчего? Не вывелись?

— Не вывелись, не оценились... Я только волчицу надысь видел.

— А после?

— После беспрерывно принесу, в мешке притащу, — повторил Кукушка, действительно решившись принести детям волчат и тем угодить барину.

А когда и сам барин добродушно одобрил эту мысль, Кукушка совсем успокоился: порубка дубков прошла, значит, благополучно... Он не знал, что барин говорил после его ухода.

— В детство впал старик. Только до лета и держу... У меня не богадельня...

А старик бодро ковылял по снежным полям к лесу. Скучно, говорят! Какая такая может быть скука, ежели сыт и тепел? Да и не впервой ему сидеть в караульщиках!

Он был приемыш, за что его и прозвали Кукушкой. В детстве он стерег скотину в качестве подпаса, в юности — в качестве пастуха и, значит, каждый год проводил месяцев по шести вдали от людей. Потом его взяли в солдаты. Возвратясь в родную деревню, он женился и попробовал зажить жизнью «настоящего человека». Но из этого ничего не вышло. Он нанимался в будочники на чугунку, в конюха, в работники, — отовсюду его скоро

увольняли. А жена его бросила чуть не через полгода после свадьбы.

— Шатается, как волк, — говорили про него мужики. — Непутевый малый!

И вот в том, что почти все отзывались о Кукушке таким образом, и заключалась одна из главных причин его непригодности к службе и работе. В кличках, которыми награждали Кукушку («шалава», «неудельный», «лодырь», «с дурью»), была большая доля правды. Он действительно не отличался умом; но от кого ему было научиться разуму? Он был не «серьезный», не «хозяйственный» человек, но ведь он с детства слышал эти клички, с детства привык смотреть на себя как на «неудельного», обездоленного человека и невольно стал таким. Он был, наконец, ленив, раздражителен, любил выпить, жить спустя рукава; но все эти качества естественно вытекали из его участи... И кончилось тем, что его стали нанимать только на самую незначительную службу — на огороды, в сады, в ночные караульщики. Время от времени он стал и побираться. В летние ночи, когда колотушка его постукивала в тишине темной

деревни, он бродил, напевая сиплым, задушевым фальцетом. Тогда слышалось в его песне что-то хорошее и грустное, укор кому-то, но неясный укор, потому что Кукушка не любил долго и серьезно раздумывать о своей судьбе. Теперь он был уже стар и дряхл, но ему еще очень хотелось пожить поспокойней и получше. А в караулке ему было пока очень хорошо. Да и весна прошла дружно, весело.

Все время держалась настоящая весенняя погода. По ночам подмораживало и звезды усеивали темное небо. Но они уже не были так крупны, как зимою, и блестели чище и нежнее. В ночном воздухе чувствовалась легкая весенняя свежесть. А дни стояли солнечные, и лес весь день рисовался на голубом, безоблачном небе. С утра ветерок по-зимнему резко развеивал дым над трубой караулки. Заря ярко краснела из-за черного леса. Но по мере того как поднималось солнце, день теплел и веселел. В затишье сильно пригревало, и южная сторона избы и завалинка около нее оттаяли и потемнели. А потом около грязного порога образовалась лужа, корни деревьев окружались проталинами, прилетели жаво-

ронки, снег в полях разрыхлил и начал быстро таять. Солнце наполняло караулку ярким блеском.

В такие дни Кукушка с особенным удовольствием сидел на лавке у окошка. Обойдя на заре лес, он тотчас принимался за топку, и к полудню обед был готов. Тогда он ставил чашку со щами на подоконник и ел, пригреваемый солнцем. За стеклами, которые дымились светлым паром, сидел на завалинке Мурзик и умильно глядел на еду. Кошка лезла к самой чашке, и Кукушка иногда больно, но ласково бил ее мокрой ложкой в лоб. А в избе было тепло, светло и вкусно пахло щами.

После обеда он спал или опять садился к окну, чинил одежду, подшивал свиной кожей валенки или промывал ружье. Иногда, когда на душе у него было особенно покойно, он много-много раз на разные лады повторял начало своей любимой песни:

Смолкни, пташка-канарейка!..

Но увы! эта мирная жизнь должна была скоро кончиться...

Однажды вечером, в начале апреля, когда в лесу весь снег уже насытился водою, Кукушка возвращался домой из обхода. Что-то заставило его поднять голову, и взгляд его упал на противоположную сторону луга, по скату которого он шел. Огромная волчица стояла там и, насторожившись, неловко согнув свою лобастую голову с чутко торчащими ушами, исподлобья и пристально смотрела на него. В полусвете сумерек она показалась ему большой желто-серой собакой. Но когда волчица повернулась, подскакнула и с опущенным хвостом неуклюжим скоком пошла вон из лесу, Кукушка растерялся, закричал, хотел даже выстрелить... Однако скоро спохватился и опустил ружье.

— Ах, жид те съешь! — сказал он с досадой, вспомнив, что обещался принести детям волчат. — Не стоило отпугивать! Надо выследить, где оценилась.

Полая вода надолго помешала ему. В тот же вечер мутно-синеватая туча с запада закрыла все небо, и ночь наступила темная-претемная. А проснувшись перед рассветом, Кукушка услышал, что шумит проливной

дождь: значит, началась настоящая весна... По лугам долго бушевали потоки, и Кукушка не решался забираться в глухие места по топкому снегу. Только уже после святой он каждую ночь стал выходить перед рассветом к северной опушке леса и так увлекался, что иногда по целым часам стоял на одном месте, прислушиваясь, не раздастся ли где-нибудь визг или подвывание, которым обыкновенно обмениваются волчята с матерью. Он не был еще уверен, точно ли волчица поселилась в его лесу.

Волчята между тем росли. Они прозрели и часто выползали теперь из норы. Они весело ползали и визжали, как щенята; а волчица сидела и ласково лизала их. Она холила, растила их и каждую ночь приносила к рассвету какую-нибудь добычу, чаще всего — дохлых птиц. Но волчята приветствовали ее таким слабым визгом, что Кукушке он совсем не был слышен.

Тогда Кукушка решил действовать более энергично. Раз утром, позавтракавши, он запер сторожку на замок и отправился в село. Там он до позднего вечера проходил по знако-

мым мужикам, побывал у лавочника, у овчинника и везде просил «белого камня», то есть мышьяку, таинственно рассказывая всем, что хочет уморить волчиху. Но «белого камня» ни у кого не оказалось. Овчинник посоветовал ему, однако, отправиться в Веригино и обратиться к мельнику, известному крысомору. Не долго думая, Кукушка последовал совету. Чтобы не откладывать дела в долгий ящик, он решился переночевать в селе и завтра же побывать в Веригине. Возвращаться в караулку было не по дороге. Но и там его ожидала неудача: крысомора не оказалось дома.

И вот только поздним вечером на другой день он явился в лес, зарядил ружье картечью, поужинал одним хлебом и лег спать, твердо решившись отправиться в овраги на удачу и взять у волчицы детенышей с бою.

Спал он крепко, но перед рассветом внезапно очнулся. «Пора!» — решил он и тотчас же слез с печи, взял ружье, захватил кусок хлеба и, кликнув Мурзика, зашагал к оврагам. Совсем еще была ночь, только по какой-то особенно чуткой тишине чувствовалось, что рассвет близко. Не совсем просохло, и земля

перед рассветом подмерзла. Легкая прохлада была напоена запахом догнивающих прошлогодних листьев и первой зелени, которой, словно кружевом, был одет чернеющий в прозрачном полумраке лес. Робко и осторожно мерцала на побледневшем востоке серебряная утренняя звезда.

Вдруг откуда-то раздалось слабое повизгивание. Кукушка насторожился и замер на месте. Мурзик тоже остановился, однако не залаял. Визг повторился, и даже с притявкиванием. «Они!» — подумал Кукушка и, сопя, взвел курок. Если волчиха дома, надо положить ее с одного выстрела, а не то плохо будет... И с бьющимся сердцем он медленно стал пробираться по орешнику к оврагам... Вот уже можно различить камни, кустарник и самый глубокий лог оврага...

— Мурзик! — вполголоса крикнул Кукушка. И тотчас же, как бы в ответ ему, Мурзик залился звонким лаем, бросился вперед, отскочил назад и завыл, захлебываясь от волнения. Тогда Кукушка, уже не помня себя, побежал к оврагу. Каждую секунду он ожидал, что из-за камней выскочит волчица, и держал на-

готовые ружье. Вдруг что-то с визгом шарахнулось из-под его ног. Он остановился и увидел двух маленьких, головастых волчат, которые в страхе прижались к камням и, оцетившись, дико смотрели на него.

— Мурзик, куси! — закричал Кукушка, оглянувшись, — нет ли волчицы, — и не успели волчята опомниться, как уже оба были в мешке. Они отчаянно визжали и барахтались в нем, но Кукушка, не обращая на это внимания, перекинул мешок через плечо и почти бегом пустился к дому.

В тот же день перед вечером вся дворня на Кастюринском хуторе толпилась в конце сада около картофельной ямы: торжественно заключали туда волчат, и Кукушка был героем этого события.

— Лестницу-то, лестницу-то подставляй, — кричал он тоном командира, и когда лестница была спущена в яму, сам поспешно слез по ней и развязал мешок. Волчята выскочили из него, фыркнули и в диком ужасе прижались к стене.

— Барчуки, гляньте-ка суда-то! — кричал Кукушка глухим голосом из ямы; а дети уже

давно, раскрасневшись, чего-то боясь и волнуясь, не спускали блестящих глаз с волченят.

— Митя, они голодные! — заикаясь, говорил Коля. — Пойдем скорей, принесем им пирожков и говядины.

А Кукушка, вылезши из ямы, в сотый раз рассказывал, как он изловил зверков. Сам барин был заинтересован его рассказом, и Кукушка земли не чаял под собою от радости. Когда же ему поднесли водки и накормили, он отправился в лес с какой-то непонятной храбростью и всю дорогу пел свою песню про канарейку.

Но то, что ожидало его в лесу, положительно ошеломило его. Подходя к караулке, он еще издали увидел приказчика, рыжего, толстого мужика в пиджаке и длинных сапогах, ехавшего из луга к нему навстречу. Кукушка остановился около избы и уже приготовился и ему рассказать историю про волченят.

Но приказчик, подъехав к караулке, медленно и не глядя на него, слез с дрожек, замотал за передок вожжи и тогда уже только направился к избе. Он подошел к самому лицу

Кукушки и вдруг усмехнулся.

— Ну, что? — сказал он тихо, — поймал волченят?

— Поймал, — ответил Кукушка дрогнувшим голосом.

— А шесть березок ты поймаешь, какие улетели, пока ты путешествовал?

— Какие березки? — пролепетал Кукушка.

— Какие? — переспросил приказчик, бледнея от злобы, и вдруг со всего размаху сшиб с Кукушки шапку.

Кукушка закричал диким голосом и побежал под гору.

Но приказчик не погнался за ним. Сопя и задыхаясь, он размотал вожжи, сел на дрожки и, ударив по лошади, шибко покатыл по дороге вон из лесу.

— Я с тобой управлюсь еще! — крикнул он на прощанье.

IV

Недели две Кукушка пролежал в караулке, прикидываясь совсем больным. Сначала он хотел подавать жалобу к мировому, потом — идти жаловаться барину... Но барин сам приехал в лес. Тут-то и прикинулся Кукушка со-

всем умирающим. Он плакал и говорил, что приказчик «убил» его. А приказчик с холодным спокойствием советовал ему побояться бога, не брехать на старости лет, потому что он, приказчик, вовсе не бил, а только замахнулся на него.

— Вас не переслушаешь! — сказал барин, махнув рукой, и прибавил, что караулить лес он пришлет пока работника, а Кукушка может, если хочет, так жить в караулке.

Кукушка остался и по целым дням лежал на печке. На него нашло равнодушие ко всему; он только кряхтел, лениво вставал, чтобы поесть, а потом опять ложился и засыпал. Наконец, он жестоко переругался однажды с работником из-за Мурзика, которого работник ударил, и, трясущимися руками завязав в мешок свои пожитки, хлопнул дверью и пошел вон из лесу.

Был ли он на самом деле так сильно болен, как говорил, — неизвестно; несомненно, что он преувеличивал свою хворь, но несомненно и то, что он сильно постарел, пожелтел и похудел за эти две недели. И когда он ковылял по дороге к селу, где вскоре должна была

быть ярмарка и, значит, хорошая работа нищим — он имел вид настоящего дряхлого старика-калеки...

Как-то в конце июня он навестил Кастюринский хутор. На дворе его окружили с громким лаем гончие, и он долго стоял, опустив мешок, не решаясь двинуться вперед и пошвыривая собакам кусочки хлеба. Собаки налету подхватывали их и опять продолжали лаять настойчиво и упорно, не пропуская его к дому.

Наконец из людской вышла кухарка.

— Проводи от собак-то! — закричал ей Кукушка.

— Да тебе кого надо-то?

— Барчуков. В доме они, что ль?

— Удержишь их в горнице, — ответила кухарка. — Сейчас опять с моим Федькой побегли на пруд. Какие-то плоты строят.

— Так проводи, милая.

— Мне некогда. Они и так не укусят.

Кукушка нерешительно направился к пруду. Собаки до самой плотины проводили его лаем, наконец отстали.

— Коль, а Коль! — услышал Кукушка голос

Митя, плывшего на спинке по пруду. — Стать тут-то?

— Стань! — отозвался Коля с берега. — Только тины достань со дна, а то ты нарочно...

Митя вскинул руками и пропал в воде. Через несколько секунд он вынырнул и опять закричал:

— Дна не достал! Тут страсть глубоко...

Появление Кукушки заставило Митю бросить нырянье.

— Кукушка, здравствуйте! — кричал он, поспешно направляясь к берегу. А Коля уже бежал к Кукушке и сообщал ему:

— Волчонок-то издох. Другой только остался!

— Что ж так, барчук миленький? Ай плохо кормили?

Митя, с посиневшим лицом, со взъерошенными волосами, с грязью на подбородке, поспешно одевался и говорил, стуча зубами:

— Он был больной. Хотите, мы сейчас пойдем к ним?

— Пойдемте, барчуки, пойдемте.

Все трое отправились в сад, и по дороге

Митя опять начал засыпать Кукушку вопросами:

— Кукушка, а Кукушка! А где ж ваш Мурзик-то?

— Потерял, барчук, на ярманке потерял. Отстал где-то и пропал...

— А ты на ярманке жил? — спросил Коля.

Митя сердито перебил его:

— Ты вечно, как баба, со своими глупостями! На ярмарке нельзя жить.

И, обратившись к Кукушке, спросил:

— Вы уже не будете больше у нас в лесу жить?

— Нет, барчук, — ответил Кукушка, — куда мне таперь наниматься.

— Отчего?

— Слаб я дюже, стар стал.

— А где ваш дом? В селе?

Кукушка грустно улыбнулся и посмотрел на Митю совсем тусклыми глазами.

— Дом? — сказал он. — Какой же у меня дом, барчук? У меня нетути дома, да и не было сроду никогда.

— Отчего? — изумленно воскликнул Коля.

— Не знаю, милый барчук, — видно, не на-

до.

Дети вопросительно переглянулись и, почувствовав что-то грустное в словах Кукушки, притихли.

— А жены у вас тоже нету? — немного погодя спросил Митя.

— Нету, барчук, ни жены, ни детей.

— Померли?

— Да их и не было никогда.

Это окончательно поставило детей в тупик. Они уже без оживления стали рассказывать Кукушке, как они кормили волчат костями, пирожками, как для них зарезали хромого жеребенка... Но видно было, что интерес к волчонкам ослабел у них.

Придя к картофельной яме, все трое стали заглядывать в нее и увидели тощего и шершавого зверка, который сидел, прижавшись, по своему обыкновению, в угол. Он был уже с порядочную собаку, но прежней резвости и прыткости в нем не осталось и следа.

— Он даже мяса не хочет есть, — сказал Коля жалобно. — А зимой он замерзнет: а папа говорит, что в дом его нельзя пустить.

— Известно, замерзнет, — равнодушно ска-

зал Кукушка, сядясь около ямы и нюхая табак. — Зимой нашему брату плохо, — прибавил он, загадочно улыбаясь в раздумье.

— Какому брату? — спросил Коля.

— Волчиному, — пояснил Кукушка. — Ведь я, барчук, тоже вроде волчонка. И название-то мое — Кукушка, значит, нетути у меня своего гнезда. И житье мое звериное. Беспременно я нынешней зимой замерзну. Пойдешь выпимши и замерзнешь.

— Водку выпьешь? — спросил Коля.

— Водку, милый барчук.

— А вы не пейте лучше, — сказал Митя, нахмурившись.

— А холодно-то? Рад бы не выпить, да выпьешь. Ходишь-ходишь, снегом тебя намочит, придешь в избу, отогрешься, а одежда-то мокрая. А пойдешь, хватить — метель подымет, ослабеешь, выпимши-то, ну и капут тут тебе!

— А вы живите у нас зимой, — проговорил Митя, еще больше нахмуриваясь и слегка дрожащим голосом, потому что ему было уже до слез жалко Кукушку.

Кукушка засмеялся и покачал головой.

— Ах, милый барчук, — сказал он, опять открывая тавлинку и нюхая табак. — Разве барин возьмет меня? Ведь нищих-то таких, как я, прямо боле тысячи человек в одной нашей округе.

— Да ведь папа одного тебя только возьмет, — перебил Коля.

— Не возьмет, барчук. Так уж на роду мне звериное житье положено. А за что? Ну, зверю — звериная честь, а мы ведь тоже хрещенные люди. Правда, и без меня много народу останется, да ведь и то сказать: мне-то за что ж пропадать? Тоже недаром небось мне определено было родиться на белый свет...

И, помолчав, Кукушка прибавил нерешительным голосом:

— А вы вот что, барчуки, попросите лучше у папаши какой ни на есть рубашки старой. Моя-то сгнила, почитай.

Он раскрыл шинель и показал совсем истлевшую мутно-розовую рубашку, из ворота которой виднелась черная и худая грудь.

Дети переглянулись и, ни слова не говоря, побежали к дому.

— Мы сейчас! — крикнули они.

Оба они раскраснелись и говорили на бегу:

— Коль, а Коль! Тебе его жалко?

— А тебе?

— Я про тебя спрашиваю. А про себя все равно не скажу.

— Мне жалко, — сказал Коля жалобно. — Папа даст ему рубашку?

— Я две попрошу, — ответил Митя. — Только ты не говори кому. А то папа сердит был на него.

Через полчаса Кукушка стоял в доме, в лакейской, и говорил барину:

— Вот спасибо-то, ваше благородие! Мне теперь эти три рубахи до самой смерти пойдут. А то ведь похорониться не в чем. Все в бельенкой-то попристойней положить.

Потом Кукушке дали водки, кусок пирога и четвертак денег. Он долго кланялся, благодарил всех и, наконец, сказал:

— Счастливо оставаться, ваше благородие. Я уж пойду, в Ястребине завтра ярманка.

Дети пошли его провожать, и по дороге через сад Кукушка стал советовать им выпустить волчонка:

— Выпустите его, барчуки, — все равно он

околеет у вас.

— А если он замерзнет зимой? — возразил Коля.

— Небось не замерзнет. Может, он поправится.

— Хотите, мы его сейчас выпустим? — воскликнул Митя.

— Самое лучшее дело.

— А как?

— А лестницу ему поставим, сами спрячемся.

Кукушка положил мешок на траву и отправился с детьми за лестницей к погребу. Совместными усилиями все трое дотащили лестницу к яме, опустили ее туда и сели за кусты.

Ждать пришлось долго. Но вот из ямы показалась голова волчонка. Он нерешительно оглянулся — и опять скрылся.

— Он боится, — шепнул Коля, замирая от волнения.

— Погодите, барчук! — начал было Кукушка.

Но вдруг волчонок сразу выскочил из ямы, присел и дико оглянулся.

— Улю-лю-лю! — закричал Кукушка не своим голосом.

Волчонок шарахнулся в сторону, подскочил и боком-боком, прыжком пошел из сада в поле.

— Ну, и слава богу! — сказал Кукушка. — Из-за него, из-за проклятого, меня и уволили-то... хоть, правду сказать, и без него все равно была бы та же честь... А теперь прощайте, милые барчуки!

— А ты не замерзнешь теперь? — спросил Коля.

— Нет, барчуки, нет! — захихикал Кукушка. — Таперь не замерзну.

Он кивнул им с ласковой улыбкой головой, перекинул мешок через плечо и, согнувшись, поплелся по полю в ту сторону, где скрылся волчонок. Долго были видны его спина с заплатой на шинели и дворянский картуз на голове...

* * *

А зимой предсказание Кукушки исполнилось. Перед святками его нашли в лугу около леса замерзшим. Видно, он по старой памяти направлялся переночевать в караулку, в ко-

торой он провел так хорошо и покойно прошлой весной три месяца.

Но детям не сказали об этом, и они, к сожалению, скоро забыли и о волчонятах и о Кукушке.

<1898>

«Казацким ходом»*

*О Днепре, словутицю! — ты пробил еси
каменные горы сквозе землю Половецкую!..*

Сл. о пл. Изгореве

I

Навсегда останется памятной для меня эта поездка на «Чайке»! То было мое первое юношеское путешествие. Позднее мне много пришлось помыкаться по белу свету, но, кажется, ни одно мое путешествие не запечатлелось так в моей душе, как эти недолгие скитания по югу России.

Я очень долго лелеял мечты о них. В то время я кончал курс в гимназии и, следовательно, мог воспользоваться своей свободой только летом. Однако готовиться к дороге я

начал, кажется, еще с января. Много вечеров я потратил на изучение карты юга, на составление маршрутов и на высчитывание путевых издержек; наконец, большого труда стоило мне уговорить матушку отпустить меня одного. Я старался держаться так серьезно и важно, а главное, так упрашивал ее, что она согласилась-таки. Но если бы она знала, что мне придется путешествовать по порогам!

К чести моей, надо, впрочем, оговориться, что я не обманывал ее, когда говорил, что поеду по Днепру только до порогов. Я много читал перед тем о Малороссии, о Запорожской Сечи, часто рисовал себе в воображении бурные днепровские пороги и переезды через них «казацким ходом», то есть прямым путем через их водовороты, но вовсе не надеялся увидеть их в это лето. В дороге я даже забыл о них. Внимание мое было отвлечено видом новой местности и нового типа людей — малороссов, и в вагоне, на пути от Курска до Киева, я или не отходил по целым часам от окна, или прислушивался к мягкому южному говору и вглядывался в лица.

Хохлы мне очень понравились с первого

взгляда. Я сразу заметил резкую разницу, которая существует между мужиком-великороссом и хохлом. Наши мужики — народ по большей части изможденный, в дырявых зипунах, в лаптях и онучах, с исхудалыми лицами и лохматыми головами. А хохлы производят отрадное впечатление: рослые, здоровые и крепкие, смотрят спокойно и ласково, одеты в чистую, новую одежду... И места за Курском начинаются тоже веселые: равнины полей уходят в такую даль, о которой жители средних и северных губерний даже понятия не имеют. И даль эта так живописно скрашивается синеющими курганами и силуэтами стройных тополей на хуторах.

Благодаря всему этому я очень долго пробыл в пути до Киева. За Путивлем, за древним Путивлем, где когда-то плакала Ярославна, плакала ранними зорями на «забороле» об Игоре, — я покинул поезд и решил идти несколько дней пешком. Вещи мои были сда ны в багаж, револьвер — со мною, и мне ничто не мешало привести в исполнение свое намерение. Во мне уже и тогда жила страсть к пешим путешествиям, — и вот я один в сте-

пи, правда недалеко от станции, чтобы иметь возможность запастись пищей, но все-таки в степи, целый день один и под открытым небом!

А погода, как нарочно, стояла прекрасная. День за днем поднимался все ярче и ярче. И как яркий знойный сон, осталось во мне воспоминание об этих днях. Было начало июня, самое веселое время года. Никогда не бывает таких светлых полдней, никогда не дышит природа такую полнотою счастья и жизнерадостности, как в эту пору; и хорошо мне было идти по горячим, пыльным дорогам, пробираться по межам, утонувшим в неподвижных ржах, овсах, ячменях и пшеницах, где, как от костра, пышет в лицо сухим жаром, душно пахнет степною растительностью — нагретыми цветами и травами, а над головою звенит и звенит воздушная музыка тысячи дискантовых оркестров насекомых, неумолчно воспевающих эту радостную жизнь степного июньского полдня, эти бесконечные дали, млеющие в ослепительном блеске солнца!..

Верст за сто до Киева я наконец снова сел в вагон. Как сейчас помню, солнце уже склоня-

лось к западу, поезд быстро бежал среди приднепровских лесов, и вдруг в воздухе ощутительно повеяло каким-то удивительно приятным, свежим ароматом. Я выглянул в окно, — и сердце во мне захолонуло от радости: предомной уже расстилалась на несколько десятков верст и синела лесами, лугами и отдаленными горами — долина Днепра!

— Чем же это так хорошо пахнет? — спросил я своего соседа.

— А! — сказал он с улыбкой. — Это редкий аромат! Это пахнет зеленью дубовых лесов и верболоз на островах, еще недавно вышедших после половодья из Днепра.

Не знаю почему, но слова его показались мне тогда очень поэтичными. Поезд под уклон бежал все быстрее и быстрее, и, стоя у окна, я упивался ароматным ветром, который так ласково и мягко бил мне в лицо навстречу. Долина все привольнее разворачивалась в золотистом вечернем освещении. А потом резко засинел разлив и самого Днепра, сверкнули за Днепром, впереди поезда, золотые кресты киевских церквей на высоких горах, загремел под колесами вагонов днепров-

ский мост и долго мелькал перед глазами железными переплетами своей решетчатой галереи, словно поезд бежал в клетке.

— Киев! — слышались голоса вокруг меня. — Слава тебе, господи, — приехали!

II

И вот мечты мои осуществились: я — в настоящей Малороссии, на Днепре, да еще стою на палубе «Чайки», отправляющейся в долгое плавание, во время которого придется «казацким ходом» переправляться через пороги!

Попасть на нее мне удалось, как уже было сказано, совсем случайно, благодаря неожиданной протекции одного нашего дальнего родственника, жившего в Киеве и занимавшегося собиранием материалов для истории Малороссии.

— Если вас так уже интересует Днепр, — сказал он мне, — так я вам устрою поездку до самого Александровска на «Чайке». Хотите?

— А что это за «Чайка»? — с любопытством перебил я. Он хитро и искоса взглянул на меня сквозь очки и засмеялся жидким смехом худощавого и маленького старичка.

— А це не птица, — сказал он в нос, — це

такой гопчак, иными словами — барка, нагруженная дровами.

Признаюсь, это меня разочаровало. Я вообразил, что «Чайка» — какой-нибудь красивый белый бриг под белыми парусами; а тут вдруг — барка с дровами!

— Да, да, — подтвердил старый ученый, — это барка одного моего знакомого еврея, который и прозвал ее «Чайкой». Глупо, конечно, ну да что ж делать! Вам придется двигаться на ней очень медленно, да зато вы перейдете пороги, чего нельзя сделать на пароходе, и увидите настоящих потомков запорожцев — лоцманов, которые поведут «Чайку» от самого Екатеринославля до Хортицы, где когда-то тоже пановали казаки. Таким образом, я думаю, вы примиритесь с «Чайкой»...

Я с благодарностью поспешил согласиться на такое предложение и, надо правду сказать, не жалел потом об этом: я действительно не только примирился с «Чайкой», но привязался к ней и покинул ее с большой грустью.

Мирно и весело протекло наше плавание на ней! Весь экипаж ее состоял из одиннадцати человек: восьми гребцов-белорусов, стари-

ка-еврея, его племянника и меня. Белорусы почти весь день, стоя, гребли длинными веслами. Молодой Илья Исаич лежал на палубе и большую часть времени читал лубочные романы, а сам Исай Маркович, толстый и чрезвычайно серьезный человек, был занят какими-то расчетами, молитвою да едою и все сидел в каюте — небольшой деревянной каморке, устроенной на корме под рулем. Я, таким образом, был вполне предоставлен самому себе и мог спокойно наслаждаться красотой Днепра.

По зорям от широкого лона реки, от ее неоглядных берегов и синеющих далее веяло такой здоровой свежестью, такую ароматной влагою — крепким запахом дубовой зелени, что казалось, с каждым вздохом впитываешь в себя молодость и бодрость. Плавно отдавалась медленному течению наша барка, а навстречу ей двигалась многоводная ширь Днепра, проходили зеленые рощи островов, там и сям тяжело плыли огромные плоты, а на них хлопотали за работой люди, раздавались бойкие крики, говор и песни. И, щурясь от яркого и бодрого блеска утреннего солнца, я не сво-

дил глаз с этой величавой реки, извивающейся больше чем на две тысячи верст по древним местам русского царства. Вид наших гребцов, голубоглазых, покорных и ласковых белорусов, в лаптях и длинных, грязных рубахах, напоминал мне бедную родину Днепра — болота Смоленской губернии. Там таинственно зарождается он маленькою речкою и бежит среди дремучего Полесья, где до сих пор еще бродят кабаны и дикие козы, а бобры строят на лесных затонах свои хижины; там растет он, сливаясь с таинственными притоками в глуши и синеватом сумраке сосновых дебрей, и уже величавым и полноводным появляется в этой мирной и веселой Украине, благословенной стране земледелия и сельской жизни.

И я думал о том, как прекрасна еще до сих пор эта страна, над которой пронеслось столько веков кровавых войн и раздоров, по степям которой бродили дикие племена печенегов и половцев; думал о том, как долго хранит эта страна печать глубокой старины среди новой, шумной жизни... И — смешно сказать! — стоя на палубе, я не раз искал глазами

того места, где когда-то среди гор белел приднепровский хутор пана Данилы...

Но, увы, бог его знает, где это жил пан Данило! Времена «Страшной мести», так же как и далекие времена половцев, давно отошли в вечность. Грозные были уже не пугают нас, но еще живо напоминает о них могущественный и глубокий Днепр. Вершины его прибрежных гор все еще похожи на древние курганы... На них видны теперь только звездообразные крылья бесчисленных ветряков, но за ними расстилаются пустынные и необозримые равнины, степь, как море широкое, синет, да чернеют силуэты каменных статуй — мертвых идолов, при взгляде на которые так жутко сжимается сердце, а мысль невольно переносится к темной и дикой жизни седой старины...

III

В таких размышлениях незаметно проходило для меня время; а «Чайка» между тем спокойно и незаметно совершала свой путь.

Дни продолжали стоять все такие же знойные и светлые, какие могут быть только на юге. Часов с одиннадцати утра вся картина

Днепра как бы замирала в неподвижном воздухе. Воздух, казалось, был так же горяч, как горячий пар, что, подобно расплавленному стеклу, чуть дрожал над широкими, черными трубами белых пароходов, медленно обгонявших нас. Замирал светло-стальной Днепр, цепенели окрестные пейзажи — далекие деревушки и тополи, бледно-синеватые силуэты невысоких гор за низменными, привольными лугами. Ослепительно блестели песчаные полосы мелей, и казалось, что это желтеют полосы спеющих ржей. «Чайка», проплывая мимо них, замедляла ход, и тогда еще более затихало все кругом. И только заунывные голоса белорусов, мерно опускавших и поднимавших весла в такт своим грустным напевам, нарушали этот мертвый покой.

А в дощатой сосновой каюте, горячо нагретой солнцем, весь день с неуловимой плавностью бежали по потолку светлые отражения реки, в открытое окошечко тянуло прохладой, пахло водой и рыбой, между тем как у самого борта весь день шумели и плескались прозрачные днепровские волны, так неустанно и ровно бегущие и волнующиеся, что при

взгляде на них кружилась голова и обнимала дремота...

Под влиянием этого мира и покоя мало-помалу бледнели воспоминания древности, неразлучно связанные с киевскими местами, и уступали место впечатлениям новой жизни, переполняющей теперь берега Днепра. Я видел шумные торговые пристани, которые кипели народом в живописных малоросских нарядах; видел старинные большие села, которых так много под Киевом, — эти сотни белых хат, утонувших в зеленых садах, и сверкающие над ними кресты сельских храмов; знал, наконец, что и там, по левую сторону Днепра, на его притоках и на степях, также тонут в садах веселые и многолюдные деревни, и ждал увидеть вечное пристанище того, кто так горячо любил все это, кто воплотил в своих песнях всю красоту своей родины вместе с горестями своей страдальческой жизни и чье простое крестьянское имя — Тарас Шевченко — навсегда останется украшением русской литературы.

Впоследствии я бывал на могилах многих великих людей, но ни одна из них не произ-

вела на меня такого трогательного впечатления, как могила украинского кобзаря. И в самом деле, — чья могила скромнее и в то же время величественнее и поэтичнее? Вблизи ее — древний Канев, «место крови», по старинному турецкому наименованию, где почивают на древних монастырских кладбищах герои и защитники старинного казачества — Самийло Кишка, Шах и Иван Пидкова. Сама она — на высоких, живописных горах, далеко озирающих и Днепр, и синие долины, и сотни селений, — все, что только дорого было усопшему поэту. И в то же время как проста она! Небольшой холм, а на нем — белый крест с скромной надписью... вот и все! Когда-то тот, кто лежит теперь под ним, лелеял мечты о родной хате, которую ему теперь хотелось поставить над Днепром, «принести и положить на дніпровых горах сердце замучено, источно горем». Он даже побывал перед смертью на этих горах и трогательно делился своими заветными мечтами с горячо любимой сестрою. Но, увы, покой и приют от скитаний и горестей ему суждено было найти лишь в могиле!

Беленькая хатка, окруженная мальвами, маком и подсолнечниками, стоит теперь возле его надгробного креста. Чисто и уютно в ней, но хозяин ее никогда не переступит ее порога. Грустно смотрит его портрет со стены хатки на «Кобзарь», лежащий на столе, и как бы с укором говорит посетителю: «Что вы сделали со мною, люди? За что так грустно и одиноко протекала моя жизнь? Зачем положили вы меня в могилу, когда я так любил божий мир и свою родину?..»

IV

Взволнованный, я часто возвращался мыслями в эту беленькую хату. С грустью смотрел я на удаляющиеся от нас Каневские горы. И еще прекраснее и милее казалась мне теперь родина великого народного поэта.

Был один из тех вечеров, которые так любят ласточки, вечер, когда им так привольно уноситься в ясное небо или скользить над зеркальной водою, быстро задевая ее острым крылышком, и снова с безотчетно радостным щебетанием тонуть в чистом воздухе, — вечер, полный идеальной, гармонической красоты.

Все самые нежные краски — от пепельно-розовой до пурпурно-золотистой, — все самые легкие отражения вечерней зари воспринимала неподвижная, широкая, как озеро, поверхность Днепра; даже странно было чувствовать, что мы плывем по ней — так картинна и спокойна была она... А плыли мы уже под Секиной, в тех местах, где правый берег после гор на несколько верст в ширину и длину расстилается в широкую, низменную равнину. То были луга, заливные луга, не наши великорусские, от которых веет всегда пустынностью, а украинские живописные луга, по которым то зеленеют рощи, то одиноко идут среди сенокосов кудрявые деревья, красивые и картинно сокращенные далью, как на рисованных пейзажах. Может быть, летний вечер и мое настроение опозитизировали эти места; но только мне казалось, что именно эти места — настоящие украинские, такие, какими я рисовал себе их с детства, со всей поэзией и мечтательной красотой южной природы.

И я глядел в вечернюю даль этих заливных лугов, представлял себе зеленую сель-

скую улицу и почти слышал звонкие девичьи голоса около белых хат, далеко разливающиеся по тихой заре и поющие о том же, о чем пел и великий украинский поэт. Я опять вспоминал те могилообразные горы, от которых пахнуло на меня старыми преданьями, и невольно переплетал свои мысли с мыслями о жизни Тараса, не спуская глаз с его могилы.

И далекие Каневские горы долго рисовались позади нас, как смутно-лиловая тучка, на золотистом фоне запада. И всю зарю маячили их очертания за безбрежным зеркалом Днепра...

А когда стемнело и на мачту подняли фонарь, стало холодно, слегка туманно, и, глядя вперед, на восток, я уже не видел берегов. Синий Днепр слился с мутной синевой темной южной ночи. Ночной ветер разводил большую зыбь; Днепр волновался, и казалось, что вся туманная синева Днепра и ночи клубится и дышит холодом морской дали... Зыбко переливались там, вдали, бледно-зеленые огни какого-то невидимого парохода... Наконец потонули за волнами и они...

Я ушел в каюту, где уже все спали, и до за-

ри без сна лежал на койке. Как в гробу, было темно в ней. И этот мрак, и ровное покачивание, — казалось мне, что я в могиле и вся земля тихо покачивается, — и этот ровный-ровный, однообразный шорох, непрерывный плеск и шум днепровских волн, бегущих у изголовья, еще более странно настраивали и волновали меня...

Там, на горах, над угрюмым Днепром, в темноте глубокой ночи, могила молчала вечным молчанием...

V

С тех пор прошло много лет, но то, что я переживал на Днестре, не исчезло бесследно. Прежде я бессознательно тянулся к скитаниям по новым местам, — теперь я ясно понял, что значат они. Я понял, что для того, чтобы жить полной жизнью, мало науки, мало одних книжных знаний и житейского благополучия. Для меня открылась красота природы, глубокая связь художественных созданий с родиной их творцов, увлекательность изучения народа и поэзия свободы и воли в скитальческой жизни...

— Ой, ой! — говорил Исай Маркович, пока-

чивая головой, когда мы подходили к Екатеринославу, — погода переменилась: задуют ветры... И что мы тогда здесь будем делать на порогах? Это будет хуже, как в прошлом году...

Но меня только радовали предполагаемые опасности. И хотя погода в день нашего отъезда от Лоцманской Каменки, под которой уже начинаются пороги, стояла тихая и ясная, — мне все казалось, что с нами должно случиться что-то необыкновенное, страшное и поэтическое.

Этому способствовали и бесконечные разговоры на «Чайке» о порогах, и вид двух приехавших из Каменки лоцманов, без которых ни одно судно не может, по закону, идти дальше Екатеринослава, и торжественность нашего отправления в путь. Я почти с благоговением смотрел на этих прямых потомков запорожцев-лоцманов. Один из них был высокий, строгий старик-казак, другой — коренастый, добродушный и важный, настоящий Тарас Бульба. Высокий-то и назывался лоцманом, а его товарищ, по обычаю, носил кличку «дяди».

И вот наступил момент, когда, после угощения в каюте, «дядя» быстро встал с места, взял шапку, расправил усы и пошел на палубу.

— Ну, діты, — громко и серьезно крикнул он, снимая шапку, — помолимось господу богу!

И первый стал на колени и, побледнев от волнения, низко поклонился в землю. За ним опустились на колени и мы и в торжественной тишине горячо помолились о благополучном плавании. Потом подняли якорь, гребцы стали к веслам, и «Чайка» медленно поплыла по порогам.

Это было, как значится в моей записной книжке, утром во вторник, 12-го июня, а утром 13-го я уже навсегда простился с «Чайкой». То, чего мы ждали все время в пути от Киева, — наступило, и в хлопотах и волнениях день промелькнул как-то совсем незаметно. Плыли мы очень быстро, потому что в этих местах течение Днепра очень сильно. От самого Екатеринослава до Александровска весь он наполнен каменными «заборами» и порогами. Эти пороги и заборы — не что иное,

как широкая гранитная полоса, отроги Карпатских гор, пересекающие Днестр, Буг и Днепр. Весной они совсем скрыты под водою, а «в среднюю воду», то есть в то время, когда плыли мы, Днепр очень грозно шумит по их камням и камни эти во многих местах торчат из реки. Всех порогов считается десять, но особого волнения стоили нам только два или три, и между ними главным образом — Нена-сытец.

«Чайка», повторяю, очень быстро шла теперь по Днепру даже между порогами. Гребцы отдохали в это время, лежа на палубе. Светлая, стальная поверхность Днепра плавно всей своей ширью неслась вперед. Но вот вдали начинался шум... ближе... ближе... и вскоре уже явственно было слышно, как гремит порог. Лоцман и «дядя», стоявшие на возвышении на корме и не спускавшие глаз с реки, вдруг замахали шапками, и гребцы бросились к веслам: нужно было разогнать барку, чтобы она быстрее проскочила порог.

— Запеки, запеки, голубчику! — кричали лоцмана, и белорусы, по четыре человека в ряд, разом и крепко навалились на весла, по-

чти припадая к палубе; а «Чайка» неслась все шибче, пока не обозначился перед нею самый порог.

Вид его всегда производил на меня жуткое впечатление. Кругом — стальная гладь реки, плавно скользящая вперед, а впереди — почти черная поперечная полоса волн от берега до берега, словно Днепр перерезан в этом месте. Издалека видно, как его гладь переламаывается здесь и несется под уклон, по которому чернеющие волны мечутся и кипят белыми гребнями пены.

— Шабаш! — вдруг, напрягши грудь, вскрикивает, «дядя». — К стерну (рулю)!

И белорусы, моментально бросив весла, кидались к громадному деревянному рулю, выдающемуся над кормою, и наваливались на него всей тяжестью, ворочая его и откидываясь вместе с ним то вправо, то влево. А побледневший лоцман продолжал кричать изо всей силы:

— Тягны, тягны!.. тягны, братцы, голубчики!

Тогда и мы все невольно порывались вперед, стараясь хоть чем-нибудь помочь «Чай-

ке» — уже в пороге! Кругом — шум воды, брызги пены, водоворот несет с ошеломляющею быстротою, так что вся «Чайка», нагруженная несколькими тысячами пудов дров, прыгает и качается на огромных волнах...

— Проскочили! — кричит наконец «дядя» облегченно, и все выпускают вздох, снимают шапки и долго крестятся на небо, между тем как Днепр, еще не успокоившийся, тихо колышет «Чайку», а сзади уже замирающим шумом гремит порог.

Так прошли мы Кадацкий порог, Сурский, Лоханский, Звонецкий и, наконец, Ненасытец — «Дід», как зовут его лоцманы, — самый грозный порог, в девять рядов скал, — благополучно миновали «пекло» (так называется огромная яма под порогом, где бушует очень опасный водоворот) — и вздохнули совсем весело. Теперь «Чайка» пошла медленнее, и медленно проплывали мимо нее острова в лесах, прибрежные горы, селения и далекие степи. Солнце мирно спускалось за них, и наступал вечер. Мы бросили якорь и ночевали в каком-то пустынном и глухом месте. Развели огонь, заварили кашу, и долго текла беседа

около котелка, рассказы лоцманов о своих приключениях, — тихие рассказы под звездным небом, в темноте синей южной ночи...

А на другой день мы перевалили еще через четыре порога, ловко проскользнули в опасной теснине среди высоких, скалистых берегов, недалеко от Александровска, на крутом повороте Днепра к юго-востоку, и скоро были у пристани Кичкас.

Здесь я распрощался с белорусами, с моими радушными хозяевами-евреями, с лоцманами и с «Чайкой». Я отправился на знаменитый «Остров св. Георгия» — Хортицу и долго блуждал по нем, отыскивая хоть каких-нибудь следов старой Сечи. Но остров был тих и пустынен... Только земляные валы, заросшие травой, говорили о том, что когда-то тут были воинские станы..

И степь здесь была уже недалеко. Там, за Хортицей, начиналась Великая Днепровская Плавня, где Днепр разливается необозримыми озерами и весь усеян тысячами островов в рощах, верболозах и камышах. Там, возле Плавни, по левую сторону реки, расстилается Великий Днепровский Луг, царство зеленых,

сочных степей, степных болот и речек — страна, славная с древности богатством и плодородием своих земель и кровавыми раздорами за эти земли. А еще дальше, за плавнями и степями, синее море и белеют вольные паруса в морской дали...

«Туда, туда!.. — думал я с восторгом. — Жизнь невыразимо прекрасна и увлекательна. Только надо понять, что дорого и нужно в ней!»

Одесса, сентябрь 1898

Мелкие рассказы*

В погоду

Перед вечером надвинулись тучи, налетел в потемневшем воздухе вихрь и зашумел проливной дождь.

Но на закате снова внезапно ударили сквозь тучу ослепительные стрелы солнца, и ливень засверкал и затрепетал в их золотистом блеске... Потом туча медленно растаяла, и засинело голубое, ясное небо.

Дождь перестал.

Зелень дышала яркая, молодая, обновленная. Весело защибетали птицы. Ласточки,

упиваясь безотчетной радостью, тонули в чистом воздухе. И солнце догорало тихо и безмятежно. Наступила заря, вся напоенная свежестью и благоуханием. Отражая ее переливы, как зеркало, стоял затон реки у подножия старого парка. В прозрачном вечернем воздухе купались вершины столетних деревьев, а тополи замирали среди них зелеными обелисками... И всем было хорошо в этот теплый летний вечер.

Гибкая и упругая змея выползла из-под корня и беспомощно развила свои кольца. Ее еще пригревало солнце, сквозившее на сухую, усыпанную коричневой хвоей тропинку между стволами елей. И, тихо пошевеливая хвостом, змея почти с умилением думала:

— Ах, как хорошо жить на свете! И как мало еще умеют у нас ценить природу! Право, одна я изящна среди всех этих скучных обитателей парка, одна я умею тонко и изящно чувствовать. Говорят, я коварна и безжалостна... Что ж, с точки зрения буржуазной морали и добродетели они правы... Но я горжусь этим! Только мне доступна сладость утонченных наслаждений, только во мне их вкус и

благородные страсти!

Жаба сидела на безобразном водяном пне, на корнях затонувшей ракиты. Вся она отражалась в зеркальной воде, всю ее обнимала теплая влага реки. И к этому наслаждению присоединялось еще чувство сытости. Под ней синела глубина отраженных небес — чистый и ясный лик природы, — под ней светились розовые краски заката, но дело было не в них, а в ней самой, в жабе, и, прикрывая глаза, жаба думала:

— В сущности, одна я благоразумна, никому не желаю зла и умею ценить природу. Зачем лицемерить перед собой? Я недаром пользуюсь почетом, я недаром представительна и богата. Есть, конечно, низкие душонки, завидующие мне, злословящие меня, но это всегда так бывало. Зависть на все способна. А в чем же, собственно, меня можно упрекнуть? И может ли тот, кто так чувствует, кто так добр и благожелателен ко всем, быть дурен?

Улитка лежала в траве и наслаждалась сыростью. Ей было тоже хорошо, очень хорошо!

— Говорят, что я скрытная, угрюмая, непо-

движная, — думала она. — Не отрицаю, — я скрытна, но это удел всех глубоких натур. Я неподвижна, — но, позвольте спросить, куда, собственно, спешить-то? «Вперед, вперед!» — а куда вперед — неизвестно. И главное — зачем? Людей, подобных мне, тоже презрительно называют «людьми в футляре» и так далее, но что же из этого остроумия следует? Почему футляр так плох? Да и неправда — в хорошую погоду и в безопасном месте и я вовсе не прочь погулять, полюбоваться — и все такое...

— Да, — прибавила она после некоторого размышления, — моя скрытность и есть именно признак глубокой, благонамеренной натуры.

— Совершенно верно! — крикнула ей с сухого дерева ворона, приготавливаясь вздремнуть до рассвета. — Вот и про меня говорят, что я каркаю разные неприятности. Однако же я вот молчу и люблюсь закатом, — значит, все это ложь, бессовестная ложь!

Водяная лилия наклоняла свою нежную головку, отражаясь в воде. У нее было тоже тонкое и хорошее настроение. Но она не думала, что она благородная натура. Мимо нее прохо-

дили люди, любовались ее серебристым венчиком, стрекозы пели ей звонкие и страстные песни... Но она цвела стыдливой, задумчивой красотой, она любовалась не собой, а серебристым серпиком молодой луны, показавшейся над парком, алыми пятнами заката, сквозившими за ельником, зелеными камышами, дремавшими вокруг нее...

Скептик жук угрюмо гудел, перелетая по прибрежной аллее и порой опускаясь на землю. Он ко всему прислушивался, он все замечал, долго наблюдал и приглядывался ко всему окружающему с холодным и, как он думал, беспристрастным спокойствием. И когда все замолкло и уже стало задремывать, улыбнулся хмуро и презрительно и с расстановкой промолвил:

— Так, так! Очень, очень приятно послушать вас, друзья мои! Как вы все прекрасны, как вы тонко чувствуете, как умно и добродушно рассуждаете! Что это случилось сегодня с вами? Не скажете ли еще чего-нибудь?

Он помолчал и снова заговорил, уже с легким раздражением:

— Да-с, все обстоит как нельзя лучше! Доб-

родетельней и умней нас, право, трудно сыскать! Что ж! Вечер великолепный, воздух тепел, ночь будет ясная и тихая... Отчего ж не порассуждать. И накушались мы, ко всему этому, исправно... Вот только лилия что-то молчит? Ах, друзья, неприятное это, в сущности, соседство. И ведь заметьте, она всегда такая... Правда, недалеко она немного, — ну, да что ж делать! Все-таки не выигрываем мы в соседстве с ней, — ох, не выигрываем.

И жук долго-долго говорил на эту тему.

Он бичевал и себя. Он никого не жалел. Ничто не скрывалось от его проницательности и трезвости. Но увы! уж больно щедро награждал он себя за самобичевание. Он положительно смаковал каждое свое слово.

И если бы он решился до конца быть искренним, то он непременно должен был бы еще кое-что прибавить, например, нечто в таком роде:

— Эх, и умница я, в сущности! Ведь я положительно насквозь вижу всех, ведь, собственно говоря, каждое мое слово — золото. И, боже мой! мне приходится тратить все это на совершеннейших глупцов... Где же, наконец,

справедливость? Где?

1895–1901

Три просьбы

— Расскажите что-нибудь, Илья Абрамыч! — сказал я, ложась на теплый золотистый песок, когда мы добрались наконец по гремящему под ногами гравию до хорошего местечка на Алупкинском побережье.

Илья Абрамыч, маленький, толстенный караим, с загорелым лицом и веселыми глазами, сдвинул шляпу на затылок и, по обыкновению, ответил не сразу. Он только хитро улыбнулся, раздумывая о чем-то, что, очевидно, знал только он один, и вынул из кармана пиджака бутылку вина.

— Це, це, це! — сказал он, покручивая головой. — А в вине-то пробочка! Хотите? — прибавил он, держа бутылку наготове.

— Да ведь пробка! — ответил я нерешительно.

— Пробка, — согласился Илья Абрамыч. — Но знаете турецкую поговорку? «Дурак тот, кто бросает одеяло в огонь из-за одной блохи!»

И он лихо закинул голову назад, приста-

вив бутылку ко рту.

Мимо нас проходили две девушки с соседних дач, англичанки, с огромной собакой, которую они купали по нескольку раз. Потом с трудом протащился по песку молодой, очевидно московский, купчик, уже полный и содышкой, но добродушный, как хорошо упитанный теленок. И всех их Илья Абрамыч проводил веселыми, ласковыми и хитрыми в то же время глазами.

— Ну, — сказал он, внезапно оборачиваясь ко мне, — расскажу вам восточную сказку о том, о чем вы теперь думаете, — о женщинах.

Я засмеялся.

— Почему же вы замечаете, что я думаю о женщинах?

— Це! — сказал Илья Абрамыч. — Всё на свете думает только о женщинах и всё на свете для них. И всё, всё, ну, совсем всё мы трагитим на них. Вот слушайте.

Он поджал ноги калачиком, положил шляпу на песок и, прикрыв глаза, начал:

«Жил-был на свете один турок, хороший, честный турок, и был он так беден, что все его добро составляла только одна жена. Тру-

дится турок, работает самые тяжелые работы и все не может выбиться из бедности. Все идет на пищу, а что остается — на подарки жене. А жену-то он сильно любил, и стыдно ему было дарить ей бедные подарки. И запечалился турок. Сидит на пороге своей избушки и вздыхает вместе с женой.

— Алла, Алла! Видишь сам, как я работаю, и никогда-то ты не исполнишь ни одной моей просьбы! Никогда-то не знал я счастья и, верно, так и умру, обойденный твоей справедливостью!

А в это время проходил по деревне пророк. Подошел он к порогу турка, услышал его жалобы и покачал головой.

— Ах, — говорит, — добрый человек, напрасно ты сетуешь на Аллаха! Не годишься ты для счастья!

— Как? — говорит турок. — Это я-то не гожусь, я, который чуть не у груди матери уже умел работать?

— Нет, — говорит пророк, — не годишься. Очень уж ты любишь жену.

Турок, знаете, даже рассердился.

— Жену люблю? Ну так что ж? У меня и

так никогда не бывало счастья в гостях, а ты еще и с женой меня хочешь поссорить?

— Напротив! — отвечает пророк, а сам этак хитро улыбается. — Я, — говорит, — пришел, чтобы помочь тебе.

— Благослови тебя бог, — говорит турок, — помоги, поскорее помоги, я, признаться, еще не ел сегодня.

— Ну, так слушай, — говорит пророк, — Аллах посылает тебе счастье. Он решил исполнить твои три просьбы. Проси о чем хочешь — все будет исполнено. Это ли не счастье? А мы посмотрим, как ты распорядишься с своим счастьем.

И пропал. Понимаете, сказал пророк эти слова и исчез. Боже мой! Как радовался весь вечер турок с женой!

— Ну, — говорит, — заживем мы с тобой, жена! А жена прикинулась этакой овечкой и умоляет:

— Подари мне одну просьбу!

— Согласен, — говорит турок, — я и на две остальные буду счастлив до самой смерти.

Глядь, а жена уж стоит перед ним такой красавицей, каких и во сне не увидишь.

— Что? — говорит, — хороша я? Я уж употребила в дело свою просьбу. А теперь, — говорит, — прощай. Я иду к Ибрагим-Гассану, он лучше тебя, а богат так, что ему и просить не о чем Аллаха. Теперь меня сам султан возьмет.

У турка даже в глазах помутилось от такой штуки. Как зарычит он да как бросится на жену!

— О, Аллах! — кричит, — молю тебя, преврати ее в самую злую и безобразную жабу!

Трах — и стоит перед ним уж не красавица, а такая, как говорят у вас, Баба-Яга, что смотреть жутко! И, разыгравши такую историю, стоят муж с женой и глядят друг на друга.

— Повелитель мой, — говорит жена, — вспомни прежнее, вспомни, как я любила тебя!..

Упала на колени, зарыдала в три ручья и умоляет:

— Преврати меня в прежнюю!

Не выдержал турок, вспомнил прежнее и говорит сквозь слезы:

— Заклинаю тебя, Алла, возврати мне

прежнюю жену!

И вдруг, откуда ни возьмись, — пророк.

— Аллах исполнил твою просьбу, — говорит, коснулся Бабы-Яги рукой, и стала жена турка прежняя.

— Ну, — говорит пророк, — доволен ты теперь?

— Доволен, — говорит турок и не знает, куда глаза девать от стыда.

— Распорядился ты своим счастьем? — спрашивает пророк.

А турок только рукой махнул.

— Прав ты, — говорит, — прав, святой пророк. Все ушло на женщину! И будь проклят час, когда я связался с ней!»

— Хороша сказка? — прибавил Илья Абрамыч, заглядывая мне в глаза.

Я отвернулся и засмеялся. К сожалению, я в эту пору сам похож был на турка из сказки. И мы долго лежали молча на песке. «О, милая, тонкая и наивная восточная мудрость!» — думал я, поглядывая на алеющий при закате Ай-Петри. А Илья Абрамыч делал вид, что он забыл о сказке, и причмокивал, потягивая из бутылки.

— Доброе, доброе вино! — говорил он. — О, дурак тот, кто бросает из-за одной блохи целое одеяло в огонь!

1901

В Альпах*

Тихи и безлюдны альпийские долины в серые дни поздней осени! Неясно синеют они, уходя друг за другом в горы, дикие вершины которых тонут в облачном небе. Свинцовое и равнодушное, оно низко висит над озерами, и такие же свинцовые, только более темные и красивые, лежат под ним озера, налитые между гор, сизыми гранитами поднимающихся из их лона. Когда глядишь в это облачное небо, тянет уйти в его туманы, провести ночь в каком-нибудь безлюдном горном отеле, скрытом в высоте мглою...

Как-то в начале ноября мы с товарищем скитались в Гларнских долинах. Утром мы покинули на пароходе город, а после полудня уже были далеко в горах. Немного было жутко, — на горах могли разыгаться метели, — но крестьяне, встретившиеся нам в начале пути, когда мы только что стали подниматься

вдоль забытой до весны зубчатой железной дороги, сказали, что ожидать метелей пока еще нет основания. Но печально было в горах! Низкорослый лес на обрывах был редок и точно задремывал, роняя мелкие желтые листья. Изредка можно было видеть изумленные и тупые морды пасущихся коров, изредка слышался свист мальчиков, собиравших по кустарникам хворост... Потом замерли и эти звуки, в воздухе слегка посвежело... В глубокой тишине мы мерно шагали все выше и выше по крутой дороге, а с гор, с диких скал, сумрачно синеющих сосновыми лесами, серым дымом спускалась к нам зима. Приближались и мы к ней и, останавливаясь, чтобы передохнуть, подолгу смотрели в долины, слабо синеющие сквозь деревья, далеко под нами. Тогда слышно было падение каждого листика в лесу; мокрые кустарники плакали беззвучными слезами, а тишина уже сменялась мертвым молчанием гор. И, счастливые этим глубоким покоем, мы все дальше уходили в долгие сумерки густого ноябрьского дня, медленно умирающего среди горного безлюдья.

Близ какого-то большого туннеля, смутно

чернеющего в тумане, мы встретили маленькое селенье, — пять или шесть сонных хижин на горном скате. Не спеша одолевали мы трудный подъем по грязной дороге этого ската, но очень скоро от селенья осталось только мутное пятно внизу, а с гор уже веяло на нас сыростью снега. Туман продолжал густеть и темнеть, а мы шли ему навстречу, — миновали черную и гулкую пасть туннеля, перешли почти отвесный мост над бездонным ущельем, полным сырой, сизой мглой, потеряли его из виду, так же скоро, как и туннель и селенье, и почувствовали себя уже в совершенной пустыне. Если товарищ отставал от меня, он тотчас же терялся в тумане. И когда мы перекликались, голоса наши звучали глухо и странно. Мокрые рельсы, покрытые тающим снегом, сбегали сверху, сосны и ели шли оттуда по обрывам; но сквозь туман можно было скорее предчувствовать, чем различать лиловато-темные силуэты бора. В десяти шагах от нас они расплывались в мгlistых сумерках, и надо всеми этими хмурыми лесами стояла такая глубокая тишина заоблачного царства, которая исключала всякий признак жизни.

Но вот послышался слабый шорох: маленькая серая птичка вспорхнула с мокрого, дымящегося рукава ели, села на мгновение на дорогу и, оглянувшись на нас светлым глазком, тихо перелетела к обрывам налево. Там она тотчас же затерялась в тумане, но, увидав ее, мы почему-то приостановились... И что-то радостное внезапно шевельнулось в моем сердце; почему-то мне захотелось крепко сжать руку товарища, и по его быстрому, хорошему взгляду я увидел, что он меня понял. Опять вокруг нас пошли мрачные, туманные стены соснового леса, мокрый, бледный снег вдоль крутой дороги, дымные ущелья и обрывы, где глубоко внизу висела тяжелая мгла аспидного цвета, и гробовое молчание заоблачного царства... Но еще долго не выходила у меня из головы серая птичка, одиноко проводящая осень среди мрачного горного леса...

Да, она спокойно, хотя и несмело перелетала в нем с места на место. В мертвой тишине зимних сумерек она была занята каким-то тихим делом, — спокойная в ожидании ночи, которую она надеялась провести где-нибудь под елью, спрятав под крылышко голову и

предоставив себя чьей-то высшей защите. И что-то бесконечно трогательное было в этом слабом намеке на жизнь, который принесла она в горную пустыню. Мы тоже были одиночки и беззащитны среди этой пустыни. Но и мы несли в ночь и туманы искру божественной тайны — наши мысли и чувства, нашу братскую близость человека к человеку и нашу молодую дружбу, сознание которых так сладостно перед лицом того вечного и враждебного, чем окружает нас мертвая природа и что порождает высшее проявление человеческого духа — поэзию!

<1902>

Десятого сентября*

Почти все дачи были уже пусты, шло начало сентября, на сад, на желтые клены то и дело шумно сыпал крупный дождь, все сквозь солнце и быстро стихавший. Отец и мать говорили, что пора возвращаться в Москву, — она отвечала холодно и небрежно:

— Ступайте хоть завтра. Я раньше десятого не поеду.

По целым дням она лежала на диванчике, в комнате рядом с гостиной, с шалью на плечах, с книгой в руке, то бессознательно читая, то упорно глядя своими красивыми коровьими глазами на желтизну сада за окнами. Мягкая коса заплетена кое-как, слегка опухшее лицо бледно. Дни в молчаливом доме, где жили только отец, мать, старая нянька и молодой лакей, шли медленно, однообразно, и так же медленно и однообразно шли в ней все одни и те же чувства, мысли, воспоминания — о том постыдном, что случилось с ней летом и казалось ей самым значительным в мире. Порой она мрачно-насмешливо ухмылялась, подбирая ноги, одергивала подол: да, если бы

кто знал, глядя на эту серую юбку, то, чего вот-вот уже не скроешь?

Масальский каждый день заходил часа в четыре. Вот слышно, как он бодро говорит в лакейской:

— Здравствуйте, Сергей. Дома?

— Князь с княгиней только что вышли на прогулку.

— А княжна?

— Дома-с.

Потом шаги в гостиной и притворно простой голос:

— Княжна, можно к вам?

Ей казалось, что он знает дачные сплетни о ней, то, что она брошена, обманута, и даже то, что недаром решила не возвращаться в Москву до десятого сентября: догадывается, что она назначила на этот день последнее ожидание ответа на все ее безответные письма в лагерь под Петербургом и в Петербург. Но приход Масальского все-таки доставлял удовольствие, — он давно был тайно влюблен в нее, был с ней неловко весел, над ним можно было издеваться, и она медленно отзывалась:

— Милости просим.

Он весело входил:

— Здравствуйте, княжна. Чудная погода, а вы все с книжками!

Она презрительно пожимала плечом.

— А вы всегда с одними и теми же фразами. И не вижу ничего чудесного в том, что льет с утра до вечера.

— Да ведь льет с антрактами, — грибной дождь, как говорит ваша нянюшка... И очень хорошо, что вы не уезжаете.

— И совсем нехорошо, что вы тоже не уезжаете. Почему, позвольте спросить?

Он сел в кресло возле диванчика, глядел на ее поджатые ноги, — подозрительно, как ей казалось, — и шутя повторял ее слова:

— Я раньше десятого не поеду.

— Не остроумно, — брезгливо говорила она.

Раз он сказал (тоже с легкой усмешкой):

— Не помню, чьи это стихи: «Как идет к вам эта бледность, этих дней осенних бедность!»

Она подняла на него свои коровьи глаза и спокойно ответила:

— Как идет к вам ваша глупость! Прошу вас и даже требую: не соваться десятого со своими услугами при нашем отъезде.

Десятого он уехал в Москву утром. А перед вечером, когда старенький, маленький князь и рослая большеликая княгиня, уже одетые, с зонтиками в руках, сидели в опустевшем доме, из которого выносили последнюю мебель, когда они покорно ждали выхода дочери, за домом кто-то вдруг радостно закричал что-то, потом с топотом пробежали мимо окон в сад мужики, нанятые везти мебель в Москву, а впереди них какой-то резвый босоногий мальчишка...

Из пруда за садом ее вытащили баграми только в сумерки, с трудом принесли в дом и положили, мокрую, ледяную, тяжелую, с синим лицом, на голом полу в пустой гостиной, темно освещенной чьей-то кухонной лампочкой.

Ночью шел уже ровный, затяжной осенний дождь.

Москва, 1903

Ночлег*

— Ночуй, ночуй, Алексеич! — сказал мне лесник, рябой широкогрудый мужик в косматой волчьей шапке, стоявший передо мной возле караулки. — Самое лучшее тебе ночевать, а я тем временем ребятишек своих проведу и лыжи тебе добуду... Без лыж ты в отделку измаешься.

— Да ведь и ты измаешься, — нерешительно возразил я. Лесник мельком взглянул на меня и улыбнулся.

— Я, брат, не тебе чета, — ласково сказал он и, кивнув головой, пошел по темной тропинке, убежавшей в чащу низкорослого дубняка, смутно черневшего по снежным лужкам и оврагам.

Скоро его коротконогая фигура слилась вдаль с сумраком, скрылась за изгородью пустого пчельника в разлужье, где из снега торчали ульи, прикрытые камнями и похожие на грибы, и я остался один, совсем один в сонном зимнем лесу. И такая тишина теплого мартовского вечера воцарилась кругом, что хотелось закрыть глаза и стоять так дол-

го-долго, чтобы вполне слиться с окружающим оцепенением. И неподвижно сидели и сонно жмурились у моих ног собаки, — черный с белым жилетом Цыган и остромордый рыжий Волчок в своей пушистой шубке... «Вот и опять дома! — подумал я, глядя в сумерки. — Какой нежный и теплый вечер!..»

Медленно стал падать снежок, вывел меня из задумчивости, и мрачно взглянула на меня пустая изба, когда я отворил ее тяжелую дверь. Низкая и просторная, с маленькими окошечками в толстых кирпичных стенах и огромной широкоплечей печью, она производила впечатление жилища почти дикого, но почему-то меня радовал мой одинокий ночлег в этой молчаливой лесной избе. Дубки уже гудели в белесой темноте за окнами; с утра в лесу таяло, перед вечером на задворках караулки однотонно и нежно стонала пуштушка — совсем как в полуую воду; теперь снова возвращалась зима, и, когда я зажег в печи солому, поставил на загнетку чугуничик с водой и вышел в сени, чтобы взять охапку хворосту, навстречу мне понесло свежестью весенней метели. Сонный ночной ветер за-

шуршал в темноте по крыше, и мне стало холодно, но зато как приятно было снова вбежать в теплую избу и накрепко захлопнуть ее черную, липкую дверь! Изба уже наполнилась душистым запахом сырых дубовых дров и фантастично была озарена яркой пастью печки. Длинные оранжево-красные языки вырывались из нее и, дрожа и переплетаясь, бежали и лизали устье, а противоположная стена, покрытая густым слоем сажи от топки покурному, трепетно искрилась, как смоляная. Кошка, черная и блестящая, точно пантера, примостилась в конце широкой лавки у самой загнетки, съежилась и жмурилась, сладостно мурлыкая; красный голенастый петух, разбуженный огнем, тупо бродил по соломе, накиданной на полу, в теплом кругу света, а из-под лавки вдруг блеснули самоцветными камнями два глаза Волчка, с приподнятыми ушами смотревшего на кошку, и — боже! — сколько негодования было в его пристальном взгляде!

— Ты зачем сюда? — закричал я на него с деланной злобой и, распахнув дверь, отчаянно затопал ногами, когда Волчок, поджав

хвост, с визгом кинулся в сени.

Чугун с кулешом между тем нагревался. Он уже шипел и запевал задумчивыми, жалобными голосами, и было что-то трогательное в его детском напеве, и дикой красотой старой русской сказки притягивала к себе широкая ярко-цветная игра пламени, когда я присаживался порой на дубовый пенек среди полутемной избы и подолгу, как очарованный, смотрел на бегущие оранжевые ленты.

Наконец таган на загнетке прокалился почти докрасна...

Черный хлеб был липок, как замазка, от чугушка резко воняло салом, но я ел с неразборчивостью крепко проголодавшегося человека. Свет замирающего в печи пламени дрожал вокруг меня под низкими потолками и озарял то окна, то покоробленную доску иконы, стоявшей в переднем углу на лавке; изображение на доске было суздальское, большие глаза Христа, похожего на Будду, были страшны в этом мерцании, но, собрав со стола корки и настелив на лавке возле печки соломы, я перекрестился на старую икону почти с детской верой. Потом я кликнул в избу собак, ки-

нул в изголовье полушубок и растянулся на соломе. Собаки подошли, посмотрели на меня и, с визгом зевая, улеглись возле лавки. И все кругом стало еще тише и печальнее.

Чтобы не угореть, я не закрыл трубы и не задвинул печку заслонкой. Дрова между тем прогорели, и свет от углей стал медленно меркнуть. Темнота угрюмо сгущалась, отовсюду подвигаясь к печке. На мгновение в сумраке у дверей мне померещилась фигура монахини — и вдруг мне стало жутко...

— Цыган! — тихо крикнул я, приподнимаясь.

Цыган тотчас же перекошил и насторожил уши. Насторожился и Волчок. Однако, прислушиваясь, оба очень выразительно поглядели на меня и успокоились. «Спи, никого нет!» — сказали мне эти взгляды. Но темнота все сгущалась. Она уже подошла к самому устью, и последний уголек на загнетке глядел в темноту, подобно закрывающемуся глазу, озаряя лишь своды... Потом и он померк... Теперь лишь где-то в глубине печки краснела чуть заметная точка. Ветер шуршал по окнам и заносил их снегом... Окна тускло серели в

темноте... И вот кто-то подошел и заглянул в них. Чья-то высокая тень мелькнула мимо окон и скрылась...

«Кто там?» — хотел было крикнуть я с сильно застучавшим сердцем и вдруг сразу опомнился: да ведь это просто притуга, оборвавшаяся на крыше!..

И опять сладкая усталость тихо закрыла мне веки. Хороша ты, долгая и печальная зимняя ночь, знакомая своими страхами еще с детства! А тут еще петух смело затрепыхал и забил крыльями, и что-то дружеское, родное было в его громком, почти человеческом крике! Случайно открыв глаза, я увидел странный белесый свет, падавший из окон откуда-то снизу и таинственно озарявший смоляные стены избы: то был отблеск свежего снега на завалинке. И в белесом сумраке, в каких-то бесконечных снежных лугах, которые тотчас же после этого стали мне грезиться, передо мной замелькали бесчисленные огоньки зеленоватых волчьих глаз. Они выглядывали отовсюду, плыли, то приближаясь, то удаляясь, — и вдруг целым роем неслись куда-то вдаль, и тогда по всему лесу, по вер-

пинам, побелевшим от снега, разрастался и, убегая, замирал смутный, убаюкивающий шум вьюги...

<1903>

С ВЫСОТЫ*

Я был на Ляй-Лю, на перевале по пути на север. Стояла весна — середина апреля.

Все утро в горах дремал густой туман. В грязной корчме на перевале я выпил кислого красного вина на прощанье с югом и отдохнул, пока перепрягали тройку. Было сыро, холодно и сумрачно. Все тонуло во мгле, пронесившейся по ветру мимо окон, и воображению невольно рисовались осенние сумерки, пастухи, проводящие здесь почти всю свою жизнь среди облаков и свиста горного ветра, овцы, робко жмущиеся друг к другу в загонках... Невольно закрадывалась в душу серая, как это утро, скука — и вдруг туман стал розоветь и таять, в мглистой вышине просветлело. Предчувствие тепла и солнца сразу оживило все, а в небесах, в тающем дыму, уже обозначилось что-то радостное, нежное. Оно росло, ширилось — и внезапно засияло боже-

ственной красотой лазури. В величавом храме дикой и пустынной природы, которая окружала меня, проглянул небесный купол, но еще долго реяла по Ляй-Лю рассеянная мгла, еще долго, как жертвенники, курились зубчатые утесы над стремнинами, пока не блеснуло, наконец, солнце. И тогда от тумана не осталось и следа, голубое небо засияло над горами во всей своей необъятности, далеко зазеленело в чистом и прозрачном воздухе волнистое плоскогорье и далеким миражем вырисовались за ним нежно-четкие фиолетовые вершины, уходящие друг за другом к востоку. Ветер тянул с севера, но он был ласков, весел, и, опьяненный солнечным теплом и ветром, я быстро пошел к обрывам, чтобы взглянуть в последний раз на море.

Исполинская дымчатая тень в радужном ореоле пала от меня в зыбкий пар под обрывом; бесконечная волнистая равнина сгустившихся облаков, целая страна белых рыхлых холмов развернулась перед моими глазами, и я остановился, пораженный хаотическим величием этой картины. Вместо глубоких стремнин и обрывов, вместо далеких зеленых

прибрежий и заливов я увидел необозримый океан белых застывших волн, сияющих под солнцем, необозримый облачный слой, повисший над морем и к востоку, и к югу, и к западу. И вся сила моей души, вся печаль и радость — печаль о ней, которую я так мучительно любил тогда, и безотчетная радость молодости — все ушло к горизонту, туда, где за последними гранями облаков, высоко в небе, синело далекое, далекое море.

«Прости! — мысленно сказал я ей всей моей душою. — И ты любила бы меня, и ты простила бы меня, как прощаю я тебя за все мои страдания, ко тайна жизни разлучила нас, тайная сила, не дающая нам заглянуть в душу друг друга с высоты — в наши лучшие минуты. А лучшие минуты моей любви к тебе — моя печаль о тебе вдали от тебя, моя радость, что и в печали, и одиночестве, и в страданиях я люблю — и прощаю тебя!..»

Колокольчик однообразным дорожным напевом говорил о долгом пути на родину, о том, что прошлое — отжито, о том, что впереди — новая жизнь, новая весна, весна севера. Старая дорожная коляска, старая почтовая

тройка, фигура ямщика-татарина на высоких козлах рядом с увязанными чемоданами, дружный топот копыт под несмолкающий плач колокольчика, бесконечная лента шоссе... Еще долго я оборачивался и глядел на сизые зубцы скал, вознесшихся над обрывом к югу и вырезавшихся на фоне пустого голубого неба, где черной точкой реял орел... Потом все это мелькнуло перед глазами еще раз — и скрылось. Тройка с дружным топотом копыт, с заливающимся звоном колокольчика пока- тилась снова в долины, чтобы катиться так все ниже и ниже, все дальше и дальше от пе- ревала, возрастающего и уплывающего в небо, все глубже и глубже в лесистые живо- писные пропасти...

Но еще долго глядел я в эти пропасти с вы- соты, еще долго и душа моя была на высоте.

Здесь, в этих безмолвных горных долинах, еще царила красота и тишина первых весен- них дней, безоблачно-прозрачного голубого неба, черных сучьев деревьев, прошлогодней коричневой листвы, слежавшейся в кустах, первых томных подснежников и диких тюль- панов. Здесь еще только что начинали зеле-

неть горные скаты, здесь все отдыхало, только что освободившись от снегов и бурь долгой темной зимы, и все было кротко и задумчиво, как девушка, впервые замечтавшаяся о жизни, о счастье, о будущем. Здесь еще хрустально-чист и свеж был воздух, как бывает он чист и свеж только ранней весной и — на высоте.

Но мертвое молчание гор окружало меня. Как всегда в лучшие мгновения моей жизни, я был один. И если бы я заплакал горячими слезами страстной скорби, никто бы не увидел моих слез. И если бы я крикнул — дико и весело, как молодой орел — от страстной радости жизни, никто не ответил бы мне на этот крик, кроме звонкого и жуткого голоса природы — горного эха.

<1904>

Из ранних редакций

Святые горы

Вторая глава, исключенная в 1930 году

Сквозь сон я долго слышал, как казалось, над самой головою, странный перезвон колоколов. Я заснул на каких-то бревнах около пристани парома, и тело сразу оцепенело от переутомления; но я чувствовал себя среди несметной толпы народа, говор которого гулом стоял над рекою; чувствовал, что прозяб от весенней речной свежести, и никак не мог очнуться.

Новый монастырь, тот, что находится у подошвы горы, не так красив, как это кажется издали. Хозяйственные его постройки, особенно громадное здание гостиницы, походят на казармы. Везде было тесно от наехавшего народа. Пожилой монах, дремавший на крыльце гостиницы, на мой вопрос о помещении только посмотрел на мою блузу и затаился долгим ленивым зевком. Послушник,

которого я встретил в воротах, так спешил куда-то, что я не успел остановить его. Он только оглянулся и зашагал еще шире и неуклюжее, махаясь и подаваясь вперед всем телом, отчего на плечах его болтались бледно-желтые волосы. Другой какими-то тайными путями — темным, узким коридором, где стоял тяжелый дух склепа, воска, ладана и угар от самоваров, — провел меня в номер, уже занятый постояльцем.

Постоялец лежал на жестком диване, выставив кверху колени худых ног, и лицо его было желто и постно, как у мертвеца. На нем был серый пиджак, слишком широкий для его худощавого тела, на шее — шарф, на ногах — кроме сапог, рыжие голенища которых виднелись под короткими штанами, — резиновые глубокие калоши. Козлиная борода его изобличала «кацапа», человека благочестивого, подозрительного и очень любопытного. Очень зорко осмотрев меня, он прикрыл глаза, полежал минуту молча и спросил:

— Из дальних, позвольте спросить?

Я сказал.

— Та-ак. По торговой части или, может, в

услужении у кого?

— Нет.

— Значит, капитал свой имеете?

— А что?

Сожитель мой поднял брови, искоса взглянул на меня и закашлялся...

— О-ох... — простонал он, тяжело повертываясь на бок.

— Вы нездоровы?

— Болезни не замечаю, а слабость большая во мне, особенно теперь. Очень без пицци ослабел я.

— Как без пицци?

Он тускло улыбнулся.

— А вы, что же, разве бога ни за что почитаете? Святые отцы, к примеру, прямо на то указывают, чтоб не вкушать за эти дни пицци, особенно с четверга...

И опять прикрыл глаза.

— А вы — торгуете? — спросил я.

— Косники были.

— Косы продавали?

— Правильно-с. Ну, а потом, хоть товар этот, прямо надо сказать, темный и прибыльный, и не сразу тут дойдешь до понимания,

восемь гривен коса аль два с полтиной, — пришлось оставить.

— Отчего же?

— Результату нету настоящего.

Он помолчал и злорадно добавил:

— Теперича господа коммерцию полюбили; господину земскому председателю тоже желается барышок себе иметь.

— Да ведь это не в пользу председателя идет.

— Понимаем тоже...

— Так вы и бросили торговлю?

— Ну, нет, — без дела нельзя-с. Винную лавку содержим, черную...

— А в монастыре-то вы часто бываете?

— Да, как теперича я недалеко живу. А вы к чему же это? Про усердие-то?

Он сдвинул брови и заговорил строго:

— Всякому это подобает. И при деле всякий должен состоять и храмы божий не оставлять без внимания. Хочешь не хочешь, а исполняй. У меня теперича, к примеру сказать, самое горячее дело, а я вот все на жену бросил...

Он опять закашлялся слабым, внутренним кашлем и замолк.

— Вам нужен покой, — сказал я, вставая, — лучше я где-нибудь еще переночую.

— Теперь не до покоя.

— Да нет, все-таки...

— Ну, с богом! — сказал лавочник уже совсем неприязненно.

Весь берег перед монастырем был занят, как на ярмарке, телегами и народом. Тут были и смоленские мужики в бараньих шлыках, и туляки, и полтавцы, и волжане. Многие спали под телегами, другие закусывали, умывались; говор стоял сдержанный и сливался в однообразный гул. Под этот говор я и заснул. Когда же проснулся, берег уже опустел: все были в церкви.

(Полное собрание сочинений, т. 2, с. 99-101).

Белая лошадь

Первая глава, исключенная в 1927 году

— **А** и глухая же сторона наша! — весело сказал землемер своим грудным, слегка сильным тенором.

И, наклонившись, худой волосатой рукой подsunул под сиденье тележки, стоявшей возле хуторской конторы, старые пыльные ботинки, завернутые в газету.

Был теплый сухой вечер конца августа — вечер среди степных полей, таких задумчивых и мирных в засуху позднего лета, после уборки хлеба. Солнце только что закатилось за вишневым садом, окружавшим контору, и не оставило никаких красок после себя. Разве вот стало бледнее голубое однотонное небо, яснее луна на востоке, спокойнее лиловатые волнистые равнины да слышнее осторожный треск пересохших за лето стручков акации... Была во всем этом какая-то большая грусть, но землемеру и она была приятна. Все трогало его нынче, но почему — бог знает. Это чув-

ство, что все хорошо, все восхитительно, бывало у него после долгих томлений в астме. Но астма не душила давно, уже больше месяца.

Помещик Стоцкий, высокий белоглазый блондин в батистовой косоворотке и лакированных сапогах, посмотрел с крыльца с той благодушно-презрительной улыбкой, которая всегда появлялась у него на лице после двух-трех рюмок. Нынче их было выпито пять, и угреватое лицо бывшего семеновца стало так сизо, что редкие белые волосы, тщательно причесанные на косой ряд, казались льняными, а глаза голубовато-оловянными. И глаза эти с легкой улыбкой оглядели землемера — кожаную куртку на шитой малорусской рубахе, штаны, заправленные в сапоги, по-цыгански загорелое и волосатое лицо с добрыми блестящими глазами, черную с проседью бороду... Кивнув работнику, державшему под уздцы коренника, помещик ответил:

— Глухая-то глухая, а вот голову кореннику надо опустить.

Но землемер замахал руками.

— Ни боже мой! — поспешно и весело ска-

зал он мягким грудным голосом. — Люблю, грешный человек, с шиком проехать. Вот свернем на дорожку, да и с господом.

— Да и курите же вы! — вставил помещик равнодушно.

— И покурить люблю! — ответил землемер, привычным жестом доставая из бокового кармана камышовый мундштук и старый серебряный портсигар с Московским Кремлем на крышке.

И, быстро крутя папиросу, еще раз оглядел тележку.

Да, все в исправности! Чуйка на сиденье, сундук с причиндалами — под козлами, тренога — сзади. Про лошадей же и говорить нечего. С закрученными в узлы хвостами и с задранной мордой коренника — прямо щеголи: час езды до неба!

— И стало быть, прощения просим! — сказал землемер, сняв белый, пропотевший по околышку картуз и по-военному щелкнув каблуками. — Тысячу рублей денег и детей кучу! Дай, боже, и на лето то же.

Вынул и помещик свой портсигар — плоский, с оранжевым жгутом, с монограммами

вкривь и вкось — и, постукивая мундштуком папиросы о крышку, мутно усмехнулся.

— Живы ли еще будем, господин хороший! — сказал он.

— Что? — воскликнул землемер, поднимая большие черные брови. — Да ни за что не умру! Вы там как себе хотите, а я — пас. Нет на то моего полного согласия.

— Нас с вами не спросят, — сказал помещик.

— А без спросу — это уж не тае... не годится.

— Не годится-то не годится, — сказал помещик, — а признайтесь-ка, потрухиваете небось? Недаром не любите разных там пятниц, понедельников и тому подобного...

Землемер сдвинул кистью руки картуз на затылок и слегка нахмурился.

— По совести сказать, не знаю, — ответил он, глядя в землю. — Боюсь, если говорить правду, всю жизнь — и весьма основательно боюсь. В хоре пел, по покойникам читал, а не привык вот...

— То есть как по покойникам? — спросил помещик. — Разве вы из духовных?

— Отчасти, — сказал землемер. — Дед — дьячок, отец — землемер, а я, верно, в деда. В молодости чуть не всю Библию наизусть знал. Теперь забывать стал...

— Стара стала, слаба стала, — вставил помещик армянским голосом.

— Да нет, — простодушно возразил землемер. — Мне ведь всего сорок пятый. А вот — астма! Помните в Долгом коричневого рогатого черта на алтарной двери? Лежит с высунутым языком, а Гавриил наступил ему на грудь и копьем его... Так вот и смерть: наступит, а ты вывертывайся!

— Ох, какая чертовщина! — прибавил он, закрывая глаза. — Гроб, свечи, венчик... А потом — погост, ночь, холод, темь, лозинки от ветра гудут... А ты лежишь без шапки, в одном сюртучке, весь гнилой, лиловый... Эх, умирать бы по-птичьему, по-звериному!

— Ну, это уж философия, — сказал помещик. — Звери тут ни при чем. Зверь издох — и дело с концом.

— Вот именно! — воскликнул землемер. — Попроще, понимаете, надо! Я, конечно, в этих штуках — как крот в соломе, но что такое

смерть? «Я, Чувиль, веселая...»

Работник, державший лошадей, засмеялся и деликатно отвел глаза в сторону. Засмеялся и помещик.

— Это еще что за Чувиль такой?

— Да сказка такая есть, — ответил землемер с рассеянной улыбкой. — Жил-был, понимаете, какой-то Чувиль, и выросли у него на яблоньке золотые яблоки. Ну конечно, с ума сошел мужик, стережет пуще зеницы ока... И вдруг в одну прекрасную ночь — шась к нему в сад Баба-Яга. Нос крючком, голова сучком, но веселая-развеселая! «Дай яблочка...» Оробел мужик, потрянул яблоньку... «Нет, ты, говорит, из ручки в ручку дай!» И цап его за руку да в лес, в избушку. А в избушке сидят, понимаете, девки ее простоволосые: Аленка и Акулька. Вот Яга и говорит этак беспечно: «Сжарь-ка мне, Аленушка, Чувиля к ужину, а я пока по делу сбегая...» Сейчас Аленка к печке, разжарила ее — чертям тошно, посадила мужика на лопату — и трах в огонь! Да не тут-то было! Уперся мужичишка боком, никак не всунет его Аленка. «Что ж ты, говорит, не лезешь?» — «Да я не умею, — ты научи, как

сесть-то». — «У, дурак, да вот так-то!..» А Чувиль шмыг ее в печь.

— Да и говорун же вы! — сказал помещик. — Вот у нас в полку был некто Шахов, не хуже вас: уморительный субъект.

— Ну-с, — не слушая, продолжал землемер, — та же самая история происходит и с Акулькой...

— Позвольте, — перебил помещик, — я не понимаю: опять, что ли, мужик девку зажарил?

— Ну конечно! — воскликнул землемер. — Да суть-то не в том, а в том, что все-таки добралась Яга до мужика. Посадила на лопату, тащит в печь, да еще и посмеивается: «Уж и легок же ты, мужик!» — «А ты кинь, — говорит мужик, — авось навек не налопаешься!» — «Да мне и лопать-то не хочется...» — «Вот те на! Так чего ж тебе хочется?» — «А поиграть да силу твою попробовать: я ведь, Чувиль, веселая!..»

— Хороша, стерва, веселая! — сказал помещик.

Землемер помолчал, рассеянно глядя в землю, и вдруг засмеялся.

— Действительно! — подхватил он, смеясь и думая о чем-то своем. — Действительно! Есть, знаете, у нас в Долгом лавочник и ростовщик, Иван Павлов... Плут первостатейный, но деликатен — на редкость. Ростом под потолок, сюртук — по щиколки, глаза косые, томные... И вот умирает в прошлом году у нашего попа сын... Является Иван Павлов, краснеет, как девица, и говорит: «Имею честь, батюшка, поздравить с новопреставленным!»

— Это великолепно! — воскликнул помещик. — Имею честь поздравить с новопреставленным!

— Так вот, — докончил землемер, — мне все и лезет в голову: задохнешься ночью, а Иван Павлов войдет этак вежливо, поздоровается со всеми за ручку — и радостно поздравит... Но, однако, пора и честь знать. Доброго здоровья, Николай Николаевич! Спасибо за ласку.

— Прощайте, Егор Гаврилыч, — сказал помещик. — Не забывайте.

— Не прощайте, а до свидания! — шутливо подчеркнул землемер, разбирая вожжи.

И легко вскочил в тележку.

Работник посторонился, и лошади сразу тронули рысью. Помещик посмотрел на широкую и слегка сутулую спину землемера и вдруг, посинев от натуги, заорал не своим голосом:

— Домой!.. Дом-мой, тебе говорят!.. Тишка, лови!

Землемер обернулся и увидал со всех ног бегущего работника. Оказалось, что пегий легаш Кадо выскочил из окна и кинулся следом за тележкой. Но, услышав крик, тотчас же прижался к земле и виновато пополз в сторону.

Землемер посмотрел, как работник ловил собаку за ошейник, и засмеялся, как ребенок.

«Боже, что за чудесный пес!» — подумал он с нежностью.

А лошади уже вынесли тележку мимо картофельных ям и старых ометов в поле.

Последние (восьмая и девятая) главы, исключенные в 1929 году

Вечером на столе горела лампа под абажуром из розовой бумаги и стояла миска со щами. Марья Яковлевна медленно и аккуратно ела, вся поглощенная думами о капусте, а де-

ти щипали друг друга за ноги, вскрикивали от боли, хохотали и хватали друг у друга из тарелок, расплескивая по столу. Землемер, сторбившись, сидел с дымящимся мундштуком в руках и глубоко затягивался.

Возня детей волновала его, и он глядел на них почти с ненавистью. Руки у него дрожали, глаза лихорадочно блестели, темя ломило, сердце трепетало, в груди, где-то глубоко внутри, чесалось... Было похоже на отравление табаком, на угар.

— Я не буду ужинать, — сказал он, вставая, — лягу спать сейчас, вели не шуметь детям...

И затворился в кабинете.

Там он сел в кресло, согнувшись и крепко, с цепкостью сумасшедшего, стиснув ледяными пальцами ручки. Рот его изредка раскрывался, со свистом ловя воздух, блестящие глаза были расширены. Лицо посинело от натуги, и поседевшая бородка казалась страшной.

Потом, собрав все силы, с поднятыми плечами, он стал жечь на свечке селитренную бумагу и жадно втягивать едкий дым ртом и ноздрями.

Стало немного легче, и тогда он поспешил раздеться, дунул на свечку и тотчас же забылся в наступившей темноте.

Но темнота начала сгущаться, чернеть и давить грудь. Он сделал усилие, вздохнул и перевернулся на бок. Черная темнота заколебалась, поплыла, и колокольня, обозначившаяся в ней, стала наклоняться, наклоняться — и вдруг вся рухнула на него. Он барахтался, сиюсь освободиться от сыплющихся на него камней, пыли, известки, — и наконец, глухо, по-животному, заревев всем нутром, раскинул их. Раскинул — и, весь в ледяном поту, с трепещущим сердцем, порывисто сел на постели... Нужно было нашарить в темноте коробку со спичками, поскорее зажечь свечу и закурить черную, пахнущую горящим веником сигару «Эспик»... По крыше шумел проливной дождь, и этот шум, вместе с лихорадочным шумом в ушах, с каждой минутой становился все певучее, наполняясь вызывающими звуками краковяка.

Под утро землемер забылся и, свистя запыхшими бронхами, крепко спал до десяти часов утра. Мирный величавый гул, от кото-

рого нежно дребезжали стекла, слышался ему сквозь сон. Он открыл глаза и понял, что это колокол: было первое октября, престольный праздник в Долгом. Нежно звенящие стекла были матово-голубые, — значит, перед утром был крепкий мороз, чистый легкий воздух, яркое небо... Землемер освежил водой свое точно заплаканное лицо. В доме было тихо, — все были в церкви, — на столе в зале стоял остывший самовар. Землемер выпил стакан теплого чаю и на минутку вышел на крыльцо, — первый раз после болезни.

Боже, какое невыразимое счастье — дышать! Думать, смотреть, двигаться — это дивно, сладко, но дышать... люди даже и представить себе не могут, чего они лишатся, утратив блаженство пить этот божественный напиток жизни!

И, сладостно слабея от душистой свежести, проникавшей до самой глубины наболевшей груди, землемер прислонился к двери.

На крыльце — яркое радостное тепло, из палисадника тянет холодком сырой земли и вялым ароматом гниющих цветов и листьев. Противоположная сторона улицы еще в тени,

и в прозрачном воздухе так близки кажутся голубовато-белые стены мазанок. Ветви лозин за ними уже голы и четко рисуются на чистой лазури... Какой простор сияет теперь за селом, в степи, — на мерзлых кочковатых дорогах, на озимях, над которыми дрожат острые крылья ястребков и кобчиков! Но стоять было трудно, воздух пьянил и резал грудь.

Он повернулся и столкнулся с Василисой, выносившей из дому медный поднос с самоваром и чашками. «Вот здоровье!» — острой завистью мелькнуло у него в голове. Не то кукла, не то истукан какой-то! Черные глаза бессмысленно блестят, лицо сизо от густого румянца и цинковых белил, бордовое шерстяное платье, неуклюже сшитое по моде и надушенное «персидской сиренью», чуть не трещит по швам, в черных волосах краснеет бумажная роза, на шее разноцветные бусы...

— С праздником, барин! — сказала Василиса бойко. — Чуть было не задавила вас!

И ловко захлопнула дверь ногою.

А в зале, на высоком стуле возле стола, сидел Котик, ел с блюдечка яйцо всмятку и таращил глаза, засовывая в рот чайную ложечку.

ку. За столом стояла недавно нанятая нянька, бедная мещанка Пелагея, очень худая и высокая, с длинным лицом, с длинными зубами, в темном старушечьем платье горошком, и говорила печально и рассеянно:

— Вы, батюшка, яичка-то поменьше, а хлебца побольше, — вот и сыты будете...

В одиннадцать пришли из церкви дети и Марья Яковлевна, нарядные, церемонные, — как гости. Марья Яковлевна — в лиловом шелковом платье, маленькой старомодной шляпке; девочки, бледные, некрасивые, — обе в розовом, Павлик, стройный, хорошенький, — в темно-синем суконном костюмчике, похожем на матросский. И только один Павлик вошел в комнату бодро, блестя черными злыми глазками. А девочки и Марья Яковлевна еле двигались.

— Ах, боже мой! — жеманно сказала Марья Яковлевна, поставив в угол зонтик и развязывая под подбородком ленты черной корзиночки, чуть державшейся на макушке ее прилизанной головы с широким пробором.

И девочки, крутя головками, томно повторили в один голос:

— Ах, боже, какая духота была в храме!

— Давайте поскорее обедать, — сказал землемер, чувствуя отвращение ко всему своему дому.

Есть не хотелось, но чем, кроме еды, наполнить долгий праздничный день в этом скучном и противном домишке, где интересен только один черноглазый Павлик?

«Я зол, измучился за ночь», — подумал землемер и с тяжелым камнем на сердце лег в постель.

Но сердце дрожало, замирало, и, как только землемер закрыл глаза, постель полетела в бездну. Он с трудом приподнялся, снял пиджак, ситцевую рубашку и швырнул в угол жаркую лисью курточку. Но и рубашка была противна: еще ни разу не мытая, горячая, с запахом галантерейной лавки. От этого запаха тошнило и ломило голову... Потом поднялся мучительный затяжной кашель с насморком... И замученного землемера охватила страстная жажда смерти, нечеловеческого вздоха, от которого сразу лопнуло бы сердце... С этой жаждой он и забылся.

В три часа он внезапно очнулся, услышав

какую-то возню в зале, и слабо крикнул:

— Кто там?

Но никто не отозвался.

Марья Яковлевна ушла с детьми в гости к становому. Прислуга была за воротами. И в душе вдруг так ясно, так отчетливо слышались резкие ухабистые звуки, хриплые басы и альты аристана, играющего краковяк, что на голове зашевелились волосы. И опять с ужасающей яркостью представилась белая лошадь, вошедшая в темнеющий зал.

«Боже, какой вздор! — подумал землемер, закрывая глаза и силясь освободиться от этого нестерпимо живого образа. — Боже, какое издевательство!»

Вдруг что-то стукнуло. По столу мелькнул длинный хвост большой серой крысы. Землемер затаил дыхание и стал поджидать, что будет дальше.

«Придет или нет? — думал он, дрожа всем телом. — Если придет, значит, нынче конец мне!»

И, не дождавшись, снова заснул глубоким сном. А когда открыл глаза, весь похолодел от страха: в комнате почти темно, тишина гро-

бровая, а крыса стоит на столе на задних лапках, задом к окну, и пристально смотрит на постель... Ушки подняты и розовеют на свет... Значит, конец! Он спал, как спят перед казнью!

И, весь дрожа от страха и холода, землемер уронил голову на подушку.

— Помилуй мя, боже, по велицей милости твоей! — пробормотал он умоляюще-бессильно.

Он представил себе свое детство, младенчество — и почувствовал невыразимую жалость к этому бедному маленькому осленку, неизвестно зачем пришедшему в мир и осмелившемуся мудрствовать. Что ответит ему бог в шуме бури? Он только напомним безумцу его ничтожество, напомним, что пути творца неисповедимы, грозны, радостны, и разверзнет бездну величия своего, скажет только одно: я Сила и Беспощадность. И ужаснет великой красотой проявления этой силы на земле, где от века идет кровавое состязание за каждый глоток воздуха и где беспомощней и несчастней всех — человек.

— Кто сей, омрачающий провидение сло-

вами без смысла? — вспомнил он страшные слова, звучавшие когда-то в шуме бури. — Препояшь ныне чресла свои, как муж: я буду спрашивать, а ты отвечай мне...

— О, какая красота! — сказал землемер, и горячие слезы выступили из-под его ресниц.

— Знаешь ли ты время, когда рождают дикие козы на скалах? Они изгибаются, рождая детей своих, а дети их приходят в силу, растут в поле и не возвращаются к ним. Знаешь ли ты, кто разрешил узы онагру, которому степь я назначил домом, а солончаки жилищем? Захочет ли единорог служить тебе и переночует ли у яслей твоих? Ты ли дал перья и пух страусу? Он оставляет яйца свои на песке и забывает, что полевой зверь может растоптать их. Он жесток к детям своим, как бы не своим...

— Все сила, сила и — звериная свобода! — воскликнул землемер, садясь на постели и почти видя в темноте перед собой свою гибель, свою смерть — белую лошадь с дико-веселым, вызывающим и беспощадным взглядом.

— Храпение ноздрей ее — ужас, — с безумным восторгом вспомнил он стихи о лошади

в книге Иова. — Роеет ногою землю и восхищается силою. В порыве ярости глотает землю и не может устоять при звуке трубы. При звуке трубы издает голос: «Гу! Гу!» — и издалека чувствует битву, громкие голоса вождей и крик...

— А верх путей его! — дерзко и громко, точно в бреду, сказал землемер. — Верх путей его — бык Ивана Павлова... бегемот... левиафан...

— Сила в чреслах бегемота и крепость в мускулах его. Поворачивает хвостом своим, как кедром. Жилы же на бедрах его переплетены. Ноги у него, как медные трубы. Кости у него, как железные прутья. Это — верх путей божиих.

— *Астма Ты*, — сказал землемер, блестящими бешеными глазами глядя в темноту и свистя бронхами.

Ночью в тусклом воздухе кабинета тускло горела лампа. Тяжело пахло холодным дымом сигар и жженой бумаги. Землемер, с опухшим пятнистым лицом, с расширенными черными глазами и густой белой бородой, в разорванной сверху донизу рубашке, полуле-

жал на высоко взбитых подушках. Грудь его, покрытая седеющими курчавыми волосами, была в круглых кровоподтеках: вернувшаяся в десять часов от станowego Марья Яковлевна нашла его без сознания и поставила ему банки, зажигая вату и быстро прикрывая стаканами... Стало легче, и он уговорил Марью Яковлевну идти спать. И в доме, после суматохи и беготни, наступила тишина.

В полночь землемер привстал с постели, потушил лампу и закрыл глаза в смертельной жажде отдыха. Но лампа внезапно зажглась снова — сама собою. От страха у землемера опять заколотилось сердце, и он опять пошел тушить ее. И увидел, что он в людном дымном вагоне, бегущем среди зыбких снежных полей, — лежит на диване и смотрит на кавалериста-офицера, сидящего напротив. Офицер молод, красив и крепко-крепко затянут в рейтузы и смешно короткий китель. Глаза у него блестят, губы яркие, короткие курчавые волосы черны как смоль. Усики маленькие, нахальные. И, нахально наклоняясь к землемеру, офицер глухо кричит ему на ухо: — Вы все-таки счастливец! Скоро приеде-

те!

И, наклоняясь все ниже и ниже и чувствуя, что землемер почти не слышит его, кричит еще громче и еще невнятнее:

— А надо вам сказать, что я безумно люблю свою жену...

Но землемер с отчаянием чувствует, что не слышит его. По лицу офицера видно, что он кричит, — но голоса не слышно. И, задыхаясь от напряжения, землемер вскочил и побежал к воротам скотного двора, упал на землю и нырнул в подворотню, но ворота тотчас же осели — и стопудовой тяжестью притиснули его к земле. Он крикнул и сделал нечеловеческое усилие освободиться... И, вскочив с постели, кинулся к окну, за которым белел рассвет, и с размаху ударил ладонью в раму. Рама распахнулась, в комнату ворвался свежий сырой воздух, но землемер не успел глотнуть его: он упал в кресло и так и остался на месте с закинутой назад головой, выкатившимися белками и раскрытыми посиневшими губами... И долго тянуло в эти раскрытые губы холодной пахучей сыростью ненастного осеннего рассвета...

А в полдень, когда землемер уже спокойно лежал на столе, на сене, застланном простынею, вымытый, причесанный, в сюртуке и крахмальной рубашке, в зал на цыпочках вошел Иван Павлов, поклонился ему до земли, поцеловал в ледяной лоб, в лиловатые выпуклости закрытых глаз и, увидав выходящую из кабинета заплаканную Марью Яковлевну, вежливо, кротко и радостно сказал:

— Имею честь поздравить с новопреставленным.

(Полное собрание сочинений, т. 4, с. 49–53, 70–76).

Маленький роман

Последняя глава, исключенная в 1926 году

Были зимне-весенние сумерки, только что началось таять. Я вышел из села, перешел железную дорогу, вскинул ружье на плечи и пошел целиком.

За Каменкой я сбежал с горы в луга, к нашему лесочку «Ключики». Хотелось сделать что-нибудь необыкновенное, и, дойдя до караулки, я постучал в окошечко. Вышел Сибирка, рябой, широкогрудый и приземистый мужик в косматой волчьей шапке.

— Вот, Сибирка, — сказал я ни с того ни с сего, — получил я нынче письмо: помер один мой приятель. Дома скука, хочу у тебя переночевать.

Сибирка потрянул шапкой, зорко глянул мне на ноги.

— Что ж, — сказал он, — царство небесное, вечный покой. Все померем, да не в одно время.

И сейчас же попросился домой сбегать, ре-

бятишек проведать.

Я согласился и прибавил:

— Ехал я домой, Сибирка, было мне вроде как восемнадцать лет. А теперь мне сорок.

— Горе-то хушь кого смотает, — отозвался Сибирка. И, кивнув головой, зашагал по темной тропинке, убегавшей в дубняк, по оврагам.

Скоро его коротконогая фигура слилась вдаль с сумраком, скрылась за изгородью пустого пчельника в разлужье, где из снега торчали ульи, прикрытые корой и похожие на грибы. И такая тишина была в теплом зимнем воздухе, что хотелось закрыть глаза и стоять так долго, долго... И неподвижно сидели и сонно жмурились у ног моих собаки — черный в белом жилете Цыган и остромордый рыжий Волчок в своей пушистой шубке.

Стал падать снежок, вывел меня из оцепенения, — и мрачно взглянула на меня пустая изба, когда я отворил ее тяжелую, потную дверь. Низкая, просторная, с маленькими окошечками и огромной широкоплечей печью, она производила впечатление жилища почти дикого. Дубки уже гудели в белесой темноте

за нею. Возвращалась зима. И когда я зажег в печи лучины, поставил на них таганчик и чугунок с водою и вышел в сени за хворостом, навстречу мне понесло свежестью метели. Нервно хотелось работать, и, прозябнув в сенях, я с наслаждением вбежал опять в избу и крепко прихлопнул ее черную, липкую дверь.

Изба наполнялась душистым запахом сырых дубовых дров, сказочно была озарена яркой пастью печки. Длинные оранжево-красные языки вырывались из нее, — дрожа, переплетаясь, бежали и лизали устье, и стены, покрытые сажей от топки по-курному, трепетно блестели, как смоляные. Черно-бархатная кошка примостилась на конце широкой лавки у загнетки, ежилась, мурлыкала и жмурилась. Красный голенастый петух, разбуженный огнем, тупо бродил по соломе в теплом кругу света. А из-под лавки зелеными самоцветами вспыхивали иногда глаза Волчка.

Чугун с кулешом меж тем нагревался. Он уже шипел и запевал задумчивыми жалобными голосами. Дикой красотой старой русской сказки притягивала к себе широкая яркоцветная игра пламени. И, присев на дубовый обру-

бок среди полутемной избы, я долго смотрел на бегущие оранжевые ленты.

— Умерла! — говорил я себе — и, вздрагивая, смеялся. Черный хлеб был липок, как замазка, от чугуна воняло

салом, но ел я с жадностью. Свет замирающего пламени дрожал под низким потолком, озарял то окно, то покоробленную доску иконы, стоявшей в переднем углу на лавке. Образ был суздальский, большие косые глаза кого-то, похожего на Будду, были страшны в этом мерцании... Страшны пути твои, господи!

Я настелил на лавке соломы, кликнул в избу Цыгана, кинул в изголовье полушубок... Собаки подошли, посмотрели и, с визгом зевая, легли... И все вокруг стало тихо и печально.

Чтобы не угореть, я не закрыл трубы и не задвинул печку заслонкой. Дрова прогорели, свет медленно меркнул. На мгновение в сумраке у дверей мне померещилась высокая темная фигура...

— Цыган! — слабо крикнул я, приподнявшись, с застучавшим сердцем.

Цыган перекошил и насторожил ухо. Насторожился и Волчок. Однако, прислушавшись, оба поглядели на меня и успокоились. «Спи, никого нет», — сказали мне эти взгляды.

Но красноватая темнота все сгущалась. На мгновение со страшной живостью увидел я ее на лавке против печки. Она была в короткой юбке, свет углей освещал ее ноги. Приподняв руки, она поправляла волосы и, ласково глядя мне в лицо, беззвучно смеялась... Нежность, боль и ужас охватили меня...

Темнота подошла к устью, и последний уголек на загнетке глядел на нее, подобно закрывающемуся глазу. Вот и он померк... Ветер шуршал по завалинке, заносил снегом окошечки. Окошечки тускло серели... Кто-то подошел и заглянул в одно из них... Чья-то высокая тень промелькнула и скрылась...

Я знал: это оборвавшаяся притуга. Но тяжело и страшно было мне, как в могиле. То, что так радостно сыпало дождем сквозь солнце под Москвою, что так вольно звало вдаль над Ляй-Лю, теперь смотрело в окошечко таким тусклым, тусклым оком!

(Полное собрание сочинений, т. 4, с. 89–91).

Птицы небесные

Последняя глава, исключенная в 1927 году

Лежало оно вниз лицом. Подняли его в тот же день, в обед. Но какой-то зверек уже успел изгрызть ему шею.

Станового оно дожидалось в холодной избе старосты. Постелили на полу соломки — и положили...

Закопали просто и равнодушно.

Взглянуть на него студент не решался. Пошел только к выносу, к церкви. Опять был морозный ясный вечер, опять блестел крест в зеленоватом небе. На крыльце сторожки, возле ворот церковной ограды, без шапки стоял лысый сторож, георгиевский кавалер, и с азартом в сотый раз рассказывал студенту о том, как он был под «Кискинтинополем».

— А боялся ты на войне? — спросил студент. — Смерти-то боишься?

— Смерти-то? Чего ж ее бояться? Двум смертям не бывать, одной не миновать! — бойко ответил сторож.

— Эко-ся! — сказал студент, подделываясь под его тон. — А ну-ка да нет там ничего, — на том свете-то?

Сторож подумал, хитрыми глазами глядя в землю. И вдруг быстро и восторженно срезал его:

— Так. А кто ж колчег-то строил?

Студент опешил. «Какой такой колчег? Ковчег, что ли?» — хотел спросить он.

Но сторож уже заметил, что срезал.

— Вот то-то и оно-то! — воскликнул он восторженно.

«Дикарь!» — подумал студент с сердцем и отвернулся.

Наконец показалась небольшая толпа: несколько человек, без шапок, низко несли на полотенцах огромный тесовый гроб. Ударили в колокол. Подкатили козырьки с высоким и сутулым дьяконом и седобородым попом в теплой скуфье.

— Поживей, ребятушки, поживей! — бодро крикнул поп, выпрастывая из козырьков ногу в большой калоше.

И тащившие гроб почти бегом, спотыкаясь под тяжестью, дружной толпой кинулись в

ворота среди девок и мальчишек. Студент, с застучавшим сердцем, приподнял картуз и покосился на коленкор, закрывавший лицо этого странного, всем чуждого покойника.

Вдруг из-под горы показался мужик, лохматый, тоже с раскрытой головой, — с детским гробиком под мышкой. Он бежал и весь сиял от радости.

— Разрешил! — крикнул он сторожу и, добежав до церковной ограды, остановился перевести дух. — Дьякон было уперся, а батюшка и слова не сказал!

Сторож хлопнул себя по ляжкам и вытаращил слезящиеся глаза.

— Да что ты? Ну, значит, магарыч! Только что ж ты, дурак, с гробом-то бегал?

Мужик заволновался.

— Чудак человек! Да ты ж сам болтал, — не велит, мол, батюшка без спросу в церковь ставить... Да и тяжести-то всего два фунта.

— А в чем дело? — спросил студент.

— Да в том дело, что уж очень ловко линия мне вышла, — радостно сказал мужик. — То бы мне, значит, для девчонки-то могилку рыть, да батюшку, али, скажем, хоть отца дья-

кона тревожить, да то, да се, а тут так ловко вышло, что поставлю я ее с господом на этого самого странничка — и шабаш!

— Ну вот, к тому я и говорю, — перебил сторож. — К тому и веду, что магарыч с тебя на радостях.

— За мной, брат, не пропадет, — пробормотал мужик, поворачиваясь к воротам.

Долго казалась студенту странной безымянная могила, выросшая на погосте за церковью. Все вспоминались высокий костыль, черные глаза, прядь длинных волос. Хотелось написать рассказ... Но ведь столько уже написано об этих замерзающих! Хотелось озаглавить зло и резко: «Дикари». Но дикари ли? Да и смущал, трогал детский гробик, случайно попавший в эту могилу, на чей-то бестолково-огромный, всем чужой гроб... Разве это выразишь?

(Полное собрание сочинений, т. 4, с. 97–99).

Проза Бунина 1887–1909 ГОДОВ

Второй том настоящего Собрания сочинений включает в себя прозу И. А. Бунина, созданную в первые двадцать лет его литературной деятельности, от ранних опытов до рассказов 90-х и начала 900-х годов, уже совершенно зрелых, предвосхищающих проблематику и художественные искания позднейшего творчества.

Бунинский талант сформировался в очень «почвенной» обстановке провинциальной усадьбы, на Орловщине, испытывая сильное воздействие дворянско-сословных традиций, воспоминаний о былом величии столбового рода, и, одновременно, в близости к природе, ее деревенской, лесной и полевой жизни. Бунин сизмальства мечтал о полудворянском-полукрестьянском здоровом быте, полнокровном и естественном, когда круговорот природы подчиняет себе полевые работы, праздники, досуг. Горькая бедность ударила по таким мечтаниям. А более трезвый взгляд

на деревенскую жизнь очень скоро лишил ее идиллического покрова.

Покинув девятнадцатилетним юношей обнищавшее родовое гнездо, по словам матери, «с одним крестом на груди», Бунин, словно перекати-поле, кочует по России: он корректор, статистик, библиотекарь и даже владелец книжной лавки. И, меняя одну жалкую должность на другую, он, по собственному признанию, «вольнодумец, вполне равнодушный не только к своей голубой крови, но и к полной утрате всего того, что было связано с нею» («Автобиографическая заметка» — см. т. 6 наст. изд.).

Его ранние произведения — очерки и рассказы, художественно еще несовершенные («Нефедка», «День за днем», «„Шаман“ и Мотыка», «Мелкопоместные», «Помещик Воргольский», «В деревне» и т. д.), — проникнуты демократическими настроениями.

Не следует, впрочем, преувеличивать самостоятельного значения ряда ранних опытов Бунина. Что представляют собой хотя бы его «Мелкопоместные» (1891)? Это непритязательные бытовые зарисовки, с иронией опи-

сывающие хорошо знакомую Бунину среду провинциального небогатого дворянства. Капитон Николаевич Шахов и его супруга Софья Ивановна, их приятель — елецкий чиновник Иван Иванович, родственник Шаховых Яков Савельевич Матвеев, руина «старого доброго времени» — соседка Мария Львовна Кубекова, отставной улан Нил Лукьянович Бебутов, наконец, «настоящий» помещик Алексей Михайлович Каратаев, «картавый», как называли таких мелкопоместные, — все это картинки с натуры, написанные к тому же «очень отрывочно» (письмо Бунина к В. В. Пащенко 5 января 1892 года). В «Мелкопоместных», равно как и в откровенно святочном рассказе «Нефедка», в очерках «Помещик Воргольский», «„Шаман“ и Мотька», «День за днем» и других, хотя и обнаруживается наблюдательность, живость, литературная одаренность автора, — все же трудно предугадать того зрелого мастера, почерк которого заметен уже в произведениях конца 1890-х — начала 1900-х годов. Недаром Бунин вспоминал позднее в «Автобиографической заметке» (1915): «Сам чувствуя свой рост и в силу многих душевных

переломов, уничтожал я тогда то немногое, что писал прозой, беспощадно».

Но, отмечая ограниченность, художественную незрелость ранних рассказов и очерков (или юношеских стихов, таких, например, как написанный «под Никитина» «Деревенский нищий»), было бы ошибкой отрицать благотворность самого воздействия демократических идей, гражданственных и критических традиций русской литературы на молодого Бунина. Особенно важным и плодотворным было влияние старшего брата Юлия Алексеевича. Прекрасно образованный, с большим жизненным опытом, он в семье противостоял воспитанию в юном Бунине сословной гордости. В молодости Юлий Алексеевич был народовольцем, подвергался репрессиям (позднее революционные убеждения, правда, поблекли, и он стал умеренным деятелем народнического толка). Всю жизнь старший брат оставался наиболее близким человеком, которому И. Бунин исповедовался в самом потаенном и интимном. Нет сомнения в том, что Ю. Бунин заметно воздействовал на брата, стремясь развить в нем граж-

данские и вольнолюбивые устремления.

Естественно, что наибольшее воздействие на «жизненный состав» писателя оказали те демократические традиции русской литературы и общественной мысли, которые были близки его индивидуальному, живому опыту. С юности он испытал, наряду с культом «чистых», «дворянских» лириков, сильнейшее тяготение к писателям из самой народной гущи. Характерен отбор имен в его ранних критических опытах — поэт-самоучка Е. Назаров (1888), Н. Успенский (1889, 1890 и 1892), Т. Шевченко (1891), И. Никитин (1894) и т. д. Примечательно и то, под каким углом оценивает их роль молодой Бунин. Связь с народом, с природой, с «землей» — вот что, по его мнению, является главной предпосылкой в развитии всякого истинного литературного дарования, ибо все это «люди, крепко связанные с своей почвой, с своею землею, получающие от нее свою мощь и крепость. Так был связан с нею и Никитин, и от нее был силен в жизни и творчестве» («Памяти сильного человека» — см. т. 6 наст. изд.). И когда позднее Бунин не без гордости заявляет: «Все предки

мои были связаны с народом, с землей...» («Из предисловия к французскому изданию „Господина из Сан-Франциско“» — см.: Бунин И. А. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 9. М., 1967), — он почти дословно повторяет слова своей юношеской статьи о «сильном человеке» Никитине.

В такой оценке отразилась живая, не книжная связь нищего «барчука» Бунина с деревенским бытом, трудом, досугом, с крестьянской эстетикой. По сути, он был ближе к крестьянству и лучше понимал его, чем многие народнические интеллигенты, один из которых, Скабичевский, так возмутил Бунина своим равнодушным признанием, что «за всю свою жизнь не видал, как растет рожь, и ни с одним мужиком не разговаривал». Сам Бунин не только «видал», как растет рожь, — он рос вместе с нею, проводя детство «в глубочайшей полевой тишине», «среди хлебов, подступавших к самым нашим порогам». Близость к природе, сопричастность деревенской жизни, ее трудовым интересам, ее эстетике не могли не отразиться на формировании литературных вкусов и пристрастий Бунина, на его позднейшем «противостоянии» модным

городским «измам». Эти мощные тяготения сказались и в исканиях его молодости.

Бунин ищет пути близкой к природе жизни. В 1892 году мы застаем его в Полтаве, где, захваченный идеями опрощения, он хаживает к «братьям» — толстовцам, в качестве не то послушника, не то «попутчика». Он проходит пока что не школу толстовского реализма, а курс бондарного ремесла у Фейнермана-Тенеромо и всерьез подумывает о жизни «без соблазнов», ищет в учении яснополянского отшельника ответ на вопросы бытия, пытается обрести смысл жизни. Однако очень скоро Бунин понимает, что попытки толстовцев механически отсечь прежние «интеллигентские», «городские», «господские» привычки и наново перестроить себя оборачиваются вымученным, фальшивым «счастьем» (рассказ «В августе»). Бессмысленное подвижничество толстовца не способно, оказывается, приблизить человека к искомой гармонии.

Бунин особенно ясно понял это, так как сызмальства обладал чувством слитности с природой, ощущением сопричастности всему живому. Судя уже по его самым ранним лите-

ратурным опытом, и в стихах и в прозе, можно заметить, что Бунина-художника глубоко ранит контраст между великолепием бессмертной природы и жалкостью снующего по лику ее деревенского человека — с его социальными невзгодами, скорым физическим увяданием, скудной духовностью. Зачем он живет? Молодой писатель начинает разгадку жизни с «конца»: рассказывает не о своих ровесниках, а о стариках, отшагавших большую часть пути. Двадцати лет пишет о больной побирушке, изгнанной родичами помирать в поле, на ботве, под осенним дождем («Федосевна»). Но что это, случайный эпизод в его творчестве? Казалось бы, молодой человек должен откликаться на иные, злободневные запросы, ощущать приливы хотя бы возрастного оптимизма. Однако Бунин не перестанно тянет заглянуть за горизонт жизни (подобно тому, как мальчиком он безуспешно стремился «заглянуть» за зеркало). Он стремится решить для себя «вечные», «первородные» проблемы, которые неотступно тревожат его с отрочества и до конца пути. Хотя решить их, как признает он, невозможно: «И от попыток

моих разгадать жизнь останется один след: царапина на стекле, намазанном ртутью» («У истока дней», 1906).

Бунин обращается к героям, находящимся у последней черты жизни, — старому барину Павлу Антоновичу («Танька», 1892), мучимому своей ненужностью деду Кастрюку («Кастрюк», 1892), одинокому мелкопоместному пожилому «фантазеру» Капитону Ивановичу («На хуторе», 1892), жалкому и трогательному «степняку» Якову Петровичу, доживающему свой век бобылем («В поле», 1895), старику-караульщику Кукушке, замерзшему на лугу («Кукушка», 1898), и т. д. В чем смысл существования этих людей? Зачем они появились на свет и куда исчезнут? «Как же это так? — рассуждает Капитон Иванович. — Будет все по-прежнему, будет садиться солнце, будут мужики с перевернутыми сохами ехать с поля... будут зори в рабочую пору, а я ничего этого не увижу, да не только не увижу — меня совсем не будет! И хоть тысяча лет пройдет — я никогда не появлюсь на свете, никогда не приду и не сяду на этом бугре! Где же я буду?» Уже в этих размышлениях молодого писателя

предвосхищены позднейшие лирические отступления «Жизни Арсеньева», «Освобождения Толстого», религиозной публицистики.

Раннее самоопределение Бунина-художника было следствием его необычайной целеустремленности, верности раз и навсегда выбранному пути. О поисках смысла бытия, об углубленном самопознании как пути познания жизни несколько символично говорится в рассказе «Перевал» (1892–1898), изображающем путника, упрямо бредущего ночными кручами: «Иди, иди. Будем брести, пока не свалимся. Сколько уже было в моей жизни этих трудных и одиноких перевалов! Как ночь, надвигались на меня горести, страдания, болезни, измены любимых и горькие обиды дружбы — и наступал час разлуки со всем, с чем сроднился. И, скрепивши сердце, опять брал я в руки свой страннический посох». Однако эта ранняя приуготовленность к своему призванию, равно как и быстро определившийся круг излюбленных тем, понятно, не означали, что бунинское творчество было восхождением по прямой. Та удивительная ровность мастерства, какой отмечены зрелые

произведения, была достигнута гораздо позднее, когда выковалась цельная реалистическая система. Теперь же, в течение всех 90-х годов, бунинское творчество, при единстве миросозерцания, отличается крайней художественной неравноценностью. Вслед за юношеским рассказом «Федосевна», рисующим крестьянскую душу в «беспощадных» традициях русского реализма, появляется вялый очерк «Мелкопоместные», мало чем отличающийся от бесхитростных зарисовок, скажем, тургеневского эпигона И. А. Салова и вообще от бытовых очерков начала века, наводнявших подвалы «Орловского вестника» и «Полтавских ведомостей». Рядом с крепким рассказом об одном из «последних могикан» дворянства — «В поле» — мы видим наивную романтическую легенду «Велга» (1895), рассказ о девушке, гибнущей ради спасения любимого. И даже позднее, уже на гребне века, одновременно с такими шедеврами, как «Антоновские яблоки», Бунин создает грешащие красотью миниатюры — «Поздней ночью» (1899) или «Новый год» (1901). Наибольшей художественной силы, как видно, он добивал-

ся там, где реалистическая изобразительность находилась в ладу с объектом, по-родному близким писателю, где в контрастном сопоставлении с природой появляется деревенский человек, шире — вся крестьянская Россия, немотная, грубо первобытная, не ведающая, что будет завтра.

Движение Бунина-про заика от середины 90-х к началу 900-х годов проявляется прежде всего в расширении масштабности, кругозора, в переходе от наблюдений над отдельными судьбами крестьян или мелкопоместных к обобщающим размышлениям. Так, очерковые зарисовки косной жизни, в которую во-рвалась новая дорога — «чугунка», перерастают в раздумья о целой стране и ее «унылом леском народе»:

«На платформах стоят люди из этих деревушек, — несколько нищих в рваных полушубках, лохмотьях, с простуженными горлами, но таких смиренных и с такими чистыми, почти детскими глазами... И, тупо глядя на поезд, они тоже как бы говорят ему своими взглядами:

— Делайте как знаете, — нам податься

некуда. А что из этого выйдет, мы не знаем.

Гляжу и я на этот молодой, замученный народ... На великую пустыню России медленно сходит долгая и молчаливая ночь...» («Новая дорога»).

Вблизи грандиозной и таинственной мистерии природы, с немолчным гулом сосен и кротким мерцанием звезд, скоротечная жизнь деревенского человека предстает в особенно резком пересечении черт чистой простоты, первозданности и жалкости, почти постыдной убогости, внеисторизма («древляне, татарщина» — «Мелитон»; «совсем дикарская деревушка» — «Сосны»).

Выхода из этих противоречий Бунин не видит. Его симпатии обращены вспять, в патриархальное прошлое, когда, если верить писателю, «склад средней дворянской жизни... имел много общего со складом богатой мужицкой жизни по своей домовитости и сельскому старосветскому благополучию». Если «Новая дорога» или «Сосны» — это думы о крестьянской Руси, то «Антоновские яблоки» (откуда приведена эта цитата) — размышление о судьбе помещного дворянства.

Показательно, что критика, отмечая художественное совершенство лучших рассказов молодого Бунина, именно в них находила приверженность писателя к «старобарской складке поэтических наклонностей», как выразился, разбирая «Антоновские яблоки», Ч. Ветринский[19]. А вот свидетельства таких зорких современников Бунина, как Чехов и Горький. Прочитав те же «Антоновские яблоки», Горький писал Бунину из Нижнего Новгорода в ноябре 1900 года: «Это — хорошо. Тут Иван Бунин, как молодой бог, спел. Красиво, сочно, задушевно. Нет, хорошо, когда природа создает человека дворянином, хорошо!»[20] «Мы похожи с вами, как борзая на гончую, — говорил Бунину Чехов. — Я не мог бы ни одного слова украсть у вас. Вы резче меня. Вы вон пишете: „море пахнет арбузом“... Это чудесно, а я бы ни за что так не сказал. Вы же дворянин, последний из „ста русских литераторов“, а я мещанин — „и горжусь этим“...» («Из записной книжки» — см.: Бунин И. А. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 9. М., 1967). Конечно, не следует понимать буквально слова Горького и Чехова: природа бунинской социальной

двойственности — одновременно и тяготение к дворянским традициям, и отталкивание от них.

На пепелищах помещичьих гнезд, где растет глухая крапива и лопух, среди вырубленных липовых аллей и вишневых садов сладкой печалью сжимается сердце автора. «Но усадьба, усадьба! Целая поэма запустения!» — вот именно «поэмами запустения» можно назвать и «Антоновские яблоки», и «Золотое дно», и «Эпитафию». Художник необычайной искренности, Бунин накрепко привязан к родной, «почвенной» тематике. Чисто писательская способность жить мыслями и привычками любого, самого далекого ему персонажа, столь развитая у позднего Бунина, теперь еще ограничена психологией, над которой «безмерно велика власть воспоминаний». Ранняя проза обладает характерной особенностью: она бесфабульна. Бунинские рассказы этих лет, за малым исключением (рассказ «На даче», с его развернутой фабулой, или «Учитель» не отнесешь к лучшим созданиям писателя), — это наплывающие, сменяющие друг друга впечатления, цепь картин, спаян-

ных единым поэтическим дыханием. Такая особенность обусловлена отчасти тем, что еще не перерезана пуповина, скрепившая прозу Бунина с его лирической поэзией. Позднее проза сама будет влиять на поэзию, принося в нее эпическое начало. Теперь же некоторые рассказы могут служить своеобразным комментарием к бунинским стихам. Недаром в это время критики разных направлений (С. Глаголь, Ю. Айхенвальд, П. Коган, Ч. Встринский и др.) называют Бунина-поэта раньше, чем Бунина-прозаика.

В бунинской лирике, помимо ее самостоятельной ценности, можно найти объяснение и некоторым важным особенностям прозы, с ее музыкальностью, ритмикой, плотным, «парчовым» языком. Правда, реалист Бунин был не одинок в стремлении метафоризировать прозу, насытить ее поэтической образностью и ритмизировать. Этим занимались, в частности, русские символисты — А. Белый и К. Бальмонт. Автор «Серебряного голубя» и «Петербурга» во многом стремился идти от Гоголя (которому он посвятил специальное исследование), от его дерзкой, красочной, му-

зыкальной прозы. И все же многие произведения Андрея Белого остались, по существу, лабораторными опытами. Он расшатывал самую основу жанра, сводя прозу с поэзией, насыщая свои романы и повести всякого рода инверсиями, поэтически неожиданными метафорами или, наконец, прямо ритмизируя прозу.

Гоголю многим был обязан и Бунин — от «Новой дороги» до «Жизни Арсеньева». Он тоже стремился сблизить прозу с поэзией и даже охотно заимствовал из собственных стихов целые обороты и выражения. Не ритмизируя, подобно Белому, прозу, Бунин вводил в ее ткань подчас готовые, пришедшие из поэзии и сложившиеся там художественные формулы. (Так, в стихотворении 1896 года «Родина» строчки «Небо мертвенно-свинцово» и «туман молочно-синий» предвосхищают в близком тематическом рассказе «Новая дорога» выражение «молочно-свинцовый туман» — как бы сращение тех же метафор.) Проза постепенно обретала особенный лаконизм и сгущенность слова. И «Сосны», и «Антоновские яблоки», и «Новая дорога», и «Золо-

тое дно» поражают меткостью деталей, смелостью уподоблений, художественной концентрированностью. Вспомним только молодую старостицу из «Антоновских яблок», важную, как «холмогорская корова». А какое сочетание ароматов в этом рассказе: «ржаной аромат новой соломы и мякины», «душистый дым вишневых сучьев», «крепкий запах грибной сырости», и тут же другие: «старой мебели красного дерева, сушеного липового цвета» и главный аромат, создающий цельное настроение этой новеллы, — «антоновских яблок, запаха меда и осенней свежести».

Проза обрела не только новую лексику, компактность и взвешенность. Она подчинилась внутренней мелодике, музыке. Бунин стремился, говоря словами его любимого Флобера, «придать прозе ритм стиха, оставляя прозу прозой». Примечательно, что сам он видел в своих исканиях ритма прозы как бы продолжение стихотворчества. В дневнике племянника писателя, Н. А. Пушешникова, занесено признание Бунина: «Я, вероятно, все-таки рожден стихотворцем... Тургенев тоже был стихотворец прежде всего... Для него

главное в рассказе был звук, а все остальное — это так. Для меня главное — это найти звук. Как только я его нашел — все остальное дается само собой. Я уже знаю, что дело кончено»[21].

Воздействие лирического начала проявляется и в том, что у Бунина не встретишь опосредствованного изображения событий. Кто бы ни был действующим лицом в рассказе, все равно ясно ощущаешь, что великолепные наблюдения сделаны самим автором, и только им. А вот и конечная клеточка прозы — слово. Обычное, общеупотребительное, но сочлененное с другими — из «высокого штиля», оно вдруг обретает утраченную было ранее свежесть, звучит громко, запоминающе: «Вдали на базарах восторженно рыдает осел» (сравните в стихах — «*томно псы голодные запели*»), или «коровы идут медленно, с женственной неловкостью». Для Бунина типичны такие обороты, как «*мраморный обмылок*», «*нити стекловидных слюней*», «*тройной клубничный нос*» или «осенние накатанные дороги, тугие, похожие на лиловую резину, иссеченные шипами подков и блестящие под

солнцем слепящей золотой полосой».

Как художник Бунин выростал последовательно и целеустремленно, подчиняясь внутренним, глубоко личностным влечениям и минуя «навьи тропы» отечественного декаданса. Цельность бунинской личности, прочные традиции, приверженность к «первородной» проблематике — все это оградило его творчество от кризисов и метаний. И в пору общественного подъема 90-х годов XIX века, вызвавшего к жизни молодого М. Горького, породившего «Молох» Куприна, очерки В. Вересаева и А. Серафимовича, и в пору предреволюционной обстановки начала 900-х годов, и в годы последовавшей затем реакции Бунин сохранил верность своей излюбленной проблематике. В центре его внимания все те же «усадыба» и «деревня». Общественная тематика выступает у него то в форме контраста между положением полунищей крестьянской девочки и помещичьих дочерей, развлекающихся в далекой Флоренции («Танька»), то в описании мытарств крестьян, гонимых нуждой («На чужой стороне», «На край света»), то в изображении «сельскохозяйственно-

го общества», занятого скучными рассуждениями, в то время как в деревне мужики мрут от голодного тифа («Вести с родины»).

Ощущение близких перемен пронизывает рассказ «Сны» (1903): в вагоне третьего класса рассказчик слышит разговор мужиков о чудесном видении старичка-священника, к которому — в ответ на его жалобу: «Дюже везде горя много, и ужли никакой тому перемены не буде?» — ночью в церкви являются три чочета — красный, белый, черный, а очутившийся подле него таинственный монашек вещает «ба-альшие дела». О каких «делах» идет речь, автор сказать не может, так как его замечает рыжий мужик со «злыми» глазами: «Не господское это дело мужицкие побаски слушать». Но прозрачен аллегорический смысл рассказа с призраком «красного петуха», который скоро загуляет по господским усадьбам.

Рассказ «Сны», опубликованный в первом сборнике «Знания» за 1903 год, является одним из примеров того, что в 900-е годы Бунин был близок демократическому крылу литературы. Он участник телешовских «Сред», мос-

ковского кружка, нашедшего себе печатную трибуну в петербургском книгоиздательстве «Знание». С 1900 года фактическим руководителем издательства стал М. Горький, сделавший много для консолидации реалистических сил. «Горький объединял вокруг издательства и сборников „Знание“, — замечал К. Федин, — сильный коллектив русских прозаиков, среди них были Бунин, Куприн. Опорой всего направления оставалась демократическая аудитория интеллигенции и передового городского пролетариата. Реалисты составляли ряды органического противника символизма как в области эстетики, так и политически»[22]. Среди «знаниевцев» в начале 900-х годов, помимо Горького и Телешова, мы встретим имена Вересаева, Куприна, Чирикова, Скитальца, Андреева, Серафимовича, Найденова и т. д. В 1902 году в «Знании» выходит первый том «Рассказов» Бунина, а затем — несколько книг стихов, составивших вместе с прозой пятитомное собрание его произведений.

Ориентируясь все эти годы на издательство «Знание», Бунин тем не менее занима-

ет свою, особую позицию. Ему чужды, даже враждебны декаденты, но и среди «знаниевцев» он, так сказать, «попутчик», союзник. Бунин обильно печатается в горьковском «Знании» и одновременно издается в символистском «Скорпионе», альманахе «Северные цветы», а позднее предоставляет свои произведения в сборники с явным уклоном в декаданс — «Шиповник» или арцыбашевскую «Землю». Разумеется, с демократическим лагерем его связи, даже чисто человеческие, куда крепче и серьезнее, чем с символистами (как зло изобразит он в позднейших «Воспоминаниях» своих братьев по эмиграции Бальмонта, З. Гиппиус, Минского). Не говоря уже о дружбе с Чеховым, в 900-е годы товарищеские отношения связывают его с М. Горьким, он приятельски близок с драматургом Найденовым, длительная, хотя и неровная дружба возникла у него с Куприным. И все же, как правило, связи эти не достигают степени духовного братства.

Бунина отделял от «знаниевцев» его почти демонстративный аполитизм, временами даже заставлявший Горького сомневаться в це-

лесообразности печатания бунинских произведений. «Я все думаю, — писал Горький Пятницкому в ноябре 1901 года, — следует ли „Знанию“ ставить свою марку на произведениях индифферентных людей? Хорошо пахнут „Антоновские яблоки“ — да! — но — они пахнут отнюдь не демократично... Ах, Бунин! И хочется, и колется, и эстетика болит, и логика не велит!» [23] Если Горькому не по нраву был аполитизм Бунина, то Бунину, в свою очередь, претила гражданская активность Горького, его позиция общественного трибуна.

Однако, не обладая передовым мировоззрением, не откликаясь на жгучие проблемы, на злобу дня, Бунин, испытавший сильное давление сословно-дворянских предрассудков, в то же время куда меньше зависел в своем творчестве непосредственно от перемен общественной обстановки, чем многие его собратья по литературному цеху, мелкобуржуазные писатели-демократы. В пору реакции, когда настала «ночь после битвы» (Боровский) и большинство «знаниевцев» — Леонид Андреев, Юшкевич, Айзман, Гусев-Оренбург-

ский и т. д. — изменили своему знамени, Бунин продолжает свою излюбленную проблематику, размышляет у черты, отделяющей жизнь от смерти («Белая лошадь», 1907; «Птицы небесные», 1909), и запечатлевает солнечный удар страсти («Маленький роман», 1909), прослеживает тончайшие переливы чувства, декристаллизацию любви («Заря всю ночь», 1902), обращается и к далеким воспоминаниям детства («У истока дней», 1906). «Только Бунин верен себе» — эти слова Горького из его письма к Чирикову (март 1907 года) наглядно иллюстрируют, сколь высоко ценил он устойчивость бунинского реализма в период «литературного распада».

«Милый мой, славный мой друг, — пишет Горький Бунину с Капри в начале 1911 года, — поистине надо иметь душу каменную, чтобы жить в эти проклятые черные дни, когда торгуют Толстым и Федор Шаляпин, гений народный, становится на колени перед Николаем Романовым, бездарнейшим из людей. Погибает Куприн и Леонид <Л. Андреев. — Ред.>, видимо, сходит с ума...»[24] Горячо переживая отход от демократических позиций,

явно наметившийся в ряде произведений его «бывших товарищей», Горький не мог не оценить стойкости бунинского творчества этих лет и его последовательно отрицательного отношения к декадентству.

Правда, безоговорочное отрицание «новой» литературы (символизма, акмеизма, эго-и кубофутуризма) шло у Бунина не только от присущего его таланту здоровья, почвенности, первородности, но еще — от самодовлеющей писательской индивидуальности, не принимавшей далекое от него искусство, а также и от его социальной двойственности, противоборства демократических и сословно-дворянских традиций. Ни новаторская поэзия А. Блока, ни новаторский театр А. Чехова не были поняты и оценены Буниным по заслугам. Но все это не отменяет главного: Бунин защищает позиции реализма в то самое время, когда декаданс широкой волной надвинулся на русское искусство. Самый строй жизни, облик героя, отношение к нравственным ценностям, к чувству, к природе — все, что проповедовала и как изображала «новая» литература, было глубоко враждебно Бунину.

Речь шла, стало быть, не только об эстетике. Недаром годы 1906–1916 — пора наибольшей близости Бунина и Горького, видевшего в нем своего союзника в борьбе за реализм.

Бунин и в самом деле остался чужд декадентским уклонам. Годы революции и общественной реакции не только не подтолкнули его в сторону «упадочничества», но объективно сыграли выдающуюся роль в его творческой биографии, в его реалистических завоеваниях. Напряженная внутренняя работа, приведшая к созданию таких «тузовых» (выражение Горького) вещей, как «Деревня» или «Суходол», не случайно падает на ту пору, когда тесно переплелись громовые события первой русской революции и тяжелые личные переживания писателя. Смерть А. П. Чехова, буквально потрясшая Бунина; гибель от менингита единственного сына, пятилетнего Коли, воспитывавшегося вдали от отца, в Одессе, в семье первой жены писателя — А. Н. Цакни; кончина отца; тяжелая болезнь матери, — переживания следуют одно за другим. В октябре

1905 года Бунин становится свидетелем

зверской расправы казаков и черносотенцев с революционерами в Одессе; весной и летом 1906 года наблюдает крестьянские волнения в Измалкове, у родных. Социальные потрясения, совпавшие для Бунина с личными переживаниями, видимо, позволили ему особенно остро пережить происходящее в стране и откликнуться на него как художнику.

Между тем отечественной критике той поры Бунин представлялся далеким от политики писателем, и его новые произведения как будто бы подтверждали эти оценки. В 1907–1911 годах он опубликует путевые очерки об Индии, Ближнем Востоке (см. т. 3 наст. изд.), насыщенные отвлеченно-философскими размышлениями, раздумьями о бренности всего земного, о судьбе угасших цивилизаций. В статьях и рецензиях ему предугадывались более чем скромные пути. В 1909 году, решением русской Академии наук, Бунин был избран ее почетным членом. Комментируя это событие, критик А. Измайлов писал в «Русском слове»: «Конечно, как поэта венчает И. А. Бунина академия. Как рассказчик он сохраняет в своем письме ту же значительную

нежность восприятия, ту же грусть души, переживающей раннюю осень. И здесь он только один из многих, замороженных, зачарованных, увлеченных Чеховым. И то, что трогает в малом стихотворении, расплывается в прозаических строчках»[25] Таким вот «даровитым учеником талантливых учителей» казался он читающей публике. А между тем в том же номере «Русского слова» можно было прочесть корреспонденцию С. Спиро: «В настоящее время Иван Алексеевич живет в Москве и занят большой повестью, которая будет называться „Деревня“»[26].

О. Михайлов

Комментарии

Большинство произведений Бунина, вошедших в настоящий том, неоднократно переиздавалось при жизни писателя.

Первый сборник рассказов Бунина — «На край света» — вышел в Петербурге в 1897 году. Писатель включил в него девять рассказов: «На край света», «На даче», «Фантазер» («На хуторе»), «Вести с родины», «Танька», «На чужой стороне», «Кастрюк», «Тарантелла» («Учитель»), «На Донце» («Святые Горы»). Сборник был сочувственно встречен прогрессивной критикой (см.: Русское богатство, 1897, № 2; Русская мысль, 1897, № 5; Мир божий, 1897, № 2, и др.).

В 1900 и в 1901 годах появились две следующие небольшие книжечки Бунина, изданные в Москве: сборник «Стихи и рассказы», куда вошли четыре рассказа: «Кукушка», «В деревне», «Казацким ходом» и «Велга», и сборник «Полевые цветы», в который, кроме стихов, вошли три рассказа: «На Донце» («Святые Горы»), «На чужой стороне» и «Скит» («Мелитон»).

Первым наиболее полным изданием ранних прозаических произведений Бунина явился выпуск в 1902 году сборника его рассказов в издательстве «Знание». Поддержку в осуществлении этого издания писатель нашел у Горького. 17 октября 1901 года Бунин писал директору-распорядителю издательства «Знание» К. П. Пятницкому: «На днях я виделся в Нижнем с Горьким и толковал с ним относительно издания моих рассказов в „Знании“. Горький, со своей стороны, очень стоял за это...» (Нинов А. Бунин в «Знании». — Журн. «Русская литература». Л., 1964, № 1). К. П. Пятницкий ответил Бунину: «Рад Вашему предложению. Вас как художника ставлю высоко. Подаю свой голос за издание. Горький уже высказался в том же смысле...» (там же).

В этот сборник Бунин включил 22 рассказа 1892–1902 годов. Вышедшие после этой книги в том же издательстве три тома стихов и том рассказов 1903–1909 годов образовали первое собрание сочинений писателя. Для этого собрания Бунин заново отредактировал тексты всех произведений.

Следующим изданием ранних рассказов

был сборник «Перевал», вышедший в Москве в 1912 году. По содержанию он почти повторял первый том «знаниевских» рассказов, но здесь впервые все произведения были датированы автором, расположены хронологически и еще раз существенно переработаны.

В 1915 году приложением к журналу «Нива» было издано шеститомное Полное собрание сочинений И. А. Бунина, во втором и четвертом томах которого Бунин напечатал рассказы 1892–1909 годов, прибавив к входившим в «знаниевское» издание «Таньку», «Вести с родины», «На чужой стороне», «На даче», «Над городом», «Сон Обломова-внука» («Далекое»), «Старую песню» («Маленький роман») и «Беден бес» («Птицы небесные»). Для тех лет это издание явилось итоговым, все тексты были автором снова пересмотрены и отредактированы.

Находясь в эмиграции, Бунин несколько раз возвращался к рассказам 90-900-х годов. В 1921 году часть их он еще раз переработал и включил в сборник «Начальная любовь», некоторые рассказы после переделки и под новым названием в 20-х и 30-х годах перепе-

чатывал в газетах.

Однако в свое собрание сочинений, вышедшее в 1934–1936 годах в издательстве «Петрополис» в Берлине, он не включил ни одного из рассказов первого двадцатилетия своей творческой деятельности, составляющих настоящий том. Отрицательной оценки своих произведений 90-х и 900-х годов Бунин придерживался довольно долго, но под конец жизни мнение о них изменил. В 1951 году он написал «К моему литературному завещанию», где специально отметил: «Теперь думаю, что все-таки кое-что можно взять из „нивского“ издания и ввести в будущее собрание моих сочинений...» (Бунин И. А. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 9. М., 1967). Бунин перечислил рассказы, которые счел возможным ввести в собрание, настоятельно подчеркивая, что печатать их следует «по исправленным и сокращенным» текстам, приложенным к завещанию. Относительно остальных произведений Бунин писал: «Все — и стихи и проза, — что я не ввожу в это собрание моих сочинений, напечатать, если это нужно, как приложение к нему». Вне предполагавшегося собрания сочи-

нений остались следующие 17 рассказов из входивших в издание 1915 года: «Перевал», «Танька», «Кастрюк», «На хуторе», «Вести с родины», «На чужой стороне», «Учитель», «В поле», «На даче», «Велга», «Без роду-племени», «Поздней ночью», «Сосны», «Туман», «В августе», «Осенью», «Тишина».

Выполнить литературное завещание Бунина представляется невозможным прежде всего потому, что переработанные тексты рассказов до сих пор находятся в частном архиве в Париже и недоступны советским издательствам и исследователям. В Советском Союзе находится только экземпляр второго тома «нивского» издания с черновой неоконченной правкой Бунина (хранится в *ИМАИ*).

В основной раздел настоящего тома включены рассказы Бунина, входившие в Полное собрание сочинений 1915 года. Во втором разделе тома помещены избранные ранние рассказы и очерки писателя; некоторые из них были опубликованы в периодической печати 1880-1890-х годов или перепечатывались в первых сборниках Бунина, но не включались им в собрания сочинений.

Почти все произведения расположены в томе в хронологическом порядке по датам первых публикаций.

Список условных сокращений

ГБА — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

Жизнь Бунина — Муромцева-Бунина В. Н. *Жизнь Бунина*. Париж, 1958.

И. А. Бунин — Бабореко А. И. А. Бунин. Материалы для биографии с 1870 по 1917. Изд. 2. М., Художественная литература, 1983.

ИМАИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького ЛН СССР.

ЛН — Литературное наследство, т. 84, кн. 1. М., Наука, 1973.

«На край света» — Бунин И. А. *На край света*. СПб., изд. О. Н. Поповой, 1897.

«Начальная любовь» — Бунин Ив. *Начальная любовь*. Прага, Славянское издательство, 1921.

«Перевал» — Бунин И. А. *Перевал*. Книгоиздательство писателей в Москве, 1912.

Полное собрание сочинений — Бунин И. А. *Полное собрание сочинений*, т. 1–6. Пг., изд. т-

ва А. Ф. Маркса, 1915 (Приложение к журналу «Нива»).

«*Рассказы*», 1902 — Бунин И. А. Рассказы. СПб., изд. т-ва «Знание», 1902 <Собрание сочинений т. 1>.

ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства.

Перевал*

Журн. «Русская мысль», М., 1901, № 8, август, вместе с рассказами «Костер» и «В августе» под общим заголовком «Три рассказа». Печатается по тексту *Полного собрания сочинений*.

«Перевал» датирован 1892–1898 гг.; очевидно, были ранние редакции рассказа, не дошедшие до нас.

Бунин долго не публиковал этот рассказ. До него уже были изданы сборники «На край света», «Стихи и рассказы», «Полевые цветы», в периодике появилось немало очерков и рассказов писателя. Сопоставляя «Перевал» с произведениями Бунина, опубликованными раньше, критика усмотрела в нем определенный рубеж в творчестве писателя: «Неизвест-

но, случайно ли в новом сборнике рассказов г. Бунина <речь идет о сб. „Рассказы“, 1902.—*Ред.*> первым поставлен рассказ „Перевал“, — писал И. Джонсон. — Во всяком случае, было бы уместно перенести это название и на весь сборник. Именно, кажется, что творчество нашего автора проходит в настоящее время какой-то перевал... Прежний г. Бунин представлялся по преимуществу писателем обиженных и угнетенных, занимался общественными явлениями... Теперь у писателя на первом плане только *его* настроение, теперь для него другие люди — только повод высказать *свои* чувства, мысли, ощущения» (журн. «Образование», СПб., 1902, № 12, декабрь). И. Джонсон был не одинок в своих суждениях о «Перевале» как определенном рубеже в раннем творчестве Бунина. А. Басаргин в рецензии на журнальную публикацию трех рассказов Бунина (в том числе и «Перевала») писал, что рассказы передают «жизнь настроения» и лишены «жизни идей». Критик усматривал в этом своеобразный импрессионизм: «...беллетристы „настроения“... делают своего рода нажимы... на свою чувствительность, на свою

„художественную“ фантазию, чтобы через них вызвать желательное *настроение*: впечатление такое — одно настроение, другое впечатление — и настроение другое... в „рассказах“ г. Бунина перед нами какая-то отрывочная и неустановившаяся жизнь... Не человек строит свою судьбу, но судьба... через случайные впечатления, которым она подвергает человека, бросает его то в одну, то в другую сторону, заставляя посменно переживать самые разнообразные настроения...» (газ. «Московские ведомости», 1901, № 240, 1 сентября). Ник. Ашешов находил, что у Бунина «реальная жизнь вытесняется... вечным раздумьем автора... раздумьем, не лишенным пессимистических нот, ясно звучащих в его душе, и постоянным анализом ощущений, неожиданно всплывающих и обычно исчезающих бесследно» (журн. «Вестник и Библиотека самообразования», СПб., 1903, № 13).

Одновременно критики отмечали и своеобразие художественной манеры Бунина, особенно явственно проявившейся именно в «Перевале». И. Джонсон писал: «...художественная манера г. Бунина напоминает мо-

пассановскую. Таково, например, в рассказе „Перевал“ описание ощущений одинокого путника, застигнутого непогодой ночью на трудном и долгом переходе через горный кряж... Оно так и вызывает в памяти мопассановское описание ощущений человека, заблудившегося в парижских улицах глухой и темной ночью».

При переизданиях Бунин почти не изменял текста. Лишь в третьем от конца абзаце, в словах: «Будем брести, пока не свалимся. Дойдем — хорошо, не дойдем — все равно», в издании 1902 года и последующих снята последняя фраза, возможно в связи с критическим выступлением А. Басаргина, который по поводу этой фразы в своей рецензии писал: *«Ничего, будем брести, пока бредется!* Не большое утешение и не слишком глубокая философия жизни».

Бунин дорожил «Перевалом», многократно включал его в сборники, по заглавию рассказа было дано название сборнику, вышедшему в 1912 г. В *Полном собрании сочинений* «Перевалом» начинался первый том прозы.

Танька*

Журн. «Русское богатство», СПб., 1893, № 4, апрель, под заглавием «Деревенский эскиз». Печатается по тексту *Полного собрания сочинений*.

В. Н. Муромцева-Бунина рассказывает: «Написал он... рассказ „Без заглавия“ и послал его в „Русское богатство“. Редактор переименовал его, к ужасу автора, в „Деревенский эскиз“» («Жизнь Бунина», с. 83). Сам Бунин вспоминал, как Н. К. Михайловский (редактор «Русского богатства»), прочитав рассказ, «написал, что из меня выйдет „большой писатель“» («Автобиографическая заметка» — см. т. 6 наст. изд.).

В ранней редакции рассказа более подробно говорилось об отношении Павла Антоныча к сыну-революционеру. После слов «отпустить крепостных» (см. с. 15 наст. тома) шел текст:

«Потом проводить в Сибирь сына, юношу-студента... Когда сына арестовали, Павел Антоныч не захотел с ним даже прощаться, решил не писать ему „до гробовой доски“. Только поехал на вокзал в город, чтобы из

толпы взглянуть на него... Но не выдержал — сел в тот же поезд, в котором везли сына, на одну станцию: „Все равно домой-то возвращаться, со станции еще ближе...“ Стоя на задней платформе последнего вагона, он думал только то, что у него теперь никого не осталось и что на Дальних Хуторах ждет его пустой дом, в котором он умрет в глухую зимнюю ночь...»

Соприкоснувшись с деревней и узнав ее ближе при встрече с Танькой, Павел Антоныч начал понимать, против чего восставал его сын, в нем произошло нравственное пробуждение: «Первый раз он глядел на него с бесконечной любовью и уважением, чувствовал его родным и своим другом», эта фраза шла в журнальной публикации после слов «портретом сына» (см. с. 18 наст. тома).

В поздних редакциях Бунин снял также размышления помещика о судьбе Таньки: «Где и когда она повстречает счастье, где услышит веселую песню? Где увидит людей, увидит что-нибудь, кроме выгона?»

Кастрюк*

Журн. «Русское богатство», СПб., 1895, № 4, апрель, с подзаголовком: «Очерк». Печатается по тексту *Полного собрания сочинений*. В ЦГА-ЛИ хранится экземпляр второго тома этого издания, где рукой автора указано место написания рассказа: Полтава.

«Кастрюк» понравился Горькому; в декабре 1901 г., в письме к Н. Д. Телешову, он просил включить его в задуманный Телешовым сборник рассказов для народа (Горький М. Собр. соч. В 30-ти томах, т. 28, с. 204). А. Н. Эртель в письме к Бунину от 27 января 1898 г. отмечал: «...совсем другое Ваш крошечный прелестный рассказ „Кастрюк“, выдержанный весь в мягком, задумчивом топе, весь вытекающий из интимных особенностей Вашего таланта, из Вашей художественной индивидуальности...» (журн. «Русская литература», Л., 1961, № 4).

Включив рассказ в сборник «На край света», писатель снял подзаголовок и разделил текст на четыре главы. При последующих изданиях Бунин правил рассказ, делал сокращения. Например, при издании рассказа в 1902 г. в первой главе после слов «вспомина-

лось прежнее» (с. 20 наст. т.) было снято:

«А веселые, слышанные еще от дедов, „величальные“ дворовые песни вроде:

*Прикажи, сударь, карету заложить,
Во каретушку двенадцать лошадей,
Чтобы кони были убранные,
А лакеи принапудренные... —*

как-то не шли к его настроению, и он обрывал их с горькой улыбкой».

В этом же издании в конце второй главы исключен идиллический эпизод: встреча Кастряка с мужиком Максимом.

На чужой стороне*

Журн. «Мир божий», СПб., 1895. № 4, апрель, под заглавием «Святая ночь». Печатается по тексту *Полного собрания сочинений*.

При подготовке рассказа для сборника «Перевал» Бунин внес поправки в текст. В частности, снял традиционно пасхальное окончание. В журнальном варианте рассказа голодные мужики во время заутрени, забыв о своих несчастьях, в молитве находили успокое-

ние, их объединял со всей толпой единый религиозный порыв. После слов «звонким тенором» (с. 32 наст. тома) в журнальной публикации следовало:

«Все заволновалось и задвигалось. Мужики стояли на коленях и торопливо крестились, подолгу припадая головами к каменному полу. Пантелей Парменыч крестился поспешнее всех — он ничего не видел и не слышал кругом. Просветленное лицо его было бледно и радостно.

— Федор! ай что болит? — раздался вдруг возле него шепот. Старик так и вздрогнул:

— Чего? а? Федор!

Припав головой к порогу, мальчик лежал без движения, и только плечи его вздрагивали.

— Федор! да что ты! — испуганно повторил старик, хватая его за плечо.

Громкий и радостный хор причта заглушил и покрыл его слова.

— Христос... воскресе, дедушка! — оборвавшимся от внезапных слез голосом воскликнул Федор, отрываясь от пола.

— Воистину, воистину! — пробормотал

Пантелей Парменыч, порываясь к нему и прижимая к себе его голову... И с веселым, взволнованным лицом, быстро смаргивая светлые слезы, повторял в то же время:

— Чего ты, чего?., о чем? Она-а! будя, ба-
тюща, будя!..»

На хуторе*

Журн. «Русское богатство», СПб., 1895, № 5, май, с подзаголовком: «Очерк». В сборниках «*На край света*» и «*Рассказы*», 1902 напечатан под заголовком «Фантазер». Во всех последующих изданиях Бунин восстановил первоначальное название. Печатается по тексту *Полного собрания сочинений*.

В Москве 14 декабря 1895 г. Бунин подарил Чехову оттиск рассказа «На хуторе» с надписью: «Антону Павловичу Чехову в знак глубокого уважения и искреннего сердечного расположения. Бунин» («*Жизнь Бунина*», с 95). Горький в письме Чехову замечал: «Стал читать рассказы Бунина. Порой у него совсем не дурно выходит, но замечаете ли Вы, что он подражает Вам? „Фантазер“, по-моему, написан под прямым влиянием Вашим...» (Горь-

кий М. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 28, с. 77).

Для сборника «*Рассказы*», 1902 и последующих изданий Бунин изменил конец, который перекликался с толстовской критикой городской культуры. В середине последнего абзаца в журнальной публикации было:

«Представляя себе город, ту жизнь, про которую он слышал, которую видел в Петербурге и дорисовывал потом из газет, он чувствовал в ней что-то нескладное, раздробленное... А здесь... Чувство любви к своему хутору, к родному полю, смутное ощущение, что он прожил здесь определеннее, ровнее, обняло его чувством удовлетворения, подняло и успокоило его сознание. Он не сумел бы выразить свои мысли, но они были таковы: „Я не жил, как живут тысячи других, не суетился, не валил с ног других, чтобы самому завладеть чем-нибудь; не перевертывала меня, моих мыслей людская безграничная сумятица, не было со мною всего того, от чего мечутся и страдают люди в городе. Все у меня сложилось определенно. Все определенно, как спокойна и определена эта деревенская природа, сама деревня, ее люди, ее отношения —

вся ее жизнь“».

Вести с родины*

Журн. «Русское богатство», СПб., 1895, № 6, июнь, под названием «Неожиданность», с подзаголовком: «Очерк». Печатается по тексту *Полного собрания сочинений*.

В. Н. Муромцева-Бунина утверждает, что в рассказе «был выведен крестьянин, друг детства, отрочества и ранней юности автора, умерший во время всероссийского голода» («Жизнь Бунина», с. 84).

Рецензент журнала «Образование» (СПб., 1902, № 12, декабрь) в статье «Красивое дарование» одобрительно отзывался о рассказе. Он представлялся ему «самым замечательным из произведений г. Бунина... Превосходно краткое описание... судьбы Мити и Мишки... — судьбы, в которой так сказалось их классовое и имущественное различие... в нем чрезвычайно художественно выражена высокая мысль».

Статистик земства г. Валки Харьковской губ. А. В. Неручев 8 ноября 1895 г. писал Бунину о рассказе: «Здесь, как мне кажется, очень

хорошо выражена несправедливость экономических, политических и иных прочих неравенств; мне кажется, что об этом надо писать, на эти несправедливые условия бить, — чтобы приносить пользу писанием» (ЦГАЛИ).

Современники не заметили в рассказе другой, не менее важной для молодого Бунина проблемы: писателя волновал вопрос об ответственности интеллигенции за «несправедливые условия» жизни народа.

На край света*

Журн. «Новое слово», СПб., 1895, № 1, октябрь, с подзаголовком: «Из записной книжки» и посвящением Д. И. Звереву. Печатается по тексту книги *«Начальная любовь»*.

В. Н. Муромцева-Бунина рассказывает: «Статистик Зверев пригласил его поехать с ним на переселенческий пункт, откуда чуть ли не все село отправлялось в Уссурийский край. Он под свежим впечатлением, что с ним бывало редко, написал рассказ... озаглавил его „На край света“» («Жизнь Бунина», с. 86).

«Рассказ этот критики так единодушно расхвалили, — вспоминал Бунин, — что прочие журналы стали приглашать меня сотрудничать, а петербургское „Общество попечения о переселенцах“ даже обратилось ко мне с просьбой приехать в Петербург и выступить на литературном вечере... Я, конечно, читал „На край света“» (Бунин И. А. Собр. соч., т. 1. Берлин, изд-во «Петрополис», 1936, с. 41).

Критика была единодушна в своей положительной оценке рассказа. А. Богданович писал: «Каких вавилонов наплел бы на ту же тему иной заядлый народник, мыслящий себя великим знатоком и ценителем народной „подоплеки“ души и прочих аксессуаров народного быта... г. Бунин поступает как истинный художник... Он умеет открыть и дать нам почувствовать новые стороны в старых темах, внести в них дыхание жизни» (журн. «Мир божий», СПб., 1897, № 2, февраль). Рецензент «Русского богатства» (СПб., 1897, № 1, январь) отмечал художественные достоинства рассказа: «...это яркий и задушевный рассказ о том, как снялась с насиженного места и двинулась в переселение, в далекие, неизвестные

края хохлацкая деревня. Сжатый и картинный рассказ, — почти стихотворение в прозе по мягкому лиризму и строгой симметрии формы, — сразу настраивает читателя и располагает к малоизвестному автору». А. Скабичевский закончил восторженную рецензию словами: «Давно уже не появлялось у нас ничего столь поэтичного, художественного, столь хватающего вас за самое сердце... Это уж не жанр, не бытописание, не этнография... а сама поэзия!..» (газ. «Новости», СПб... 1895, № 295, 26 октября).

...«як на Чорному Морі, на білому камені...» — отдельные строки, взятые из популярных украинских дум (сб «Исторические песни малорусского народа с объяснениями Вл. Антоновича и М. Драгоманова», т. 1. Киев, 1874).

Святые Горы*

Первая публикация не установлена. Под названием «На Донце» вошел в сборник «На край света» и др. Печатается по тексту газеты «Последние новости», Париж, 1930. № 3279, 15 марта, где рассказ был напечатан с исправле-

ниями и сокращениями под новым названием «Святые Горы».

В газете рассказ был датирован 1894 г., в сборнике «Перевал» и *Полном собрании сочинений* — 1895-м г. Последняя дата более точна, так как Святогорский монастырь Бунин посетил весной 1895 г. («Жизнь Бунина», с. 94).

Бунин предполагал напечатать рассказ в журнале «Новое слово». Однако один из редакторов журнала, А. Скабичевский, отверг рассказ. «К величайшему сожалению, — писал он Бунину 29 мая 1896 г., — не можем поместить Ваш рассказ „На Донце“: очень уж много в нем описаний и мистики, и, кроме этого, ничего. Простите великодушно нас, грешных, и не сетуйте, а присылайте поскорее нечто вроде Вашей прекрасной „Тарантеллы“...» (ЦГАЛИ). Почти через полгода Бунин, озабоченный в это время тем, что журналы не принимали его рассказ «На даче», писал А. М. Федорову 10 октября 1896 г.: «...в „Вестник Европы“... не следовало отдавать „На Донце“» (сб. «Весна пришла». Смоленск, 1959, с. 232). В «Вестнике Европы» рассказ тоже не появился.

В истории создания рассказа известную роль сыграло увлечение писателя «Словом о полку Игореве». Бунин еще в 18 лет оценил «несказанную красоту» этого произведения и решил побывать в тех местах, где происходило его действие. Не случайно, что и эпиграфом к рассказу были взяты строки из «Слова о полку Игореве»: «О Донче! Не мало ти величия, лелеявшу князя на вльнах, стлавшу ему зелену траву на своих сребренных брезах, одевавшу его теплыми мъглами!»

В. Н. Муромцева-Бунина писала: «В рассказе „На Донце“ изображен Святогорский монастырь. Интересно сравнить его с „Перекапти-поле“ Чехова, где тот же монастырь: у Чехова больше людей, а у Бунина — природа и история» («Жизнь Бунина», с. 91).

В дореволюционных переизданиях Бунин почти не правил рассказ. В 1920 г. он значительно переработал его, сократил текст, снял эпиграф, целиком снял вторую главу (см. ее на с. 441–443 наст. тома), в следующей главе после слов: «спящего зверя» (с. 55 наст. тома) снята сцена:

«— О, господи, господи! — прошептал в это

время кто-то сзади меня и глубоко вздохнул.

Почти испуганный, я обернулся и увидел большую темную фигуру. Широкоплечий старик в монашеской скуфье, но одетый по-мирскому — в толстой куртке и в высоких сапогах, — стоял за мною и пристально глядел вдаль. Лицо у него было широкое, с крупными чертами, а брови сурово сдвинуты. В глазах, маленьких и зорких, светилась глубокая, затаенная грусть.

— И сколько тут, милый, народу померло, — продолжал он, не глядя на меня, — не сосчитать никому!

— Где? — спросил я

— Да тут-то, на этом месте. Был я сейчас и на кладбище монастырском, — жутко там, а хорошо! Мертвые, милый, видно, правда, лучше живых...

Он помолчал, не обратив внимания на мой удивленный взгляд, и продолжал медленно:

— Я, милый, издалека, астраханский... Там у меня сын живет в подвальных, пятнадцать рублей на всем готовом получает, дочь в горничных у станции начальника... Жена-то померла уж годов десять тому назад... А я все хо-

жу. Где-где я не был! Все нету мне покоя! Службы я церковной не люблю, а вот тянет меня в эту тоску... Не люблю и народа, на народе мне хуже... Голоса эти...

— Какие голоса? — тихо выговорил я.

— Уж не знаю, милый... Бесы превращенные, должно... Все, что ни есть в мыслях, все наговаривают...

— Да ты бы полечился.

— Лечился я. Только нету с того толку. Видно, родился я такой. Да и пил я. Дюже пил, как жена померла. И все, бывало, на кладбище ходил, на еврейское.

— Отчего ж на еврейское?

— Унылей там!

Он опять помолчал, вздохнул и сказал твердо:

— Да, в этом вся причина. Камни стоят старые-старые; и написано непонятно на них, как узоры какие... И одни только камни серые... Ни решеток этих, ни кустиков... Ну, и лучше мне... Вот и здесь лучше... Бог-то, господь Саваоф, он, батюшка, — вон где!

И он таинственно указал в полутемную галерею. „Он совсем болен“, — подумал я. И, как

бы угадав мою мысль, старик улыбнулся и сказал:

— Так-то все мне говорят: что, мол, ты бредишь? А разве не правда? Какая моя жисть теперь? А все лучше других... Все лучше, ежели раздумье есть... А то как живут? Обуваются да разуваются...

Он так и остался там, все смотря в одну точку, в темную даль перед собой»

(*Полное собрание сочинений*, т. 2, с. 102–103).

Учитель*

Журн. «Новое слово», СПб., 1896, № 7, апрель, под названием «Тарантелла», с подзаголовком: «Из жизни деревенской интеллигенции». Окончен был рассказ в середине 1894 г., о чем Бунин сообщает в письме к Пащенко 4 августа 1894 г. (ИМЛИ) Печатается по тексту книги «Начальная любовь».

От издания к изданию писатель перерабатывал рассказ. В двух ранних редакциях (журнальной и в сб. «На край света») сильнее звучало осуждение дворянско-аристократического общества. В поздних редакциях соци-

альная острота рассказа была несколько приглушена. Особенно значительной переработке рассказ подвергся в 1912 г. при подготовке сборника «Перевал». В этом издании рассказу было дано окончательное название «Учитель»; был сильно, иногда целыми страницами, сокращен текст последних глав, в которых описано посещение учителем усадьбы Линтваревых. Так, из главы XV была снята сцена откровенного глумления местной аристократии над Турбиным. После просьбы учителя сыграть сонату Бетховена (с. 79 наст. тома) в первой публикации следовало:

«Член суда быстро порылся в нотах, поставил одну тетрадь на пюпитр и смело заиграл: „Не искушай меня без нужды...“ Турбин вспыхнул... а наклонившись, прочел: „Neuvieme simphonie“.

— Вы... — едва выговорил он как можно громче и почувствовал, что вся голова его похолодела от волнения, — вы... не у судейского швейцара учились... нотам?

— Что такое? — медленно спросил член суда, опуская руки. Все встрепенулись и задвигались.

— В чем дело? — слышались голоса.

— Ну, к чему же это, Василий Ананьевич?.. — сказал хозяин среди наступившей тишины громко и как бы с сожалением.

Но член суда прежде всех сообразил, что поступил неосторожно.

— Я, ей-богу, господа... — заговорил он быстро и растерянно, — я только сейчас сам понял, в чем дело. Честное слово, я не хотел шутить над ними... Я так рассеян, что забыл их просьбу и то, что я развернул... В таком случае, я вполне извиняюсь...

— И я... — пробормотал Турбин, отходя от рояля.

— Вот странное недоразумение! — воскликнул член суда и огляделся кругом притворно удивленными и добрыми глазами.

— Ну, да эту материю можно оставить! — сказал старик-помещик и, немного погодя, подсевши к Турбину, так просто и мягко начал разговор, что учитель повеселел и отвечал уже без всякого стеснения...»

С исключительным вниманием отнесся писатель к языку рассказа, подготавливая «Учителя» для переизданий и особенно для

сборника «Перевал». Поправки внесены почти на каждую страницу.

При подготовке *Полного собрания сочинений* рассказ был исправлен незначительно. Здесь писатель, например, вычеркнул последний абзац X главы:

«Он долго сидел, положив на стол под лицо ладони, и когда поднял голову, лицо его было хмуро, но спокойно. Эти думы о посещении Линтварева теперь казались ему жалкими. Весь вечер он читал календарь, и ему было жалко себя».

Правка в последней публикации (1921) также была незначительна и опять касалась последних глав. Так, в XVIII главе фраза: «Он, брат, Линтварев-то этот, глумился над тобой...» — имела продолжение: «сукин сын. Я бы на твоём месте ему морду разбил».

Критика оценила рассказ положительно. Рецензент «Русской мысли» писал: «Правдив весь рассказ, и глубоко печален его конец, заключающийся словами мелкопоместного дворянина, приятеля учителя: „Вот те и педагог! Пропал малый!“ Г. Бунин, несомненно, хорошо знает деревню, с настоящим сочувстви-

ем относится к ее обывателям и, что всего важнее, верно понимает их и умеет правдиво передавать их настроения, без вычур и ненужных сентиментальностей» (М., 1897, № 5, май). П. Якубович находил, что рассказ «самый простой в смысле литературной манеры и, в то же время, бесспорно, самый целостный и выдержанный из всех его рассказов» (Журн. «Русское богатство», СПб., 1902, № 7, июль). Писатель А. И. Эртель в письме к Бунину от 27 января 1898 г. так отозвался о рассказе: «Все тут, по-моему, совершеннейшая правда. Тип (учителя) нарисован смело, объяснен правильно, включая и его „падение“..!» (журн. «Русская литература», Л., 1961, № 4).

...об игре Заньковецкой... — Заньковецкая М. К. (1860–1934) — украинская драматическая актриса.

...бранили Мазини... — Мазини Анджело (1844–1926) — итальянский оперный певец, лирический тенор, выступал в России в 1870-х годах.

...хвалили Фигнера... — Н. Н. Фигнер

(1857–1918) — русский певец, лирико-драматический тенор.

...пародии Буренина на надсоновские стихи.
— В своих пародиях и фельетонах В. П. Буренин глумился над умирающим Надсоном, обвиняя поэта в том, что он был — «нахлебником» Литературного фонда. В. Н. Муромцева-Бунина писала в своей книге, что И. А. Бунин и его брат Юлий «возмущались, вместе со всей левой Россией, Бурениным, незадолго до смерти поэта грубо издевавшимся над ним в „Новом времени“» («Жизнь Бунина», с. 41).

про книжицу какого-то Весселя... — Н. Х. Вессель — русский педагог, редактор многих педагогических журналов, автор книги «Профессиональные школы и обучение ремеслам» (СПб., 1881).

Песталоцци Иоганн Генрих (1746–1827) — швейцарский педагог; в своей педагогической практике стремился соединить обучение с производственным трудом.

Григ Эдвард (1843–1907) — норвежский композитор, основоположник национальной музыкальной школы.

«Белые ночи» Чайковского — из фортепьян-

ного цикла П. И. Чайковского «Времена года». Слова «Какая ночь! На всем какая нега!» — из стихотворения А. Фета «Еще майская ночь» — взяты эпиграфом к «Белым ночам».

В поле*

Журн. «Новое слово», СПб., 1896, № 3, декабрь, под заглавием «Байбаки», с подзаголовком: «Из быта мелкопоместных». Печатается по тексту книги «Начальная любовь».

В. Н. Муромцева-Бунина на основании записей Бунина указывает, что он привез «Байбаков» зимой 1895/1896 г. в Петербург («Жизнь Бунина», с. 95), автор датирует рассказ 1895-м г., но, очевидно, работа над ним продолжалась и в 1896 г. В письме к брату Юлию Алексеевичу от 5 ноября 1896 г. Бунин сообщал: «Я почти не выхожу, пишу рассказ, Кривенко просит для декабрьской книги», и ему же в письме от 30 ноября 1896 г.: «Сегодня прочитал во второй корректуре „Байбаков“ для декабря „Нового слова“» (ЦГАЛИ).

При переизданиях Бунин сильно сократил рассказ, главным образом за счет мест, где давалось описание разорения мелкопоместных.

Например, в журнальной редакции были фразы, которые в сб. «*Рассказы*», 1902 сняты: «Но нет, — еще не совсем вымерла Лучезаровская усадьба, хотя уже давно стоит она такая одинокая и грустная!», или: «...как угасло это былое, как ветшали помещичьи гнезда», или: «...у Якова Петровича уже давно не было никаких земледельческих орудий, да если бы они и были, белый мерин все равно оказался бы слишком старым и ленивым для них». О своей бедности Яков Петрович говорил: «А то я это время уж окурочки вытрясал», «Теперь уж и так ни один мерзавец шапки не ломает» и др.

В рассказе есть автобиографические моменты. Так, сцена, где Яков Петрович «играет на гитаре и поет старинный, печальный романс „Что ты замолк и сидишь одиноко?“», почти совпадает с дневниковыми записями Бунина: «Мой отец пел под гитару старинную, милую в своей романтической наивности песню, то протяжно, то с печальной удалью... — „Что ты замолк и сидишь одиноко...“» («*Жизнь Бунина*», с. 33).

На даче*

Сб. «На край света», 1897. Печатается по тексту *Полного собрания сочинений*.

О замысле рассказа Бунин писал С. Н. Кривенко 1 июня 1896 г.: «Я отправил Вам свою новую работу — рассказ „Сутки на даче“. Как увидите, он касается современных людей, между другими, я в нем хотел нарисовать тип „толстовца“, „толстовцев“, замечу при этом, я знаю очень хорошо — давно знаком почти со всеми ими, они почему-то особенно полюбили Полтаву; кроме того, знаю всю редакцию „Посредника“, знаю тех, что на Кавказе, и тех, что в Харьковской и Воронежской губ.» (ЦГА-ЛИ).

«Появление в 1891 году в нашем городе (Полтаве)...целой группы толстовцев, — вспоминал брат писателя Ю. А. Бунин, — внесло очень большое оживление... Их своеобразная и аскетическая жизнь, совершенно не похожая на жизнь прочей интеллигенции (даже радикальной), их мужицкая внешность, физический труд... (большинство из них занималось столярничеством), приподнятый тон их речи, большею частью докторальной и

непримиримой, — все это производило на нас сильное впечатление... На одном из собраний читал, между прочим, свой рассказ „На даче“ мой брат И. А. В числе... персонажей этого рассказа были выведены полтавские толстовцы» (ГБЛ). По свидетельству В. Н. Муромцевой-Буниной, И. А. Бунин в 1893 г. «все больше увлекался толстовством, часто ходил к своему учителю (Тенеромо-Файнерману. — *Ред.*) и уже наловчился набивать обручи на бочку» («Жизнь Бунина», с. 80). Много лет спустя Бунин объяснял, почему он стал толстовцем: «...страстно мечтая о чистой, здоровой, „доброй“ жизни среди природы, собственными трудами, в простой одежде, главное же, опять-таки от влюбленности в Толстого, как в художника, я стал толстовцем...» («Освобождение Толстого», т. 6 наст. изд.).

К середине 90-х годов увлечение Бунина толстовством ослабевает. «...Сам же Толстой... и отклонил меня опрощаться до конца», — писал он («Автобиографическая заметка» — см. т. 6 наст. изд.).

Журнальной публикации рассказ не имел; под названием «Сутки на даче» Бунин послал

его в редакцию «Нового слова». Однако А. Скабичевский, один из редакторов журнала, отказался печатать рассказ. «К сожалению, не можем напечатать Вашего рассказа „Сутки на даче“, — писал он Бунину 27 августа 1896 г., — больно уж он носит фельетонный характер. Выставлены несколько несообразных уродов, словно нарочно подобранных один к одному, и над всеми ими возвышается толстовец» (ЦГАЛИ). Бунин назвал этот отзыв «очень злобным» и считал, что рассказ отклонен несправедливо. Находясь в октябре 1896 г. в Москве, он вел переговоры с редактором журнала «Русская мысль» В. А. Гольцевым. «Гольцев был чрезвычайно мил, — писал он брату Юлию Алексеевичу, — но пер галиматью, говорил, что „Сутки на даче“ написаны очень живо, но эскизно... и, в конце концов, оставил рассказ еще на две недели — пусть, говорит, прочтет Лавров и окончательно решит, будут ли „Сутки на даче“ напечатаны в „Русской мысли“» (журн. «Русская литература», Л., 1961, № 4). Но рассказ не был напечатан и в этом журнале. «...Как и следовало ожидать, толстовец не понравился и „Русской мысли“», — пи-

сал Бунин 10 октября 1896 г. А. М. Федорову (сб. «Весна пришла». Смоленск, 1959, с. 232). «Верно уж прямо в книжке пойдет, — писал он 1 ноября 1896 г. брату Юлию Алексеевичу. — А как жаль-то! Ведь в книжке никто не обратит внимания!» (ЦГАЛИ). Писатель ошибся. Сборник имел большую прессу, замечен был и рассказ «На даче».

Отзывы критики были весьма разнохарактерны. Рецензент «Русского богатства» (1897, № 2, февраль) видел в рассказе тему «распутья» молодежи. Гриша, по его мнению, пытается «уяснить себе те коренные вопросы жизни, на которые так различно отвечают окружающие... Но сам автор не колеблется между двух правд и разбирается в этих противоположных течениях. Оставаясь объективным, он не скрывает себя, и его точка зрения достаточно ясна. Это точка зрения пытливого и даровитого наблюдателя, который любит жизнь... за то, что в ее многообразных явлениях видит воплощение любви и добра». Другой критик, хотя и уловил критическую направленность рассказа, отрицательно отнесся к нему, за то, что изображено «много... лиц

равнодушных или недоброжелательных, любопытных узнать сущность учения, которому следует молодой человек, или относящихся насмешливо к этому учению. Разговоры и споры их записаны верно, почти стенографически. Но из этой точной записи явствуется только одно — что ни разговаривать серьезно, ни вести дельный спор не умеют люди того круга, который изображен автором. В действительности оно так и есть, и если автор хотел изобразить дачную сценку, „переливания из пустого в порожнее“, то это ему удалось» (журн. «Русская мысль», М, 1897, № 5, май).

Критикой было отмечено и стремление писателя противопоставить убежденность толстовца бездумному существованию дачной публики. «Таковыми людьми, как Примо, — писал И. Джонсон, — хорошо оттеняется... толстовец Каменский. Уж одним описанием его жилища автор создает для читателя особое настроение чего-то высокого... надземного... Тонкими и нежными чертами дает он почувствовать, что здесь финал какой-то тяжелой драмы, разбившей прежнюю жизнь Ка-

менского и заставившей его в новой жизни, полной сурового отречения и забот о не себе, искать забвения...» (журн. «Образование», СПб., 1902, № 12).

В первых редакциях рассказа (1897–1902) резче и определенней говорилось о буржуазной интеллигенции. Так, например, в III главе, для позднейших изданий сильно переработанной, после слов «Наталья Борисовна снова почувствовала себя хорошо» (с. 108 наст. тома) шел текст:

«Петр Алексеевич зарабатывал очень много и хотя много и тратил на вино и карты, но все-таки семье оставалось до десяти тысяч в год, которые и проедались до копейки. И эта еда четыре-пять раз в день, покой и комфорт в доме, знакомые, оперы, симфонические собрания удивительно умели располагать к ровному и приятному времяпрепровождению. Прошлое казалось Наталье Борисовне только далеким сном. Тогда и она была экзальтированной курсисткой, горячо готовилась „идти в народ“... Тогда и Петр Алексеевич был на виду во многих партиях, но он, как человек выдающегося ума и прирожден-

ный барин, скоро, нисколько о том не заботясь, сделал себе хорошую карьеру».

Эти слова в сборнике «Перевал» и позднейших изданиях Бунин снял.

«Камергер редко наслаждается природой!» — афоризм Козьмы Пруткова из раздела «Плоды раздумья».

«Нельзя объять необъятного». — Неточно приведен афоризм Козьмы Пруткова из раздела «Плоды раздумья».

Липперт Юлиус (1839–1909) — австрийский историк и этнограф. Автор многих работ, посвященных истории семьи, культуры и, особенно, религии.

...по словам Лаодзи и Амиеля... — Лао-цзы (VI в. до н. э.) — древнекитайский философ. В его работах и исследованиях толстовцев привлекала проповедь воздержания и совершенствования в себе духовного начала. Амиель Генри (1821–1881) — швейцарский поэт и моралист.

Велга*

Газ. «Сын отечества», второе издание, СПб.,

1899, № 4 и 5, 5 и 6 января, с подзаголовком: «Северная легенда» и посвящением Н. Д. Телешову. Печатается по тексту *Полного собрания сочинений*.

Посылая рукопись рассказа в газету, Бунин писал из Одессы 3 октября 1898 г. С. Н. Кривенко, в то время редактору «Сына отечества»: «Посылаю Вам рассказ-легенду под заглавием „Велга“. Это вполне самостоятельная работа, порожденная долгим чтением описаний севера, северных морей и т. д.» (ЦГАЛИ).

Без роду-племени*

Журн. «Мир божий», СПб., 1899, № 4, апрель, с подзаголовком: «Из повести о современных людях» и эпиграфом: «Vae divitibus!» (Горе богатым! — лат.). Печатается по тексту *Полного собрания сочинений*.

По свидетельству В. Н. Муромцевой-Бунинной, рассказ «Без роду-племени» Бунин писал в начале 1897 г. («Жизнь Бунина», с. 101). Рассказ неоднократно перерабатывался; как всегда, писатель многое сокращал. Так, в журнальной публикации, в главе четвертой после слов «связи с нею» (с. 154 наст. тома) шел

текст, снятый в последующих изданиях:

«Общество переживало тогда глухое время. Старшие братья сыграли свою роль и разбрелись по белу свету. Младшие — одни не хотели, другие не чувствовали себя в силах продолжать их оборвавшуюся деятельность. Общественная жизнь замерла... И для меня потянулись одинокие дни, без дела, без цели в будущем и почти в нищете».

В *Полном собрании сочинений* была снята концовка:

«Все равно, все равно! — повторял я с мучительным наслаждением, — пусть бушует ветер, пусть шум деревьев, стук ставень, чьи-то крики вдали сливаются в один дикий хаос! Жизнь как ветер подхватила меня, отняла волю, сбила с толку и несет куда-то вдаль, где смерть, мрак, отчаянье!..»

Полюбив, мы умираем — из романса А. Рубинштейна «Азра» на слова Г. Гейне. Бунин любил этот романс: «Двадцать два года носил он в себе впечатление от „полюбив, мы умираем...“ и пережил его в „Митиной любви“», — пишет В. Н. Муромцева-Бунина (

«Жизнь Бунина», с. 76).

Антоновские яблоки*

Журн. «Жизнь», СПб., 1900, № 10, октябрь, с подзаголовком: «Картины из книги „Эпитафии“». Печатается по тексту книги «Начальная любовь».

В письме к В. В. Пащенко от 14 августа 1891 г. Бунин сообщал о посещении имения своего брата Евгения Алексеевича: «Вышел на крыльцо и увидел, что начинается совсем осенний день. Заря — сероватая, холодная, с легким туманом над первыми зелеными... В саду пахнет „антоновскими“ яблоками... Просто не насышишься! Ты ведь знаешь... Как я люблю осень! У меня не только пропадает всякая ненависть к крепостному времени, но я даже начинаю невольно поэтизировать его. Хорошо было осенью чувствовать себя именно в деревне, в дедовской усадьбе, со старым домом, старым гумном и большим садом с соломёнными валами... Право, я желал бы пожить прежним помещиком! Вставать на заре, уезжать в „отъезжее поле“, целый день не слезать с седла, а вечером со здоровым аппе-

титом, со здоровым свежим настроением возвращаться по стемневшим полям домой» (ИМЛИ). Спустя девять лет эти впечатления станут главным мотивом «Антоновских яблок». По свидетельству В. Н. Муромцевой-Бунинной, прототипом Арсения Семеныча послужил родственник Бунина помещик А. И. Пущешников.

Рассказ вызвал противоречивые оценки; уже месяц спустя после опубликования Горький писал Бунину: «...большое спасибо за „Яблоки“. — Это — хорошо. Тут Иван Бунин, как молодой бог, спел. Красиво, сочно, задушевно» (Горьковские чтения, М., 1961, с. 16). Вместе с тем Горький критически относился к ясно выраженной в «Антоновских яблоках» идейно-эстетической позиции Бунина (см. с. 470 наст. тома).

В газете «Россия», СПб., 1900, № 556, 10 ноября, появилась критическая статья писателя И. Потапенко «Журнальные заметки», за подписью «Неизвестный». О ней Горький писал Бунину: «Злой и глупый отзыв Потапенко в „России“ — смешон» (Горьковские чтения, М., 1961, с. 16).

Брат писателя Ю. А. Бунин, вспоминая о московских «Средах», писал: «Не избежал, однако, и он некоторых нареканий. Так, например, иные, весьма одобряя его „Антоновские яблоки“ с художественной стороны, упрекали его в пристрастии к старопомещичьему быту» (ЦГАЛИ).

«Антоновские яблоки» послужили А. И. Куприну предметом для пародии «И. А. Бунин. Пироги с груздями»: «Сижусь у окна, — писал Куприн, — задумчиво жую мочалку, и в глазах моих светится красивая печаль», и дальше: «Где ты, прекрасное время пирогов с груздями, борзых густопсовых кобелей, отъезжего поля, крепостных душ, антоновских яблок, выкупных платежей?» (журн. «Жупел». СПб., 1906, № 3).

Бунин очень тщательно работал над «Антоновскими яблоками». От издания к изданию он стилистически исправлял и сокращал рассказ. При подготовке его для сборника «Перевал» Бунин почти целиком опустил первую страницу:

«Антоновские яблоки... Где-то я читал, что Шиллер любил, чтобы в его комнате лежали

яблоки: улежавшись, они своим запахом возбуждали в нем творческие настроения... Не знаю, насколько справедлив этот рассказ, но вполне понимаю его: известно, как сильно действуют на нас запахи... Есть вещи, которые прекрасны сами по себе, но больше всего потому, что они заставляют нас сильнее чувствовать жизнь. Красота природы, песня, музыка, колокола в солнечное утро, запахи... Запахи особенно сильно действуют на нас, и между ними есть особенно здоровые и яркие: запах моря, запах леса, чернозема весной, прелой осенней листвы, улежавшихся яблок... чудный запах крепких антоновских яблок, сочных и всегда холодных, пахнущих слегка медом, а больше всего осенней свежестью!

Садовники так и говорят про них: „осеннее яблочко русское!“ И я с удовольствием вспоминаю теперь эти слова. Много хороших деревенских впечатлений улетучилось за последнее время из моей души. Но порою достаточно какого-нибудь звука, лица, намека, чтобы прошлое сполна охватило меня. Иногда на базаре услышишь запах сена и сразу вспом-

нишь сенокосы, Петровки, жаркие летние дни, вечерние зори... Иногда пахнёт в окно вагона весенним ветром, сыростью земли — и сразу точно помолодеешь на несколько лет...»

В этом же издании Бунин убрал некоторые подробности, характеризующие уходящий в прошлое дворянско-усадебный мир. Например, сняты фразы: «перевелись витязи на святой Руси» или «но песня разрастается сама собою. И еще до сих пор в ней звучит прежняя удаль, теперь уж грустная и безнадежная, которая скоро и совсем замрет, а как дальний отзвук былого сохранится только в ней — в этой старой песне», и др.

Исправления Бунин продолжал и в *Полном собрании сочинений*, и при подготовке сборника «*Начальная любовь*». В последней публикации он еще больше сократил начало первой главы, исключив следующий отрывок:

«Осень, идут непрерывные дожди; на улицах дребезжат извозчичьи экипажи, и с гулом, с грохотом катятся среди толпы тяжелые конки; по целым дням сижу я за работой, гляжу в окно, на мокрые вывески и серое небо, и

все деревенское далеко от меня. Но по вечерам я читаю старых поэтов, родных мне по быту, по душе и даже по местности, — средней полосе России. А ящички моего письменного стола полны антоновскими яблоками, и здоровый аромат их — запах меда и осенней свежести — переносит меня в помещичьи усадьбы, в тот мир, который скудел, дробился, а теперь уже гибнет, о котором через пятьдесят лет будут знать только по нашим рассказам...»

В том же издании было опущено несколько абзацев в III и IV главах. Например, в III главе:

«К тетке я ездил до самой глубокой осени, до поры, когда прекращалась охота с борзыми. Но мои поездки всегда имели главной целью усадьбу Арсения Семеныча. Старое гнездо Анны Герасимовны было только перепутьем».

В начале IV главы, после слов «застрелился Арсений Семеныч» (с. 168 наст. тома) снята фраза «И вот я уже пишу им эпитафии» и следующий за ней текст:

«Я надолго покинул родные „Палестины“,

как любят говорить у нас, а когда недавно заглянул в них, невесело встретили меня они. Старые книги, старые портреты, разрозненные и никому не нужные, затерялись по городам, по мещанским хуторкам, по ястребиным гнездам новых помещиков, — гнездам, на которые раздробились прежние поместья. На весь наш уезд приходится теперь три-четыре состоятельных дворянина, но и они живут в деревне уже новою жизнью, — чаще всего только летом. Наступает царство мелкопоместных, обедневших до нищенства, и чахнувших серых деревушек. Идет ноябрь, глухая пора деревенской жизни.

Скверное было утро, когда я покинул поезд на нашем полустанке, затерянном среди полей. И поля после долгой городской жизни показались мне мучительно убогими и скучными, когда мужик под дождем потащил меня на телеге к старой нашей усадьбе... Деревушки над лощинами кажутся издали кучами навоза. В лесу, — голом, мокро и черном, — синеватый туман и шумит сырой ветер, а на проселочной дороге — пустынно, как в киргизской степи. Навстречу попалась сва-

дѣба, — три телеги с бабами, покрывшимися от дождя армяками и подолами верхних юбок. Бабы кричат пьяными голосами песни, стараясь возбудить в себе удалство и веселость. Одна стоит среди телеги, машет платком, с криками погоняет веревочными вожжами лошадь, но лошадь неловко тычет ногами, колокольчики звенят вразбивку, телега не в лад стучит по дороге, удалая песня выходит фальшивой... Слава богу, показываются более подходящие к этому серому дню фигуры. Едет кабатчик, возвращаясь из города с винными ящиками, в которых тяжело бултыхается в штофах зеленая влага, прокатил на дрожках, весь закиданный грязью из-под колес, урядник, а за ним в тележке поп, рослый, рыжий, в большой шапке и в тулупе с поднятым воротником, который повязан полотенцем, свернутым в жгут на груди и завязанным на спине в узел... А вот из-за бугра, сбегającego к лощине, показываются и деревья нашего сада...

Однако первым впечатлениям не следует доверять. Проходит два-три дня, погода меняется, становится свежее, и усадьба и деревня

начинают казаться иными. Начинаешь улавливать связь между прежней жизнью и теперешней, и то, что вспомнилось мне при запахе антоновских яблок, — здоровье, простота и домовитость деревенской жизни, — снова проступает и в новых впечатлениях. Прошло почти пятнадцать лет, многое изменилось кругом, но я опять чувствую себя дома почти так же, как пятнадцать лет тому назад: по-юношески грустно, по-юношески бодро. И мне хорошо среди этой сиротеющей и смиряющейся деревенской жизни»

(*Полное собрание сочинений*, т. 2, с. 174–175).

«*Дворянин-философ*» — псевдоним писателя Федора Ивановича Дмитриева-Мамонова (1728 — ок. 1790).

«*Тайны Алексиса*» — неточное название романа французского писателя Дюкре-Дюминиля (1761–1819), в русском переводе он вышел под названием «Алексис, или Домик в лесу» (М., 1794). «*Виктор, или Дитя в лесу*» — роман французского писателя Дюкре-Дюминиля, издан в Москве в 1799 г. Цитата из этого романа:

«Бьет полночь...» — не точна.

Поздней ночью*

Альманах «Северные цветы», М., 1901. Печатается по тексту *Полного собрания сочинений*.

Современники находили в рассказе автобиографические моменты. Так, Миролубов в письме к Бунину от 29 мая 1901 г. бросил автору упрек: «Не пишите рассказов, где описываются эпизоды Вашей семейной жизни, как в „Северных цветах“. Не нужно этого касаться, это не для читателя» (*ЦГАЛИ*). На это Бунин отвечал в письме от 1 июня 1901 г.: «Что же касается „Поздней ночи“... то я и не думал касаться своей семейной жизни. Там *настроение* — общечеловеческое, и фигурируем в нем вовсе не мы с Анной Николаевной — никогда в жизни у нас и подобного ничего не было» (Литературный архив, вып. 5. М.-Л., 1960, с. 132).

Эпитафия*

«Журнал для всех», СПб., 1901, № 8, август, под заглавием «Руда», с подзаголовком: «Из

книги „Эпитафии“», с посвящением С. Я. Елпатьевскому. Печатается по тексту книги «Начальная любовь», где рассказу было дано новое название.

Первоначально рассказ, озаглавленный «Покров Богородицы», Бунин послал в журнал «Жизнь», но в июне 1901 г. журнал был запрещен постановлением департамента полиции. В связи с этим писатель предложил рассказ Миролубову в августовский номер «Журнала для всех». «Я решил отдать Вам то, что дал было для июня погибшей „Жизни“ — „Покров Богородицы“, — писал он 18 июня 1901 г., — ...это лучшее из того, что я написал» (Литературный архив, вып. 5. М.-Л, 1960, с. 136). Рассказ был одобрен редакцией, хотя помещать его под заглавием «Покров Богородицы» в августовском номере редакция не сочла удобным, о чем Миролубов писал Бунину 30 июня 1901 г.: «Рассказ Ваш взят и набирается, но я Вас убедительно прошу разрешить его напечатать в октябрьском номере. Наш подписчик — человек простой и в большинстве, вероятно, церковный. „Покров Богородицы“ помещать в месяц „Успения Богородицы“ не

совсем удобно» (ЦГАЛИ). Чтобы поместить рассказ в августовском номере журнала, Бунину пришлось изменить его название.

От издания к изданию писатель редактировал и сокращал рассказ. Так, в последней редакции он снял после слов «веселые сенокосы» (с. 176 наст. тома) текст, в котором говорилось об извечной связи крестьянства с землей и природой:

«Что иное можно сказать о степной деревушке? Люди родились, вырастали, женились, уходили в солдаты, работали, пировали праздники... Главное же место в их жизни все-таки занимала степь — ее смерть и возрождение. Пустела и покрывалась снегами она, — и деревня более полугода жила как в забытьи; тогда немало умирало народа от холода, голода и черных изб, немало замерзло в степи. Наступала весна, наступала жизнь, т. е. и работа, скрашенная веселыми днями... Или они только снились нам в детстве?»

Над городом*

«Журнал для всех», СПб., 1902, № 11, ноябрь. Печатается по книге «Начальная лю-

бовь».

Рассказ перепечатывался Буниным почти без изменений.

Мелитон*

«Журнал для всех», СПб., 1901, № 7, июль, под заглавием «Скит». Название «Мелитон» дано в книге *«Начальная любовь»*. Печатается по тексту газеты «Последние новости», Париж, 1930, № 3392, 6 июля.

«Скит» — первое прозаическое произведение, опубликованное Буниным в «Журнале для всех», где он сотрудничал с 1899 г. Редактор журнала В. С. Миролубов, получив рассказ, писал 29 мая 1901 г.: «Спасибо, дорогой Иван Алексеевич, за „Скит“. Он мне очень понравился... В артистическую раму природы, когда Вы вставляете хоть одну фигуру, как в „Ските“, сама природа становится живее» (*ЦГАЛИ*). Бунин отвечал ему: «Рад, что „Скит“ Вам понравился... Кстати сказать про природу, которой, насколько я Вас понял, я чересчур предан: это немного неверно, я ведь о голый и протокольно о природе не пишу. Я пишу или о красоте, то есть, значит, все равно, в

чем бы она ни была, или же даю читателю, по мере сил, с природой часть своей души. Всякий пишет по-своему, и пусть Мамин пишет о том-то, Горький о том-то, а я о своем. И разве часть моей души хуже какого-нибудь Ивана Петровича, которого я изображу? Это у нас еще старых вкусов много — все „случай“, „событие“ давай» (Литературный архив, вып. 5. М.-Л., 1960, с.132).

Цензура не пропустила конец рассказа. Бунин в письме от начала июля 1901 г. спрашивал В. Миролюбова: «...я... не нашел в „Ските“ трех последних строк. Кроме того, выкинуто слово „выпукло“ (про петуха)» (там же, с. 139). В июле же 1901 г. Миролюбов ответил: «Последние строки в „Ските“ почему-то выкинул цензор (был в то время ценз. Елагин), а слова „выпукло“ мне жаль больше Вашего, и ругался я из-за него отчаянно» (ЦГАЛИ).

Во всех последующих изданиях слово «выпукло» Бунин восстановил (см. фразу: «А потом... хриплым басом», с. 185 наст. тома). Три последние строки рассказа не восстановлены и остались не известны, так как не сохранились ни рукописи, ни корректуры рассказа.

При каждом переиздании писатель редактировал и сокращал текст. Так, в *Полном собрании сочинений* после слов «по седой траве» (см. с. 185 наст. тома) шло:

«В тот же день я уехал на юг, а потом за границу и совсем не заметил, как прошла осень. Изредка только вспоминалась мне Россия. И тогда она казалась мне такой глухой, что в голову приходили Гостомысл, древляне, татарщина... Какая темная, сырая осень! Тучи низко идут над полями и грязными поселками, в туманном от мелкого дождя поле одиноко сидит грач на пашне, а на межах ветер качает бурьян. В голом редком лесу почернела от дождя стена караулки, перед порогом стоит лужа, полная гнилых листьев. В избе темно и сыро. А ночью бушует в лесу буря, а ночь длится чуть не двадцать часов... Какое нужно терпение, чтобы покорно пережить эту бесконечную осень!

Когда я вернулся в Россию, все было под снегом. Двое суток поезд мчал меня по снежным равнинам и лесам. В России был голод; но почти весь декабрь стояли хмурые дни, и густой иней нарастал под серым и низким

небом на деревьях и телеграфных проволоках; это предвещало урожай. И первое, что сказал мне на станции наш кучер, было слово „иней“.

От инея посерели и стали кудрявыми шапки, бороды, лошади и тяжелая, холодная волчья полсть в санях. В сумерках сливались небо, воздух и глубокие снега, завалившие весь двор станции. Я сел в бегунки один, послал вперед троечные сани с вещами, приказал ехать веселее. Кучер, стоя в санях, перевалился через высокий сугроб на выезд в поле и шибко погнал по глубокой снежной дороге. Я отстал».

Сосны*

Журн. «Мир божий», СПб., 1901, № 11, ноябрь. Печатается по тексту книги «Начальная любовь».

В. Н. Муромцева-Бунина вспоминает, что Бунин послал Чехову «оттиск... рассказа» («Жизнь Бунина», с. 133). Чехов ответил письмом: «Во-первых, большое спасибо за присланный оттиск, во-вторых, „Сосны“ — это очень ново, очень свежо и очень хорошо,

только слишком компактно, вроде сгущенного бульона» (Чехов А. П. Собр. соч., т. 12. М., 1964, с. 428–429).

Критика по-разному оценивала рассказ. И. Джонсон упрекал писателя за отсутствие в «Соснах» «столь обильных... прежде социальных чувств» (журн. «Образование», СПб., 1902, № 12, декабрь). А. Богданович восхищался языком произведения, он «безукоризненно красив и изящен, за что, между прочим, некоторые критики нападали на г. Бунина по поводу... рассказа... „Сосны“. Так, один из более строгих, чем справедливых критиков, — продолжал Богданович, — выписав следующую фразу, подчеркнул в ней презрительным курсивом два слова: „...вечер реет над головою неслышной тенью, завораживает сонным звоном в лампе, похожим на умирающее нытье комара, и таинственно дрожит и *убегает на одном месте* темным волнистым кругом, кинутым на потолок лампы“. Почтенного критика смутило выражение: „убегает на одном месте“, но ему стоило только проверить в своем кабинете образность этого выражения, и тогда он почувствовал бы всю верность и

тонкость картины вечера, нарисованной г. Буниным» (журн. «Мир божий», СПб., 1902, № 5, май). Ник. Ашешов упрекал Бунина за то, что даже «драматическую картину смерти» писатель заканчивает примиряющим аккордом, помещая ее «в такую изящно-кружевную раму поэзии, что в конечном результате вся эта поэзия незаметно вытесняет доподлинную жизнь...» (журн. «Вестник и Библиотека самообразования», СПб., 1903, № 13).

«Сосны» редактировались автором от издания к изданию. В последней публикации в конце первой главы снято описание обрядов причитания над умершим; перед словами «это был высокий и худой» (с. 189 наст. тома) снят абзац:

«В этот день, в эту метель умер Митрофан, — думал я. — Умер... исчез куда-то и уже больше никогда не вернется тот самый Митрофан, который чуть не вчера стоял вот на этом пороге, а теперь лежит „под святыми“ и называется покойником, существом иного, нам чуждого мира».

В конце рассказа, после слов «значительности всего земного» (с. 195 наст. тома) снято:

«Митрофан! — сказал я громко, подходя к могиле. Могила молчала... Чтобы показать себе, как все это просто, я стал на нее, поднимая лыжи. Мысли путались по-прежнему, и по-прежнему я не понимал ни себя, ни окружающего, ни жизни, ни смерти бедного Следопыта».

Новая дорога*

Журн. «Жизнь», СПб., 1901, № 4, апрель. Печатается по тексту *Полного собрания сочинений*.

Над рассказом Бунин работал в начале 1901 г. В письме к брату Юлию Алексеевичу от 27 марта он писал: «Послал в „Жизнь“ два рассказа — один („Туман“) страницы четыре печатных, другой на 1/2 листа — „Новая дорога“ (ЦГАЛИ). При редактировании рассказа для „нивского“ издания Бунин в предпоследнем абзаце снял слова: „Какой стране принадлежу я, — думается мне, — я, русский интеллигент-пролетарий, одиноко скитающийся по родным краям?“ В. Шулятиков, особо обратив внимание на этот текст, писал, что бунинский интеллигент-пролетарий — „в расте-

рянности перед процессом реальной жизни... в страхе перед нею и в тоске одиночества“» (Очерки реалистического мировоззрения. СПб., 1905, с. 628).

Современная критика не обошла рассказ молчанием. П. Якубович в «Русском богатстве» (1902, № 7) писал: «...прокладка нового пути через дремучие леса... это такие явления, на которых художник может и остановиться, мимо которых он может и пройти, смотря по тому, куда направлено его внимание, какие стороны общественности его интересуют. Но г. Бунин и мимо не пройдет, и не остановится, а только замедлит шаг, полюбуется окружающей природой, слегка вздохнет над огорчениями людей и последует дальше». Критик А. Измайлов считал, что «Новая дорога» — это только «точная и выточенная картинка ночи в поезде, разговоры со случайными знакомыми и думы под песню вагонных колес» (Пестрые знамена. М., 1913, с. 209).

Туман*

Журн. «Жизнь», СПб., 1901, № 4, апрель. Печатается по тексту *Полного собрания сочинений*

ний.

Тишина*

Журн. «Мир божий», СПб., 1901, № 7, июль, под заглавием «На Женевском озере». Печатается по тексту *Полного собрания сочинений*.

Рассказ написан под впечатлением поездки в Швейцарию. В письме к брату Юлию Алексеевичу от 18 ноября 1900 г. Бунин подробно рассказывает о виденном по дороге и своих переживаниях. Отдельные места текстуально почти совпадают с рассказом: «Выехали из Парижа, 10-го, вечером, приехали в Женеву. Ночь провели в... „Отеле Солнца“, вышли утром и поразились тихим, теплым утром. Из нежных туманов, скрывавших все впереди, проступали вдали горы и озера... Взяли лодку, купили сыру и вина и вдвоем, без лодочника, уехали по озеру... было очень хорошо. Тишина, солнце, лазурное, заштилевшее озеро, горы и дачи. В тишине — звонкие и чистые колокола, издалека, — и тишина, вечная тишина озера и гор... Помнишь, как в „Манфреде“? Он один. „Уж близок полдень“... Берет из водопада воды хрустальной в при-

горшни и бросает в воздух. В радуге водопада появляется Дева гор...» (журн. «Новый мир», М., 1956, № 10).

«Манфред» — драматическая поэма Д. Байрона; переведена Буниным в 1903 г.

«Ты слышишь, Майя, тишину?» — неточные слова из реплики Рубека (действие 1) в драме Г. Ибсена «Когда мы, мертвые, пробуждаемся».

Товарищу, с которым я пережил так много в пути... посвящаю эти немногие строки. — Имеется в виду Владимир Павлович Куровский (1869–1915), художник, хранитель Одесского художественного музея. За границу он был послан Одесской городской управой. «Куровский был редким спутником, с ним всегда было интересно: он, как никто, умел замечать и в людях и в природе то, что проходило мимо глаз и внимания большинства» («Жизнь Бунина», с. 117). Во время первой мировой войны Куровский покончил жизнь самоубийством. Бунин посвятил ему стихотворение «Памяти друга».

Костер*

Журн. «Русская мысль», М., 1901, № 8, август, вместе с рассказами «Перевал» и «В августе», под общим заголовком «Три рассказа». Печатается по тексту газеты «Последние новости», Париж, 1932, № 4036, 10 апреля.

От издания к изданию писатель делал стилистические исправления в рассказе. Например, трижды исправлялись одни и те же фразы в последнем абзаце. В журнале: «Но все уже ушло в красоту девичьего образа, который внезапно встал передо мною, и уже нельзя было думать ни о чем, кроме него. Еще ярче, чем у костра, я видел теперь черные волосы, нежно-страстные глаза и губы и раскрытый ворот платья». В сб. «Рассказы», 1902: «Но все уже ушло в красоту девичьего образа, который встал передо мною. Еще ярче, чем у костра, я видел теперь черные волосы, нежно-страстные глаза и старое серебряное монисто на шее». В *Полном собрании сочинений*: «Но еще ярче, чем у костра, видел я теперь черные волосы, нежно-страстные глаза и старое серебряное монисто на шее».

Для газеты «Последние новости» Бунин со-

кратил и еще раз выправил текст. Так, например, после третьего абзаца устранено лирическое обращение к читателю:

«Отчего так тянет ночью к костру, к людям, ночующим в степи у дороги? Когда долго едешь проселком, видишь только звездное небо и сумрак над сливающимися равнинами, грусть одиночества томит и волнует каждый огонек вдали».

В августе*

Журн. «Русская мысль», М., 1901, № 8, август. Печатается по тексту *Полного собрания сочинений*.

Работа Бунина над рассказом возобновлялась несколько раз. После журнальной появилась несколько измененная редакция в сборнике «Перевал». Здесь писатель исключил много авторских отступлений, например, начало второго абзаца:

«В такое время хорошо спать после обеда или пить что-нибудь холодное, сидя в тени у открытых окон, и полгорода, состоявшего из торговцев и чиновников, именно так и делало... Но странное дело, — этот сонный, после-

обеденный час южного августа всегда имел для меня какую-то непонятную прелесть, всегда томил меня неопределенными, сладостными желаниями».

Стилистическая правка внесена в рассказ для *Полного собрания сочинений*.

Рассказ автобиографичен, что видно по отдельным эпизодам, а также некоторым чертам образа рассказчика: посещение толстовцев, прогулки по улицам «малорусского губернского города» (в ред. 1902 г.), в котором нетрудно узнать Полтаву, романтическая любовь к девушке. Можно полагать, что и сами толстовцы имели своих жизненных прототипов, например, Павловский, о котором говорит жена Тимченки, — это, по всей вероятности, сельский учитель, толстовец Дрожжин, умерший в 1892 г. и отбывавший «наказание в дисциплинарном батальоне за отказ от военной службы» («Жизнь Бунина», с. 85).

Отдельные сцены и детали рассказа использованы Буниным в двадцать седьмой главе пятой части романа «Жизнь Арсеньева».

Осенью*

Журн. «Мир божий», СПб., 1902, № 1, январь, с подзаголовком: «Эскиз». Печатается по тексту книги *«Начальная любовь»*.

Чехов в письме к О. Л. Книппер от 31 января 1902 г. сдержанно отозвался о рассказе: «„Осенью“ Бунина, — писал он, — сделано несвободной, напряженной рукой...» (Чехов А. П. Собр. соч., т. 12. М., 1964, с. 432).

Новый год*

Журн. «Русская мысль», М., 1902, № 1, январь. Печатается по тексту *Полного собрания сочинений*.

«Татьяна на широкий двор...» — строки из романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин», глава пятая, строфа IX.

Бунин очень любил и ценил творчество Пушкина. В годы молодости, о которых Бунин вспоминал в «Жизни Арсеньева», Пушкин был для него «вовсе не чтением, а подлинной частью» его жизни. (И. А. Бунин, с. 74).

Г. Н. Кузнецова, писательница и поэтесса, близко знавшая Бунина в эмиграции, писала

в своем дневнике: «Вечером Иван Алексеевич читал мне стихи Пушкина. Читает он их так, как, пожалуй, сам Пушкин должен был читать: то важно, то совсем просто, то уныло... Но лучше всего у него вышло: „О, если правда, что в ночи...“, которое он прочел глухим, таинственным, однообразным тоном, нигде не повышая его» (ЛН, кн. 2, с. 285).

Заря всю ночь*

Журн. «Русская мысль», М., 1902, № 7, июль, под заглавием «Свиданье», с посвящением М. П. Чеховой. В коллективный сборник «Корабли» (М., книгоиздательство «Гриф», 1907) вошел под заглавием «Счастье». Печатается по тексту газеты «Возрождение», Париж, 1926, № 446, 22 августа.

В *Полном собрании сочинений* и в последней публикации ошибочно датирован 1903-м г. Датируется по первой публикации.

Бунин был близко знаком с семьей А. П. Чехова. Познакомились они с Антоном Павловичем в 1895 г. В сборнике «Знание», 1905, кн. 3, напечатаны воспоминания Бунина о Чехове, которые неоднократно перерабатыва-

лись им и переиздавались.

У Бунина были хорошие отношения с Марией Павловной Чеховой, позже он вспоминал: «...Мария Павловна пригласила меня жить у них „до возвращения Антоши“. Я согласился... Жить в Аутской даче мне было приятно... Ездили мы с Марией Павловной на водопад Учан-Су, в Гурзуф» (см. т. 6 наст. изд.).

«Надежда»*

Первая публикация не установлена. Первый сборник, в который он был включен, — «*Рассказы*», 1902. Печатается по тексту газеты «*Последние новости*», Париж, 1932, № 4036, 10 апреля.

По свидетельству В. Н. Муромцевой-Бунинной, из прозы за весь 1902 г. Бунин написал только «Надежду» («*Жизнь Бунина*», с. 150). Дату написания рассказа подтверждает и письмо писателя Н. Д. Телешову от 21 марта 1902 г.: «Относительно „Надежды“... ты ошибаешься: красивая и тонкая штука. Не морщись, это не наглость, а просто искренность» (ИМЛИ). Это был ответ на замечания, высказанные Телешовым в письме от 15 марта

1902 г.: «Нет, Ив. Ал!.. Рассказ сухощав, а не мускулист. Словно чужое письмо читаю... Просто не нравится, и все тут» (ЦГАЛИ).

Перед каждой новой публикацией Бунин вносил в текст поправки. В частности, при подготовке сборника *«Перевал»* из первопечатного текста рассказа была исключена фраза: «Или прав внутренний голос, который не умолкая говорит нам, что жизнь дана для жизни и что нужно только одно — непрестанно облагораживать и возвышать это „искусство для искусства“»; тогда же была изменена начальная фраза рассказа: вместо «Помнишь ли ты, Леонид!» стало: «Помнишь ли ты»; из фразы «...в прошлом году, под Одессой, у моря...» были вычеркнуты слова «под Одессой».

В книге *«Начальная любовь»* из «нивского» издания исключена часть второго абзаца:

«Уходя все дальше от города, мы строили неосуществимые планы путешествий и связывали с ними мечты о той утонченной, несбыточной любви, которая, казалось, была разлита вокруг нас в этой тишине, прохладе, морском воздухе, в нежно-разнообразной красоте легких лиловатых тонов неба и осенних

садов... Помнишь мраморную нимфу в чьем-то большом запущенном парке, что в свободной и женственной позе сидела на глыбе камня среди фонтана? Летом, когда парк был тенист и зноен, когда солнечные пятна золотым дождем осыпали нимфу, из камня со всех сторон бежало множество холодных и чистых ключей, и, склонив голову, нимфа точно прислушивалась к их непрерывному журчанию. Теперь оно смолкло, в садах было свежо, тихо, и сквозь низкорослые акации, сквозь ветви обнаженных тополей и кустарники цвета сухой земли свободно чувствовался простор морского побережья... Зачем так прекрасны надежды, которые неосуществимы? Зачем эта вечная мечта о красоте, о любви, слитой со всем миром, о счастье, что недоступно нам уже по одной кратковременности нашей на земле?»

СНЫ*

Сб. «Знание», кн. 1, СПб., 1904, вместе с рассказом «Золотое дно» под общим заглавием «Чернозем». Печатается по тексту книги: «Петлистые уши». Нью-Йорк, издательство

им. Чехова, 1954.

Бунин принимал самое деятельное участие в горьковских сборниках «Знания». Его произведения печатались в шестнадцати книгах. Для первого сборника Бунин сначала предполагал дать, помимо стихотворений, рассказ «В хлебах» («Далекое»), но, видимо, не успел закончить работу над ним. 11 декабря 1903 г. он писал Горькому и Пятницкому: «...шлю Вам рассказ, но не тот, который обещал. Он меня измучил, ибо думаю, его надо написать в пять раз больше. Поэтому посылаю два очерка, связанных одним заглавием и одним настроением, — один из них тот, который я читал Вам, Алексей Максимович. — Боюсь только цензуры. Если что-нибудь нужно вычеркнуть для цензуры — сделайте это, пожалуйста. Мне так горячо хочется, чтобы это прошло!» (Ни нов А. Бунин в «Знании». — Журн. «Русская литература», Л., 1964, № 1).

Первый сборник «Знания» и, в частности, рассказы Бунина, помещенные в нем, вызвали большую прессу. Появление в «Черноземе» новых для Бунина тем и образов, естественно, привлекло внимание критики прежде всего.

Уж очень были не похожи на благодушных незлобивых крестьян из ранних рассказов Бунина герои «Чернозема» — сторонящиеся барина, сумрачно ведущие беседы на особицу от барина, явно ждущие перемен в деревне.

А. Амфитеатров под псевдонимом Аббадонна писал: «...г. Бунин — художник эскизный и лаконичный. Предвзятость и преднамеренность ему чужды. Он — очень художник... Если его образы принимают публицистическое значение, то не по замыслу, а лишь потому, что необычайная правдивость умелого воплощения делает их неопровержимо типическими» (газ. «Русь», СПб., 1904, № 149, 12 мая).

Критик М. Неведомский с удовлетворением отмечал поворот Бунина к социальной теме. По его мнению, рассказ охватывал «огромный круг явлений нашего сельского существования, он шире прежних по замыслу, а форма его изящнее» (журн. «Мир божий», СПб., 1904, № 8, август).

Весьма сурово отзывался В. Короленко: «...„Чернозем“ — это легкие виньетки, состоящие преимущественно из описаний природы,

проникнутых лирическими вздохами о чем-то ушедшем...» Но дальше Короленко отметил, что Бунин показал в рассказе «те толки угрюмым шепотом о старом и новом, которыми делятся в сумраке вагона III класса неясные серые фигуры... но... случайно или не случайно г. Бунин их не дослушал» (журн. «Русское богатство», СПб., 1904, № 8, август).

Бунин, высоко ценя Короленко, все же не мог согласиться с его мнением и справедливо считал, что он «совершенно извращает смысл этих рассказов» (см. т. 6 наст. изд.).

Подготавливая «Сны» незадолго перед смертью для сборника «Петлистые уши», Бунин закончил его припиской:

«Рассказ „Сны“ написан мною в конце 1903 года — полвека тому назад! — сдан был наспех в первый сборник „Знание“ — и напечатан в нем без моей корректуры... чем и объясняются многие погрешности этого рассказа в его первой редакции (ныне мною устраненные)...» Однако вот что писал о нем Чехов в письме к Амфитеатрову 13 апреля 1904 года... «Сегодня читал „Сборник изд. Знания“... прочел там и великолепный рассказ Бунина. Это

в самом деле превосходный рассказ, есть места просто на удивление, и я рекомендую его вашему вниманию».

Бунин не точно цитирует Чехова, писавшего: «...и великолепный рассказ Бунина „Чернозем“» (Чехов А. П. Собр. соч., т. 12. М., 1964, с. 534). Таким образом, Чехов давал оценку двум рассказам, Бунин же относит ее только к рассказу «Сны». Возможно, что именно похвала Чехова, мнением которого Бунин чрезвычайно дорожил, побудила писателя включить этот сравнительно ранний рассказ в свой последний сборник, состоящий только из произведений 1910-1930-х годов. Трудно сказать, какие «многие погрешности» первопечатного текста рассказа имел в виду Бунин, поскольку правка этого рассказа и при дореволюционных переизданиях, и при издании сборника «Петлистые уши» была сравнительно незначительной.

Но во всех дореволюционных изданиях диалог между мещанином и рыжим мужиком полнее раскрывал степень озлобления народа и родившееся у крестьян чувство независимости. После слов «да твои свояки»

(с. 241 наст. тома) в этих изданиях было:

«Мещанин быстро поднял голову с чуйки и как будто даже с радостным изумлением раскрыл глаза.

— Ну, смо-отри! — сказал он, покачивая головою. — Смотри, как бы я не потолковал с тобой посурьезней.

— Ужли побьешь? — с радостной злобой спросил и рыжий мужик, оборачиваясь к мещанину и глядя на него веселыми глазами.

— А ты что ж, сукин сын, думаешь, на вас теперь и управы нету?

— Не суйся, нос сшибешь!»

Золотое дно*

Сб. «Знание», кн. 1, СПб., 1904, вместе с рассказом «Сны» под общим названием «Чернозем». Печатается по тексту *Полного собрания сочинений*.

По рассказу было дано название сборнику, который вышел двумя изданиями в Книгоиздательстве писателей в Москве в 1913 и 1914 гг. Подготавливая «Золотое дно» для этих сборников, Бунин провел большую работу над рассказом: он разделил текст на пять

глав, исключил многие авторские отступления, где говорилось об ушедшей деревенской жизни, о расправах крепостников с крестьянами.

Далекое*

Журн. «Правда», М., 1904, № 3, март, под заглавием «В хлебах». В *Полном собрании сочинений* публиковался под заглавием «Сон Обломова-внука». Печатается по тексту газеты «Возрождение», Париж, 1926, № 464, 9 сентября.

В газ. «Последние новости», Париж, 1937, № 5993, 22 августа, Бунин напечатал новую, измененную, редакцию этого рассказа под заглавием «Восемь лет» с примечанием «Жизнь Арсеньева. Вариант первого наброска» (сообщено Л. Котляр). Судя по примечанию, эту редакцию следует рассматривать как один из вариантов «Жизни Арсеньева» (см. т. 5 наст. изд.).

Цифры*

Сб. «Новое слово», кн. 1. М., 1907. Печатается по тексту *Полного собрания сочинений*.

М. П. Чехов в письме от 15 июня 1907 г. писал Бунину: «Вы написали очаровательный рассказ. Я пробел в „Новом слове“ Ваши „Цифры“ и все время нахожусь под их впечатлением... это. одно из лучших произведений последнего времени» (ЦГАЛИ). Понравился рассказ и Н. Д. Телешову, что видно из письма к нему И. А. Бунина от 7 июля 1907 г.: «Спасибо, что хвалишь „Цифры“» (ИМЛИ).

Подготавливая рассказ для *Полного собрания сочинений*, Бунин продел в нем стилистическую правку.

У истока дней*

Альманах «Шиповник», кн. 2, СПб., 1907. Печатается по тексту *Полного собрания сочинений*.

После существенных исправлений и сокращений Бунин напечатал рассказ в газете «Последние новости», Париж, 1929, № 3203, 29 декабря, под заглавием «Зеркало» и с подзаголовком: «Из давних набросков „Жизни Арсеньева“».

Подготовка рассказа к публикации в 1929 г. шла, по-видимому, параллельно с ра-

ботой над романом «Жизнь Арсеньева». Судя по новому подзаголовку, Бунин рассматривал рассказ как раннюю редакцию одной из начальных глав «Жизни Арсеньева», и поэтому текст его не вошел в окончательную редакцию произведения. Поскольку редакция 1929 г. создавалась писателем не только одновременно, но, скорее всего, с учетом работы над «Жизнью Арсеньева», «Зеркало» приводится в качестве приложения к роману в изд.: Бунин И. А. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 6. М... 1966, с. 292–299.

Белая лошадь*

Альманах «Шиповник», кн. 3, СПб., 1908, под заглавием «Астма». В эмиграции Бунин после переработки и сильного сокращения напечатал первую часть рассказа в газете «Возрождение», Париж, 1927, № 639, 3 марта, под заглавием «Белая лошадь», с подзаголовком: «Рассказ»; вторую часть — в газете «Последние новости», Париж, 1929, № 3122, 9 октября, снова под заглавием «Белая лошадь», но с подзаголовком: «Из повести». Печатается по двум последним публикациям.

Точных данных о начале и завершении работы над рассказом нет. Однако есть основание предполагать, что задуман он и писался задолго до публикации. Так, Горький в письме к Бунину около 25 ноября 1900 г. спрашивал автора: «Где „Белая смерть“, Иван Алексеевич, — ее надо в „Жизнь“ дать непременно!» (Горьковские чтения, М., 1961, с. 16). Редакция журнала «Правда» в январском номере за 1905 г. сообщала, что с первых книг этого года начнется печатание рассказа Ивана Бунина «Белая смерть». Редактор журнала В. Кожевников в письме от 5 августа 1905 г. напоминает писателю о необходимости скорее сдать «Белую смерть» (ЦГАЛИ). Под этим названием рассказ не появлялся. Возможно, об «Астме» Бунин писал Н. Д. Телешову 7 июля 1907 г.: «...заеду к тебе на часок и прочту новый рассказ, — целых два или 2 1/2 листа» (ИМЛИ). Других произведений такого объема Бунин в это время не писал.

Большинство журналов обошло рассказ молчанием. Б. Садовской напечатал рецензию на книгу «Рассказы» (СПб., 1909), куда вошла «Астма», и упрекнул Бунина за «недоста-

ток самостоятельности в прозе», хотя, как отмечал рецензент, она «с избытком выкупается его художественной добросовестностью» (журн. «Весы», СПб., 1909, № 5, май). Рецензент «Русского богатства» считал, что «писатель потерпел фиаско, когда взялся за крупное произведение, в центре которого поставлен... психологический образ... Ничего не остается от длинного повествования о том, как томила кошмарами злая болезнь умирающего землемера. Не представляешь себе фигуры героя, не проникаешься ни его ощущениями, ни обстановкой и — что хуже всего — совершенно не схватываешь намерений автора» (1909, № 10, октябрь). Но, по свидетельству брата писателя, среди произведений, читанных Буниным на «Средах», в Москве «наибольший успех выпал на долю „Астмы“ и поэмы „Джордано Бруно“» (ЦГАЛИ).

В дореволюционных изданиях рассказ заканчивался словами: «Имею честь поздравить с новопреставленным» (см. с. 453 наст. тома). В. Н. Муромцева-Бунина указывает, откуда пришла в рассказ эта фраза. «После панихиды <по случаю смерти А. И. Пушешнико-

ва. — *Ред.*> к вдове стали подходить знакомые и выражать ей сочувствие. Подошел и один из лавочников в Глотове со словами: „Позвольте вас поздравить с новопреставленным...“ И несмотря на ужас и горе, Ваня это поздравление запомнил и через двадцать один год в рассказе „Астма“ приводит его» («Жизнь Бунина», с. 38).

При переработке рассказа в эмиграции писатель не изменил его идейно-образной структуры. Исправления шли в основном по линии сокращения: были сняты первые и последние (восьмая и девятая) главы ранней редакции (см. их на с. 444–453 наст. тома). В авторской речи Бунин освобождался от многих подробностей. Так, например, в *Полном собрании сочинений* после слов «горько тянуло откуда-то дымком» (с. 275 наст. тома) было:

«Это мальчишки стерегут в полях лошадей и от скуки жгут сухую полынь, с уволоку... А по дороге попадались корки мелких воронежских арбузов и напоминали о том, что скоро большая осенняя ярмарка в городе и что надо ехать продавать пристяжную, покупать капусту, поправлять зимние рамы — и начинать

новый скучный год».

После слов «была в двух шагах от него» (с. 281 наст. тома) следовало:

«Она как раз по следу тележки вбежала в воду — и почему-то остановилась. Остановилась и, балуясь, била воду тонкой ногой, поднимая белоснежную пену. Бледное, блестящее лицо луны плавало возле тележки слева, а сзади стояла красивая и страшная лошадь с темными человеческими глазами».

Маленький роман*

Журн. «Северное сияние», СПб., 1909, № 5, март, под заглавием «Старая песня», с подзаголовком: «Рассказы». Печатается по тексту газеты «Возрождение», Париж, 1926, № 478, 23 сентября.

Бунин дважды перерабатывал рассказ. Подготавливая его для *Полного собрания сочинений*, он из первоначальной редакции снял детали в описаниях природы, бытовые подробности жизни героев. Так, в письме героини, после слов «веры в эту защиту» (с. 297 наст. тома) шел текст:

«Да и вообще никого и ничего нет. Вы, вер-

но, слышали, что мама умерла еще в августе, сразу, от сердца. Папа очень опустился и совсем растерял пациентов. Бедная я ужасно — и, конечно, это сильно влияет на мою решимость вырваться на воздух. Стыдно сказать, но своих денег у меня осталось франков двенадцать. Я давеча хотела приказать истопить камин — и не решилась, узнав, что корзиночка еловых шишек и щепочек стоит три франка...»

Еще большей переработке рассказ подвергнут в 1926 г. Он получает новое название. Бунин делает значительные купюры в тексте, выпуская целые страницы, главным образом связанные с переживаниями рассказчика. Помимо последней главы, которая исключена полностью (см. с. 454–456 наст. тома), писатель вычеркивает, например, после слов «новая жизнь» (с. 298 наст. тома) такой текст: «„И все это мое, и все это во мне, и вес это — я“, — подумал я словами Пьера Безухова, глядя в голубое небо». Писатель снимает имя героини — Лена, последнюю фразу из ее письма: «Ради бога напишите мне хоть словечко в Ве-ве. Ваша Лена». Граф Маммуна в редакции

1915 г. говорил о себе: «Я немного араб». После слов «Но что? Куда?» (с. 297 наст. тома) снято воспоминание рассказчика о героине: «У нее синие прелестные глаза, грудной голос... У нее есть и красота, и ум, и вкус, и здоровье, и молодость... „Поцелую ваши руки от радости, если буду свободна и встречу вас“. А я ничего не могу! Я сам едва выпутался из не менее тяжелой истории...» Во всех редакциях, кроме последней, был другой текст телеграммы в конце рассказа: «Исполняя волю дочери, сообщаю вам, что она умерла от преждевременных родов 17 сего месяца».

В рассказе Бунин использовал частично текст своего раннего этюда «Ночная птица» (ЛН, кн. 1, с. 74) и рассказа «Кукушка».

Птицы небесные*

Сб. «Знание», кн. 27, СПб., 1909, под заглавием «Беден бес». Печатается по тексту газеты «Возрождение», Париж, 1927, № 599, 22 января.

В последней редакции Бунин незначительно переработал текст и целиком снял третью (последнюю) главу «нивской» редакции (см. с.

457–458 наст. тома).

Рукопись рассказа была отправлена Бунин-ным одновременно Горькому и в редакцию «Знания». 22 сентября 1909 г. он писал заведующему конторой издательства С. П. Боголюбову: «Посылаю одновременно на Капри и Вам 8 стихотворений и рассказ (около 23 тысяч букв) для сборника, где идет „Лето“» (Нинев А. Бунин в «Знании». — Журн. «Русская литература», Л., 1964, № 1).

Подторжье*

Журн. «Звено», Париж, 1925, № 6, 9 февраля, с примечанием: «Неиспользованный отрывок из „Деревни“». Печатается по тексту: Бунин И. А. Собр. соч., т. 2. Берлин, изд-во «Петрополис», 1934.

Подторжье — последние дни перед открытием ярмарки.

<Песня жаворонка>*

Этот набросок является одним из самых ранних прозаических опытов Бунина, которому автор не дал названия и нигде не печатал

его. Однако он выполнен в той лирической манере, которая достигнет совершенства в 1900-е годы и станет характерной чертой его позднего творчества. Отрывки из этого наброска были впервые опубликованы в статье С. Л. Гольдина «О литературной деятельности И. А. Бунина восьмидесятых годов» («Ученые записки Орехово-Зуевского педагогического института», т. IX, вып. 3. М., 1958, с. 4).

День за день*

Газ. «Орловский вестник», 1889, № 156, 22 ноября, за подписью: Ив. Бунин. Печатается по тексту ЛН.

«Шумна Марина окровавлена...» — первые строки национального гимна досоциалистической Болгарии.

Первая любовь (из воспоминаний детства)*

Газ. «Орловский вестник», 1890, № 26 и 27, 13 и 14 июля. Печатается по тексту газеты.

«Шаман» и Мотька*

Газ. «Орловский вестник», 1890, № 151 и

152, 26 и 27 июня, под названием «„Шаман“ и Мотька. Очерк И. А. Чубарова». Печатается по тексту ЛН.

«В Государственном музее И. С. Тургенева (г. Орел) хранится сброшюрованный оттиск, в котором псевдоним стоит рядом с подлинным именем автора, а заглавие расширено: „И. А. Бунин (Чубаров). Обломки дворянства. Очерки. I. „Шаман“ и Мотька“. Судя по этому названию, у Бунина был замысел создать цикл очерков об уходящем дворянстве» (см. ЛН, кн. 2, с. 154, 172).

Фамилия Чубаров взята Буниным у матери, в девичестве Л. А. Чубаровой.

Прототипом «Шамана» послужила Бунину родная тетка по отцу Варвара Николаевна, которая жила в своем имении Каменка Елецкого уезда Орловской губернии (И. А. Бунин, с. 7).

Федосевна*

Газ. «Орловский вестник», 1891, № 47, 17 февраля, под заглавием «Дементевна». В 1899 г. вошел в сборник «Три рассказа», изданный в Харькове (два других рассказа принадлежали К. Лукашевич — «Стрелочник» и

П. Заблоцкой — «Сиротка»). Печатается по тексту сб. «Три рассказа».

Мелкопоместные*

Газ. «Орловский вестник», 1891, № 285, 317, 326, 331, 335, 340, 27 октября. 29 ноября. 8, 13, 17 и 22 декабря. Печатается по тексту газеты.

Бунин писал В. В. Пащенко 5 января 1892 г.: «Юлий сказал, что общий отзыв его полтавских приятелей о моих „Мелкопоместных“ — очень хороший: хоть и очень отрывочно, но в то же время местами (и даже очень часто) заметна большая наблюдательность, ум, остроумие и изобразительность... Думаю... переработать их (то есть „Мелкопоместных“), расширить и издать отдельной книжечкой... конечно, отбросив кое-что чересчур местное и личное» (ИМЛИ). Намерение свое писатель не выполнил.

Прототипом Якова Савельича Матвеева послужил гувернер Бунина, о котором позже он писал: «Воспитателем моим был престранный человек — сын предводителя дворянства, учившийся в Лазаревском институте восточных языков, одно время бывший препода-

давателем... но затем... превратившийся в скитальца по деревням и усадьбам... Он немало нагляделся, бродя по свету, и был довольно начитан... играл на скрипке, рисовал акварелью... писал стихи» («Автобиографическая заметка» — см. т. 6 наст. изд.). В письме к А. А. Коринфскому Бунин называет имя гувернера: Н. О. Ромашков (Проблемы реализма и художественной правды, вып. 1. Львов, 1961, с. 166).

Помещик Воргольский*

Газ. «Орловский вестник», 1892, № 143–146, 3–6 июня, за подписью: И. А. Бунин. Печатается по тексту *ЛН*.

По замыслу и стилю «Помещик Воргольский» близок к очерку «„Шаман“ и Мотька». Возможно, Бунин предполагал включить его в неосуществленный цикл очерков об уходящем дворянстве (см. примеч. на с. 507 наст. тома).

По Днепру*

Газ. «Полтавские губернские ведомости», 1895, № 142, 5 июля, за подписью: Ив. Бунин.

Печатается по тексту ЛН.

В основу очерка легли впечатления от путешествия по Днепру летом 1895 г. В письме И. А. Белоусову от 30 сентября 1895 г. Бунин писал: «...летом ездил по Днепру и был в Каменец-Подольске...» (см. ЛН, кн. 1, с. 65).

В деревне*

Журн. «Детское чтение», М., 1898, № 1, январь, с подзаголовком: «Из детских воспоминаний». Печатается по тексту сборника «Стихи и рассказы» (М., 1900).

Рассказ написан в 1897 г. Секретарь редакции журнала В. А. Соловьев-Несмелое в письме от 28 ноября 1897 г. извещал Бунина: «Рассказ ваш „В деревне“ (Из детских воспоминаний) завтра будет сдан в набор, в январскую книжку „Детского чтения“» (ЦГАЛИ).

Кукушка*

Журн. «Всходы», СПб., 1899, № 1, январь. Печатается по тексту сборника «Стихи и рассказы» (М., 1900).

Рассказ первоначально имел, очевидно, другое название, как это видно из письма Бу-

нина к брату Юлию Алексеевичу от 15 октября 1898 г.: «Надо писать „Волчат“, или, как ты говоришь, „Медвежат“» (ЦГАЛИ). В объявлении о подписке на 1899 г. на журнал «Всходы» говорится: «В 1899 году предполагается напечатать „Волченята“ Ив. Бунина...»

Притига — жердь, хворостина; обычно перекидывалась через стога или соломенные кровли.

«Казацким ходом»*

Журн. «Всходы», СПб., 1898, № 21, ноябрь, под заглавием «На „Чайке“». Печатается по тексту сборника «Стихи и рассказы» (М., 1900).

Н. Златовратский считал рассказ «Казацким ходом» лучшим произведением сборника («Журнал для всех», 1901, № 12, под псевдонимом: Н. Оранский).

Рассказ автобиографичен, он создан на материале, полученном от поездок по Днепру, которые Бунин предпринимал в 1890, 1895 и 1896 гг. (подробнее о путешествиях Бунина по Днепру см. *ЛН*, кн. 1, с. 65–66). Рассказу пред-

шествовал очерк «По Днепру» (см. с. 388 наст. тома). В. Н. Муромцева-Бунина о поездке 1890 г. пишет: «Бунин, заработавши немного денег, решил отправиться на могилу Шевченко, находящуюся вблизи... Канева... Шевченко был его кумиром, он считал его большим поэтом, „украшением русской литературы“, как он говорил и писал... по Днепру плыл на барже с дровами, устроившись за гроши» («Жизнь Бунина», с. 64). Дальше она приводит записи самого писателя о поездке 1896 г.: «Днепровские пороги, по которым я прошел на плоту с лоцманами летом 1896 года» (там же, с. 97).

...древний Канев, «место крови». — Город Канев с XIII века неоднократно подвергался нападениям Батыея, литовского князя Гедимина и др.; город играл видную роль во время войн Богдана Хмельницкого.

Самийло Кишка — запорожский гетман начала XVII века, воспетый в украинских народных думах.

Шах — гетман запорожских казаков, принимавший участие в борьбе с турецкими за-

хватчиками.

Иван Пидкова (ум. 1578) — один из руководителей борьбы молдавского и украинского народов против турецко-татарских захватчиков. Его военным подвигам Т. Шевченко посвятил поэму «Иван Пидкова».

Мелкие рассказы*

Газ. «Курьер», 1901, № 172, 24 июня, за подписью: И. Бунин. Печатается по ЛН.

По всей вероятности, «Мелкие рассказы» были написаны в Одессе, где Бунин жил в 1898 г. «Поселившись в Одессе, Бунин подружился с писателями и художниками... со всеми был на „ты“... некоторых любил, например... маленького трогательного Эгиза, необыкновенно гостеприимного караима» (*И. А. Бунин*, с. 68).

Возможно, он послужил прототипом героя Караима в рассказе «Три просьбы».

Караимы — народность, проживающая в Крыму.

В Альпах*

«Журнал для всех», СПб., 1902, № 12, декабрь. Печатается по тексту журнала.

Интересно отметить, что Бунин в эти годы не бывал в Альпах, но много, по его выражению, «странствовал» в горах Крыма. И скорее всего Альпами Бунин назвал Крымские горы, впечатления от которых легли в основу рассказа «С высоты», опубликованного двумя годами позже (см. с. 438 наст. тома).

Об одном из своих путешествий он писал: «Летом я уехал в Крым. Ни одной знакомой души там не было. Помню, поздним вечером прибыл в Гурзуф... На другой день я ушел на Аю-Даг. Без конца шел по его лесистым склонам все вверх, достиг почти до его вершины и среди колючих кустов лег в корявом низкорослом лесу на обрыве над морем... Я лежал... слушая дроздов» («Жизнь Бунина», с. 98).

«В Альпах» также рассказано о переживании автора, когда среди сосен и елей ему «послышался слабый шорох: маленькая серая птичка вспорхнула... тихо перелетела к обрывам... И что-то радостное внезапно шевельнулось в моем сердце...»

Возможно, желая придать своим впечатле-

ниям от Крымских гор более лирический оттенок, Бунин назвал рассказ «В Альпах», воспетых в произведениях многих европейских поэтов и писателей.

Альпы — горная страна в Европе; делятся на Западные (Французские), Центральные (Швейцарские) и Восточные.

Десятого сентября*

Впервые опубликовано в 1961 г. в Нью-Йорке, с указанием места и времени написания: Москва, 1903. Печатается по тексту ЛН.

Эта маленькая психологическая миниатюра по содержанию и стилю очень близка поздним рассказам Бунина из цикла «Темные аллеи».

Ночлег*

Газ. «Курьер», М., 1903, № 18, 16 марта, под общим заголовком «Лирические картины».

Текст рассказа в отдельных местах совпадает с текстом первой главы рассказа «Кукушка», совпадает и сама ситуация — ночевка в лесной караулке, страх от промелькнувшей в

окне тени (см. с. 399–400 наст. тома).

С ВЫСОТЫ*

Журн. «Правда», СПб., 1904, № 1, январь. Печатается по тексту журнала.

Я был на Ляй-Лю — то есть в южной части Крымских гор.

В. Титова

Выходные данные

ИВЛН АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН

Собрание сочинений

Том 2. Произведения 1887–1909

Редакционная коллегия:

Ю. В. Бондарев, О. Н. Михайлов, В. П. Рынкевич

Статья-послесловие О. Михайлова

Комментарии В. Титовой.

Редактор Н. Гришкина

Художественный редактор Г. Масляненко

Технический редактор Л. Сеницына

Корректоры Н. Усольцева, С. Колганова

ИБ № 4587

Сдано в набор 24.11.86. Подписано к печати 28.05.87. Формат 84 X 108 1/32

Бумага тип. № 1. Гарнитура «Академическая». Печать высокая.

Усл. печ. л. 26,88. Усл. кр. отт. 27, 3. Уч. изд. л. 29,32.

Тираж 400 000 экз. Изд. № 11-2560. Заказ
663. Цена 2 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени изда-
тельство «Художественная литература».

107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная,
19.

Ордена Октябрьской Революции, ордена
Трудового Красного Знамени Ленинградское
производственно-техническое объединение
«Печатный Двор» имени А. М. Горького Союз-
полиграфпрома при Государственном коми-
тете СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.

197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр.,
15.

Примечания

1

Повторение — мать учения (*лат.*)

[^^^]

Превосходно! (*лат.*)

[^^^]

3

Сдерживайтесь, сэр! *(англ.)*

[^^^]

4

Как вы познакомились с ним? *(англ.)*

[^^^]

Зачеркнуто: золотые и

[^^^]

6

Зачеркнуто: тонкими струйками пробираясь

[^^^]

Лист оборван.

[^^^]

Зачеркнуто: на спину

[^^^]

Далее в автографе зачеркнуто: Эта песнь связалась с моею душою. Когда порою горе подойдет ко мне, я вспоминаю песню жаворонка, и мне станет легче. Тяжелая тоска сменяется тихою грустью. Я плачу тогда, и в сердце у меня звучит трель птички.

Вспоминается мне село, сады, поля, овраги и весенние потоки, которые играли и шумели в них, падая с уступа на уступ...

[^^^]

За зайцами. *(примеч. Бунина)*

[^^^]

Туда, туда (*нем.*)

[^^^]

12

Если вам нечего мне сказать (*фр.*)

[^^^]

От слова баловаться. (*примеч. Бунина*)

[^^^]

У вас благородное и щедрое сердце! (*фр.*)

[^^^]

мой дорогой господин (*англ.*).

[^^^]

Репьи, репейник. *(примеч. Бунина)*

[^^^]

И гремит! И звенит! И разверзаются небеса!
(лат.)

[^^^]

Строка из украинской народной песни
«Зібралися во бурлаки...».

[^^^]

Ветринский Ч. Журнальные заметки. — Газ.
«Нижегородский листок», 1900. № 310, 11 но-
ября.

[^^^]

Горьковские чтения, М., 1961, с. 16.

[^^^]

Извлечения из дневника Н. А. Пушешникова напечатаны А. К. Бабореко в альманахе «В большой семье» (Смоленск, 1960, с. 246).

[^^^]

Правда. 1963, № 218, 6 августа.

[^^^]

Горький М. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 28. М., 1954, с. 201.

[^^^]

Горьковские чтения, М., 1961, с. 58.

[^^^]

Измайлов А. И. А. Бунин и Н. И. Златовратский. — Газ. «Русское слово», М., 1909, № 232, 3 ноября.

[^^^]

Спиро С. И. А. Бунин. — Там же.

[^^^]